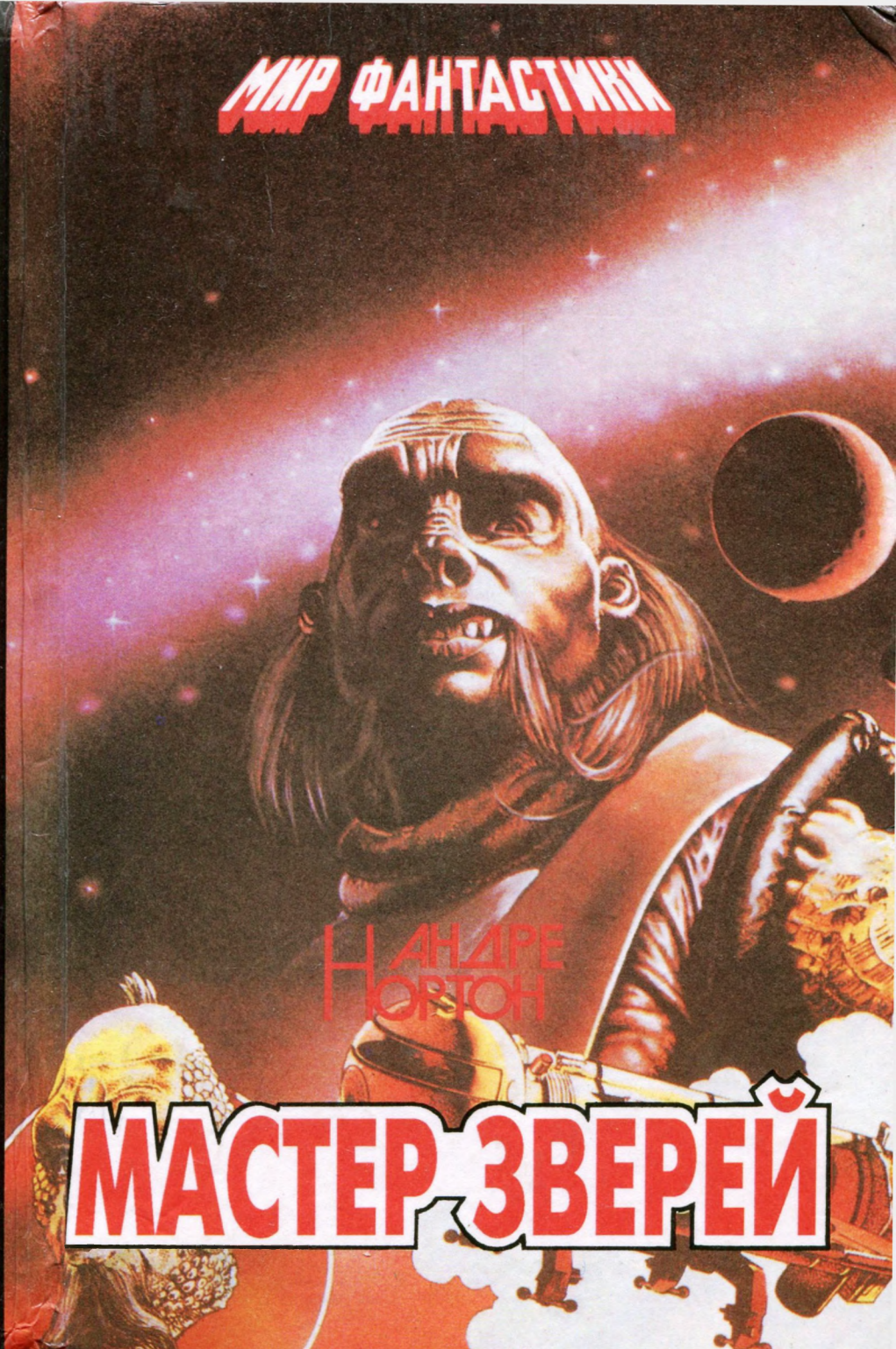
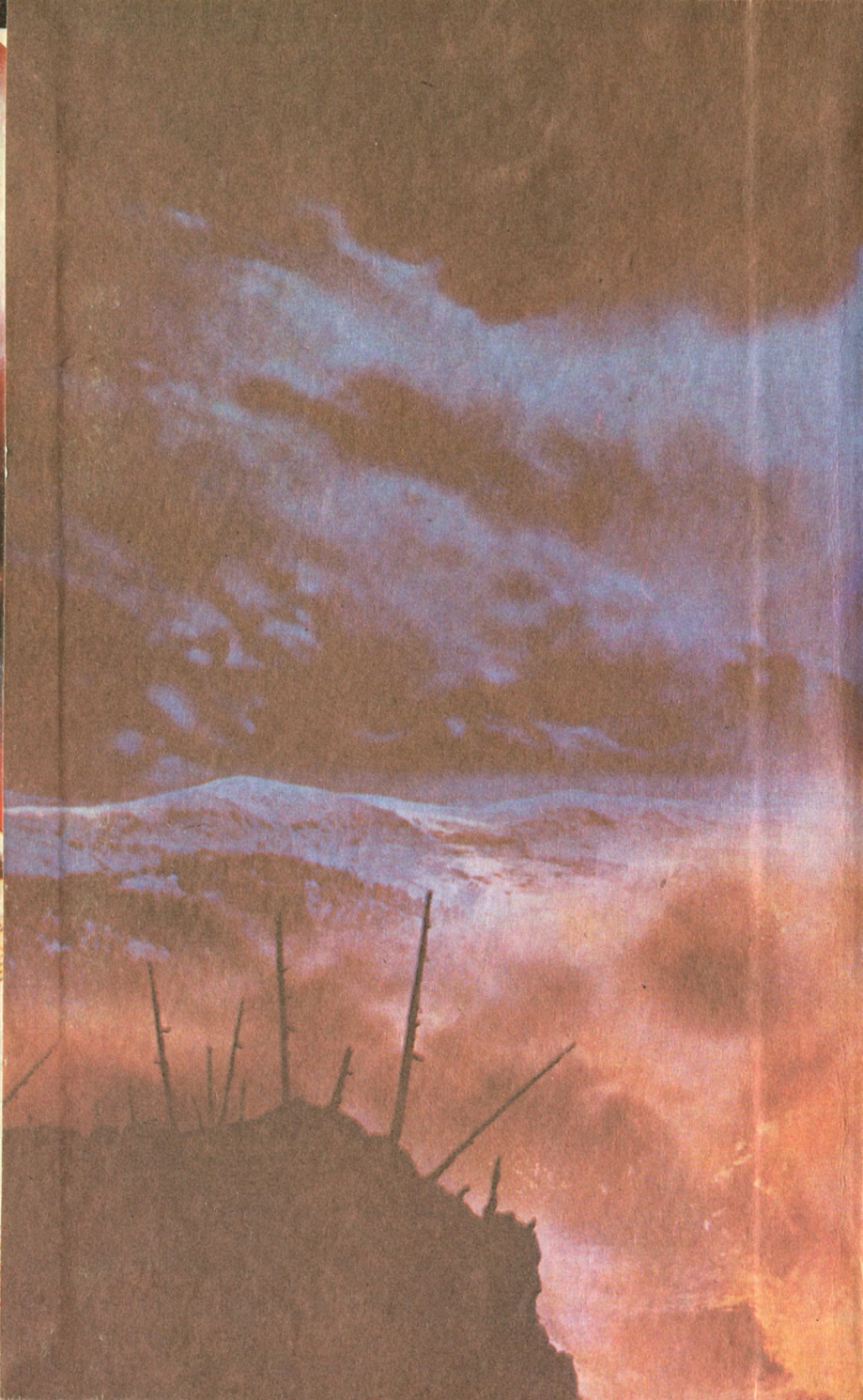
МИР ФАНТАСТИКИ



АНДРЕ НОРТОН

МАСТЕР ЗВЕРЕЙ

МАСТЕР ЗВЕРЕЙ
АНДРЕ НОРТОН



МИР ФАНТАСТИКИ

Андрэ Нортон

Мастер зверей

НИЖНИЙ НОВГОРОД
НПП «ПАРАЛЛЕЛЬ», ФИРМА «ФРЕГАТ»
ТУЛА «ФИЛИН»
1994

84.7 США
Н 83

Художник Е. Лиманова

На обложках использованы работы Криса Ахиллеоса

Нортон Андре
Н 83 Мастер зверей: Фантастические романы/Пер. с англ.— Н. Новгород: Параллель; Н.Новгород: Фрегат; Тула: Филин, 1994.— 543 с.: ил. (Мир фантастики)
ISBN 5-86067-005-2 (Параллель)
ISBN 5-7293-0020-4 (Филин)
В однотомник известной американской писательницы Элис Мэри Нортон, пишущей под псевдонимом Андре Нортон, вошли фантастические романы «Мастер зверей» и «Бог грома», составляющие дилогию об Остине Сторме, а также «Бархатные тени» — авантюрно-истоирческий роман с элементами «фэнтэзи».
84.7 США

Н $\frac{4703040100-009}{3E84(03)-94}$ без объявл.

ISBN 5-86067-005-2 (Параллель)
ISBN 5-7293-0020-4 (Филин)

© Перевод.
НПП «Параллель», 1994
© Иллюстрации.
Е. Лиманова, 1994

Мастер зверей

— Сэр, завтра корабль отправляется. Я хотел бы узнать, готовы ли мои документы? Кажется, я уже прошел все тесты.

Молодой человек в зеленой форме Галактического Отряда, с эмблемой рода войск — оскаленной львиной мордой на груди, — вежливо улыбался.

Чиновник огорченно вздохнул. Ну почему все такие случаи сваливают именно ему? Он был человеком добросовестным, но это не приносило ему ничего, кроме лишней мороки. Сам он происходил из четвертого поколения колонистов Сартана и в глубине души был уверен, что никто и никогда не сможет понять до конца этого юношу, а психологи, подписавшие ему документы — еще менее прочих.

Чиновник машинально перелистал бумаги, мельком заглянул в них и снова поднял глаза на юношу. Ему незачем было изучать документы, он и так знал их наизусть.

«Остин Сторм. Специальность — Мастер зверей. Национальность — американский индеец навахо. Место рождения — Солнечная система, планета Земля».

Вот этот последний пункт и создавал проблему. Последний удар захватчиков с хикса превратил Землю — метрополию Конфедерации — в голубую радиоактивную пустыню, и вот теперь Центр подбирал новую родину для оставшихся в живых землян.

Но ни переселение на другие планеты, ни помощь всей Конфедерации не могли залечить души этих людей — человечество было уничтожено, их собственные судьбы разбиты. Некоторые из них сходили с ума, возненавидев все остальные, более благополучные миры. Другие кончали самоубийством или вдруг начинали палить направо и налево, видя в каждом встречном врага. Приходилось разоружать каждого землянина,

и далеко не всегда это можно было сделать простым убеждением. За последние месяцы чиновник досыта насмотрелся всякого.

Правда, у Сторма был особый случай... Как-будто здесь бывали не особые! И все-таки, таких было очень немного.

Насколько он помнил, таких вот, способных сделать то, что сделал этот юноша, было всего полсотни. И большинство из них погибли. Комплекс необычных врожденных свойств, который, собственно, и создавал настоящего Мастера зверей, встречался крайне редко. И парень здорово поработал в последние безумные месяцы, что предшествовали полному разгрому хиксов.

— Сэр, я жду свои документы, — мягко напомнил юноша.

Но чиновник не собирался спешить. Внешне за парнем не замечено никакой агрессивности — даже тогда, когда ему, проверки ради, специально создали провоцирующую ситуацию. Ему пришла посылка с Земли и ее доставили слишком поздно, когда он уже отправился на последнее задание. Но и это не вызвало агрессивной реакции. Фактически этот парень давно уже сотрудничал с работниками Центра, помогая другим землянам лечиться и вселяя в них веру, что все еще будет хорошо. И он добился, чтобы с ним оставили его животных. Как раз это было проще всего.

Около месяца сотрудники Центра вели за ним скрытое наблюдение, ожидая взрыва, кризиса, который был почти неизбежным следствием тяжелой душевной травмы. Но ничего подобного так и не произошло, и теперь медики, хоть и неохотно, согласились, что у них нет оснований задерживать его в Центре.

Чистокровный американский индеец. Может быть какие-то его наследственные качества помогли ему оправиться от шока? Но чиновник все еще колебался. Конечно, парень проверен и перепроверен. Ну, отпустят они его, а он потом заварит кашу, которую придется расхлебывать другим? Бывало ведь и такое...

— Я вижу, вы выбрали Арцор, — чиновник завел разговор, чтобы протянуть время еще хоть немного.

— Я просмотрел документы, сэр, и климат Арцора напомнил мне мою родину. Основное занятие колонистов — разведение фравнов. И мне намекнули, что я, как Учитель зверей, легко найду там хорошую работу.

Что ж, ответ вполне резонный. Почему бы и нет? Чиновник снова взглянул на юношу. Он никак не мог решиться и отдать ему документы — мешало какое-то предчувствие. Медленно и неохотно он поставил последние печати и протянул бумаги Сторму.

Тот с улыбкой поблагодарил и поднялся, но чиновник заметил, что улыбались только губы, а глаза оставались непроницаемыми.

— Спасибо за помощь, сэр. Поверьте, я очень ценю ваше участие. — Землянин козырнул на прощание и вышел. Чиновник рассеянно покачал головой, так до конца и не уверенный, что поступил правильно.

Сторм не стал задерживаться в здании. Он хорошо понимал сложившееся положение, в общем-то был уверен, что получит «чистые» документы. Весь свой багаж он сложил, оставалась только его команда — верные, не раз испытанные друзья. Они-то понимали, зачем и почему он так рвется уехать, и это еще больше привязывало его к ним. Только с ними в последнее время он чувствовал себя человеком, а не подопытным кроликом.

Остин Сторм с Дине получил от своих далеких предков, индейцев навахо, красноватый оттенок кожи. Эти навахо были прекрасными наездниками, искусно работали с металлом и шерстью. Поэты и жители пустыни, неразрывно связанные с бедной, но прекрасной землей, на которой они кочевали, охотились, пасли стада и воевали...

Подходя к двери комнаты, отведенной для его команды, Сторм загнал воспоминания поглубже. С привычной собранностью он открыл дверь и шагнул через порог.

— Сссс... — Негромкий полусвист-полушипение был и сигналом, и призывом. Зашуршали могучие крылья, и мощные когти, способные рвать жертву в кровавые клочья, обхватили его плечо, прикрытое толстым наплечником. Черный африканский орел, служивший «глазами» Десантной группы № 5, примостился на его плече и ласково потерся своей лоснящейся головой о щеку Сторма.

Чьи-то когтистые лапки вцепились в штаны Сторма, и два маленьких сопящих существа вскарабкались на него, как на дерево. Эти когтистые лапы, способные распороть брюхо любого врага, легко перебирали жесткую ткань его формы, пока забавная парочка не взобралась к нему на грудь. Орел — Баку, сурикаты* Хо и Хинг и еще Сурра. Орел — воплощенное достоинство и мощь, великодушный и царственный, как и его предки. Сурикаты — проныры и забавники, веселые воришки, любимцы всей команды. Но Сурра... Сурра была воистину царственна и требовала к себе должного уважения.

---

* Сурикат — зверек из семейства виверровых, видом и повадками похож на енота.

В основании ее рода была маленькая, рыжая и пушистая фея с песчаных дюн великой пустыни. Очаровательная кошечка, с мягкими пушистыми лапками, которые не проваливались в сыпучий песок во время охоты, с длинными острыми ушками и вытянутой лисьей мордочкой, она обладала феноменальным слухом. И очень долго оставалась почти неизвестной людям, живя скрытой ночной жизнью.

Но когда человечество начало исследовать вновь открытые планеты, выяснилось, что животные, наделенные более острыми чувствами и инстинктами, чем у человека, оказались куда лучшими помощниками, чем любые машины. Тогда и была организована Служба Зверей — она готовила животных для исследовательских отрядов и выводила новые виды. Тогда занялись и предками Сурры, скрещивая барханную кошку с другими обитателями пустынь.

Сурра унаследовала от предков песочно-желтый окрас, острую лисью мордочку, уши торчком, и широкие лапы, приспособленные к сыпучим пескам, но была раза в четыре больше своих дальних предков, примерно с пуму величиной и с гораздо более высоким интеллектом. Сейчас она грациозно терлась о ноги Сторма, настойчиво подсовывая свою голову под его руку.

Казалось, бывший командос просто стоял неподвижно, с орлом, сидящим на плече, прижавшимися к груди сурикатами и Суррой, застывшей под рукой, лежащей на ее голове. На самом деле именно сейчас шла напряженная работа мысли, связывающая его с животными и птицей в удивительное, а для большинства людей и вообще непредставимое единство. Конечно, отдельный член команды не мог осознать всей широты решаемых проблем, но их общему сознанию, возникающему в такие минуты, было доступно практически все. Именно такое единство и делало их идеальными партнерами и превращало их команду в грозное оружие.

Баку беспокойно заерзал на плече Сторма, взмахнул крыльями и протестующе заклекотал. Он терпеть не мог клетки и соглашался на добровольное заключение, только если без этого никак нельзя было обойтись. И когда Сторм мысленно передал, что им предстоит путешествие в тесном корабле, он возмутился.

Сторм тут же постарался передать ему картину мира, который их ждет — горы и долины, полная свобода необжитой пустыни — все это он мог представить себе по описаниям.

Баку успокоенно сложил крылья. Радостно заверещали су-

рикаты. Они-то меньше всех прочих были способны предвидеть события и жили только текущей минутой. Сурра же раздумывала. Стоит ли соглашаться, если ей всю дорогу придется носить ненавистные цепь и ошейник? Но похоже, картина планеты, нарисованная Стормом, была для нее так же соблазнительна, как и для Баку. Она мягко скользнула к стене и тут же вернулась держа в зубах ошейник, за которым волоклась цепь.

— Иа-йа-хай... — тихо, почти шепотом произнес Сторм странные звуки древнего языка. — Все прекрасно.

Корабль, на который они погрузились, был заполнен ветеранами, возвращавшимися на свои планеты. Хотя война и закончилась полным разгромом захватчиков, но и Конфедерация тоже немало пострадала. В душах людей накопилась усталость и теперь, возвращаясь в свои миры под голубыми, желтыми и красными солнцами, они мечтали только о мире.

Сторм привычно пристегнулся к койке, ожидая старта и тут услышал тихое ворчанье Сурры. Он повернул голову и встретился с ее пристальным горящим взглядом. Он улыбнулся, и на этот раз глаза его тоже потеплели.

— Потерпи еще немного, бегунья по пескам! — сказал он на языке, которого давно не существовало. — Мы приготовим наши стрелы и попросим благословения Великих Старцев и Дальних Богов... и мы никогда не покинем тропу войны!

Сейчас, когда Сторм был уверен, что его не видит никто, кроме барханной кошки, в глубине его глаз появилось именно то, чего так боялся чиновник в Центре. Пусть вся Галактика мечтает лишь о мире, он, Остин Сторм снова отправляется сражаться!

За столом он познакомился со старожилами Арцора, у которых три поколения предков обживали этот дикий мир. Прислушиваясь к их разговорам и воспоминаниям, Сторм узнавал многое, что могло пригодиться в будущем. Это были настоящие мужчины пограничного мира, пустынная планета стала для них родиной.

Единственным, что эта планета могла предложить на экспорт, были фравны.

Их удивительно вкусное мясо и выделанные шкуры — голубые, блестящие, как хороший шелк, и вдобавок непромокаемые пользовались спосом, и этого вполне хватало, чтобы обеспечить процветание колонии на Арцоре.

Фравны огромными стадами кочевали по долинам Арцора. Они были по-своему красивы, с точеными рогатыми головами, запрокинутыми на спину, с великолепным ослепительно голу-

бым меховым воротником на груди. Коротковатые задние ноги и почти голая задняя часть тела придавали им несколько неуклюжий вид. Но несмотря на это фравны были прекрасными бегунами и хорошо умели постоять за себя. Во всей Галактике не было мяса вкуснее, чем мясо фравнов, но, к сожалению, оно плохо консервировалось. Так что основной доход приносили их шкуры и ткани из их шерсти.

Сторм прислушался к разговору за столом.

— У меня там нарезана пара сотен квадратов земли от реки Вейкиг до самого подножья холмов. Собрать бы хорошую команду объездчиков и мы бы...

Его нетерпеливо перебил блондин по имени Ренсфорд. Они со Стормом жили в одной каюте.

— Наймите норби. С туземными объездчиками вы, по крайней мере, не растеряете молодняк. И они будут вполне довольны, если вы расплатитесь с ними лошадьми. Бред Квад всегда приглашает норби, если есть такая возможность.

— Это не для меня, — отозвался третий старожил Арцора. — Лично я предпочитаю своих объездчиков. Норби очень уж отличаются от нас.

Сторм отвлекся от разговора, взволнованный мыслью, внезапно пришедшей ему в голову. Квад — имя довольно редкое. По крайней мере, самому Сторму оно встретилось только один раз в жизни.

— Только не говорите мне, что вы верите во всю эту злобную болтовню насчет норби, — резко оборвал второй. — Мы с братом всегда приглашаем их на загон скота, а вы ведь знаете, что наши участки нарезаны у самых Пиков. И я клянусь, что любые двое туземцев стоят дюжины добросовестных объездчиков, которых я мог бы нанять в Гроссинге. Если хотите, я могу назвать хоть поименно.

— Остынь, Дорт. — усмехнулся Ренсфорд. — Я признаю, что ты разбираешься в этом лучше нас. И все мы знаем, что вы, Лансины, издавна дружны с норби. И я вполне согласен: лучших следопытов не найти. Но мы знаем и другое: скот-то все-таки пропадает.

— Верно. Но никто не докажет, что это дело рук норби. Да, собственно, задень любого, и он тебе постарается ответить тем же. Так и норби. Обращайся с ними открыто и честно — и ты будешь иметь самую мощную опору в этой стране. Норби — это тебе не Союз Мясников.

— Кстати, этот Союз Мясников... Так вы называете скотокрадов? — вмешался в разговор Сторм, рассчитывая снова повернуть беседу на Квада.

— Точно, — ответил Ренсфорд, повернувшись к нему. — Правду-ли говорят, будто вы, Учитель зверей, выбрали для поселения нашу планету? Если все, что мы слышали о ваших способностях, не пустые россказни, то вы могли бы здорово помочь нам. Союз Мясников — сущее проклятье наших мест. Они вызывают панику в стаде, а потом отлавливают и обдирают разбежавшийся молодняк и на этом строят свой бизнес. Хозяева и объездчики просто не в состоянии осматривать каждый метр пастбищ. Вот поэтому мы и вынуждены приглашать норби, которые знают все дороги и тропинки.

— А где же Союз Мясников продает ворованное? — спросил Сторм.

— А вот это как раз и хотел бы знать каждый хозяин, каждый объездчик и каждый пастух на этой планете, — хмуро ответил Ренсфорд. — У нас всего один космопорт и через него ничто не проходит без самой тщательной проверки. Может, конечно, где-нибудь в песках у них спрятан свой космопорт и все это вывозится контрабандой. Я уверен, что вы, как специалист по животным, будете желанным гостем. И когда произойдет очередной набег...

— Или мы застукаем за этим делом норби, объявим их вне закона и разом решим все проблемы, — снова вмешался третий.

— Брось, Бейлвин! — тут же ощетинился Лансин. — Квад всегда нанимает норби, а уж он-то живет на самой границе с их землями. Его предки живут там со времени первых кораблей, и он знает норби как никто другой. И Бред Квад всегда защищает их от всяких наветов...

Сторм, словно оглушенный, опустил взгляд на свои руки. Спокойные руки, загорелые, с тоненькой ниточкой шрама на тыльной стороне левой ладони. Он не шелохнулся, и никто из сидевших рядом с ним людей не заметил искры, мелькнувшей в его глазах. Он получил ответ, которого ждал так долго. Бред Квад — самый важный для него человек, с которым он давно хотел встретиться. Бред Квад — человек, на котором лежал долг крови перед людьми погибшего теперь мира, и Сторм решил взыскать этот долг. Эту клятву он дал, когда был еще просто диким мальчишкой с Дине. И поклялся он перед человеком обладавшим властью и мудростью, простиравшимися далеко за пределы того, что представители других рас именуют словом «цивилизация». Вмешалась война и пришлось исполнять солдатский долг. И вот сейчас он мчится через полгалактики чтобы выполнить, наконец, второй свой долг.

«Иа-йа-хай, — мысленно произнес он. — Все прекрасно».

Таможенный досмотр и проверка документов в порту оказались простой формальностью и не задержали Сторма. Всем было любопытно посмотреть, как он будет выводить своих животных и Баку.

«О Службе Зверей в глубоком космосе ходят такие невероятные легенды — мелькнуло в голове у Сторма, — что никто не удивится, заговори вдруг Сурра на человеческом языке, или окажись, что один из когтей Баку стреляет, как парализатор».

Люди на Арцоре обычно ходили вооруженными, хотя он не заметил у них ни бластеров, ни иглоружей, запрещенных законом. Зато каждый взрослый мужчина носил на поясе парализатор, отличавшийся от других только отделкой рукоятки. Этот обычай был понятен Сторму. Но пока он видел только кучку оштукатуренных зданий, жавшихся к космопорту, и это совсем не походило на тот Арцор, к которому он стремился. Небо над головой было лиловато-розовым и совсем не напоминало земное. И только ветер, долетавший с далеких гор, покрытых красновато-ржавыми пятнами, приносил дыхание вожделенной свободы.

Сурра повернула голову навстречу ветру, и ноздри ее расширились. Баку нервно расправлял и тут же складывал крылья. Сам Сторм стоял, пытаясь охватить всю окружающую картину, и принюхивался не хуже Сурры. Этот ветер притягивал его мягко и настойчиво, а он и не пытался сопротивляться.

Стада фравнов кочевали на огромных пространствах, и люди, в других мирах привыкшие к механическому транспорту, здесь быстро убедились, что для пастухов он не годится. Прежде всего, машины требовали запасных частей и горючего, а все это приходилось ввозить с других миров. И люди здесь очень быстро забросили эти ржавеющие, ни к чему не пригодные железяки и вернулись к забытому воплощению красоты и грации — к лошади. Лошади, когда-то завезенные сюда ради эксперимента, великолепно прижились на равнинах Арцора. Через три человеческих поколения они достаточно расплодились и теперь без них не обходились ни колонисты, ни туземцы.

А в Дине не расставались с лошадью со времен, уходящих во тьму вечности. Любовь к лошади была в крови у всех навахо. Вот и теперь запах лошади волновал Сторма не меньше, чем раньше, когда его трехлетним ребенком первый раз по-

садили на спину спокойной кобылы и он получил свой первый урок верховой езды.

Он быстро отыскал загон, в котором кружились верховые лошади, так не похожие на маленьких выносливых пони его родной пустыни. Эти были крупными, странной масти — черные или красные пятна, разбросанные по серой или белой шкуре — и с угольно-черными гривами и хвостами. Были еще одноцветные — черные, но с белыми гривой и хвостом. Они очень сильно отличались от тех животных, на которых ему приходилось ездить в прошлом.

Баку, которому надоело сидеть на плече землянина, расправил крылья и поднялся на ветку дерева — резкое черное пятно среди желтой листвы. Сурра и сурикаты устроились у толстого ствола и сидели там, спокойно оглядываясь. Сторм пошел вокруг загона.

— Правда, хорошая компания? — Мужчина, стоящий у забора, сдвинул на затылок соломенную шляпу и дружески, открыто улыбнулся землянину. — Привез их с Гардола пять дней назад. Они теперь отдохнули, и завтра мы тронемся в дорогу. Я слышал объявление об аукционе.

— Аукцион?

Сторм не столько прислушивался к его словам, сколько любовался на жеребца, кружившегося в загоне. Легкая танцующая поступь, откровенная радость в движениях сильного молодого тела, струящийся чуть на отлете хвост, просто зачаровали его. Лошадь была необыкновенно светлой серой масти, с небольшим, величиной с монету, рыжим крапом и ярко-рыжими хвостом и гривой.

Землянин, увлеченный лошадью, даже не замечал, как пристально разглядывает его колонист. Зеленая форма Сторма была в этой части Галактики совершенно незнакома. Командос вообще было очень немного и до Арцора они не добирались ни разу. Конечно, кое о чем могла сказать его эмблема — оскаленная львиная морда. Но он знал, что в таможне и на нее не обратили особого внимания.

— Это чужеземные породы, незнакомец. — Снова заговорил колонист. — Мы завозим довольно много лошадей с других планет, где когда-то для эксперимента выпускали земных. Эти несколько крупнее чистокровных земных, но сейчас это ценится. Вот и этот табун я повезу в Иравади-Гроссинг на большую ярмарку.

— Иравади-Гроссинг? Это, кажется, в Низинах?

— Вы попали в точку, незнакомец. Хотите присоединить-

ся к какому-нибудь отряду, или предпочитаете сразу получить положенную вам землю?

— Лучше бы присоединиться к отряду, я думаю. А какие у меня шансы получить работу объездчика?

— Вы, должно быть, один из ветеранов, прилетевших с этим кораблем? Правда, непохоже, что вы с дальних миров... А верхом вам ездить доводилось?

— Я землянин...

Ответ Сторма был встречен молчанием. Слышно было только, как визжали и дрались в загоне лошади. Сторм по-прежнему не сводил глаз с яркого крапчатого жеребца.

— Верхом я ездить умею. Мой народ не одну сотню лет выращивал лошадей. И еще я — Учитель зверей.

— Вот ка-ак? — протянул собеседник. — Ну что ж, положим, ты, парень, можешь ездить верхом. И сумеешь ужиться с моим отрядом. Меня зовут Пат Ларкин. Это мой табун. Предлагаю обычное жалование и еще — рабочую лошадь, когда прибудем на место.

Сторм решительно полез через ограду загона, в нем проснулось мальчишеское нетерпенье. Ларкин схватил его за руку.

— Эй, парень, не слишком ли ты торопишься?

Сторм рассмеялся.

— Разве? Но должен же я доказать, что стою вашего жалования.

И он завертелся, высматривая жеребца, которого, правду сказать, сразу наметил для себя.

2

Подтянувшись, Сторм резко распахнул ворота загона, и молодые лошади тотчас сгрудились у прохода. Рыжие и серые кобылы выскакивали на волю, им хотелось хоть немного побыть на свободе.

Так быстро, что Ларкин и моргнуть не успел, землянин спрыгнул на землю рядом с растерявшейся лошадью. Он запустил пальцы в рыжую гриву и, слегка пригнув голову лошади, обнял ее. Во взволнованном дыхании жеребца он ощутил нарастающую злость и легко сдержал его, когда тот попытался встать на дыбы.

Лошадь задрожала, когда руки Сторма ослабили захват и легкими гладящими движениями прошлись вдоль его крутой

шеи, коснулись раздутых ноздрей, прикрыли на мгновение его прекрасные темные глаза и снова вернулись на шею, пробежались по крупу, и по ногам. Скоро каждый дюйм лошадиной шкуры был оглажен и обследован ласковыми властными руками.

— Кусок веревки найдется? — спокойно спросил Сторм, и Ларкин, к которому присоединилось уже немало зрителей, взял протянутый кем-то моток и бросил Учителю зверей. Землянин свернул ее петлей и уложил точно позади передних ног лошади.

Затем, выбрав удобный момент, он быстрым движением вскочил на лошадь, туго сдавил коленями ее бока, а руки опять зарылись в гриву. Жеребец вздрогнул, сжатый ногами наездника, и протестующе заржал.

— Берегись! — крикнул Сторм. Жеребец закружился на месте и вдруг рванулся в открытые ворота, так и не сбросив своего всадника. Землянин припал к его шее, жесткие волосы конской гривы хлестали его по лицу. Он тихонько нашептывал древние как мир слова, которыми его древние предки успокаивали и приводили в чувство взбесившуюся лошадь.

Потом, когда космопорт позади них виделся уже горстью бусинок, рассыпавшихся по ржавой земле долины, Сторм осторожно сжал колени, замедляя скачку, ласково и властно похлопал животное по шее и спокойно повернул послушную теперь лошадь назад, в загон.

Сторм не остановился близ поджидавших его мужчин, а сразу же направился к дереву, под которым отдыхала его команда. Жеребец, почуяв незнакомый и пугающий запах кошки, попытался броситься в сторону, но Сторм легко сдержал его и снова успокаивающе заговорил. Сурра поднялась на ноги и направилась к ним, волоча за собой поводок.

— Кошка никогда не уживется с лошадьми.

— Вы так считаете? Вот увидите, как они будут вести себя при второй встрече, — возразил Сторм. — Сурра давно уже не дикий охотник. Она прекрасно обучена, а кроме того, она еще и отличный разведчик.

— Хорошо, — расхохотался Ларкин. — Ты, сынок, и вправду Учитель зверей, и я видел, что ты можешь делать с ними. Мы собираемся выступать завтра. Тебя это устраивает?

— Вполне.

Сторм верхом въехал в загон и пустил своего жеребца отдыхать в табун.

Тропы для перегона скота были проложены людьми, знающими свое дело. Хотя Сторм и был строгим ценителем, он одобрил все, что успел заметить за те несколько часов, пока догонял свой отряд. Ренсфорд и Лансин представили его всем как демобилизованного ветерана, который решил наняться загонщиком ради собственного удовольствия и собирается теперь пожить нормальной обыкновенной жизнью. Отряд, к которому присоединился Сторм, приобрел легкую повозку для своего багажа и припасов. В нее и пристроили сурикатов, которые во время езды предпочитали спать, а Баку и Сурра могли или ехать или бегать и летать вокруг, как им хотелось.

Сторм послушался совета Ларкина и закупил себе походное снаряжение из старых интендантских запасов в космопорте. Теперь на нем были серебристо-голубые штаны из кожи фравна — жесткие как железо и прочные как сталь, — заправленные в высокие сапоги с тяжелой двойной подошвой. Голубая рубашка из шерсти фравна сменила привычный зеленый мундир.

Шнуровку на груди он распустил, как это было принято у его новых товарищей, и впервые за много лет насладился полной свободой. Еще в Центре он послушно сдал свой смертоносный бластер и теперь носил обычные здесь парализатор и длинный охотничий нож. Дополняла наряд широкополая шляпа местного производства, под которую Сторм убрал свои черные волосы. Заглянув в зеркало, Сторм поразился, как одежда может изменить человека, и тут же получил прекрасное доказательство своему выводу: догнав отряд, он сразу подошел к Ларкину, и тот с трудом узнал его.

— Припомните-ка, я ваш новый загонщик! — рассмеялся Сторм.

Ларкин тоже засмеялся.

— Слушай, парень, ты выглядишь так, словно у тебя сотни квадратов пастбищ в Низинах! И это весь твой багаж? А где седло?

— Обойдусь и без седла, — коротко ответил Сторм.

На самом деле он рассчитывал приспособить легкую седельную подушку и простейший недоуздок. И никто из тех, кто видел, как он объезжал жеребца, не сомневался, что этого ему вполне хватит для объездки всех остальных лошадей.

На Арцоре, похоже, вся галактическая цивилизация сосредоточилась вокруг космопорта. Как только они обогнули и оставили позади стандартный поселок, ничто больше не

напоминало ему о недавнем прошлом. Сторм двигался на юг в мягком тумане позднего полудня, благодарно вдыхая свежий чистый воздух и любуясь красотой далекой горной гряды.

Послышалось громкое хлопанье крыльев, и Баку кругами поднялся в розовато-лиловое небо, первым пробуя на вкус новообретенную свободу. Сурра пока нежилась в повозке и зевала, ожидая, когда рассеется туман и наступит ее любимое время — поздний вечер.

Дорога скоро превратилась в пробитую копытами колею. Сторм знал, что Ларкин торопится пересечь равнину, надеясь захватить отрастающую во время влажного сезона траву на корм своим лошадям. Сейчас как раз наступила весна, и очень скоро жесткая выгоревшая трава должна была смениться низинной порослью. А потом на долгих три месяца пересохнут рождающиеся в горах реки, завянет и выгорит сочный травяной ковер, и отгон стад прекратится до следующего влажного периода, который лишь на несколько недель снова оживит эту пустынную землю.

Как только они остановились на ночлег, Ларкин назначил охрану, расписав время дежурств.

— А зачем сторожить? — спросил Сторм у Ренсфорда.

— Здесь, совсем рядом с дорогой, может, и незачем, — согласился ветеран, — но Пат, похоже, хочет наладить рабочее расписание до того, как мы попадем в по-настоящему дикие места. Такие породистые лошади для Низин — огромная ценность. Если мы позволим Мясникам разогнать табун, то вся добыча останется Отверженным. И чтобы там не говорил Дорт Лансин, для туземцев это тоже выгодно. Поймают они разбежавшихся для себя или помогут собрать их за соответствующую плату — они все равно будут в выигрыше. Племена, кочующие на окраинах, давно мечтают привнести новую кровь в своих горных лошадок. Привозные породы, такие, например, как эта, могут заставить задуматься и тех, кто до сих пор и слышать не хотел об иноземных лошадях. А есть еще йорис; для этих гадин лошади — любимое лакомство, а йорис, если рассердится, убивает много больше, чем может сожрать. А лошади, как только учуют зловоние большой ящерицы, тут же начинают беситься, поднимаются на дыбы, сбрасывают всадников и мчатся куда глаза глядят.

Тут Сурра очнулась от своей дремоты, сладко зевнула, потянулась по кошачьему обычаю и подошла к Сторму. Он опустился на корточки, пристально посмотрел ей в глаза и

постарался мысленно передать приказ охранять лагерь. Он был совершенно уверен, что за эти дни она прекрасно запомнила запах каждого человека из отряда объездчиков и каждой лошади — и верховой и еще необъезженной. Теперь никто и ничто чужое, не принадлежащее лагерю, не пройдет мимо Сурры. Ренсфорд подождал, пока они закончат разговор, а потом спросил:

— Ты послал ее патрулировать?

— Да. И не думаю, что какая-то там йорис сможет одолеть Сурру. Сссс...

Он просвистел условный сигнал сбора. Хо и Хинг вылезли на свет костра, вскарабкались по его ногам и принялись смешно тыкаться в грудь, требуя ласки.

— А эти чем хороши? — спросил Ренсфорд. — Когти у этих красавцев, конечно, внушительные, но для серьезных схваток они, по-моему, ростом не вышли.

Сторм, улыбаясь, поглаживал серые мордашки с черными бандитскими масками вокруг внимательных глаз.

— Это наши диверсанты, — объяснил он. — Своими когтищами они прекрасно копают и легко отрывают вещи, которые люди считают надежно спрятанными. А наиболее интересные находки приносят прямо на базу. Они прирожденные воришки, волокущие в свою нору все, что приглянется. И зря вы решили, что они такие уж слабые.

Ренфорд присвистнул.

— Значит, если какая-нибудь сила заставит провалиться Салтайр, эти малыши в состоянии прокопать туда дорогу! Слушай-ка, тебе стоит попробовать добраться до Запечатанных Пещер. Может, эти твои приятели откопают там такое, что ты сможешь потребовать правительственной награды.

— Запечатанные Пещеры? — переспросил Сторм. Хоть он еще в Центре и изучил самым внимательным образом все, что смог найти об Арцоре, здесь он то и дело сталкивался с тем, чего не было в документах.

— Это одна из легенд, которые рассказывают в горах, — начал объяснять Ренсфорд. — Хорошо бы тебе послушать, как об этом рассказывает Квад. Он больше всех знает о норби, связавшись кровным братством с одним из их великих вождей. Вот тот-то и рассказал ему о пещерах. Похоже, что в прежние времена норби были более цивилизованы — или мы здесь не первые пришельцы с дальних миров. Туземцы рассказывают, что в глубине гор есть какие-то поселки, или что-то вроде того. И будто построившие их «Древние» ушли в гору и запечатали за собой все проходы. Великие умники из

Гальвади заинтересовались этим около года назад, даже послали какую-то экспедицию. Но оказалось, что в тех местах совсем мало воды, ну, а потом началась война, и всем стало не до того. Но они все-таки объявили щедрую награду тому, кто сможет отыскать все это: сорок квадратов земли и четыре года беспошлинного импорта. — Ренсфорд завернулся в свое одеяло и пристроил седло под голову. — Помечтай об этом, сынок, пока ты еще не закружился с нашими стадами.

Сторм осторожно поднял со своего одеяла пригревшихся сурикатов и перенес их в повозку. Там, на самом краю, как на насесте, уже устроился Баку, и подремывал, поджав в перья одну ногу, как обычно спят птицы. И Сторм знал, что если он не разбудит их, то оба зверька и птица так и проспят до самого утра.

Жеребец, которого Сторм назвал Дождь-в-Пыли*, за то, что тот весь был покрыт мелким крапом, был еще не проверен в ночных объездах. По расписанию Ларкина Сторм был назначен во вторую смену. Он собрался и без особой тревоги отправился в темноту. За последние годы он привык к тому, что именно ночь давала ему надежное укрытие и обеспечивала безопасность.

Сторм уже заканчивал свой объезд, когда вдруг уловил мысленный сигнал встревоженной Сурры — что-то остро и больно, словно когтями, царапнуло в его душе. На северо-востоке таилась какая-то опасность. Но что... или кто?

Он уже развернул свою лошадь, когда ночную тишину разорвал гневный визг кошки. Сурра атаковала, и Сторм тут же услышал тревожный шум в лагере. Он сорвал с пояса фонарик, засветил его на полную мощность и заметил на тропинке блеск чешуйчатой змеиной головы, поднявшейся для удара. Йорис!

Лошадь под ним присела, не повинуясь больше поводьям, и завизжала от ужаса, когда в ноздри ей ударил тяжелый запах гигантской ящерицы.

Сторм внимательно осматривал поле боя, не слишком тревожась за Сурру. Барханная кошка была бойцом опытным и осторожным, готовым к любым неожиданностям диких миров. Но лошадь, перепуганная свистом и запахом хищной рептилии, окончательно взбесилась, и Сторм, при всем своем мастерстве, не мог с ней справиться.

Тогда он спрыгнул на выбитую копытами тропинку, мельком отметив, что ветер относит пугающий лошадей запах

---

* В дальнейшем он его называет просто Рейн.

прямо на табун. Рейн, почувствовав свободу, немедленно умчался в темноту.

Сторм действовал автоматически, а сам все раздумывал, как странно выглядит это нападение. О йорис ему рассказывали достаточно много, и все отмечали, что эта рептилия — исключительно осторожный и ловкий охотник, умеющий незаметно подкрадываться и устраивать засады. Почему же сейчас это создание двигалось по ветру, который далеко разносил ее запах, распугивая всю возможную добычу? Обычно ящерицы вовсе не стремились распугать лошадей, они предпочитали подкрасться незаметно и схватить добычу наверняка.

Сейчас загнанная в угол и взбешенная чешуйчатая тварь присела на задние лапы, а передними, украшенными жуткими когтями, молотила воздух, пытаясь достать Сурру. Но если эта восьмифутовая ящерица окончательно потеряла разум и нападала с яростным отчаянием загнанного зверя, то кошка была совершенно спокойна и атаковала, играючи, поддразнивая и в тоже время постоянно держась на безопасном расстоянии.

Перекрикивая свист ящерицы, Сторм пропел сигнал вызова.

Ему не пришлось долго ждать. Баку, должно быть, давно уже проснулся, услышав общую тревогу. Хотя ночь и не лучшее время для орла, он явился немедленно и получив сигнал «убивай!» на языке своей породы, тут же обрушился на ящерицу. Его кинжально-острые когти глубоко вонзились в чешуйчатую спину, огромные крылья били по глазам противника. Ящерица опрокинулась на спину, пытаясь сбросить своего страшного наездника, и открыла при этом мягкий незащищенный живот. Сюда и направил Сторм всю мощь своего парализатора. Парализующий луч перехватил мягкое горло йорис так же надежно и туго, как петля аркана. Чудище захрипело, молотя воздух всеми своими лапами и вскоре замерло. Сторм, повинуясь давно отработанному автоматизму, прыгнул вперед с ножом в руке. Руки его по локоть залило липкой кровью, прежде чем он окончательно уверился, что эта йорис больше никогда не выйдет на охоту.

К сожалению, смерть йорис уже ничего не могла изменить. Она прожила достаточно долго, чтобы превратить аккуратный табун в неуправляемую лавину. Случись это нападение в глубине пустыни, и Ларкину наверняка не видать бы большинства своих лошадей. Но сейчас оставалась какая-то надежда и прежде всего на то, что лошади завезены на Арцор недавно и еще не успели освоиться. Хоть они и разбе-

жались в панике, но, скорее всего, далеко не уйдут и их удастся окружить и собрать. Но сколько при этом будет потеряно бесценного времени!

На следующее утро Ларкин с осунувшимся лицом и провалившимися глазами подъехал к багажной повозке.

— Дорт! — окликнул он подъехавшего старожила, — говорят тут недалеко, вниз по Талагру, охотничий лагерь норби. Несколько их следопытов сделают сейчас больше, чем все мы вместе взятые.

Он соскользнул с лошади и на негнущихся ногах шагнул к багажной тележке.

— Ты умеешь говорить их знаками, так что ехать к ним придется тебе. Скажешь их вождю, что я готов заплатить за помощь скажем, парой годовалых кобыл.

Он тяжело вздохнул и отхлебнул из кружки, которую повар успел сунуть ему в руки.

— Сколько голов ребята привели за это утро? — спросил он.

Сторм махнул рукой в сторону временного загона, куда помещали беглецов.

— Семерых. Но мы можем потерять и верховых, если будем гонять их без отдыха. Для такой работы нас здесь слишком мало.

— Знаю! — Ларкин раздраженно щелкнул пальцами. — Но не думаешь же ты, что эти четвероногие дураки так и будут бежать все это время без оглядки?

— Почему бы и нет, если их разогнали намеренно? — Землянин помолчал, ожидая пока его намек дойдет до собеседников. И когда мужчины уставились на него, он продолжил: — Почему-то эта йорис напала, когда ветер дул ей в спину.

Дорт Лансин перевел дыхание и одобрительно хмыкнул.

— Малыш попал в точку, Пат! Можно подумать, что эта ящерица действительно хотела перепугать наших лошадей.

Глаза Ларкина стали жесткими, губы сжались в тонкую жесткую линию.

— Если только я буду уверен в этом... — начал он и рука его машинально легла на рукоять парализатора.

Дорт жестко рассмеялся.

— И в кого же ты будешь стрелять, Пат? Если какой-то негодяй подстроил все это, то он, конечно, прочешет здесь каждую щель и соберет наших лошадей до того, как мы успеем хоть что-то сделать. И мы даже следов его не найдем.

— Ну, следы-то смогут отыскать норби. Сторм, ты хоть и

новичок, хоть и пришел с внешних миров, но у тебя явно есть способности к такой работе. Поедешь вместе с Дортом. Если встретите заблудившихся лошадей, гоните их сюда. Я думаю, если вам встретится еще йорис, твоя дрессированная кошка с ней справится. И я хочу, чтобы разведчики норби обшарили тут каждый метр, раз уж мы думаем, что ящерицу кто-то навел.

Сурра, которая двигалась куда быстрее утомленных лошадей, скоро опередила всех и пошла впереди отряда, направлявшегося к далекому берегу. А высоко в воздушных струях плыл над ними Баку — еще одна пара зорких глаз. Сторм был уверен, что именно Баку первым увидит лагерь норби. И словно подтверждая его уверенность, Баку вдруг сложил крылья и уселся на голой скале, выделяясь ярким черным пятном на фоне красных камней. Убедившись, что землянин заметил и понял его сигнал, он снова взлетел и величественно поплыл к юго-западу.

Почуяв воду, усталые лошади прибавили шаг, проламываясь через густую чащу колючих кустов, у которых на голых ветках вместо цветов висели пушистые семенные коробочки, похожие на маленькие меховые муфты.

Сурра, почти неотличимая по окрасу от полусухой прошлогодней травы, легко бежала впереди, время от времени взлетая в воздух огромным скачком, сразу становясь похожей на какого-то страшного духа этого пограничного мира.

Внезапно Дорт натянул поводья и предупреждающе вскинул руки. Сторм послушно остановился.

Сурра легла на брюхо и притаилась в траве. Баку вернулся и теперь с резкими требовательными криками кружил прямо над головой.

— Похоже, нас обнаружили? — тихонько спросил Сторм.

— Да, обнаружили. Но мы не увидим норби, пока он сам этого не захочет, — ответил Дорт. — Айооо! — закричал он, бросив поводья на шею лошади и поднимал кверху раскрытые ладони.

Физической особенностью норби было нестандартное строение голосовых связок, не приспособленных к членораздельной речи.

Это очень затрудняло общение с ними, поскольку они не могли научиться языку колонистов, а колонисты были не в силах воспроизвести странные щебечущие звуки их языка. К счастью, у них был хорошо развит язык жестов, и Дорт неплохо владел этим искусством.

Пальцы Дорта замелькали с такой быстротой, что Сторм

с трудом различал их. Но его поняли. Неясная тень отделилась от ствола дерева, вышла на дорогу перед ними, и тут Сторм впервые увидел венец местной эволюции.

В Центре Сторм внимательно просмотрел все, что касалось Арцора. Это были вполне приличные фильмы, яркие и красочные, но создавались они ради рекламы, и потому в них больше говорилось о красотах и схожести Арцора с Землей и совсем мало о местных формах жизни.

Норби был очень высок по земным меркам, больше семи футов, и возвышался над Стормом на добрые двадцать дюймов. Он казался удивительно тощим для такого роста. Двурукий и двуногий, как все гуманоиды, с красновато-желтой кожей, напоминающий цветом камни Арцора. Но была в их внешности еще одна деталь, которая неизменно поражала всех новичков — рога! Белые, цвета слоновой кости, длиной около шести дюймов, они плавно закручивались назад на голом куполе черепа.

Сторм попытался отвести свой взгляд от рогов и сосредоточиться на летающих пальцах Дорта. Он решил как можно быстрее выучить эти знаки. А сейчас, давно перестав понимать хоть что-то, он, вздохнув, перенес свое внимание с рук Дорта на одежду и оружие туземца.

На нем был длинный панцирь из шкуры йорис, который закрывал тело от подмышек до бедер, оставляя свободными только ноги, обутые в высокие сапоги — совсем такие же носили колонисты для защиты от колючего кустарника. Доспехи эти были перепоясаны двойным ремнем из шкур, и на этом поясе висели несколько мешочков, затейливо расшитых бусами, а еще — ножны с охотничьим ножом. Другое оружие было у туземца в руках и Сторм достаточно внимательно рассмотрел его. Странно было видеть здесь, на другом краю Галактики, обычный земной лук, но это был именно он.

Дополняло этот необычный наряд широкое ожерелье, лежавшее на плечах, а впереди спускавшееся почти до пояса, целиком собранное из полированных клыков йорис. «Если такое ожерелье может добыть себе каждый норби, вооруженный только ножом и луком, — подумал Сторм, — то эти охотники достойны признания в компании самых крепких парней Галактики!»

Дорт закончил разговор и опустил руки на луку седла, когда туземец начал жестикулировать в ответ. И он буквально замер, когда норби с поразившей землянина быстротой сдернул лук и положил стрелу на тетиву.

— Спасай свою кошку! — крикнул он.

Сторм свистнул, подзывая Сурру. Она тихо вышла из травы и подошла к ним, словно не замечая неумолимо следующего за ней наконечника стрелы. Дорт что-то быстро передавал на пальцах. Но Сторм решил разрядить обстановку по-своему. Он скользнул с седельной подушки, шагнул к Сурре, и та ласково потерлась о его ноги. Тогда Сторм опустился на колени, а огромная кошка положила ему передние лапы на плечи и лизнула в щеку.

3

Сторм смотрел в желтые глаза норби — вертикальные зрачки туземца почти округлились от удивления — и вслушивался в щебечущие звуки, вырывающиеся из его горла. Туземец от удивления заговорил на своем языке, в то же время спрашивал о чем-то Дорта быстрыми движениями пальцев.

— Если можно, — тихонько сказал Дорт Сторму, — позови сюда и своего орла. Похоже, ты произвел на него впечатление, и это может здорово нам помочь.

Землянин почесал Сурру за ушами и поднялся на ноги. Отойдя немного в сторону, он натянул наплечник и свистнул. Широкие крылья прорезали воздух, и Баку медленной спиралью опустился прямо на плечо землянина. Его огромные когти даже не царапнули тела, когда он привычно примостился на наплечнике. В беспощадном сиянии солнца Арцора его черно-синий плюмаж горел металлическим блеском, а ярко-желтые кончики перьев на жестком голубовато-сером воротнике сияли, словно их только что покрасили.

— Саас! — Сигнал землянина предупредил кошку и птицу о возможной опасности. И пушистая и покрытая перьями головы понимающе кивнули ему в ответ, а две пары хищных блестящих глаз уставились на норби с почти разумным интересом.

— Отлично! — весело сказал Дорт. — Только ты следи за ними хорошенько, когда мы будем в лагере.

Сторм кивнул и изумленно уставился на то место, где только что стоял туземец. Землянин немало гордился своим умением маскироваться, но этот норби дал бы сто очков вперед любому разведчику, какого Остин когда-либо знал.

— Лагерь немного ниже, на берегу озера, — объяснил Дорт, поудобнее устраиваясь в седле. — Да, и еще одно, — он вытащил из кобуры свой парализатор и выпустил весь за-

ряд в воздух. — У нас считается дурным тоном входить в лагерь с заряженным оружием, — пояснил он, пряча парализатор в кобуру.

Сторм молча сделал то же самое. Баку опять поднялся в воздух, а Сурра мягко шла рядом со всадниками и только легкое подергивание хвоста выдавало ее волнение.

Все в этом мире интересовало и возбуждало ее — запах незнакомой пищи, странно пахнущая, чужая жизнь, копошащаяся вокруг, непривычные звуки, доносящиеся с реки под обрывом.

Лагерь норби был поставлен непривычно на взгляд землянина. Жерди из местной древесины, мягкие и податливые во влажные сезоны и твердые как железо в сухое время лучше всего подходили для каркасов куполообразных жилищ. Сверху эта конструкция обтягивалась пологом, сшитым из кусочков разных шкур, добытых на охоте. Голубые шкуры фравнов соседствовали с серебристо-желтыми шкурами молодых йорис, и все это обрамляли ярко-красные полоски меха речных грызунов. Самый большой шатер был украшен понизу и по дверному проему бордюром из сказочной красоты птичьих перьев.

Сторм сразу же, как только они спустились в лагерь, заметил, что здесь нет ни одной женщины. Зато они оказались в центре внимания всех мужчин лагеря. Молодые и старые, все вооруженные одинаково, они настороженно разглядывали пришельцев. Разведчик, с которым они разговаривали на тропинке, ждал их у шатра, украшенного птичьими перьями.

Не обращая внимания на такой подчеркнутый интерес, мужчины из внешнего мира прошли к шатру, и Дорт лицом к лицу встретился с вождем племени.

Сторм остался стоять немного позади его, стараясь не обнаруживать свой интерес к окружающей обстановке. Он насчитал два десятка круглых шатров и понял, что в каждом таком шатре живет семья из пятнадцати или более туземцев. Он знал, что по обычаю норби воин переходит в шатер отца своей жены на положение сына, пока не обзаведется достаточным количеством детей, чтобы основать собственную семью. Это был обычный поселок норби, племени, поклоняющегося тотему-птице Цамле, чье стилизованное изображение украшало щит, висевший перед шатром вождя.

— Сторм, — тихонько сказал Дорт, продолжая разговор на пальцах с бесстрастными туземцами. — Позови-ка сюда своего орла.

— Ясно, — кивнул землянин. — Они люди племени Цамле и вы надеетесь, что они примут орла за мой тотем.

Он снова свистнул, призывая Баку и натянул наплечник. Но на этот раз все вышло не так гладко. Орел явился, пронзительно крича, что было совсем не похоже на обычное его поведение. И он не опустился на плечо Сторма, а снова взмыл в воздух, явно нацелившись когтями на шатер, словно принял за врага покрывавшие его пестрые шкуры. Сторм торопливо шагнул к шатру.

Баку наконец опустился на землю. Приседая, распустив свои огромные крылья, какой-то странной прискочкой он двинулся к шатру, не обращая внимания на расступающихся туземцев. Он явно был в ярости, хотя землянин не видел вокруг ничего, что могло бы разозлить его до такой степени.

Он так ничего и не понял, пока из шатра не раздался пронзительный клекот и навстречу наступающему орлу метнулся какой-то зеленый смерч. К счастью, Сторм успел среагировать и схватить Баку за ноги, прежде чем он сцепился с противником.

Орел в бешенстве клекотал и бил крыльями, пытаясь освободиться, но Сторм из всех сил сдерживал его, одновременно восстанавливая мысленный контакт, который удержал бы орла крепче, чем руки. Вождь тоже схватил своего пернатого защитника и сдерживал его, пока один из воинов не набросил на разгневанную цамле маленькую сеть. Когда зеленую птицу унесли обратно в шатер, и Баку немного успокоился, Сторм посадил его, как обычно, на плечо и закрепил так, чтобы орел не мог взлететь, пока его не отпустят.

Облегченно вздохнув, он повернулся и увидел, что вождь внимательно разглядывает орла. Пальцы туземца замелькали, и Дорт перевел:

— Вождь Кротаг желает знать, является ли эта птица твоим тотемом?

— Да, — кивнул Сторм, надеясь, что этот жест имеет одинаковое значение и на Земле и на Арцоре.

— Слушай, Сторм, — в голосе Дорта обычно таким спокойном явно слышалось возбуждение, — можешь ты показать им какие-нибудь шрамы? Здесь шрамы — своего рода знак отличия. Они докажут, что ты воин, а раз у тебя вдобавок есть птица-тотем, вождь может принять тебя как равного.

Что-ж, если им нужны шрамы, Остин был вполне готов их продемонстрировать. Он потянул за свободный конец шнурка своей блузы, дернул вниз шелковистый материал и обнажил левое плечо, украшенное рваной белой линией старого шрама. Это осталось ему на память о встрече с двумя не в меру бдительными часовыми в далеком мире, солнце ко-

торого казалось всего лишь тусклой звездочкой в ночном небе Арцора.

— Я воин, и мой пернатый тотем не раз спасал мне жизнь, — сказал Сторм, обращаясь прямо к вождю, словно тот мог понять его без перевода.

Вождь ответил ему щебечущей речью и движениями пальцев.

Дорт улыбнулся.

— Ты добился своего, парень. Они признали тебя настоящим воином и теперь приглашают нас на пир. Там мы и поговорим...

Племя Кротага отпустило с ними пятерых опытных следопытов и Ларкин был доволен, хотя и знал, что туземцы считают ночное происшествие счастливым случаем, который Тот, кто вызывает гром в горах, милостиво ниспослал для того, чтобы их племя присоединило к своему достоянию новых лошадей.

По мере того, как норби в парах с объездчиками возвращали далеко разбежавшихся животных, становилось все более и более очевидным, что Сторм прав, и вся эта паника была подстроена нарочно. Хотя туземцы и не нашли никаких явных следов человеческого вмешательства, было и так ясно, что лошадей сразу же разбили на небольшие группы и хорошо укрыли в ущельях и каньонах долины.

Сторм очень быстро понял, что норби и не стараются найти причину нападения, особенно после того, как несколько раз получил в ответ на прямые вопросы только невнятное бормотание. Ему и самому стало казаться вполне вероятным, что люди Кротага, которые сейчас так виртуозно отыскивали разбежавшихся лошадей, могли сначала сами их припрятать, чтобы теперь вернуть, получив от Ларкина в уплату за свою помощь жеребца или пару кобыл.

Землянин даже удивился, как скоро наступил день, когда они снова двинулись в путь. Он глотал красную пыль, поднятую табуном, в одной цепи со всеми помогал направлять голову табуна. Землянин остановился, чтобы поправить шейный платок, прикрывающий рот и нос от пыли, и заметил далекий силуэт объездчика, который казался отсюда совсем крошечным и был бы совсем незаметен, если бы не яркая белая лошадь.

Это был Кол Бистер. Вообще-то Сторму следовало благодарить Бистера, ведь именно он нашел и пригнал Рейна, верховую лошадь землянина. Но почему-то бывший командос не находил в своей душе ни малейшей симпатии к этому чело-

веку. Бистер был из тех, кто громче всех протестовал против приглашения норби. К тому же, землянин постоянно чувствовал его скрытую враждебность к себе, хотя кроме него этого не замечал никто.

Обычно землянин держался в лагере несколько отстраненно, используя своих животных как предлог, чтобы селиться отдельно от других. Но его искусство в обращении с лошадьми принесло ему такое признание, на которое обычно не могли претендовать новички из внешних миров. После паники Ларкин задумал объездить новых лошадей на место рабочих, и мужчины охотно собирались понаблюдать его работу.

Сторм, хотел он того или нет, уже занимал несколько привилегированное положение. Объездчики по достоинству оценили и его особый талант, и ровный характер, и постоянную готовность нести свою часть рутинной работы в стаде. Они охотно прощали ему некоторую замкнутость, в которую он, еще в Центре, закрылся, как в раковину. Жителям пограничья древняя планета, на которой зародился человеческий род, всегда казалась несколько таинственной. Гибель Земли стала для рассеянного по звездам человечества величайшей трагедией и особенно сказалась она на прирожденных землянах. И это придавало Сторму в глазах жителей Арцора величавый ореол изгнанника.

По-настоящему он сблизился только с Дортом Лансином и Ларкином, даже, пожалуй, подружился. Дорт обучал его пальцевой речи туземцев и с удовольствием пересказывал ему предания норби, которые сам собирал все эти годы. Он испытывал к землянину глубокую привязанность учителя к талантливому ученику. А с Ларкином их связывали лошади, о которых тот мог целыми часами толковать у ночного лагерного костра.

Вот так он сошелся с Дортом и Ларкином, насколько он теперь вообще мог привязаться к кому бы то ни было, и даже полюбил их.

А вот Бистер, насколько он понимал, мог стать для него настоящей проблемой, с которой ему вовсе не хотелось разбираться. Не то чтобы Сторм боялся драки, к которой вполне могла привести эта неприязнь. Нет! Сторм легко угадывал в Бистере вздорного задиру и, несмотря на то, что тот был выше и тяжелее его, знал, что в честной драке он победит.

Если драка будет честной... Сторм под платком облизнул губы. Почему ему пришла в голову эта мысль? И почему его сейчас беспокоит то, что Бистер маячит у него перед глазами, словно ожидает чего-то? Сам Сторм никогда не рвался в драку, он, скорее, старался избегать неприятностей, пока необ-

ходимость не вынуждала встретить их лицом к лицу. Почему же он не хочет связываться сейчас с проблемой Бистера, если все равно рано или поздно ее придется решать?

Другой всадник поравнялся с Рейном, и красновато-желтая рука оторвалась на мгновение от поводьев из шкуры йорис и поднялась в знаке приветствия. Хотя у норби, как и у Сторма, нижняя часть лица была закрыта платком, землянин сразу узнал Горгола, юношу из нанятых Ларкином разведчиков.

— Много пыли, — туземец жестикулировал медленно и отчетливо, зная, что Сторм еще плохо владеет этим языком. — Сухая дорога...

— Облако с гор принесет дождь? — просигналил Сторм.

Норби повернул голову, так чтобы видеть за плечом красневшее перед восходом небо на востоке.

— Будет дождь, будет слякоть... — ответил он.

Сторм вспомнил, что Ларкин опасался слякоти. Дождь, сильный и долгий ливень, какие были нередки в этой пустыне, живо расквасил бы всю землю на плоской равнине, превратив ее в опасное болото.

— Ты воин с птицей-тотемом, — утвердительно просигналил туземец. Этот норби ехал верхом с непринужденной грацией, незаметно подравнивая шаг своей некрупной черной с белым кобылы к размашистой рыси Рейна. Он так и ехал рядом с землянином, выполняя этот непростой маневр словно на параде.

Сторм кивнул. Горгол словно невзначай коснулся странных изогнутых предметов висевших на шнурке у него на груди. Он тут же смущенно отдернул руку и снова начал разговор:

— Я пока не воин, только охотник. Я поднялся на Горный Пик и убил «злого летуна».

— «Злого летуна?» Я не из вашего мира и я никогда о таком не слышал. Что это за «злой летун»?

— Огромный! — норби руками попытался показать размеры. — Птица... злая птица, — охотится на лошадей, охотится на норби... убивает!

Его большой и указательный пальцы соединились в знаке, выражающем внезапную и жестокую гибель, и когда он снова поднял руку, трофеи на его груди сухо щелкнули по его доспехам из шкуры йорис. Заинтересовавшись, Сторм протянул руку, складывая пальцы в знак вежливой просьбы. Парень снял шнурок и подал его землянину. Предметы на шнурке, очевидно, были птичьими когтями. Сторм представил для

сравнения почти дюймовые когти Баку и понял, каким огромным было это создание. Каждый коготь был длиной с его ладонь от запястья до конца среднего пальца. Он протянул трофеи хозяину.

— Ты — великий охотник, — просигналил Сторм и несколько раз энергично кивнул, подчеркивая свое уважение. — Наверное, трудно было убить «злого летуна»?

Лицо Горгола до половины было закрыто платком, но все его существо просияло от удовольствия, когда он ответил:

— Я убил его вместо человека. Еще не воин, нет... но охотник.

«И очень этим гордится», — подумал Сторм. Конечно, если мальчик убил это чудовище, как он описывает, в одиночку, — а Сторм уже знал от Дорта, что праздное хвастовство совсем не в обычае у норби — он с полным правом может называть себя охотником.

— Ты — хозяин фравнов? — продолжил разговор норби.

— У меня пока нет земли и нет фравнов, — ответил землянин.

— Так стань охотником, убей «злого летуна», убей йорис, сними с нее шкуру...

— Я — чужак, — Сторм стал передавать еще медленнее, пытаясь выразить отвлеченные понятия. — Норби охотятся на своих землях. Пришельцы с дальних миров не могут там охотиться.

Охотничьи законы соблюдались строго. Землянин узнал об этом еще в Центре, а здесь, в космопорте, ему еще раз об этом напомнили. Объездчики могли убивать йорис и других хищных тварей, нападавших на скот. Но остальные животные, обитающие в горах или на землях туземцев, были под запретом для всех колонистов.

— Ты воин, имеющий птицу-тотем, — возразил Горгол. — У людей Кротага тоже птица-тотем. Ты будешь охотиться на землях Кротага, и никто не будет возражать.

Глубоко в душе Сторма шевельнулось полузабытое чувство, замороженное с того дня, когда он вернулся после тяжелых трех месяцев, проведенных в разведке за линией фронта, и узнал, что у него больше нет дома. Он беспокойно заерзал на седельной подушке, и Рейн недовольно фыркнул, словно ощутил тот же болезненный укол. Когда Сторм наконец справился с этим неожиданным душевным откликом на предложение Горгола, лицо его снова скрылось под бесстрастной маской.

— Ты опаздываешь! — хриплый от пыли голос Бистера

резанул не только по ушам, но и по натянутым нервам землянина. — Или этот козел ведет тебя туда, где они их спрятали?

Эта новая колкость снова заставила Сторма задуматься о причинах их взаимной неприязни. Да, он не любил Бистера и это само по себе было достаточно неприятно в его теперешнем положении. Но сейчас он почувствовал необходимость как-то ответить на оскорбление, нанесенное другому. Землянин и не подозревал, что его глаза на этот раз выдали его. А Кол Бистер внимательно наблюдал за ним и замечал любую мелочь.

Колонист опустил платок прикрывавший лицо и сплюнул.

— А может, ты считаешь, что у этих козлов мозгов не хватит придумать такой план и организовать все это?

Сторм внимательно следил за правой рукой колониста. На широком запястье Бистера была надета петля от длинной плетки из дубленой шкуры йорис.

— Мы недосчитались бы многих лошадей, если бы не помощь людей Кротага, — сказал Сторм, беззаботно покачиваясь на своей седельной подушке. Он демонстративно убрал руки подальше от пояса с оружием. Но он чувствовал, что здесь сейчас произойдет, словно всосал это знание прямо из воздуха вместе с пылью.

Рука поднялась, словно для того, чтобы подогнать жеребца, отстающего от группы, рысящей впереди. Могло быть и так, что Бистер решил подстегнуть своего усталого жеребенка.

Но Сторм так не думал. Внезапно сжав колени, он послал Рейна вперед, рассчитав так, чтобы плеть из шкуры йорис не задела голую ногу Горгола, а коротким жалящим ударом опустилась на хорошо защищенное бедро Сторма.

К этому Бистер был вполне готов, но совершенно не ожидал того, что случилось дальше. В одно мгновение Сторм свалил этого здоровенного мужика на землю, и рука, державшая плеть отнялась по локоть. С нечеловеческим ревом взбешенный Бистер вскочил и бросился на землянина, чтобы тут же получить жесткий удар ребром ладони. Бывший командос еще не забыл своих тренировок. К его удивлению, Бистер не попытался броситься на него еще раз. Когда эта туша пришла в себя и поднялась на ноги, видно было, что его трясет от ярости. Он тяжело дышал, кровь бросилась ему в лицо, но он не стал продолжать драку.

— Мы еще не закончили, — сказал он. — Я о тебе немного наслышан. Говорят, будто вы, командос, можете убить человека голыми руками. Ладно. Подожди, пока мы придем в

Гроссинг и я посмотрю, как ты будешь стоять под дулом оружия. Я с тобой еще не закончил... и с этими козлами тоже еще посчитаюсь!

Сторм был так поражен, что с него даже слетела обычная самоуверенность. Такая тирада абсолютно не вязалась с обычным поведением Бистера!

Никогда, Сторм был в этом уверен, не было случая, чтобы арцорианский объездчик схватился за оружие и не выстрелил. Вглядываясь в это пылающее лицо, в эти темные упорные глаза, Сторм задумался, а не ошибся ли он, определяя характер Кола Бистера? Этот человек явно не был испуган... и он по-настоящему ненавидел! Почему же он отказывается продолжать драку? Землянин пристально наблюдал за ним, покачиваясь в седле. Он предоставлял Бистеру самому сделать следующий ход в этой игре, пока сам не разберется получше в ее правилах.

— Запомни, — пальцы Бистера прилаживали шейный платок, закрывая маской квадратные челюсти. — Мы с тобой еще встретимся...

Сторм пожал плечами. Бистер, без сомнения, подкарауливал его, но сейчас явно не хотел, чтобы Сторм это понял.

— Поезжай в свою сторону, Бистер, — коротко бросил он отворачиваясь, — а я поеду в свою. Я не ищу себе приключений.

Тот отъехал галопом, и Сторм повернулся к Горголу, наблюдавшему это бегство. Норби ехал рядом с землянином и его глаза выражали явное удивление, когда он просигналил:

— Он сам вызвал, и он же отказался сражаться. Почему?

— Твои догадки стоят столько же, сколько мои, — сказал Сторм вслух и тут же перевел это в жесты. — Я не знаю почему, но он очень не любит норби. — Он подумал, что стоит предостеречь мальчика, чтобы он знал, чего можно ожидать от таких забияк в будущем.

— Это мы знаем. Он думает, что это мы разогнали лошадей, спрятали их, а потом нашли для Ларкина. Возможно, такое и могут сделать норби... дикие норби, живущие в горах. Но только не люди Кротага. Мы заключили договор с Ларкином. Мы честно соблюдаем договор.

— Но кто-то спрятал этих лошадей, сначала натравив йорис, — заметил Сторм.

— Верно. Возможно, это Отверженные. В горах много отверженных. Это не норби. Они сами совершают набеги на земли норби! Норби сражаются... убивают!

Горгол послал свою лошадь вперед, догоняя группу, а Сторм по-прежнему ехал медленным шагом.

У землянина были свои причины приехать на Арцор и стремиться сейчас в глубь Низины. Он совсем не ожидал, что его здесь втянут в чужие конфликты. Да, у Ларкина случилась беда, и он не мог не помочь ему, как профессионал! Но зачем ему эта ссора с Бистером? И еще меньше хотелось ему вмешиваться в отношения колонистов и норби.

В этот же вечер на чих с громом и молниями обрушился давно собиравшийся ливень. После первого яростного порыва он быстро перешел в нудный, нескончаемый дождик. И объездчики Ларкина имели теперь полную возможность сравнить минувшие неприятности с новыми.

Сурра заползла под навес тележки, улеглась вместе с сурикатами и наотрез отказалась выходить и мокнуть под дождем. Даже Баку искал укрытия. Раньше команда не сталкивалась с затяжными дождями, и сейчас зверям было не по себе. Сторм чувствовал то же самое, когда Рейн увязал в грязи чуть не по колено или когда въезжал в водовороты вздувшейся реки, чтобы поймать отбившуюся лошадь на ничейном броде возле границы лагеря норби.

К концу второго дождливого дня Сторм окончательно уверился, что без помощи разведчиков норби они не продвинулись бы и на милю. Казалось, слякоть совсем не утомляет выносливых горных лошадок норби, хотя это было сущим мучением для всех пород, завезенных с внешних миров. Туземцы, похоже, тоже не знали усталости.

На третий день дождь начал стихать, и появилась надежда, что уже через пару дней они доберутся до ярмарки — новость, которую все приняли с немалым облегчением.

4

Земля впитывала воду как губка. Пригревшее солнце вызвало такой буйный рост листвы, какого Сторм никак не ожидал в этой пустыне. Лошадей приходилось сдерживать, чтобы они не поскользнулись и не захромали. А землянину приходилось еще следить за Хо и Хингом, которым очень понравилось копать мягкую влажную землю. Почти невозможно было поверить, что всему этому изобилию отпущено только шесть недель, а потом вся эта земля вновь превратится в пустыню.

— Роскошно, правда? — Дорт въехал на своей лошадке

на пригорок и присоединился к Сторму. На желто-зеленой траве перед ними тут и там вспыхивали белые, золотые и алые цветы. — Но погляди на это место месяца через полтора — все исчезнет. Песок и скалы, несколько голых колючих кустиков — вот и все, что здесь останется. Эта земля меняется быстро! Вот посмотришь...

— Уверен, что это не касается внутренних областей Низины. Иначе фравны не могли бы кочевать там круглый год.

— Ты прав. Дай кто-нибудь этой земле воду, и здесь вырастет все, что тебе угодно. В Низине вода круглый год, а кроме того, там есть травы с длинными корнями, легко переносящие засуху. Можно гонять стада к источникам или впадинам, где сохраняется вода. Трудно только удержать животных в одном месте надолго. Фравны — большие обжоры и потому всегда разбредаются очень широко. Мой отец имел там семьдесят квадратов и круглый год пас две тысячи голов.

— Ты родился на Арцоре, Дорт? — в первый раз Сторм рискнул задать личный вопрос.

— Конечно! У моего отца было тогда небольшое поместье вниз по Квипиве. Сам он тоже родился здесь. Наша семья происходит от прилетевших на Первом Корабле, — подчеркнул он с гордостью. — Сейчас здесь живет уже третье наше поколение, и пять пастбищ помечены нашим клеймом — отца, мое, брата, сестры и ее мужа в полуостровной стране. А еще мой дядюшка и два его сына... а у них есть свои — Борги и Рифт, над Крепкой Горкой.

— В такой мир приятно вернуться. — Рассеянный взгляд Сторма скользнул по равнине к горам на востоке, которые сразу поманили его к себе, стоило ему выйти из корабля.

— Да. — Дорт быстро взглянул на Сторма и тут же отвел глаза. — Это хорошая страна... дикая. Человек здесь может дышать свободно. Когда меня призвали в армию, я повидал и Грамбаги, и Волчью Троицу, да и другие миры, где люди живут, собравшись в толпы, и скажу честно — мне это не подходит. — Потом, словно любопытство прорвалось вдруг сквозь обычную вежливость, он заметил. — А ты, похоже, видел земли вроде этой. Ты здесь прямо как дома.

— Да, было дело. Не очень похожую, но такую же пустынную и гористую, то вспыхивающую ненадолго яркими бесплодными цветами, то высохшую и мертвую летом. Горячее солнце, высокие горы...

— Это не было случайностью... это было хладнокровно спланированное убийство! — лицо Дорта вспыхнуло, ярость горела в его глазах.

Сторм пожал плечами.

— Так уж случилось — он тряхнул поводьями и жеребец, осторожно переступая, начал спускаться с пригорка.

— Послушай, сынок, — Дорт опять поравнялся с ним, — ты ведь можешь получить землю, ты же ветеран.

— Я узнавал, — отозвался Сторм. — Десять квадратов, если я останусь на постоянное жительство.

— Землянам — двадцать, — поправил его Дорт. — Сейчас мы с братом собираемся использовать прекрасные пастбища на восточной развилке Стаффы, и земля в этой стороне свободна до самых Пиков. Если ты не собираешься оставаться с Ларкином и гонять его табуны, почему бы тебе не проехать туда со мной и не посмотреть. Это хорошая земля, хоть на окраинах и сказывается засуха, но Стаффа позволяет легко одолеть сухой сезон. Ты можешь получить свои двадцать квадратов там, у самых Пиков. У Квада там тоже участок...

— У Бреди Квада? А я думал, его владения в Низине...

— О, у него много пастбищ. Он тоже из семьи с Первого Корабля, хотя он и состоял когда-то в Наблюдательной службе и даже ходил в свое время во внешние миры. Он привез сюда лошадей и пытался завести здесь земных овец. Правда, овцы не прижились, они в первый же год подхватили какую-то заразу... Во всяком случае, на пастбище у Пиков он посадил своего сына...

— Своего сына? — Сторм теперь слушал с явным интересом.

— Да. Бред и его мальчишка Логан никак не уживутся вместе. Парня не любят другие пастухи — он дружит с норби и стал лучшим разведчиком и следопытом. Он пытался даже уйти в армию, заявился в Гадес на вербовочный пункт, но его не взяли — годами не вышел. Около двух лет назад Бред дал ему эту дикую землю возле Пиков, чтобы парень привыкал хозяйствовать. Не слышал, что он поделывает последнее время, — рассмеялся Дорт. — Вот приедем домой и поболтаем о новостях, которые собрали наши друзья, пока мы тут звезды считали.

— Эй, — окликнул их Ларкин, — оглядитесь вокруг как следует, мы собираемся встать здесь на ночь.

Сторм отправился в правую сторону, Дорт поехал налево. Похоже, несмотря на плохую дорогу, завтра они будут в Гроссинге. Ларкин хотел дать лошадям отдохнуть пару дней перед ярмаркой. Землянин медленно ехал и размышлял. Значит, у Бреда Квада есть сын. Меняет ли это как-то планы Сторма? Он искал встречи и схватки с Квадом. Он и сюда

прилетел, чтобы отыскать Квада, и, конечно, отыщет! Какая разница, есть у Квада семья или нет? Сторм решил отложить этот вопрос «на потом», так и не придя ни к какому решению.

Спокойный и оживленный вернулся он к своим обычным делам. Большинство мужчин были в праздничном настроении. Даже норби чирикали о чем-то между собой и не спешили оставить лагерь даже после того, как получили обещанную плату. Здесь отряд разделился. Ветераны, присоединившиеся к пастухам в космопорте, теперь разъезжались по своим владениям или собирались наняться к крупным владельцам из тех, что съедутся на ярмарку. Так уж сложилось, что на ярмарке не только продавали и покупали, но и заключали договора о найме.

Это было одно из двух больших ежегодных собраний, на которые съезжались люди, обычно работавшие в одиночку. И все время ярмарки было занято делами и развлечениями, торговлей и весельем.

Ларкин присел рядом с землянином, когда тот сидел у костра скрестив ноги и любовался шутливой схваткой своих сурикатов. Сурра лежала у него за спиной и лениво вылизывала свои лапы.

— Слушай, Сторм, ты собираешься брать землю? Закон предоставляет тебе неплохой кусок...

— Не сейчас. Дорт рассказывал мне о землях по Стаффе, стекающей с Пиков. Вот я и хочу сперва съездить и поглядеть.

«Отговорка не хуже любой другой», — устало подумал он.

Ларкин оживился.

— Что ж, у Пиков земля хорошая, почти совсем нетронутая. Я тут тоже кое-что придержал за последнее время. На ввозе лошадей я неплохо зарабатываю. Но привозят их с других миров не так уж много. Конечно, мы могли бы заняться чем-нибудь другим — хоть фантастическими породами с Аргола. Но все они не очень годятся для работы в горах, а старые земные породы почти исчезли. Вот и появился у меня такой план. Сам я предпочитаю хорошие старые породы — кое-что из них есть у меня в табуне, да еще я приглядел несколько кобыл в лагере норби. Все они — потомки двух поколений, родившихся на Арцоре. Если правильно подобрать производителей, я вполне смогу создать новую породу — лошадь, которая не требует слишком много воды, спокойно пробирается в зарослях кустарника и способна целый день без отдыха идти рысью за стадом фравнов. Так вот, сынок, ты как никто умеешь обращаться с животными. А сейчас ты при-

сматриваешь себе землю у подножья Пиков. И то и другое очень мне подходит, так что мы вполне могли бы объединиться. Подумай как следует, и если тебе это подходит, найди меня, когда кончится ярмарка.

Снова что-то стронулось в душе землянина, грозя разрушить стену, которую он воздвиг между собой и остальным миром. Трижды за последнее время Сторму предлагались заманчивые перспективы. Сперва — Горгол, потом Дорт, а теперь вот и Ларкин. Сторм сдержался и ответил с той уклончивой вежливостью, которую он усвоил еще в Центре.

— Знаешь, Ларкин, сперва я хотел бы посмотреть землю. Ну, а потом можно будет поговорить и о твоем предложении.

Но он знал, что еще задолго до этого он встретит Бреда Квада, а может быть, и его сына Логана — единственных, кто по-настоящему интересовал его в этом мире.

Отчасти для того, чтобы избавиться от этих мыслей, Сторм позволил Дорту уговорить себя отправиться в город этой же ночью. Они решили оставить всю команду в лагере и ехать только втроем — Остин, Дорт и Ренсфорд. Так их появление в городе, столь не похожем на все другие селения, могло сойти незамеченным.

Все человеческие поселения на Арцоре относились примерно к одному времени. Но это отличалось какой-то своеобразной новизной, какой землянин прежде не замечал нигде. Даже в промежутках между ярмарками Иравади-Гроссинг сохранил какой-то городской дух, хотя, честно говоря, был просто единственным поселком на несколько тысяч квадратов гористой земли.

Город встретил их неистовым шумом. Сторму никогда раньше не приходилось видеть такого кипения жизни ни на Земле, ни в регламентированном, расписанном по минутам унылом существовании Центра.

Едва они спешились, как стали свидетелями какого-то разбирательства: двое колонистов выхватили парализаторы, быстренько всадили друг в друга по заряду и отключились. А еще через мгновение они увидели другой спор, в котором истина выяснялась при помощи кулаков.

— Хорошо разгулялись ребята, а? — усмехаясь, заметил Дорт.

— А не может ли кто-нибудь пустить парализатор на полную мощность? — спросил Сторм, и с удивлением услышал холодный ответ Ренсфорда:

— Уверен, что никто, разве только Отверженные. Когда-то и здесь бывали любители пострелять, но быстро переве-

лись. Мы здесь не допустим убийств. Парни, если хотят, играют с парализаторами — от них не будет ничего худого, кроме головной боли поутру — или объясняются с приятелями на кулаках. Но серьезная стрельба запрещена!

— Я видел, как однажды объездчики дрались на длинных ножах норби, — хмуро вмешался Дорт. — Это было скверное дело, и победителя отправили в психобольницу в Истайна. Сами норби бьются до смерти, если получают «боевой» вызов на поединок. Но это их старый обычай, и мы в это не вмешиваемся.

— Да, — кивнул Ренсфорд. — Эти поединки, похоже, как-то связаны с религией. Парень, заработавший шрам в единоборстве, получает право взять жену и голос в совете. У них и кандидат на место вождя должен доказать свою силу в поединке — в-общем, целая система, и довольно сложная. Эй, парни, а это что еще такое?

Кто-то, шатаясь, выбрел на них из темноты и налетел на Дорта, чуть не сбив того с ног. Дорт спокойно отпихнул его. Мужчина развернулся, и тут выяснилось, что он способен двигаться куда быстрее, чем можно было предположить по его походке.

Прежде чем Сторм успел вмешаться, парень выхватил из кобуры парализатор и прицелился, но не в изумленного Дорта, а прямо в землянина.

Бывший командос действовал автоматически. Он ударил нападающего по запястью и выбил парализатор прежде, чем тот успел нажать спусковую кнопку. Но незнакомец вовсе не счел себя побежденным. Точным и сильным броском кинулся он на Сторма, но напоролся на жесткий встречный удар. И прежде чем окружающие успели сообразить, что тут дерутся, он уже валялся на земле.

Сторм перевел дыхание и постоял, потирая ребро ладони и поглядывая на отключившегося объездчика. Он не знал, полагается ли по местным обычаям помочь побежденному, или нужно оставить его лежать.

Наконец он решился, подхватил все еще не пришедшего в себя колониста подмышки и, чувствуя тяжесть его безвольного сейчас тела, потащил к стене ближайшего здания. Выпрямившись, землянин заметил в сгустившихся сумерках какую-то неясную фигуру. Человек этот спешил прочь, но когда он на мгновение оказался в полосе яркого света, падающей из открытой двери кафе, землянин узнал Бистера. Неужели парень, ни с того ни с сего набросившийся на Сторма, был подослан Бистером? Почему же сам Бистер не может или не хочет идти на открытую драку?

— Черт возьми! — прервал его размышления голос Дорта, — Что ты такое сделал? Со стороны казалось, что ты только коснулся его, а он вдруг свалился и вырубился, словно получил хороший заряд! Но ты ведь даже не трогал парализатор...

— Быстро и четко, — усмехнулся подоспевший Ренсфорд. — Выучка командос?

— Да.

Но Ренсфорд совсем не разделял восторгов Дорта.

— Будь поосторожней, малыш, — хмыкнув, предупредил он.

— Сейчас ты показал, что ты крутой парень, и любой из хозяев будет рад взять тебя на работу. А так, хоть у нас и не стреляют, но человек и без этого может попасть в хорошую передрягу. Если ты нарвешься на целую шайку, тебе и твоя выучка не поможет...

— Ну почему у здорового парня после обычной драки должны коленки трястись? — возразил Дорт. — Осторожные парни сидят по своим лагерям, ты сам знаешь. Слушай-ка, Сторм, а почему, собственно, ты сразу прыгнул на это чучело?

— Я увидел его глаза, — коротко ответил Сторм.

— Все правильно, — согласился Ренсфорд. — Парень хотел стрелять всерьез. Не выбей Остин у него парализатор, он бы всадил в малыша полный заряд. Он уже был заведенный. Только вот почему он бросился именно на тебя?

— Оставь парня в покое, Ренни! Что ж ты ему теперь прикажешь все споры рассчитывать на пальцах?!

Ренсфорд захохотал.

— Ну, в этом-то споре он работал не пальцами, скорее уж ребром ладони. Но я и вправду хочу его предостеречь. Ты здесь еще новичок, Сторм, а город сегодня разгулялся не на шутку. И здесь хватает типов, которые любят задирать новичков.

Сторм улыбнулся.

— Это меня не тревожит. Но все же, Ренсфорд, спасибо за предупреждение, постараюсь быть осторожнее. Я никогда не дерусь для забавы.

— Это правильно, малыш, но иногда я думаю, что уж лучше бы ты дрался действительно в шутку. А то оставь тебя на минуту одного, и ты, такой тихий и мирный, уже сцепился с кем-то, как твоя большая кошка с йорис. Только я думаю, и она не будет разрисовывать своими когтями первого встречного. Ну ладно, сейчас мы отправимся в Со-

брание. В конце концов, хотим мы или нет посмотреть город сегодня вечером?

Дальние улицы были ярко освещены, и из всех открытых дверей доносился веселый праздничный шум.

Как Сторм понял, под крышей дома, куда они зашли, были собраны все удовольствия бара, театра и клуба. Здесь играли, разменивали деньги, заключали сделки. Здесь постоянно собиралась самая респектабельная мужская компания в Иравади-Гроссинг.

Шум, яркий свет, запахи еды, вина, лошадиного пота и разгоряченных человеческих тел оглушили вошедших. Все, что здесь он увидел, Сторму совсем не понравилось, и он уже подумывал развернуться и уехать назад в лагерь. Но Дорт уверенно пробивался к столу, чтобы попытать счастья в Новой Рулетке, которая за последние пару лет очистила немало карманов во всех мирах Конфедерации.

— Ренсфорд! — окликнул кто-то, — ты уже вернулся?

Сторм видел только руку, опустившуюся на плечо его приятеля, и профиль говорящего. Рука была такой же загорелой, как и у него самого. А на ее запястье!.. Сторм с трудом сдержался, чтобы не выдать своего удивления. Было одно-единственное место во Вселенной откуда могло явиться это украшение. Это был браслет с Дине, браслет, который по обычаю получал каждый навахо, ставший воином! Но откуда он мог взяться на запястье колониста Арцора? Не отдавая себе отчета, что подсознательно он уже готов к драке, землянин отступил чуть в сторону, напрягся, готовый и к нападению, и к обороне, и осторожно повел глазами от браслета к лицу его обладателя. Колонист и Ренсфорд присели несколько в стороне и Сторму пришлось чуть отойти, чтобы наблюдать за ними, не привлекая внимания.

Лицо колониста было таким же темным и обветренным, как и его руки. И волосы у него были такие же черные, как у Сторма... и все-таки он явно был не навахо. Лицо у него было сильное и привлекательное, с доброй усмешкой в углах мягкого рта, с жесткой волевой линией челюстей. И с яркими голубыми глазами под темными густыми бровями.

Сторм был совсем рядом и отчетливо слышал, как Ренсфорд радостно воскликнул: «Квад!», сжал руку, лежащую на его плече и энергично потряс ее.

— Я только что вернулся. Гнал вместе с Ларкином табун от самого космопорта. Смотри, Бред, не прозевай, можно сделать очень стоящую покупку из моего нового завоза.

Полные губы расплылись в улыбке.

— Это уже не новость, Ренни! Но я рад, что ты вернулся цел и невредим. Тут ходили слухи, что вам здорово досталось в самом конце.

— Наши арцорианские ополченцы почти все уцелели. Была только одна большая битва — и полная победа. Слушай, Бред, я хочу тебя познакомить...

Но Сторм, услышав это, отшатнулся и скрылся среди новичков, так, чтобы Ренсфорд его не заметил.

— Странно... — в голосе ветерана прозвучало замешательство. — Он только что был здесь, позади меня. Приезжий из внешних миров и отличный парень. Гнал вместе с нами табун. А как он лошадей объезжает! Землянин...

— Землянин? — переспросил Квад, перестав улыбаться. — Мерзлявые хиксы! — Эти его слова явно пришлись по вкусу всем присутствующим, выражая что-то не совсем понятное Сторму. Впрочем, на каждой планете, видимо, появлялись свои разновидности брани. — Лично я очень надеюсь, что дьяволы, закатившие этот пожар, сами на нем и поджарились... до хруста! Твой приятель заслужил все, что мы только сможем для него сделать. Ты все-таки покажи его мне. Сам знаешь, хороший лошадник — большая ценность. Но я слышал, ты собираешься в Уокинг.

Они отошли, а Сторм так и остался стоять. Он был поражен и немного пристыжен, заметив, как дрожат его пальцы, лежащие на поясе у рукоятки парализатора.

Человек, которого он сейчас увидел, совсем не подходил для тех планов, что он рисовал себе в туманных мечтах.

Не так рисовалась ему встреча с Бредом Квадом, не приятным знакомством в баре. Он мечтал, что они встретятся один на один, и у каждого будет бластер... нет, лучше нож! И это будет настоящий поединок, не по обычаю бескровных дуэлей Арцора, а всерьез, до конца...

Землянин уже повернулся к выходу, когда чья-то бычья глотка взревела, перекрывая весь остальной шум: «Бред Квад!!!».

Человек, который так раздраженно выкрикивал имя Бреда Квада, выглядел тощим и длинным, почти как норби.

— Да, Дьюмерой? — все тепло, которое слышалось в этом голосе, пока он разговаривал с Ренсфордом, бесследно исчезло. Сторм не раз слышал такой тон во время своей службы, и он обычно не предвещал ничего хорошего.

— Слушай, Квад! Опять твой недоносок взбесился — сует

свой нос, куда его не просят. Нашел бы ты на него управу, а то кто-нибудь сделает это за тебя.

— Уж не ты ли, Дьюмерой? — еще холоднее ответил мужчина.

— Может, и я. Он поссорился с одним из моих ребят и выставил его с Пиков.

— Дьюмерой! — Это прозвучало уже как удар плети и в комнате воцарилось молчание.

Люди, стоявшие рядом с этой парой, начали расходиться, словно предчувствуя неизбежную схватку.

— Дьюмерой, твой объездчик задирал норби, и он вполне заслужил, чтобы его отослали назад. Ты же знаешь, какие могут быть неприятности с туземцами... или ты в самом деле хочешь достукаться до объявления войны?

— Норби! — Дьюмерой еще не успокоился, но в драку лезть явно уже не собирался. — На моих собственных пастбищах мы с ними нянчиться не собираемся. И нам совсем не нравится, что какой-то мальчишка указывает нам, как мы должны поступать. Может, это ты так любишь этих козлов и тебе нравится крутить пальцы с большерогими. А нам это не надо. Мы им не доверяем...

— Нож вражды...

— Да пусть себе клянутся на ноже вражды, — нетерпеливо перебил Дьюмерой. — Думаешь, они долго продержатся, если мои ребята прошерстят их лагеря и преподнесут парочку хороших уроков? Если на них огрызнешься, так они сразу разбегутся без оглядки. Они, конечно, тут же помчатся тебе докладывать...

Руки Квада метнулись к груди собеседника и вцепились в его блузу, сотканную из шерсти фравна.

— Дьюмерой! — произнес он абсолютно спокойно. — Мы все здесь придерживаемся закона и не собираемся подражать Союзу Мясников. Если потребуется, я сам приглашу на Пики Офицеров Мира!

— Лучше заранее смени парализатор на бластер, если приедешь к нам с этими любителями совать нос в чужие дела. — Дьюмерой вырвался и передернул плечами. — Мы сами разберемся с нашими делами и никому не позволим вмешиваться. Если ты не хочешь, чтобы твоим любимым козлам пришлось солоно, передай им: пусть уйдут с наших гор. И пусть лучше не пытаются угонять отбившуюся скотину! И еще, Квад, если бы я был на твоем месте, я бы серьезно поговорил с сыном. Если норби поднимутся, они вряд ли будут разглядывать человека, прежде чем его подстрелить. И я еще

раз предупреждаю тебя. — Его тяжелый взгляд поднялся на Квада и стоящих рядом с ним людей. — Пики не подчиняются Низинам. Если тебе не нравится то, что мы собираемся делать — отойди! Ты еще не знаешь, что они опять вернулись в холмы. Ручные козлы, которые нанимаются пасти наши стада, совсем не похожи на настоящие горные племена. И может быть, ручные именно сейчас дают несколько уроков диким. Мы потеряли много скота за последние пять месяцев — а вождь Нитра, старый Муссаг, опять молотит в свои колдовские барабаны. И я говорю — лучше самим принять меры, чем ждать, когда эти козлы заварят войну. И мы не потерпим, чтобы они сидели в наших горах и спокойно готовили стрелы! И если у тебя остались еще хоть какие-то человеческие чувства, ты должен думать так же!

Сторм был поражен. Все это начиналось как личная ссора Квада и Дьюмероя. И вдруг обернулось спором о туземцах. Он не мог понять этого, как не понимал раньше поступков Бистера. Он только чувствовал, что за всем этим кроется что-то опасное.

5

Землянин так углубился в свои мысли, что не сразу заметил, что Квад повернулся к нему. Внезапно до него дошло, что колонист с Низины в упор разглядывает его. Прищуренные голубые глаза смотрели с каким-то требовательным вопросом, и в них мелькнула тень узнавания. Конечно, он не мог узнать землянина, ведь раньше они никогда не встречались. Но когда арцорец направился прямо к нему, Сторм отступил, рассчитывая, что в полутьме колонист не увидит его, пока он этого не захочет.

К счастью, на этот раз Сторм двигался не слишком быстро и успел услышать предупреждающий крик. Только это, да еще то, что нападавший несколько поторопился, и спасло его. Иначе он так и остался бы лежать с длинным ножом норби меж лопаток, выплевывая остаток жизни в дорожную пыль. Сторм автоматически скользнул в сторону и прижался спиной к стене здания. Он успел заметить, как кто-то промелькнул мимо него. Силуэт в полутьме переулка было не разглядеть, но он увидел отблеск на обнаженном лезвии.

— Он не задел тебя?

Сторм невольно потянулся к рукоятке своего ножа. Яркий

свет, падающий из дверей Собрания, упал на лицо Бреда Квада.

— Я заметил нож и крикнул, — спокойно заметил Квад. — Так он не задел тебя?

Сторм откачнулся от стены.

— Кажется, не задел, — сказал он отчужденным голосом, каким привык говорить в Центре. — Благодарю вас, сэр!

— Меня зовут Бред Квад. А ты кто?

Но Сторма ничто на свете не заставило бы принять и пожать протянутую руку. Совсем не так он представлял себе эту встречу. Он готов был прямо сейчас развернуться и уйти, и неважно, сколько еще возможных убийц поджидает его на улицах Госсинга. Мог ли Квад знать его имя? Он надеялся, что нет, но все-таки был не до конца уверен. И ему совсем не хотелось сейчас лгать. Его вражда с этим человеком не должна быть запятнана ни обманом, ни ложью.

— Я — Сторм, — сказал он спокойно и слегка поклонился, надеясь, что отказ от рукопожатия не выглядел слишком демонстративным. Он знал, что знаки вежливости различны в разных мирах и надеялся, что собеседник тоже знает это.

— Так ты — землянин?

Квад сообразил это так быстро, что Сторм не смог бы отрицать, даже если бы захотел.

— Да.

— Эй, Квад! Ты хотел о чем-то поговорить со мной! — крикнул какой-то мужчина из дверей Собрания.

Когда колонист оглянулся, Сторм исчез. Он был уверен, что тот не пойдет за ним.

Осторожно, на каждом шагу ожидая новых неожиданностей, Сторм прошел на конюшню. Но по-настоящему свободно он вздохнул только когда оседлал Рейна и выехал из Гроссинга с твердым намерением впредь держаться от этого города подальше.

Все последние месяцы Сторм мечтал о встрече с Квадом, представляя ее себе до малейших деталей. Он сам хотел выбрать место этой встречи и бросить в лицо этому человеку свои обвинения. Но, как он с горечью убедился, человек, которого он себе вообразил, не имел ничего общего с реальным Бредом Квадом. Этот Квад был совсем не похож на классического злодея, какого он ожидал встретить.

Он не мог решать свое дело на улочках пограничного городка, сразу после того, как Бред Квад, возможно, спас ему жизнь. Он мечтал о совсем другой встрече и когда-нибудь так и будет.

Сторм попытался рассуждать разумно. Он и сам не очень хорошо понимал, почему он сбежал — именно сбежал — от Квада сегодня вечером. Он ведь и на Арцор прилетел только затем, чтобы встретить Бреда Квада. Только вот какого — реального Квада, которого он увидел сегодня, или того, которого он придумал? Похоже, его поступок так же трудно объяснить, как и поступок Бистера.

Нет! Сторм ударил пятками, и Рейн послушно пошел галопом. Он не мог ошибаться в самом главном: Бред Квад заслужил все, что собирался преподнести ему Сторм!

Ну и что из того, что предупреждение Квада спасло ему жизнь? Это касалось только лично его. А те долги, взыскать которые поклялся Сторм, это долги перед мертвыми, и он не властен простить их, даже если бы захотел.

Но несмотря на все рассуждения, Сторм так и не смог уснуть этой ночью. Он с удовольствием остался один караулить табун, когда Ларкин утром отправился поглядеть на ярмарку. Вернулся Ларкин около полудня, очень довольный положением дел. А вместе с ним в лагерь явился незнакомец.

Этот мужчина в грязно-коричневой форме Службы Наблюдения был незнаком Сторму. Но он достаточно повидал других представителей этой службы, нагляделся на них в походном лагере Учителя зверей. И сейчас очень удивился, когда Ларкин подозвал его к себе.

— Соринсон, археолог, — человек из Службы Наблюдения представился на галактическом языке с легким шепелявым акцентом уроженца Лайдии.

— Сторм, бывший командос, Учитель зверей, — так же официально ответил ему Сторм. — Чем могу быть полезен, Наблюдатель Соринсон?

— Ларкин сообщил, что ты сейчас ничем не связан и не спешишь пока обратиться в Земельный департамент. Не хотел бы ты наняться разведчиком?

— Я инопланетник и здесь пока новичок, — честно ответил Сторм, очень удивленный интересом этого Наблюдателя к его личным делам. — И я совсем не знаю этой страны.

Соринсон пожал плечами.

— Я пригласил проводника-норби, и нанял нескольких профессиональных следопытов-колонистов. Но Ларкин говорит, что ты смог сохранить свою команду... а я хорошо знаю, что может сделать такая команда. Глупо было бы не воспользоваться этим.

— Да, команда у меня здесь. — Сторм кивнул на свою скатанную постель. Рядом с ней развалилась лоснящаяся на

солнце Сурра, тут же возились, весело щебеча, сурикаты. На углу багажной повозки дремал Баку.

— Вполне достаточно, — хмыкнул Соринсон, мельком взглянув на животных. — Мы отправимся в совершенно дикую страну. Ты, наверное, уже слышал о Запечатанных Пещерах? Есть вероятность, что они расположены как раз в этом районе Пиков.

— Но мне говорили, что это просто легенда.

— Недавно я получил совсем другую информацию. А кроме того, эти места вообще не изучены и даже не нанесены на карту, так что это уже прямое дело нашей службы. И мы получили правительственное разрешение охотиться здесь для пропитания.

— Мне кажется, это стоящее предложение, — вмешался Ларкин. — Ты же сам хотел осмотреться на Пиках. Я заплачу тебе своими лошадками. Возьми с собой жеребца, на котором ты ездишь, и еще — черную вьючную кобылу. А остальных продай здесь или, если хочешь, я сам продам их для тебя. Ну, и если тебе там приглянется хорошая долина, ставь свой заявочный столб. А потом вернешься и зарегистрируешь участок.

— Кроме того, ты получишь обычную правительственную плату как разведчик, — быстро прибавил Соринсон. — Пригодится, если ты намерен осесть здесь всерьез или закупить что-то на внешних мирах.

Сторм заколебался. Его явно подталкивали, и это сразу вызывало в нем внутреннее сопротивление. Но с другой стороны, экспедиция давала повод уехать подальше от Гроссинга и от возможных убийц, кем бы они ни были. И от Бреда Квада... по крайней мере, до тех пор, пока он не решит, что с ним делать. И кроме того, где-то на Пиках жил Логан Квад, а ему очень хотелось познакомиться с этим мальчишкой.

— Хорошо, — согласился он наконец и тут же почувствовал, что это совсем не то, чего ему хочется. Но было уже поздно.

— Ты извини за спешку, Сторм, — Соринсон быстро перешел к делу, — но завтра утром мы уже отправляемся. Дожди в горах не продлятся долго, а мы рассчитываем за это время запастись водой. Это на редкость сухая и бесплодная страна, и нам нужно будет выбраться оттуда до наступления Большой Засухи. Возьми только свое походное снаряжение, все остальное мы приготовим сами.

Через плечо Соринсона Сторм заметил, что к повозке подъезжают еще двое всадников — Ренсфорд и Бред Квад.

Они с интересом рассматривали табун, но стоило им немного повернуть головы, и Сторм тут же попался бы им на глаза.

— Где мне вас искать? — быстро спросил он у Наблюдателя.

— К востоку от города у речного брода. Там стоят несколько приметных старых деревьев.

— Я буду там. — твердо закончил разговор Сторм и повернулся к Ларкину. — Я возьму Рейна и кобылу, как вы мне посоветовали. А насчет остальных решим, когда я вернусь.

Довольный Ларкин проводил Наблюдателя и снова вернулся к Сторму.

— Ты там, на Пиках, смотри в оба и постарайся выбрать хороший участок. Погоди три-четыре года, и наши жеребята будут лучше любых завозных пород. Свой багаж можешь оставить прямо на тележке, я за ним присмотрю.

Обстоятельность Ларкина была сейчас совсем некстати. Сторму хотелось поскорее от него отделаться и скрыться с глаз долой, пока Квад еще занят с лошадьми. Но это ему не удалось — Ренсфорд заметил его.

— Сторм! — окрик прозвучал так требовательно, что Сторм не мог сделать вид, будто не услышал, и вынужден был подождать подъезжающих всадников.

— Слушай, парень! — сразу же начал Ренсфорд, — Квад рассказал мне, что тебя подстерегал какой-то тип с ножом, и ты чудом остался жив. Больше ничего в таком роде не было?

— Нет. Во всяком случае, я ничего такого не заметил.

Но Ренфорд не успокаивался:

— Я расспросил всех, кого мог, но никто ничего не знает. Ты уверен, что он караулил именно тебя?

— Я ни в чем не уверен. Я даже лица его не видел — просто смутная тень с ножом. — Сторм уже повернулся, собираясь уйти, но тут Квад спрыгнул с коня и уверенно подошел к ним.

— Я попрошу Дорта порасспрашивать об этом, — продолжал Ренсфорд. — Он знает многих из тех, кто съехался на ярмарку. Если кто-то что-то скрывает, он услышит об этом... и тогда мы по-своему с этим разберемся...

Ну почему все они лезут в его дела? Сторм разозлился всерьез. Больше всего ему сейчас хотелось вывести Рейна за ограду, свистнуть свою команду и поскорее оказаться в пустыне. Не надо ему ни их заботы, ни их докучного внимания; они просто выводили его из себя. Ничего ему от них не надо — лишь бы оставили в покое и дали идти своей дорогой. А

тут и Ларкин, и Дорт, и Ренсфорд да еще этот норби, Горгол... и все со своими планами, со своими советами, и все так и рвутся помочь ему. Сторм этого абсолютно не понимал, как и того, почему Бистер вдруг возненавидел его.

— Кто бы за мной не охотился, — ответил он, стараясь сдержать раздражение, — вряд ли он успеет до меня добраться. Я нанялся разведчиком в экспедицию Наблюдателей, и завтра утром мы выступаем.

Ренсфорд отвел глаза.

— Что ж, парень, думай сам. Может, тот дурень просто перебрал вчера и погорячился, а утром проснулся и сам не помнит, что делал. И куда же ты отправляешься?

— На Пики.

— На Пики... — Это произнес Квад, вмешиваясь в разговор. И тут Сторм услышал язык, который уже не надеялся услышать никогда в жизни: — Куда же ты собираешься ехать, человек с Дине?

— Я не понимаю вас, — жестко ответил Сторм на галактическом языке.

— Ты — землянин, — продолжал Квад, переходя на интерлинг. — Но ведь ты еще и навахо.

— Я — землянин, теперь человек, оставшийся без родины, — коротко ответил Сторм. — И я не понимаю, о чем вы говорите.

— Ладно, я подумаю, что можно для тебя сделать, — продолжал Квад без малейшей обиды, разве что с легким сожалением. — Я тут услышал краем уха, что ты нанялся разведчиком в экспедицию на Пики. Там хватает хороших долин... сам увидишь. В этом районе обосновался мой сын. — Он секунду помолчал, глядя на свои руки, нервно крутившие поводья. — Если ты встретишь его... — Квад так и не закончил, словно какая-то другая мысль целиком захватила его. — Ну, я рад был познакомиться с тобой, землянином и навахо. Ладно, Сторм, поживем-увидим. Если будет нужно что-нибудь, обращайся прямо ко мне.

Он сунул ногу в стремя, чуть качнулся в седле и отъехал, прежде чем землянин успел ответить; да он и не нуждался в ответе.

— Если ты встретишь Логана, — нарушил молчание Ренсфорд, — а я надеюсь, он еще не нашел неприятностей на свою шею, учти, что с этим парнем справиться не легче, чем со стадом, наткнувшимся на компанию йорис! Ну надо же, как все у них сложилось. Квад — самый легкий человек для совместной жизни, будь только сам честен и добросовестен.

Но Логан недели не может прожить с ним вместе, чтобы не разругаться вдрызг. И никто не может понять, почему. Логан Квад помешался на охоте, и чаще всего живет у норби. Но парень не сделал в жизни ничего дурного и он такой же прямой и честный, как и его старик. Просто они никак не могут ужиться. И это очень неприятно, потому что Квад гордится сыном и давно мечтает ввести его в свои дела. Если ты услышишь о мальчике что-нибудь хорошее, обязательно передай это Кваду, когда вернешься. Для него это много значит, а тебе сразу обеспечит его хорошее отношение. Ну, всего хорошего, парень... и будь осторожен, если хочешь, чтобы тебе выпала удача. Наблюдатели хорошо платят, и ты сможешь потом получить разрешение на импорт, или что тебе там захочется...

Сторм нервничал. Все, что рассказывал Ренсфорд, было ему совсем неинтересно. Что ему до личных дел Квада? Снова столкнувшись нос к носу со своим давним врагом, он почувствовал, что потерял некоторое преимущество, которое очень пригодилось бы ему в будущем. Он давно знал в своей душе Квада-врага, но реальный Квад снова и снова разрушал придуманный образ. И сейчас Сторм был просто счастлив, что его профессия дала ему возможность уехать в экспедицию и хоть на время забыть об этой проблеме.

Сурра уселась слева от него, сурикаты толкались, сопели и лезли под руки, пока он разбирал свои вещи и упаковывал их в два тюка. Он отложил в сторону маленький сверток, еще сохранивший обертку, в которую он был запечатан в другом мире. Сверток, который он за два года так и не решился открыть.

Сторм положил обе ладони на сверток, и память его легко тронулась по привычной дороге — в прошлое, куда он старался не углубляться во время тестов в Центре. Пока он не перерезал веревки, пока он не убедился окончательно, не увидел своими глазами, что там, внутри, он еще мог не признавать последнюю потерю, не думать о том, что все это уже никогда не вернется.

Как должен чувствовать человек его народа в этом лагере... или в городе... или в Центре, где на него косились, поджав губы, как тот чиновник, который неохотно выдал ему разрешение на выезд? Что делать в этом мире тому, кто может слышать голос Великого Духа и знает, как он снисходит на людей? Как могут другие понять человека, живущего духом своих предков, Поэта, которому доступны пути древних, тропы Веры, по которым никогда не проходили люди иных

рас? Человека, который слышит звуки, которых больше не слышит никто и у которого открыты глаза на невидимое?

Между Стормом и ясной верой его деда, который даже в школу его отправил, только уступая нажиму правительственного попечительства, встала плотная завеса из того, что дала ему наука белых людей.

Он впитывал все новое, и хорошее и плохое, неспособный различать и выбирать, пока не стал достаточно взрослым, чтобы осознать, что пора делать свой отбор. Но это время несколько запоздало, он уже очень далеко отошел от источника внутренней силы своего народа. Дважды после этого дед пытался отобрать его у властей, вернуть Сторма своему народу — один раз еще мальчиком, а потом уже юношей, перед самым уходом на службу. Но всегда между ним и уроками На-Та-Хай вставала тяга к новым дорогам. Очень недовольный этим, дед почти враждебно относился к попыткам Сторма вернуть себе хоть немного прошлого. Что-то из этого еще осталось, звучало в его душе древними словами, древней музыкой, чем-то полузабытым, будоражащим, как горный ветер, который встретил его на этой планете. И он невольно вспоминал слова, которые никогда больше не прозвучат в мире, из которого отправлена эта посылка. Сторм разрезал крепкие веревки. Теперь он должен взглянуть в лицо этому. Он начал разворачивать обертку, и тут же к нему под руки сунулись Хо и Хинг, с любопытством принюхиваясь к незнакомому запаху.

Ему даже в голову не приходило, что эти запахи могли сохраниться. Жесткая ткань шерстяного одеяла царапнула его пальцы, он смотрел и не мог насмотреться на этот рисунок, красные, белые, темно-голубые полосы, прерываемые зубцами концентрического узора. В этих плотных складках, конечно, сохранился старый запах — запах овечьей шерсти, запах пустыни, запах пыли и песка. Сторм сразу же вспомнил его, как только вдохнул поглубже.

Он развернул одеяло. Как он и ожидал, что-то сверкнуло в нем. Ожерелье — сине-зеленая бирюза и матовый блеск серебра. Еще браслет и витой пояс, мастерски сделанные церемониальные драгоценности воина с Дине. Древние, очень древние вещи лежали сейчас перед ним, вещи, созданные смуглыми руками мастеров его народа задолго до его рождения.

Разглядывая все это, Сторм понял, что был прав в своих догадках. Дед так до конца и не примирился со многим, но он все-таки нашел возможность послать этот дар внуку, иду-

щему по чужим дорогам, в знак прощения... или, может быть, как последний безмолвный довод, способный повлиять на этого внука! Это был знак смерти деда, которую сам На-Та-Хай уже предчувствовал... но еще и знак гибели всего его мира. Он отослал это наследство сыну своей дочери, даруя последнему из рода немного прошлого, которое он защищал так отчаянно, стараясь уберечь его целостность от ударов времени и натиска чужой жизни.

Долетает ли теперь до него из ночи отдаленный звук старой песни? Той песни, что когда-то воодушевляла воинов его народа?

Шагай по стопам Смертоносного Бога.
Шагай след в след того,
Чья тетива уже натянута со всей силой.
Шагай след в след того,
Чей взгляд дарит врагу легкую смерть.

Сторм не стал укладывать свое наследство в мешок, который он хотел оставить Ларкину. Он взял ожерелье, погладил прохладные серебряные звенья и полированную бирюзу и надел его на шею, аккуратно спрятав под рубаху. Браслет плотно обнял его запястье. Витой пояс он осторожно свернул и убрал в свой походный мешок.

Он накрыл плечи присланным одеялом и поднялся. Раньше ему никогда не приходилось надевать убор вождя, и теперь он с удовольствием ощущал в его тепле нечто связывающее соткавшие его руки с ним, Остином Стормом — беженцем в чужом мире, потерявшим свой народ и свою родину.

Потерявшим!.. Сторм молча повернулся к горным хребтам на востоке. Он поглубже надвинул шляпу, чтобы защититься от холодного ветра, долетающего с этих вершин и пошел прямо в темноту, чуть освещенную неярким светом двух маленьких лун.

Он остановился на пригорке, который был так мал, что назвать его холмом было трудно. Там он уселся, скрестив как обычно, ноги. Странное сходство было между Дине и этой землей. В прошлом навахо предпочитали голодать в плохие времена, нежели расставаться с горами, пустыней и тем миром, который они знали.

Он не должен, не смеет вспоминать об этом! Сторм сжал кулаки и стукнул по коленям, пытаясь физической болью заглушить боль душевную. Он — отрезанный ломоть, вечный из-

гнанник. И он будет проклят, если не выполнит того, что привело его в этот мир. Он уже возвращался в древнюю веру, сам этого не осознавая. Прежде всего он должен восстановить свое воинское колдовство. Он не сможет встретиться с Квадом, пока снова не будет чувствовать себя цельным, полностью вооружившимся против врага... и это время еще не настало.

Он не знал, сколько просидел на пригорке. На лиловом небе появилась оранжево-красная полоса. Это было не земное Солнце, но он все-таки почувствовал, что э т о можно сделать и здесь.

Сторм повернулся к быстро ширящейся красной полоске, поднял руки с ножом и парализатором так, чтобы на них упал первый луч восходящего солнца. Когда-то в древности первый луч жизнетворящего тепла сошел с неба и коснулся земли — плоти Далеких Богов — и от этого зародился на Земле человеческий род. Нет, неправда, что Далекие Боги не захотят или не смогут услышать его так далеко от Дине. Важно, чтобы сам Певец верил в те силы, которые он призывает. И что-то в душе Сторма давало ему уверенность, что он будет услышан.

Возможно, слова он вспомнил не совсем точно, возможно, и могущество Певца присвоил себе не по праву. Но почему-то он был уверен, что Великий Дух поймет его.

6

Ветер, овевавший Сторма на пригорке, затих. Сурра с ласковым, заигрывающим мурлыканьем прижалась к его ногам и старалась подсунуть голову под руку, только что выпустившую рукоять ножа. Рядом в траве чуть слышно возились сурикаты. В небе важно парил издали заметный знакомый силуэт — это Баку поднялся приветствовать новый день свободы. Сторм глубоко вздохнул. Вернувшись попрощаться в походный лагерь, он уже не чувствовал себя одиноким и потерянным.

Когда Сторм присоединился к Соринсону и посмотрел, как снаряжена экспедиция, он сразу понял, что Наблюдатель не хуже Ларкина знает, что необходимо в дороге на этой земле. Партия подобралась небольшая: сам Соринсон, колонист по имени Мик Фойл, занимающийся всеми хозяйственными делами и три норби, среди которых Сторм без особого удивле-

ния узнал Горгола. Он поприветствовал жестом юного туземного охотника и поставил в общий строй свою вьючную кобылу.

Фойл, вытаращив глаза, уставился на сурикатов, гордо восседавших на вьюках, и на приспособленный для Баку насест. Сурра сама шла легкой рысью рядом с вьючной кобылой.

— Что это за красавцев ты привез? — спросил он подъехавшего землянина. — Кто эти малыши? Обезьяны? Слышал я об обезьянах достаточно, а вот видеть никогда не приходилось.

— Нет, это сурикаты, — объяснил Сторм.

— Они с Земли, правда? — Фойл одобрительно оглядел снаряжение и упряжь кобылы, а потом подозвал свою верховую лошадь. — Выглядят эти малыши очень сообразительными. А на что они годны?

Сторм рассмеялся.

— Главным образом для саперных работ. Видишь, какие у них большие когти? Могут сделать любой подкоп, если понадобится. А еще они тащат домой все, что им понравится. Возможно, и ты назовешь их когда-нибудь воришками. — Он щелкнул пальцами, и Хо с Хингом весело блеснули глазами в его сторону.

— О вас и о ваших животных уже ходит куча слухов. Ведь вас зовут Сторм? Слышал я, что вы вчера успокоили одного из объездчиков Горланда, просто хлопнув его по голове... по крайней мере, ребята так рассказывали...

Сторм улыбнулся.

— Это один из приемов командос, Фойл. Этот объездчик был пьян и хотел потянуться, только сделал это слишком широко и не в том направлении.

Фойл уставился на Сторма с таким искренним изумлением, что у него даже шляпа сбилась на макушку.

— Спорить готов, что парни в тебе не ошиблись, рассказывая, что ты был в этой заварушке громом и молнией. Парень ты не шибко крупный, но, по-моему, из тех проворных малышей, что часто бывают в самой середке неприятностей. Будь уверен, я-то насмотрелся на скандалы!

Фойл дернул повод вьючной лошади, и она послушно встала за ним.

Они спустились по косогору к реке, и тут Сурра вдруг заартачилась. Она фыркала и металась по берегу, никак не желая идти в воду и мочить свою драгоценную шкуру. Сторм успокоил ее, и она, еще немного пошипев и поругавшись покошачьи, все-таки взяла в зубы брошенный ей конец веревки.

Вот так, с барханной кошкой, плывущей рядом с вьючной лошадью, они пересекли Иравади и вышли на огромную равнину, тянувшуюся от восточных гор до самого лавандового неба.

Соринсон не только прекрасно организовал экспедицию, он еще и неплохо руководил ею. А вскоре Сторм узнал, что это была уже не первая, а третья попытка Наблюдательной Службы отыскать Запечатанные Пещеры.

— Все проблемы в воде, — объяснил сам Соринсон. — В этой стране можно работать только четыре недели, когда идут дожди и все оживает. На все остальное время надо иметь запас воды и еще запас корма для лошадей. И здесь ничего не поделаешь без разорительных затрат, которые мой департамент не хочет больше нести в одиночку. Перед самой войной у нас был один удачный сезон, мы даже начали небольшие раскопки в Карабайло, это на самой границе Пиков. И мы отыскали там нечто такое, что вызвало настоящий взрыв в высоких кругах. Но сейчас власти не располагают нужными средствами и потому наша поездка будет короткой. Вот если мы откроем что-нибудь стоящее, тогда они рискнут поставить постоянный лагерь. Я слышал, что там, куда мы сейчас направляемся, есть кое-какие запасы воды.

— А эти ваши находки... они что, действительно так впечатляющи?

— Вам никогда не попадались вещи культуры Ло-Сан-Ки? — задумчиво поинтересовался Соринсон.

— Я даже не слышал о них.

— Это уникальная резьба, привезенная из провинции Ло-Сан с планеты Алтарь Троицы. Очень сложный рисунок, несомненно, плод многовекового развития этого искусства. Копии его постоянно демонстрировались в нашем Музее Искусств. И все это работа туземцев с Алтаря Троицы. И вот здесь мы нашли фрагменты, по крайней мере, дважды повторяющие рисунки Ло-Сан-Ки.

— Я бы решил, что это все-таки два разных рисунка, — осторожно заметил Сторм. — В конце концов, из тысяч произведений искусства двадцати пяти открытых нами разумных нечеловеческих рас, и это не считая нескольких погибших цивилизаций, два рисунка могут совпасть и чисто случайно...

— Логично. Но давайте рассмотрим конкретный пример — вот этот ваш браслет. — Соринсон указал на запястье Сторма. — Я знаю, что эта вещь сделана на Земле, и мне кажется, что это произведение искусства какого-то не очень многочисленного народа. Скорее всего, это церемониальное украшение.

— Такие браслеты носили воины моего народа, когда они еще кочевали по пустыне.

— И этот народ не стал ведущей нацией в вашем мире, когда началось всеобщее слияние рас?

Сторм грустно улыбнулся.

— В детстве мне очень хотелось верить в это. Но это не так. Под их властью находилась только маленькая часть одного из пяти континентов земли. Нет, они не были доминирующей расой. В их страну пришли люди с белой кожей и, считая мой народ варварами, распространили там свою механистическую, технологическую культуру.

— Следовательно, вы не станете утверждать, что этот браслет — вещь для Земли общеизвестная и неоригинальная?

— Нет.

— Ну, а теперь представьте свою реакцию, если бы увидели... Кстати, где вы служили в войну?

— Созвездие Льва, Андол.

— Ну ладно, пусть Лев. Так вот, предположим, что где-то там раскапывают курган и находят двойника вашего браслета. И абсолютно исключено, что его завезла какая-то другая группа поисковиков, то есть, что его потерял там современный землянин. Что бы вы тогда подумали?

— Ну, прежде всего, что это вывез с Земли кто-то из обитателей планеты или что это все-таки потерял кто-то из землян.

— Понятно. Ну, а если все указывает, что браслет оказался здесь до начала эры космических полетов?

— Решил бы, что космические полеты землян начались раньше, чем это значится в документах или же что на Землю прилетали пришельцы с внешних миров.

Соринсон энергично закивал.

— Вот видите, вы готовы признать все что угодно, но только не то, что этот браслет мог быть сделан где-то еще, кроме Земли. Но если вы однажды все-таки убедитесь, что это внеземное изделие...

Сторм рассмеялся.

— Вы привели очень хороший пример, сэр. Возможно, это просто врожденная племенная гордость.

— Возможно, в этом случае вы совершенно правы, и это — свидетельство ранних космических путешествий. Ну так вот, здесь мы столкнулись с похожей проблемой. Рисунок, хорошо известный в одном-единственном районе Алтаря Троицы, вдруг обнаруживается за полгалактики, в развалинах, о которых туземцы говорят, будто их строили пришельцы.

Можно ли тут предположить, что какие-то другие исследователи прилетели сюда раньше землян, поработали какое-то время и улетели? Но если у нас были предшественники, то почему же мы не встретили в космосе ни их самих, ни их следов? Что с ними случилось? Что погубило их империю или конфедерацию? Война? Вырождение? Какая-нибудь чума, принесенная их кораблями с других планет? Возможно, ответы на все эти вопросы ждут нас в Запечатанных Пещерах... Если, конечно, мы сможем их отыскать!

— Вы уверены, что вы найдете надежных проводников?

— Самый лучший из возможных проводников будет ждать нас в Долине Закрученных Рогов. Этот человек сам отыскал по крайней мере, одну пещеру. Вообще-то туземцы избегают этого района. Но этот колдун ходит туда по нескольку раз в год выполнять какие-то обряды, которые по местным поверьям, дают воинам силу и неуязвимость. А кроме того, если враг окажется во время обряда ближе, чем в трех днях езды от этих пещер, то бог обязательно отнимет у него всю силу. Все юноши, желающие получить статус воина, обязательно поднимаются на Пики. Собственно, поэтому с нами и отправился Горгол. Для них это имеет ритуальное значение.

Сам Бокатан, наш будущий проводник, происходит из известной семьи колдунов. Он уже трижды ходил к этим пещерам, и, похоже, верит, что те, кто запечатал Пещеры, ушли из них через какой-то другой выход, и не будет ничего плохого, если их откроют такие же пришельцы из других миров. В общем, мы идем с его благословения.

— А смог ли Бокатан передать эти свои идеи другим норби? — спросил Сторм. — А то как бы у нас не вышло неприятностей с этой стороны.

— Я верю ему. Законы Конфедерации не запрещают вести раскопки на Арцоре. Сами мы стараемся не связываться с туземцами, пока они не сделают первый шаг к сближению с нами, и не заходим на их территории без специального приглашения. Но здесь мы в полной безопасности. Я дал клятву соблюдать все местные законы еще до того, как мне выдали разрешение на эту экспедицию. Собственно, мы не исключение. Пять колонистов постоянно живут с позволения туземцев на территории норби и охотятся на йорис. Да и колонисты постоянно приглашают норби на загон скота. Так что это племя мы неплохо знаем.

Но есть еще горные племена, которые совсем не встречаются с колонистами. Они живут в своем мире и по своим законам, о которых мы понятия не имеем.

— А вы могли бы поселиться в лагере норби, не имея на руках правительственного разрешения?

— Конечно, и я неоднократно гостил у них. Главное — приглашение самих норби.

Глаза Сторма загорелись. Конечно, сейчас он связан контрактом с экспедицией, но потом, когда она закончится, можно будет не связываться больше ни с кем. У него есть его команда, и он научился жить на планетах, куда более враждебных, чем эта, где не только туземцы были врагами, но и сама природа готовила для неосторожного гибельные ловушки.

За время путешествия Сторм вполне освоился с этой страной и в работу разведчика вошел, как рука в перчатку. Он продолжал изучать язык жестов, в этом ему помогали Горгол и другие норби. Но все попытки научиться голосовому языку норби лишь убедили его, что пришельцам с иных миров он совершенно недоступен.

Занятый бесплодными попытками овладеть языком совершенно не приспособленным для человеческого горла, он почти не общался на с Соринсоном, ни с Фойлом. Землянин пытался стрелять из лука, показывал, что он близко знаком с этим оружием, но быстро обнаружил, что не может в этом сравниться ни с одним из взрослых норби.

Горгол с воодушевлением следил за его упражнениями, и когда Сторм сумел попасть прямо в сердце несущегося зверя, похожего на оленя, официально преподнес ему колчан и пять сверкающих наконечников для стрел, сделанных из сколов драгоценного камня.

— Боевые стрелы, — пояснил Горгол, — Их не использовали после того, как они погрузились в человеческую кровь. Ты воин — ты можешь ими пользоваться.

Юный туземец долго уговаривал Сторма вытатуировать яркую алую полоску вдоль его шрама. Он рассказывал, с какой гордостью демонстрируют воины такие отметины у вечернего костра и с каким благоговением смотрят на эти знаки доблести зеленые юноши.

Чаще всего Сторм ходил в разведку вместе с Горголом. Высоко над ними кружился Баку, Сурра прочесывала кусты по обе стороны дороги, сурикаты же предпочитали ехать во вьюке на спине Райна и вылезали оттуда только на привалах. Тут они с любопытством начинали обследовать все вокруг, но послушно возвращались на зов Сторма и почти всегда притаскивали какой-нибудь трофей. Обычно это были подсохшие корешки или яркий камешек. Эта их страсть стала неиссякаемым источником развлечений, и у вечернего костра весь ла-

герь требовал, чтобы Сторм развернул укладку, куда Хо и Хинг прятали сокровища, и показал всем их сегодняшнюю добычу.

Пару раз они приносили нечто стоящее. Однажды это был «глаз» — странный камень, какие иногда попадались в сухих руслах рек. Он был похож на золотистую каплю темного меда, а в середине проходила узкая огненная полоска. Камень чем-то напоминал глаза Сурры. Кроме того, он все время менялся, становясь то темнее, то светлее, а полоска загоралась то желтым, то медовым, то зеленоватым.

А вторая находка случилась на десятый день после того, как они покинули Иравади-Гроссинг и углубились в земли норби.

Развернув как обычно, тючок сурикатов, Сторм нашел там наконечник стрелы. Острый и зазубренный, он совсем не походил на те наконечники, какие Сторм видел у разведчиков экспедиции. А кроме того, он был выточен из молочно-белого камня, тогда как норби — это Сторм усвоил еще в первый свой визит в их лагерь, — охотничьи стрелы делали из золотисто-зеленого камня, а боевые — из прозрачного, с легким голубым оттенком. Сторм знал, что туземцы не прикасались ни к чему из добычи сурикатов, и теперь сидел, взвешивая этот наконечник на ладони и раздумывал.

Эта изящная штучка с тонкими, обламывающимися в ране зазубринами, была прекрасным образчиком оружейного искусства.

Даготаг, предводитель норби, внимательно рассмотрел его на руке Сторма, но даже не попытался коснуться.

Он на мгновение затаил дыхание, как это делали все норби, собираясь сказать что-то серьезное, и начал жестикулировать.

— Это Нитра, горные племена. Воины... Эта стрела боевая. Такая стрела — гордость любого воина. Такой хорошо убивать.

— Нитра — ваши враги? — просигналил Сторм.

Даготаг кивнул.

— Они враги нам, людям Шозонна. Может быть, будут и вашими врагами. Нитра еще никогда не видели пришедших издалека. Они пришли за трофеями. Правая рука врага — лучшая добыча для воина.

— Разве Нитра едят Сладкое Мясо? — вмешался в разговор Соринсон, жестом выражая свое отвращение, и по обычаю трижды сплюнул в огонь.

— Нет! — замелькали в ответ пальцы Даготага. — Эту

добычу вешают в колдовском доме. Но Сладкое Мясо, — он повторил тот же жест отвращения, — Нитра не едят. Так делают только дикари. А Нитра хорошие воины; не из тех, диких, которые ночами слушают темных духов!

— А могут они напасть на нас? — решил выяснить все до конца Сторм.

— Да, если выследят. Но этот наконечник может быть старый... остался с прошлого сезона. И все-таки мы должны быть настороже.

Все развернули свои вещи и достали сумки с личным оружием. Норби положили в колчаны боевые стрелы, потеснив охотничьи.

Сторм решил поговорить с Соринсоном.

— Я думаю, мы заранее будем предупреждены, если они будут выслеживать нас. Хотел бы я видеть человека, который сумеет незаметно прокрасться под носом у Сурры.

Он подбросил наконечник стрелы и снова поймал его. Попадая в живое тело, такая игрушка оставляла рваные, долго не заживающие раны. Но сейчас важнее всего было выяснить, где Хо разыскал это, и как долго оно здесь лежало. Действительно ли это свидетельство какого-то давнего набега, или же они просто рады были ухватиться за это предположение, лишь бы не менять своих планов?

Он отправил барханную кошку охранять лагерь, уверенный что с нею не справятся никакие разведчики Нитра. А завтра Баку с воздуха осмотрит местность впереди них зорче, чем любой человек или гуманоид. Экспедиция соблюдала разумную осторожность, но в этой стране хватало удобных мест для засады, особенно в узких ущельях, где приходилось спешиваться. А дальше горные проходы становились все более труднопроходимыми. Сторм хорошо понимал, что только нечто исключительное может завлечь человека в эту богом забытую глушь.

Когда Соринсон и Мак улеглись спать, Сторм достал свой лук и стрелы. Костер еще не прогорел, и при его свете наконечники сверкали как драгоценности. Осторожно, один за другим, он приложил их к своему запястью и слегка наколол, наблюдая как капельки крови растекаются по полированным граням. Затем когда все наконечники прикоснулись к ране, он повернул руку и позволил маленькой струйке крови стечь на землю. Древняя жертва оружию, которая обеспечивала магическую неуязвимость в схватке была закончена. Чего ради он взялся выполнять этот обряд здесь? Или так на него действовала пустыня Арцора?

— Почему ты сделал это? — словно отвечая его мыслям, замелькали в свете костра желтые гибкие пальцы.

Он не знал, какими знаками норби выражают понятие «удача» или «судьба», но все-таки постарался как-то объясниться.

— Если отдашь кровь, стрела станет сильнее, лучше почувствует врага и не промахнется. Кровь — плата за хорошую стрелу.

— Это правда! Ты пришел издалека, но ты думаешь, как норби. Может быть душа норби улетела далеко-далеко... туда, где живут ваши люди, но потом захотела вернуться назад, в свой клан. Она вошла в ребенка чужаков и теперь вернулась. Правда-правда! — Желто-красные пальцы легонько постучали по запястью Сторма, накрывая маленькую ранку. — Снаружи — ты чужак, но внутри ты — норби, вернувшийся домой!

— Возможно, — согласился Сторм, чтобы не объясняться снова по поводу своей жертвы.

— Запечатавшие могут это знать. Они тоже ушли далеко-далеко. Может быть, они похожи на тебя...

Горгол говорил доверительно, как с одним из тех, кто знаком с таинственным легендарным народом, и Сторм тут же спросил:

— Горгол знает Запечатавших?

Ответ на этот вопрос потребовал длинного рассказа. Три сезона назад, насколько Сторм сумел понять, Горгол оставил свое племя во время одного из переходов и решил поохотиться в одиночку, чтобы доказать свое равенство с остальными мужчинами клана Кротага. По обычаям норби для этого он должен был убить воина из враждебного племени, если ему повезет встретить воина, бродящего в одиночестве — или же убить одному безо всякой помощи, одно из четырех наиболее опасных животных. Как только его «душа» указала ему этот путь к исполнению его желаний, он тут же отправился к восточным горам, примерно туда, куда сейчас направлялась экспедиция, так что эта дорога для него уже не в новинку. Здесь он выслеживал «злого летуна» — огромное существо, похожее на птицу, которое норби презирали за его грязные привычки, но уважали за свирепый боевой дух. Такая добыча была вполне достаточна, чтобы получить статус мужчины, и Горгол потратил почти пять дней, выслеживая это создание, гнездящееся высоко в горах. Но он все же поспешил и при первой попытке только ранил его.

Тварь эта, как и положено ее породе, тут же напала на него, и он, обороняясь, бежал от края утеса, где было гнез-

довье, вниз, в долину. Там он устроил удачную засаду и сумел-таки прикончить чудовище.

Правда, в последней схватке его немного поранило, но, к счастью, не слишком тяжело. Горгол показал Сторму старый шрам на бедре длиной дюймов в десять.

Но из-за этой раны Горгол вынужден был задержаться в той долине, где прежде устроил засаду. К счастью, был сезон дождей, до Великой Засухи было еще далеко, а в одной расщелине он нашел стекавший с гор ручеек. И в этом-то вынужденном заключении он и наткнулся на открывшуюся Запечатанную Пещеру. Там он нашел несколько предметов, созданных явно не норби и не колонистами.

Он оставил все свои находки там, где они и были, когда наконец смог покинуть долину. Может быть, потому, что не хотел прогневать Запечатавших. Но с тех пор он уже никогда не забывал день, когда ему посчастливилось проникнуть в Запечатанные Пещеры.

— Запечатавшие всегда добры к людям, которые соблюдают их законы, — объяснил Горгол. Это они подсказали Горголу, как справиться со «злым летуном», они же послали ему воду на то время, пока у него болела нога. — Старики рассказывают, что давным-давно Запечатавшие дружили с норби. Теперь я тоже буду так говорить: ведь если бы не их волшебство, я, может быть, не вернулся бы оттуда живым! Они великие волшебники. — Он сделал широкий жест, словно охватывая все вокруг. — Они и сейчас много делают, хотя давно закрылись от солнца и спят. Очень много делают.

— И ты мог бы найти дорогу к этой пещере? — заинтересованно спросил Сторм.

— Конечно. Только я не пойду, пока Запечатавшие не разрешат. Тогда я попал в пещеру случайно, преследуя свою добычу. Запечатавшие знают, что я не хотел их тревожить. Они видели, что я не пытался там ничего копать. Может быть, им не понравится, если мы явимся будить их. Пусть позовут сами — тогда мы пойдем спокойно.

Сторм почувствовал в тираде туземца непоколебимую убежденность, и это было понятно. Каждый человек имеет право на свою веру. Но тут он припомнил рассказ Соринсона о том, что колдун Бокатан предложил проводить их к Пещерам Запечатавших, именно потому, что по его вере сами инопланетники чем-то были похожи на Запечатавших. А пока они двигались как раз в том направлении, куда охотничье приключение занесло когда-то Горгола. Что ж, может быть они и найдут эти таинственные Запечатанные Пещеры.

7

Сторм лежал на вершине голой скалы, с удовольствием ощущая, как поднявшееся солнце пригревает его обнаженные плечи, и разглядывал окрестности в подзорную трубу. Он уже давно сбросил свою голубую блузу, решив, что его собственная загорелая кожа гораздо меньше бросается в глаза.

Теперь дорога, по которой им нужно было пройти, вползала в узкое ущелье, окруженное непроходимыми скалами — настоящая западня. Относительно безопасно они могли бы миновать это место ночью, но, к сожалению, дорога была настолько плохая, что они не рискнули гробить на ней в темноте лошадей.

Экспедиция давно уже следовала рекомендациям опытного землянина, и они шли как по вражеской территории. Первый привал они сделали сразу после полудня, пустили лошадей попастись и пообедали сами. А потом без остановок шли до самого вечера, чтобы остановиться на ночевку как можно дальше от дневного привала. Могла ли такая простая уловка обмануть туземных воинов — это другой разговор.

Сторм был уверен, что за ними следят, хотя и не находил этому никаких подтверждений, если не считать постоянной настороженности его команды. Сейчас он полностью полагался на Баку и Сурру, ежеминутно ожидая их сигнала о нападении.

Вот Баку сложил крылья и с резким криком бросился вниз, будто на стаю прячущихся куропаток — условный сигнал, означавший, что кто-то проходит через ущелье. Это оказался какой-то одинокий норби на яркой, белой с черным лошади. И на лбу его, в центре двойного круга из красных точек, красовалась белая звезда. Если новоприбывший не был сам колдун Бокатан, значит, он каким-то образом заполучил его любимую кобылу, которая сейчас направлялась прямо к Сторму.

— Ооо! — первый раз землянин услышал, как звучит в крике щебечущий язык норби. От скалы отделился, кажется, Даготаг и поднялся навстречу колдуну. Что ж, по крайней мере, теперь у группы будет обещанный проводник.

Незадолго до ночного привала они пересекли невидимую границу «священных» земель и на эту ночь встали лагерем на берегу горного ручья. Вода в нем была мутная, красноватая, тащившая откуда-то сверху вырванные с корнем кусты и

даже маленькие деревья. Соринсона это несколько встревожило.

— Это может быть и хорошим и плохим знаком. С одной стороны, это значит, что в горах идут дожди и проблем с водой пока не будет. Ну, а с другой стороны, в узком ущелье неожиданное наводнение просто смоет всех нас в реку. Завтра мы пойдем вдоль реки, пока не найдем брода для наших лошадей. И будем надеяться, что вода все-таки будет не подниматься, а спадать.

Но к середине следующего дня и наводнение стало уменьшаться, да и Бокатан неожиданно повернул прочь от речки, используя в качестве ориентира, указывающего новое направление, нечто такое, что взволновало из всех. Это был невысокий черный гребень, несомненно, искусственного происхождения, прямой линией уходивший на северо-восток.

Сторм промерил своей рукой это сооружение и нашел, что оно вполне удобно для передвижения, хоть и поднималось всего только дюймов на пять от земли. На ощупь материал не был похож ни на металл, ни на камень, по крайней мере, сам он до сих пор не встречал такого камня. И это была намеренно оставленная тайна. Лезвие ножа не оставляло на нем ни царапины, а под пальцами поверхность казалась чуть жирной, хотя ни пыль, ни песок почему-то к ней не прилипали. И Сурра даже лапой не притронулась к этому. Она осторожно подошла к этому выступу, фыркнула, чуть отвела морду, явно избегая контакта, дважды чихнула и отвернулась.

— Похоже на перила, — задумчиво сказал Мак, шлепнув первую вьючную лошадь — животное тоже старалось выбрать дорогу подальше от черного гребня.

Соринсон остановился и сделал несколько фотографий, хотя Бокатан уже поторапливал партию.

— Туда! — указал он пальцем, — Туда, и еще до захода солнца мы пройдем через дыру в земле. — Там мы войдем в долину Запечатавших.

Скалы вокруг поднимались так высоко, что прямой солнечный свет не доставал дна ущелья, и оно полнилось смутными сумрачными тенями. Они ехали вдоль этого черного выступа.

«Заражено смертью», — неотвязно крутилось в голове Сторма старое поверье его народа. Люди, которые прикасались к мертвым или находились под крышей дома, который посетила смерть, считались нечистыми, проклятыми. Этот черный выступ представился ему нитью, спряденной мертвецами, чтобы приводить других в дом смерти.

Он зажмурился, поправил на плечах одеяло, немного съехавшее назад, когда он нашаривал на своем поясе сумку с предметами, которые он смастерил на последнем дневном привале.

Землянин не стал спешиваться, но далеко отодвинулся на своей седельной подушке и вытянул небольшой жезл, украшенный на одном конце парой перьев Баку. Он напоминал оперенную стрелу, созданную по древнему обряду, и Сторм метнул его в этот черный гребень. Колдовской жезл застрял в какой-то бесконечно малой трещинке в черном веществе и неподвижно застыл, победно топорща перья.

Колдовство против колдовства. Сторм щелкнул языком, и Рейн тут же пошел рысью. Они вылетели за поворот ущелья и увидели то, что Бокатан так удачно окрестил «дырой в земле».

Если бы по другую сторону этого сооружения не виднелся яркий солнечный свет, Сторм ни за что не сунулся бы в это место. Отверстие тоннеля напоминало разинутую пасть, и верхняя арка щерилась зубцами из того же вещества, что и гребень, приведший их сюда. Исследователи даже предположить не могли, для чего служили они самим создателям. Сейчас это больше всего напоминало зубы, грозящие неосторожным. Сторм от души позавидовал Баку, которому не было необходимости лезть в этот черный провал — он спокойно мог взлететь повыше и пролететь над ним.

Тоннель был короткий, открытый с обоих концов, и только воздух в нем был странно затхлый, словно ветер никогда не проникал сюда. Первой по проходу проскочила Сурра, за ней пошли лошади, и вскоре вся группа с радостными возгласами выскочила на солнечный свет с другой стороны. Перед ними открылась довольно обширная равнина.

— Черт меня побери, если я когда-нибудь видел такое! — ахнул Мак.

И не удивительно. Перед ними были развалины: блоки из того же черного материала, заросшие поколениями лиан и кустарников.

Соринсон слез с лошади.

— Похоже, это была какая-то крепость, — сказал он и полез за своим фотоаппаратом.

Но Бокатан тут же начал всех поторапливать:

— Нужно скорее спуститься в долину. Темнеет... плохо!

Соринсон неохотно подчинился. Сторм с готовностью спешился, взял Рейна под уздцы и помогал Маку с вьючными лошадьми, пока не подошли норби, разведавшие дорогу через

лабиринт, лежавший впереди. Сторм осторожно пробирался по тропинке между обвалами черных обломков и думал, что ночью они здесь, конечно, не смогли бы проехать.

— Не могу понять, что здесь произошло, — тяжело дышавший Мак присоединился к землянину, ведя в поводу вьючную лошадь. — Похоже кто-то разгулялся и разгромил все это... правда?

Сторм впервые заинтересовался развалинами самими по себе, а не просто как запутанным лабиринтом, по которому они должны проехать. Он не рискнул делать окончательный вывод, но в общем был согласен с предположением Мака. Землетрясение могло бы расшатать постройки, но далеко не сразу. Ну, а если не землетрясение... тогда все это могла натворить только война. Но в легендах норби ничего не говорилось о том, что Запечатавшие вели войны.

— Опять развалины, — сказал Мак, пробираясь вперед. — А может, тут было какое-то небывалое наводнение...

— Или несколько наводнений, — сказал подъехавший Соринсон и приказал сделать короткий привал, чтобы лошади отдохнули.

— Посмотрите сюда! — Он указал на следы воды, заметные на скалах. Прежде на них никто не обращал внимания.

— Так, может, и тоннель построили для стока воды? — рискнул предположить Сторм.

— Может строили его и не для этого, но теперь он конечно отводит воду... и уже довольно давно. Это озеро в долине, о которой говорил Бокатан, должно быть, широко разливается, и вода находит здесь выход.

До развалин оставалось еще с полмили нелегкой дороги. Теперь они шли по руслу высохшей реки с высокими отвесными берегами. Черная нить по-прежнему вела вперед и пряталась под наносы земли, которые, возможно, копились с того времени, как создатели этого сооружения ушли в свои пещеры.

Забираться на эти косогоры было трудно, и они решили остановиться на широкой дамбе, которая поддерживала в озере постоянный уровень воды. Вся остальная долина лежала на противоположном берегу этого озера. И из воды самого озера и по его берегам тут и там поднимались курганы, немного разрушенные временем и непогодой и зарослями. Возможно, некогда это был поселок? Соринсон огляделся, снял шляпу и вытер пыльное и потное лицо.

— Если даже мы не найдем Пещеры, — сказал он тихо, — нам и этого хватит. Ступайте вперед, ребята, и ставьте

лагерь. А я хочу все это сфотографировать пока позволяет освещение.

Лагерь сам разбили на одном из заливов озера, и Сторму пришлось как следует повозиться, чтобы немного просушить влажную землю и защититься от насекомых. Сторм обратил внимание, что норби в эту ночь не отошли как обычно, а расположились рядом и окружили свои палатки кольцом пылающих костров.

Мак рассматривал курганы.

— Если решим здесь копать, то выбор у нас богатый. Только я не представляю, как Соринсон собирается это делать. норби вряд ли будут рады этим раскопкам.

— Прежде всего нужно сделать съемку и нанести все это на карту — вступил в разговор подошедший к ним Соринсон. — Может быть, сделаем пару контрольных траншей. Несколько интересных находок скорее убедят начальство помогать нам. Если этот поселок так хорош, как кажется на взгляд, нам понадобится постоянный лагерь и не меньше дюжины лет, чтобы расчистить все это. Бокатан, — обернулся он к проводнику, — эта вода, — он указал на озеро, — она исчезает с приходом Великой Засухи или остается?

Норби жестом выразил свою неуверенность.

— Бокатан ходил сюда только во время дождей... он не видел здесь большой засухи. Но воды много, не думаю, чтобы она пересыхала в сухой сезон, — ответил он.

— И я думаю так же, — весело сказал Соринсон, — а это значит, что здесь можно ставить постоянный лагерь и копать круглый год.

— Как бы вам не досталось слишком много воды, — вставил Сторм. — Эти отметки на скалах доказывают, что здесь время от времени бывают наводнения.

Но Наблюдателя это не беспокоило.

— Если будет нужно, мы перенесем лагерь на северный конец долины. Там высоченные утесы, и их, конечно, никогда не заливает. Весь прошлый месяц в горах шли дожди, а посмотрите, намного ли поднялось озеро?

На следующее же утро ему предоставился случай проверить свои догадки, когда внезапно хлынувший дождь залил и лагерь и все дороги. Они быстро отошли подальше от озера. Соблазнительно было просто подняться на один из курганов, но это могло оказаться слишком опасным — вода могла окружить их.

Хотя ливень, по крайней мере, избавил их от опасности нападения Нитра, туземцы были обеспокоены. По их вере

дождь и война посылались Барабанщиками Грома, но здесь вода проливалась на недобрую землю, и они пробирались к верхнему северному концу долины, испуганно поглядывая на следы оползней, стекающие по скалистым стенам.

Все трое норби отправились искать дорогу к местам, куда выше отметок прежних наводнений, а Сторм вместе с Маком втаскивал вьючных лошадей на скалы подальше от озера.

Бокатан и Соринсон отступали к легендарным пещерам, потому что Наблюдатель все-таки хотел осмотреть здесь все, что можно, прежде чем вода заставит их покинуть долину.

Всегда послушные вьючные лошади в это утро нервничали и упрямились, и Сторм решил приспособить в помощь погонщикам Сурру. Но большая кошка ушла еще до дождя, и Сторм понял, что теперь она спряталась в какую-нибудь дыру, где посуше, и ни за что не вылезет. Пока не было необходимости выполнять какие-нибудь задания, Сурра жила как хотела, и Сторм ей не мешал. Баку тоже исчез куда-то с самого рассвета.

Они загнали наверх уже почти всех лошадей. Мак что-то взволнованно крикнул, и Сторм решил, что он, наверное, нашел удобную дорогу дальше наверх и теперь подгонял свою кобылу.

И вдруг весь мир вокруг него словно с цепи сорвался. Когда-то, еще на войне, ему пришлось пережить массированную бомбежку. Но то, что началось теперь, было абсолютно нечеловеческим, словно сама природа обрушила свой гнев на эту землю.

Дождь, хлынувший сплошным потоком, заполнил все пространство между почти невидимой землей и почерневшим небом. Сторм не мог разглядеть даже голову и уши Рейна, на котором ехал. Густая пелена воды заливала его лицо, тугие струи больно колотили по телу. Молнии срывались острыми копьями пурпурного огня, оглушительно грохотал гром. Ошалевший от страха Рейн поднялся на дыбы, заржал и понесся вперед, не разбирая дороги. Сторм старался удержаться в седле, беспомощно вытянувшись на спине лошади и цепляясь за гриву.

Темнота так и не рассеивалась, но дождь, кажется, начал стихать и только время от времени обрушивался новыми яростными порывами. Молния снова вспорола небо. И в этой внезапной вспышке Сторм прямо перед собой увидел разверзшуюся в земле трещину и тут же тяжело ухнул в нее вместе с лошадью. Он успел сгруппироваться в падении и оттолкнуться от лошадиной спины. Приземление изрядно оглушило

его а сверху обрушился поток вязкой грязи, душащий своей тяжестью. Сторм потерял сознание.

Когда землянин очнулся и попытался двинуться, вокруг него была все та же темнота. Необычная, глухая тишина давила на уши. Еще толком не придя в себя, Сторм начал выбираться из-под завала, с трудом выдирая тело из приютившей его расщелины. Прежде всего он убедился, что отделался довольно легко: много ушибов, но ни перелома, ни вывиха. Он выполз из-под груды грязи, отдышался и постарался восстановить в памяти последнее, что увидел перед падением.

Без особой надежды он окликнул Райна, и тут же ему ответило тихое испуганное ржание. Он заговорил мягко и осторожно, стараясь повторить те интонации, которые помогли ему успокоить лошадь, когда он первый раз сел на нее. Не прекращая мягкого журчащего монолога, он продолжал разгребать землю, все еще державшую его ноги, и наконец смог подняться. Он попытался двигаться наощупь, но тут же вспомнил, что на поясе у него должен висеть фонарик.

Сторм нажал кнопку и посветил прямо перед собой. Ему показалось, что фонарь светит очень слабо — свет был совсем бледный. Прямо перед ним была отвесная стена, и свет, отражаясь от гладкой поверхности, тонул в непроницаемой черноте, собравшейся внутри этой большой пещеры. Потом в луч фонаря попал Рейн, до безумия перепуганный, с выкаченными глазами и пеной на морде. Сторм подошел и осторожно погладил мокрую, вздрагивающую шкуру, и только тут до него дошло, какой необычный воздух в этом месте — застоявшийся, затхлый, как в тоннеле, через который они вышли в долину. Вдохнув поглубже, землянин почувствовал легкую тошноту, и его охватило непреодолимое желание немедленно вырваться из этой западни, пещеры или чем там еще это могло быть. На какую-то минуту он поддался панике.

Он взял себя в руки и осмотрелся повнимательнее. Справа от него была такая же отвесная стена, там куча мокрой земли отмечала место его падения. Он посветил на уровень пола. Там из-под этой кучи лениво вытекал ручеек воды и разливался, скапливаясь в углублениях камня. Сторм выключил фонарик и вскоре разглядел наконец далекое смутно-серое пятнышко величиной с ладонь: похоже, дневной свет. Снова успокоив Рейна, он начал карабкаться — дюйм за дюймом, стараясь обходиться без резких движений, которые могли потревожить зыбкую кучу. Наконец он выбрался наружу и полной грудью вдохнул свежий, еще пропитанный дождем воздух.

Он осторожно поднялся на приготовленную ступеньку и поразился неожиданному подарку судьбы или счастливому случаю, который привел их с Райном в это странное укрытие и спас их от небесной канонады. Еще больше удивился он необычности своего спасения, увидев, что в самой горловине отверстия торчал вбитый клином камень, который, возможно, несколько замедлил его падение. Он осторожно очистил камень от земли, и проверил, крепко ли он держится. Потом опять посветил фонариком на ручей. Тот не только не иссякал, но, кажется, стал даже несколько больше. Может, там за стеной, плещется сейчас разлившееся озеро, и вода просачивается оттуда?

Он никак не мог сориентироваться, в каком направлении метнулся перепуганный Рейн. На север? Или на восток?

Большой ком влажного, переплетенного корнями песка просел под его руками, и тут же по нему застучали тугие дождевые струны. Он с наслаждением подставил тело этому небесному душу, смывая грязь и тошнотворную затхлость пещеры.

Осторожно приподнявшись, Сторм по грудь высунулся в дыру. За пеленой дождя было плохо видно, но все-таки он смог разглядеть, как разительно изменилось все вокруг.

Прямо под стеной, на которой он лежал, плескался широкий бурный поток, подстегиваемый струями нескончаемого дождя. По взбаламученной поверхности несло вывороченные с корнем деревья и кусты. Прямо под скалой течение прибило труп вьючной лошади со сломанной передней ногой и разбитой головой.

И на этом надежном островке он увидел кроху со слипшимся мокрым мехом, отчаянно цепляющуюся за торчащий из воды вьюк. Едва увидев зверька, Сторм начал быстро копать песок. Потом вылез, насколько мог из дыры, отстегнул свой пояс, снял с него нож и парализатор и опустил его вниз. Конец пояса опустился прямо на багажный вьюк, сурикат зубами и когтями вцепился в эту ненадежную лестницу, и Сторм спокойно втащил его наверх.

Это был Хинг, и он даже не был ранен, как заметил Сторм, внимательно осмотрев и ощупав его. Ему сейчас совсем не хотелось задумываться о судьбе Хо. Тот всегда ехал на другом вьюке, а тот сейчас был в воде, под трупом лошади.

Сурикат хныкал, фыркал и всем своим видом старался показать, как ему паршиво. Сторм обтер и почистил его, насколько сумел, а потом отнес в пещеру и завернул в одеяло.

Устроив спасенного со всем возможным комфортом, Сторм снова вернулся к своему окошку.

Прокапывать прямо сейчас настоящий выход было опасно: все камни были заляпаны скользкой, влажной землей, и в любую минуту можно было сорваться прямо в бурлящий поток. С этой работой лучше было подождать до тех пор, пока не кончится дождь и не станет хоть немного светлее. Может быть все это будет завтра, а сейчас стоит просто набраться терпения и подождать. Не могут же такие катаклизмы продолжаться вечно!

Серый день сменился темной, безлунной и беззвездной ночью. Сторм все так же торчал, наполовину высунувшись из своей дыры, пытаясь разглядеть хоть крохотный отблеск костра на скалах, который показал бы ему, что спасся не он один, но так ничего и не увидел.

Он решил, что сделать сейчас он все равно ничего не сможет и постарался заснуть. А когда он проснулся, то сразу почувствовал на лице теплые солнечные лучи. Рядом с ним сидел Хинг и старательно чистился, бормоча что-то с почти человеческим отвращением к грязи, которая запятнала его обычно идеально чистый и причесанный мех.

Вода снаружи стала спадать, оставляя после себя весь принесенный мусор. Нечто красно-коричневое, под цвет песка, с полной пастью острых зубов, пировало у трупа кобылы. Сторм громко крикнул и швырнул в эту тварь комом земли.

Падальщик тут же скрылся, напуганный жутким эхом, каким ответили горы на крик землянина. Тогда Сторм решил прокричать сигнал общего сбора своей команды. И хотя он прокричал его не меньше тридцати раз, зовя то свою команду, то людей, он не услышал никакого ответа. Тогда он решил заняться насущными делами, быстро расширил дыру, затем осторожно спустился и поднял наверх вьюк погибшей лошади.

8

Он принес этот вьюк в пещеру и посадил Хинга сторожить его: возможно, в нем остались все их запасы. Хинг не был сильным бойцом, но его вполне хватило бы отогнать тварей вроде той, что встретилась им сегодня утром. Выставив часового, пусть даже не самого лучшего, Сторм решил отправиться на разведку. Из плавника, принесенного водой, он выбрал

длинную жердину, соорудил себе что-то вроде посоха и побрел по мокрому берегу. Пару раз он спугивал пирующих падальщиков и тут же кидался рассматривать их добычу.

Один раз это была погибшая верховая лошадь Соринсона, а второй раз — какое-то дикое животное, видимо, снесенное потоком с гор. Время от времени он останавливался и звал условными сигналами Баку и Сурру, но не получал никакого ответа.

Солнце поднялось уже высоко, его жаркие лучи быстро подсушивали все вокруг, и Сторм сумел добраться до берега разлившегося озера. Разлив темной воды укрывал теперь четыре пятых долины, в том числе и проход на низком южном конце, через который они проникли сюда. Пока землянин не увидел ни следов спасшихся, ни дымка лагерного костра; никто ни разу не отозвался на его крики.

Большинство курганов и развалин были еще затоплены, и только несколько из них поднимались над водой. Кое-где на них сидели какие-то небольшие зверьки, видимо, уцелевшие обитатели долины.

Он уже собирался повернуть обратно, когда захлопали мощные крылья, и в светлом небе появился четкий черный силуэт, который, конечно, мог принадлежать только Баку. Сторм свистнул, и Баку изящным соколиным броском устремился к нему.

Он сделал круг над головой Сторма, явно приглашая его следовать за собой. Но Баку ничего не стоило перелететь озеро, а Сторм в сомнении остановился перед этой мутной недоброй водой, в которой, вдобавок, обитали уже знакомые ему зубастые твари. Он осторожно забрел в воду по колено, ощупывая своим посохом вязкое дно впереди. Баку приземлился на одном из курганов довольно далеко от берега, на котором стоял Сторм. Землянин узнал этот курган по крупному голому камню, на который они ориентировались, проходя лабиринт. Он попробовал позвать Баку, и тот ответил ему резким криком, но взлетать оттуда не собирался. Землянин сделал еще несколько шагов вперед, но дальше дно резко опускалось, и он понял, что до островка ему придется добираться вплавь. Он осторожно зашел поглубже, оттолкнулся и поплыл, расталкивая обломки, с отвращением чувствуя, как грязная и вонючая жидкость облепляет тело.

Наконец под ногами у него оказался камень, он поднялся и вышел на макушку островка. Кругом виднелись следы наводнения, но он уже почти не обращал на них внимания, пораженный другим. Недавно на этом островке была настоящая

битва! Он сразу же увидел три трупа с торчащими в груди боевыми стрелами и отрубленными правыми руками. Бокатан, Соринсон и Даготаг. Похоже, убиты они были сегодня рано утром, как раз когда он выбирался из пещеры. Древний наследственный страх перед мертвецами боролся в нем с необходимостью выяснить, что тут произошло, и долгом позаботиться о телах тех, с кем он последнее время делил кров и пищу. Сторм медленно пошел вперед, и навстречу ему поднялось что-то рыже-желтое, с красными и темными подсыхающими пятнами на голове. Забыв все на свете, землянин бросился к своей барханной кошке. Сурра завыла. Рваная рана у нее на голове выглядела ужасно, но, как тут же убедился землянин, была не так уж серьезна. Выглядело это много страшнее, чем было на самом деле, и нападающие, видимо, поверили, что рана смертельна. Не первый раз пожалел Сторм, что его команда лишена дара обычной речи. Вот и сейчас они не могли ему ничего рассказать. Оставалось только смотреть самому и пытаться сообразить, что же здесь произошло.

Он предположил, что Соринсон и оба норби оказались отрезаны наводнением на этом холме далеко от всех остальных. Атаковали их значительно позже, перед самым концом ливня. И нападавшие забрали с собой все, что могли, с трупов сняли даже оружие.

Сторм достал свою маленькую личную аптечку и обработал рану Сурры. Она позволила ему проделать эту неприятную процедуру, только время от времени повизгивала от боли. Он работал осторожно и сосредоточенно, стараясь не задумываться о том, что ему еще предстояло сделать.

Наконец Сурра была устроена, и он заставил себя приступить к последнему делу. Стараясь ни о чем не думать, он осторожно уложил Соринсона на спину и подтащил к нему убитых норби. Выкопать могилу на этой почве без всякого инструмента нечего было и думать. Он засыпал погибших мелким гравием, а потом долго складывал из камней могильный холм над ними, пока солнце не припекло по настоящему и от воды и сырой земли не начал подниматься тяжелый пар.

Он уже заканчивал свою жуткую работу, когда его позвала Сурра. Он оглянулся и увидел, что барханная кошка уже поднялась на ноги, хотя ее и покачивало, как пьяную. Что ж, ему, можно сказать, повезло. И Баку и Сурра живы, а в пещере его ждут Хинг и Рейн. Он немного знал обычаи норби и не думал, что Нитра — если конечно напало именно это дикое племя — надолго останутся в разоренной долине. Ско-

рее всего, они решат, что уничтожили всю экспедицию и вернутся к себе. Но сейчас следовало переправить Сурру в более безопасное место на севере долины, а без Рейна этого не сделаешь.

Сторм ласково гладил Сурру, передавая ей мысленно, что сейчас ему нужно пойти и привести Рейна, но он вернется так быстро, что она и соскучиться не успеет.

Вода спадала быстро, и на обратном пути плыть ему пришлось совсем немного. Он вернулся в пещеру и выяснил, что Хинг не терял зря времени. Он копался в куче песка, засыпавшей вход, выискивая для себя вкусные корешки и прокопал тропинку, вполне достаточную для Рейна. И Рейн не замедлил этим воспользоваться: он успел уже напиться из потока и пожевать еще влажную траву.

Ведя в поводу нагруженного снаряжением Рейна, с Хингом, едущим на вьюке, и кружащимся над головой Баку Сторм вернулся к кургану. Вода отступила еще дальше и освободила полоску гравия до самых скал на полмили вперед. Это место Сторм решил выбрать для временного лагеря. Он снял с Рейна груз, оставил на охране Хинга с Баку и отправился к кургану.

За время путешествия Рейн достаточно привык к Сурре. Постоянно крутящаяся рядом кошка стала привычной частью его мира. Но согласится ли жеребец везти ее на себе — это был большой вопрос.

У самого подножья холма Сторм спешился, успокаивающе поговорил с Рейном, огладил его, и только когда жеребец окончательно успокоился, позвал Сурру. Она, покачиваясь, поднялась и прыгнула, разом оказавшись рядом с землянином и чуть не сбив его с ног. К удивлению Сторма, Рейн и не пытался возражать против такого необычного всадника. Сторм и Сурра, удобно устроившись на его спине, миновали все еще бурную, но с каждым часом стихающую полосу воды и выехали на сухой берег.

Прямо на камнях Сторм разложил все, что осталось у них из снаряжения. Перед уходом из Иравади-Гроссинг он оставил у Ларкина половину своих вещей, полагаясь на то, что у Соринсона запасено достаточно всего. И то, что он спас с погибшей кобылы, было только самым минимумом необходимого, чтобы достичь владений какого-нибудь колониста или выйти к обжитым пастбищам. Из оружия у него оставались парализатор, лук, подаренный норби, и нож. Из еды — один пакет концентратов, который он решил приберечь на черный день.

Еще уцелела скатка его постели с зеленым одеялом, аптечка, которая помогла ему привести в порядок Сурру, ручной фонарик с тремя запасными батареями и фляги. Правда, воду теперь следовало кипятить, потому что таблетки для химической очистки пропали вместе со всем остальным снаряжением. Но раньше, на заданиях, Сторму приходилось довольствоваться и меньшим, а его команда охотой могла прокормить и себя, и его.

Здесь хватало мелких животных, немного похожих на кроликов, и выглядели они очень аппетитно. Встречались крупные травоядные, вроде земных оленей, а в траве копошились куропатки, хоть они и были несколько мелковаты для голодного человека. Кроме того, все арцорианские животные живут у воды и кочуют вместе с водой, так что можно просто следовать за ними, уходя от надвигающейся Великой Засухи.

Сторм сел, скрестив ноги, на краешек одеяла, на котором дремала, набираясь сил, Сурра. Хинг приткнулся к ним, жалобно поскуливая. Вьюк, в котором ехал Хо, так и не нашелся, и сурикат очень тосковал по своему товарищу. Землянин утешающе погладил его упругий мех и задумался, как бы сходить на разведку в южный конец долины. Сейчас между ним и тоннелем лежало огромное зеркало воды. Пока наводнение не спадет окончательно, туда не добраться. И, кроме того... Он отодвинул забравшегося к нему на колени Хинга, и снова внимательно осмотрел в подзорную трубу южные скалы. Что-то там было не так, но он никак не мог сообразить, что именно. Наконец он решил, что потоки воды, видимо, несколько изменили рельеф, вот он и не узнает знакомого места. Он еще раз осмотрел возможную дорогу по скалам. Там были места, где сильный человек мог бы вскарабкаться, но Рейна туда, конечно, не затащить. Нет, этот выход к тоннелю, который был бы самым коротким путем в обжитые места, пока был закрыт. А северный конец долины увел бы их еще дальше в пустыню.

Одиночество Сторму было не в новинку. Так или иначе, но он провел в одиночестве большую часть своей жизни и лучше чувствовал себя наедине со своей командой, чем в человеческом муравейнике вроде Центра. Но было в этой долине нечто такое, чего он не встречал даже на вражеских планетах, где каждое мгновение было смертельно опасным, и каждое движение могло выдать его врагам и обречь на нескорую и мучительную смерть. Это нечто словно источалось тяжелыми гравийными курганами, запертыми среди отвесных скальных стен — и, признался самому себе Сторм, он был не

так уж удивлен, найдя на одном из них только мертвецов. Это место дышало смертью, и все его чувства, да и само тело, требовали поскорее убраться отсюда. Сторм твердо решил, что пока Сурра поправляется, он обязательно разведает самую короткую дорогу отсюда.

Землянин разжег костер, не только чтобы просушить одежду и спастись от пронизывающего холода сырой ночи, но и как древнюю и самую близкую человеку защиту от темноты и ночных недобрых сил. Он тихонько начал напевать древний заговор, защищающий от ночных страхов, и полузабытые слова сами всплывали в памяти и обретали сильный упругий ритм. Вдруг Баку, сидевший над головой Сторма на выступающем камне, забеспокоился. Сурра приподняла морду от своих теплых лап и насторожила уши. Сторм достал парализатор. За спиной у него была отвесная скальная стена, а проход справа прикрывало какое-то полуразрушенное строение — значит защищать надо было только два направления.

Свободной рукой он вытащил и положил рядом с собой нож. Потом приготовил лук и достал одну из боевых стрел. Парализатор тоже будет не лишним, если его атакуют.

— Ерооуу! — долетел до него слабый, искаженный многократным эхом голос, но он не смог ответить на него.

Сторм продолжал прислушиваться, держа под прицелом луча все подходы, когда высокая неясная фигура, чуть темнее теней, заполнивших долину после захода солнца, бегом бросилась к нему. Горгол, прижимая к груди правую руку, вскарабкался на галечный берег и плюхнулся на край сурриной постели. Левой рукой он пытался подавать знаки, и Сторм с трудом разобрал:

— Враги... после наводнения... все погибли...

— Да-да, я уже знаю, — успокаивающе сказал Сторм. — Позволь осмотреть твою рану, воин.

Землянин усадил юного туземца спиной к стене строения и в свете гаснущего костра быстро осмотрел его рану. К счастью, стрела прошла насквозь, и ни один предательский зубец не застрял в теле. Сторм промыл рану кипяченой водой и перевязал. Горгол взглянул на его работу и закрыл глаза. Землянин вскрыл упаковку концентрата, отломил кусок и вложил в здоровую руку туземца.

Когда Горгол открыл глаза, Сторм задал ему самый важный в эту минуту вопрос:

— Нитра ушли? Или остались здесь?

Горгол отрицательно покачал головой. Он сунул в рот кусок концентрата и зашевелил пальцами:

— Не Нитра убили, — показал он. — Вообще не норби.

Сторм присел на пятки и обвел глазами заброшенные курганы. На какое-то мгновение неопределенные страхи этого места захватили его воображение. Может, напали люди из народа Запечатавших Пещеры? Или какие-то жуткие существа, сторожащие эти развалины? Он тут же усмехнулся сам над собой. Трое людей на кургане были убиты стрелами, и никакого другого оружия там не применялось. И никаких древних призраков, никакой мистики.

— Не норби? — коротко переспросил он.

— Не норби и не Нитра. — Оказывается, Сторм правильно понял первый знак Горгола. Сейчас туземец старался двигать и больной рукой, чтобы знаки были понятнее. — Пришельцы с другого мира, люди твоей породы!

Но тогда при чем же здесь стрелы и отрубленные по ритуалу руки убитых?

— Ты сам видел их?

— Я видел. Я залез на скалу. Вода поднималась все выше, выше. А в конце дождя пришли люди.

— Они были одеты так. — Он указал на свою одежду из шкуры йорис. — Похоже на норби. Они носили луки как норби, но они не норби. Думаю, они из Союза Мясников: воруют лошадей, воруют фравнов, а потом сваливают на норби. Отметили убитых, как делают Нитра. Видели меня, стреляли. Горгол падал и лежал как мертвый... только Горгол первый убил одного из них. — Глаза его ярко сверкнули. — Теперь Горгол — воин! Но их было много. — Он растопырил пальцы, пытаясь показать число врагов. — Горгол упал как мертвый, а они не полезли проверять... ушли.

— Союз Мясников! — вслух повторил Сторм, и Горгол, как-то угадав значение этих звуков, утвердительно кивнул.

— Они прячутся где-то здесь? — спросил Сторм.

— Нет. Они ушли туда. — Он указал на север. — Думаю, они живут неподалеку и не хотят, чтобы кто-то узнал про их укрытие. Убивают.

Ладно, это будет еще одной причиной не соваться на север в поисках дороги отсюда. Но Горгол рассказал еще не все:

— Они везли связанного объездчика, может быть, для обряда кормления злых духов, — нерешительно замялся он, а потом сделал тот жуткий жест, который Сторм узнал от Соринсона. — Накормить их Сладким Мясом.

Сторму приходилось слышать о туземных племенах, которые поклоняясь демонам, и стремясь их умилостивить, устраивали ритуальное поедание специально отловленных

пленников. У большинства арцорианских племен это вызывало отвращение, и племена каннибалов были во вражде почти со всеми более-менее цивилизованными туземцами. В душе норби понятие отвратительного злодейства давно и прочно ассоциировалось со словами «сладкое мясо», и не мудрено, что Горгол после всего виденного предположил именно такую жертву.

— Нет, — твердо возразил землянин. — Мясники не едят пленных. А этот пленник — он с равнин?

— Объездчик, — подтвердил Горгол.

— Может, кто-то из здешних поселенцев? Мы выйдем к ним и расскажем об этих убийцах.

Горгол повернулся так, чтобы смотреть Остину прямо в лицо.

— Много дней пути... выбраться отсюда и выйти на обычные дороги колонистов. Может, мы и дойдем. Только нельзя ходить в темноте: я не знаю этой местности, а где-то в холмах бродят Нитра. Эти люди ушли далеко, пошли быстро... были очень осторожны.

Горгол снова взглянул на землянина, словно прикидывал, понимает ли человек с другого мира его намеки.

— Что ж, я согласен, — сказал Сторм вслух и одновременно просигналил то же пальцами.

Теперь уже окончательно стемнело. Он развернул свою постель, предоставил Горголу самому устраиваться, как ему было удобно, а сам свернулся в траве рядом с Суррой и спокойно уснул, уверенный, что феноменальное чутье барханной кошки предупредит его о любой опасности.

Уже светало, когда Сторм проснулся и почувствовал, что Сурра насторожилась. Он не шелохнулся, лежал неподвижно, готовый к нападению: старый трюк, который он использовал сейчас почти инстинктивно. То, что двигалось в темноте, не вызывало у Сурры враждебности, скорее, просто заинтересовало ее. Он лежал, вслушиваясь, но улавливал только тяжелое дыхание раненного Горгола да шорох гравия под копытами Рейна. Наконец он различил еще один звук: какое-то легкое постукивание, такое тихое, что если бы не Сурра, он не обратил бы на него внимания.

Сторм различил какой-то смутный силуэт, приближающийся к ним, и потянулся за парализатором. Он пристально вгляделся в эту фигуру, и убедившись, что это не лошадь, прицелился. Этот вздыбленный темный силуэт мог принадле-

кать только одному животному из всех, что он видел на Арцоре, и они вполне могли использовать его для пополнения своих запасов. Через минуту он уже свежевал молодого фравна, вполне упитанного, видимо хорошо питавшегося последнее время. Было, конечно, странно, как в этой пустыне мог очутиться одинокий фравн — они живут на равнинах, ночуют большими стадами и никогда не лезут в горы в одиночку.

Сторм собрал хорошую кучу камней, чтобы заслонить костер, и зажег огонь. Норби насадил по куску мяса на импровизированные шампуры, укрепил их у огня и начал объяснять.

— Фравн украденный. Злые люди угнали фравнов и спрятали. Возможно, потеряли одного, когда гнали стадо, или стадо перепугалось и разбежалось.

Сторм смотрел на куски жарящегося мяса и размышлял. Он понимал, что еще стояло за этими постоянными кражами лошадей и фравнов. Везде — и на Арцоре тоже — у скотокрадов была проблема сбыта добычи. Фравны шли только на экспорт. Но на планете был только один космопорт, и все животные, проходящие через него, тщательно проверялись. Сами колонисты пристально наблюдали за любым новичком, как только он прибывал на Арцор. Так зачем же воровать это мясо на копытах, если нет надежды продать?

— Зачем они воруют это мясо, если не могут продать? — знаками спросил он Горгола, зная, что туземец достаточно сообразителен, чтобы понять его мысль.

— Сейчас не продать, но земля большая. — Горгол сделал широкий жест левой рукой. — Они угоняют фравнов, угоняют лошадей и прячут. Норби знают их тайники... иногда приходят и берут, сколько надо. Харол, старший в семье Горгола, в прошлый сухой сезон пригнал трех лошадей. Он не только великий охотник, но и воин.

Ну вот, значит, норби наезжают в укрытия Мясников. Это кое-что проясняло. Предположим, с точки зрения норби в угоне скотины нет ничего предосудительного. Если оставить норби в пустыне — он вполне сможет выйти оттуда, а вот лишить пришельцев с других миров лошадей и снаряжения — другое дело. Но все возвращалось к тому же: какая польза самим Мясникам от этих набегов? Все это наводило на одну единственную мысль — где-то есть тайный космопорт, обеспечивающий контрабандные перевозки. Тайный космопорт! Сторм весь подобрался и расширившимися глазами невидяще уставился в огонь. Почувствовав его скрытое напряжение, глухо заворчала Сурра. Здесь, в этих долинах, вполне можно обо-

рудовать тайный космопорт. Конечно, почему бы не спрятать его на планете, где передвигаются, в основном, пешком! Все в нем напряглось, словно он заслышал знакомый боевой клич.

Конечно, официально война давно закончилась. Целый год, проведенный в Центре, он пытался доказать себе, что она закончилась и для него. Но предположим, только предположим, что его дикая догадка справедлива. Тогда есть шанс — еще один шанс сразиться с теми, кто уничтожил его родной мир. Сторм даже начал тихо напевать себе под нос. Меньше всего думал он о своих делах с Бредом Квадом — это сейчас было несущественно. Если только он прав! О, Великие Боги, сделайте так, чтобы фантастическая догадка обернулась правдой!

Землянин повернулся к Горголу, который наблюдал за ним с тайным напряжением, отражавшимся в сузившихся, как у Сурры, зрачках.

— А лошади у этих Мясников есть?

— Есть, — подтвердил Горгол.

— Тогда может, мы, как твой Харол, проверим, не пригодятся ли нам их лошадки?

Тонкие губы Горгола изогнулись в характерной для туземцев ухмылке.

— Мне нравится, что ты хочешь отомстить за убитых из твоего народа. Да и для возвращения они нам пригодятся.

И тут Сторм понял, как ему действовать дальше, чтобы не войти в противоречие с правительством и сохранить дружеские отношения с туземцами. Он, как и собирался, поедет на юг, объявит правительству о вопиющем нарушении Мясниками всех местных обычаев и потребует права личной мести за совершенные здесь убийства. Конечно, для тех преступников, которых он подозревал, вряд ли будет иметь значение, почему он за ними охотится. Но это, по крайней мере, успокоит тот внутренний голос, который все еще напоминает ему о Кваде.

9

Сторм хотел дать Сурре отдохнуть как следует, поэтому он уговорил ее остаться в лагере, пока он ненадолго сходит на разведку. Горгол тоже остался в лагере залечивать свою рану. Намечая план этой разведки, Сторм вдумчиво взвесил свои возможности. Прежде всего он хотел сходить на юг и

проверить, не бродят ли на пути к тоннелю воины Нитра. Но перед уходом он решил кое-что сделать.

Он осторожно растопил жир фравна и смешал его с красной пылью и мелом, натертым из мягкого белого камня. Полученными красками он разрисовал лицо и грудь — боевая раскраска его предков или маскировка, а скорее, и то и другое.

Горгол с большим интересом наблюдал за этими приготовлениями.

— Это военное колдовство? — спросил он, указывая на полосы, разукрасившие грудь землянина.

Сторм тоже взглянул на свою грудь и улыбнулся, но это было совершенно незаметно на устрашающей маске, в которую превратилось его лицо.

— Да, — ответил он, — это древняя боевая раскраска моего народа.

Машинально он сгреб в ладонь ожерелье, погладил его, а потом коснулся витого пояса, символизирующего для него наследство предков. Затем он осмотрел оружие. У него обе руки были здоровы, и он мог стрелять из лука, чего нельзя было сказать о Горголе. А оставить норби с одним ножом, он тоже не мог. Задумчиво расстегнул он кобуру парализатора. Сторм знал, что туземцы верят, будто человек и его оружие связаны магической силой, и потому почти никогда не пользуются чужим оружием. Правда, если оружие преподносили в подарок, магия могла перейти на нового владельца. Он не знал, как следует преподносить такой дар по обычаям норби, и решил положиться на интуицию.

Сторм отстегнул кобуру с парализатором, поднял ее к небу, как сделал он в первое утро экспедиции, потом коснулся ею земли и протянул норби, жестом показывая, что это подарок.

Желтоватые глаза Горгола удивленно расширились, но он не протянул руки и не коснулся парализатора. Это оружие, завезенное с внешних миров, в свободной торговле стоило немыслимых, по меркам туземцев, денег и очень редко попадало им в руки. Тем более, что перезарядить его можно было только в городе, что для туземцев тоже представляло определенные трудности. Но получить такую вещь в подарок считалось среди туземцев большой честью.

— Вот так целиться... вот здесь нажимать, — начал объяснять Сторм.

Делал он это скорее для того, чтобы разрядить обстановку, поскольку прекрасно знал, что Горгол, не раз гонявший стада

вместе с колонистами, умел пользоваться этим оружием. Норби согласно кивнул и горделиво выпрямился, когда землянин пристегнул кобуру к его поясу.

Землянин повесил себе на плечо лук и прилаживал колчан со стрелами, когда Горгол величественным жестом остановил его и положил в колчан несколько своих охотничьих стрел. Боевые стрелы считались священными и ни при каких обстоятельствах не могли передаваться в чужие руки.

Наконец экипированный и разрисованный, как настоящий навахо, Сторм попрощался и, сопровождаемый кружащим над головой Баку, вышел из лагеря.

От воды, густой и грязной, поднимался неприятный запах. Вода уже спала настолько, что при необходимости Сторм мог бы брести вброд. Но он решил все-таки в воду не соваться и обойти по суше, вдоль скальной стены. На воде плавало довольно много мертвых погибших животных, но, что удивительно, Сторм так и не увидел ни лошадей, ушедших с Маком, ни тех, на которых уехали трое норби, да и вообще ему не встретилось никаких следов экспедиции. Но если лошади выжили, они, скорее всего, вернулись бы к живым или мертвым хозяевам.

Чем ближе землянин подходил к южному концу долины, тем чаще он останавливался и осматривал окрестности в подзорную трубу. Теперь он уже ясно видел, что очертания рельефа изменились. Но самое плохое ожидало Сторма, когда он дошел до южного края долины и поднялся на залепленный грязью курган, чтобы посмотреть вперед.

Тоннель исчез, полностью погребенный под титанической осыпью, сошедшей с ближайшего откоса. Конечно, можно было рискнуть и вскарабкаться на это грязное месиво, каждую минуту рискуя увязнуть, но и отсюда было видно, что Рейна тут не провести, значит, прохода на юг больше не существовало. Со странным облегчением смотрел Сторм на эти навсегда закрывшиеся двери. Он-то сделал свой выбор еще до того, как вышел из лагеря, и теперь был даже рад, что избавился от искушения просто повернуться и уйти.

Вернувшись в лагерь, он рассказал все Горголу, и тот тоже принял это на удивление спокойно. Похоже, его совсем не волновало, что они как в ловушке заперты в полузатопленной долине. Только Баку на своих мощных крыльях мог бы легко перенестись в привычный мир. Горгол тоже хотел пройти в северный конец долины, и Сторм пообещал ему, что на следующее утро они оставят в лагере Рейна и Сурру и вдвоем попробуют отыскать тропы, по которым здесь прогоняли

равнов. Фравны — не горные козы, по скалам не лазают, ак что можно быть уверенным, что там, где прошли они, ройдет и лошадь.

Сторм всегда считал себя неплохим следопытом, но в это тро ему оставалось только удивляться необыкновенному ис усству, с которым Горгол находил следы даже на голой ска е. Так он и нашел узкую щель между двух утесов, где в асохшей грязи отпечатались копыта фравнов. Трещина была овольно узка, но вполне проходима. О Баку, плавающем в истом сегодня небе, где для него не было никаких препятст ий, думать не приходилось.

Они углубились в тесный проход, и тут возле одной из стенок Горгол углядел маленький кисет из шерсти фравна. От него исходил странный и довольно приятный аромат сухих трав.

— Это жвачка людей с далеких миров, она вызывает виде ния, — пояснил норби, передавая землянину свою находку. Тот осторожно понюхал находку. Запах был довольно приятным, но совершенно незнакомым. И очень жаль, потому что в этой сумочке могли быть ответы на многие вопросы, связанные с Отверженными.

— Трава видений растет на Арцоре? — спросил он на всякий случай.

— Нет, — ответил норби. — Иногда колдун находит ее в лагерях Мясников и тогда жует. Она очень возбуждает, дает много видений... и все злые. Это колдовская вещь... очень недобрая.

Сторм спрятал находку в сумку на поясе. Конечно, это какой-то наркотик, вывозимый с внешних миров и, похоже, сильно действующий на арцорианских аборигенов.

— Здесь проходили... вели лошадей, — заметил Горгол, разглядывая следы.

Узкая тропинка была буквально изрыта лошадиными копытами, перекрывавшими следы фравнов, ведущие в противоположном направлении. И все лошади были подкованы — значит, здесь проходили не туземцы.

У самого выхода из расщелины они наткнулись на полуобглоданный скелет фравна, убитого йорис. Но и сама ящерица, хоть и успела нажраться до отвала, далеко не ушла. Ее тщательно ободранный труп валялся тут же, оставленный на поживу падальщикам.

Горгол, которому раненная рука не убавила ловкости, гибко скользнул от одной скальной стенке к другой, держась подальше от омерзительного желтого стерва. Сторм старался

идти за ним след в след, но норби вдруг остановился и указал ему на голову рептилии.

Землянин остолбенел, и даже не потому, что голова эта со снесенной крышкой черепа выглядела на редкость мерзко, а потому, что сразу понял, каким оружием могла быть нанесена такая рана. В конце войны это оружие было поставлено вне закона на всех мирах Конфедерации.

— Слицер*! — охнул он.

Это уже могло быть доказательством, что его невероятная догадка верна. Он глянул на лук в своей руке и поморщился.

Лук против парализатора — это еще куда ни шло, но лук против слицера, или против бластера...

Норби, осторожно переступая, подошел к ящерице, сунул в разбитый череп палку и перевернул его. Из пробоины хлынул поток зеленоватой жидкости. Горгол что-то испуганно защебетал на своем языке, точь в точь как взволнованный Хинг. Он отбросил свою палку и показал знаками.

— Йорис погиб от яда — сейчас у них брачный сезон.

Это означало, что бедной рептилии не повезло и ее убили дважды. Сначала, по-видимому, была драка с соперником, у которого в брачный сезон один из зубов становится ядовитым. Ну а потом кто-то из слицера снес ей половину черепа. Кстати, яд йорис был одинаково смертелен и для туземцев, и для пришельцев с внешних миров. И раз у йорис начался брачный сезон, значит, теперь придется быть осторожнее и убивать этих ящериц сразу, не дожидаясь нападения.

Оторвавшись наконец от мерзкого зрелища, Сторм вышел на крошечное плато и осмотрелся. Страна, лежавшая перед ним, выглядела очень необычно, и не только из-за развалин, затопленных озером. Насколько Сторм мог рассмотреть, окружающие долину стены поднимались ступенями — настоящие террасы, у которых большая часть буквально тонула в буйной растительности. На юг шла довольно приличная когда-то дорога, но сейчас она была во многих местах перерезана уступами. Возможно, это и был путь, по которому украденные стада попадали в эту долину. Через тот проход, который отыскали они с Горголом, не прошло бы ни одно стадо.

Даже в подзорную трубу землянин не мог разглядеть деталей на дне долины. Прежде всего в глаза ему бросились стада пасущихся фравнов. Этих животных трудно спутать с кем-нибудь — их выделяла забавная подпрыгивающая

* Лучевой резак. От глагола slaughter — резать, нарезать ломтями.

походка, пышные развевающиеся гривы и кургузые, почти безволосые зады.

А вот лошадей нигде не было видно. И рядом с фравнами не было ни объездчиков, ни пастухов. Правда, в замкнутой долине пасти их не так уж и обязательно. Но, с другой стороны, здесь водятся йорис, а сейчас, в разгаре брачного сезона, они очень опасны.

Долина эта была значительно шире первой, и Сторм только в подзорную трубу мог разглядеть террасы на противоположной стороне. Трава здесь была высокой и пышной, и он не заметил никаких следов наводнения, залившего соседнюю долину.

Не было видно ничего, что подтверждало бы догадку Сторма. Это место было идеальным тайником для угонщиков скота — но и только. Если бы не мертвая ящерица, он и сам бы усомнился в своем предположении.

Горгол положил руку на плечо землянина и слегка сжал. Сторм понял это предупреждение и обвел подзорной трубой всю долину. Волновалось пасшееся неподалеку стадо фравнов. Быки насторожились, вскинули гривастые головы и, словно сговорившись, неуклюжим галопом помчались в сторону. Коровы же встали правильным кругом вокруг телят и выставили угрожающе наклоненные рога.

По долине ехали всадники! Прежде всего Сторм обратил внимание на небольших темных лошадей, похожих, скорее, на туземских лошадок, чем на красавцев с завода Ларкина. Но люди, ехавшие на них, не были туземцами. Не носили они и привычной одежды арцорианских колонистов — штанов из шкуры йорис и ярко-голубых блуз из шерсти фравнов.

Сторм опустился на колено, не сводя трубы с этой группы. Он уже успел разглядеть тускло-черные, словно припорошенные пылью, мундиры — мундиры, подтверждающие самые безумные его догадки. Это и в самом деле были они!

Наконец-то сошлись концы с концами! И вражеская форма, и проделки с ворованными фравнами — все сразу стало понятно. Не удивительно, что они уничтожили Наблюдателей так, чтобы это выглядело делом рук норби! Все обвинили бы диких туземцев и никто не стал бы искать кого-то другого. Типичная уловка хиксов.

— Сааа... — это Горгол, научившийся воспроизводить свист, которым Сторм созывал всю команду, пытался привлечь его внимание этим единственным общим для него с зем-

лянином звуком. Он указывал пальцем куда-то на север, требуя направить трубу туда.

Там все в той же оборонительной позиции застыло стадо фравнов, но вряд ли это могло вызвать такой интерес туземца. Выше на стене была заметна желто-красная полоса небольшой осыпи, оставленной массивным скальным выходом. И вот там-то, распластавшись на камне, лежал еще один наблюдатель. Сторм прислонился к стене и пристально рассмотрел чужака. Тот настолько заинтересовался тем, что происходило внизу, в долине, что позволил себе привстать. Это позволило Сторму рассмотреть его внешность. Сразу бросилось в глаза, что рога на безволосом черепе не цвета слоновой кости, как у всех норби, а выкрашены яркой зелено-голубой краской.

Сторм оглянулся на Горгола, ожидая объяснений. Норби свесился со скалы, пристально разглядывал чужого. Лицо его было как всегда бесстрастно, только кошачьи глаза горели боевым азартом. Тонкие губы сложились в ухмылку, означавшую у его народа оскорбление или боевой вызов, и он сделал землянину один единственный знак — Нитра.

Был ли это охотник, бродивший на свой страх и риск? Или это передовой разведчик боевого отряда, готового к набегу? Обычаи норби позволяли предположить и то и другое. Юноша, отправившийся за военным трофеем, чтобы получить статус воина, вполне мог наткнуться на эту долину случайно. А боевой отряд, углядевший здесь прекрасные стада, вполне мог попытаться отбить у Мясников их добычу. На этих террасах, в густых зарослях, хорошие лучники имели все шансы перебить противника прежде, чем их заметят.

Пальцы Горгола снова задвигались, и он показал:

— Он здесь один.

Хотя у Сторма и Горгола практически не было в языке общих звуков, если не считать того, что Горгол научился воспроизводить сигнал сбора команды, землянин заметил, что короткие вопросы Горгол может прочитать по губам.

Он обернулся к нему и спросил:

— Военный отряд?

Горгол отрицательно покачал головой и повторил свой знак:

— Он здесь один.

Сторм тут же подумал о Сурре. Хорошо бы отправить барханную кошку проводить этого воина, и посмотреть, куда он направится, и действительно ли он один на этой террасе.

Приходилось отложить более близкое знакомство со всадниками внизу. Просто глупо было бы сейчас спускаться в долину, рискуя быть отрезанным от единственного прохода. Так что оставалось только смотреть, куда эти всадники направляются.

Землянин постарался восстановить их путь. Он понял, что они прошли через ущелье с мертвой йорис и двигались теперь к самому северному концу долины. Теперь землянин решился приподняться, прижимаясь спиной к ржаво-красному камню и хорошо понимая, что для любого, кто находится от него дальше двадцати пяти метров, он сейчас полностью сливается с камнем.

Долина была довольно длинной, вытянутой с юга на север и очертаниями напоминала бутылку с горлышком на юге. Сторм решил про себя, что вряд ли Мясники устроили свое пристанище на скалах, и теперь внимательно рассматривал северную сторону долины. Никаких строений он так и не обнаружил, зато наткнулся на нечто, чему было совсем не место в этой дикой стране.

Вещь эта была прекрасно замаскирована, и только строгая вертикаль ее легких линий, да пара металлических бликов выдавали творение рук человеческих. Сторм мгновенно узнал этот стройный, нацеленный в небо, силуэт, и тут же отметил про себя, что стабилизаторы, видимо, утоплены в шахте. Это означало две вещи: во-первых, что корабль здесь ждали и к его приему готовились, а, во-вторых, что привел его пилот высокого класса, сумевший опуститься точно и не выжечь всю долину.

Сторм попытался по внешнему виду определить тип корабля. Ясно было, что такой легкий силуэт не может быть ни у грузовика, ни у транспортного судна. Скорее всего, разведчик или скоростной курьерский корабль. Но чем бы он ни был, Сторм точно знал, какой знак красуется у него на борту. Но что теперь делать ему самому? Считать себя разведчиком в этой тайной и прекрасно обустроенной колонии хиксов или спрятаться за пункты мирного договора, приказывающие сложить оружие?

К нему подошел Горгол и показал:

— Идут Нитра. — Он ткнул пальцем на север. — Может быть, охотники за трофеями...

Тут он прервал разговор, тоже заметив замаскированный корабль. Потом он оглядел все вокруг, снова воззрился на корабль и, пораженный, повернулся к Сторму:

— Что? — только и смог спросить он.

— Небесная вещь издалека, — ответил Сторм, используя туземное название космического корабля.

— Почему здесь? — продолжал спрашивать Горгол.

— Мясники привели злых людей.

Снова вызывающий боевой оскал норби скривил рот Горгола.

— Небесные вещи не должны садиться на землях норби, — показал он пальцами здоровой руки, а потом и раненой повторил знак протеста. — Норби на крови заключили договор с пришельцами. Небесные вещи приходят только в одно место на земле — но не рядом с горами, где может рассердиться Тот, кто ударяет в барабан грома! Люди издалека не выполняют договор — здесь тоже небесная вещь!

Беда! Сторм с трудом ухватил нить сбивчивой речи Горгола. Норби разрешили построить космопорт, но только вдалеке от своих священных гор. И подписали договор, обеспечивающий безопасность колонистов на их пастбищах, только с тем условием, что космические корабли будут приземляться в одном-единственном месте. Теперь пойдут слухи о том, что в самом сердце гор есть тайный космопорт, и договор будет решительно разорван.

Сторм отложил подзорную трубу и показал Горголу свои руки.

— Я воин, — показал он и для убедительности провел пальцем по шраму на своем плече, — Горгол тоже воин, — продолжил он и тем же пальцем коснулся его раны. — Я получил свой шрам не от Нитра, а от людей, похожих на меня, но принадлежащих другому племени. Я получил свою рану, сражаясь с этими злыми людьми... они из того же племени! — Он резко ткнул пальцем в сторону космического корабля. — Горгол тоже получил рану от этих злых людей! — Он снова указал на корабль. — Они из тех, кто ест Сладкое Мясо! — повторил он запомнившийся ему знак отвращения.

Желтые немигающие глаза Горгола долго смотрели в лицо землянина, прежде чем он спросил:

— И ты поклянешься в этом перед Тем, кто ударяет в барабан грома?

Сторм вынул из ножен свой нож, сунул рукоятку в руку норби и заставил его протянуть руку так, что лезвие коснулось кожи на его груди, как раз в кругу ожерелья.

— Пусть Горгол воткнет его сюда, если он мне не верит, — спокойно просигналил он свободной рукой.

Норби отвел нож, повернул его лезвием к себе, приложил к запястью и протянул рукоятку землянину. Когда Сторм взял у него нож, он просигналил:

— Я тебе верю. Но это — очень плохая вещь. Пусть пришедшие издалека сражаются с этими злыми людьми, иначе договор будет расторгнут.

— Согласен. Я сделаю все, что смогу. Но сначала нам надо побольше узнать об этих людях...

Горгол снова посмотрел в долину.

— Пришли охотники Нитра, — просигналил он. — Сейчас темнеет, нам лучше вернуться сюда завтра — ты ведь не можешь видеть в темноте.

Сторм почувствовал облегчение. Если норби предлагал совместную разведку, трудно было не согласиться. А кроме того, предложение туземца давало Сторму возможность осуществить и свой план.

— Большая кошка, — предложил он. — Возьмем ее, и пусть она поохотится на Нитра, пока мы будем сторожить злых людей.

Горголу уже приходилось видеть работу Сурры, и он охотно согласился. Еще раз внимательно осмотрев замаскированный корабль и так и не увидев ничего нового, Сторм отправился назад в «их» долину, обдумывая на ходу, что предстоит сделать.

10

Когда они вернулись в свою долину, уже совсем стемнело. С помощью раненого Горгола, Сторм под прикрытием развалин и скал разложил небольшой костер. Конечно, надежнее всего было бы укрыться в пещере, куда он провалился, но Сторму до сих пор становилось не по себе, когда он вспоминал ее тяжелый, отдающий мертвечиной воздух.

Вернувшись, они прежде всего пустили Рейна попастись. Даже если бы жеребец и попался на глаза разведчику Нитра или Отверженных, его вполне могли посчитать за одну из разбежавшихся лошадей экспедиции. И пока караулила Сурра, можно было не опасаться, что кто-то украдет лошадь. Скорее уж, Рейна можно было использовать как приманку в случае необходимости.

Сторм растолковывал это Горголу, и норби с восторгом согласился. Такая лошадь была настоящим сокровищем, и кто угодно мог бы соблазниться такой королевской добычей.

— Здесь должна быть другая дорога, — начал разговор Сторм, когда они закончили ужин. — Та щель, через которую мы пролезли сегодня, не годится для перегона скота. Мы должны поискать другую дорогу.

— В долине такой дороги нет, — уверенно ответил Горгол.

Все, что они успели разведать до наводнения, подтверждало это. По крайней мере, они не заметили никаких следов выпаса фравнов у развалин и на берегах озера. Сторм достал нож и острием начал чертить на земле карту долины, насколько он успел изучить ее. Он показал на ней свой путь, а норби, знакомый с военными и охотничьими картами, внимательно следил за ним, время от времени уточняя детали.

Когда они закончили эту работу, Сторм понял, где должна проходить настоящая дорога: она должна идти с юго-востока или с юго-запада и проходить где-то в скалистой цепи, разделяющей эти долины.

— В темноте могут наскочить Нитра. — Горгол прикрыл ладонями их крошечный костер. — Нитра в темноте хорошо видят. — Ночной набег — обычная военная хитрость. Она очень хороша против Мясников. — Он настороженно взглянул на Сторма. — Ты сам в темноте видишь плохо? Но зато твоя кошка прекрасно видит.

Землянин уловил намек: норби предлагал отправиться прямо сейчас. И действительно, тот разведчик Нитра, которого они сегодня видели, может организовать налет в первой половине ночи, и тогда на рассвете туземцам останется только переловить и спрятать разбежавшихся лошадей хиксов, как они привыкли делать. Ну, а у него в этой неразберихе будет достаточно возможностей понаблюдать за своими врагами.

Однако шансы на успех были очень невелики — слишком многое в этом плане зависело от случая. Но могло и получиться, ведь и раньше ему удавались рискованные предприятия. Почти позабытое возбуждение всколыхнуло нервы землянина и на его лице появилось что-то напоминающее оскал Сурры.

— Ты пойдешь, — просигналил ему Горгол, правильно поняв его состояние. — Мы пройдем совсем незаметно, только дождемся часа Цамле.

— А ты сам?

Вызывающий оскал норби был бы достаточным ответом, но тот решил дополнить его еще и знаками.

— Горгол — молодой воин. Здесь можно взять и добычу и славу. Для меня это хорошая дорога.

Они поплотнее заправились мясом фравна. Сторм добавил

к этому ужину пару таблеток, сохранившихся у него еще со времени службы. Теперь, если даже им придется попоститься пару дней, голода они не почувствуют.

Землянин видел, что Сурра уже совсем оправилась от раны и двигается по-прежнему легко и быстро. Мысленным приказом он отправил ее вперед, а сам взял на плечо Хинга и тронулся следом. К сожалению, Баку был практически бесполезен ночью, но землянин знал, что как только рассветет, орел сам разыщет их. Ну, а если его помощь понадобится срочно, его всегда можно вызвать.

Они прошли через щель и вышли на плато. Сурра вдруг вернулась, наткнувшись на воняющий труп йорис, она долго фыркала, чихала, отплевывалась и даже вытирала морду о траву, словно само присутствие этой гадости запачкало ее. Через пять минут Сторм был почти уверен, что его ночная слепота может сорвать все их прекрасные планы. Тонкие силуэты скальных террас закрывали небо, и ночь казалась ему вдвое темнее. Одной рукой он цеплялся за Горгола, другой прижимал к себе Хинга и вслепую ломился через густое переплетение веток. Прошла целая вечность, прежде чем он, исцарапанный и иссеченный колючим кустарником, оказался на дне долины.

Днем они хорошо осмотрели эти террасы, и теперь юный норби и Сурра уверенно находили дорогу. Землянин понимал, что должен держаться края долины или отказаться от своего плана. К счастью, фравны устроились на ночлег на открытой местности. Хотя от верховых они обычно убегали, но встретиться с ними пешему было небезопасно — насчет этого его предупреждали Дорт и Ренсфорд. Фравны, на первый взгляд такие забавные, бывали очень грозны, особенно в период отела. В это время стадо охранял сторожевой бык и связываться с ним не стоило.

Они уже были почти на одной линии с замаскированным кораблем, когда Сторм заметил бледный луч света. Возможно, долгое пребывание в темноте сделало его глаза более восприимчивыми. Он сразу понял, что свет идет с вершины огромной скалы, которая грузно нависала над дальней северной стеной долины. Землянин сразу узнал этот бледный голубой свет — он не походил ни на теплый свет костра, ни на зеленое сияние лагерных ламп колонистов. Но он встречал это мертвенное голубое свечение и раньше, правда, это было почти за полгалактики отсюда. Сторм тихонько сжал пальцами запястье Горгола, подавая условный сигнал, и норби ответил двойным пожатием. Сторм отпустил его руку, осторожно опу-

стился на колени, пересадил Хинга себе на спину и ползком двинулся вперед под охраной Сурры.

Норби остался наблюдать, скрытый кустарником, а отчаянная троица выбралась на открытое место и двинулась к кораблю. К счастью, фравнов в этом районе не было, и трава была достаточно высокой, чтобы Сторм мог время от времени приподниматься и уточнять направление. Так он в конце концов добрался до края шахты.

Он осторожно ощупал недавно вскопанную, еще влажную землю, продвинулся еще чуть вперед и почувствовал, что голова и плечи повисли над пустотой. Он посветил вниз фонариком и еще раз убедился, что раскоп совсем свежий. Крейсер закапывали после приземления не только для того, чтобы его спрятать, но и для того, чтобы он сохранял правильное положение для старта. Если бы он стоял на открытом месте, достаточно было бы одного удара бури, чтобы превратить его в кучу металлического лома: кранов, способных поднять его, здесь не было, и ему пришлось бы ржаветь до скончания веков. Свежий раскоп говорил и о том, что сел он сравнительно недавно. Сторм повел фонариком к корпусу. Все люки были задраены. Он снова опустил луч в шахту. Если бы здесь были Хо и Хинг, он приказал бы им подкопать один киль и этим нарушить равновесие корпуса. При удаче это могло доставить хиксам серьезные неприятности и даже полностью нарушить планы. Но для одного суриката, при всей его старательности, работа была бы непосильна, да и времени у них не было.

Но, как выяснилось, у Хинга было свое мнение по этому поводу. Он слез со спины Сторма, пошевелил рыхлую землю своими когтистыми лапами и мягко кувыркнулся через край шахты. Там он немедленно принялся за работу, и только негодующе фыркал в ответ на попытки Сторма отозвать его назад. Он никак не желал подчиняться и даже сердито зашипел и увернулся, когда землянин попытался поймать его и вытащить наверх.

Тогда Сторм попытался восстановить их мысленный контакт. Сурикат нехотя пошел на это и, чирикая уже более добродушно, принялся подкапывать стойку, на которой крепилась сеть, обеспечивающая центровку корабля в шахте. Действительно, была некоторая надежда, что подкоп нарушит натяжение сети, и она сама сместит корабль. Эта работа была сурикату вполне по силам, игра стоила свеч.

Сторм осторожно пополз назад, на террасу, стараясь по пути расправить примятую им траву. Конечно, он не в состоянии был уничтожить все следы своего визита, но следовало

хотя бы запутать их. Да и Сурра оставила здесь достаточно следов, способных поставить в тупик любого арцорского следопыта, который попытается понять, что за создание прогуливалось здесь. Когда Сторм вернулся к Горголу, тот условным пожатием дал ему понять, что нашел подходящее убежище. Он указал на маленькую лощину между двумя террасами, видимо, образовавшуюся при каком-то давнем землетрясении, и они вместе с Суррой направились туда. Тут к ним присоединился и Хинг, он тут же подлез под руки Сторма, стараясь обратить его внимание на какое-то новообретенное сокровище.

Здесь они и устроились до рассвета. Если Нитра собирались устроить набег этой ночью, то было еще не поздно. Правда, могло быть и так, что разведчик, которого они видели прошлым утром, счел это слишком сложной задачей и отказался от своих планов. Сторм еще на службе привык использовать для отдыха любую свободную минуту, дремал он и сейчас, но мгновенно очнулся, когда огненный комок пронесся по небу, а за ним еще один, и еще.

Первая же горящая стрела нашла цель, и тут же вспыхнуло пламя. Когда прилетела третья стрела, до Сторма донесся пронзительный визг раненой лошади. Пламя растеклось ровной линией невысоко над землей. Похоже, горела ограда загона. Сторм сразу вспомнил, как Ларкин ставил такие временные загоны из колючих кустов после нападения йорис. Такая стена не подпускала чешуйчатых убийц и в то же время не давала лошадям разбегаться. Сейчас эти сухие колючки полыхали. Слабый крик донесся до Сторма, словно отвечая на визг и ржание испуганных лошадей. Мертвенный свет, который они заметили раньше, стал вдруг ярким четким квадратом, словно открыли дверь в освещенную комнату.

Горгол придвинулся к землянину, положил руку ему на плечо и отстукал короткое сообщение. Он «сказал», что лошади сумели выбраться из горящего загона, и теперь разбегаются по долине. Молодой норби собирался воспользоваться неразберихой и перехватить лошадей. У него был парализатор — вполне достаточно в темноте, где лук Сторма был совершенно бесполезен.

И тут они оба услышали высокий вибрирующий звук, который не сумел бы воспроизвести ни один пришелец с дальних миров. Нитра? Конечно, это мог быть туземец, замешкавшийся среди лошадей, бегущих из пылающего загона. При свете горящих кустов были видны какие-то люди, они бежали, пригибаясь к земле. Сторм не раз видел такое рань-

ше: это была классическая атака на укрепленную позицию, проделанная с быстротой и уверенностью ветеранов.

Затем из огня ударил яркий луч и протянулся почти до самого корабля. Луч начал двигаться, выхватывая из темноты то одну, то другую группу разбегавшихся лошадей. На секунду Сторму показалось, что на одной из них он разглядел прижавшуюся к спине фигуру. Возможно, это ему просто померещилось, но уж очень ловко эта лошадь уклонялась от преследующего луча.

Луч снова обошел группу лошадей, но плотное стадо уже рассыпалось и несколько более сильных лошадей мчались в разные стороны, увлекая за собой соседей. И тут громовой удар расколол небо, где-то далеко слева хлестнул жесткий пурпурный огонь. Сторм вскочил на ноги, до хруста сжимая зубы. Сурра, яростно рыча, прижалась к его ногам. Это было им хорошо знакомо! Они уже не раз видели этот огненный хлыст, обрушивающийся на беззащитные толпы беженцев! Только там беглецами были люди, а не лошади. «Горгол! — мелькнуло в голове Сторма. — Если бы только можно было его позвать! Сейчас не время охотиться и сражаться, особенно с врагом, так мастерски владеющим огненным лучом». Землянин опустился на колени. Меньше всего ему хотелось рисковать Суррой, но он был обязан дать Горголу хоть один шанс на спасение в этом аду. Он осторожно обнял бархатную кошку, погладил большими пальцами ее мягкие чувствительные уши и отдал мысленный приказ — найти и привести сюда Горгола.

На этот раз луч ударил вправо, и Сурра снова глухо заворчала. Сторм не представлял, насколько безопасно его собственное укрытие, так как не знал ни мощности орудия, ни угла поражения. Хороший оператор мог сделать очень многое, этого Сторм достаточно навидался в мирах, захваченных хиксами. Но он продолжал оглаживать кошку, пока не почувствовал, что она немного расслабилась. Он знал, что она поняла приказ и готова выполнить. Сторм снова почесал ее за ухом и осторожно убрал руки. Сурра скользнула в высокую траву и исчезла. Там, куда попадала эта рукотворная молния, оставались черные полосы, и запах убитой, выгоревшей земли забивал ему горло.

Мимо него промчалась одна группа лошадей, за ней другая, третья... Если они таким сумасшедшим галопом влетят в стадо фравнов, начнется настоящее светопреставление. Только бы Сурра разыскала Горгола!

Огненный хлыст снова жестко ударил в землю, так что

заломило глаза. Лошади шарахнулись и помчались обратно; только три, бежавшие впереди, прорвались. Сторму снова показалось, что на одной из них был всадник. Может быть Горгол? Куда пропал норби? И Сурра? Если даже их не достанет огненный луч, они вполне могут угодить под копыта взбесившихся лошадей.

Сторм заставил себя наблюдать за движением луча, стараясь определить пределы его досягаемости. Похоже, оператор обстреливал определенный сектор: он ни разу не ударил ни рядом с кораблем, ни в скалистую стену позади Сторма. Значит, как только вернется Горгол, они смогут уйти в безопасную зону. Сторм давно уже научился уважать оружие врага и не собирался соваться туда с голыми руками.

Следующий удар луча пришелся по группе сбившихся в кучу лошадей, отрезая их от остального стада. Видимо, оператор получил приказ обработать всю луговину между кораблем и восточной стеной долины. В ответ на этот удар раздался такой ужасный вопль мучительной боли, что землянин невольно зажал уши. Видимо, хиксы отчаялись вернуть лошадей в загон и решили их просто уничтожить.

Неужели хиксы заметили норби, пытавшегося собрать лошадей и решили уничтожить все живое на этой равнине? Такой садизм был вполне в духе хиксов, насколько он их знал. Сторм с трудом подавил в себе вспышку бешеной ярости и заставил себя стоять и смотреть на эту жуткую бойню. Это тоже войдет в счет, который рано или поздно оплатят эти нелюди.

Лошади гибли одна за другой, и каждый их предсмертный крик вызывал у Сторма волну нервной дрожи. Сурра! Сурра и Горгол! Если они еще не добрались до террасы, у них не осталось ни одного шанса на спасение.

Вдруг закричал Хинг, прижимаясь дрожащим тельцем к его груди. Сторм мгновенно отпрыгнул назад — и тут же с невероятным облегчением ощутил прижавшийся к нему теплый мех и шершавый язык Сурры, прогуливавшийся по его руке. Он обнял ее, ласково почесывая за ушами, и потом протянул руку в темноту, коснулся пальцами шкуры йорис и узнал доспехи Горгола.

Норби шел, слегка покачиваясь, тяжесть груза заставляла его клониться немного в сторону. Он то ли вел, то ли тащил висевшего на нем человека. Сторм ощупал его одежду и обнаружил пояс такой же, как у него самого. Спасенный был не туземцем, скорее, колонистом. Сторм подхватил тело с другой стороны, и теперь незнакомец почти висел между ним

Горголом. Каким-то чудом смогли они забраться на первую еррасу, хотя обессилевший незнакомец, пытаясь двигаться ам, больше мешал, чем помогал им.

Но все же они упорно карабкались вверх и только одолев ще два уступа решились остановиться и перевести дыхание. Шум на луговине уже утих, но луч продолжал тупо и упрямо тюжить место, где уже давно не могло быть ничего живого. Iохоже, хиксам так понравилось это занятие, что они не спе-ıили давать отбой.

Но вот, наконец, и третья терраса, где вход в их ущелье. Iезнакомец что-то невнятно бормотал и порой стонал, словно т боли. Он был явно не в себе и не мог ответить ни на какие опросы. Хорошо еще, что он держался на ногах и мог кое-ак ковылять.

Оставался последний опасный переход. Узкий гребень, по оторому надо было пройти, был открыт и лишен растительюсти, так что продвигаться приходилось очень осторожно. Iебо уже посветлело, когда они добрались до плато, на коором лежал труп йорис. И тут Сурра насторожилась и попяилась назад. Между ними и входом в ущелье была какая-то пасность.

Если бы Сторм был уверен, что это только туземцы, он росто послал бы кошку вперед, и дорога сразу стала бы своодна. Но был риск наткнуться там на хиксов или их подручых с убийственным современным оружием вроде слицеров. Iоэтому Сторм просигналил Горголу: «Осторожно, спрячься!» – и отправился на разведку сам.

На этот раз феноменальное чутье Сурры спасло им жизнь. Здесь был самый настоящий сторожевой пост. Он был прерасно укрыт в нише скалы, и полностью контролировал все одходы. Пока караульщик сам не вылезет из этой своей раовины, не было шансов даже подойти к нему. Сторм присел а скальным выступом и задумался. Похоже было, что посты ыли расставлены ранее, а значит, лошадей перебили походя, стреляли, чтобы не дать кому-то уйти живым. И вряд ли з-за того незнакомца, которого спас Горгол. Скорее всего, им руки попал кто-то из норби и они решили, что он из экседиции Наблюдателей.

Теперь, конечно, охранялись все пути из долины. По лоике хиксов теперь следовало прочесать всю долину, выгоняя обычу прямо под прицелы бластеров на сторожевых постах. I Сторм вполне одобрил подобный образ действий, хотя сейас это было направлено против него самого. Он никогда не читал хиксов глупцами.

И все-таки, ради кого хиксы затеяли эту охоту? Или это просто профилактическое убийство — такое же, как уничтожение экспедиции, просто из опасения, что кто-то обнаружит их базу? Сейчас этот вопрос не представлял особой важности. Важно было другое: сумеют ли Сторм и его команда победить этого сторожа и вернуться в свою долину, или же к врагу подойдет подкрепление.

У Сторма оставалась в запасе еще одна уловка. Если только это сработает... Он опустил голову на руки, закрыл глаза и постарался как можно ярче представить картину этого ущелья и вместе с тем передать требовательный зов.

В Сурре он был уверен. Хинг лучше всего управлялся голосом или руками: проказливая и лукавая натура слишком отличала его от остальных членов команды. Но Баку... Сейчас ему был нужен именно Баку, только он мог с воздуха провести полную разведку. Если, конечно, он откликнется на мысленный призыв.

Сторм, пожалуй, затруднился бы выразить словами, какая сила связывала его с кошкой, орлом и сурикатом. Он просто знал по опыту их долгой совместной жизни и постоянного общения, что такая сила есть, и в какой-то мере мог ею пользоваться. И сейчас он старался всю ее собрать. Баку! Сторм почти видел внутренним зрением, как его чуть ли не материальный зов поднимается в серо-лиловое небо, какого больше нет нигде во вселенной, он напряженно ждал, когда на его фоне появится знакомый четкий силуэт. Баку!

11

Он почувствовал, что Баку услышал его и теперь летит на зов, кружась и высматривая. Когда-то Сторм уже использовал его в такой ситуации, и тогда его внезапная атака и чудовищные когти решили дело. Сможет ли он повторить это теперь? Совсем рядом с собой Сторм чувствовал напряженную и собранную Сурру, прекрасно его понимающую и готовую к бою.

Землянин поднял лежавшую на руках голову и открыл глаза. Ему показалось, что он провел в мысленном контакте целые часы, хотя на самом деле прошло всего несколько минут. Часовой хиксов все так же сидел в своей каменной раковине, держа под прицелом тропу, по которой могли пройти беглецы из долины.

— Ахоуу! — этот полукрик-полурычание, казалось, вырвался из горла огромной рассерженной кошки. Но на этот раз его издал человек, посылая в битву свою команду.

Первое место в его планах занимала точность первого удара. Только сокол или орел способны напасть мгновенно; противнику при этом не остается ни секунды на то, чтобы хотя бы понять, в чем дело. Огромные крылья оглушают, бьют по голове, а страшные когти впиваются в лицо, выдирают глаза.

Тут же подскочили Сторм с Суррой, и все было кончено в одну минуту. Сторм подобрал выпавший у часового бластер и с удовлетворением подумал, что теперь его отряд будет прилично защищен. Труп врага землянин столкнул в расщелину, где он достаточно долго мог проваляться незамеченным. Лицо часового было разорвано когтями Баку, но Сторму и не надо было приглядываться, чтобы понять, что это не человек. Хиксы были гуманоидами, внешне они даже больше походили на людей, чем, скажем, норби. Их отличал только бледный зеленоватый цвет кожи и структура волос. Но если между рогатыми безволосыми норби и земными колонистами возможно было почти полное понимание, то между людьми и хиксами ничего подобного установить не удалось. Несмотря на все старания, не удалось даже выяснить причин их безжалостной агрессивности. Несмотря на то, что они легко усваивали любой чужой язык, взаимопонимание между хиксами и другими разумными расами не шло дальше элементарного обмена информацией. Видимо, в основе системы ценностей хиксов, лежало что-то совершенно чуждое, и это отличало их от всех других народов. Все их контакты с другими разумными расами кончались губительными конфликтами.

Землянин с трудом сдерживал отвращение к этому существу, отвращение даже более сильное, чем его наследственный страх перед мертвыми. Он и раньше терпеть не мог хиксов, а сегодня, после того, как он наблюдал хладнокровную ночную бойню, они были ему особенно омерзительны. Он даже предположительно не мог представить, какие болезненные, извращенные мотивы могут стоять за подобной жестокостью. Примером этого было жестокое и бессмысленное уничтожение Земли. Та же политика тотального уничтожения всего живого ради своей безопасности применялась и сегодня ночью на луговине, и на бесчисленных планетах по всей галактике.

Горгол получил знак, что проход свободен, и тут же подошел к ним. У него еще хватало сил двигаться достаточно легко и быстро, хотя он нес раненого незнакомца. Сторм от-

правил Сурру и Баку на разведку, а сам поспешил подхватить незнакомца с другой стороны.

Уже достаточно рассвело, и он мог разглядеть лицо спасенного. Прежде всего бросалась в глаза, что пареньку этому здорово досталось. Но, похоже, с ним обращались не так жестоко, как с теми пленниками хиксов, которых Сторм повидал раньше.

Как только Сторм подхватил незнакомца, Горгол отпустил его и просигналил:

— Там, недалеко — убежавшие лошади. Я приведу. Они нам понадобятся.

Он исчез прежде, чем Сторм успел возразить. Конечно, лошади им очень бы пригодились, но сейчас Сторм хотел лишь одного: побыстрее выбраться из этой зловещей долины. Кто знает, как далеко разбрелись охотники за лошадьми. Сторм поудобнее перехватил незнакомца и двинулся в проход. Около входа он оставил Сурру. Если Горгол пригонит лошадей, она поможет загнать их в эту узкую щель, и, конечно, не пропустит через нее никого чужого. Барханная кошка очень устала за эту ночь, но еще вполне могла побыть часовым, пока Баку осматривал долины с высоты. Хинг давно уже миновал трещину и теперь крутился у выхода, что-то вынюхивая.

У Сторма болели все мышцы и каждый вдох отзывался в боку острой колющей болью. «Похоже, в Центре я совсем отвык от нагрузок», — подумалось ему. Он попробовал прикинуть, что делать дальше. Их лагерь на полоске гравия совсем не защищен, и едва ли его можно считать безопасным. Кроме того, даже если Горгол приведет лошадей, вряд ли они дотащат туда вконец обессилевшего незнакомца. Значит, нужно надежное укрытие, причем где-нибудь поближе.

Одно такое место Сторм знал: пещера, в которую провалились они с Рейном во время грозы. Его даже передернуло, когда он вспомнил ее затхлый воздух... но, с другой стороны, надежнее укрытия не придумать. Находилась она немного к востоку от прохода и почти на милю ближе гравийного берега. «Воды бы», — мелькнуло в голове Сторма, когда он облизнул пересохшие губы. Но о воде пока не приходилось и мечтать.

Лагерь придется переносить. Если все их запасы и незнакомца погрузить на Райна, можно, пожалуй, управиться за один раз. Теперь попытка Горгола раздобыть лошадей уже не казалось ему такой безрассудной. Они сейчас здорово бы пригодились. Если только бедные животные не поразбивали себе ноги в панике.

— Ты... не норби.

Сторм вздрогнул. Слова медленно, с трудом срывались с растрескавшихся губ незнакомца. До сих пор он не воспринимал его, как живого человека, скорее, как некий груз, который приходится тащить и оберегать.

Сторм внимательно рассмотрел незнакомца. Разбитое и расцарапанное лицо его было так разукрашено потеками крови, что представляло непроницаемую маску, за которой невозможно было угадать его обычную внешность. Сторм сообразил, что и его поцарапанная физиономия в остатках боевой раскраски выглядит ничуть не лучше.

— Я землянин, — коротко и четко ответил он.

Незнакомец тихо вскрикнул, то ли в ответ на это заявление, то ли потому, что неудачно стукнулся болтающейся рукой о камень.

— Ты знаешь... кто они такие?

Сторм сразу понял, кого он имеет в виду. И ответил так же коротко, используя общее для большинства планет название захватчиков:

— Хиксы.

Взрывной звук этого слова эхом прогрохотал в ущелье, и когда он смолк, Сторм уловил далекое цоканье лошадиных копыт. Сурра не посылала предупреждающего сигнала, и землянин понял, что Горголу на этот раз улыбнулась удача. Сторм прислонил незнакомца к стене и стал ждать.

Как знаток, он видел, что лошади, спускавшиеся сейчас с откоса, были совсем не плохи. Только после ночной паники глаза их совсем остекленели, а морды были покрыты засохшими хлопьями пены. Видно было, что им стоит колоссальных усилий держаться на ногах и хоть как-то двигаться.

За ними, широко шагая, с торжествующим видом шел Горгол. Он гордо нес свою голову со сверкающими белыми рогами и негромко прихлопывал в ладоши, направляя своих измученных подопечных в узкий проход. Дальше они послушно двинулись сами, а молодой норби подошел к Сторму.

— Ты хорошо поохотился! — поздравил его землянин.

— Нет времени, а то можно было бы привести еще больше. Мясники глупые: там еще осталось несколько лошадей, а они даже не попытались согнать их, — знаками показал Горгол и подхватил со своей стороны раненого.

Так, неся раненого вдвоем, они довольно быстро спустились на дно долины. Лошади, замотанные и голодные, стояли, понурив головы, когда примчался заинтересовавшийся новичками Рейн. Рядом с этой загнанной троицей жеребец выгля-

дел воплощением силы. Он встал перед ними, роя передним копытом землю и встряхивая своей роскошной рыжей гривой.

— Вот это лошадь! — ахнул незнакомец, повиснув на их плечах и во все глаза глядя на Рейна.

— Как ты думаешь, сможешь усидеть на нем? — спросил Сторм. — Ты, парень, извини, но лучше нам убраться отсюда подальше и поскорее.

— Можно попробовать.

Землянин и норби подсадили незнакомца на забеспокоившегося жеребца. Тот попытался ухватиться за гриву своими покалеченными пальцами, но не смог. Сторм первый раз в жизни видел человеческие руки в таком состоянии. Не выдержав, он сделал на языке туземцев пару знаков, выражавших самые отборные ругательства.

Незнакомец заметил это и понимающе улыбнулся.

— Ну да, так и еще раз так, — сказал он. — Они очень грубо играют, эти ваши хиксы. Когда-то раньше, — а сейчас кажется, что так давно, — я считал себя стойким парнем...

Он не договорил, покачнулся и скользнул с лошади так быстро, что Сторм не успел подхватить его. К счастью, норби оказался проворнее.

— Он ранен, — показал Горгол, но Сторм и сам все понял.

— Смотри — показал он, — вот эта дорога. Надо обойти курган, где лежат Даготаг и все погибшие. Там в скальной стене есть пещера.

Горгол кивнул, поддерживая безвольное тело незнакомца. Сторм пошел вперед, а за ним послушно последовал Рейн.

Так они добрались до пещеры, и Сторм, оставив там норби с незнакомцем и Хингом, вернулся за остальным снаряжением. На этот раз он вернулся быстро, заодно пригнав и новых лошадей. Он был уверен, что Рейн сумеет позаботиться об этих двух кобылах и годовалом жеребенке. Даже когда они отдохнут и наберутся сил, осторожный жеребец не даст им уйти от лагеря.

Горгол встретил его у входа в пещеру и сообщил такое, что неделю назад могло бы стать сенсацией.

— Это одна из Запечатанных Пещер. — Он взял Сторма за руку, подвел к стене и показал явные следы обработки камня каким-то инструментом. — Темное место. — Он махнул рукой, указывая на темный провал в глубине пещеры. — Уходит далеко в гору.

«Только бы теперь норби не отказался остаться здесь», — устало подумал Сторм. Силы у землянина были на исходе.

Он чувствовал, что если сейчас присядет, то тут же уснет и не встанет. Поэтому, не позволяя себе ни на минуту расслабляться, он затащил вовнутрь и сложил все снаряжение и пошел посмотреть раненого. Тот лежал на полу пещеры, пристроив голову на скатанное одеяло, как на подушку. Свернувшийся калачиком, уткнувший разбитое лицо в подушку, арцорец выглядел совсем маленьким и как-то по детски всхлипывал во сне.

Сторм попросил Горгола принести кипяченой воды и разложил остатки своей аптечки. Со всей возможной осторожностью он смыл с лица засохшую кровь и осмотрел другие раны. Пока он все обрабатывал, незнакомец пару раз дернулся, застонал, но так и не очнулся полностью.

Сторм провозился с ним добрых полчаса, прежде чем смог выпрямиться и облегченно вздохнуть. Он был достаточно осведомлен, как хиксы обращаются с пленными. Видимо, за несколько последних дней и незнакомец на своей шкуре познакомился с этим. Лицо его было разукрашено всеми цветами радуги, а на спине и плечах вздувались незажившие рубцы от плети. Но, к счастью, не было ни проникающих ранений, ни переломов, и значит, силы к нему вернутся довольно быстро.

Устроив своего пациента со всем возможным комфортом, Сторм спустился к озеру. Там он с наслаждением вымылся с головы до ног, вернулся в пещеру и, сдавшись наконец неимоверной усталости, завернулся в одеяло и уснул.

Ему снилось, что он гонится по каким-то горам за кораблем хиксов. Корабль почему-то бежал на двух ногах, как человек. Пару раз, когда расстояние между ними сокращалось, корабль останавливался и оборачивался и тогда Сторм с ужасом видел у него человеческое лицо... лицо Бреда Квада. Но тут на него налетела волна знакомого, удивительного запаха и он проснулся. Приподнявшись, он увидел, что в пещере разожжен костер, что Горгол жарит пару куропаток, и те аппетитно потрескивают на огне. И что за этим с пристальным интересом наблюдает сидящая вокруг компания — Сурра, Хинг и несколько оправившийся незнакомец. Он очень уютно устроился на седельной подушке, а спиной опирался на тюк со снаряжением.

Судя по звездам, горевшим на единственном кусочке неба, который они могли видеть над барьером, загораживающим вход, снаружи была ночь. Баку восседал на самом краю барьера и внимательно оглядывал долину. С таким сторожем они могли быть спокойны.

Но сейчас все внимание Сторма было поглощено незнакомцем. Когда он тащил его, да и когда обрабатывал раны, он слишком устал и был слишком поглощен работой, чтобы разглядывать его внимательно. И только теперь, несмотря на бинты, синяки и раны, он увидел в незнакомце нечто, поразившее его до глубины души.

Черты этого лица, как бы они ни были сейчас изуродованы, были ему знакомы. Это было лицо юноши — почти мальчика — его собственной расы! По странному капризу судьбы, здесь, в этой старой пыльной пещере он встретился лицом к лицу с еще одним человеком Дине.

Глаза незнакомца — единственное, что выдавало в нем какую-то другую кровь, — светлые голубые глаза изумленно уставились на землянина. Разбитые, распухшие губы шевельнулись и незнакомец задал первый вопрос:

— Во имя Семи Громовых Ударов, кто ты?

— Я землянин, Остин Сторм, — холодно и официально представился он.

Незнакомец поднял забинтованную руку, попытался почесать подбородок и вздрогнул от боли.

— Ты не поверишь, парень, — сказал он удивленно, — но до того, как они меня обработали, я был очень похож на тебя.

— Не удивительно, ведь ты тоже с Дине, — произнес Сторм на языке навахо. — Как ты сюда попал?

Незнакомец напряженно вслушивался, но когда Сторм замолчал, он грустно покачал головой.

— Извини, но я не понимаю этот язык. И до меня так и не доходит, каким образом у меня мог оказаться двойник на Земле. И как случилось, что именно он явился вызволить меня из этой передряги. Да в такое просто никто не поверит! Скажут, что так бывает только во сне или в волшебных сказках...

— Так кто же ты? — Расстроенный тем, что парень не признал родной язык, Сторм задал вопрос несколько резче, чем следовало, и незнакомец мгновенно уловил это.

— Прости... Я не представился, но мне скрывать нечего. Я — Логан Квад.

Сторм вскочил на ноги, и свет костра заиграл на камнях его ожерелья и металле браслета. В этот момент он выглядел на удивление выразительно и величественно. Но он не сознавал этого, как не осознал и того, что за выражение мелькнуло на его смуглом лице, прежде чем оно снова превратилось в привычную бесстрастную маску.

— Логан Квад... — повторил он ровным тоном. — Я что-то слышал о Квадах.

Парень так же спокойно смотрел на него, но чувствовалось, что он весь подобрался и насторожился.

— Конечно, слышал, — сказал он. — И эти наши приятели, от которых я еле ноги унес, тоже слышали. И они, кажется, очень не любят Квадов. Что ж, это я могу понять. Но когда это Квады успели задеть тебя, землянин?

«Он очень сообразителен, — подумал Сторм. — И очень вспыльчив». Землянину это не понравилось. На секунду он почувствовал, словно держит за хвост бешеного быка фравна и не может ни укротить животное, ни отпустить на свободу без риска для жизни — неприятное и непривычное для него ощущение беспомощности.

— Ты загнул не в ту сторону, парень, — сказал он как можно спокойнее. — Лучше расскажи, как ты попал в лапы хиксов? — Конечно, такая смена темы выглядела довольно неуклюже, но ничего лучшего Сторм придумать не мог. Он только надеялся, что мальчика позабавит его уловка, и он примет эту игру.

— Поймать меня им было совсем нетрудно: я сам сдуру клюнул на их приманку, — начал Логан, и Сторм с облегчением понял, что гроза миновала. — Тут, к югу от Пиков, есть несколько небольших поместий, и у всех хозяев постоянно пропадает скот. Дьюмерой и компания считают, что во всем виноваты норби; они, мол, все время крутятся около нас и знают наши стада не хуже нас самих. А за последнее время скота пропало так много, что Дьюмерой и его болтуны совсем потеряли голову и решили объявить войну норби. Это уже могло привести к серьезным неприятностям. Позволь мы Дьюмерою и его сорви-головам напасть на туземцев — и нам несдобровать. Новости здесь распространяются быстро и очень скоро у любого, чья голова не украшена рогами, земля начнет гореть под ногами!

Ну вот, пока Дьюмерой ходил и разглагольствовал об ужасных и смертельно опасных норби, я решил съездить и сам во всем разобраться. И мне повезло — или не повезло, если вспомнить, что случилось потом, — я довольно быстро наткнулся на след большого стада, которое направлялось прямо в горы, где ему вовсе нечего было делать. Ну, и по собственной глупости, о которой так любит напоминать мне мой папочка, я, конечно, потопал по этим следам, пока меня не сграбастали. Вот такая незамысловатая история.

Эти милейшие хиксы почему-то решили, будто я могу

знать нечто такое, что в будущем им пригодится. На некоторые их вопросы я действительно не мог ответить, на некоторые не хотел отвечать, вот они и старались, как умели, развязать мне язык. И в это время кто-то добрался до их лошадиного загона, и все у них пошло наперекосяк. За меня они не беспокоились и связывали не слишком крепко. И вот когда им стало не до меня, я быстренько распутал веревки и дал деру. Конечно, рискованно, но, если честно, другого выхода я не видел. Там меня и подобрал Горгол... ну, а остальное ты знаешь. — Он махнул забинтованной рукой и продолжал уже гораздо серьезнее: — А вот чего ты наверняка не знаешь, так это того, что планета находится на грани самой настоящей войны. Эти проклятые хиксы нарочно подстраивают так, чтобы норби и колонисты вцепились друг другу в глотки. Что они с этого могут иметь я не знаю и знать не хочу. Но я знаю, что они собираются сделать большой набег на поместья возле Пиков, подстроив все так, чтобы думали на норби. И разгромить парочку охотничьих лагерей норби, маскируясь под колонистов. Я не знаю, слышал ли ты о племенах Нитра. Но могу тебе сказать, что они мало сталкивались с людьми и не имеют оснований особенно любить их. Так вот хиксы, все время подогревают их неприязнь, все время твердят, что колонисты скоро начнут очищать Пики от туземцев. Они вполне могут добиться, что от обиды и страха туземцы окончательно взбесятся и действительно начнут нападать на колонистов. И все — он снова огорченно махнул рукой. — Прощай мир на этой планете. Офицеры Мира с самой благородной целью защитить колонистов вызовут Галактический Патруль. А там не на один год партизанская война норби и других туземцев против всех инопланетников. А мне очень нравятся норби, хотя может быть я и несколько пристрастен. И я готов сделать для них все, что в моих силах. Ни много, ни мало, мы с тобой должны предотвратить эту войну прежде чем прогремит хоть один выстрел.

12

Все это было знакомо Сторму. Такую тактику хиксы использовали не раз. Похоже, разгром ничему их не научил, и они снова начинали старые игры уже в новом месте. Неужели эта горстка уцелевших всерьез верила, что Арцор может стать ядром их новой империи? Что ж, этот замысел был не более

безумен, чем все, что они делали раньше. Сторм задумался. Неужели эта идиотская война, уже успевшая вычеркнуть из жизни Сторма саму Землю, так никогда и не кончится?

— Сколько здесь хиксов? — спросил он, решив для начала выяснить практическую сторону дела.

Логан Квад пожал плечами, слегка поморщился от неожиданной боли и объяснил:

— Мне там было не до того, чтобы считать их по головам. В группе, которая меня захватила, было пять человек. Но там не все чужаки, двое, по крайней мере, такие же люди как и мы с тобой. Они же и на допросах командовали. Вот уж с кем бы я хотел еще как-нибудь встретиться! — Забинтованные руки Логана непроизвольно сжались в кулаки. — Я там видел примерно дюжину чужаков, остальные все наши Отверженные. Они, надо сказать, держатся обособленно.

— Так всегда и бывает: хиксы на каждой планете вербуют себе подручных из местных, но сами же их и сторонятся. Слушай, а сколько всего колонистов здесь живут около Пиков?

— Здесь поблизости семь поместий. Во-первых, Дьюмерой; у него здесь большие пастбища и его поместье ближе всех к горам. Там живет он сам, его брат, племянник и человек двадцать объездчиков. Потом еще Артур Лансин. Пастбище у него небольшое, и к нему сейчас присоединился младший брат. У них несколько загонщиков из норби. Ну, и еще наши владения — пара объездчиков моего отца и шесть норби. Всего наберется один-два десятка человек... Невелика армия, по крайней мере, после того, что ты видел в армии Конфедерации.

— Я вижу в этом счастливую возможность побыстрее покончить с этой заварухой, — мягко ответил Сторм. — Но ведь все эти скотоводы, наверное, очень разобщены?

— Мне бы только добраться до первого колониста, а там я найду способ быстро собрать всех. Не так уж у нас все примитивно, как считаете вы на своих дальних мирах.

— И как далеко отсюда до первых поселений?

— Нужно хорошенько осмотреться и лучше всего — с какой-нибудь вершины. Я раньше сюда не забирался, так что надо сориентироваться. Но думаю, что если ехать верхом и налегке, то в паре дней пути, не дальше. Ну, а если поспешить, да еще на хорошей лошади, то доберешься часов за пятнадцать.

— Ну, это если ехать на Рейне. И если вся эта свора хиксов не будет висеть у тебя на хвосте, — задумчиво сказал Сторм. Он не собирался спорить с этим мальчиком, просто

подсчитывал все плюсы и минусы их положения, как он его себе представлял. — Надо ведь еще разыскать выход из этой долины, по которому могли бы пройти лошади. Старая дорога напрочь забита оползнем.

— Ерунда! — снова вспыхнул Логан. — Мы просто обязаны найти выход! Нельзя позволить Дьюмерою сцепиться с норби к вящей радости этих хиксов! Арцор — моя родина и я сделаю все, чтобы спасти его, чего бы это ни стоило!

— Если его еще можно спасти, — откликнулся Сторм, чувствуя как в душе поднимается привычный холодок утраты.

— Я сделаю все, — упрямо повторил Логан. — Я на своей шкуре испытал, на что способны эти подонки.

Сторм повернулся к Горголу и кратко передал ему знаками рассказ Логана и обрисовал их настоящее положение. Теперь туземец мог сам судить о происходящем и делать свои выводы. Закончил он вопросом, который сейчас был для них самым важным:

— Есть ли из этой долины дорога, по которой пройдут и люди, и лошади?

— Если есть — Горгол найдет, — ответил норби. Он снял с огня поджаренных куропаток, ободрал с них подгоревшую шкурку и сложил на широкие листья. — Пойду посмотрю, — добавил он, быстро вскарабкался на барьер и исчез.

— Ты давно на Арцоре? — спросил Логан, пока Сторм аккуратно разделывал куропатку.

— Где-то около месяца.

— Быстро освоился, — заметил Логан. — Я встречал людей, которые родились здесь, но так и не смогли выучить знаковый язык норби.

— Мне это было легче, чем другим. Когда-то и мой народ использовал знаковый язык для общения с пришельцами. Погоди, я сейчас тебе помогу, — сказал он, заметив что забинтованные пальцы Логана никак не справятся с жаренной птицей.

Сторм разломил ее на мелкие кусочки и начал подавать их юноше на кончике ножа. Рядом сыто потянулась и задремала Сурра, а Хинг давно уже спал, доверчиво прижавшись к теплым ногам Логана.

— А эти ваши звери, они тоже с внешних миров? — спросил Логан, пока Сторм разделывал вторую куропатку. — А какой породы эта ваша ученая птица?

— Я сам — Учитель зверей, а это моя команда — объяснил Сторм. — Баку, черный африканский орел, Сурра — барханная кошка и сурикат Хинг. Все они настоящие земляне.

У меня был еще Хо, товарищ Хинга, но он погиб в наводнении.

— Учитель зверей! — медленно повторил Логан и даже синяки не могли скрыть восхищение, отразившееся на его лице. — Послушайте, а что это за Дине, о которой вы говорили раньше?

— А я думал, ты не понимаешь навахо! — заметил Сторм.

Голубые глаза Логана загорелись.

— Навахо, — повторил он, явно пытаясь вспомнить, где он слышал это слово. Он указал на браслет Сторма и на его сверкающее в свете костра ожерелье. — Это тоже навахо? И что, они все погибли?

Сторм насторожился. Он чувствовал, что здесь сейчас происходит что-то очень важное для него.

— Да, — коротко ответил он.

— У моего отца есть браслет, очень похожий на этот.

В душе Сторма это отозвалось болезненным и неожиданным ударом. Снова в памяти всплыло все, о чем он в последнее время старался не думать. Он невольно отшатнулся от Логана.

— Твой отец — землянин, — заговорил он тем сдержанным и холодным тоном, который словно предупреждал об опасности, — но он не навахо!

— Похоже, ты его ненавидишь, — удивленно сказал Логан. Он сидел в тени и Сторм не мог рассмотреть выражения его лица. — Что ж, у Бреда Квада всегда хватало врагов, правда, обычно это были несколько другие люди, — задумчиво продолжал он. — Да, он не Навахо. Он родился здесь на Арцоре, а по крови он землянин. Он американский индеец из племени шайенов.

— Шайены! — поразился Сторм. Да, это хорошо согласовалось с его мнением о Кваде. Давние враги, заносчивые и лицемерные, которые всегда теснили его народ. Но так и не смогли уничтожить!

— Это такое американское племя, — начал объяснять Логан, удивленный его вспышкой, но Сторм знаком приказал ему замолчать.

Сурра была уже на ногах — ни следа того ленивого благодушия, воплощением которого она казалась минуту назад. Сторм быстро взял захваченный у часового бластер. Этот был производства хиксов, но он почти в точности копировал те, что были на вооружении в армии Конфедерации. Правда, Сторм не отказался бы иметь к нему пару запасных обойм, но, видимо, на пост хиксы не брали больше одной.

Оказалось, что переполох вызвал возвратившийся Горгол. Новости он принес невеселые. Во-первых, он так и не нашел легкого выхода из долины. Во-вторых, он наткнулся на боевой отряд Нитра, вставших лагерем в южном конце долины, у курганов. И еще он видел свет на севере, на той скальной стене, где они были утром.

— Значит так, — тут же решил Сторм. — В первую очередь — лошади и вода. Загоняем сюда лошадей и запасаем воды сколько сможем. Может, мы пересидим здесь пока хиксы обшаривают долину. А там еще им придется разбираться с Нитра.

Сторм и Горгол быстро погасили костер и расширили вход, чтобы завести Рейна и трех новых лошадей. Вернувшись, они увидели, что Логан уже на ногах и, посвечивая фонариком, осматривает недра пещеры, куда они сами раньше не пытались проникнуть.

— Я не удивлюсь, — задумчиво сказал он, — если эта дыра проходит через всю гору насквозь. И все это похоже, скорее, не на пещеру, а на подземный проход куда-то из этой долины. Вы сами говорили, что прошли сюда через тоннель, так почему здесь не быть еще одному?

Но чем больше смотрел Сторм в эту густую темень, где растворялся свет фонарика, тем меньше ему все это нравилось. Если сама пещера немного проветривалась, то дальше начинался опять тяжелый затхлый воздух и ему казалось, что этот мрачный, грозный путь может вести только в царство смерти. Что касается его, то он сделает все возможное, чтобы не соваться туда.

— Странный тут воздух, — Логан покачнулся и оперся рукой о стенку. — Какой-то мертвый. И свет отражается как-то странно.

Сторм заметил, что лошади сбились в кучу на середине пещеры и явно стараются держаться подальше от темной дыры. Даже бесстрашная Сурра осторожно обходила это место. А беззаботный и любопытный Хинг, до сих пор тенью ходивший за Логаном, отстал, присел на задние лапы и подозрительно принюхивался.

Сторм с Горголом еще раз сходили к подножию скалы, тщательно уничтожили все свои следы и отпечатки лошадиных копыт и заполнили водой три канистры и бурдюк Горгола, сделанный из шкуры йорис. На берегу быстро отступающего озера Сторм огляделся и увидел на северных скалах цепочку огоньков. Вероятно, хиксы еще не нашли труп своего часового, иначе они были бы осторожнее.

Была уже середина ночи, когда беглецы закончили маскировать вход в пещеру и сами залезли в укрытие. Сторм подумал было, что ему будет очень досаждать мертвенный пещерный воздух, но оказалось, что маленькое отверстие, которое они оставили, прекрасно пропускает свежий воздух. Он успокоенно закрыл глаза, но как только он перестал видеть над собой клочок открытого неба, ему сразу показалось, что его заживо похоронили.

Раньше он считал, что эти пещеры назвали «запечатанными» потому, что они были замурованы снаружи. Но теперь он готов был поверить легендам, что их строители сами ушли в пещеры и затворились изнутри. Здравый смысл подсказывал, что это самое лучшее из возможных убежищ, и когда хиксы уберутся из долины, они с Горголом смогут заняться поисками дороги, не беспокоясь о безопасности Логана и лошадей. И все-таки им было здесь не по себе, само их существо протестовало против глухого заточения в этой темной норе.

Когда наконец настало утро, беглецы обнаружили еще одно приятное свойство их убежища: если снаружи во-всю палило солнце, и испарявшаяся вода наполняла воздух влажным, тяжелым зноем, то здесь, в глубине, было довольно прохладно. Логан, посмотрев на это, вполне разделил беспокойство Сторма.

— Похоже, в этом году Великая Засуха наступит рано, — озабоченно сказал он. — А если в горах начнутся бури, выбраться отсюда будет нелегко. Вот и еще одна причина убраться отсюда побыстрее и подальше.

— Когда мы шли сюда с экспедицией Наблюдателей, нам пришлось форсировать реку, — сказал Сторм. — Правда, это было, когда в верховьях шли дожди. Но, может, она и в сухой сезон не пересыхает полностью?

— Не пересыхает Стаффа, но она довольно далеко к югу отсюда. И я ничего не знаю о той реке, про которую ты говоришь. Если ты хочешь попытаться пройти по Стаффе, то имей в виду, что это будет почти вдвое дальше, и что в том районе частенько появляются боевые отряды Нитра.

— Помолчи-ка немного, — буквально на полуслове прервал его Сторм, заметив со своего наблюдательного пункта, что в долине появились пятеро верховых. В подзорную трубу он хорошо видел все подробности внешности всадников. Одеты они были в доспехи норби и в высокие сапоги, но его трудно было обмануть подобным маскарадом. Бледная зеленоватая кожа и бесцветные прямые волосы, скрученные сзади и сви-

савшие крысиными хвостами ниже плеч, сразу выдали двух хиксов. Правда, остальные трое принадлежали к роду человеческому. Люди были вооружены туземными луками, а хиксы — хорошим современным оружием, причем один из них вез поперек седла какую-то странную белую трубу.

Сторм не удивился бы, увидя здесь человека с лучеметом, чью виртуозную работу наблюдал он в другой долине, но эта труба сначала поставила его в тупик. Оружие это появилось в самом конце войны, и хиксы не успели наладить его массового производства, поэтому оно широко не применялось. Однажды армия Конфедерации сумела захватить два таких орудия на сторожевом посту, взятом так стремительно, что их не успели взорвать. Их довольно скоро с любопытством опробовали на одном бесплодном астероиде, но, увидев результаты их действия, командование Конфедерации отдало приказ немедленно уничтожить все такие орудия. Конечно, можно было попытаться использовать их против хиксов, и они, конечно, могли бы приблизить победу, но Конфедерация решила с этим не связываться. Слишком странно и непредсказуемо было действие этих орудий на неживую материю и никто не мог предвидеть, как оно подействует на живую. Ясно было только, что оно работает на каком-то совсем ином принципе, чем привычные бластеры, и что на данный момент это самое мощное из всех средств уничтожения. И конечно, Сторму в голову не приходило встретить это чудовище нелепо качающимся на лошадиной спине на пустынной пограничной планете.

— Что, еще какие-нибудь неприятности? — спросил Логан, и Сторм пропустил его на свое место, отдав подзорную трубу.

— Видишь эту штуковину на седле второй лошади? Так вот, ничего хуже этого я не знаю. — Сторм вкратце рассказал юноше все, что слышал об этом оружии.

— Похоже, они решили действовать наверняка, — жестко подытожил Логан. — У меня нет причин особенно жалеть боевой отряд Нитра. Мне не раз приходилось с ними сталкиваться, но это всегда были честные схватки — их зазубренные стрелы против моего ножа. Да, я не люблю Нитра, но выходить на них с этим чудовищным оружием, просто подлость! Все равно что выпустить Сурру против бескрылых куропаток!

Сторм окликнул Горгола и знаками передал ему все, что знал об оружии хиксов. Норби кивнул, показывая, что он все понял, и продолжал следить за всадниками. Кавалькада неторопливо проехала по берегу озера и скрылась за высокой цепью курганов.

— Нитра были там прошлой ночью, — просигналил Горгол. — Может, они уже ушли. Нитра не станут сидеть и ждать, пока их раздавят. А эти злые вещи... Лучше нам их отобрать.

— Нет, — резко возразил Сторм. — Их могут использовать только злые люди. Если возьмем мы — злые вещи убьют нас! — объяснил он, делая выразительный жест внезапной смерти. У другого конца кургана снова появился всадник с оружием.

Он тяжело слез с лошади и Сторм сразу заметил, что в нем нет ни легкой грации колонистов, ни гибкости норби. И еще заметно было, что лошадь для него — существо совершенно чуждое и он воспринимает ее только как не слишком удобное транспортное средство. Теперь землянину стало понятно, как могли хиксы так жестоко расстрелять перепуганных животных в соседней долине.

Хикс поднялся на вершину кургана и начал разгребать щебенку, устраивая основание для своего орудия. Он работал тщательно, без спешки и абсолютно спокойно. И тут Сторм заметил какую-то короткую вспышку в воздухе и, опустив подзорную трубу пониже, увидел стрелу, воткнувшуюся прямо у ног растерявшегося хикса. Но, видимо, этому стрелку просто улыбнулась удача, потому что больше ни одна стрела не долетела до вершины кургана.

— Нитра стреляют, — сказал Сторм и снова передал свою трубу Логану.

— Бедные дьяволы, — грустно произнес тот. — Похоже, их загнали в угол и не оставили ни единого шанса.

Тут они увидели остальных всадников, заранее разворачивающих своих лошадей так, чтобы те не запаниковали.

— Втаскивают наверх, — задумчиво сказал Сторм. — Кажется, эти идиоты и в самом деле хотят использовать свою игрушку!

Он скорчился за насыпью, прикрывающей вход в пещеру, и забарабанил кулаком по плечу Горгола, заставляя и его спуститься на пол. Логан попытался подхватить отброшенный Стормом бластер, но Сторм нетерпеливо отмахнулся и, схватив юношу за пояс, сдернул его на дно пещеры. Сурра? Кошка спокойно сидела в пещере. Баку?

Да, Баку! Он улетел с час назад. Сторм сосредоточился и послал ему мысленный приказ подняться как можно выше и улетать из этой долины. Это единственное, что могло его спасти.

— Быстро отгоняйте лошадей поглубже! Прямо в тоннель, быстрее, быстрее!

— Что случилось? Эта их штуковина стоит, по крайней мере, в миле отсюда и направлена в другую сторону! — неуверенно запротестовал Логан. Но и он невольно подчинился властному тону землянина и, прихрамывая, потянул в глубину Рейна, одновременно ласково похлопывая кобыл, чтобы успокоить. Вместе они отогнали лошадей поглубже в пасть тоннеля. Сторм безнадежно оглянулся на зияющее отверстие, но теперь уже поздно было пытаться его заткнуть.

— Ложитесь! — приказал он и, подавая пример, сам вытянулся на полу пещеры. Логан и Горгол подчинились, так ничего и не понимая.

— Глаза! Закройте чем-нибудь глаза! — крикнул землянин и увидел, как Логан жестом объяснил его приказ Горголу. Потом он спрятал лицо в сложенные руки и больше уже ничего не видел.

Больше всего ему была непонятна в хиксах их абсолютная безжалостность к другим формам жизни. Вот и сейчас у них была масса возможностей уничтожить этот отряд Нитра. Так нет же, вместо этого они применяют оружие, которое не оставит в этой долине вообще ничего живого. Землянин горько усмехнулся, вспомнив, что в этой долине наверняка живут и Отверженные, служившие хиксам. Насколько он знал своих врагов, они и минуты не станут ждать, чтобы дать возможность спастись своим подручным. Так что этих Отверженных можно уже сейчас считать мертвецами.

Сурра вытянулась рядом со Стормом и тут же суетился, скреб пол и хныкал Хинг, пока землянин не подобрал его и не уложил между собою и кошкой. Он слышал, как нервно топтались лошади, но, к счастью, не решались выйти из тоннеля, куда их загнал Логан. Ему даже показалось, что они, как и его звери, приняли его мысленное предупреждение.

Почему это оружие не действует на самих хиксов? И сколько времени осталось до удара? Сторм попытался сосредоточиться на счете секунд, и только когда из темноты до него донесся приглушенный смешок Логана, сообразил, что он считает вслух.

— Надеюсь, эта пошлая шутка не затянется? — насмешливо спросил юноша. — Сколько там еще до светопреставления?

И, как будто слова его были сигналом, их душный и темный мир взорвался в ту же секунду. Сторм никогда потом не мог описать, что чувствовал он в этот бесконечный обрывок времени, словно выпавший из обычного течения секунд, ми-

нут и часов. Ему показалось, что его схватила гигантская рука, скатала в тугой шар и начала подкидывать. Здесь не было ни чувств, ни мыслей — только разрастающаяся пустота, в которую его засасывало все глубже и глубже.

И это было не только телесным ощущением. Казалось, рушился сам незыблемый фундамент его мира. Одна часть Сторма судорожно цеплялась за пол пещеры, а другая продолжала кружиться и падать в пустоту. Чтобы прекратить этот болезненный разрыв, ему на какое-то мгновение захотелось целиком провалиться в эту пропасть, и будь что будет. Но он не разжал рук.

Сколько продолжался этот кошмар? Излучает ли это орудие, а если излучает, то защитят скальные стены от радиации или они уже облучены? Ответов на эти вопросы у него не было. Он знал только, что они испытали на себе отдачу самого мощного современного оружия и каким-то чудом остались живы.

Сторм снова почувствовал мягкое тепло прижавшейся к нему Сурры, такое приятное после ледяного озноба, который только что сотрясал его. Он отодвинулся от когтей барахтающегося Хинга. Еще минуту он лежал неподвижно, как съежившийся под кустом зверек, ощущающий надвигающиеся со всех сторон опасности и ищущий спасения в самой своей неподвижности. Он ждал, когда уляжется нервная дрожь, и безотчетный страх сменится привычной решимостью. Землянин осторожно приподнял голову и открыл глаза. В первую жуткую минуту ему показалось, что он ослеп! Ни привычного кусочка неба, ни искорки света — только ледяная темнота, наполненная затхлым мертвенным пещерным воздухом.

Сторм сел и почувствовал, как Сурра, рыча, прижалась к нему. И тут из темноты донесся насмешливый голос Логана:

— Спасибо, хоть дверь догадались закрыть!

13

Сторм включил фонарик, осветил бывший ход, и не поверил своим глазам — никакого отверстия словно никогда и не было! Так закрыть его могло бы только землетрясение, но тогда оно, конечно, было бы забито землей и камнями. Здесь же его затянуло какое-то густое черное вещество, медленно натекшее в бывшую дыру.

— Что это? — донесся до землянина удивленный возглас

Логана, когда он шагнул ближе и осветил фонариком этот черный натек.

Теперь Сторм узнал это вещество. Из точно такого же был сделан гребень, по которому их экспедиция нашла эту долину. И тоннель, через который они сюда попали, тоже был из этой черной дряни. Сейчас оно было текучим, словно смола, разогретая лучом бластера. Раньше Сторм как-то не обращал внимания, что все отверстия окружает этот черный ободок, оставленный древними чужаками. Но теперь от удара хиксов это вещество потекло.

Сторм передал фонарик Горголу и жестом показал, чтобы тот осветил расплывающееся черное пятно, а сам поднял бластер и выстрелил в маслянистую поверхность. Луч уперся в черную мишень, отраженный жар заставил Сторма отступить на пару шагов, но черная поверхность осталась такой же черной и гладкой, без единой отметины.

Землянин остановился, переключил бластер на полную мощность и выстрелил снова. Теперь из дула бластера била струя живого ослепительного пламени, но и это не произвело никакого действия на таинственное вещество.

— Ничего не выходит? — спросил Логан и, прихрамывая, подошел к стене. — Ну, а что хоть это такое?

Сторм рассеянно объяснил. Сам он взял у Горгола фонарик и теперь медленно шел, освещая переднюю стенку пещеры. Какая-то глупая случайность — а может, древние хозяева нарочно устроили эту западню для неосторожных? — и вот все выходы наружу замурованы. Эта черная пакость не хуже цемента свяжет камни и землю. Может, Хинг и смог бы найти какую-нибудь щель и прокопать себе дорогу, но никакими силами здесь не проделаешь ход, достаточный для людей и лошадей.

Значит, остался только тоннель.

Сторм прошел еще немного вдоль стены, вопреки всему надеясь найти рыхлый участок. Повернувшись, он чуть не натолкнулся на Логана — тот, оказывается, шел за ним.

— И все-таки я так и не понял, что здесь произошло, а главное, почему? — Арцорец еще раз пристально посмотрел на стену. — Ладно бы они целились в нашу сторону, но ведь их труба смотрела совсем в другом направлении! И до них было не меньше мили!

— Ученые Конфедерации после первого и единственного опыта говорили, что это оружие как-то преобразует внутреннюю структуру материала. А это черное вещество действует

по принципу заполнителя. Наверное, рано или поздно оно полностью затянет всю эту долину.

— Надеюсь только, — сказал Логан, отходя от стены, — что и самим этим дьяволам пришлось несладко. Здесь мы, похоже, никак не пробьемся.

— Я, признаться, здорово надеялся на бластер, — пожал плечами Сторм, — но ты сам видишь, сколько от него толку.

— Ну и ладно. Значит, нам ничего не остается делать, кроме как лезть в тоннель. Мне кажется, чем скорее мы это сделаем, тем лучше. Ты не заметил, как здесь изменился воздух?

Да, воздух в пещере стал еще неприятнее, чем тот, что встретил Сторма во время его первого визита в эту нору. К тому же, бластер сжег слишком много кислорода. Так что выбирать им в сущности не приходилось — или двигаться вперед, или умирать здесь от удушья и безнадежности.

Вот так, погрузив все снаряжение на лошадей, с Суррой, неуверенно жмущейся к Сторму, они без всякой охоты вошли в тоннель. Землянин поставил фонарик на минимальный расход энергии, и в его тусклом свете они хорошо видели тщательно отделанные стены. Они были выложены натуральным местным красным камнем, скрепленным уже знакомым им черным веществом.

— Хорошо, что эта ваша вибрация сюда не добралась, — заметил Логан, — а то бы нас и с этой стороны замуровало.

Как и при нападении хиксов, время для Сторма пропало, и он, как в бесконечном кошмаре, брел по этому тоннелю. Они шли не быстро, и все-таки землянину казалось, будто он словно идет вброд в каком-то вязком потоке. Казалось, сам неподвижный застывший воздух неохотно расступается перед ними. Никто из них не смог бы сказать, как давно они покинули пещеру. Обычные человеческие мерки словно исчезли в этой бесконечной, абсолютно одинаковой на всем протяжении трубе, в ее душном полумраке.

И тут Сурра вдруг обогнала Сторма и устремилась вперед. Ее шкура мелькнула в свете фонарика и растворилась во мраке. Землянин остановился, собираясь подогнать свой растянувшийся отряд, и тут его подтолкнул Рейн. Он заметил, что все лошади нетерпеливо рвутся вперед, туда, где исчезла кошка.

— Свежий воздух! — воскликнул Логан.

Теперь и Сторм уловил легчайшее дуновение свежего воздуха, вторгшееся в это мертвое царство. Словно далекий

взмах невидимых крыльев донес до них свежесть и незнакомый, но очень приятный запах.

Сторм замер, поводя фонариком, пока тот не уткнулся в черное пятно на одной из стен.

Это оказался боковой проход, единственный, на который они наткнулись. И в глубине его сиял большой квадрат нормального дневного света.

Сторм погасил фонарик и двинулся прямо к этому сиянию. Ему пришлось отогнать в сторону Рейна и кобыл, опередивших его, и он чуть не споткнулся о замершую от восторга Сурру. Проход был перегорожен металлической решеткой, и Сурра, поднявшись на задние лапы и опираясь передними на переплетения прутьев, пристально вглядывалась внутрь. Сторм пристроился рядом и тоже заглянул за решетку.

Проход вел не на открытое пространство, как сначала показалось Сторму. Вместо привычных уже горных пейзажей он увидел какой-то странный сад — среди растений, в первую очередь попавшихся ему на глаза, не было ни одного знакомого. Он вгляделся попристальнее и остолбенел.

Нет! Никогда в жизни не переживал он такого потрясения, даже когда получил посылку от своего погибшего деда. Невольно он еще крепче вцепился в решетку. Там, за первой грядой незнакомых растений, виднелся холмик, покрытый настоящей зеленой — З е л е н о й ! — травой, и над ним возвышалась обычная земная — З е м н а я ! — сосна.

— Сосна! — выдохнул он, и сам звук этого слова словно возвратил ему земное бытие, словно перенес через пустоту космоса дыхание Далеких Богов. Он всем телом ударился в эту решетку, словно надеясь проломить ее и поскорее встать под этой сосной.

— Сторм, посмотри, тут замок с внутренней стороны, — с трудом вошли в его сознание слова Логана.

Теперь и он увидел, что решетка была заперта на механический замок какой-то неведомой конструкции. Но ведь любой замок можно открыть!

Землянин просунул руки сквозь решетку и постучал по замку. Проклятая железяка держала их в поганом тоннеле, когда перед ними открылся свежий невероятный мир! Но он уже достаточно овладел собой, чтобы не броситься на механизм с голыми руками. Он внимательно осмотрел и ощупал его, а потом отстегнул от пояса свой длинный нож.

Сторм распластался на решетке, просунув руку как можно дальше на ту сторону и осторожно начал кончиком ножа про-

верять все отверстия замочного круга. Пока он работал, Горгол и Логан сдерживали возбужденных животных. Он успел весь покрыться потом, прежде чем признал бесполезность своих усилий и с трудом вытащил руку из решетки. Если бы был какой-нибудь инструмент! Но в его распоряжении был только нож Горгола, точно такой же, как у него, а у Логана после плена вообще ничего не осталось. А применить бластер и выжечь замок рука не поднималась.

Сторм снова заколотил по упрямой решетке, и вдруг до него донесся знакомый визг. И визг этот доносился с другой стороны решетки! Сторм мысленно обругал себя идиотом. Ну конечно: эта решетка непроходима для них, а вот Хинг прекрасно пролез в одно из отверстий и теперь уже карабкался на прутья с другой стороны.

«Хинг! — подумал Сторм, — да, Хинг может здесь помочь. Но прежде всего надо взять себя в руки и полностью успокоиться. Учитель зверей не сможет управлять своей командой, если он не в состоянии справиться с самим собой». Это был основной принцип его профессии, и впервые со времени начала своей работы он нарушил его. Это напугало его не меньше, чем жуткое оружие хиксов. В конце концов, там была просто механическая мощь, а здесь его собственная ошибка, потеря квалификации.

Он проделал несколько дыхательных упражнений, возвращая себе обычный самоконтроль и избавляясь от нетерпения и паники. Сейчас надо было полностью сосредоточиться на Хинге, на его неуемном любопытстве, на его всепроникающих когтях. Сторм собрал все свои силы в жесткий мысленный приказ, совсем как тогда, когда он звал Баку.

Хинг замер, сложив лапки перед грудью и задрав мордочку, прислушался, потом быстро полез вверх по решетке, пока не ткнулся носом в лицо Сторма. Он был готов действовать и вопросительно щебетал.

Когда-то Хингу уже приходилось делать подобную работу. Он тогда откопал спрятанную машинку, сумел вскрыть футляр и поработал с нею так, что она превратилась в бесполезную груду деталей. Но тогда Сторм мог помогать ему, мысленно направлять его, а кроме того, у них был макет, и они хорошо потренировались на нем. А сейчас землянин и сам не знал устройства механизма и ничем не мог помочь. Он мог только поощрить любопытство Хинга, заставляющее его совать нос и коготь в любую дырку. К сожалению, у Хинга не было ни быстроты и сообразительности Сурры, ни безошибоч-

ного инстинкта Баку, и он хуже всех воспринимал мысленные приказы.

Сторм достиг предельной концентрации своих сил. Даже со стороны было видно, что он прилагает колоссальные усилия и вот-вот сорвется. Ни Горгол, ни Логан не могли понять, чем он сейчас занят, но оба видели его напряжение и хранили уважительное молчание.

Хинг перебрался по решетке к самому замку. Он держался за переплет прутьев задними лапами, а передними с любопытством охлопывал этот металлический круг. Сторм, всем телом прижавшийся к решетке, кожей чувствовал каждый удар когтей по металлу.

Хинг еще раз поскреб лапой замок и недовольно взвизгнул, то ли рассердившись на неподатливый замок, то ли недовольный звучащим в мозгу настойчивым приказом. Но он не отступил. Шипя не хуже, чем рассерженная Сурра, он попробовал упрямую штуковину на зуб, а потом снова застучал по ней когтями. Сторм так никогда и не узнал, смог ли Хинг действительно разгадать это устройство или же случайно ткнул в нужное место, но из замка вдруг вырвался тоненький лучик света. Перепуганный Хинг, визжа, отскочил в сторону, а решетка вдруг дрогнула и поехала внутрь вместе со вцепившимся в нее землянином.

Он совсем обессилел и как во сне позволил Горголу отвести себя в сторону, чтобы пропустить лошадей. Там, поддерживаемый норби, он опустился на землю, бездумно уставившись на витающие в воздухе легкие облачка тумана.

— Ну и местечко! — негромко сказал Логан, и вместо обычной насмешки в голосе его прозвучал какой-то благоговейный страх.

Воздух был удивительно свежий, а кроме того — пахучий, пряный, словно здесь одновременно благоухали все цветы всех известных миров.

Собственно, так оно и было, но это выяснилось потом. Горгол помог Сторму подняться на ноги, и тот увидел Сурру, присевшую перед шаровидным кустом, усыпанным пурпурными цветочными венчиками. Блаженно жмурясь, принюхивалась она к его терпкому аромату. Лошади давно умчались пастись на пригорок, заросший свежей зеленой травой, явно происходившей из родного мира Сторма.

Землянин освободился от поддержки Горгола, пошатываясь, подошел к сосне и обнял ее ствол. Осторожно оглаживал он пальцами ее красноватую кору, ощущая запах смолы и нагретой хвои, сейчас для него более необычный, чем любые

экзотические ароматы. Да, это был не сон и не мираж — настоящая земная сосна стояла на вершине пригорка среди другой земной растительности. Оперевшись спиной об ее ствол, Сторм огляделся. Взгляд выхватил чудесные кусты роз, тяжелые гроздья сирени и еще множество знакомых и незнакомых, но таких родных растений. И все пышные, все цветущие, все ЖИВЫЕ!

— Что это? — спросил, подойдя к нему, Логан. Он повернул свое разбитое лицо к этой цветущей зелени, словно подставляя его исходящим оттуда живительным токам.

— Это земные виды! — воскликнул Сторм, обводя рукой пригорок. — Все эти растения с моего родного мира! Но как они попали сюда?

— И где находится это «здесь»? — добавил Логан, — Посмотри, вот это уж, конечно, не с Земли.

Он схватил Сторма за руку и повернул его к другой части сада, отделенной от земного участка дорожкой из знакомого черного вещества. Разумеется, арцорец был прав. Эти странные кусты с голубоватыми закрученными листьями и гладкими, плоскими тарелками цветов никакого отношения к Земле не имели. Да и на тех мирах, где Сторм успел побывать, он не встречал ничего подобного.

С поляны, на которой паслись лошади, к ним подошел Горгол. Его обычно бесстрастное лицо выражало сейчас глубокое изумление.

— Столько растений — и все разные, — просигналил он.

Сторм снова повернулся, держась за сосну не столько от усталости, сколько из боязни выпустить из рук этот реальный предмет и остаться без опоры в этом странном мире нечеловеческих грез.

Он видел перед собой несколько участков с разной растительностью, они были разделены черными дорожками. Все они начинались прямо у входной дорожки и, постепенно расширяясь, уходили в глубину сада. Растения встречались и прекрасные, и странные, и даже жутковатые, но, как заметил Сторм, все их объединяло одно свойство — аромат. Растения, собранные из разных миров, наполняли воздух такими запахами, что начинала кружиться голова.

Логан потер лицо забинтованными руками и зажмурился.

— Я, кажется, понял, что это такое, — сказал он, сонно покачиваясь.

В это время с куста с изящно свисающими ветками цвета

слоновой кости вдруг сорвалось пестрое облачко, и то, что казалось землянину листьями, перекочевало на соседний куст. Насекомые? Птицы? А может быть, и то и другое.

— Так вот, — продолжал Логан, — мне кажется, что это своеобразный ботанический сад. Видишь, в каждом секторе — растительность другой планеты. Они собрали все, что смогли, и устроили эту оранжерею. Думаю, это единственно разумное объяснение. Наверное, где-нибудь на другой планете они устроили такую же выставку диких животных. Знаешь, как в зоопарке.

«Наверное, он прав», — мысленно согласился Сторм. Горгол осторожно потрогал ветку куста, с которого только что вспорхнула пестрая стайка, и с удовольствием понюхал свои пальцы. Он забавно напоминал Сурру перед кустом с пурпурными цветами.

Сурра? Землянин огляделся, но кошка пропала где-то в цветущих зарослях. Он опустился на плотную хвойную подстилку, прислонился спиной к стволу и бездумно сидел, поглаживая влажную прохладную землю, так похожую на землю его родного дома. Закрыв глаза, чтобы не видеть буйства цветов на соседних участках, он представил, что вернулся на Землю.

Горгол и Логан куда-то ушли, и Сторм был рад своему одиночеству. Он улегся на землю и блаженно вытянулся во весь рост. И заснул, на этот раз безо всяких сновидений, расслабленный и успокоенный...

— Никогда не видел такой путаницы, — ворвался в его сознание голос Логана, и он приоткрыл глаза.

Горгол сидел рядом с ним и с интересом ковырял пальцами слой прошлогодней хвои. Логан разглагольствовал, растянувшись на хвойном ковре. И было по-прежнему светло, хотя они, наверное, провели в глубине горы уже много времени, и должна была наступить ночь.

— Вот, посмотри, — продолжал Логан, поворачиваясь на бок, — они выдолбили целую гору, чтобы устроить этот цветочник. Мы тут походили немного и увидели шесть абсолютно разных участков и даже два сада водных растений. А теперь попробуй здешние фрукты и виноград. Мы уже поели, — он указал на маленькую кучку кожуры и косточек. — Нет, это просто обалденно!

— И нет никаких животных?

— Кроме твоей кошки. Мы видели несколько мелких пичуг и разных насекомых. Кстати, наша кисонька, похоже, решила поиграть в дикую. Мы наблюдали, как она кувыркалась

на плотной серой моховине. А от нас она удрала, словно мы хиксы и крадемся к ней с каким-нибудь дьявольским орудием.

— Но как вся эта растительность могла расти здесь годы и десятилетия без всякого присмотра? — удивился Сторм. — Я согласен, что это ботанический сад, собранный со всей Галактики. Посмотри, — он подцепил пальцем ярко-оранжевую шкурку, — это явно «золотое яблоко» с вашего Арцора. А вот эти белые ягоды — с планеты Сириус-3. И, наверное, здесь где-то есть скрытая автоматика, которая обеспечивает всем этим растениям идеальные условия, иначе они бы давно погибли...

— Наверное, она же обеспечивает и этот свет, — предположил Логан. — И есть еще что-то в самой атмосфере этого места. Вот взгляни, — и он протянул Сторму уже разбинтованную руку. Вместо ран и порезов, которые ожидал увидеть Сторм на ней было только несколько свежих шрамов и заживающих царапин.

— Покажи свою рану, — просигналил Логан Горголу и норби с удовольствием продемонстрировал свое плечо. На месте рваной раны от стрелы осталась только небольшая красная отметина. Горгол уже действовал этой рукой вполне свободно, и, похоже, не испытывал боли.

— А ты сам-то как себя чувствуешь? — спросил Логан у Сторма.

Землянин потянулся. Пока Логан не заставил его двигаться, он как-то не осознавал, что, собственно, в нем изменилось. И только сейчас он понял, что исчезла выматывающая усталость, которая свалила его на самом пороге этого нового Эдема. Действительно, уже долгие-долгие годы не просыпался он с таким сладким чувством отдохнувшего тела, с таким радостным настроением. Сейчас он, как Сурра, готов был закопаться в хвою и мурлыкать от удовольствия.

— Вот видишь? — заметил Логан, вовсе не ожидая от него вразумительного ответа. — Есть здесь что-то особенное. Оно залечило наши раны, сняло усталость, дало нам бодрость и радость жизни. Может, это не просто ботанический сад, а какая-то лечебница.

— А дверей вы не нашли?

— Нашли, и даже целых три штуки, — ответил Логан. — Две такие же решетки, через какую пришли мы. Ну а третья, мне кажется, более перспективна.

— Почему?

— Да потому, что она замурована. А во всех легендах о Запечатанных Пещерах такие двери ведут наружу.

Сторм подумал, что стоит пожалуй встать и самому поглядеть на эту дверь. Но ленивая истома, какой он не чувствовал уже долгие годы, не давала ему подняться. Куда, в самом деле, торопиться? Здесь, под сосной, так уютно. Прямо перед глазами резвится Рейн со своим маленьким табуном. Горгол и Логан рядом, здоровые и довольные, и ничто никого не подгоняет. Ну что еще надо человеку для счастья? Им повезло, они попали в маленький рай, так зачем же покидать его?

Горгол сел, отряхивая с себя налипшие сосновые иглы. Он оглянулся вокруг холодным оценивающим взглядом и тоненькая иголочка тревоги царапнула нервы Сторма. Норби передавал знаки медленно, с длинными паузами, чтобы подчеркнуть важность сказанного:

— Это ловушка... большая ловушка.

14

— Какая еще ловушка? — равнодушно переспросил Логан.

Но Сторм уже очнулся от своего благодушия. Слишком много он повидал на своем веку ловушек — и совсем простеньких, и удивительно замысловатых, — чтобы пропустить такое предупреждение мимо ушей.

— Почему ты решил, что это ловушка? — знаками спросил он Горгола.

— Тебе здесь нравится... все хорошо, — пальцы Горгола двигались медленнее обычного. Видно было, как трудно ему подобрать знаки, чтобы передать отвлеченное понятие. — Тебе хорошо, не хочется уходить... удерживает.

Сторм резко сел.

— А разве ты не хотел бы задержаться здесь? — спросил он.

Горгол пристально посмотрел на него и сделал широкий обнимающий жест.

— Красиво! — Он ткнул пальцем в остатки фруктов, — Вкусно! — и с улыбкой глубоко вдохнул воздух, — Приятно! — И вдруг, сразу сделав серьезное лицо, показал: — но это все не мое! Не мое, — повторил он, ткнув пальцем в слежавшуюся старую хвою. — Это место не для Горгола, оно его не держит! — и, с трудом подбирая знаки, пояснил: — Это ловушка для тебя — твое место держит тебя.

«Это очень похоже на правду, — мелькнуло в голове у

Сторма, пока он прислушивался к своей возрастающей тревоге. — И в самом деле, что может быть лучшей приманкой, чем живой кусочек родного, навсегда потерянного мира?» Если это место и не задумывалось как ловушка, для него оно вполне могло сыграть эту роль. Он заставил себя подняться на ноги и, не оглядываясь, отошел от сосны.

— Где эта ваша замурованная дверь? — резко спросил он, стараясь не бросить лишнего взгляда на такую притягательную свежую зелень.

— Ты считаешь, что Горгол прав? — лениво произнес Логан.

— Не знаю, — коротко ответил Сторм, уходя от дальнейших объяснений. — Но я чувствую, что чем дольше мы здесь пробудем, тем труднее нам будет уйти. Может, создатели этого места и не хотели ничего плохого, но для нас это может превратиться в западню.

Он шлепнул ладонью Рейна, заставляя его сойти с травы на черную дорожку, разделяющую участки.

— Сурра! — позвал он так повелительно, как позволял себе всего раз или два за все время их совместной службы. Голос его эхом прокатился по всем садам, всполошив птичек и разноцветных насекомых. Прозвучал и затих, и снова все успокоилось.

Ведя в поводу Рейна, землянин спустился на черную дорожку. Чем раньше покинет он этот осколок земного мира, тем лучше. Теперь сама красота этого места вызвала у него мучительное чувство. И он постарался, как привык делать это уже давно, повернуть его против своих врагов. Так значит, хиксы радовались, что навсегда покончили с Землей? Нет, они разрушили только планету, а пока живы земляне, до тех пор жива и Земля!

Он нарочно углубился в лабиринт черных дорожек, чтобы, даже захотев вернуться, не сразу найти дорогу под мягкую хвойную сень. Еще дважды звал он барханную кошку. Хинг топал за ним по пятам, время от времени останавливаясь понюхать или покопать что-то интересное, но тут же догонял Сторма. Лошади послушно шли за Рейном. Так они и двигались гуськом по дорожке между цветущими участками. Пару раз Сторм замечал знакомые растения, отмечая про себя, что они с очень отдаленных миров.

— Погоди сюда сворачивать, — догнал его Логан. — Там дальше водный сад, а нам вот сюда, к этим алым перистым деревьям. Представляешь, как выглядят леса таких красавцев в их родном мире?

Сторм все так же молча шел вперед. Алые плюмажи деревьев склонялись прямо к стене обычного на Арцоре ржаво-красного дикого камня. Сама тропинка упиралась в арку, перекрытую кирпичом и диким камнем. Пока землянин нигде не видел предательского черного вещества, если его только не использовали при кладке вместо цемента.

Он осторожно ощупал стену, слегка толкнул ее, проверяя на прочность и одновременно прикидывая, что из его арсенала тут лучше использовать. Может, попробовать расчистить щели ножом и вынуть кирпичи? Конечно, у них есть бластер, но ему не хотелось для первой попытки применять их самое мощное оружие. Лучше сначала ножом...

После четверти часа бесплодного ковыряния он, изрядно вспотевший и разозленный, окончательно сдался. Нож был здесь абсолютно бесполезен, значит, оставался только бластер. Конечно, это не лучшее решение. Но если даже кладка скреплена этим проклятым веществом, была надежда, что при достаточной мощности он может раздробить кирпичи или камни.

Сторм попросил всех отойти немного назад и лег на тропинку, положив дуло бластера на камень. Он целился по средней линии двери, немного ниже арки входа. Нажав спусковой крючок, он, едва справляясь с отдачей, приложил все силы, чтобы луч не сошел с намеченной точки.

Какое-то время ничего не менялось, только отраженный жар тяжело дышал в лицо Сторму. Но вот раскаленная точка стала увеличиваться, цвет ее изменился, и вдруг оттуда повалил удушливый дым. У Сторма запершило в горле, глаза начали слезиться, но он продолжал удерживать бластер, медленно ведя стволом вниз. Луч начал пульсировать, и Сторм понял, что заряд бластера кончается. Что, если он неправильно выбрал направление и попусту израсходовал невосполнимый заряд? Луч еще несколько раз дернулся и погас. Больше бластер не отзывался на нажим спускового крючка, он был выжат досуха.

К огромному разочарованию Сторма, стена оставалась совсем такой же, как и раньше, если не считать неширокой раскаленной полосы, проходившей по ее середине. Сторм не мог ждать, пока камень остынет, ему нужно немедленно выяснить правду. Схватив бесполезный теперь бластер за дуло, он прикладом шарахнул по стене, вложив в удар все свое разочарование и злость.

Удар был настолько силен, что он сам едва устоял на ногах, но он довершил работу бластера: весь участок, который

он обрабатывал лучом, немного поддался. Сдвиг был совсем небольшой, но Сторм уловил его и, ободренный удачей, ударил снова. На этот раз каменные блоки не выдержали и раскололись. Но трещины пошли не по швам, как можно было ожидать, а по самому телу камней. Значит, дикий природный камень оказался более податливым, чем таинственный черный материал чужаков.

Дальше можно было не торопиться, и Сторм решил дать стене как следует остыть, прежде чем продолжить свою работу. Свежий садовый воздух уже поглотил и жар луча, и вонючий дым, дышалось по-прежнему легко.

Вдруг кусты, покрытые нежной кружевной листвой зашевелились, и на дорожку выскочила взъерошенная Сурра, дикими жесткими глазами повела вокруг и, тяжело дыша, остановилась перед Стормом.

Он опустился рядом с ней, почесал ее за ушами и под горлышком, приговаривая тем мягким вкрадчивым тоном, который ей так нравился. Она была настолько возбуждена и взволнована, что он удивился, как она вообще откликнулась на его зов.

В кошачьих никогда нельзя быть полностью уверенным. Они могут работать вместе с вами, могут быть вашими боевыми товарищами, но всегда остаются независимыми. Они сотрудничают с человеком, но не служат ему. Каждый раз, когда Сурра подчинялась его приказу, Сторм понимал, что делает она это не из послушания, а из понимания необходимости. И он был уверен, что никогда не сможет заставить ее сделать что-либо против ее желания.

Но сейчас, под его ласками, она расслабилась, успокоилась, замурлыкала и даже пару раз погладила его в ответ лапой с убранными когтями. Вот так и Сурра выбралась из этой привлекательной ловушки.

Они собрали в запас фрукты и ягоды и полностью залили свои канистры чистой водой из миниатюрного водопада, который они нашли в одном из водных садов. Камни наконец остыли, и они, все трое, взялись разгребать себе дорогу. Логан оказался прав: этот проход вел не в очередной тоннель, а в небольшую пещеру с выходом под открытое небо. Они выбрались через пролом, вывели одну за одной своих лошадей, и Горгол отправился на первую разведку. Вернулся он очень скоро и взволнованно показал:

— Я знаю это место! Здесь я убил «злого летуна», когда ходил в одиночку на охоту. Отсюда есть хорошая дорога.

Они вышли поглядеть на эту дорогу. Она проходила по узкому ущелью, даже, скорее, щели между высокими отвесными стенами. И все это узкое пространство было заполнено нестерпимым блеском и жаром полуденного солнца. Контраст между этой раскаленной печкой и приятной прохладой садов был так велик, что они невольно попятились. Сторм, подумав, вернулся в пещеру и принялся заваливать проделанное отверстие обломками камней, кирпичами и землей. Логан подошел помочь ему и улыбнулся, забавно оттопыривая еще не вполне зажившие губы.

— Пусть тайны Запечатавших, так и останутся тайнами? — спросил он. — Вообще-то до этой дыры и без того не доберешься, если точно не знаешь, где искать. Может, она нам и еще пригодится когда-нибудь.

Но в эту минуту им и в голову не приходило, как скоро им придется вернуться в эти сады. Горгол уже приготовил лошадей, и поехал вперед в южный конец ущелья. Логан взгромоздился на вторую кобылу, а все оставшееся снаряжение погрузили на годовичка. И только Сторм собрался устроиться на седельной подушке Рейна, как вдруг Сурра издала боевой клич и молнией метнулась к концу ущелья, опередив лошадь норби. Там она остановилась, ощетинившись и прижав уши к голове, и злобно зашипела.

На этот ее вызов среагировали сразу двое. Нечто серо-желтое отделилось от скалы и с безудержной злобой метнулось под ноги лошади норби, но парализатор Горгола всадил в это существо весь заряд, прежде чем Сторм вообще понял, что происходит.

Йорис, получившая заряд в голову, заверещала и повалилась. Горгол никак не мог справиться со своей перепуганной лошадью. Кобыла Логана тоже запаниковала и поднялась на дыбы. Еще не вполне выздоровевший Логан не смог удержаться на ней без седла и уздечки. Он свалился на землю и покатился прямо навстречу второй ящерице, которая услышала визг товарища и теперь выбиралась из какой-то каменной щели, спеша к нему на помощь.

Стрела Сторма удачно попала в одно из трех уязвимых мест этих хищных рептилий, — в незащищенное чешуйчатым панцирем горло. Но, к сожалению, даже этот удар не мог убить йорис наповал. Она продолжала биться на земле, судорожно хватая все вокруг своими смертоносными челюстями. Как в кошмаре услышал Сторм приглушенный крик Логана и увидел тонкую струйку крови, пробивавшуюся через кожу сапога. Горгол подскочил к йорис, ударил ее ножом, и она

затихла. Не обращая больше на нее внимания, он бросился к Логану.

Юноша сидел побледневший, обеими руками зажимая ногу выше ранки. Он беспомощно взглянул на Сторма, и тот поразился, какими далекими и пустыми стали его яркие голубые глаза. Горгол отрезал кусок бахромы от своего пояса и скрутил его как веревку.

Одним рывком он стащил сапог с ноги Логана, не обращая внимания на то, что у парня даже дыхание перехватило от боли. Он наложил веревочный жгут выше раны и передал его концы Сторму, показав, что надо держать покрепче. А сам он отправился к убитой йорис, палкой раздвинул челюсти твари и заглянул в пасть. После этого он ножом вырезал толстый кусок жирного мяса, подскочил к раненому и приложил этот кровавый компресс к ране.

— Самец, — выдохнул Логан сквозь стиснутые зубы, — яд...

Сторм похолодел. В его истощившейся аптечке не было никаких противоядий, а на Арцоре он наслушался страшных рассказов о яде йорис. Но Горгол успокаивающе просигналил:

— Это высосет яд. — Он указал на кусок сырого мяса, приложенный к ране. — Ему нельзя двигаться, нужен полный покой. Будет болеть, долго, сильно болеть...

Логан с трудом выдавил из себя подобие улыбки.

— Смотри, он показывает так, чтобы мне было видно, — странно тусклым голосом сказал он, — хорошо, парень, я не забуду твою заботу.

Лицо его побледнело еще больше, кожа приобрела какой-то странный сероватый оттенок. Неожиданно его затрясло неудержимой ознобной дрожью, а из угла рта вытекла густая струйка крови.

Горгол отошел к ящерице, срезал свежий кусок мяса и сменил свой неаппетитный компресс. Он показал Сторму снятый с раны кусок, который сделался какого-то жуткого, мертвенно-голубого цвета и отбросил его подальше.

— Яд выходит, — объяснил он.

— Но можно ли таким способом вывести весь яд? — усомнился Сторм.

Логана уже не трясло. Он сидел, бессильно уронив голову на грудь, тяжело и хрипло дыша, при каждом вдохе было видно, как ходят его ребра. Кожа его была холодной и влажной, вся в испарине. Сторм понял, что юноша потерял сознание.

Еще четыре раза Горгол менял на ране куски мяса. Последний кусок остался чистым, без следов голубой окраски,

но состояние Логана не изменилось: он был все также неподвижен, дышал тяжело и неровно.

— Яда больше нет, — показал норби. — Теперь он будет спать.

— А он проснется?

Горгол пристально посмотрел на Логана.

— Надеюсь, — показал он. — А что еще мы можем сделать? Ему нужен покой — не ехать, не двигаться... очень долго.

— Посмотри сюда, — сказал Сторм сначала вслух, а потом повторил знаками. — Ты объяснишь мне дорогу. Я пойду за помощью и скоро вернусь, а вы подождете меня там, где много растений.

Норби кивнул.

— Я присмотрю за ним, а ты приведешь помощь и расскажешь там о злых людях.

Вместе они перенесли Логана в пещеру, после чего Сторм дотошно расспросил о дороге и даже попытался набросать приблизительную карту. Он решил ехать на Рейне, а Сурру оставить с раненым. Может быть, удастся по дороге разыскать Баку. Но сейчас ему придется ехать очень быстро, а кошка просто не выдержит такой гонки.

Наконец он решил, что возьмет с собой только пару канистр, одну упаковку концентрата, лук и стрелы. Горгол протянул ему свой парализатор, но землянин, поколебавшись, отказался. Сейчас не время было думать о ритуальной магии. И в этой долине, куда в любую минуту могли заявиться хиксы, оружие было нужнее Горголу.

Когда Сторм осмотрел Логана в последний раз, он был все так же безволен и безучастен. Правда, Сторму показалось, что дыхание его стало ровнее, а испарина уменьшилась. Теперь он выглядел именно спящим, а не умирающим. Если он будет слушаться Горгола и не будет спешить вставать, у него есть хорошие шансы выкарабкаться. И теперь все колонисты узнают простое средство от яда йорис, который до сих пор считался безусловно смертельным.

Следующий рассвет застал Сторма уже в дороге. Землянин на минуту приостановился у трупов йорис, уже обглоданных падальщиками. Он ехал тем же путем, что и Горгол два сезона назад.

Несколько раз Сторм пытался мысленно позвать Баку, но так и не получил привычного ответа. Ни ощущения связи, ни

хлопанья крыльев, ни скрежещущего приветственного крика. Он уже начал бояться, что орел все-таки попал под удар оружия хиксов. Привыкнув полагаться на слух и обоняние Сурры и на остроту зрения Баку, он чувствовал себя сейчас неуверенно и одиноко. Только сейчас до него дошло, насколько он зависел от своей команды.

Тропинка, открытая Горголом, выходила из этой долины на юго-запад, а потом резко поворачивала от гор прямо на закат солнца. Пока Сторму не встретилось никаких следов присутствия Нитра или хиксов. Пару раз он натыкался на свежие следы йорис, а однажды увидел такие царапины на мягком камне, какие вполне могло оставить чудовище, которое Горгол называл «злой летун».

На ночь он остановился в небольшом овраге и, не найдя поблизости воды, поужинал сухим пайком, разделив его с Рейном. Жеребцу пришлось жевать листья кустарника, потому что с приходом лета трава увяла и выгорела до коричневого цвета.

Но утро пришло холодное и пасмурное, и это заставило Сторма поскорее выбираться из этой теснины. Если в верховьях опять соберется дождь, если вниз ринутся потоки воды, то это ущелье окажется смертельной западней и для лошади, и для всадника.

К середине утра эти облака еще не разродились дождем. Землянин миновал теснину и теперь легким галопом ехал по плодородной низине, которая длинным языком вытянулась на много миль от Пиков. Если верить Логану, то он уже ночью проехал границу обжитых пастбищ, и сейчас ему могли в любой момент встретиться люди.

Но все-таки деревню Сторм обнаружил совершенно случайно. Он уже выехал к Стаффе, главной реке этого безводного края, тянущейся через всю равнину, и теперь двигался по восточному берегу, уверенный, что скорее встретит поселение у воды, чем будет наобум искать их по всей равнине.

Круглые, крытые шкурами шатры норби выглядели очень приветливо. Он сдержал лошадь, перекинул лук за спину, чтоб показать часовому пустые руки, и стал ждать. Однако, на его оклик никто не появился, и он шагом подъехал поближе. Только теперь он заметил, что возле шатров никого нет. И продолжающееся странное молчание заставило его остановиться.

У норби не было постоянных поселений. Обычно они кочевали в определенном районе, и там, особенно у воды, можно было найти много следов их старых лагерей. Но никогда

ни один клан не бросил бы на произвол судьбы каркасы своих жилищ и укрывающие их шкуры. И то и другое считалось частью семейного достояния, и заменить все это было нелегко.

Столб для щитов, поставленный у входа в самый большой шатер, был украшен малиновым шнуром. Значит, это лагерь клана Шозонна. У них были какие-то свои счеты с родным кланом Горгола, но к колонистам они всегда относились дружественно. Может быть, был набег Нитра? Вряд ли, они бы не оставили здесь таких сокровищ. Сторм тронул лошадь и подъехал немного поближе. Какая-то дьявольская уловка хиксов?

— Привет, наездник! — раздался вдруг спокойный голос. — Стой, где стоишь, и подними руки!

Голос, похоже, исходил прямо с неба и гулко разносился по окрестностям. И что-то в самом тоне этого приказа подсказало Сторму, что лучше не противоречить и подчиниться, по крайней мере — пока. Он спокойно сдержал коня и поднял руки ладонями наружу. При этом он незаметно оглядывал и небо, и окрестности, пытаясь найти источник звука.

— Мы уже давно наблюдаем за тобой, парень!

Вот как! В Сторме зашевелилась уязвленная гордость разведчика. Значит, они давно любовались им и, конечно, в любой момент могли его уложить, а он и не подозревал, что тут есть кто-то живой. И кто же это? Отверженный, подручный хиксов? Колонист? Могло быть и то, и другое...

Рейн фыркнул, несколько раз ударил копытом и оглянулся на хозяина, словно спрашивая: «И чего мы здесь дожидаемся?» Сторм еще раз внимательно осмотрел шатры, берег реки, мягко волнующуюся пожухлую уже траву на равнине и вновь не заметил ни следа человека. Терпение его кончилось. У него не было времени играть в прятки: Логану была нужна медицинская помощь и чем скорее, тем лучше. А еще нужно было как можно скорее передать правительству сведения о долине, захваченной хиксами.

Наконец, он решил рискнуть и свободно опустил руки. Из шатра вождя, словно они только и ждали этого сигнала, вышли три человека и направились к нему, наставив на него дула своих парализаторов.

— Дьюмерой! — прошептал он, узнав великана, встреченного в Гроссинге. — А с ним... с ним Кол Бистер! Только этого сейчас и не хватало!

Бистер держался на шаг позади своего товарища, но Сторм внимательнее всего следил именно за ним. Он был уве-

рен, что недавний враг узнал его и тут же получил доказательство, что так оно и есть.

— Это тот самый сумасшедший землянин, о котором я тебе говорил! — намеренно громко и оскорбительно заявил Бистер. — Бегал с козлами всю дорогу, пока мы шли в Гроссинг. Чокнутый, вот и нашел себе рогатых приятелей.

Дьюмерой тяжело шагнул вперед, огромный, сильный и опасный, как бык фравн, для любого, кто попадется ему на дороге. Сторм уже не раз встречал похожих. Если уж такому втемяшится что-нибудь в голову, то он будет держаться этого до последнего.

— Почему меня задержали, Дьюмерой? — смягчая голос, вежливо спросил землянин. — Я рад видеть тебя. Сам я сейчас возвращаюсь с Пиков...

Как-то раз Сторму уже приходилось испытать на себе удар парализатора, и ощущения были не из приятных. Но тогда его, собственно, задело только краем. Удар же, который он получил сейчас, был много сильнее и почти так же тяжел, как отдача орудия хиксов. Он опомниться не успел, как соскользнул с Рейна, растянулся на земле, изумленно глянул в небо, но оно вдруг бешено закружилось перед глазами, и он провалился в темноту.

Он еще успел почувствовать, как кто-то грубо перевернул его и скрутил запястья, как пленнику. Последним погасло в нем удивление, что кто-то из этой троицы мог вот так без предупреждения выпалить в него. И снова перед его глазами возникло расплывающееся лицо Бистера. Что-то в этом лице было не так и что-то не так было с самим Бистером, и надо только понять, что именно, надо понять, очень, очень важно понять...

15

Первым ощущением Сторма, когда он начал приходить в себя после удара парализатора, была мучительная пульсирующая боль в голове. Еще очень болели глаза, и первая же попытка разлепить веки вызвала такую волну боли, что он чуть снова не потерял сознание. Но землянин понимал, что необходимо как можно быстрее очухаться и восстановить самоконтроль. Осторожно пошевелившись, он понял, что связан довольно ловко, что каждое движение натягивает веревки и вызывает новый прилив боли.

Сторм все-таки смог чуть-чуть приоткрыть веки и увидел, что уже наступил вечер, но еще не очень поздно. Видимо, он лежал где-то в лагере — до него доносились шаги и голоса объездчиков. Превозмогая свою слабость, землянин постарался сосредоточиться и разобраться в том, что он мог услышать.

Кусочек за кусочком, словно рассыпанная мозаика, эти обрывки разговоров начали складываться в единую картину. Результат получался очень неприглядный. Все произошло именно так, как и предсказывал Логан. Был большой набег на стадо Дьюмероя, объездчики пошли искать пропавшую скотину, и следы привели их прямо в лагерь Шозонна. Обозленные, они окружили лагерь и атаковали. К счастью, норби вовремя отступили, и обошлось без жертв, только двое объездчиков были легко ранены стрелами.

Теперь Дьюмерой ожидал подкрепления, собираясь выследить поднявшихся в горы норби и хорошенько их проучить. Сначала они рассчитывали справиться сами, но, увидев по следам, что Шозонна оказались в соседстве с боевым отрядом Нитра, испугались, что эти туземные племена объединятся и послали сигнал сбора всем здешним колонистам.

Если случится хоть одна настоящая битва между колонистами и туземцами, то план хиксов можно считать полностью выполненным. А если еще Отверженные сумеют раздразнить обе стороны, не выдавая своего в этом участия, то миссию Сторма можно смело считать провалившейся. Он сомневался, захочет ли Дьюмерой вызывать сюда Офицеров Мира, даже если раскрыть ему всю подоплеку этой истории. И еще Бистер... какую-то важную роль во всем этом играет Кол Бистер. Сторм был абсолютно уверен, что именно Бистер выстрелил в него, прежде чем он смог хоть что-нибудь рассказать. Интересно, что он придумает, чтобы объяснить этот свой неожиданный выстрел...

Простого факта, что Сторм хорошо относился к туземцам, явно недостаточно. Немало колонистов тоже хорошо к ним относились. Его, как землянина, пережившего шок, считают немного чокнутым, возможно, Бистер рассчитывает сыграть на этом? Это могло сработать. О Центре и о том, что там творится, слухов ходило предостаточно. И все знают, что Бистер ехал до Гроссинга вместе со Стормом и мог составить о нем мнение. Бистеру могут поверить.

Жесткие веревки и головная боль не давали ему подняться и осмотреться как следует, а среди тех колонистов, что изредка попадали в его поле зрения, он не заметил ни одного знакомого. Правда, можно было надеяться, что если колони-

сты Пиков отзовутся на призыв Дьюмероя, то рано или поздно здесь появится и Дорт Лансин, у него тоже где-то здесь пастбища.

Дорт всегда защищал туземцев, да и за Сторма вполне бы мог поручиться. Но неизвестно, когда он появится, а Сторм не мог себе позволить понапрасну терять время.

Он скорее почувствовал, чем увидел подходящего к нему Бистера и тут же плотно зажмурился. Резкий рывок за веревку, стягивающую лодыжки, едва не заставил его снова потерять сознание. Еще один рывок, на этот раз за запястье — и новая волна головной боли.

Судя по звукам шагов Бистер пошел прочь, но вдруг остановился и выругался вполголоса. Сторм осторожно глянул из-под опущенных ресниц: Бистер стоял спиной к нему и наблюдал за приближающимся всадником.

Сторм приглядывался к колонисту, как боец, оценивающий перед схваткой своего противника. Все-таки было в нем что-то загадочное. Ни с того ни с сего он с самого начала, с первой встречи возненавидел Сторма. Он был абсолютно искренен в своей ненависти, но ни разу не попытался честно схватиться со Стормом, после того как землянин победил в их первой драке. Это совсем не вязалось ни с его репутацией задиры, ни с его физической силой, ни с обычной манерой поведения.

И вот, когда Сторм попытался как-то объяснить все эти несуразности с точки зрения здравого смысла, в голове у него вдруг мелькнула невероятная догадка, раньше такое ему бы и в страшном сне не привиделось. Это подозрение настолько потрясло его, что он был просто счастлив, когда объездчики отвлекли от него внимание Бистера.

Эту историю Сторм слышал уже в самом конце войны, когда они еще не могли поверить в скорый разгром врага, и ходило много разговоров о всяких хитрых штучках хиксов и об их тайном оружии. Потом об этом много болтали в Центре, но там, кроме болтовни, было нечем заняться. Марионетки! Говорили, будто хиксы научились создавать марионеток, то есть придавать кому-то из своих внешность человека, и настолько обучать его человеческим реакциям и поведению, чтобы никто не заподозрил в нем хикса. Рассказывали, что у этих созданий есть особые способности, делающие их даже более опасными, чем Учитель зверей со всей своей командой. В общем, легенды рисовали образ идеального шпиона, наделенного телепатическим даром и еще какими-то сверхъестественными способностями.

Обычно Сторм не прислушивался к этим разговорам, считая их вульгарными казарменными байками. Он много раз слышал от ученых и психологов, что такое превращение вряд ли возможно даже в принципе.

И вот сейчас он всерьез думал, не является ли Бистер такой марионеткой. Это вполне объясняло бы все несуразности в его поведении...

Сторм невольно дернулся, и тут его ждал еще один повод для удивления. Оказывается, возившийся с веревками Бистер вовсе не проверял крепость узлов. Наоборот, он ослабил их! Это настораживало. Сторм твердо знал, что Бистер хочет его смерти, и если он толкает его на какую-то дорогу, значит, эта дорога к гибели. Возможно, у него не хватает наглости просто прикончить его на глазах у всех, вот он и старается подтолкнуть его к бегству, а уж там встретит его с чем-нибудь посерьезнее парализатора. Так что же теперь, не поддаваться на провокацию, смирно лежать и ждать решения своей участи? Сторм почувствовал, что окончательно запутался в своих рассуждениях. Где-то рядом довольно громко спорили, но он не прислушивался, пока до него не донеслось знакомое имя. И тут все связанное с Колом Бистером сразу вылетело у него из головы.

— ...Бред Квад, — произнес кто-то невидимый. — И он так взбешен, что дым из ушей валит. Имей в виду, Дьюмерой, он ведет с собой Офицеров Мира! Так что за любую ссору с норби и за каждый выстрел объясняться тебе придется в Гальвади. Что касается меня, то я и носа не суну в эти горы, пока здесь будет Квад.

— Ну и лижи задницу Бреду Кваду, если тебе это нравится, Юффи, — ответил Дьюмерой. — Нам здесь никто не указ! Мы не лезем в его Низины и давно предупреждали его, чтобы он не совался на наши Пики. В конце концов, имеем же мы право защитить свое имущество, если власти предпочитают нянчиться с этими вороватыми козлами! Мы своими глазами видели следы, ведущие в эту деревню! Так неужто я так и оставлю козлам свое лучшее стадо! Плевать я хотел и на Офицеров Мира, и на Бреда Квада! Нечего им лезть не в свое дело. Ну, а Кваду еще придется задуматься. Слышали, его мальчишка пропал? Так вот, я готов спорить на пять кредитов, что он угодил в засаду козлов, и сейчас его правая рука уже висит у Нитра в Доме Грома. В общем, я решил — завтра с восходом солнца мы выступаем. А кому это не нравится, пусть прямо сейчас убирается отсюда.

Тут в спор вступили несколько человек, и Сторм перестал

понимать происходящее. Ясно было только, что не все в отряде Дьюмероя так рвутся догонять норби, как их предводитель.

— Ладно! Ладно! — бычий рев колониста перекрыл все остальные голоса. — Я вам и своих лошадей одолжу, только катитесь отсюда побыстрее! Вы все — и Юффе, и Хайк, и Паласко! Только и нас потом не зовите, когда найдете следы козлов на ваших пастбищах. Потолкуйте об этом с Бредом Квадом, и пусть он на пальцах уговорит козлов вернуть вам скот!

— Слушай, Дьюмерой, ты заварил здесь, на Пиках, такую кашу, из которой не выйдет ничего, кроме неприятностей. Я бы на твоем месте дождался Квада с Офицерами Мира и попробовал разобраться вместе с ними. Они утром уже будут здесь.

— Убирайтесь! — заревел взбешенный предводитель. — Катитесь отсюда, тряпки! Никакой Квад мне не указ! Пусть командует в своих Низинах, а сюда не лезет. Убирайтесь! Живо!

Сторм задумался. Может, стоит привлечь внимание уезжающих объездчиков и попробовать вырваться с ними? Он попробовал приподнять голову, и у него в глазах потемнело от боли. В таком состоянии и думать нечего переиграть Бистера. Лучше подождать, пока перестанет сказываться действие парализатора.

Но то, что Квад где-то недалеко и направляется сюда, несколько успокоило его. Несмотря на свои личные счеты с этим человеком, что-то в нем внушало доверие. И он чувствовал, что из всех, кого он встретил на Арцоре, только Квад обладает достаточной силой и авторитетом, чтобы остановить кровавую заварушку, провоцируемую хиксами. Сторм подумал, что вот теперь-то ему имеет смысл бежать: он вполне может добраться до лагеря Квада и предупредить его обо всем, что здесь происходит. Только побег этот должен быть удачным, иначе все обернется так, как спланировал Бистер.

К счастью, за этими бурными объяснениями, Дьюмерой, казалось, забыл о своем пленнике. По крайней мере, никто пока не подходил посмотреть, не очнулся ли он, и не пытался задавать вопросы. А, может, это тоже подстроил Бистер. «Странно, — подумал Сторм, — когда мне пришло в голову, что на самом деле может представлять из себя Бистер, я, в общем-то, даже не очень удивился. А выскажи я такое предположение любому арцорцу в этом лагере, и он окончательно

убедится, что я чокнутый землянин, не перенесший шока уничтожения Земли».

Сторм продолжал бороться с остаточным действием парализатора, постепенно восстанавливая контроль над телом. Он старался делать это незаметно, и это было не так уж трудно, поскольку уложили его у подножия пригорка, закрывавшего его от лагеря. Его никто не мог видеть, кроме тех, что шли за водой к реке и тех, кто решил устроиться на ночь на берегу и возился теперь со своими постелями.

Прежде всего, надо было получить возможность двигать головой, не вызывая новых приливов боли. Руками шевелить он пока не решался, уверенный, что Бистер тайно наблюдает за ним. Но когда Сторм смог наконец приподнять голову, не теряя сознания от боли, и осмотреться, уже начало темнеть. «Что ж, это к лучшему, — подумал Сторм. — Ночью у меня есть кое-какие шансы, хотя у Бистера огромное преимущество».

Но прежде чем достаточно стемнело, о пленнике вспомнил Дьюмерой. Сторм услышал его издали, закрыл глаза и попытался изобразить, что он еще не очнулся от парализующего удара.

— Что-то он долго не очухивается, — удивленно, но без всякого сочувствия сказал Дьюмерой.

Отвечал ему Бистер, и Сторму почудился в его голосе легкий акцент, на который он прежде не обращал внимания.

— Он же землянин. На них парализатор действует сильнее, поэтому они им не пользуются.

— Возможно. Но мне говорили, что этот Сторм служил в командос, а они ребята крепкие. Кстати, Кол... я так и не понял, чего ради ты вообще стрелял в него.

— Понимаешь, мы с ним вместе ехали из Порта до Гроссинга. Он очень осторожный и держится обособленно, как все земляне. Ты, наверное, слышал, что все они с ума посходили, когда узнали, что их Земля сгорела? Так вот, я понял, что этот парень тоже сумасшедший. Он считает, будто все вокруг враги, и ждут не дождутся до него добраться. Все кроме козлов. Он с самого начала с ними снюхался. А когда он так быстро смотался из Гроссинга, я решил навести о нем справки. Так вот, он Учитель зверей. Видел бы ты, как он объезжал лошадей у Пита Ларкина! Если этот парень, имеющий власть над животными, уйдет в Мясники или присоединится к козлам — можешь ставить на своем стаде крест. Он один опаснее десятка взбешенных йорис! И я не удивлюсь, если

окажется, что он был в этом набеге вместе с Шозонна. Вот я и хочу задать ему парочку вопросов, прежде чем отпустить.

— Ладно, пусть полежит, отдохнет, — согласился Дьюмерой. — А ты глаз с него не спускай, Кол, и сразу дай мне знать, когда он очнется. Я тоже хочу задать ему несколько вопросов.

Они медленно пошли прочь, а Сторм лежал, напрягаясь до дрожи, чтобы не выдать себя каким-нибудь движением. К головной боли прибавилась тягучая боль протестующих мускулов.

Значит, приглядывать за ним будет Кол Бистер? Что ж, значит, у Кола Бистера будет прекрасная возможность без особых хлопот раз и навсегда покончить с Остином Стормом. Ах, если бы только рядом были Баку и Сурра!

Сторм постарался взять себя в руки. Не такой уж он слабак, чтобы стать совершенно беспомощным без своей команды!

Он прислушался к шуму воды, который доносился из-под берега, перекрывая все обычные звуки вечернего лагеря. Вся жизнь в этой засушливой стране жалась к рекам, и отряд Квада наверняка устроился на ночь тоже на берегу. Сторм чувствовал, что вряд ли осилит сейчас дорогу верхом, даже на Ptйне. А если вплавь?

Обычно наездники возили с собой воду в небольших фляжках, притороченных к седлу. Но отряд, собирающийся утром выступить в засушливые горы должен взять с собой изрядный запас воды. Насколько знал Сторм, у них должны быть бурдюки из шкур водяных жаб, которые очень удобно вешать попарно на вьючных лошадей. Такие бурдюки изготовляли рыбаки-норби с южного побережья из снятой целиком шкуры огромной болотной амфибии. Хорошо выделанная шкура была почти прозрачна и надувалась красивым пузырем, когда в нее заливали воду. Как-то, еще в лагере Кротага, Сторм видел, как дети надували эти шкуры и мастерили из них плот. Если человек умеет плавать, то с парой таких пузырей он продержится на воде сколько угодно, даже в таком гадком состоянии, как Сторм сейчас — можно просто сплыть вниз по течению. Он начал прикидывать, когда примерно Бистер явится проведать его и как раздобыть пару таких пузырей.

Отряд решил отправиться по следам Шозонна рано утром. Значит, Дьюмерой наверняка прикажет еще с вечера запасти воду. В нее сразу добавят обеззараживающие таблетки, и утром ее уже можно будет пить. Сторм сам так делал каждый

вечер, пока шел с экспедицией Наблюдателей. При всей своей теперешней слабости, Сторм был уверен, что справится с одним объездчиком, если нападет неожиданно. И все-таки очень многое зависело от удачи. Сторм прекрасно понимал, что если сорвется его первая попытка, то сделать следующую ему уже не дадут.

Он тихонько теребил пальцами веревку у запястий и чувствовал, как она ослабевает. Итак, что он имеет на данный момент? Прежде всего следовало предполагать худшее: что его враг, хотя он и выглядит как человек, все-таки принадлежит к другому виду гуманоидов. И что он всегда настороже — ведь любая, самая ничтожная ошибка мгновенно его погубит. Возможно, Бистер и ненавидел его именно потому, что боялся, как бы особые способности Учителя зверей не раскрыли землянину его тайны. Конечно, Бистер не мог доверять землянину, которому молва приписывала телепатические и многие другие способности. Сейчас он ничего не знал об Остине наверняка — даже как может на него подействовать удар парализатора. Что ж, землянин мог теперь сыграть на заблуждениях своего врага.

Сторму пришлось ждать довольно долго, но наконец, как он и надеялся, один из людей Дьюмероя повесил на плечо пару пустых пузырей и направился к берегу. Сторм решил действовать.

Объездчик уже миновал его, когда Сторм заворочался, словно борясь со своими путами, и застонал. Человек оглянулся, удивленно посмотрел на него и подошел поближе. К счастью для Сторма, человек этот соображал довольно туго. Еще один тихий проникновенный стон, — Сторм сам удивился его правдоподобности — и объездчик сбросил свою ношу и опустился на колени, чтобы получше рассмотреть пленника.

Сторм коротко и резко ударил его ребром ладони по шее. Удар был слишком слаб и неточен, чтобы уложить этого парня, но он, по крайней мере, уронил его и дал Сторму возможность ударить еще раз. На этот раз парень вырубился. Какое-то время Сторм поддерживал безвольное тело, ожидая, не поднимется ли в лагере суматоха, и собирая силы. Убедившись, что в лагере все спокойно, землянин осторожно выбрался из-под придавившего его тела и пристроил объездчика на свое место. Он вскинул на плечо оброненные им пузыри и уверенно, неспешно отправился на берег реки. Какими длинными показались ему эти несколько сот метров! Теперь — быстро надуть бурдюки и покрепче заткнуть отверстия. К счастью, к горловине каждого пузыря была привязана затычка.

Но не следовало забывать, что в любую минуту кто угодно может наткнуться на бесчувственного объездчика. А тут еще совсем рядом на берег выехала шумная компания, пригнавшая на водопой лошадей. Сторм осторожно сгреб свои пузыри и отошел под прикрытие камышей, каждую секунду ожидая переполоха в лагере.

И тут среди купающихся лошадей он увидел Рейна. Жеребец, похоже, был в отвратительном настроении и выглядел злым и настороженным. Вызывающе заржал огромный вороной конь, и Рейн с готовностью принял этот вызов. Наездник попытался протиснуться к ним и утихомирить щедрыми ударами плети, но с Рейном этот номер не прошел. Он ни разу с тех пор, как Сторм вывел его из загона Ларкина в космопорту, не испытывал на себе хлыста, и удары привели его в бешенство. А в таком состоянии Райн становился страшным противником, дрался и копытами и зубами.

Сторм скользнул к самому берегу. Все люди, высыпавшие на берег, были поглощены зрелищем дерущихся лошадей. Он еще раз взглянул на яростного Рейна, тихо опустил свои пузыри на воду и поплыл. Пузыри легко поддерживали его, а река, казавшаяся с берега такой ленивой, оказалась довольно быстрой, и его подхватило мощное течение.

Он еще слышал шум в воде и даже успел увидеть, как серо-крапчатый конь вылетел на берег и, прорвав цепь наездников, помчался к горам и свободе так быстро, что вряд ли за ним смогла бы угнаться хоть одна лошадь из этого лагеря. Затем река повернула и вся эта картина пропала из глаз.

Вдохновение и отчаяние дали ему силы добраться до реки и поплыть, но сейчас он мог только цепляться за скользкие пузыри и надеятся, что лагерь Квада не слишком далеко. Наступила ночь, с гор долетел холодный ветер, покрывая мурашками кожу на плечах и шее. Там, над вершинами, полыхали молнии, глухо и грозно ворчал гром. Сторм настороженно следил за уровнем воды, готовый повернуть к берегу при первых же признаках наводнения.

Голова у него была тяжелая, тело безвольно висело на мокрых пузырях. Сторм уже потерял чувство времени, и даже мысль, что он все-таки сумел переиграть Бистера, вызвала лишь короткую, быстро угасшую вспышку радости.

Ночь выдалась безлунная, и только тусклые далекие звезды временами проглядывали между клочьями туч, гонимых ветром. Сторм прижался щекой к скользкой поверхности пузыря и лениво подумал, что река несет его куда-то на юг. Он почувствовал, что им заинтересовались водяные крысы. Одна-

ко запах пришельца из другого мира явно не понравился грызунам, и они только плыли неподалеку от него, не делая попыток познакомиться поближе.

Появление водяных крыс напомнило Стерму, что в реках Арцора водятся и другие твари, покрупнее и поопаснее этих грызунов, и они могут оказаться не такими привередливыми. Он попытался работать ногами, стараясь не только подогнать свой медлительный «плот», но и попробовать управлять им. Следующий поворот реки вынес Сторма к настоящей плотине; течение нанесло сюда вырванных деревьев, кустов, веток и всяких обломков. Прежде чем Сторм успел сделать хоть что-нибудь, острая коряга пропорола одну из шкур и пузырь тут же превратился в мокрый лоскут. А течение продолжало тащить его прямо на ощетинившуюся сучьями запруду.

Он так и не мог вспомнить потом, каким чудом ему удалось проскочить, отделавшись только несколькими царапинами. Он сразу же повернул к берегу, прополз через песчаный нанос до мягкой травяной лужайки, вытянулся и уснул, вымотанный до предела.

Сквозь сон он услышал голоса.

— Несем его в лагерь!

— Это Сторм, землянин. Но как он здесь оказался?

— Мы его заметили, когда он был еще в реке...

Здесь было светло и уютно от пылающего костра и яркой лагерной лампы. Заботливые руки поддерживали его голову, и он глотал что-то теплое из прижатой к его губам чаше. Перед глазами у него все плыло в каком-то странном клубящимся тумане, и только одно лицо он видел более или менее ясно, может быть, потому, что именно этого человека он стремился увидеть. И Сторм заговорил с человеком, ради которого прилетел на Арцор, чтобы найти его и убить! Да, он прошел через весь космос, стремясь убить Бреда Квада, но сейчас эти мысли были от него так же далеки, как давняя битва в джунглях за три звездные системы отсюда.

— Беда... — сказал он, сам чувствуя, что это слово не выражает и половины того ужаса, о котором он хотел рассказать. — Долина в Пиках занята хиксами... Норби... Дьюмерой... Логан...

Его встряхнули, сначала осторожно, потом с грубоватой настойчивостью.

— Где... где Логан?!

И Сторм, уже проваливающийся в хоровод сновидений, с грустью ответил:

— На Земле... в земном саду.

16

Позже, когда Сторм немного пришел в себя и огляделся, он понял, что кое-какая информация у Бреда Квада уже была, и отряд ехал не вслепую. С ним долго беседовал Келзон, Офицер Мира, ехавший вместе с отрядом, человек со странно рассеянным, отсутствующим взглядом и компьютером вместо мозга. По его вопросам Сторм догадался, что он появился тут неспроста.

Сторму очень не хотелось высказывать свои догадки относительно Бистера. Понять его и поверить могли бы только бывшие сослуживцы, на своем опыте знавшие, что агенты врага могут принимать любые обличья. Но вряд ли можно было ожидать от человека, в глаза не видевшего хиксов, что он без всяких доказательств примет на веру, будто один из этих легендарных врагов живет рядом с ним неузнанный.

И он очень удивился, когда Келзон, с почти инквизиторской ловкостью вытащивший из него все его соображения по этому поводу, воспринял их безо всякого недоверия. Похоже, жители этой пограничной планеты легче могли представить себе существование подобной марионетки, чем недоверчивые по долгу службы офицеры разведки.

— Бистер, — задумчиво повторил Бред Квад, — Кол Бистер. Кто-нибудь знаком с ним?

— Он ехал из Порта загонщиком вместе со мной и Стормом, — сразу откликнулся Дорт Лансин. — Малыш очень похоже описал его. И я теперь тоже по-другому воспринимаю его. Я ведь слыхал о марионетках, когда был на службе. Кажется, в конце войны наши захватили двух таких; они были одеты в форму Конфедерации и пытались затеряться в тогдашней неразберихе. Вот мы и привыкли приглядываться к каждому, кого не знаем с детских лет. О Бистере я знаю только, что на нашем корабле его не было, с Патом он никогда раньше не работал и что он пропал неизвестно куда сразу после расчета. Все остальные из нашей группы, кроме его и Сторма отдыхали вместе.

— Ну что, ж, — подытожил Келзон, — разберемся, что мы считаем подозрительным. Бистер ненавидит землян и, как ты считаешь, боится тебя, потому что подозревает в тебе особые способности и не знает границ твоих возможностей. При этих условиях Бистер не решится убрать тебя своими руками. В конце концов, он один, а нас много, и самое позднее завтра мы будем там! Если Дьюмерой уйдет из деревни, мы по сле-

дам быстро его догоним. Но с хиксами, тем более располагающими оружием, о котором ты рассказал, нам связываться не по силам. Справиться с ними мог бы только корабль Патруля. Квад, вы в любом случае, сначала отправитесь к вашему сыну... а заодно разведаете, как там дела на Пиках. Я пойду с другой половиной отряда и постараюсь остановить этого Дьюмероя.

Они сделали так, как посоветовал Келзон. Доехав по берегу до лагеря Дьюмероя, они нашли его уже покинутым. Похоже, колонисты так и не оставили своей мысли найти и наказать норби и вернуть свои украденные стада. Здесь они разделились, и Бред Квад, взяв с собой пару объездчиков и Сторма в качестве проводника, отправился в горы.

Сторм ехал как в тумане. Он узнавал знакомые места, где в прошлый раз предполагал засады и ловушки, но это происходило как-то автоматически, помимо разума. Может, сказывалось остаточное действие парализатора или просто накопившейся усталости, но его сейчас ничто не задевало и не волновало. Он ехал рядом с Бредом Квадом и снова рассказывал о том, как он встретился с Логаном, как они скрывались от хиксов, как попали в пещерные сады и как неудачно встретились с ядовитой йорис. Но и ведя этот разговор, землянин был в каком-то полусонном состоянии. Он не заметил, что Квад все внимательнее и пристальнее приглядывается к нему.

Однако эта сонная одурь мгновенно развеялась, когда на них напали. Они вошли в узкую теснину, ведущую к пещере и вынуждены были ехать гуськом. На какие-то секунды раньше других Сторм заметил движение желто-красных рук и полосы голубых рогов на безволосой голове.

— Ахуу! — прозвучал боевой клич его народа и тут же воздух ущелья зазвенел от стрел, и словно из-под земли выскочили туземцы, одетые в доспехи из шкур йорис. На него обрушилось несколько ударов, чуть не выбивших его из седла, левая рука, парализованная удачным ударом, беспомощно повисла. Рослый туземец подскочил к нему и схватил за пояс, пытаясь стащить с лошади, но Сторм встретил его отработанным ударом командос. Туземец потерял сознание, но так и не разжал рук и его вес стащил Сторма с седла. Они оба свалились на землю и закатились в небольшую ложбину между скал. Туземец несколько опамятовался и пытался своим длинным ножом достать горло Сторма. Землянин бешено отбивался здоровой рукой. Только то, что его первый удар все-таки сильно оглушил норби, спасло ему жизнь. Он поджал ноги,

сильным толчком сбросил с себя туземца, перекатился через него и снова вырубил точным ударом. Он попытался подняться на ноги, но тут накатила болезненная слабость, голова закружилась как при ударе парализатора. Безвольно, словно лишенный костей, скользнул он за скалу и уже не почувствовал, как в плечо ему впилась зазубренная стрела Нитра.

Возможно, этот обморок был последним приветом парализатора Бистера. По крайней мере, когда Сторм очнулся на этот раз, голова его была совершенно ясной, и он хорошо помнил все, что случилось перед тем, как он потерял сознание.

Солнце уже ушло из ущелья, и сейчас в нем было свежо, прохладно и очень тихо. Вздрагивая от боли в одеревеневшем плече, Сторм поднялся, тяжело опираясь на скалу, которая, повидимому, спасла ему жизнь. «Похоже меня просто не заметили, — подумал он, — а то Нитра, конечно, добили бы меня и по своему обычаю отрубили бы правую руку».

Трупов в ущелье не было, только взрытая копытами земля, разбросанные стрелы да несколько пятен крови говорили, что здесь был бой. Пошатываясь, Сторм вышел в проход и попытался разобрать следы. Следы сапог выходили из ущелья... значит, Нитра захватили пленников?

Зажав рукой рану на плече, Сторм внимательно разбирал перепутанные следы сапог колонистов, лошадиных копыт и плоские отпечатки норби. А потом, держась рукой за стену и пошатываясь, направился к своей пещере. Он и сам не помнил, как добрался до знакомого входа, но все-таки добрался и окликнул двух своих друзей. Но никто ему не ответил. Он двинулся на свет, просачивающийся в незаделанный пролом. Протиснувшись в проход, он не удержался на ногах и опустился на четвереньки прямо на черную тропинку.

— Логан — слабо позвал он, — Горгол!

И снова никакого ответа. Подняться снова на ноги у него уже не было сил. Но где-то здесь была сосна, зеленая трава и запах родной земли! Сторм мечтал о прохладной траве и живом навесе ветвей у себя над головой не меньше, чем о глотке холодной воды или о том, чтобы прошла рвущая боль в раненом плече.

Он пополз дальше и вдруг наткнулся на что-то желто-красное, лежащее поперек тропинки. Он приподнялся, ощупал безвольное тело и увидел бледное лицо Горгола с закрытыми глазами и полуоткрытым ртом. Но туземец, кажется, был все-таки жив. Сторм видел, как пульсирует артерия, проходящая у основания ближайшего к нему рога. Сторм

не заметил никаких ран. Казалось, туземец просто спокойно спит.

— Горгол!

Сторм слегка толкнул норби, затем здоровой рукой легонько похлопал по щекам. Наконец глаза туземца открылись и он изумленно уставился на Сторма. Здоровой рукой Сторм просигналил единственный вопрос:

— Кто?

Горгол попытался подняться и тут же схватился руками за голову. Он тихо стонал, сжимая ладонями виски и прикрывая пальцами глаза. Только через несколько минут он смог оторвать руки от головы и просигналить.

— Я вышел... ходил за водой. Заболела голова... я упал и заснул.

— Парализатор! — Сторм огляделся. Ни Сурры, ни Логана, ни лошадей в пещере не было. — Нитра? — спросил он, хотя сам очень в этом сомневался. Могли ли Нитра, никогда не державшие в руках оружия колонистов, использовать против Горгола парализатор?

— Нитра убивают стрелами и ножом, — просигналил Горгол. Только сейчас он заметил рану Сторма, из которой еще торчал обломок стрелы. — Вот это — Нитра! Здесь?

— Засада на входе в долину.

— Пошли!

Горгол еще раз погладил свою гудящую голову и поднялся. Он помог подняться Сторму и повел его через лабиринт садов. Очнулся Сторм уже на постели из слежавшейся хвои, любуясь ажурной зеленой кроной. Чуть в стороне Горгол сложил маленькую кучку сухих веток и теперь старательно выбивал искры из своего кремня. Наконец веточки задымились, появились яркие языки пламени. Горгол достал свой нож, аккуратно обтер лезвие и сунул его в самую середину костра.

Сторм, сразу догадавшийся, что он собирается делать, мрачно наблюдал за этими приготовлениями. Он понимал, что это необходимо. Если он хочет отыскать следы пропавшего Логана и своей команды или уведенного в плен Квада и его колонистов, то прежде всего ему надо привести в порядок самого себя. И он все-таки умудрился выдавить из себя подобие улыбки, когда норби подошел к нему с раскаленным ножом.

— Стрела торчит в ране, это плохо, — попытался объяснить Горгол Сторму. — Надо вырезать, и прямо сейчас!

Здоровой рукой Сторм пошарил по хвойному ковру, нашел крепкую обломившуюся ветку и сжал ее в пальцах.

— Начинай! — сказал он вслух.

И хотя Горгол не мог знать значения этого слова, он все понял по глазам Сторма. И начал.

Норби был достаточно умел, и Сторм догадывался, что ему уже приходилось вырезать стрелы из ран своих друзей. Но терпеть эту операцию, как бы мастерски она ни делалась, было нелегко. К счастью, из четырех зубцов наконечника обломился только один, а остальные вышли с наконечником.

Тяжело дыша, едва не теряя сознание, Сторм сумел спокойно пролежать до самого конца, когда Горгол размял какие-то листья и залепил рану влажной зеленой мякотью. После этого он приподнял голову пациента и поднес ему прохладной воды. Сторм с благодарностью глотал пересохшим ртом живительную влагу. Когда Сторм снова улегся, Горгол сел к нему лицом и просигналил:

— Пойду поищу Логана, узнаю, кто усыпил Горгола, посмотрю, что делают злые люди.

— Нитра, — попытался непослушными руками показать Сторм.

Горгол сразу же понял и ответил:

— Не Нитра. — Он похлопал себя по правой руке, — Нитра взяли бы руку, им нужны трофеи в Дом Грома. — Наверное, это Мясники. Попробую выяснить.

Но Сторм был уже не в состоянии смотреть даже на приветливую зелень над ним. Разбудило его что-то мягкое и теплое, прижавшееся к его здоровой руке, и он осторожно открыл глаза. Прямо над головой, в путанице зеленых ветвей двигалось большое черное пятно, и прямо на Сторма смотрели блестящие ярко-желтые глаза.

— Баку! — радостно воскликнул он, и орел отозвался своим пронзительным приветственным криком. И только тут он понял, что это теплое и мягкое под его рукой — щебечущий и сопящий Хинг, и тут же где-то рядом раздалось громкое мурлыкание Сурры.

Еще не проснувшись окончательно, землянин наслаждался полузабытым комфортом. Он автоматически потянулся приласкать Сурру, и только резкая боль в плече заставила его мгновенно вспомнить все. Он осторожно потрогал плечо и удивился: боль была совсем не такой страшной, как он ожидал. Похоже, этот волшебный мир снова подлечил его, и он, хоть и с трудом, но мог двигаться. Вдобавок, зеленый пластырь, который налепил на рану Горгол, присох и хорошо закрыл рану, да и боль снимал как хороший наркотик.

«Горгол, должно быть, уже возвращался один раз», — по-

думал Сторм, увидев сложенное рядом с ним его земное одеяло, канистру с водой и упаковку концентрата. А прямо под руку ему был подсунут широкий листок с горкой аппетитных фруктов.

Сторм ел с жадностью совершенно голодного человека и с каждой минутой силы возвращались к нему. Он уже чувствовал себя вполне готовым действовать, когда Горгол легко пробежал по дорожке к их зеленому садику.

— Ты нашел? Где? — нетерпеливо спросил Сторм.

— Логана захватили Мясники. Норби перебили Мясников. Логана и других людей твоего народа держат Нитра. Могут убить. Приходит Великая Засуха, и колдуны Нитра готовятся плясать с Громовыми барабанами — вызывать дождь. Пленники — хорошие жертвы Барабанщикам Грома.

— Нитра хотят снова вызвать дождь? — неуклюжими знаками передал свой вопрос Сторм. — Нитра думают, что если они не принесут пленников в жертву, дождь может не пойти?

Норби энергично закивал.

— Барабанщики Грома живут в горах. Они посылают нам дождь, оживляют засохшую траву. Но иногда слишком сильный дождь — плохо. Большая сушь — тоже плохо. Колдуны Нитра отдают Громовым Барабанщикам пленных, и засуха кончается. Но если пленников съесть — будет долгий плохой дождь.

— А как приносят эту жертву?

Горгол широко махнул рукой, словно подбрасывал что-то.

— Бросают с высокой скалы... так говорят, точно не знаю. Мы не следим за колдунами Нитра. Много-много Нитра охраняют колдунов и убивают любого, кто не Нитра.

— Где они сейчас?

— Их лагерь недалеко отсюда. Они кого-то караулят, наверное, Мясников. — А может быть, Шозонна, они сейчас тоже здесь, в горах. Тогда будет бой.

Может это те, что сбежали из захваченной Дьюмероем деревни? Сторм с усмешкой подумал, что весь Арцор, похоже, собрался сейчас на этом скалистом клочке земли. Но его это почему-то больше не пугало. Где-то здесь бродил отряд Дьюмероя, за ним шел отряд Келзона, сидели в своей долине хиксы, караулил кого-то боевой отряд Нитра со своими пленниками, готовили ловушки и засады растревоженные и обозленные Шозонна... И все они в любую минуту могли столкнуться друг с другом и тогда не избежать кровавой каши. Но его сейчас занимали только Нитра. В конце концов,

Келзон знает здешнюю обстановку, вот пусть он и разбирается с Дьюмероем и всеми остальными.

Но Нитра, у которых пленниками были Логан, Бред Квад, Лансин, а может быть, и другие колонисты — это уже было личное дело Сторма. Его план мог бы не сработать с Шозонна или другими цивилизованными кланами норби. Но здесь он будет иметь дело с настоящими дикарями, которые почти ничего не знали о пришельцах с других миров и не отличали их от колонистов, с которыми сталкивались только во время своих набегов.

Он постарался как можно понятнее изложить свой план Горголу. И к его радостному удивлению норби не только не возражал, но даже принял все как само собой разумеющееся.

— У тебя есть колдовская сила, — пояснил он. — Ларкин говорил как-то, что на его языке твое имя означает Барабанщик Грома.

— Да, на моем языке Сторм — значит «буря».

Горгол удовлетворенно кивнул.

— И Нитра никогда не видели ни такой птицы-тотема, — продолжал он, — ни других животных твоей команды. Люди могут ездить на лошадях, могут поймать и приручить цамле. Но фравна нельзя кормить из рук или гладить по шерсти. Никто кроме тебя не умеет управлять дикими животными... даже колдуны Нитра. Со своей командой ты можешь войти в лагерь Нитра и не получить при этом стрелу. Иное дело, сможешь ли ты потом выйти оттуда.

— Может, Горгол найдет в горах Шозонна и попросит помощи?

— Горы велики, искать долго. А колдуны Нитра начинают обряд перед восходом солнца. — Пальцы норби сделали короткий знак, означающий смерть пленников. — Лучше Горгол использует это! — Он вынул из кобуры парализатор. — Для них это тоже будет колдовство!

— В нем остался только один заряд, — предупредил его Сторм. — Он выстрелит только один раз, а потом лишится своей силы.

— Есть еще и это. — Норби указал на свой нож. — В таком убийстве больше воинской чести. Когда в моем лагере зажгут костер для мужчин, Горгол сможет встать перед всеми и рассказать об этих великих делах перед лицом всех двадцати кланов, и никто не скажет, что это не так.

Сторм тщательно готовился. Как и в прошлый раз он расписал себя боевой раскраской навахо. На плечи он пове-

сил сложенное одеяло, чтобы оно закрывало заклеенную Горголом рану. Полюбовавшись на свое отражение в одном из водяных озер, он оторвал от наряда Горгола ровную полоску и завязал на лбу, чтобы волосы не лезли в глаза. Вода отражала такую яркую варварскую фигуру, которая даже без команды, сама по себе, могла бы привлечь внимание всего племени Нитра.

Землянин не мог всю дорогу нести на больном плече тяжелого Баку и потому послал его лететь вперед. На руки он взял Хинга, а Сурра как всегда пошла с ним рядом. Горгол уже рассказал ему, что орел появился сам за день до нападения Мясников и ему сразу понравилась пещера с садами, где уже вполне освоились и Хинг и Сурра.

Выйдя из пещеры, Сторм сосредоточился и установил мысленный контакт с животными. Он постарался объяснить, для чего необходима эта ночная операция и уточнить задачу для каждого. Ночное зрение Горгола, так выручавшее их в прошлом походе, на этот раз не пригодилось: ночь выдалась лунная, и как только они миновали ущелье, вокруг стало достаточно светло.

Землянин шел осторожно, сберегая силы, а в трудных местах без стеснения принимал помощь норби. Ветер сменил направление и теперь доносил до них далекий грохот, имитирующий удары грома. Они пошли вдоль выбранного Горголом уступа. Горгол шел рядом с землянином, готовый в любую минуту поддержать его. Миновав ущелье и обогнув скальный выступ по довольно рискованной тропинке, они вскарабкались на следующий уступ и, пройдя под каменной аркой, вышли на довольно широкую ровную площадку. Здесь, под скальным козырьком, землянин увидел огромную груду перепутанных сухих веток. Горгол небрежно указал на этот хлам и просигналил: «Злой летун».

Сторм понял, что это было гнездо того крылатого чудовища, за которым Горгол охотился, когда первый раз попал в долину с Запечатанной Пещерой. Похоже, подруга убитого чудовища нашла себе другого кавалера и навсегда покинула старое гнездовье.

Пора было переходить на следующий выступ. Сторм, с его больной рукой едва ли одолел бы этот переход, если бы Горгол не подстраховывал его, держа за пояс. Сторм только удивлялся на себя, что после всех испытаний он еще способен на такие «подвиги», как Горгол назвал то, что они собирались совершить этой ночью. Отсюда, с обрыва, уже хорошо был виден костер и тени людей вокруг него. И вдруг неожиданно

теплый свет костра выдохнул в воздух рой живых зеленых искр и тяжелый вонючий дым.

— Колдуны! — пояснил Горгол.

Зеленые искры погасли, костер разгорелся ровным пламенем, и в его свете Сторм разглядел прямо под собой ровную каменную площадку, окруженную причудливыми выветренными скалами. К двум таким скалам было привязано четыре человека в одежде колонистов. Все пространство вокруг костра было заполнено сидящими на корточках Нитра. Они с напряженным вниманием наблюдали за двумя колдунами, которые плясали вокруг костра, стуча в маленькие барабанчики. Они-то и производили те жуткие громовые удары, которые Сторм слышал издалека.

Сторм внимательно изучал эту сцену. Нитра явно чувствовали себя в полной безопасности — Сторм не заметил никаких часовых. Со своих мест они не могли его увидеть. Неудачно для него было то, что пленники были привязаны прямо посреди этой толпы, слишком близко к сидящим воинам.

— Я пошел, — просигналил он Горголу.

Он мысленно позвал Баку и попросил его парить прямо над головой. Сурра на секунду успокаивающе прижалась к его ногам. Затем он медленно начал спускаться по склону прямо на плато. И как только ноги его встали на ровную каменную поверхность, он громко прокричал сигнал сбора всей команды:

— Сааа!

Прямо с неба, словно оживший кусок ночи с взъерошенными перьями, к нему слетел Баку. Сторму пришлось сделать пару шагов, чтобы сохранить равновесие, когда жуткие когти орла впились в скатанное одеяло, чуть не задев заклеенную рану. Но он быстро освоился с этим привычным грузом.

И теперь, с Хингом на руках и оскалившейся Суррой, мягко ступавшей рядом, Сторм уверенно вышел на свет костра.

17

Он идет, Смертоносный Бог Войны.
Тело его одето бурей и вихрем.
Он идет, натянув свой мощный лук.
Готовый выпустить гибельные стрелы.
Он идет — Смертоносный Бог, готовый к битве.

Сторм не был поэтом, но порой сами собой в нем рожда-

лись древние, вечные слова, словно вдохновленные Далекими Богами. И в такие минуты он чувствовал себя укрытым могущественной защитой Великого Духа. Вот и сейчас на него снизошла эта волшебная сила и полностью овладела его сознанием. И нужно ли человеку какое-нибудь другое оружие, если с ним эта сила?

Землянин не заметил, когда успели расступиться Нитра, открывая ему дорогу к самому костру. Для него сейчас не существовало ничего, кроме его песни силы божественного покровительства, вливающейся в него. Личность Остина Сторма как бы растворялась в чем-то куда большем, чем любой отдельный человек. Теперь он неподвижно стоял в освещенном кругу с прижавшейся к ногам Суррой, уже не чувствуя боли в плече и тяжести Баку.

Прямо перед ним стоял синерогий колдун Нитра с поднятым ритуальным барабаном. Но туземец даже шевельнуться не мог, он изумленно смотрел на странную фигуру, вышедшую из ночи.

— Ахуу! — загремел над поляной древний боевой клич навахо. — Ахуу!

Опомнившийся колдун ударил в свой барабан, и тот зарокотал, словно далекие раскаты грома. Но Сторм уже почувствовал нерешительность и неуверенность его ударов. Колдун прокричал что-то высоким вибрирующим голосом. Землянин его, конечно, не понял, а пользоваться пальцевой речью он сейчас не мог: иначе туземцы приняли бы его за одного из колонистов, и тогда все пропало. Он посмотрел на привязанных пленников, увидел удивленные лица, повернувшиеся к нему, искру сумасшедшей надежды, промелькнувшую в глазах Логана, суровое и спокойное лицо Квада.

Велика мощь оружия Смертоносного Бога,
Велика мощь его божественной силы.
Он идет, как все сметающая буря.

Сурра неслышной тенью скользила рядом со Стормом. Он перестал прижимать к себе Хинга, и сурикат немедленно сполз с его рук на землю. Бесшумно скользнул он между Нитра, замершими у костра, и направился к пленникам. Поднявшись на задних лапах, он занялся их ремнями, быстро работая зубами и когтями. Сторм махнул рукой — и Сурра подошла к Логану и попыталась перекусить стягивавшие его ремни.

Жрец Нитра завизжал как разозленная йорис и бросился

к Сторму, замахиваясь своим барабаном. Баку немедленно встопорщил крылья и жестким немигающим взглядом уставился на туземца. Раздался пронзительный боевой клич орла. Он слетел на землю и, растопырив крылья, пошел на жреца так же, как он нападал на птицу цамле в лагере Кротага. И Нитра, не выдержав, отступил перед этой разъяренной фурией. Орел не успокоился, пока не заставил его пробежать вокруг костра под удивленный и испуганный ропот сидевших вокруг воинов.

— С нами сила Смертоносного Бога! — снова загремела песня Сторма, и хотя слова ее мог понять только один человек, кроме него, смысл поняли все. Он шагнул в сторону воинов Нитра, и те шарахнулись в разные стороны.

Квад отошел от столба, и Сторм увидел болтающиеся обрывки ремней. Это Горгол подкрался сзади в темноте и перерезал путы. Колонист метнулся подхватить освободившегося Логана, но тот оперся о голову большой кошки и удержался на ногах. До сих пор Сурра никому кроме Сторма не позволяла таких вольностей, но Логан ей явно нравился.

— Мы идем под его божественным покровительством! — на секунду звук песни перекрыл клекот разгневанного Баку. Сурра осторожно отступила в темноту, уводя за собой Логана, поддерживающего его Квада и двух других колонистов. Хинг подбежал к Сторму и, цепляясь когтями за одежду, быстро забрался к нему на руки.

— Мы идем под покровом его силы! — пропел Сторм, становясь между насторожившимися воинами и уходящими колонистами. Он не сомневался, что сейчас полностью захватил внимание Нитра и не задумывался, надолго ли этого хватит. Всего несколько раз в жизни испытывал землянин такой душевный подъем, ощущая себя проводником Высшей Силы. Первый раз он пережил это чувство, когда впервые установил мысленный контакт со своей командой, и животные признали его руководителем. И еще пару раз во время службы, когда его команде приходилось выполнять особенно трудные задания, и они с блеском справлялись. Но здесь было нечто совсем иное — здесь он сам, с помощью только своей силы удерживал целую толпу.

Смертоносный Бог идет во всей своей силе.
Смертоносный Бог дарит нам свою силу.
Мы идем по его стопам!

Пленники уже вышли из освещенного круга и исчезли в темноте.

— Сааа! — свистнул Сторм. Баку тут же оставил жреца и подошел к нему. В изодранных окровавленных руках жреца больше не было барабана. Теперь он сжимал длинный нож норби, и глаза его пылали яростью. Пока Баку усаживался на плече Сторма, он метнулся к землянину длинным прыжком атакующей йорис. Но, не успев даже коснуться Сторма, свалился без сознания, получив заряд из парализатора. Из глоток воинов вырвался почти звериный вой, а Сторм победно засмеялся.

Это была ночь его удачи, ночь, когда все получалось как надо. Вот и Горгол использовал свой единственный заряд парализатора так, что лучше не придумаешь. Похоже, они попали в одну из приливных волн удачи, и теперь она несла их на своем гребне. В таких условиях может получиться даже самое невероятное.

Правы были поэты его народа. Древние слова, мощь древних ритмов разбудила невидимые силы, и они взяли Сторма под свое покровительство. Сейчас в нем была такая мощь, что ни жалкие Нитра, ни даже хиксы не смогли бы устоять против него! Шаг за шагом отступал он на край освещенного пространства, к откосу, по которому мог бы подняться на другую террасу.

— Поднимайтесь здесь, Сторм, — позвал его тихий голос, еле слышный за воплями страха и удивления. Теперь туземцы метались около костра, орали, верещали, но ни один воин так и не рискнул схватиться за оружие. Сторм поднял руки и его тут же втащили на скальную площадку.

— Откуда вы взялись? — спросил Квад. — Мы считали вас погибшим.

Сторм снова рассмеялся. Экстаз его не проходил, наоборот, стал еще сильнее.

— Мне еще рано погибать! — сказал он. — Но сейчас нам лучше поторопиться. Когда они опомнятся и сообразят, что к чему, они обязательно начнут охоту, и нам в это время лучше быть подальше отсюда.

Его нервное возбуждение еще не улеглось и помогло ему относительно легко выдержать весь путь по скалам вокруг долины до входа в Запечатанные Пещеры. Но у самого входа его что-то насторожило, он замер и вдруг неожиданно крикнул:

— Слушайте! — Этот властный возглас мгновенно оборвал все разговоры. Люди прислушались, но до них донесся не

только далекий невнятный шум, но и чуть слышное сотрясение почвы.

— Корабль хиксов! — сразу понял Сторм, хорошо знакомый с тем, как дрожит земля, когда готовится к старту космический корабль. Хиксы готовились удирать со своего тайного космодрома, но толчки становились все сильнее, и это беспокоило землянина.

— В чем дело? — спросил Квад.

— Хиксы готовятся взлететь. Они уходят с Арцора!

Квад, одной рукой обнимавший Логана, приложил свободную ладонь к поверхности скалы.

— Здорово трясет!

И тут до Сторма дошло. Корабль, который он видел в соседней долине, был маленьким разведчиком, который просто не мог так реветь на старте. Может, где-то у хиксов был спрятан другой корабль? Но почему вибрация такая неравномерная?

Вдруг дикий грохот разорвал ночь, и выше горных вершин взметнулся огненный факел. Скалы затряслись как при землетрясении, люди и животные попадали с ног, сбившись в барахтающуюся кучу.

— Они взорвались! — воскликнул Сторм, поднимаясь на ноги, и невольно схватился за раненое плечо. Экстаз проходил, на него снова навалилась боль и многодневная усталость.

— Почему? — спросил Логан, и Сторм удивился, как глухо, словно издалека, дошел до него этот вопрос.

— Их корабль был наполовину вкопан в землю, — через силу ответил он. — Они как раз откапывали его, когда ты бежал. Но сейчас их, похоже, припекло, вот они и рискнули взлетать, так и не откопав его полностью. А кроме того... — Сторм погладил свернувшегося у него на руках перепуганного суриката. — Кроме того, там немного покопался Хинг. И когда они запустили двигатель, дюзы разорвались!

— Ну, они сами с собой покончили! — облегченно вздохнул Бред Квад. — Но хорошо бы поглядеть откуда-нибудь сверху, не остались ли там наши люди, которым нужна помощь. Я хочу сам в этом убедиться.

— Проход за решеткой из пещерного сада ведет на северо-запад, — неожиданно сказал Логан. — Если большой тоннель идет туда же, мы вполне могли бы пройти по нему.

Они вошли в пещеру и убедились, что проход к садам не обвалился, хотя гору сильно тряхнуло. Как ни поражены были новички этими осколками старых миров, разделенными

черными тропинками, задерживаться они здесь не стали. Впереди шел Горгол, и все остальные старались не отставать от него. Обойдя почти четверть пещеры, они подошли наконец к решетке, которую Логан нашел, когда первый раз обследовал пещеру.

Они быстро справились с запором и вышли в темный тоннель, наполненный мертвенным душным воздухом. На этот раз не было нужды освещать дорогу фонарем: Горгол и Сурра, прекрасно видевшие даже в этом непроглядном мраке, уверенно вели всех остальных. Всем хотелось побыстрее выбраться из этой гулкой тьмы в обычный мир Арцора.

Тоннель несколько раз поворачивал, и в темноте невозможно было сориентироваться и понять, куда он их в конце концов выведет. Сторм так и не понял, была ли это естественная трещина в теле горы, или искусственное, намеренно запутанное сооружение. После нескольких поворотов он засомневался, смогут ли они при желании найти обратную дорогу в пещеру садов. Баку беспокойно завозился у него на плече, и он, покачнувшись, вынужден был опереться о стену и остановиться. В темноте слышно было только тяжелое дыхание его товарищей, да шепот Логана, резко ответившего отцу, что вполне может обойтись без его поддержки.

Еще один поворот, и далеко впереди появилось зарево, словно там, снаружи, бушевал огромный пожар. Они поспешили навстречу этому свету и вскоре оказались перед зрелищем разгулявшейся стихии. Вся долина, в которой прятался космический корабль, была охвачена огнем, и прямо в лицо им ударил жар, поднимающийся от этого гигантского костра. Горгол протиснулся в узкое отверстие выхода, Сторм последовал за ним. Он приказал Баку взлететь и поискать дорогу в обход долины. Глядя на бушующее пламя, он понял, что в этой долине после взрыва корабля вряд ли могло уцелеть что-то живое. Искры поднимались в воздух и рассыпались вокруг, и если бы скалы не закрывали так надежно эту каменную чашу, пожар мог бы охватить гораздо больший район.

Но даже на таком расстоянии от огня было светло как днем. И тут Сторм увидел, что отошедшая чуть в сторону Сурра стоит и принюхивается к каким-то ступеням, ведущим вниз. Лестница не очень удобная и несколько разрушенная, но в случае крайней необходимости спуститься по ней можно. И проходила она очень удачно — лощиной, отделенной от пожара надежной скальной стеной.

Сурра неплохо чувствовала себя в горах. Когда-то ее пу-

стынные предки в лабораторных экспериментах были скрещены с пумами, и это дало ей способность лазать на такие скалы, где ее не мог бы преследовать ни человек, ни охотничьи собаки. И сейчас она обследовала эту лестницу, осторожно трогая лапами верхние ступени.

Наконец, убедившись, что спуск вполне безопасен, она плавным движением скользнула вниз, в расширяющееся полутемное пространство. Сторм последовал за ней, правда, совсем не так легко. Кое-где ему даже пришлось пробираться на четвереньках. Скалы отрезали жар горящей долины, и Сторм, отдышавшись, увидел, что прямо с того места, где он стоял, начинается извилистая дорога, уводящая в темную путаницу скал.

— Дорога, — просигналил он наблюдавшему за ним Горголу, Широкая... идет туда, — указал он на юго-восток.

Возможно, это был участок той дороги, по которой Отверженные пригоняли в долину угнанный скот. Если так, то другой ее конец должен выходить на равнину.

— Вернись назад, — просигналил Сторм, — и приведи сюда всех остальных.

Горгол кивнул и исчез в узкой пещере. Сторм отправился вперед за Суррой, которая по-прежнему разведывала дорогу. Землянин понимал, что ему сейчас нельзя останавливаться. Все тело ныло и требовало отдыха, но он знал, что если присядет, у него может не достать сил подняться. Он начал спускаться по этой дорожке, так глубоко врезанной в тело горы, что она больше напоминала открытый сверху тоннель.

«Похоже, эти горы, как сотами изрезаны пещерами, тоннелями и переходами, — подумал он. — Древние строители на славу здесь поработали. Соринсон был абсолютно прав в своих догадках, и сюда обязательно нужно будет вызвать Наблюдателей».

Сурра неожиданно вернулась из темноты и прижалась к нему, загораживая дорогу. Это был условный сигнал близкой опасности. Сторм едва не споткнулся об нее, остановился и прислушался. До него донесся тихий неясный звук — то ли сапог скрежетнул о скалу, то ли металлом поскребли по камню. Кто-то поднимался по той же дороге навстречу. Разведчик опомнившихся Нитра? Кто-то из хиксов, умудрившийся выбраться из пылающей долины? И тут сзади послышались голоса Квада и спускавшихся за ним людей. Землянин был уверен, что тот, кто шел навстречу, наверняка их услышал. Тогда он прижался к скале и постарался мысленно объяснить Сурре, что делать дальше.

— Ищи, — добавил он вслух, и Сурра бесшумно канула в темноту, готовая вспугнуть и выгнать на него любых врагов, засевших сейчас на тропинке внизу. Из оружия на поясе Сторма был только длинный нож норби. Сторм вытащил его и направил лезвием вперед, как шпагу. Теперь все зависело от того, кто скрывается на этой темной тропинке. Против Нитра сгодится и это оружие, но хиксы, конечно, будут сражаться не ножами. А какие у него могут быть шансы против бластера или слицера?

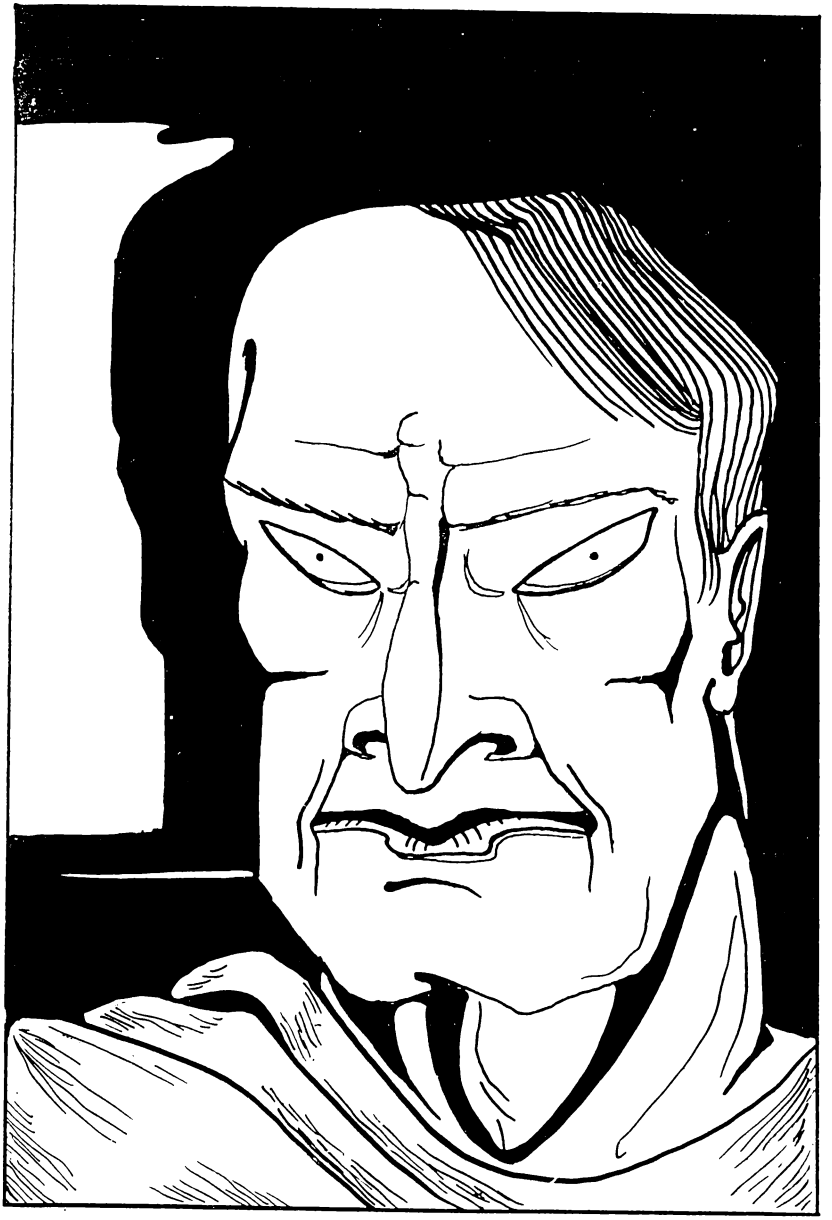
Спотыкающейся неверной походкой Сторм двинулся вперед, поминутно останавливаясь и прислушиваясь. Похоже, Сурра еще не добралась до своей добычи. Дальше дорога поворачивала на нижний виток серпантина. Землянин с трудом преодолел этот поворот и остановился, пытаясь отдышаться. До сих пор ему не приходилось сражаться вот так — один на один — разве только в мечтах о встрече с Квадом. Он всегда был вместе со своей командой и привык к ее безмолвной поддержке. Но сейчас в этой новой схватке с хиксами, когда за его спиной были израненные и смертельно усталые люди, он вдруг почувствовал, что на сей раз воспринимает бой не как служебное задание, а как свое глубоко личное дело. Еще один поворот. Дорога выровнялась и стала несколько шире, образуя небольшую площадку. Слева чернела дыра прохода в какой-то очередной тоннель. И оттуда вдруг вырвался яркий луч света, озарив кусок желто-коричневой дороги и едва не задев притаившуюся Сурру.

— Ахууу! — выкрикнул Сторм и отскочил к стене. Боль в потревоженном плече заставила его зашипеть сквозь зубы. И тут же луч уперся в то место, где он был секунду назад.

Его хитрость удалась. Пока луч охотился за ним, на дорогу, шипя и взвизгивая, спрыгнула Сурра. Луч беспорядочно заметался и вдруг опустился на уровень земли, ровно светя вдоль тропинки, по которой Сторм мог бы подойти к дерущимся.

Покачивающаяся фигура с поднятыми руками выступила из темноты на освещенный луной проход. Колонист! А может, переодетый хикс? Сторм двинулся к лежащему на земле фонарику, стараясь оказаться между человеком и рассерженной кошкой. Сейчас Сурра не выражала желания нападать, но и не успокаивалась, карауля каждое движение противника, пока Сторм добирался до фонарика.

Бывший командос поднял фонарь и отшатнулся: прямо в луче, прикрываясь рукой и отворачиваясь от яркого света, стояла очень знакомая ему фигура. Бистер!



— Сааа! — тихо присвистнул он.

Оскалившаяся, со вздыбившейся на спине шерстью, Сурра припала к земле. Она преградила таким образом дорогу назад, но пока не прыгала. Сторм заметил, как рука Бистера невольно потянулась к поясу с оружием.

— Ну-ка, подними ее, — приказал он. — Быстро!

Лицо этого человека выразило его чувства так же ясно, как Сурра выразила свои. Он нехотя разжал ладонь и поднял руку вверх.

— Землянин! — выплюнул он, и это прозвучало грязным ругательством. И презрение, и желание оскорбить, и вызов — все это ухитрился он вложить в это короткое слово. — Животное...

— Учитель зверей, — мягко поправил Сторм тем ледяным тоном, который людей опытных сразу заставлял настораживаться.

Он вложил нож в ножны и неторопливо двинулся вперед, держа луч фонарика на лице Бистера. Подойдя на расстояние вытянутой руки, он мягким кошачьим движением выхватил у него из-за пояса парализатор и бросил его под обрыв.

Но и этой секунды хватило Бистеру, чтобы дотянуться до ножа и достать его из ножен. Голубым огнем сверкнуло в луче фонаря лезвие из превосходной суперстали внешнего мира. Бистер слегка наклонился вперед, принимая позу опытного бойца. И Сторм мгновенно понял, что кем бы ни был этот человек — просто негодяем или замаскированным хиксом, — но это оружие явно ему не в новинку.

— Ну, давай, пошли ко мне твою киску, ты, животное. — Бистер оскалился, и его зубы блестели в свете фонаря не хуже, чем клыки Сурры. — Я с радостью распотрошу ее, а потом доберусь и до тебя, землянин!

Сторм отступил на пару шагов и зажал фонарь в трещине скалы. Драться сейчас с Бистером было просто глупо. Но что-то, куда более сильное, чем все доводы рассудка, заставляло его стать лицом к лицу с врагом, кем бы он ни был, — чтобы только сверкающая сталь была между ними. Древний поединок мужчин, кровью и жизнью готовых отстаивать свое.

— Сурра, — негромко окликнул Сторм и мысленно показал ей, что надо делать. Она немного расслабилась, но так и осталась на месте, закрывая дорогу вниз. Горящими глазами следила она за людьми, стоящими лицом к лицу на освещенной тропинке. Теперь она не двинется с места, пока он сам не позовет.

Снова в его руках был нож. Сразу отлетела куда-то из-

нуряющая усталость и весь мир сузился до двух обнаженных клинков. Где-то на пределе восприятия промелькнул вскрик — кто-то увидел эту сцену с верхнего витка дороги. Но Бистер его услышал, и это словно подстегнуло его. Он немедленно кинулся в атаку, собираясь начать и кончить бой до того, как другие смогут прийти на помощь Сторму.

Сторм увернулся и тут же почувствовал, что движения его несколько скованы и он проигрывает в быстроте. Но как и в лагере Нитра, он снова чувствовал в себе необычный подъем, переборовший физическую слабость. И все же скорость и реакция у него были уже не те.

Почувствовал это и Бистер, тут же отметив, что Сторм сейчас куда слабее, чем когда они впервые столкнулись между Портом и Гроссингом. И тут же ударил.

18

Сторм отбил удар, и лезвие скрежетнуло по лезвию. Но Сторму пришлось отступить. А Бистер, которому каждый шаг землянина назад добавлял уверенности, продолжал теснить его. Сторм попытался схитрить и развернуть Бистера против света, но тот не попался на эту удочку.

Землянин понимал, что в любой момент может позвать Сурру и быстро закончить это затянувшееся представление. Но он чувствовал, что с Бистером должен разобраться сам, один — сталь против стали — иначе он потеряет всякое уважение к самому себе и уже никогда не сможет руководить своей командой.

Они потеряли всякое представление о времени, настороженно кружа по каменистой площадке. После первого отчаянного натиска Бистер стал осторожнее и теперь стремился вымотать землянина. Сторм чувствовал влажную струйку на плече под одеялом, знал, что пластырь слетел и рана снова кровоточит. Если бой затянется, эта струйка высосет из него все силы и свяжет его, лишит скорости и подвижности. Тогда он уже не сможет увертываться, и Бистер легко оттеснит его под ослепляющий луч и приколет совершенно беспомощного.

Он судорожно пытался припомнить все, что он знал об этих созданиях хиксов. Им дали внешность, неотличимую от человеческой, обучили реагировать и действовать на людской манер. Но в глубине души они обязательно должны оставаться хиксами, иначе будут бесполезны для своих. Значит, хикс. Ну, так

что может выбить из колеи этого закаленного разведчика? Что может по-настоящему напугать его, привести в ужас?

Сторм был еще в силах легко уклоняться, пританцовывать, уходить подальше от луча фонаря. Почему хиксы так ненавидят землян? Есть ли у этого их страха какие-то глубинные корни, и не удастся ли сейчас сыграть на этом?

Удар стали о сталь прервал его мысли. На этот раз он отбил нож почти у самой своей груди, и удар был так силен, что рука на время онемела. Спасло его только шестое чувство опасности, которое развилось за время работы с командой.

И вдруг истина вспыхнула в его мозгу так полно и отчетливо, словно кто-то подсказал ему. Сторм понял, в чем слабость хиксов, понял глубоко и полно, ведь и землянам была свойственна эта слабость, а народу Дине особенно. Странная слабость, порой оборачивающаяся силой и, главное, дающая человеку такое необходимое чувство защищенности и безопасности.

— Теперь ты остался один, — мягко сказал он на галактическом. — Твои родичи взорвались, Бистер. Нет больше корабля, готового эвакуировать тебя с Арцора. — Один, — один! — среди тех, кто ненавидит тебя. Ты никогда больше не увидишь родного дома, Бистер! Он остался среди недоступных для тебя звезд.

В этом неожиданном взрыве понимания до него вдруг дошло, чего ради хиксы разрушили Землю — они надеялись этим ударом в сердце Конфедерации вызвать ее распад. Но тут они просчитались. Слишком далеко зашли различия уроженцев земных колоний и самих землян, чтобы всех их можно было ввергнуть в шок простым уничтожением метрополии.

— Одиночество! — Он видел темные расширенные глаза Бистера и яркую искру отчаяния в их глубине. Под маской марионетки проглянула взволнованная и напуганная душа хикса. И теперь Сторму нужно было только крошить внешнюю скорлупу и помогать ей выйти наружу.

— Они никогда не вернуться за тобой, Бистер! Ни твои братья, ни боевые товарищи. Ты единственный хикс на Арцоре, и других не будет. — Сами собой всплывали в памяти все знания и слухи о захватчиках, их обычаях и обрядах, словно только и ждали, когда они понадобятся. — Кто прикроет твою спину, Бистер? Кто вспомнит твое имя, чтобы окликнуть тебя? Никто из твоих братьев даже не будет знать, что ты умер и пора отметить твой круг на Сотенных Таблицах во Внутренней Башне твоего родового поселка. Ты ум-

решь и исчезнешь навсегда, словно никогда и не жил. И не будет...

Кол Бистер дышал открытым ртом, щеки и лоб у него блестели от испарины. И все ярче разгоралась жесткая отчаянная искра в его глазах.

— Бистер умрет — и все. Не будет для него пробуждения в День Поминовения Всех Имен...

— Айаа!

Бистер бросился в атаку, но Сторм был готов к этому. Он уклонился с врожденной грацией древнего воина. К несчастью, нож Бистера зацепил серебряное ожерелье, висевшее на его груди, и лезвие слегка царапнуло щеку. Как и рассчитывал Сторм, натиск тяжелого тела Бистера отбросил их обоих на самый край площадки.

Сторм не рискнул продолжать здесь схватку. Бистер не был ранен, и его физических сил вполне хватило бы, чтобы смять сопротивление землянина. Сторм провел пару приемов командос, высвободился из этих тисков и снова оказался у скалы в относительной безопасности.

Бистер завизжал. На всю жизнь запомнил Сторм его безумные, переполненные ужасом глаза, в которых уже не осталось ничего человеческого. Каждое разумное существо должно верить, что в любом бою с ним весь его народ, вся его раса. У них один враг и одна ненависть на всех. Страх смерти отступает, если рядом с тобой твои братья, если есть радость исполнения общей воли. Но эту опору Сторм сумел расшатать и Бистер сейчас балансировал на грани безумия.

Но в таком состоянии он был еще опаснее, чем в спокойном. Сторм снова отступил, и Бистер не раздумывая ринулся за ним. «Готов», — подумал Сторм. Дальше все было нетрудно. При следующем маневре Бистер оказался против света фонарика. Последний раз увидел Сторм безумный блеск его глаз и ударил четко и красиво, как на учениях.

Бистер издал странный хрюкающий звук, медленно повалился вперед, уткнулся лицом в землю и замер. Сторм отступил и оперся здоровым плечом на скалу. Он видел, как в луче фонаря блеснул мех Сурры, которая, злобно шипя, подползала к телу Бистера. Она коротко рыкнула и уже хотела ударить его когтистой лапой, когда землянин подозвал ее к себе.

Бред Квад пересек освещенную полосу и присел возле поверженного хикса.

Он перевернул его лицом кверху, задрал рубаху и попытался нащупать сердце.

— Он жив, — сказал Сторм и сам удивился как слабо и

глухо прозвучал его голос. — И он действительно настоящий хикс.

Квад быстро поднялся и шагнул к нему. Но Сторм, даже измученный до последней степени, не смог заставить себя стерпеть прикосновение этого человека. Он оторвался от скалы и шагнул чуть в сторону от протянутой руки Квада. Но на этот раз даже его тренированная воля не смогла справиться с изнемогающим телом. Его качнуло, он упал и потерял сознание.

Эта картина словно вышла из давних грез Сторма. Он увидел ее сразу, как только открыл глаза, и теперь лежал на узкой постели, не смея шевельнуться, и вглядывался в такое знакомое и родное ему сочетание цветов. Просто кусочек юго-западной пустыни его родного мира и плавные очертания облаков над ним, выполненные в манере, созданной когда-то художниками Дине. А еще на картине был ветер. Землянин почти физически чувствовал его дыхание, вглядываясь в растрепанные волосы всадников и ощущая, как секут их лица длинные пряди гривы их крапчатых пони. Фреска была на стене рядом с его постелью, и Сторм засыпал и просыпался, не отрывая взгляда от этих борющихся всадников. Для художника эта открытая всем ветрам пустыня, наверное, тоже была родным домом. Силой своего таланта он перенес на стену не просто пейзаж, но кусочек жизни, с шумом качающихся сосен, с запахами нагретой солнцем овечьей шерсти и шалфея, с бесконечным сверканием песка. Сторм смотрел на картину так же, как смотрел на сосну и траву его погибшего мира в пещерном саду, только сейчас чувства были острее и глубже. Не просто родные растения, а сама сущность его прежнего мира была перенесена сюда кем-то из его народа. Только художник с Дине мог нарисовать так.

Сейчас эта фреска была для него большей реальностью, чем все происходившее вокруг его постели. Бестелесными тенями проходили, не задевая его сознания, доктор из Порта и молчаливая темнокожая женщина, ухаживающая за ним. И даже отвечая на вопросы откуда-то взявшегося Келзона, он не в состоянии был оторваться от картины. Эти крапчатые пони были ему сейчас роднее и ближе, чем весь Арцор со всеми его проблемами. Он даже не знал, где он сейчас лежит; это его не заботило. Он засыпал и просыпался, не расставаясь со своими всадниками, и был вполне счастлив.

Но наконец он почувствовал, что проснулся окончательно.

Темнокожая женщина помогла ему приподняться и подбила подушки так, что теперь он мог видеть не только картину. С удивлением он услышал, что она говорит на языке Дине, и уловил тон, каким терпеливые взрослые разговаривают с заупрямившимся ребенком. Сторм попытался не обращать на это внимание и снова вернуться в сладкую полудрему, но тут дверь открылась и в комнату, прихрамывая, вошел Логан. Следы побоев уже сошли с его лица и теперь, кроме очевидной принадлежности к народу Дине, Сторм заметил и отчетливое сходство с кем-то знакомым, только он никак не мог вспомнить, с кем именно.

— Нравится картина? — спросил молодой Квад, глядя мимо Сторма на фреску, на этот кусочек дикой вольной пустыни, который художник как-то сумел пленить и навечно припечатать к стене на далеком Арцоре.

— Это родина, — искренне ответил Сторм.

— И отец тоже так думает...

Бред Квад! Правая рука Сторма невольно дернулась и его тонкие брови сошлись в линию, не предвещающую ничего хорошего. Только сейчас он заметил, что укрыт одеялом из наследства На-Та-Хай или другим, похожим на то как близнец. На-Та-Хай и клятва, которую он заставил дать... отомстить Бреду Квaду.

Землянин лежал спокойно, надеясь, что вместе с этим именем придет привычная злость и добавит ему решимости. Но злость не приходила. Похоже, в нем вообще не осталось ни чувств, ни желаний, кроме желания бесконечно вглядываться в этот нарисованный кусочек земли. Но он знал, что с желанием или без желания, но он все равно должен исполнить то, ради чего прилетел на Арцор.

Сторм почти забыл про Логана и обратил на него внимание, только когда тот подошел совсем близко и наклонился к фреске. Теперь его спокойное задумчивое лицо оказалось на одном уровне с нарисованными всадниками и Сторм тут же понял, что показалось ему таким знакомым в лице Логана. Он был странно, до изумления похож на одного из всадников, похож, как может быть похож только близкий родственник.

— Что это за мир? — внезапно спросил Логан, — И как художник добился того, что каждый зритель чувствует себя едущим через эту страну?

Теперь, когда Сторм почувствовал, что его душевная рана может затянуться, пустота и тьма коснулись его сознания. Он отвернулся от картины и глаза его вспыхнули.

— Я оставил эти места, — начал Сторм, с трудом подби-

рая слова, — когда был еще ребенком. Дважды я пытался вернуться, однако эта жизнь уже не принимала меня. Но этот мир навсегда остался в моей душе. Для того, кто это нарисовал это была настоящая жизнь. Даже здесь, далеко за звездными пропастями, это живет!

— Не для того, а для той, — мягко поправил Логан.

Сторм сел, оттолкнувшись от подушек. Он даже не почувствовал, как окаменело его лицо. Один-единственный вопрос вертелся у него на языке, но он так и не успел его задать.

Дверь отворилась, и на пороге возник человек с глазами, наполненными голубизной — человек, которого Сторм так долго искал и которого меньше всего хотел сейчас видеть. Бред Квад подошел к кровати и внимательно посмотрел на землянина. И Сторм почувствовал, что сейчас должно решиться все, и что бы там не творилось в его душе, он должен именно сейчас объясниться и быть готовым принять на себя все последствия.

С почти прежней скоростью движений рука Сторма метнулась к поясу Логана, выхватила нож и положила его на колени, направив лезвие в сторону Бреда Квада.

Голубые глаза колониста все так же спокойно и выжидающе смотрели на землянина. А может, он просто не понял еще, что это обозначает. Но в это Сторм не верил.

И был прав! Квад все понял и принял вызов. Это стало ясно сразу, как только он заговорил.

— Если между нами сталь, так зачем же ты вытащил меня из лагеря Нитра?

— Это другое дело. Я был обязан тебе жизнью и в ответ спас твою. Ты удержал тогда, в Гроссинге, лезвие, направленное мне в спину. Воины Дине всегда платили свои долги. А теперь между нами другой счет. Я пришел от На-Та-Хай. Ты опозорил его семью, и на тебе долг крови.

Бред Квад замер около кровати. Уловив движение Логана, он резко махнул рукой, приказывая ему не вмешиваться.

— Я никогда не проливал крови никого из семьи На-Та-Хай, — медленно, взвешивая каждое слово, сказал он. — И, разумеется, я никогда не позорил его семью.

Сторм похолодел. Ему и в голову не приходило, что когда они наконец встретятся лицом к лицу, Квад попытается отрицать свою вину. Он с первого взгляда, еще в Гроссинге, понял, что человек это прямой и искренний.

— Нахани, — так же, подчеркнуто обдуманно, сказал Сторм. И уже встревоженно добавил: — Или ты не знал даже имени человека, которого убил в Лос-Гатос?

— Лос-Гатос? — выдохнул Бред Квад, наклонясь так, что его голубые глаза оказались на одном уровне с поднятыми ему навстречу глазами Сторма.

— Кто... ты? — произнес он, с трудом выталкивая из себя слова и не на секунду не отрываясь от глаз Сторма.

— Я Остин Сторм, сын Нахани, внук На-Та-Хай.

Губы Бреда беззвучно шевелились, но слова никак не хотели выходить наружу. И когда он наконец заговорил, голос его прозвучал хрипло и незнакомо.

— Но он сказал нам... сказал Рагуэль, что ты умер... умер от лихорадки. Она... это отравило ей остаток жизни! Она приехала за тобой, а На-Та-Хай показал ей замурованную пещеру... сказал, что ты там похоронен. Это чуть не убило ее! — Бред Квад встряхнулся и расправил плечи, почти не обращая внимания на готового напасть Сторма. Он сжал кулак и с искаженным лицом замахнулся на картину, словно на врага, которого нельзя уже ни настичь, ни уничтожить. — Проклятый! Он нарочно мучил ее! Как он мог?! Ведь она была ему дочерью!

Сторм заметил, как этот сильный человек борется со своей яростной вспышкой, и как самообладание возвращается к нему. Разжатые пальцы уже не угрожали картине, они коснулись ее мягко и, пожалуй, даже нежно.

— И все же... как он мог решиться на такое? Даже если он был законченным фанатиком? — снова спросил Квад, но уже не гневно, скорее, удивленно. — А Нахани никто не убивал. Он погиб от укуса змеи. Так что я не совсем понял, о чем ты говоришь. Похоже, тебе наговорили всяких небылиц.

Теперь Бред Квад говорил вполне спокойно. Сторм опустился на свои подушки, чувствуя, как шатается и рушится его мир. Трезвый голос Квада был для него более чем убедителен. Он сердцем чувствовал, что тот говорит правду.

— Нахани работал тогда в Службе Наблюдателей, — начал рассказывать Квад. Он двинул стул к кровати, уселся на него и взглянул на Сторма спокойным ясным взглядом. — В то время я тоже там работал. Мы не раз выполняли задания вместе, да и наша индейская кровь нас сближала. В общем, мы подружились. Тогда уже начинались неприятности с хиксами на окраинных планетах. И вот в одной из таких схваток Нахани попал в плен. Он как-то сумел бежать от них, и я сам навещал его в госпитале на Алпайсе. Но дело в том, что они попытались его «перепрограммировать».

Сторм невольно вздрогнул, и Квад, заметив это, понимающе кивнул.

— Ну да, ты представляешь, что это такое. Ему было плохо... он очень изменился. Медики сказали, что его надо отправить на Землю, только там был шанс хоть что-то сделать для него, — и он улетел. Но через месяц он сбежал из госпиталя и пропал. Только потом мы узнали, что он решил вернуться на свою родину, а там, на Дине, ждала его жена с двухгодовалым сыном.

На первый взгляд Нахани казался вполне нормальным. Отец его жены — На-Та-Хай — принял его с радостью. Он был одним из тех непримиримых, которые отказывались признавать любые перемены в жизни своего народа. Он был фанатиком прошлого, почти свихнулся на этом. И можно представить, как он обрадовался, когда один из его народа бросил космос и вернулся на родину, чтобы вести простую жизнь предков. Но Рагуэль, жена Нахани, знала, что ему необходима квалифицированная медицинская помощь и тайком от отца сообщила властям, где находится ее муж. Я как раз был в отпуске на Земле. Меня тогда попросили поехать с медиками и помочь привести его в больницу. Они думали, что он послушает меня и поедет добровольно, ведь я был его другом.

Когда он понял, что мы приехали за ним, он попытался сбежать. Я вместе с Рагуэль отправился за ним в пустыню. К сожалению, мы опоздали, нашли его уже мертвым — его укусила ядовитая змея. А когда мы вернулись, отец Рагуэль словно с цепи сорвался. Он отобрал у нее сына и орал на весь поселок, что она предала своего мужа и весь свой народ, а потом пригрозил ей ружьем и выгнал из дома.

Она попросила меня помочь, и мы вместе поехали забирать ребенка, прихватив с собой для верности представителей власти. Вот тут На-Та-Хай и показал нам замурованную пещеру. Рагуэль упала в обморок и потом еще с месяц болела. Она так и не оправилась от потрясения до конца жизни. Потом она вышла за меня замуж, а я оставил службу и привез ее сюда, в мой родной дом. Я надеялся, что новая обстановка поможет ей забыть свое горе. Я думаю, она была счастлива здесь, особенно после рождения Логана. Но прожила она только четыре года. Вот как все это было на самом деле!

Нож так и остался лежать, забытый, поверх одеяла. Сторм плотно закрыл руками глаза, отгородившись от всего, и увидел всю темноту и страхи, которые он должен был встретить лицом к лицу, как раньше встретил Бистера на Пиках.

Теперь он понимал, почему не попытался объясниться с Бредом Квадом, когда встретил его в первый же вечер в Грос-

синге. Похоже, он подсознательно чувствовал, что только это удерживает его в жизни. Исчезни его цель, выполни он свою клятву, и жизнь сразу потеряла бы смысл.

На-Та-Хай возник в его памяти, но только как символ прошлого. Рассказ Квада перерезал последнюю ниточку, которая связывала Сторма с живой Землей. Выходит, правы были медики из Центра, когда не доверяли его спокойствию. Он тоже не избежал безумия людей, лишенных своего мира, просто у него оно выразилось по-другому. Неисполненная клятва отгораживала его от тьмы и ужаса настоящего безумия. Теперь этот барьер рухнул и он, холодея от страха, ждал, когда скрытое за ним безумие заполнит его опустошенную душу. На-Та-Хай не оставил ему надежной поддержки, только самообман. Теперь он сам балансировал на краю той бездны, куда сорвался Бистер. Ведь и ему, совсем как Бистеру, необходимо чувствовать себя частью своего рода. Без этого человек ничто.

Сторм не осознавал, что зарывшись в свои подушки он с дрожью ждет провала в забытье, а оно все не приходит. Руки его оторвались от лица и теперь безвольно лежали на легких складках одеяла, но глаз он так и не открыл. Он чувствовал, что теперь у него не хватит сил взглянуть ни на картину, ни на человека, сказавшего ему правду и тем отнявшего последнее, что у него было.

Сильные мужские пальцы теплым браслетом обхватили его запястье, готовые вытащить, выхватить его из обволакивающей темноты.

— Здесь тебя тоже ждала родня.

Сначала слова скользнули в его затуманенное сознание бессмысленными звуками, но вдруг он осознал их значение, и они гулко отдались в его опустевшей душе. Сторм открыл глаза.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он, всем существом своим ожидая подтверждения, уверения, что он все правильно понял, и в тоже время не смея на это надеяться.

— Что я имею в виду? — улыбнулся Бред Квад. — Или свет клином сошелся на Дине? Или только в той земле оставил следы твой народ? Этот дом готовила для тебя твоя мать, и он всегда ждал тебя. Это твой дом, просто ты немного задержался в пути... всего на восемнадцать земных лет.

Сторм даже не пытался отвечать. Он снова отвернулся к фреске. Да, картина была прекрасна, но ее колдовское очарование на него больше не действовало. Он услышал легкий смешок из дверного проема и оглянулся. Видимо, Логан по-

тихоньку, пока они решали свои проблемы с его отцом, ушел, а сейчас вернулся. Он стоял в дверях, на правом плече у него, как раньше у Сторма, сидел Баку, а у колен терлась Сурра. Большая кошка немедленно направилась к кровати, поставила передние лапы на край и желтыми немигающими глазами заглянула в глаза Сторма. А в это время Хинг возился и щебетал на руках у Логана.

— Рейн у меня в загоне. Ему придется поскучать еще пару дней, — сказал Бред Квад, все так же придерживая рукой запястье землянина. — Вот что я имел в виду, говоря, что здесь твоя родня, и это святая правда!

Сторм глубоко, с присвистом вздохнул, и это получилось у него выразительнее, чем любые слова. Он не пытался отнять у Квада свою руку, он словно впитывал в себя тепло этого пожатия.

— На-Та-Хай! — сказал он. Он устал, очень устал, но холодная пустота в душе заполнилась новыми, непривычными чувствами, и на этот раз они были не фальшивыми, настоящими. И он понял, что они останутся с ним навсегда. — Все прекрасно!

Бог грома

1

Ржавые горные хребты, ставшие совсем красными от первого дыхания Великой Засухи, четко вырисовывались в лилово-розовом небе Арцора на севере и востоке. Пройдет еще час, и иссушающее дуновение ветра предупредит о начале нового знойного дня. И останется еще два-три часа, в течение которых закаленный человек может продолжать путь. А потом и его свалит обжигающий жар полудня.

До лагеря оставалось недалеко. Остин Сторм пустил рослого могучего жеребца ровной рысью по пожелтевшей, но еще высокой траве. Тут и там он привычно отмечал движущиеся голубые пятна — это подтягивались к основному стаду разбредшиеся фравны. Внутренний компас не подвел его — дорога выходила прямо к реке. В Великую Засуху животные никогда не уходят от воды дальше, чем на половину дневного перехода.

Ему тоже не стоило задерживаться в холмах: одна из болтавшихся у седла канистр еще с утра была суха, как прокаленные солнцем скалы за его спиной, да и в другой воды осталось не больше, чем на добрую кружку. Норби, эти вездесущие туземные охотники Арцора, знали источники, скрытые в горных каньонах, но держали их местонахождение в строгой тайне.

Возможно кое-кто из колонистов, принятых кланами, тоже были посвящены в тайну воды. Может быть, даже Логан... Сторм невольно нахмурился, вспомнив о своем брате по матери, рожденном на Арцоре.

Полгода назад он, ветеран войны с хиксами, оставшийся бездомным после гибели Земли, приземлился на Арцоре. Он тогда и представления не имел, что где-то существует Логан

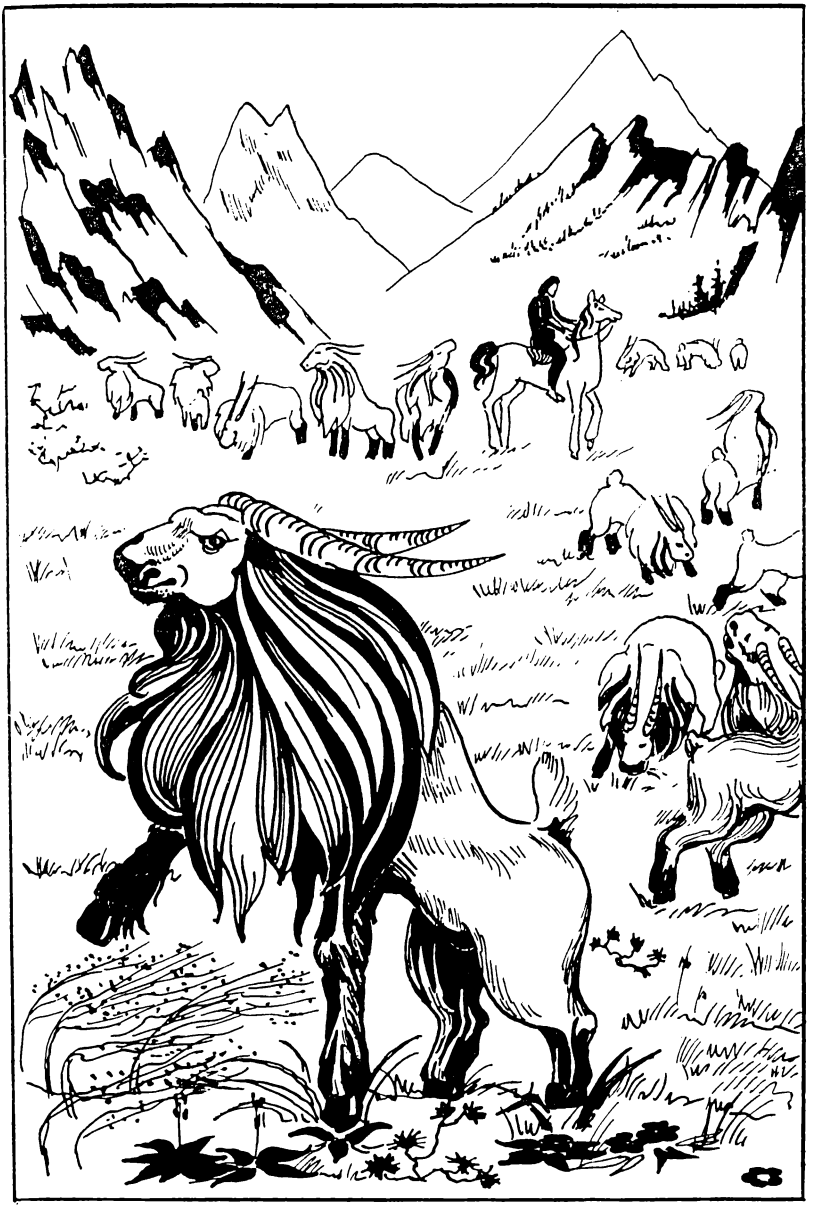
Квад, или что Бред Квад, отец Логана, окажется для него не просто человеком, которого он поклялся убить, а чем-то неизмеримо большим. К счастью, Сторму не пришлось стать убийцей. Все вовремя разъяснилось и он обрел то, что было ему нужнее всего — новые корни, родину, семью.

Все хорошо, что хорошо кончается, но каждый новый день приносит новые заботы. Нельзя сказать, чтобы он был разочарован своей новой жизнью. На первый взгляд он вошел в эту жизнь, как бирюза в серебряную оправу в его браслете, изготовленном древними навахо. И все было бы хорошо, но его беспокоил Логан.

Большинству наездников для ощущения полноты жизни вполне хватало обычных дежурств на границах поместий. Там могла поджидать и встреча с хищной ящерицей йорис, и нападение горных племен Нитра и еще множество опасных и рискованных приключений. Но Логану этого было мало. Он мотался по поместью с недовольным видом, пока его снова не тянуло присоединиться к туземной охоте, или погостить в лагере норби, или просто побродить в горах.

Внимание Сторма привлек черный силуэт, внезапно появившийся в небе. Он вытянул губы, словно собирался свистнуть, но не издал ни звука. Черная тень плавной спиралью опускалась прямо к нему. Жеребец остановился сам, не дожидаясь команды наездника. Безупречно точным броском, свойственным его породе, Баку — большой африканский орел — приземлился на роговой шест, который Сторм приладил к седлу специально для него. Птица тяжело дышала. Она сидела, слегка наклонив голову набок, как бы в раздумье, и ее острые неподвижные глаза внимательно смотрели на Сторма. Это были мгновения полного контакта. Ученые много поработали, чтоб создать эту связь между птицей и человеком — нужно было подобрать человека с определенными способностями и обучить его, подобрать и обучить птицу, научить их работать вместе, одной командой — и в результате их усилий получился необычный, но очень действенный разведотряд. Но сейчас враги были побеждены, и в подобном оружии нужды не было, а ученые, создавшие его, сгорели вместе с землей. Но союз существовал, и здесь, на Арцоре, он работал не хуже, чем на других мирах, где пришлось побывать диверсионной группе из человека, птицы и животных.

Сторм произнес несколько ласковых слов на языке, который на всем Арцоре хорошо знал только он один.



— Нам с тобой здесь совсем неплохо, — добавил он уже на обычном языке.

Баку ответил негромким горловым звуком и в знак согласия щелкнул клювом. Он успокоился и поудобнее устроился на шесте. Как ни любил он полет в бескрайнем небе, но сейчас явно не желал лезть в раскаленную печку близящегося полудня. Как только они приедут в лагерь, он тут же найдет себе какую-нибудь нору попрохладнее.

Жеребец по кличке Рейн снова пошел рысью. Он уже привык возить Баку и давно признал, что животные, привезенные издалека, не могут равняться с ним в выносливости и скорости передвижения. Неожиданно он пронзительно заржал. Но и без его предупреждения Остин уже заметил знакомые приметы. Невысокий холм, проход, прорубленный в колючем кустарнике, — и они окажутся в лагере, где последние десять дней должен дежурить Логан.

Но почему-то Сторм очень сомневался, что сейчас найдет его там.

Лагерь этот не строили, под него приспособили пещеру у подножия холма. По примеру туземцев колонисты, разводившие на равнинах фравнов или лошадей, в жаркую пору искали убежища в прохладной глубине земли. Кондиционеры, позволявшие жить в домах поселков и поместий, были слишком сложны и дороги, чтобы таскать их в полевые лагеря.

— Хелло-о! — громко крикнул Сторм, предупреждая обитателей лагеря о своем приезде. Ведущий под землю дверной проем остался темным. С такого расстояния Сторм не мог разглядеть открыта дверь или закрыта. И у входа в стойло, где прятались от жары лошади, тоже никого не было.

Но через минуту красно-желтая фигура отделилась от красно-желтой земли насыпи, и на солнце блеснули шестидюймовые рога поджидавшего норби. Для туземцев в Арцоре закрученные рога на голом черепе были так же обычны, как для Сторма его густые черные волосы. Приветливый взмах руки — и Остин узнал Горгола, молодого воина из клана Шозонна. Сейчас он работал в лагере с маленьким табуном лошадей, с которым Сторм связывал определенные надежды на будущее.

Норби вышел из тени холма и подхватил под узды Рейна. Сторм легко соскользнул на землю. Смуглые пальцы земляннина замелькали, складываясь в привычные знаки пальцевой речи.

— Ты здесь... что-то случилось? Логан?

Горгол был молод, он едва вышел из мальчишеского возраста, но уже вытянулся в полный рост. Его сухое, поджарое и мускулистое шестифутовое тело возвышалось над Стормом. Желтые глаза — вертикальный зрачок сузился в ниточку от яркого блеска солнца — избегали взгляда землянина. Но свободной рукой он сделал знак, означавший, что им нужно поговорить.

Голосовые связки землян и туземцев были так различны, что никакого общего языка выработать не удавалось. Но пальцевая речь все-таки давала возможность общаться. Знаток, а такими были почти все колонисты, мог выразить довольно много понятий быстрыми, почти неуловимыми движениями пальцев.

Остин с Баку, удобно устроившемся на его плече, вошел в пещеру. И хотя прохлада в подземелье была весьма относительна, даже этого хватило, чтоб вызвать вздох облегчения у залитого потом человека и одобрительный клекот орла.

Землянин немного постоял, ожидая, пока глаза привыкнут к полумраку. Он с первого взгляда понял, что предчувствия его не обманули. Если Логан и жил здесь, то теперь ушел, но отнюдь не за тем, чтоб с утра пораньше объехать стадо. Со всех четырех кроватей были сняты постели, по крайней мере, два последних дня никто не трогал плиту и посуду, а главное — Логан забрал все свое походное снаряжение.

Но зато здесь было кое-что другое — мешок из блестящей шкуры йорис, украшенный вышитой перьями фигуркой птицы цамле — крылатого тотема клана Горгола.

Это было походное снаряжение норби, и, насколько помнил Сторм, мешок этот должен был сейчас храниться в специальном сундуке в Центральной усадьбе, милях в пятидесяти вниз по реке.

Остин снял с плеча Баку и пристроил его на крепкий насест, прибитый к стене. Затем подошел к плите, отмерил в кофейник две порции молотого корня, заменявшего на Арцоре кофе, и поставил таймер на три минуты. Он слышал негромкое бормотание за спиной и понимал, что Горгол пытается таким образом привлечь его внимание.

Но он твердо решил дождаться, чтоб тот сам рассказал ему обо всем, без уговоров и расспросов. Ради этого стоило подождать.

Пока готовился «кофе», Остин повесил шляпу на крючок

над койкой, расшнуровал ворот своей неизменной рубахи из шерсти фравна, стянул ее и с удовольствием почувствовал как испаряется влага с его разгоряченного тела, пока он достает свежую.

Когда землянин вышел из алькова, Горгол уже снял кофейник с плиты, налил в две чашки и сейчас крутил одну из них в руках, разглядывая с подчеркнутым вниманием, словно никогда раньше не видел.

Сторм присел на край койки, взял свою чашку и терпеливо ждал, что будет дальше. Горгол недовольно пнул свой походный мешок и начал делать знаки быстро, но отчетливо, чтоб землянин успел разобрать.

— Я ухожу — собирают всех Шозонна — Кротаг собирает.

Сторм отхлебнул немного горького бодрящего напитка. Глядя на его неторопливые движения, никто не догадался бы, какая буря мыслей поднялась в его голове. Почему вождь отзывает воинов, нанявшихся на выгодную работу? Великая Засуха — совсем неподходящее время для войны или большой охоты. Этим по традиции занимались в первые месяцы влажного сезона. Во время Великой Засухи все племена разбивались на маленькие семейные группы, и у каждой из них было свое убежище у тайного источника. Этот обычай свято соблюдался, что, собственно, и позволяло туземцам относительно спокойно переживать сухой сезон.

На это время все кланы старались пристроить на работу к колонистам как можно больше своих людей, убирая таким образом голодные и жаждущие рты подальше от не слишком богатых припасов. Общий сбор, объявленный в Великую Засуху, грозил такими бедствиями, что казался просто безумным. Значит, за неделю, пока здесь не было Сторма, что-то произошло — и, видимо, очень неприятное.

Восемь дней назад Сторм выехал из поместья Квадов на Пиках в Гальвади, чтобы официально оформить свою заявку на земельные владения. Как землянин и ветеран войны, он имел право застолбить двадцать квадратов, и он подыскал себе прекрасную землю от реки до подножья гор. На обратном пути ему не встретилось ничего настораживающего. Правда он немного удивился, не встречая туземных охотников и не заметив следов кочевых норби. Но тогда он решил, что они поднялись повыше в горы, уходя от Великой Засухи. Странно только, что они ушли от реки.

— Кротаг собирает — в Великую Засуху?

Даже движениями пальцев он сумел передать удивление и недоумение.

Горгол нерешительно почесал ногой о ногу. Видно было, что ему очень неловко и очень не хочется говорить на эту тему.

— Это колдовские дела, — неохотно показали его пальцы и тут же выпрямились.

Остин сделал еще один глоток, обдумывая эту новость. Колдовство... об этом расспрашивать не принято. Так правда это или Горгол просто хочет избежать новых вопросов? Об этом стоило подумать. Сам индеец навахо, он относился к таким вещам серьезно, и если уж речь шла о колдовстве, совсем не собирался в это соваться.

— Надолго?

Сжатые пальцы Горгола не спешили отвечать.

— Не знаю, — сделал он наконец небрежный знак.

Сторм понял, что вопрос задет острый и даже такой ответ объясняет многое. Но тут с другого конца комнаты раздался тревожный звонок телефона, связывающего все полевые лагеря. Землянин подошел к панели и нажал кнопку ответа. Сейчас ему некогда было разговаривать, и он поставил аппарат на запись. Похоже в поместье тоже что-то случилось!

— Ты едешь в горы? — спросил он Горгола. Норби уже стоял в дверях, прилаживая на плечи свой походный мешок.

Он через плечо глянул на Сторма, и тот заметил странную тревогу на его лице. Похоже, норби совсем не хотелось уходить, и только категорический приказ подгонял его.

— Я еду. Туда сейчас едут все норби.

Все норби, вот даже как. Сторм не сдержался и удивленно присвистнул. Квад сильно зависел от туземных объездчиков и не только здесь, на Пиках, но и на широких просторах Низин. И Квад многих уговорил нанимать на работу туземцев. Если они все сейчас уйдут в горы, то многим колонистам придется туго.

— Все норби тоже идут колдовать? Но почему? — Насколько знал Сторм, такие моления — тайна одной семьи или одного клана. Правда, он слыхал, что бывают и общеплеменные сборы на особо торжественные церемонии, но ведь не во время же Великой Засухи. Земли у подножия Пиков не в состоянии сейчас прокормить такое сборище. — Они что, полезут вглубь гор?

— Да, все норби, — ответил Горгол.

Сторм вздрогнул. Это было просто невероятно.

— И дикие?

— Да, и дикие тоже.

Это уж совсем ни в какие ворота не лезло! Между многими племенами существовала кровная вражда. И если можно было запретить на время поединки чести в своем клане, если можно было, хорошенько потрудившись, собрать под столбом мира все кланы одного племени, то даже представить невозможно диких Нитра, заключивших перемирие со своими исконными врагами Шозонна.

— Я пошел, — просигналил Горгол и поправил свой мешок. — Лошади в большом загоне. У них все в порядке.

— Ты уходишь — но ты еще вернешься сюда? — Остина чрезвычайно тревожили туманные намеки Горгола.

— Это решит молния.

Норби вышел. Сторм посмотрел на закрывшуюся дверь и лег на койку. Значит, Горгол сам не знает, вернется или нет. И что он имел в виду, сказав, что это решит молния? Норби представляли своего бога небесным существом, гремящим громовыми барабанами и убивающим молнией. Предполагалось, что жилище этого бога находится высоко в горах на северо-востоке. И в тех же горах находятся пещеры и тоннели таинственной неизвестной расы, которая, похоже, жила на Арцоре задолго до того, как земные разведывательные корабли добрались до этой области Галактики.

Не так давно Сторм, Горгол и Логан вместе с барханной кошкой Суррой и сурикатом Хингом открыли пещеру Садов — настоящий ботанический заповедник в легендарных Запечатанных Пещерах. И садами, и разрушенным поселком внизу под ними теперь занимались ученые.

Вполне возможно, что в Пиках есть и другие Запечатанные Пещеры. И ничто не мешает предположить, что норби воспринимали как богов таинственных космических пришельцев и до сих пор считают пещеры их жилищами. Можно предположить... Но Сторм отбросил эти праздные размышления и вернулся к делам сегодняшним. Прежде всего он прослушал запись сообщения. Это был автоматически повторяющийся сигнал общего сбора из Центральной усадьбы Квада. Похоже, его начали передавать, когда Логана здесь уже не было. Ну что ж, снаружи сейчас такое пекло, что носа не высунешь, значит, стоит сейчас поспать и выехать ночью. Он повернулся на бок и закрыл глаза.

Еще со времен армейской службы он приучил себя просыпаться в назначенное время. Он выглянул из пещеры. Начинало смеркаться, воздух застыл душным горячим киселем, но это все-таки было лучше, чем дневное пекло. Прежде всего он выкупал Рейна, потом аккуратно оседлал его и приказал Баку лететь вперед. Орел, хоть и не был ночной птицей, послушно поднялся в темнеющее небо.

Из полевого лагеря до Центральной Усадьбы было три ночных перехода, а два дня между ними Сторму пришлось провести в вырытых на скорую руку убежищах, лежа на земле и сберегая каждую каплю сохраненной песком ночной прохлады. И вот около полуночи третьей ночи он добрался до сияющего огнями дома. Такая яркая иллюминация сразу предупредила его, что происходит нечто необычное.

— Кто идет? — повелительный оклик, раздавшийся из тени ворот, заставил землянина натянуть поводья. И тут же рядом с ним возникло из темноты длинное пушистое тело. Скользнув под мордой фыркающего жеребца, оно поднялось на задние лапы и проехалось внушительными когтями по сапогу Сторма.

— Это Сторм! — ответил он и спрыгнул с лошади, чтобы приласкать Сурру. Шершавый язык барханной кошки прошелся по его ладони. Сторм погладил пушистую спину, почесал за ушами и под челюстью. Так они, каждый на свой лад выражали обоюдную привязанность и радость встречи.

— Я позабочусь о лошади, — сказал вышедший из ворот человек, и Сторм заметил, что он так и не выпустил из рук парализатор. — Иди в дом, Квад ждет. Он надеялся, что ты приедешь вместе с Логаном.

Остин пробурчал что-то вроде благодарности, приглядываясь к еще одной фигуре, появившейся во дворе. Но это был не норби, как ему сначала показалось, а кто-то из колонистов. За все время пути он не встретил ни одного туземного объездчика. Похоже Горгол говорил правду: все норби ушли.

С Суррой, жмущейся к его ногам и игриво бодающей под коленки, он подошел к дверям большого дома. Вот и кошка тоже напряжена и взволнована, словно во времена их боевых действий. Странно, ведь неприятности эти не из тех, что могли бы затронуть Сурру.

— ...распространились достаточно широко, как я вам уже доложил, — донесся из-за закрытой двери голос Квада. Услышав эти интонации, Сторм встревожился уже всерьез.

2

Вступив в комнату, Сторм оказался лицом к лицу чуть ли не со всеми крупными хозяевами с Пиков. Тут был даже Дьюмерой, в обычное время не питавший добрых чувств к Бреду Кваду. Он был из тех колонистов, которые откровенно не любили туземцев и отказывались нанимать их на работу. Ему любые неприятности с туземцами были только на руку: они подтверждали его правоту.

— Это Сторм, — сказал Дарт Лансин, вскидывая руку в приветствии. Около года назад он вместе со Стормом прилетел сюда на военном транспортнике, и с тех пор они были дружны.

Бред Квад стоял около аппарата связи, и Сторм сразу отметил тень тревоги на лице своего отчима.

Дарт Лансин, его старший и более замкнутый брат Артур, Дьюмерой, Джотер Хейл, Вел Паласко, Джаффи, Сим Старле — почти полный кворум. Недоставало только Логана Квада. Сторм все еще стоял на пороге, положив руку на голову Сурры, крутящейся у его ног.

— Что происходит? — спросил он.

Дьюмерой злобно осклабился и ответил:

— Все ваши любимые козлы удрали в горы. Я всегда говорил, что вы доиграетесь, все время вам об этом твердил... Ну вот, теперь сами убедитесь. И еще скажу, — продолжал он, злобно скалясь и, словно случайно, поглаживая рукоятку ножа, — мы с ними еще хлебнем лиха. Как бы не пришлось вызывать Патруль. Хотя, может, оно и к лучшему. Патруль церемониться не станет и решит эту проблему раз и навсегда.

Ровный усталый голос Артура Лансина прорезал этот монолог, словно нож, срезающий жир фравна.

— Ты нам всю ночь твердишь об этом. Словно мы дурачки и с первого раза не поняли, чего ты хочешь. Слушай, Сторм, — обратился он к землянину, — ты в горах ничего особенного не видел?

Сторм приладил шляпу на вешалку из оленьего рога и отстегнул пояс с ножом и парализатором.

— Мне кажется, гораздо важнее то, что я не видел коечего обычного.

— Ты о чем? — спросил Бред Квад, подходя к нему с чашкой «кофе». Он положил руку на плечо Сторма, мягко развернул его и толкнул в кресло. Потом вручил чашку.

— Ни охотников... ни следов... ничего, — отрывисто проговорил Сторм, прихлебывая горячее питье. Только сейчас, удобно устроившись в кресле, он почувствовал до чего устал. — Я ехал словно в пустыне, — закончил он.

Оба Лансина внимательно смотрели на него. Дорт понимающе кивнул. Он сам дружил с норби, бывал гостем в их деревнях, не раз охотился с ними и хорошо понимал, насколько необычно такое в благодатном районе.

— Ты далеко ходил? — спросил Квад.

— Примерно по старым границам, — сказал Сторм, доставая свою карту. Квад взял ее и отошел сравнить с большой картой Изыскателей украшавшей стену комнаты.

— Словно вымерло все, правда? — вмешался Джаффи. — И охотничьих знаков нет?

— Ничего. Я думал, это из-за приближения Великой Засухи.

— Раньше такого не бывало, — задумчиво сказал Квад. — Четыре дня назад Горгол пригнал твоих кобыл, забрал свой походный мешок и уехал.

— Я его встретил в полевом лагере.

— И что он тебе сказал?

— Что объявлен общий сбор всех кланов... какое-то межплеменное собрание.

— И это во время Великой Засухи? — недоверчиво спросил Хайк.

— Говорил же я вам! — грохнул кулаком по столу Дьюмерой, и Сурра от неожиданности зарычала. Сторму пришлось телепатически успокоить ее. — Говорил же я вам! Мы здесь владеем большой водой, которая сохранится в любую засуху. Вот козлы и задумали объединиться и прогнать нас отсюда. Если мы не хотим остаться без воды, надо прямо сейчас, пока они еще только собираются, пойти и разогнать их.

— Как-то раз ты уже ходил разгонять норби, — холодно сказал Квад. — А как мы теперь знаем, твой скот воровали совсем не норби, а все было хорошо продуманной провокацией хиксов.

— Ну в тот раз — ладно, — пробурчал Дьюмерой. — А сейчас? Ты что, думаешь, это хиксы собирают все племена?

От Дьюмероя исходила почти зримая враждебность и словно туман заполняла комнату.

— На этот раз, может, и не хиксы, — уступил Квад. — Но я и пальцем не шевельну, пока полностью не разберусь в ситуации. Сейчас мы знаем только, что наши туземные объ-

ездчики оставили нас и ушли в горы, хотя обычно в это время года они рады подработать и что раньше такого не случалось.

Поднялся Артур Лансин.

— Он прав, Дьюмерой. Я тоже не собираюсь по твоему предложению совать башку в пасть йорис. Мне кажется, сейчас самое правильное — организовать хорошую разведку. А пока приведем объездчиков из Низин или наберем бичей в Космопорту. В засуху стада будут держаться у реки, так что найти их не трудно — надо только пересчитывать и охранять от йорис. Когда-то мой дед управлялся со всем поместьем всего с двумя объездчиками. Мне кажется, что и мы не такие слабаки, чтоб самим не сесть в седла.

— Ты прав, — согласился Сим Старле, — Будем смотреть в оба и держать связь по комам. Если кто-то что-то узнает, пусть тут же передаст всем остальным. Мне просто покоя не будет, пока мы точно не выясним, что случилось и почему. А может, норби и вправду собираются на колдовские церемонии, и нас это никаким боком не касается?

Совсем раскисший от усталости Сторм наблюдал, как колонисты грузились в коптер, который должен был развезти их по поместьям. Выйти проводить уже не было сил. Но когда Бред Квад, отправивший всю компанию, вернулся в комнату, он заставил себя встать и задать самый главный сейчас вопрос:

— Где Логан?

— Ушел.

Это было сказано так, что с Остина мгновенно слетела вся усталость.

— Ушел? Куда?

— В лагерь Кротага, насколько я знаю.

Сторм присвистнул.

— Ну и дурень! Ведь Горгол сказал мне, что они собираются колдовать.

Бред Квад помолчал. Постороннему его лицо показалось бы вполне бесстрастным, но Сторм хорошо знал, что скрывается за этим внешним равнодушием.

— Я знаю, — сказал он наконец. — Но Логан — побратим старшего сына Кротага, так что формально он считается членом клана.

Но Сторма это не слишком успокоило. Колдовские обряды — штука тонкая. Можно быть принятым в клан, можно побрататься с туземцами, но в вопросах веры так и остаться чужаком. Бред Квад и сам знал это не хуже его.

— Может, мне съездить за ним? Он давно уехал?

— Не надо. Он знал на что идет и сам выбрал свой путь. Так что не стоит за ним ездить. Я полагаю, что завтра тебе следует слетать на коптере в Гальвади.

— В Гальвади?

Бред Квад показал ему бумагу.

— Помнишь, ты сам получал этот документ? Мы так и договаривались с Келзоном. Он хорошо знает Логана и выбил для него разрешение на должность Лесничего. — Бред машинально покрутил длинную черную прядь. — Мы рассчитывали, что эта работа как раз для него, что он займется полезным делом и наконец успокоится. Так вот, встреться с Келзоном и расскажи обо всем, что здесь происходит. Я думаю пока не стоит вмешивать в это Совет, а то они сгоряча наделают глупостей. А мне лучше остаться здесь и постараться остудить слишком горячие головы. У Дьюмероя вполне хватит глупости и злобы, чтоб заварить крутую кашу. А сейчас даже мелкий инцидент может привести к крупным неприятностям.

— А что вы сами думаете обо всем этом?

Бред Квад нервно побарабанил пальцами по своему широкому поясу Всадника и ответил с искренним недоумением:

— Я ничего не понимаю. Такие сборы на колдовские церемонии действительно бывают... но только не в это время года. Квады живут здесь со времени первых кораблей, но ни разу мы не замечали ничего подобного.

— Горгол сказал, что к Столбу Мира придут и дикие племена.

Бред кивнул.

— Я знаю, он и мне сказал. А нам остается сидеть и ждать.

Сторм осторожно опустил руку на плечо человека, которого он когда-то поклялся убить — сдержанный жест, но он выражал все, что сейчас чувствовал землянин.

— Ждать всегда тяжело. Завтра я отправлюсь в Гальвади. А Логан... он настоящий норби. А кроме того, побратим сына вождя. Кровное братство — дело великое и таинственное.

Ладонь Бреда Квада на мгновение накрыла руку Сторма и мягко пожала.

— Надеюсь, в этом действительно великая сила. А ты сейчас выглядишь, словно пару дней провел в самом пекле. Быстро в постель, и спать!

Да, времена наступали тревожные. Сторм ощутил это почти физически, когда коптер поднялся над поместьем и повернул к Гальвади. Здесь оставалось все, что он любил —

мягкая, пушистая, остроухая рыжая кошка, обладавшая своеобразным разумом, совсем не похожим на человеческий; Рейн, которого он сам выбрал и объездил; сурикат Хинг — забавный суетливый проныра и воришка; Баку, гордо восседавший сейчас на крыше загона и попрощавшийся с ним гортанным клекотом. И еще оставался человек, которого он уважал, пусть даже ненавидя, а теперь, узнав его получше, готов был безоглядно следовать за ним, куда угодно. И все это оставалось в стране, которая уже завтра может превратиться в кипящий котел, если оправдаются его дурные предчувствия.

А в Гальвади было так привычно и спокойно, что с трудом верилось во все эти неприятности. Сторм вышел из Земельного Совета и задумчиво поглядел вдоль оживленной улицы. Смеркалось, и пустые в дневное время улицы, постепенно заполнялись народом. Вот только удастся ли набрать здесь объездчиков? В это время года все работники обычно уже разобраны. Правда, в нижнем городе есть несколько ночлежек, где селятся бичи; можно попытать счастья там. Но сначала надо пообедать.

Он выбрал маленький тихий ресторанчик и был приятно удивлен обширным выбором блюд. В поместьях еда была обильной, но простой и однообразной. Привозные лакомства обычно хранили до праздников. А здесь меню было не хуже, чем в ресторане Космопорта. Но тут Сторм увидел в соседнем кабинете двоих закатан и понял, что меню рассчитано не только на колонистов.

Решив побаловать себя, Сторм заказал три блюда, которые в последний раз пробовал еще на службе. Он уже принялся за десерт, когда почувствовал, что кто-то остановился рядом с его столиком. Оглянувшись, он увидел Келзона, представителя Корпуса Мира в районе Пиков.

— Мне передали, что ты меня разыскивал.

— Трижды заходил к вам на службу, — ответил Сторм.

Он немного растерялся. Дело его было не из тех, что стоит обсуждать за ресторанным столиком. Но вдруг у Келзона есть какие-то свежие новости. Может, просто спросить его, что слышно в поместьях?

Но Келзон сам продолжил разговор.

— Мне повезло. Я сам тоже разыскивал вас. Позвонил в поместье, но Квад сказал, что вы вылетели в Гальвади со своей заявкой. Решили все-таки поселиться у Пиков?

— Да, собираюсь разводить лошадей вместе с Патом Ларкиным. Он сейчас улетел посмотреть новые гибриды астрианской и земной крови с примесью местных пород. Говорят, они прекрасно переносят условия пустыни — это у них в генах.

— У меня тут возникла одна проблема. Может, ты поможешь... — начал Офицер Мира.

— Не возражаете, если и я к вам присоединюсь? — раздался незнакомый голос. — Не хочется терять времени...

Подошедший к столику человек явно только что прилетел с более цивилизованной планеты и выглядел непривычно для пограничного мира. Его блестящий камзол, украшенный серебряным шитьем, и длинные облегающие штаны явно были произведением модельеров какого-то густонаселенного мира, но здесь выглядели нелепо и совсем не шли к его низенькой плотной фигуре. Выглядел он довольно забавно, но достаточно было взглянуть ему в лицо, чтобы тут же отпала охота подшутить над его комичной фигурой. Упрямый квадратный подбородок, холодные жесткие глаза человека, привыкшего отдавать приказы... Сторм знал этот тип людей и не питал к ним ни малейших симпатий.

— Джентльхомо Лайс Вайдерс — Учитель зверей Остин Сторм, — представил их друг другу Келзон, используя традиционное наименование инопланетника.

Чужак бесцеремонно плюхнулся за стол и уставился на Сторма. Казалось, он пытался разглядеть, чем землянин отличается от обычных людей.

— Я давно не служу в армии, — вежливо поправил Келзона Сторм, — и уже не ношу звание Учителя зверей. Сейчас я вольный колонист и работаю у Квада.

— Вы же час назад сами стали хозяином поместья? Теперь-то вы спокойно разместите свои табуны. У вас уже есть личное тавро?

— Наконечник стрелы — не задумываясь ответил Сторм — А у вас, джентльхомо, что за дело к бывшему Учителю зверей?

— Я хотел бы пригласить вас на службу на месяц или чуть больше, — Вайдерс говорил на жестком, прищелкивающем языке промышленных миров. — Мне нужны вы и ваша команда, чтобы добраться до Синего района.

Сторм удивленно взглянул на Келзона, словно ожидая подтверждения, что он не ослышался, что кто-то и вправду сморозил такую несусветную чушь. К его удивлению Келзон дал понять, что этот пришелец с какого-то тепличного мира и вправду знает, что говорит.

— Время не терпит, Мастер зверей. Мне сказали, что в этот район можно попасть только в две ближайшие недели, а потом он станет недоступен на целый сезон.

— Невозможно.

— Нет ничего невозможного, — с раздражающей самоуверенностью возразил Вайдерс, — если есть подходящие люди и неограниченные средства. Келзон рекомендует вас как подходящего человека, а средств у меня хватает.

Этот чокнутый просто не пожелал заметить, что ему отказывают. Кажется, единственное, что сейчас можно было сделать, это заставить его рассказать, почему ему так загорелось попасть в горы, а затем доказать все безумие такого намерения.

— Зачем вам надо именно в Синий район? — спросил Сторм, собирая ложечкой соус и аккуратно намазывая им ломтики экзотических фруктов.

— Потому что там мой сын.

И снова Сторм глянул на Келзона. Синий район был совсем неисследован. Окружающие его горы были в свое время нанесены на карту, но о том, что лежит за ними, можно было судить только по нечетким аэрофотоснимкам. Предательские воздушные потоки остановили коптеры Изыскателей, а вся территория внизу была охотничьими угодьями страшных каннибалов, которых ненавидели и боялись все остальные туземные племена. Никто — ни представитель правительства, ни колонист, ни охотник на йорис не мог войти в этот район и вернуться. Наконец правительство категорическим приказом запретило любые попытки вторжения. И вот сейчас Офицер Мира как ни в чем не бывало слушает предложение отправиться в запретный район. Сторм терпеливо ждал объяснений.

— Ты ветеран армии Конфедерации, Сторм. Мой сын тоже. Он служил в Заградительной Оперативной Группе.

Остин был потрясен. Чтобы на этой захолустной планете появился один из Заградителей, этих первоклассных беспощадных бойцов... Это было невероятно.

— Его тяжело ранило перед самым разгромом хиксов. С тех пор он лечился на Алпайсе...

Алпайс, один из миров, отданных медикам, где людей собирали заново буквально из кусочков, где дарили вторую жизнь. Но если молодой Вайдерс был на Алпайсе, то как же он мог оказаться в Синем районе Арцора?

— Восемь месяцев назад с Алпайса ушел транспортник с сотней выздоровевших ветеранов. Среди них был и Итон. На краю вашей планетной системы корабль столкнулся с бродя-

чей супербомбой. — Вайдерс говорил таким спокойным голосом, словно рассказывал о чем-то обыденном и не очень важном, вроде вчерашней погоды. И только лихорадочный блеск глаз и слегка дрожащие пальцы выдавали, чего это ему стоило. — Примерно месяц назад на соседней с вами планете Мейхо обнаружили шлюпку с этого корабля. В ней оказалось двое выживших. Она рассказали, что с корабля успели отправить спасательный катер, и они какое-то время летели вместе. Но их шлюпка была неисправна, и они вынуждены были приземлиться на ближайшей планете, а катер направился к Арцору за помощью.

— Но не долетел, — закончил за него Сторм.

Келзон покачал головой.

— Нет, вполне возможно, что они долетели и угодили прямо в Синий район. В двух лагерях на Пиках автоматы связи уловили слабые сигналы. И пеленги дают точку где-то за Главным хребтом.

— А на вашей планете в это время года они могут погибнуть просто от того, что у них нет транспорта, воды и продовольствия, — продолжал Вайдерс. — Вот я и хочу, чтобы вы проводили меня туда и помогли мне выручить сына.

«Если только он был на этом катере и не погиб при посадке», — продолжил про себя Сторм. А вслух постарался сказать мягко и доходчиво:

— Джентльхомо, вы просите невозможного. Перевалить Пики во время Великой Засухи еще никому не удавалось, а идти сейчас в Синий район просто самоубийство.

— Но разве туземцы не живут там круглый год? — настойчиво спросил Вайдерс.

— Да, норби живут там. Но они знают эту страну гораздо лучше нас.

— Ну так наймите туземных проводников, если это необходимо. Денег у меня хватит.

— Деньги не могут купить знание тайных водных источников. Кроме того, сейчас в Пиках все туземные племена собрались на какие-то колдовские церемонии. А значит, при самых благоприятных условиях, даже если бы сейчас было начало Влажного Сезона, в Пики ехать не стоит.

— Да, я слышал об этом, — сказал Келзон.

— Интересно было бы посмотреть.

— Только не для меня — возразил Сторм. — Дело это темное и неприятное. Я, собственно, и сюда-то приехал только чтобы доложить вам об этом и нанять новых объездчиков.

За последнюю неделю все наши норби ушли в Пики, все до единого.

Но Келзона это не удивило.

— Да, мне уже докладывали. И все они движутся к северо-востоку.

— В Синий район, — сообразил Сторм.

— Точно, — подтвердил Келзон. — Ты нашел кратчайшую дорогу туда, когда сцепился с этими притаившимися хиксами. И Логан тоже не раз охотился в тех краях. Вот я и подумал, что вы с ним — единственные, кто хоть что-то знает об этой стране и...

— Нет, — резко сказал Остин, всем своим видом показывая, что отказ этот окончательный. — Я еще не совсем с ума сошел. Извините, джентльхомо — но Синий район — это запретные земли.

Вайдерс пристально смотрел на него и в глубине его холодных глаз разгорались искры ярости.

— А если я с этим не согласен?

Сторм опустил монеты в кассу столика и поднялся.

— Это ваше личное дело и меня оно никак не касается. Извините, мне пора идти. Я к вам зайду попозже, Келзон.

И он с легким сердцем выкинул из головы Вайдерса и его проблемы. Своих хватало.

3

— Ну так вот, — Сторм поднялся с кресла и взволнованно заходил по комнате, продолжая рассказывать Кваду о своей поездке в Гальвади. — Одного объездчика я все-таки нанял. Правда его пришлось вызволять из тюрьмы.

— А что он натворил? — спросил Квад.

— Подтирал тротуар в Гальвади. А вместо тряпки приспособил пилота министра Володианы. Министру это не понравилось, вот Хаверс и получил двадцать дней отсидки или штраф в сорок кредитов. А поскольку к этому времени он уже оставил свой последний кредит в «Звезде и Комете», пришлось ему отправляться в тюрьму. Он уже три дня отсидел, когда я заплатил за него штраф и выручил его. Похоже дело он знает.

— А Келзона ты нашел?

— Точнее, он меня нашел. Мне кажется он тянет пустыш-

ку и напрашивается на неприятности. — Сторм невольно перешел на армейский жаргон.

Из полутьмы бесшумно возникла Сурра и ткнулась головой ему в колени. Она уловила волны тревоги и раздражения и по-своему старалась его успокоить.

— Что там еще случилось?

— Он притащил расфуфыренного инопланетника, которому нужен проводник в Синий район... и чем скорее, тем лучше.

— Что? — Квад был удивлен не меньше Сторма и смотрел недоверчиво. Сторм коротко пересказал историю Вайдерса.

— Что ж, похоже на правду, — задумчиво сказал Бред Квад. — Только непонятно, почему он так уверен, что его сын был именно в этой шлюпке. А так... — Квад встряхнул головой.

— Норби могли бы это сделать. Но именно сейчас ни один норби за это не возьмется. Но с другой стороны... — Голос Квада прервался. Он сидел за своим любимым письменным столом, пара хинговских котят дремала у него на коленях, а третий удобно устроился на плечах. Он внимательно разглядывал карту на стене. — С другой стороны, похоже, что и наши проблемы переносятся в тот район.

— Почему?

— Дарт Дастин сделал там пару кругов на коптере. И видел два клана, идущие в походном порядке — они даже не разбивают временных лагерей. Похоже, они куда-то очень спешат. Они даже не задерживаются, чтобы отыскать отбившихся лошадей.

Сторм невольно остановился и удивленно уставился на Квади. Чтобы норби бросили в горах лошадей?! Это было, пожалуй, почище желания Вайдерса попасть в запретный район.

— И все они идут на северо-восток? — спросил он и уже не удивился, получив в ответ утвердительный кивок. — Совсем непонятно. Там же много хуже, чем в землях норби. И там обитают те, кто ест Сладкое Мясо. — Он машинально сделал арцорианский знак, обозначающий людоедов. Ни Шозонна, ни Варита, ни Фанга никогда не кочевали в этом направлении. Они презирают людоедов и считают их нечистыми.

— Конечно. Но тем не менее они идут туда — и не отряды воинов, а все племя, вместе с детьми и женщинами. Так что кое в чем Келзон прав — для нас жизненно важно узнать, что означает этот исход. Другое дело — как это организовать.

Сторм подошел к карте.

— В рапортах Изыскателей написано, что через горные воздушные потоки на коптере не пробиться.

— Все правильно, — мрачно подтвердил Квад. — Но можно попробовать — с хорошим коптером и опытным пилотом, — пролететь над самым хребтом. Правда, вглубь района так не попадешь. Если туда идти, то только на лошадях или пешком, так, как сейчас идут норби.

— Но они знают водные источники, а мы их не знаем. — Сторм пальцем очертил на карте линию гор. — А может Логан принял по кому какой-то призыв?

Голосовой аппарат людей не давал им возможности воспроизводить звуки языка норби. Но некоторые туземцы научились кое-как подражать земному языку и неплохо понимали его. Для колонистов Арцора это не имело особого значения — им вполне хватало для общения пальцевой речи. Но туземцы могли понять инопланетника, говорившего на галактическом языке. И если они встретили таких в горах и весть об этом дошла до Логана... Такое вполне могло случиться.

— Вы уверены, что он ушел с Кротагом?

— Ни один другой клан его бы сейчас не принял.

Негромко запищал проснувшийся сурикат. Из темноты вынырнула Сурра, вопросительно взглянула на Сторма и направилась к дверям.

— Приехал кто-то чужой, — заметил Сторм.

Сурра прекрасно узнавала всех живущих в поместье людей, животных и норби. Но сейчас она услышала кого-то незнакомого.

У барханной кошки был феноменально острый слух и гораздо лучший нюх, чем у человека, так что Бред Квад успел подняться и открыть дверь в туманные сумерки раннего утра, прежде чем приехавшие подошли к дому. В яркой полосе света, падавшего из открытой двери, показался серый мундир Офицера Мира и тут же раздался приветственный оклик:

— Эй, есть тут кто-нибудь живой?!

— Прошу на огонек! — отозвался Квад.

Сторм почти не удивился, увидев, что следом за Келзоном в дверь входит Вайдерс. В этой патриархальной гостиной его сверхмодный костюм выглядел комично и неуместно.

Здесь по стенам было развешано трофейное туземное оружие, массивная надежная мебель была сделана из местного дерева руками самих колонистов. И только несколько инопланетных вещиц, оставленных Квадом на память, говорили о том, что здесь живут цивилизованные люди.

Вайдерс, решительно шагнувший в комнату, настороженно

замер, едва не столкнувшись с Суррой. Большая кошка внимательно осмотрела незнакомца, обнюхала его и презрительно сморщилась. Сторм понял, что теперь она не только навсегда запомнила этого человека, но и успела составить о нем определенное мнение, причем не слишком лестное для инопланетного джентльхомо. Наконец, Сурра оставила незнакомца в покое, величественно пересекла комнату и устроилась на своем любимом низком диване. Но не свернулась, как обычно, уютным пушистым клубком, а осталась сидеть, настороженная, нервно подергивая кончиком длинного хвоста.

Сторм включил плитку и занялся приготовлением неизбежного «кофе». Все происходящее волновало и настораживало его. Келзон решился привести сюда Вайдерса, значит, дела с экспедицией в Синий район у них не ладятся, и он решил заручиться поддержкой Бреда Квада. И Остину показалось, что Вайдерс явился на эту встречу без особой охоты.

— Хорошо, что вы приехали, — сказал Квад Келзону. — У нас тут неприятности.

— У меня тоже неприятности, джентльхомо, — вмешался в разговор Вайдерс. — Насколько я слышал, ваш сын не раз охотился в интересующем нас районе и знает проходы туда. Я хотел бы как можно скорее увидеться и поговорить с ним.

Лицо Квада осталось совершенно бесстрастным, но Остин почувствовал всколыхнувшуюся в нем горечь так же четко, как раньше воспринимал чувства Сурры.

— У меня два сына, джентльхомо, — вежливо сказал колонист, — и оба они не новички в горах. Остин уже рассказал мне, что вы хотите попасть в Синий район.

— Но он отказался сотрудничать с нами! — Теперь было видно, что Вайдерс уже дошел до точки кипения и внешнее спокойствие давалось ему с трудом. Он явно не привык, чтобы ему отказывали и не умел принимать это с достоинством.

— Если бы он согласился, его следовало бы отправить к психиатру, — жестко заметил Квад, — Келзон, вы же должны понимать, что это просто-напросто глупо.

Офицер Мира не поднимал глаз, изучая свою чашку.

— Да, я знаю, что это очень рискованно. Но у нас нет выхода, Бред! Нам просто необходимо попасть туда. И я думаю, что тот же Кротаг не станет поднимать шума из-за нашего появления, если мы сможем объяснить ему, что мы не шпионим за норби, а помогаем несчастному отцу разыскать пропавшего сына.

«Так вот в чем дело! — подумал Остин. — Теперь понятно, почему Келзон поддерживает инопланетника. Это очень

убедительный предлог. Норби высоко ценят родственные связи и, скорее всего, отнесутся к Вайдерсу с пониманием и сочувствием. Отец разыскивает попавшего в беду сына — это вполне могло сработать. В обычное время норби сами предложили бы Вайдерсу лошадей и проводников, а может, даже разрешили бы пользоваться тайными водными источниками. Но то в нормальное время. А сейчас близится Великая Засуха, да и туземцы заняты отнюдь не нормальными делами.

— Ведь Логан кровный побратим сына Кротага? — продолжал Келзон. — А ты, — обратился он к Остину, — охотился и сражался вместе с Горголом?

— Горгол ушел.

— И Логан тоже, — добавил Квад. — Он уехал к Кротагу пять дней назад и сейчас, скорее всего, выступил в поход вместе с ними.

— В Синий район! — воскликнул Келзон.

— Не знаю.

— Клан Цамле видели на Первых отрогах. — Келзон поставил чашку, подошел к стене и ткнул пальцем в карту. — Вот здесь они ставили временный лагерь и отдыхали. Потом пошли дальше. — Палец его проехался по одному из узких длинных каньонов, рассекающих Пики почти до самого Синего района.

Сторм подхватил и прижал к груди обиженно пищащих маленьких сурикатов и подошел к карте. Значит, здесь вместе с кланом Цамле исчез Логан. Непонятно, что ему там понадобилось, но наверное, у него были важные причины. Конечно, Великая Засуха действительно опасна и мальчишка поступил безрассудно, но... Сторм стоял у карты и смотрел на нее невидящими глазами. В голове у него начал складываться план. Жаль, что нельзя ехать на Рейне — жеребец привезен издалека и еще не знает арцорианской засухи. Значит, нужны туземные лошади, хотя бы две, а еще лучше — четыре. В Великую Засуху надежнее иметь сменных лошадей. И еще хотя бы двух вьючных животных, чтобы везти воду. И еще пищевые концентраты. Конечно, они не отличаются приятным вкусом, зато одной порции хватает на целый день.

Сурра? Остин чуть повернул голову и установил мысленный контакт с Суррой. Да, она пойдет. В ответ на безмолвный вопрос он уловил вспышку радости и нетерпения. Хинг, конечно, останется с малышами. Вряд ли в этих горах пригодятся его таланты диверсанта. Значит, он сам, Баку и Сурра — это уже что-то даже в самом безнадежном положении. А

кроме того их чувства, более острые, чем у человека или норби, могут помочь найти тайные источники.

Тут он заметил, что Бред Квад давно смотрит на него с молчаливым вопросом. Он уважал в своем пасынке его опыт и необычные способности и сейчас ожидал его решения.

— Ты что-то придумал? — спросил он наконец.

— Пока не знаю, — задумчиво сказал Сторм. — Если будут хорошие лошади, запасы воды, концентраты...

— Все это можно завезти на коптере! — Вайдерс тут же ухватился за эту туманную надежду.

— Самый опытный пилот на распрекраснейшей машине не сунется в этот воздушный котел, — категорически заявил Квад. — Там то и дело появляются бешеные воздушные потоки.

— Организуем склады вдоль маршрута, — голос Келзона звучал почти так же обрадованно, как перед тем голос Вайдерса. — Доставим на коптере воду и снаряжение к подножьям гор и поставим станции.

Эта идея была вполне реальной и давала возможность использовать инопланетную технику. Такие склады припасов прокормили бы экспедицию до самой границы Синего района. И в то же время коптер не лез бы в запретный район, а значит, и норби ничего не могли бы возразить против полетов. Ну, а что будет за барьером, сейчас все равно не угадаешь.

— Когда вы сможете выехать? — требовательно спросил Вайдерс. — Я берусь за день подготовить снаряжение и найти пилота.

Неприязнь, которую Сторм почувствовал к Вайдерсу еще при первой встрече, снова шевельнулась в землянине.

— Я еще не решил, пойду ли я вообще, — холодно сказал он и тут же обратился к отчиму: — Азизи, — сказал он, награждая Квада званием боевого вождя навахо, — как ты считаешь, это — возможно?

— Если боги благосклонны и удача не изменит, воин может сделать невозможное, — ответил Квад на языке навахо.

— Да будет так, — сказал Сторм и, перейдя на общий язык, добавил для Келзона и Вайдерса: — Давайте договоримся сразу: я делаю это не для вашего удовольствия, а чтобы выяснить, не грозят ли нам, колонистам, какие-то неприятности. И только я сам буду решать, насколько далеко можно зайти и когда надо возвращаться.

Вайдерс нахмурился и нервно потеребил пальцами нижнюю губу.

— Я понял так, что вы сами собираетесь командовать и никого не будете слушать?

— Именно. Ведь это я рискую жизнью, и не только своей, но и всей команды. И я не раз имел случай убедиться, что если в отряде два командира, то ничего, кроме глупостей, не получается. Так что командовать буду я.

Глаза Вайдерса вспыхнули негодованием, но он сдержался.

— Сколько тебе понадобиться людей? — спросил Келзон. — Я могу подбросить пару человек из своих.

Сторм покачал головой.

— Я пойду один, с Баку и Суррой. Попробую пройти Первый отрог и разыскать клан Цамле. Там Логан, там Горгол, и если я уговорю их на это дело, то больше нам никто не понадобиться. Здесь нужен минимум людей, способных идти налегке, а иначе и начинать не стоит.

— Но я должен пойти с вами! — вспыхнул Вайдерс.

— Ни в коем случае. — непреклонно заявил Сторм. — Вы здесь чужой и не приспособлены к походной жизни. Вы будете нам только обузой. Или все будет так, как сказал я, или вообще ничего не будет.

Какой-то момент казалось, что Вайдерс заупрямится и придется с ним всерьез поспорить. Но он только нервно передернул плечами, посмотрел на Келзона и Квада, понял, что они полностью согласны со Стормом, и промолчал.

— Ладно. Когда вы выходите?

— Нужно подготовить лошадей, собрать снаряжение... Скажем, через два дня.

— Два дня! — фыркнул Вайдерс. — Ладно. Мне остается только согласиться.

Но Сторм уже не слушал его. Сурра неожиданно двинулась к двери и потребовала, чтобы Сторм вышел вместе с нею. Небо уже начало светлеть, но в стороне горных хребтов было еще достаточно темно, чтобы человек и кошка смогли разглядеть неожиданную вспышку. Очень далеко, на самом краю мира, огненный меч распорол небеса. Похоже было на молнию, но сейчас стоял совсем неподходящий для гроз сезон. А кроме того, это пламя шло как будто снизу вверх, а не свергалось вниз, как молния. Все исчезло прежде, чем до Сторма дошло, что именно он увидел.

Сурра рычала и фыркала. Теперь и Остин уловил какой-то слабый отзвук, скорее, даже просто колебание воздуха, такое далекое и слабое, что если бы не реакция кошки, он

решил бы, что ему это почудилось. Там, за гранью Пиков что-то происходило.

И тут тишину утра разорвал тревожный и воинственный крик орла. Баку беспокойно переступал и бил крыльями на своем насесте. Ему ответило трубное ржание Рейна. Другие жеребцы и кобылы тоже забеспокоились. Послышался храп, ржание, топот. Значит, животные тоже уловили этот отзвук, и он их встревожил.

— Что случилось? — спросил за спиной Квад.

Рядом с ним уже стоял Келзон и подходил не такой быстрый Вайдерс.

— Я думаю, — начал Сторм и, неожиданно для себя, перешел на язык навахо, — это преддверие войны, Азизи.

— А там сейчас Логан! — воскликнул Квад. — Ладно, я еду с тобой.

— Нет, Азизи. Ты сам знаешь, что этого делать нельзя. Здесь тоже могут быть неприятности, и только ты сможешь удержать колонистов от глупостей. Я беру с собой Баку. Если будет нужда, я пришлю его за тобой. А Логан... Логан ближе к норби, чем любой из нас: ведь кровное побратимство нерушимо связывает даже бывших врагов.

Он чувствовал, что ему не удалось заговорить тревогу Квада, но ничего другого сказать не мог. Сам он со своей боевой подготовкой, с прекрасно подобранной командой мог дать сто очков вперед любому объездчику. И Квад был закален не хуже, прекрасно знал Пики, ладил с туземцами и, конечно, мог быть очень полезен... Но только авторитет Квада мог заставить колонистов сидеть в их поместьях и ни при каких обстоятельствах не лезть в земли норби. Сторму совсем не улыбалось оказаться в западне между неведомыми опасностями Синего района и карательным отрядом Дьюмероя. Несколько месяцев назад он на себе испытал, что такое Дьюмерой на тропе войны, и не собирался рисковать снова.

Квад с трудом заставил себя улыбнуться.

— Ну, слава богу, ты хоть признаешь, что я могу быть в чем-то прав. Да и Логан, как мне кажется, не стал бы меня слушать, а вот тебя, может, и выслушает. Так уж сложилось... — на минуту показалось, что он забыл о Сторме и говорит сам с собой.

Животные постепенно успокаивались, и люди вернулись в дом. Они еще поработали над картой, намечая места будущих станций, а потом завалились спать и поднялись только вечером, когда дневная жара уже спадала. Квад и Сторм проводили Келзона и Вайдерса в Гальвади.

Остин, все еще не пришедший в себя после бессонных ночей и трудностей дневного перехода, валялся на койке и глухая душевная тревога не давала ему уснуть. Он не верил, что этот огонь в Пиках и сопровождавший его отзвук вызваны каким-то природным явлением. Но что бы это могло значить?

— Древние враги, — прошептал он на языке навахо.

Полгода назад он, Горгол и Логан случайно обнаружили Пещеру Садов. В этом ботаническом заповеднике были собраны растения множества разных миров, и все они росли и благоденствовали в автоматическом раю, созданном для них неведомыми космическими странниками. Они приземлились на Арцоре задолго до прихода землян, вырыли гигантские тоннели и пещеры в глубине гор и исчезли неизвестно куда. Сады оставались самым значительным следом этой цивилизации. А поскольку сами Сады были прекрасны и благотворно действовали на человека, то и об их создателях у людей сложилось доброе мнение.

Археологи и изыскатели, до сих пор работающие в Пещере Садов и в разрушенном поселке в долине перед пещерой, облазили там каждую щель и не нашли ничего нового. Но логично предположить, что если одна гора скрывала такие сокровища, то нечто подобное может обнаружиться и в любом другом месте. И скорее всего в Синем районе, который считается у туземцев священным, может быть, как раз потому, что там остались явные следы пришельцев.

Глухая тревога и дурные предчувствия, вызванные утренним происшествием, так и не проходили. Почему-то Сторм точно знал, что на этот раз его ожидают отнюдь не прекрасные сады.

4

Вчера Сторм нашел первый склад продовольствия. Он был предусмотрительно спрятан в расщелине, которая могла дать убежище от зноя и ему и животным. Но времени на розыски ушло значительно больше, чем он рассчитывал. Он не рисковал идти в этой пустынной стране глубокой ночью, даже полагаясь на феноменальные способности Сурры и природные инстинкты лошади. А утренних часов и коротких вечерних сумерек явно не хватало.

Но он решил не отступать. То и дело натыкался на многочисленные следы проходивших кланов и наконец вышел на

какую-то настоящую дорогу. Пока все подтверждало доклад Дорта Лансина — туземцы двигались очень быстро, в походных порядках, что было просто опасно в это время года. Больше всего это напоминало бегство от какого-то неведомого врага.

Никаких странных явлений в Пиках он больше не видел. Ни Сурра, ни Баку не проявляли особого беспокойства, и Сторм тоже почти успокоился. Он ехал вдоль русла высохшего ручья, ведя в поводу понурых, запыхавшихся запасных лошадей, когда заметил, что Сурра насторожилась. Натянув повод, Сторм прижал лошадь к скальной стенке и молча ждал, что кошка будет делать дальше. Теперь и он слышал насторожившие ее звуки — далекая переливчатая трель, словно голос ветра во Влажный Сезон. Это был обычный сигнал сбора у норби, и как ему показалось, он узнал позывные племени Шозонна. На всякий случай, он вынул из кобуры парализатор и снял его с предохранителя.

Но Сурра уже успокоилась. Пушистый разведчик явно не находил в этих звуках ничего незнакомого или опасного для себя. Она побежала вперед, и Сторму оставалось только надеяться, что туземцы не заметят ее. Песочно-рыжая шкура почти сливалась с сухой, выжженной солнцем землей каньона, и при желании кошка могла стать совсем невидимой.

Сторм прошел немного вперед, ведя всех лошадей в поводу. Становилось слишком жарко, чтобы ехать верхом. Еще час — и пора прекращать поход и искать укрытие на день. Но тут он уловил мысленный сигнал кошки и снова поднялся в седло. Считалось хорошим тоном встретить туземца верхом, на равных. Особенно строго это соблюдалось, когда люди и норби встречались для переговоров или торговли.

Землянин крикнул. Голос его, странно искаженный стенами каньона и подхваченный гулким эхом, прозвучал неприятно даже для него самого. Тут из-за поворота показалась оседланная черно-крапчатая туземная лошадка. На ней сидел Горгол.

Норби остановился. Лицо его было абсолютно бесстрастным, словно он встретился не со старым другом, а с человеком, которого видел первый раз в жизни, хотя руки уже бросили повод и приготовились к разговору.

Но начинать пришлось Сторму.

— Я хочу увидеть Логана, — сказал он. — Вы не можете запретить мне увидеть брата.

Горгол пристально посмотрел в лицо Сторма, и его пальцы сложились в знак отказа.

— Но Логан идет с вами, — настойчиво продолжал Сторм.

— Логан принят в клан, — поправил его Горгол, и Сторм немного успокоился. Если Логан и сейчас считается членом клана, значит, никакие неприятности ему не грозят, по крайней мере, в ближайшее время.

— Логан принят в клан, — согласился Сторм, — но у него есть и другая семья. И сейчас я, его брат, приехал к нему с важным сообщением от его отца.

— Сейчас у нас нет времени пасти фравнов и гонять лошадей, — жестко ответил Горгол. — Клан идет в горы на колдовские обряды.

— У нас тоже есть свои важные дела, и человек не имеет права пропускать мимо ушей зов своей семьи. Об этом я и хотел поговорить с Логаном. Подумай сам, разве я, не умеющий находить воду, зашел бы так далеко в горы в начале Великой Засухи, если бы не действительно важное дело?

Горгол, кажется, готов был признать его правоту, но когда Сторм попытался поехать вперед, норби развернул лошадь и загородил дорогу.

— Я должен рассказать это Кротагу. Будет так, как он решит. А ты подождешь здесь.

Остин понял, что настаивать не стоит и огляделся. Неизвестно, сколько придется ждать, может, и весь день. Значит, нужно найти какое-то укрытие: меньше, чем через час солнце превратит каньон в раскаленную печь. Горгол прекрасно понял его намерения. Он развернул лошадь и просигналил:

— Поезжай за мной. Тут недалеко есть укрытие, в котором можно переждать день. Но ты должен пообещать остаться там и не пытаться ехать дальше.

— Я обещаю, — согласился Сторм.

Место, куда привел его Горгол, приятно удивило Сторма. Здесь не нужны были даже крытые шкурами кочевые шатры норби. Бурные потоки, несшиеся по этому каньону во время влажного сезона, вырыли глубокую пещеру, достаточную, чтобы разместить целый клан, а нанесенная ими земля и камни надежно укрывали ее от солнца, оставляя только узкую щель входа. Остин сумел удобно разместить лошадей, Баку взгромоздился на воткнутый в стену шест и задремал, а Сурра блаженно растянулась на прохладной земле. Остин разделил воду и провизию, захваченные на попутном складе. Если он и дальше будет придерживаться первоначального графика, то через пару дней доберется до следующего склада.

Но пока неизвестно, как уладятся дела с норби; тут могут быть любые неожиданности.

Он лежал, прижавшись спиной к прохладной земле, и в сотый раз пытался предугадать, как обернется дело. Предположим, норби не согласятся вести чужаков в Синий район — сможет ли он хотя бы расспросить их о дороге через Пики. С заранее завезенными на коптере припасами он мог рискнуть, и преодолеть этот путь в одиночестве.

Кажется, он все-таки заснул, утомленный этими раздумьями, и теперь проснулся от того, что Сурра осторожно потрогала лапой его руку. Это был знак «Внимание!», которым они пользовались со времен боевой службы. Особого беспокойства она не проявляла, и он решил, что к убежищу подходит Горгол. Но туземец, спустившийся в укрытие, оказался подростком, еще не надевшим охотничьи трофеи.

— Днуцли! — воскликнул Сторм, узнав его и скрестил большие пальцы в воинском приветствии. Младший брат Горгола был явно польщен, что его приветствует, как равного, человек, хоть и чужой расы, но имеющий боевые шрамы.

— Я знаю, ты — воин, отмеченный почетными шрамами, — тонкие пальцы мальчика быстро мелькали в сумрачном свете. — Я послан передать тебе решение Кротага. Носящий священные перья велел сказать: «Настало время великих колдовских обрядов в горах, и огонь дружбы угасает. Если брат нашего брата хочет ехать, он должен помнить, что колдовские стрелы, безвредные для верующих, могут поразить неверующего».

Что ж, это все-таки не отказ, а только предупреждение. Остин понял, что уже добился немалого. Но можно было попробовать и так. Он протянул руки в полосу света, падавшего из открытого входа, повернул их так, чтобы мальчик мог отчетливо видеть знаки.

— Любое колдовство опасно для неверующих. Но я верующий. И хотя у меня свои обряды, хотя я называю своих богов другими именами, мои боги не менее мудры, чем ваши. Мне не страшно ваше колдовство, у меня есть своя магия.

Этим утром, после встречи с Горголом, он достал и надел на шею старинное индейское серебряное ожерелье, украшенное небесно-голубой бирюзой. Оно досталось ему в наследство от земных предков навахо. Серебряный же ритуальный браслет воина он носил всегда и знал, что норби считают его магическим талисманом.

— Если брат нашего брата верующий, то ему дозволяется идти вместе с кланом Кротага.

И они двинулись в темноту. К удивлению Остина, который считал этот каньон главной дорогой через предгорья,

мальчик примерно через милю оставил его и свернул в какую-то узкую каменную щель.

Сурра держалась поодаль, пока лошадь норби не перестала ее бояться и не вступала в контакт с Остином, но Баку, уже поднявшийся достаточно высоко, передал, что недалеко впереди расположился лагерь норби.

Сторм ответил ему мысленным приказом. Орел, способный охватить взглядом достаточно большое пространство и предупредить его о любой опасности впереди, был сейчас очень ценным помощником. Пожалуй, стоило отправить в поиск и Сурру. Почти невидимая в темноте барханная кошка, обладающая чувствами более острыми, чем у любого человека или туземца, была прекрасным разведчиком, а если нужно, то и грозным бойцом.

Сумерки быстро сгущались, неся прохладу после невыносимого пекла дня. Далеко впереди показалось зарево костров — лагерь.

Остин, неспешно ехал за мальчиком. Лошади сами, без приказа, ускорили шаг, возможно почуяв один из скрытых источников. Хоть Остин и напоил их вдоволь, прежде чем покинуть укрытие, их все равно тянуло к воде.

Высокий стройный силуэт появился на фоне зарева костров. Это мог быть лагерный часовой или кто-то, кого сам вождь выслал им навстречу. Мальчик спешился и спокойно ждал, придерживая повод лошади Остина. На исчезновение Сурры он, похоже, не обратил внимания.

Землянин тоже спешился и неторопливо пошел на свет костра. Его чувствительные ноздри расширились от резкого, почти неприятного запаха сохнущих веток, собранных в кучу и сложенных рядом с костром. Похоже, их привезли издалека. Фанвуд — священное дерево, необходимое для колдовских заклинаний, в горах не росло.

— Остин! — невысокая фигура шагнула к нему, отделившись от группы рослых туземцев. Как и они, он был обут в высокие сапоги из блестящей чешуйчатой шкуры йорис, мягкие кожаные доспехи покрывали его от шеи до бедер, а талию охватывал широкий двойной пояс воина с подвешенным к нему двадцатидюймовым ножом члена клана. Ритуальное ожерелье из зубов йорис лежало у него на плечах, свисая почти до пояса. Смуглая кожа, гораздо более темная, чем у туземцев, блестела капельками пота. Густые темные волосы были откинуты назад и стянуты каким-то шнурком. В таком наряде Логан, сын Квада, выглядел даже большим дикарем, чем окружающие его норби.

Убедившись, что брат чувствует себя в лагере норби свободно и спокойно, Сторм разозлился на себя за свою недавнюю тревогу. Он видел упрямо сжатые челюсти брата, и понял, что тот думает, будто Сторм собирается отвести его домой, как загулявшегося ребенка.

Молча, даже не обернувшись в сторону Логана, Сторм прошел к огню, повернул руки к свету, чтобы его знаки были видны всем и начал медленно и величественно, как и подобало послу:

— Среди вас, люди Цамле, есть тот, чьи стрелы всегда находят кровь врага, кто охотится на йорис в ее норе и на «злого летуна» в горах только силой своих рук и своей мудрости. Он стоит здесь под именем Кротага, предводителя воинов, проводника охотников. Я хочу говорить с ним.

Вперед вышел один из норби. Богатые украшения у него на поясе блестели ярче, чем чешуйчатая шкура йорис на его сапогах. Его рога были не белыми, как у других норби, а выкрашенными яркой красной краской.

— Есть такой, носящий в этой жизни имя Кротаг, — так же церемонно ответил он. — Он перед тобой. Что тебе нужно от него?

— Помощь. — Коротко и многозначительно, как и полагалось по обычаям норби, ответил Сторм.

— Какая помощь, человек из речной долины? Ты пришел незванный, пришел по собственной воле. Люди моего народа заняты сейчас делами, которые касаются только их. Ты знал об этом... и все-таки пришел. А теперь ты говоришь о помощи. Так я снова спрашиваю: какая помощь тебе нужна?

— Твой народ никогда не отказывал нам в такой помощи. Здесь, в горах, заблудились чужие.

Увидев эти знаки Логан удивленно уставился на Остина, но тот сделал вид, что не замечает этого.

— Сейчас в горах только норби... и ты. Мы не слыхали о заблудившихся чужих. Кто же отправится в Великую Засуху прямо в сердце огня?

— Хороший вопрос, — подхватил Сторм. — Кто же пойдет в сердце огня? И простой ответ — все племена и кланы норби!

Руки Кротага замерли. И воины за его спиной стояли неподвижно, словно окаменев. Но Сторм был уверен, что сейчас важнее всего быть искренним. По тому, что он скажет на этой встрече, туземцы будут судить о его намерениях и очень важно сразу убедить их, что он играет в открытую. Он не мог не знать об этом совершенно исключительном походе кланов.

И если бы он промолчал об этом, туземцы вправе были бы подумать, что он умалчивает и о чем-то другом.

— У твоего народа тоже есть тайны, в которые вы нас не посвящаете. А сейчас здесь происходит то, что касается только моего народа, — ответил наконец Кротаг.

— Ты прав. У нас есть свои тайны и свое колдовство, и мы тоже не хотим, чтобы об этом знали чужие. Но сейчас я пришел сюда не рассуждать о колдовстве. Где-то в горах заблудился инопланетник.

— Могу повторить — никто из норби ни о чем таком не слышал, — жестко и выразительно просигналил Кротаг.

— Это случилось не здесь.

— Но ты пришел с ю д а. Если ваш человек заблудился в другом районе, почему ты ищешь его здесь?

— Я ищу здесь не его, а вашей помощи. Так получилось, что он оказался в стране по ту сторону Пиков, а я не могу туда пройти.

Норби застыли, словно он произнес волшебное заклинание, способное превращать людей в статуи. На желто-коричневых лицах застыли жесткая непреклонность и подавляемое раздражение.

— Выслушайте эту историю, — сказал он, не обращая внимания на их реакцию. Стараясь говорить кратко и точно, он передал им историю, услышанную от Вайдерса. Нельзя сказать, что она их смягчила, но теперь они глядели на него с большим доверием и уважением. Было заметно, что все это их заинтересовало. Другое дело, пустят ли они его в Синий район. Сторм чувствовал, что норби всерьез озадачены и вряд ли смогут решить это теперь же. Так и случилось. После долгого молчания Кротаг ответил:

— Это надо хорошенько обдумать, брат нашего брата. Присядь к нашему огню.

Он отступил в сторону, давая дорогу к костру, исходящему ароматным дымом. Остин хорошо знал обычаи туземцев. Сдерживая дыхание, чтобы не закашляться, он прошел через кольцо костров внутрь круга. Как ритуал это выглядело значительно и величественно, но к сожалению, не слишком удобно. Оглядевшись вокруг, он увидел, что все туземцы разошлись, и только Логан стоял рядом, глядя на него недружелюбно и подозрительно.

— Неплохо ты с ними сыграл, — заметил он, усмехнувшись.

— Не думай, что я стал бы врать вождю, сидя у его костра, даже ради того, чтобы вытащить тебя отсюда, — резко

ответил Сторм. — Все это чистая правда. Как раз сейчас люди Вайдерса развозят припасы во временные лагеря в Пиках. Он абсолютно уверен, что его сын жив и бедствует сейчас где-то в Синем районе.

— Вот уж не думал, что ты ввяжешься в такое дело.

— Я и сам не думал, — пожал плечами Остин. — Как ты считаешь, они разрешат мне идти туда?

Логан нерешительно покачал головой.

— Представления не имею. Но надежда есть.

— А сам-то ты понимаешь, что здесь происходит? Куда все они направляются? Ведь такого никогда не бывало, это противоречит всем обычаям норби.

— Слушай, Остин, когда ты ходил с археологом обследовать долину реки, был ведь у вас в проводниках колдун норби, который говорил, что теперь пришло время, когда Древние готовы открыть нам свои тайны?

— Да, и он хотел показать нам пещеры. Но тут случилось наводнение, а потом всю экспедицию перебили хиксы.

— Но тайна той долины все-таки открылась — мы нашли Пещеру Садов. А сейчас колдуны говорят, что Древние собирают все кланы, чтобы раскрыть им нечто большее. Все норби заключили мир и похоронили старую вражду. Мне кажется, Кротаг для того и взял меня, чтобы я увидел все своими глазами и правильно понял. А то типы вроде Дьюмероя, могут невесть что придумать.

— Уже придумывают. Азизи остался дома, чтобы при случае остудить слишком горячие головы. Что ж ты даже не поговорил с ним перед уходом?

Логан вспыхнул.

— Я знаю, вы все думаете, будто я нарочно дразню его. Ну, я мог приехать, мог связаться по кому, ну, поговорили бы мы, а может, опять поссорились бы. Что бы это изменило? Мы с ним совершенно разные. Бред Квад — большой уважаемый человек, необходимый людям в долине. Но я-то другой! Я знаю, меня за глаза зовут дикарем. Я не могу, просто не могу пасти стада, преумножать состояние и быть достойным сыном своего отца! Может, и отец в молодости был таким же. Ведь не зря же он записался в Изыскатели и улетел с Арцора. Я тоже хотел посмотреть другие миры, хотел записаться в армию, но меня не приняли по возрасту. Тогда я стал бродить с норби. Понимаешь, они мне как-то ближе, чем Джаффи или Сторм. Ну, а потом меня приняли в клан. И даже Келзон одобрил это и поддержал меня. Он же мечтает создать Горные Отряды из землян и туземцев. Но это дело долгое и не так

просто решается. Я кочевал и охотился с Цамле — и вдруг пришел сигнал сбора. И я понял, что пришло время решать. Или я сейчас уйду вместе с кланом или так никогда и не решусь. Это важно не только для меня, но и для всей речной долины. Я не стал никому докладываться, а то они развели бы дебаты на неделю и ничего бы не решили. Поверь, я чувствую, что поступил правильно!

Остин пожал плечами. Убеждать Логана сейчас было бессмысленно, а кроме того, Сторм хорошо понимал его. Вот ведь ирония судьбы — малыш и вправду настоящий сын своего отца. Его гнало в рискованное кочевье с кланами то же самое чувство, что когда-то выгнало юного Бреда Квада в космос. Но вряд ли он сейчас захочет это признать.

— Успокойся. Я знаю, ты хотел сделать, как лучше. И я здесь вовсе не ради тебя, а ради Вайдерса.

— И еще — разнюхаешь, что возможно, для Келзона.

— Я думаю, что и ты делаешь то же самое. Сам подумай, братишка, — последнее слово Сторм намеренно сказал на навахо. Там оно служило обозначением братской любви. — Ситуация сложная и непонятная. И все это может повлечь неприятности и для колонистов, и для кланов. Повторяется то, что уже бывало, когда ситуацию провоцировали хиксы. Я должен быть здесь, а поиск бедствующего в горах человека может оправдать мое присутствие в глазах норби.

— Хорошо. Я тебя поддержу.

— И присоединишься ко мне?

Логан немного помедлил в нерешительности.

— Если только они не прикажут тебе возвращаться назад.

Они сидели у костра и по очереди пили из фляги Сторма, словно совершая обряд. Для искушенного наблюдателя этот жест означал, что все их разногласия исчерпаны, и они готовы действовать вместе. Едва Остин успел завернуть колпачок фляги, как к нему подошел Кротаг.

— Мы обсудили — мы решили, — пальцы его двигались медленно и словно неохотно. — Ты пока можешь ехать с нами. Потом пройдешь колдовское испытание. А там будет видно.

— Принимаю твое решение, — поклонился Сторм, а потом, выпрямившись и глянув в лицо Кротага как равный, добавил: — Я согласен идти под твоим руководством и подвергнуться испытанию, когда придет время.

Кротаг ничего не ответил. Два подростка засыпали песком догорающие костры. Отдохнувшие за день туземцы разбирали и седлали лошадей.

5

Остин потер рукой подбородок и невольно вздрогнул, задев потрескавшиеся губы. Большую часть своей воды он отдавал животным и не спешил сообщать туземцам, что вода у него кончается. Если он за час не сможет отыскать следующий склад, это будет уже серьезной неприятностью. Временами ему начинало казаться, что люди Келзона не смогли рассчитать маршрут клана и склад устроен где-то в стороне. Он не боялся пропустить его — Баку с воздуха заметил бы склад в любом случае. Больше тревожило то, что лошади долго не выдержат такой темп. А идти здесь пешком... Он был слишком опытным путешественником, чтобы думать об этом всерьез.

Что ж, придется с места в карьер начинать настоящие поиски. Он осторожно выехал из строя и поехал сбоку, обгоняя ровную колонну воинов. Вскоре он поравнялся с Кротагом.

— Пришло время расстаться, — сказал он вождю. — Я не могу вызвать здесь воду и должен искать ее в другом месте.

— А почему ты не попросишь у тех, у кого она есть?

— Как можно просить просить воды в Великую Засуху? Она сейчас драгоценнее крови. Тот, кто отправил меня искать своего сына, прислал и воду — ее завезли по воздуху.

«Как бы не пришлось раскаяться в этой откровенности», — мелькнуло в голове Сторма. Туземцы равнодушно относились к полетам землян над равнинами, но едва терпимо к полетам в горах. И космодром они разрешили поставить только один, причем подальше от гор, чтобы земляне, как они сами это объясняли, не оскорбляли взглядами сверху жилище Бога Грома. Трудно сказать, как они отнесутся к появлению в этих горах коптера, особенно в такое неспокойное время.

Но как ни изучал Сторм лицо туземного вождя, он ничего не смог прочитать на нем. Наконец Кротаг спросил:

— Где лежит привозная вода?

Следуя обычаям туземцев, Остин с полупоклоном указал на юго-восток. Кротаг бросил через плечо какую-то короткую фразу на языке норби, и Остин услышал как ее передали дальше, от одного воина к другому. Вскоре к ним подъехал Логан, а с ним — два молодых воина.

— «Грех отказываться от воды, которую ты можешь взять», — процитировал Кротаг главный закон своего народа.

— Но страна эта небезопасна и в одиночку здесь ездить не стоит. Я пошлю с тобой своих людей.

Сторм улыбнулся поняв, что Кротаг принимает свои меры безопасности. Оба воина были ему знакомы: Горгол и сын вождя Кавок. Остин понял и одобрил мудрость такого выбора. Оба юноши хорошо знали быт и обычаи колонистов, оба работали объездчиками в поместье Квада. Раньше Сторму казалось, что он по-настоящему подружился с Горголом, но события последних дней заставили его призадуматься, и теперь он был далеко не уверен в чувствах юного воина.

Тут вперед выступил Логан.

— Я тоже хочу ехать с ними.

Кротаг долго и пристально смотрел ему в глаза, а потом кивнул головой, разрешая.

Неспешно и уверенно проезжали мимо воины норби. Сторм быстро вывел из колонны своих запасных и вьючных лошадей. Сурра, уловив его мысленный приказ, уже обследовала край ущелья, в которое они собирались свернуть. Сторм решил срезать угол и выйти прямо к каньону, по которому он раньше планировал пересечь область Пиков.

Ехать пришлось почти в полной темноте, да и неровная каменистая дорога сильно замедляла движение.

— Далеко еще до твоего склада? — спросил Логан.

— Не знаю. Может, он совсем рядом, а может, понадобится целый переход. Зависит от того, сильно ли я уклонился, двигаясь с кланом.

— Придется поискать какое-то укрытие на день.

Часы короткой ночи пролетали быстро, и Остин всерьез забеспокоился. И он, и его спутники пытались высмотреть хоть что-нибудь похожее на укрытие. Горгол и Кавок давно уже рыскали по сторонам, отыскивая им одним видимые приметы.

Вдруг раздался пронзительный вопль Кавока. Люди, разумеется, не поняли слов, но все же поспешили к нему. Юный норби стоял на коленях и водил рукой по песку, который, на взгляд Остина, ничем не отличался от окружающего. Потом он поднялся, взял лошадь в повод и медленно побрел вперед, словно вынюхивая какой-то след.

Из каньона они свернули в узкую расщелину с отвесными скалистыми склонами. Здесь Кавок снова опустился на колени и принялся скрести склон длинным охотничьим ножом. Горгол немедленно принялся ему помогать, а оба человека с интересом и недоумением наблюдали за их работой.

Подошла Сурра и распласталась на склоне, с явным ин-

тересом принюхиваясь к выкопанной туземцами яме. Из горла ее вырвался низкий гортанный рык. От неожиданности Кавок отпрянул и скатился прямо в яму. Горгол через плечо взглянул на кошку и помог ему выбраться. Сторм уловил вспыхнувший в душе кошки охотничий азарт. Там, в глубине, было что-то живое, и Сурра воспринимала это как свою законную добычу.

Неожиданно земля под руками норби провалилась и оба они свалились в отверстие, расширявшееся, словно зев пещеры. Ножи они держали наготове, но уже не для того, чтобы копать, а скорее, чтобы отразить нападение. Поняв это, Сторм потащил из кобуры парализатор, но Горгол, заметив это, жестом предложил ему не спешить.

Распушившаяся Сурра подкралась к яме, припадая к земле и нервно взмахивая хвостом. Оба норби отступили, давая ей дорогу. Кошка была целиком захвачена охотой, и мысленный контакт со Стормом прервался. Теперь она не ответит ни на зов, ни на приказ, пока не закончит охоту. Пушистая голова с прижатыми чуткими ушами исчезла в отверстии. Еще миг — и кошка скрылась в темном провале.

Горгол присел на корточки, пытаясь заглянуть внутрь. Остин схватил его за плечо и резко сжал.

— Что там? — спросил он.

— Дьимбат! — вместо Горгола ответил Логан.

С минуту Остин непонимающе смотрел на него, но потом вспомнил великолепную черную шкуру, что висела на стене в поместье Квада в Низинах. Судя по шкуре, зверь был не маленький, не меньше Сурры, по крайней мере. Сможет ли кошка справиться с ним в его собственной норе?

Сторм не задумываясь оттолкнул в сторону Горгола и, держа в одной руке парализатор, а другой нащупывая фонарик, прыгнул в яму. Приземлился он на рыхлую кучу земли и песка. Собранный и настороженный, он всем телом впитывал прохладу этого места. Включив фонарик, он увидел, что стоит в самом центре довольно большой пещеры.

Сторм осветил фонарем стены и вскоре нашел узкий лаз. Отверстие было вполне достаточным, чтобы в него могла пройти Сурра или даже человек на четвереньках. Остин подошел к дыре, встал на колени и прислушался.

Он тут же услышал рычание, фырканье и боевой вопль барханной кошки. Ей отвечало какое-то странное жужжание, хрюканье, непонятные кашляющие звуки — противники еще только готовились к схватке. Похоже, этот переход вел в другую пещеру, где хватало места для битвы. Остин сунул в про-

ход голову и плечи, но тут из-под земли раздался жуткий жалобный вой и в мозгу Сторма отозвалась вспышка боевой ярости и торжества Сурры. И тут же он услышал ее победный вой, который мог нагнать страху на постороннего человека.

Он быстро прополз через короткий туннель и оказался в другой пещере. Здесь в нос ему ударила тяжелая мускусная вонь и запах свежей крови.

Луч света выхватил Сурру — передними лапами она драла сочащуюся кровью груду меха. Заметив Остина, она на мгновение замерла, блестя яркими желтыми глазами, а потом оставила свою добычу, села в сторонке и принялась вылизываться. Прежде всего она занялась длинной свежей царапиной на груди. Не то, чтобы она сильно ее беспокоила. просто кошке хотелось привести себя в порядок.

Землянин повел вокруг фонариком и обнаружил в стенах еще несколько отверстий. Несмотря на тяжелый запах крови, пропитавший воздух пещеры, он различал и другие запахи идущие из этих отверстий. Места тут было достаточно — он так и не понял, сам ли зверь выкопал всю эту пещеру, или приспособил под жилье естественный провал. Но Сторм здесь мог подняться во весь рост, не упираясь головой в потолок, а размерами пещера была, по его прикидке, десять на двадцать ярдов.

Сурра последний раз лизнула свою царапину, подошла, обнюхала труп врага, сморщилась, фыркнула и еще раз напоследок шлепнула его передней лапой. Сторм осветил фонариком ее добычу. Мертвое животное было массивнее Сурры, несколько крупнее ее, с неуклюжим тяжелым телом, передвигавшимся на четырех коротких когтистых лапах. На передних лапах когти мощные и длинные — довольно грозное оружие. Но особенно поразила землянина голова твари — настолько она отличалась от всего известного ему. Череп был почти круглый, и сначала Остин не мог разглядеть ни ушей ни глаз. Наконец, внимательно приглядевшись, он обнаружил глубоко посаженные и почти скрытые густым мехом глазные яблоки. Морда животного выдавалась тупым углом, а широкая безгубая пасть была уснащена рядом ровных, конических, как у ящерицы, зубов.

— Готов, дьимбат, — раздался голос Логана и тут же он сам вывалился из тоннеля в пещеру. — Умница, девочка, славно ты его разделала.

Кошка искоса взглянула на Логана и лениво прикрыла глаза. Громкое мурлыканье дало всем понять, что она приняла и оценила похвалу.

— Повезло нам, — продолжал Логан. — Это самое надежное укрытие, на какое можно рассчитывать в горах!

«Прежде всего надо его хорошенько обследовать», — подумал Остин.

Полазив по переходам, они обнаружили несколько кладовок и еще одну пещеру. Подземное жилище было устроено так хитро, что даже когда они раскопали переднюю стенку и завели внутрь лошадей, там все еще сохранялась прохлада.

Конечно, стало немного теплее, но зато лошади были укрыты от солнца, а люди вполне могли расположиться в тоннелях и кладовках. В общем, по мнению Остина, здесь было ненамного хуже, чем в полевом лагере. Туземцы тем временем разобрали запасы бывшего хозяина и с удовольствием подкреплялись зерном и сухими корешками.

Сторм разжевал предложенный ему желто-зеленый стручок, и рот его вдруг наполнился влажной прохладной мякотью.

Солнечные лучи заглянули в переднюю пещеру через пролом в стене, но в них почти не чувствовалось безжалостного дневного жара. И люди и животные спокойно продремали весь день.

Остин сам не понимал, что его разбудило. Но пробуждение было резким и тревожным, словно во времена его боевой службы.

Он приподнялся, стараясь не потревожить спящего рядом Логана, и прислушался. В передней пещере беспокойно топтались лошади. Он позвал Сурру, но она не ответила. То ли она раньше его почувствовала опасность и пошла на разведку, то ли пока не хотела вступать с ним в контакт. Тогда он позвал парившего в небе Баку, и тут же в его мозгу возник образ приближающихся к пещере всадников.

Сторм прикрыл рукой рот Логана и осторожно растолкал его. В ответ на его удивленный взгляд, он сделал знак, призывающий к молчанию, и кивнул на переднюю пещеру.

Друг за другом они пролезли через проход, пробрались меж встревоженных лошадей к выходу и обнаружили там Горгола, который затягивал уздой морду своей кобылы, опасаясь что она заржет, приветствуя сородичей. Остин понял, что он уже знает о неожиданных визитерах.

— Враги? — спросил он, и Горгол утвердительно кивнул.

Отражать нападение, находясь в убежище, было бы слишком неудобно. Восстановление передней стенки потребовало

бы много времени, а именно его у них и не было. Сторм снова попытался вызвать Сурру. И снова безрезультатно.

— Кто идет? — спросил он Горгола.

— Дикие.

— Но разве вы не заключили перемирие? — вмешался в разговор Логан.

— Они могут не знать об этом. Им нужны наши лошади.

У Шозонна и других равнинных племен всегда была возможность получить лошадей. Они нанимались в поместья объездчиками или охотниками на йорис и брали плату лошадьми. Так у кланов постепенно складывались собственные табуны.

Но дикие горные племена не отваживались на такой тесный контакт с колонистами. Они, как некогда индейцы Великих Западных равнин, изобрели свой способ добычи лошадей. Короче говоря, они стали конокрадами, и притом довольно искусными.

Похоже, именно такой отряд наткнулся случайно на их следы и решил не упускать легкой добычи. Они уже поняли по следам, что в пещере скрываются четыре человека и девять лошадей — добыча настолько соблазнительная, что ради нее можно рискнуть и нарушить перемирие. И кроме того легкая добыча; нужно только набраться терпения и подождать, когда гонимые жаждой люди и животные сами выйдут из укрытия.

Правда, оставалась еще надежда на Сурру. И Остин и Горгол не раз видели ее в деле и понимали, чего она стоит. Горгол спросил о чем-то Кавока, а потом передал Остину:

— Пушистая ушла давно, когда солнце было еще высоко. Сейчас она может быть далеко. Не слышит тебя.

Сторм прислонился к стене норы, прикрыл глаза и снова позвал Сурру, вкладывая в этот зов всю свою силу и энергию. Если Сурра и сейчас не ответит... Ответ пришел мгновенно, словно включили ком. Мир в его глазах заколебался, меняя очертания: верный признак того, что он достиг контакта и видит сейчас как бы глазами кошки. Сторм подробно обрисовал положение, объяснил, что нужно сделать и Сурра с готовностью согласилась. К сожалению, она на могла передать, как далеко она находится и сколько времени ей понадобится, чтобы вернуться к пещере. Ее мышление слишком отличалось от человеческого и людские мерки ничего ей не говорили. Но как только она будет готова действовать, она свяжется с ним.

— Ну что, придет Сурра? — шепотом спросил Логан.

Сторм кивнул. Его еще слегка знобило от нервного напряжения — такова была цена контакта. Вдруг Горгол поднял голову и потянул носом воздух.

— Они нас окружили — просигналил он.

Голова норби поворачивалась медленно и чутко, словно локатор.

— Один, другой, третий... — он начал медленно загибать пальцы. — Девятый, десятый... — Он еще покрутил головой и кивнул. — Все.

Силы были чересчур неравны, тем более что они были стиснуты в узком проходе. Кавок здесь не мог даже натянуть тетиву лука, а значит, сразу выходил из игры. Правда, и у колонистов, и у Горгола были парализаторы, но чтобы их использовать надо видеть цель, а враги отнюдь не стремились подставлять себя под выстрелы.

И тут Сурра передала, что она готова действовать!

Остин предупредил остальных. Они быстро и бесшумно затолкали лошадей в глубь пещеры и стреножили. Кавок отложил свой бесполезный сейчас лук и приготовил нож. «Вперед», — мысленно приказал Сторм, и Сурра начала свой концерт.

Рычание и душераздирающий вой разъяренной кошки разорвали тишину вечера. В ответ испуганно заржали лошади, и свои и чужие. Снаружи доносились дробные удары копыт и высокие вибрирующие голоса туземцев. Остин выскочил из пещеры. На секунду он прижался спиной к скальной стенке и тут же отпрыгнул в сторону.

Снова донесся вой Сурры, и Сторм увидел прямо перед собой высокую тонкую фигуру с выкрашенными синим рогами. Туземец положил стрелу на тетиву лука и напряженно вглядывался в нагромождение камней, от которых, казалось, слышался этот вой. Землянин спустил курок, узкий луч парализатора ударил как раз между рогов, и дикий норби грохнулся, бессильно раскинув окоченевшие руки и ноги.

Один из нападавших сунулся прямо к отверстию, но тут же в ужасе отпрянул, увидев перед собой оскаленную морду барханной кошки. Сурра скользнула мимо него в укрытие, а Сторм снова выстрелил.

Сурра прекрасно справилась с заданием — отвлечь на себя внимание дикарей, чтобы дать людям возможность выбраться из ловушки и применить оружие. Да и сама она, как показывал опыт, тоже была весьма совершенным оружием.

Горгол остановился около одного из неподвижных туземцев, повернул его голову и сказал, указывая на синие рога:

— Нитра.

Кавок тоже подошел к воину, перевернул его ногой и вопросительно уставился на Сторма.

— Они парализованы, — пояснил тот.

Кавок медленно покачивал в руках нож, и его мысли читались так ясно, словно он излагал их вслух на галактическом языке.

Следовало собрать военные трофеи, как доказательство очередной победы Шозонна. Но враги были поражены парализатором, а по обычаю норби собрать рога должен тот, кто нанес удар. Значит, сделать это должны Горгол, Сторм и Логан. Почему же они медлят?

— Оставим их так, — просигналил Остин. — Сейчас перемирие. Если Нитра не чтут волю Небесного Барабанщика, то стоит ли Шозонна следовать дурному примеру?

Кавок недовольно бросил нож в ножны.

— И что же будет дальше? Они отлежатся, придут в себя и снова пойдут по нашему следу?

— Когда они очнутся, ночь пройдет и взойдет солнце, — ответил землянин. — Им придется переждать день в убежище. Мы к тому времени будем далеко. Кроме того, мы уведем их лошадей. Не думаю, что они рискнут пойти за нами.

— Верно, — согласился Горгол. — И хорошо, что мы не нарушили перемирие. А теперь в путь... Хорошо бы найти твою воду прежде, чем взойдет солнце.

Туземные лошади панически боялись Сурры, так что пришлось изрядно повозиться прежде чем они, взмыленные и дрожащие, оказались привязаны к вьючным лошадям Сторма. Маленький отряд оставил свое полуразрушенное убежище и отправился в путь еще до темноты.

В серых предрассветных сумерках они наткнулись на склад Вайдерса, оставленный в небольшом кармане каньона. Норби присвистнули от удивления, разглядывая непрозрачную жаронепроницаемую пластиковую палатку, окруженную радужным пузырем защитного поля. С ближайшей скалы сорвался Баку и подлетел к Остину. Больше ничего живого вокруг не было видно.

Логан тоже удивленно разглядывал этот чужеземный гриб, угнездившийся на почве Арцора.

— Та-ак, — протянул он. — Что ж, этот инопланетник равняет нас с изнеженными баловнями его мира?

Сторм пожал плечами.

— Мне наплевать, что он там думает. Может, он просто не представляет, что можно использовать естественные укрытия. Надо посмотреть, что он прислал... нам сейчас очень нужны припасы.

Но его тоже поразило это ненужное сооружение, удивительно неуместное в диком каньоне.

Он не помнил, чтобы они планировали ставить здесь базу, и в то же время это явно был не просто склад.

— Ты говорил, что едешь за водой, а привел к инопланетному жилищу, — недовольно просигналил Кавок.

Остину не понравилась его реакция. Вайдерс совершил одну из тех глупостей, которых старались избегать колонисты Арцора. Норби довольно равнодушно отнеслись к инопланетному оборудованию и оружию. Но это жилище, поставленное в центре их территории без всякой договоренности... Такое могло плохо кончиться, особенно в теперешней напряженной ситуации. Норби могут потребовать убрать не только эту палатку, но и вообще все склады с Пиков, а это было бы очень некстати. Остин не мог понять, как мудрый Келзон позволил такое безобразие.

Он подошел к радужному пузырю и шлепнул ладонью, скрывая свое раздражение. Поле погасло, и палатка предстала во всей своей красе. Похоже, эта штука стоила целое состояние, и вопиющей глупостью было тащить ее в горы. Он осторожно нажал педаль замка и открыл вход.

«Может, инопланетники просто не представляют себе походной жизни без таких устройств», — подумал он, оглядывая большую комнату с грудой ящиков, сложенных посередине. Кроме того, в комнате стояли четыре откидные койки, кухонная плита и даже портативный холодильник. Нет, это явно не предназначалось для простого склада снаряжения!

Он с трудом уговорил норби зайти в домик. Потом они завели лошадей, напоили животных, и Сторм, усевшись на ящиках, так как никаких других сидений не было, задумался. Конечно, эта штука укроет их на день от солнца, но вряд ли здесь будет много удобнее, чем во вчерашней норе.

Горгол и Кавок поначалу осматривали новое убежище с подозрением, но потом в них пробудился интерес. Они быстро оценили и плиту и холодильник.

— Хорошая вещь, — просигналил Кавок. — А почему у норби таких нет? — Он вопросительно посмотрел на колони-

стов, и Сторм понял, что он уже прикидывает в уме, сколько может стоить этакое чудо.

— Хорошая вещь, — согласился он. — А теперь посмотри сюда, — он откинул переднюю панель плиты и показал на сложное переплетение разноцветных проводов. — Если плита сломается, починить ее сможет только мастер в Гальвади, да и то не всякий. Детали надо привозить с далеких звезд. Что же в этом хорошего?

Кавок немного подумал и согласился.

— Ничего хорошего. А сколько шкур фравнов и шкур йорис надо отдать за это?

— Ты знаешь главу нашей семьи, Бреда Квада. Он хозяин поместья, у него много фравнов, много лошадей, есть и вещи с далеких звезд.

— Я знаю, — сказал молодой Шозонна.

— Если Квад половину своих лошадей и фравнов отгонит в Порт, он сможет купить такой домик. Но если он сломается, его здесь никто не сможет починить.

— Тогда это не хорошая вещь, — быстро и выразительно просигналил Кавок. — А почему она сейчас тут оказалась?

— Инопланетник, который ищет своего сына, не знает Великой Засухи и думает, что ее нельзя пережить без такого дома.

— Он рожден в другом мире, — согласился Кавок. — Откуда ему знать наши земли.

Баку, прежде мирно дремавший, сидя на краю ящика, вдруг встрепенулся. Он распустил крылья, приоткрыл клюв и резко крикнул. Сурра уже крутилась у двери.

— Гости, — сказал Сторм, вытаскивая парализатор. Сейчас он точно знал, что это не дикие Нитра. Баку предупреждал о воздушном судне, следовало ждать коптера.

Он еще раньше заметил следы нескольких посадок, но так и не смог в них разобраться. На Арцоре коптеры были редки — слишком дорого обходилась доставка горючего и запасных частей. Обычно два-три колониста в складчину покупали машину и берегли ее как зеницу ока, используя только для срочных поездок или перевозки самых ценных грузов. Но машину, которая сейчас появилась в небе, Сторм не видел никогда. Сверкающая, огромная, она сама по себе стоила целое состояние даже если не считать доставки на Арцор... Видимо, Вайдерс был действительно очень богат. Конечно, с таким транспортом Вайдерсу ничего не стоило организовать здесь что-то вроде комфортабельного охотничьего домика.

И все же землянин был неприятно поражен, увидев, что

с коптера спускается сам Вайдерс. Он наконец сменил свое инопланетное одеяние на что-то более подходящее, вроде формы пилота. На талии у него красовался пояс со множеством встроенных приборов и защитных устройств. Последний раз Сторм видел такую штуку еще во время военной службы, на космодесантниках.

— Добрались наконец-то! — недовольно буркнул Вайдерс вместо приветствия. Оглядевшись вокруг, он раздраженно добавил: — А где же ваши лошади, без которых, если вас послушать, в горах и шагу не сделать?

— Там, — кивнул Остин в сторону палатки и с изумлением увидел, как лицо Вайдерса налилось гневной краской.

— Ты посмел... животных в мой дом! — задыхаясь от ярости, выговорил он.

— От них зависит наша жизнь, — спокойно возразил землянин. — Их нельзя оставлять днем под солнцем Великой Засухи. Кстати, я посоветовал бы вашему пилоту откатить коптер в укрытие. Иначе вы рискуете никогда больше не взлететь на нем и придется вам добираться до речной равнины пешком.

— А я и не собираюсь туда возвращаться, — ответил Вайдерс, и по его тону Сторм понял, что упрямого инопланетника теперь можно усадить в коптер разве что силой.

Он решил не тратить слов на бесполезные пререкания. Впереди был долгий день в душной тесноте палатки, а это вполне могло переубедить любого упрямца. Сторм объяснил пилоту все что нужно, предоставив Вайдерсу первым войти в палатку. Сам он зашел позже, вместе с пилотом, хранившим равнодушное молчание. Вайдерс стоял посреди домика с пылающим от ярости лицом, остальные с недоумением смотрели на него.

— Что здесь происходит? Что за сумасшедший дом? — набросился он на Сторма.

— Это Великая Засуха, и если вы проведете день вне укрытия, то поджаритесь в самом прямом смысле слова. — Сторм говорил спокойно, но слова его прозвучали веско и убедительно. — Эти скалы днем раскалены как печка. А теперь позвольте вас познакомить. Это Кавок, сын вождя клана Цамле племени Шозонна. Это Горгол — воин того же племени, он великолепный следопыт и охотник. А это мой брат Логан Квад. Вы хотели надежных проводников, так лучших вам просто не найти.

На лице Вайдерса отразилась борьба. Разумом он понимал правоту Сторма, но его высокомерная натура протестовала

против подчинения обстоятельствам. Все здесь раздражало и бесило его, но поделать он ничего не мог. Оставалось только смириться.

Весь день норби и колонисты отдыхали в приятной прохладе палатки, и Сторму оставалось только удивляться, где Вайдерс раздобыл такие мощные и надежные кондиционеры.

— Сторм! — вырвал его из блаженной полудремы властный окрик Вайдерса.

Потянувшись, Сторм сел на койке и нашарил ногами сапоги. На соседних койках лежали пилот и Логан. Норби предпочли расстелить свои постели прямо на полу.

— В чем дело? — равнодушно спросил Сторм, ожидая нового взрыва раздражения.

Сейчас его меньше всего занимал Вайдерс. Гораздо больше его беспокоило, что скажет Кротаг, если каким-то образом узнает об этой стоянке. Пока их, чужаков, здесь терпели, но если Шозонна сочтут себя оскорбленными, их просто выставят с Пиков, и весь план рухнет.

— Как вы собираетесь идти в Синий район? — спросил Вайдерс.

Сторм встрепенулся. Оба туземца уже проснулись и внимательно наблюдали за ним и Вайдерсом. Остин знал, что они не понимают языка, но временами они так точно угадывали смысл сказанного, что он задумывался, не могли ли они читать по губам, как глухонемые.

— Джентльхомо, в нашем положении лучше не строить планов, а действовать по обстоятельствам. Здесь все очень быстро меняется... Не исключено, что мы не только не сможем идти дальше, но нас выставят и отсюда.

Он коротко объяснил, что Шозонна вряд ли потерпит чужой лагерь на их территории, тем более в такое неспокойное время.

— Так что, джентльхомо, самое лучшее, что вы можете сделать, это скоренько свернуться и спуститься на равнины.

— Нет! — ответ прозвучал жестко и непреклонно.

Сторм прикинул, что он еще может сделать. Постаравшись, можно было заставить инопланетника свернуть лагерь и даже засунуть его со всем скарбом в коптер. Но это ни к чему не приведет. Пилот просто не послушается Сторма и не взлетит. Можно просто плюнуть на все это дело и уйти самому. Жаль, но он не мог так поступить. Оставить этого чужака среди туземцев, с его-то гонором и полным незнанием

этого мира, значило самому спровоцировать неприятности, которых всеми силами стараются избежать Квад и Келзон.

Вайдерс, похоже, понял, о чем задумался Сторм и решил продолжить разговор.

— Давайте посмотрим, куда нам двигаться.

Он отцепил от своего фантастического пояса маленькую коробочку, положил ее на стол и нажал кнопку на боковой панели. На стене тента появилась карта этого района Пиков, отражавшая все, что знали колонисты об этой стране. Остин услышал удивленный вскрик Кавока и заметил, что Горгол глаз не сводит с карты. Работая объездчиком, он не раз видел карты у колонистов и научился в них разбираться.

«Теперь главное — успеть, — подумал землянин. — Даже если Кротаг решит выставить нас с Пиков, ему придется потрудиться, чтобы добраться до нас.»

— Ваш коптер надежно защищен? — спросил он пилота. — Вы можете взлететь до захода солнца?

— Чего ради? — вмешался Вайдерс. — У нас же есть направляющий луч.

Направляющий луч! Насколько знал Сторм, эти приборы были только у Изыскателей и военных. Как же Вайдерс смог раздобыть его? Но как бы то ни было, сейчас это было очень кстати. Вместо того, чтобы облетать весь район пытаясь разглядеть с высоты спасательный катер, можно было отыскать его прибором.

— Так может твоя машина взлететь до захода солнца или нет? — снова спросил Сторм.

Его не особенно волновало, сколько времени займет у них поиск. Гораздо важнее было знать, сколько времени осталось у них до того, как Кротаг или другие норби обнаружат этот лагерь.

— Вообще-то защита приличная, — с видимой неохотой признал пилот.

Остин хорошо понимал его. При любой защите подниматься в раскаленное небо неприятно и рискованно. Но, с другой стороны, его же не насильно сюда притащили, и он должен был понимать, что Вайдерс не на прогулку его приглашает.

— А на что вам знать какая у него защита? — недовольно пробурчал Вайдерс.

Сторм объяснил. Если коптер сможет подняться до сумерек, то они попадут в Синий район прежде, чем норби обнаружат эту их стоянку. Вайдерса это заинтересовало.

— И верно, почему бы нам не полететь прямо сейчас? — спросил он пилота.

— «Нам»? — вмешался Сторм, — Вы что, тоже собираетесь лететь, джентльхомо?

— Конечно, — в ответе прозвучала та же жесткая категоричность. Вайдерс достал листок с данными радиопеленгования, уточнил координаты и ткнул пальцем в карту.

— Вот здесь. Ваши власти считают, что сигналы шли отсюда.

Горгол вскочил на ноги и заговорил высоким срывающимся голосом, одновременно сложив пальцы в знаке категорического отрицания. Потом, словно вспомнив, что люди не понимают его языка, он вытянул перед собой руки и его пальцы замелькали так быстро, что Сторм с трудом разобрал:

— Инопланетник хочет туда? Туда нельзя чужим — там колдовство... сильное колдовство тех, кто ест Сладкое Мясо. Туда нельзя.

— Что он говорит? — требовательно спросил Вайдерс.

— Что там территория каннибалов и там очень опасно.

Но Остин чувствовал, что Горгола беспокоят вовсе не каннибалы.

— Мы и раньше это знали, — презрительно фыркнул Вайдерс. — Он что, думает, будто эти дикари с луками справятся с коптером?

Но теперь в разговор вмешался пилот.

— Послушайте, джентльхомо! Это гадкий район. Воздушные потоки абсолютно непредсказуемы. Любой дважды подумал бы, прежде чем соваться туда.

— В эту машину встроено все, что изобрело человечество для обеспечения безопасности, — резко ответил Вайдерс. — Некоторые приборы вообще никогда не завозились в ваше захолустье. Вперед! Взлетим и сами посмотрим, что это за Синий район.

Но выйти им не удалось. В дверях в боевой позиции стоял Кавок, сжимая в руке охотничий нож норби. Сторм даже поразился: такая озлобленная решимость читалась на его обычно невозмутимом лице.

— В чем дело? — спросил он Горгола.

Юный норби стоял в нерешительности, переводя взгляд с землянина на Кавока.

— Колдовство, — наконец ответил он неуверенно. — Черному нельзя идти. Если пойдет — погибнет.

— Слышите, — обратился к Вайдерсу Логан, — Горгол говорит, что земля эта заколдована и даже летать над ней нельзя.

Вайдерс окинул юношу презрительным взглядом, усмехнулся и промолчал. Логан понял этот взгляд и, кипя от гнева,

ветал в дверях рядом с Кавоком, положив руку на свой парализатор.

— Они правы, — осторожно сказал Сторм. Он чувствовал себя так, словно оказался между двумя йорис в период весенних драк. — Если туземцы считают этот район священным, мы туда не пойдем.

Но он недооценил Вайдерса, его наглую самоуверенность и решимость идти напролом. Вайдерс не пытался достать свой парализатор. Вместо этого он бросил что-то маленькое на пол палатки между Стормом и Горголом. Ослепительная вспышка — и провал в темноту. Остин потерял сознание.

7

— Вызываем станцию слежения Пиков! — Отвечайте... Вызываем станцию...

Резкий взволнованный голос пробился в затуманенное сознание Сторма. И тут же он ощутил, как что-то шершавое и влажное прошлось по его груди. Открыв глаза, он увидел прямо над собой морду Сурры и понял, что она употребила собственный способ привести его в чувство. Ее язык обдирал кожу не хуже бритвы.

Горгол и Кавок лежали на полу, подтянув колени к груди и обхватив головы руками. А за столом бледный качающийся Логан одной рукой поддерживал голову, другой прижимал к губам микрофон и настойчиво повторял:

— Вызываем станцию слежения Пиков... отвечайте... отвечайте!

Сторм заставил себя приподняться, потом сесть, и тут же у него перед глазами от невыносимой головной боли поплыли огненные круги. Одновременно его продрал болезненный озноб. Когда-то ему пришлось испытать на себе действие парализатора, но это не шло ни в какое сравнение с тем, что он чувствовал теперь. Казалось, попытайся он встать — и тут же снова свалится от болевого шока. Но, цепляясь за ящики и край стола, он все-таки заставил себя подняться.

— Что ты делаешь? — спросил он Логана. Каждое слово отдавалось в голове новой вспышкой боли, и Сторм тупо удивился, как у Логана хватает сил на эти бесконечные вызовы. Логан сидел, уставившись на передатчик неподвижным взглядом, лицо его было перекошено болезненной гримасой, на лбу блестела испарина, и все же он упорно повторял:

— Вызываю станцию Пиков... отвечайте! — Наконец он заметил Сторма, оторвался от передатчика и с трудом произнес: — Вайдерс улетел на коптере... будет беда! — Его качнуло, и он судорожно так вцепился в стол, что побелели костяшки пальцев.

Тут в голове у Остина прояснилось, и он все вспомнил. Видимо, у Вайдерса было какое-то инопланетное оружие, о котором никто не подозревал, и когда ситуация сложилась не в его пользу, он не задумываясь применил его. Сейчас его коптер, должно быть, приближался к Синему району. Норби, скорее всего, воспримут наглое вторжение на их священные земли как оскорбление и решат отомстить, а деятели вроде Дьюмероя вряд ли станут утруждать себя переговорами с разгневанными туземцами. Если здесь вспыхнет огонь войны, он быстро распространится на всю планету и может сжечь ее так же безжалостно, как сжег Землю отчаянный удар хиксов.

Землянин оторвался от стола, кусая губы от невыносимой боли, разрывавшей его череп, и склонился к Горголу. Глаза Горгола были плотно закрыты, крупные капли пота покрывали его безволосый череп. Похоже, ему было ничуть не легче, чем Остину. Сторм не знал, что за оружие применил инопланетник, и не мог предположить, как оно действует на туземцев. Но ни на обследование, ни на сочуствие сейчас не было времени.

С предельной осторожностью Остин положил руку на плечо Горгола. Из горла туземца вырвался свистящий звук, и он открыл глаза. Похоже, он не рисковал шевелить головой, лишь глаза его странно скосились на Сторма. Остин покрутился, стараясь найти такое положение, чтоб Горгол мог без труда смотреть на его руки.

— Инопланетник ушел. Мы должны...

Закончить он не успел. Горгол оторвал руки от головы, вскрикнул и прокусил губу, ударившись затылком о жесткий пол палатки, и тут же сложил пальцы в знакомые знаки.

— Он принесет зло... много зла... если мы это допустим. Надо его остановить.

— Это я виноват, — просигналил Сторм. — Я слушал его байки и я предложил ему путь в Пики, хотя я не знал, что он рискнет придти сам. Ты не виноват, что не смог остановить его — никто не знал, что у него есть такое оружие. Его штука уже летает в небе Священной страны.

— Если Небесный Барабанщик разгневается, он сожжет ее молнией. И это не к добру: великие обряды начнутся со злых дел! — Теперь Горгол не только сигналил пальцами, но и

говорил что-то вслух, словно забыл, что землянин не может понять его.

Теперь и Кавок открыл глаза. Обиженный, больной и разъяренный он шипел и плевался не хуже сердитой Сурры. Горгол собрался продолжать, но тут их прервал голос, долетевший из приемника — всего несколько слов на правильном галактическом языке:

— ...вызываем базовый лагерь, — Сторм невольно сжал кулаки услышав эти самодовольные интонации. — Вызываем базовый лагерь.

Шатаясь, он прошел к столу, не обращая внимания на приступы боли, которые вызывало каждое движение, оперся на крышку стола и взял у Логана микрофон.

— Вайдерс... — негромко сказал он.

— Ну вот вы и пришли в себя! — с веселой издевкой прозвучал знакомый голос.

Сторм с трудом сдержался, чтобы не высказать этому наглецу все, что он о нем думает. Вместо этого он нарочито спокойно спросил:

— Вы уже в Синем районе?

— По дороге туда, чуть правее точки назначения. Ну, как ваша голова, Сторм... побаливает? Я же предупреждал вас: я хочу сделать все сам и никому не позволю заступать мне дорогу.

— Вайдерс, послушайте, возвращайтесь! Не будьте болваном... возвращайтесь немедленно!

Землянин понимал, что Вайдерса он не переубедит, но в коптере был еще и пилот. А тот прожил на Арцоре достаточно долго, чтобы понять опасность этой затеи.

— Не глупите! Поворачивайте назад! Нарушение колдовских обрядов даже одного клана может спровоцировать смертельную вражду, а там сейчас собрались все здешние племена. Вернитесь, не позволяйте им увидеть себя! Вы слыхали о закрытых планетах, с которых колонистам пришлось бежать? Так вот, Арцор может стать такой же, и виноваты в этом будете вы...

— Боже мой, Сторм, должно быть вы от головной боли совсем соображать перестали, — раздался из приемника смех Вайдерса. А затем он добавил жестким стальным голосом: — Эти ваши дикари при всем желании не смогут меня увидеть — я окутан силовым полем. Мы сейчас подходим к нужной точке. И запомните, Сторм, никто не смеет мне указывать, что можно и что нельзя делать, когда на карту поставлена жизнь моего сына. Мы еще свяжемся с вами. Наши позывные...

С легким щелчком связь прервалась. Остин отложил микрофон и взглянул на Логана. Побледневшее и вытянувшееся лицо брата сразу показало ему насколько плохи дела.

— Этот упрямый осел летит дальше, — просигналил он туземцам.

Горгол к этому времени уже поднялся на ноги и стоял, покачиваясь, опираясь рукой о стенку палатки.

— Кротаг... мы поедем к Кротагу, — просигналил он пальцами свободной руки.

— Нет! — ответил Остин и тут же лицо Горгола приняло замкнутое и упрямое выражение. Остин показал на микрофон. — Мы вызовем Офицера Мира. Он представитель закона...

— Это ваш закон! — в знаках Горгола сквозило явное презрение.

Тут Логан встал из-за стола и, слегка шатаясь от слабости, вступил в разговор.

Он очень неплохо смотрелся сейчас в своей туземной одежде, и знаки его текли плавно и важно, словно на переговорах вождей.

— В прошлый влажный сезон Харцал, воин племени, без приглашения явился в поместье Квада, нарушив охотничьи права, которые вы передали хозяину поместья. Он пришел тайком и убил фравна, не будучи голоден, не тронул мяса, а взял только шкуру. Он принес шкуру в Порт и пытался продать ее инопланетнику. Но разве его вина пала на весь клан Цамле? Разве Квад передал его нашим властям, чтобы они судили его по нашим законам? Нет, Квад отправил меня к Кротагу и предложил встретиться как старшим в своих кланах у одного костра, согласно вашим обычаям. И Кротаг согласился. Кавок может подтвердить это, он как сын вождя ездил к Кваду передавать это согласие. Кротаг и Квад встретились и поговорили. Квад рассказал об этой неприятности и передал ему Харцала, а сам вернулся в свое поместье и никогда не спрашивал потом, как Кротаг поступил с Харцалом. Это дело вождя клана, и не касается никого больше. Так это было?

— Так, — согласились оба норби.

— Преступление, совершенное этим инопланетником, много хуже того, что свершил Харцал. Так считаете и вы, а мы полностью согласны с вами. Этот человек без тотема оскорбил и нас, применив нечестное оружие, когда понял, что мы собираемся помешать ему. Вот пусть Офицер Мира и разберется с ним по нашим законам, как Кротаг разобрался с

Харцалом по вашим. С него спросят и за его безрассудное поведение и за зло, которое он этим принес, и за обиду, нанесенную двум колонистам и двум норби.

— Ладно, — согласился Кавок. — Но все равно нужно послушать Кротага. Пусть он узнает о злых делах инопланетника и решит, можно ли вам оставаться здесь или ехать дальше.

— Мы согласны, — сказал Сторм. — Пусть один из вас едет к Кротагу, а мы останемся здесь и постараемся связаться с Офицером Мира.

— И вы можете поклясться, что будете ждать здесь? — Горгол взглянул на Логана и Остина и почти смущенно отвел взгляд. — Да, я знаю: вы из тех, кто умеет держать слово. Я еду, Кавок остается... и когда пойдут люди Цамле он, как сын вождя, сам расскажет о том, что здесь произошло.

После отъезда Горгола они по очереди подсаживались к приемнику, снова и снова вызывая станцию слежения в Пиках, но ответа так и не получили. Однажды их вызвал коптер, и Вайдерс коротко сообщил, что они все еще продолжают полет.

Сторм попытался прикинуть, как далеко в Синий район может забраться коптер, прежде чем эта парочка повернет назад, спасаясь от дневного солнца. Но при таком расчете приходилось учитывать столько факторов, что он скоро бросил это занятие. Логан, думавший, по-видимому, о том же, вдруг фыркнул и махнул рукой.

— Чего ради им возвращаться? — сказал он. — Сядут в любом месте и поищут укрытия.

— Если Вайдерс поступил глупо сейчас, это еще не значит, что он совсем уж дурак. Он же знает, что это страна каннибалов.

— А ты думаешь, он способен принимать всерьез каких-то туземцев? — возразил Логан. — Он же до зубов вооружился всем, что только можно достать за деньги. Может, у него в коптере припрятан и контрабандный бластер. И он слепо верит в возможности этих игрушек. А ты хочешь, чтобы он осознал, какую опасность могут представлять для него дикари с луками и стрелами!

Что ж, Логан был прав. Как все инопланетники, Вайдерс считал, что современным оружием он легко справится с любыми туземцами. И как все инопланетники, жестоко ошибался. В конце концов, за ним стояла только техника, а за туземцами — вся вековая мудрость жизни в арцорианской пустыне.

— С-с-с-с, — легкий свистящий звук долетел через открытую дверь палатки и заставил юношей вздрогнуть от неожиданности.

Сторм быстро вышел наружу. Ни Баку, ни Сурра не выглядели встревоженными, значит, подъезжающие были им хорошо знакомы. Но он с неудовольствием отметил, что впервые за долгое время он забыл приказать своим разведчикам предупреждать его о любом пришельце.

Всадники выехали на открытое место из темноты каньона, и Сторм узнал в едущем впереди Кротага. Землянин ждал в узкой полосе света, что падал из дверного проема, и не пытался пойти навстречу. Сначала надо было по поведению Кротага понять, что тот надумал. Он уже слышал обо всем от Горгола и, похоже, что-то решил, иначе не явился бы так быстро. По обычаю, Сторму не следовало ничего делать, пока вождь не выскажет своего решения.

Кротаг подошел к палатке, и землянин шагнул в сторону, открывая дорогу ему и следующему за ним туземцу.

Этот норби был совсем не похож на воина: он не носил ни пояса с оружием, ни охотничьего ожерелья из зубов йорис. Его длинное костлявое тело покрывала странная рубаха, украшенная вплетенными в ткань черно-белыми перьями. Прямо на рубаху был накинут длинный свободный плащ, тоже расшитый перьями, золотисто-зелеными и блестящими. Рога его были выкрашены черной краской, а глубоко посаженные глаза — обведены широкими черными кругами, что придавало лицу жутковатый вид. На шее у него, на крепком шнурке, висел маленький черный барабанчик.

— Я вижу тебя, носящий имя Кротага, — просигналил Сторм вежливое приветствие.

— Я вижу тебя... чужак, — получил он в ответ.

Не слишком обнадеживающе, но приходилось смириться.

— Я вижу тебя, вызывающий небесные стрелы, — продолжал Остин. — Что за колья носишь ты в этой жизни?

Густая тишина повисла в палатке, только снаружи доносился дробный перестук лошадиных копыт. Барабанщик протянул к нему руки, но не для того, чтобы обменяться знаками. Он выставил перед собой раскрытые ладони и так долго и пристально смотрел в глаза Сторму, что у того уже не стало сил отвести взгляд. Как во сне, Сторм протянул свои руки и положил их на подставленные ладони. Так они и застыли ладонь к ладони, Сторм и туземный колдун. От своих предков-индейцев Сторм знал, что в мире существуют великие невидимые силы, и что если призвать их, они наделяют

человека невероятными способностями и немалой властью. Нечто подобное он вызвал, когда освобождал пленников из лагеря диких Нитра. Но тогда это было близкое и понятное ему колдовство его народа. А здесь... Барабанщик тихонько запел и звуки непонятного языка вызвали в душе Сторма другие — полузабытые, древние:

Я пройду по синим тучам,
Я пройду дорогой грома
И в сиянье добрых радуг
Я на землю опущусь.
Светлый дождик благодатный
Опускается со мною.
Пусть живительная влага
Землю радостью поит.

Сторм не был поэтом, но слова эти были настоящими, они несли в себе власть и силу и пробуждали в его душе что-то глубоко скрытое.

Сторм вздрогнул и очнулся. Прямо перед ним было лицо колдуна. Теперь он словно не замечал странного грима, просто мудрый старец смотрел на него темными, глубоко посаженными глазами. И в глазах этих светилось то же чувство, которое испытывал сейчас Сторм. Но контакт тут же исчез, и Остин снова стал самим собой — обычным колонистом, стоящим посреди большой палатки, приложив свои ладони к ладоням колдуна норби. Наконец колдун убрал руки.

— Мое имя Укурти, — просигналил он, — А ты из тех, кто может собирать тучи... младший брат.

— Нет, — резко ответил Сторм, всегда старавшийся держаться подальше от колдовства. — Ты ошибся, у меня нет дара. Но очень давно, в другом мире мой дед был Вызывающим Дождь, как и ты. Может, какая-то часть его дара перешла ко мне.

Укурти понимающе кивнул.

— Так и должно быть. Только так. Кому по силам такая ноша, тот берет на себя это бремя, и дело это добровольное. В хорошие времена нельзя ни на кого взваливать это без его согласия. Но сейчас надвигаются плохие времена. Тот, кто ушел отсюда по воздушной дороге, нарушил законы и моего и твоего народа. Он полетел в священную страну... даже я не могу сказать, сколько зла это может принести. Придется тебе взять на себя эту ношу, юный брат.

Остин склонил голову.

— Я принимаю эту ношу, ибо в том, что случилось, есть

и моя вина. Я показал ему дорогу на Пики, хоть и не думал, что он решится на такое святотатство.

— Этот человек сам выбрал путь, с которого не возвращаются, — вмешался в разговор Кротаг. Он смотрел на Сторма удивленно и недовольно, словно обнаружил в нем что-то новое для себя.

— Это будем решать не мы, — спокойно уточнил Укурти. — Если он останется в живых, ты, мой юный брат, должен будешь представить его старшим из твоего народа. Это мы возлагаем на тебя.

— Принимаю, — поклонился Сторм.

И тут из приемника на столе раздалось странное потрескивание. Логан схватил микрофон.

— Отвечайте! Прием! Отвечайте! Базовый лагерь на связи.

Сторм через всю комнату рванулся к столу и выхватил микрофон у Логана.

— Сторм слушает!..

— ... видим спасательную шлюпку... Спускаемся... склоне горы, — прорвался сквозь разряды атмосферного электричества голос Вайдерса.

Сторм показал Логану глазами, тот кивнул и включил пеленгатор. Если Вайдерс не прервет связь, можно будет локализовать коптер.

— Это спасательная шлюпка! Она цела! Идем на посадку.

— Вайдерс!.. Вайдерс, не надо! — закричал Сторм, хоть прекрасно понимал, что теперь этого упрямца ничем не остановишь.

Логан знаками объяснил норби, что произошло.

— Значит, он нашел то, что искал, — задумчиво сказал Барабанщик. — Похоже, Обитатели Горных Вершин сжалились над ним. Посмотрим, что будет дальше.

Сторм не выпускал из рук микрофон и время от времени повторял вызов, но в приемнике слышался только треск помех. Неожиданно прорвалась четкая передача, и голос Вайдерса заполнил весь домик.

— Смотри, люк открыт! Значит они выжили! Смотри! — вдруг голос сорвался на высокий, резкий, как у норби, свист, в котором звучало и удивление и растущая тревога.

— Не может быть! Огонь стекает прямо с горы, а за ним... Смотри, смотри, вон они! Сторм, вы слышите?

— Слышу! — отозвался Сторм, пытаясь представить, что там сейчас происходит.

— Стреляй, стреляй же, черт возьми! Сними вон того!

— Вайдерс, на вас напали? Кто?..

— Слушайте, Сторм... нам не удержаться. Огонь подходит к коптеру... мы уходим. Попробуем укрыться в пещерах.

— Кто на вас напал? Что случилось?

Но из приемника больше не прозвучало ни слова.

— Небесный Барабанщик сказал свое слово, — просигналил Кротаг. — Нам больше не надо думать о том, который причинил зло.

— Но, может, они еще живы! — запротестовал Сторм. — Мы же не можем просто бросить их.

— Все уже решилось. — Ответ Кротага был так категоричен, что Сторм не решился настаивать.

— Укурти, — обратился он к колдуну, — ты сказал, что это моя ноша, и я ее принял. Как же я могу не удостовериться точно, чем все это кончилось?

И снова человек и норби смотрели в глаза друг другу, словно были одни в целом мире. И снова Сторм ощутил какой-то странный контакт, какого у него не бывало ни с людьми, ни даже со своей командой.

— Ты понял правильно: ноша эта твоя и ты еще не избавлен от нее. Инопланетникам нечего было делать на Священной земле, вот они и понесли наказание. Но я боюсь, что для тебя это не конец, а только начало дел. Дорога перед тобой открыта, ступай смело...

— Если мой брат пойдет по этой дороге, значит, и я должен идти с ним, — вмешался Логан.

Укурти повернулся и с явным уважением посмотрел на юношу.

— Не зря говорят, — просигналил он, — что когда боевые стрелы наложены на натянутую тетиву луков, брат должен встать плечом к плечу с братом. Если ты так решишь, то эта дорога будет и твоей, и никто, кроме Обитателей Высот, не может запретить тебе это.

— А что говорит твой барабан, — спросил Кротаг знаковой речью, чтобы колонисты тоже поняли его вопрос.

— Позволь им идти и делать что предназначено. Путь их долог и никто не предскажет, что их там ожидает. Пусть свершится то, что должно свершиться.

Колдун начал тихонько постукивать пальцами по туго натянутой коже барабана — странный властный ритм, от которого у Сторма по спине побежал неприятный холодок.

В темноте дверного проема показалась Сурра с горящими глазами и прижатыми к черепу ушами. Она чуть ли не на брюхе подползла к Сторму. А за ней — распушивший перья,

негодующе клекочущий Баку. Последним в палатку вошел Горгол, медленно, словно полусонный, с широко открытыми застывшими глазами. Барабанщик ударил еще пару раз и оборвал заклинание.

— Вы все позваны и выбраны. Ноша этого долга возложена на вас. Идите. В добрый путь!

— Мы принимаем эту ношу, — согласился Сторм от имени своего разношерстного отряда.

8

— Мираж? — изумленно спросил Логан, оглядев исхудавших, тяжело бредущих товарищей и весь мир вокруг.

После долгого пути пешком по каменной трубе ущелья, по дороге, едва проходимой для лошадей, нелегко было поверить в реальность того, что открылось их глазам. Склон вел вниз, в довольно широкую долину, ограниченную на западе очередной скальной стеной. И вся долина была заполнена буйной и свежей желто-зеленой растительностью, словно речные земли во влажный сезон. Невозможное явление во время Великой Засухи, до золы сжигавшей все. А в самом низу блестела вода — озеро или широкий речной плес.

Остин устало опустился на корточки, привалился спиной к скале. Хотя уже давно наступили сумерки, он даже сквозь рубаху чувствовал жар камня. Три, четыре, пять дней укрывались они в убежищах и шли только по ночам, пока не вышли к границе Синего района.

На последнем переходе только знания Горгола спасли их от верной смерти. У них кончилась вода, и норби буквально на коленях исползал маленькую забитую песком низинку, словно вынюхивая скрытый источник. Потом он выкопал ямку, воткнул глубоко в песок пустотелую тростинку и чуть не задохнулся, пытаясь высасывать через нее. А в награду за все усилия они получили не больше полуведра солоноватой воды на всех: на людей, на норби и на животных.

И вот перед ними простерлась эта невероятная долина. Горгол остановился на краю склона и благоговейно сложил руки. Сурра рыкнула и слегка боднула в бок Сторма, словно приглашая его скорее спускаться в оазис, откуда доносились такие приятные и волнующие запахи. Раз кошка с таким нетерпением рвалась туда, значит — это не было ни миражом,

ни галлюцинацией. Сейчас Сторм гораздо больше доверял кошке, чем своим чувствам.

Горгол вынул из мешочка на своем поясе что-то вроде карандаша и провел несколько замысловатых зеленых линий на своих ввалившихся щеках. Такая раскраска мгновенно превратила юное лицо в жуткую маску. Он повернулся к землянину, дал ему возможность полюбоваться на себя, а затем протянул мелок и просигналил.

— Нужно, чтобы сразу было видно, что мы пришли с миром.

— Это для диких?

— Нет. Здесь за нами следят много невидимых глаз. А это знак мира для Небесного Барабанщика.

Остин без колебания взял мелок, провел на лице положенные линии и передал его Логану. У каждого народа свои обычаи и Горголу виднее, как здесь следует поступать. Краска мгновенно высохла, слегка стянув кожу.

Хоть они и несли на себе теперь знаки мира, но в долину спускались с осторожностью разведчиков на вражеской территории. Сторм заметил, что какие бы перемирия не заключались, но у Горгола явно сквозило недоверие к диким Нитра и каннибалам.

Баку уже летел к воде. Сурра мягко скользила по косогору впереди, почти невидимая в сгущающихся сумерках и только благодаря мысленному контакту Сторм мог следить за ней. Пока вокруг не было ничего подозрительного, но кошка была собрана и насторожена. Люди двигались следом за ней, стараясь стать такими же незаметными.

Если в долине обитали туземцы, то, скорее всего, возле воды. Но им и самим надо было во что бы то ни стало поскорее добраться до воды. Камни косогора еще не успели остыть, и жар от них чувствительно припекал изнуренные тела.

Сторм заметил, что Горгол на ходу сорвал стебелек какой-то травы, разжевал его и выплюнул. Землянин попробовал повторить это и выжал несколько капель густого терпкого сока, хоть немного смочившего пересохший рот.

Всю дорогу он машинально высматривал, где здесь Вайдерс мог найти спасательную шлюпку и посадить коптер. В лагере они запеленговали примерно этот район, но теперь нужно было еще найти обломки машин.

Сторм настороженно замер и сделал знак, заставивший его спутников остановиться. Сурра предупреждала, что между ними и водой находятся туземцы. Сторм установил контакт с

Баку и орел, поднявшись в воздух, передал ему, что вдоль озера проходит отряд туземных воинов.

Все трое плотно прижались к земле, и Сторм пожалел в душе, что они поспешили раскрасить лица: светящаяся в темноте краска могла сейчас выдать их. Чужие пока не подозревали о них. Сурра доложила, что отряд спокойно уходит на юг, и неслышно последовала за ним. Сторм послал Баку, проследить на всякий случай, куда направляются эти воины.

Вокруг шла обычная ночная жизнь. Обитателям этой долины вряд ли приходилось прятаться днем в убежище даже во время Великой Засухи. И сейчас в траве сновала всякая мелкая живность, шуршащая, пищащая и скребущая. Все это мешало Сторму вслушиваться.

Старая добрая игра; землянину часто приходилось играть в нее на многих мирах во время военной службы. Лежать, уткнувшись носом в землю, воспринимать, запоминать и анализировать все, что передавали ему его пернатые и пушистые разведчики.

Отряд туземцев отходил все дальше, и дорога к воде была свободна. Сторм подал товарищам знак подняться и в постепенно сгущающейся темноте они направились к озеру.

Они вошли в прибрежные тростниковые заросли, не обращая внимания на тучи маленьких кровопийц, которые окружили их живым туманом. Какое это имело значение, если перед ними была вода, пусть темная, с непривычным вкусом и запахом, но настоящая вода. Можно было вдоволь напиться и умыться, даже войти в нее, чувствуя, как сухая шершавая кожа впитывает эту благодать.

Немного очухавшись, они поднялись по косогору, достали и разделили пищевые таблетки.

— Похоже, мы нашли то что искали, — сказал Логан.

— Это вон там, — неожиданно вмешался Горгол, указывая на какую-то точку в северных горах. — Там проходят обряды и оттуда приходит огонь.

— Каким образом? — спросил Остин.

Но Горгол и сам не знал или не мог объяснить. Остин вспомнил вспышку в горах, которую он видел с крыльца поместья и странные колебания воздуха, что последовали за ней. Это напоминало ему что-то, с чем он уже сталкивался, но никак не мог вспомнить, что именно. Во всяком случае, у него не было ни малейшего желания лезть на ту гору и проверять.

Отдохнув, они двинулись вокруг озера. Баку спокойно плыл в чаше ночного неба, Сурра обследовала все по обе сто-

роны от их дороги. Пару раз им пришлось прятаться от проходивших отрядов норби, и только в самом конце ночи они вышли к подножью горы. Грузная громада вздымалась перед ними, закрывая звездное небо.

И тут до них донесся звук. Сначала слабый и невнятный, он нарастал и постепенно превратился в гулкий рокот. Барабаны! И не один маленький барабанчик с колдовской властью которого познакомил их Укурти, а множество, растянувшиеся длинной цепью.

— Поселок! — прокричал Логан прямо в ухо Сторму и все равно голос его был едва слышен в этом громовом рокоте.

«Это где-то восточнее», — подумал Сторм. И еще он подумал, что эти барабаны наверняка используют для какого-то важного обряда, а значит, в эти последние часы ночи все туземцы заняты, и можно не опасаться случайных встреч.

И тут Сурра передала ему, что нашла коптер. Следуя ее указаниям, они вышли на ровную площадку выжженной земли, посреди которой лежала разбитая и искореженная инопланетная машина. Недалеко от нее виднелся обгоревший труп пилота, с торчащей меж лопаток боевой стрелой.

— Нам надо действовать быстро, пока не настал день. Вайдерс передал, что укроется в пещерах. Попробуем прочесать склон поблизости и найти его.

Они развернулись веером и пошли вверх по косогору. Остин шел по выжженной полосе и только дивился, какая она длинная и ровная, совсем не похожая на пожарище. Скорее уж, на след луча какого-то инопланетного оружия...

Хиксы? Они орудовали таким излучателем в ту ночь, когда Логану удалось сбежать из их тайной базы в горах. Остин вспомнил, как хиксы тогда сожгли целый табун наворованных лошадей, рассчитывая, что с ними погибнет и беглец, и его замутило. С их точки зрения, игра стоила свеч — ведь беглец слишком много узнал об их планах и, безусловно, был для них опасен. Так что же, еще одна притаившаяся в горах тайная база хиксов? Что ж, может быть и так.

Выжженная полоса неожиданно оборвалась: только что он шел по золе сгоревших растений — и вот уже свежая трава и кусты, чуть качающиеся под ветром. Может, огонь шел снизу и дошел только досюда? Остин вернулся к разбитому коптеру, прошел вниз по склону и не нашел других следов пожара. А если не излучатель, то что еще могло выжечь землю такими ровными полосами? Продолжая обдумывать эту загадку, Остин автоматически оглядывал все вокруг, отыскивая вход в пещеру.

Ослепительный луч лизнул землю в паре метров перед ним, и кусты тут же превратились в дымные трескучие факелы. Остин отшатнулся, и второй удар пришелся левее, но язычки огня потянулись по траве прямо к его ногам. Он развернулся и побежал на юго-восток, чувствуя за спиной гул разгорающегося пламени. Прежде он никогда не видел ничего подобного, но почему-то хорошо понимал, что это не природный катаклизм. Нет, все это было четко продумано: его загоняли, как животное! Несмотря на волны настигающего жара, по спине землянина пробежал неприятный холодок. Кто-то огненной плетью гнал его, как отбившегося фравна... Но куда?

Он старался смотреть под ноги и по возможности выбрать дорогу, благо разгоревшееся пламя давало достаточно света. Достаточно споткнуться, и потерять темп — и он станет беспомощной добычей разбушевавшейся стихии. Перед ним открылся узкий проход, и землянин, одним прыжком проскочив через него, свалился на другой стороне, беспомощный и задыхающийся.

Немного отдышавшись, он начал обследоваться и тут, словно предупреждая, в землю прямо перед ним вонзилась стрела. Остин подтянул ноги, собрался в комок, готовый при первом удобном случае выскочить из ненадежного укрытия. Но сейчас выход закрывал не только огонь, но и подбегавшие туземцы.

Эти воины сильно отличались от норби равнин: низкорослые, не выше среднего землянина, с рогами выкрашенными в густой черный цвет. Лица их тоже были раскрашены черным, но не простым крестообразным узором, как разрисовался Горгол, а замысловатыми изломанными линиями.

И если в первые секунды Остин еще мог надеяться прорваться и сбежать, то теперь было поздно. Прямо перед отверстием появился туземец, отчетливо видимый на фоне пламени, с безотказным оружием охотника — сетью, сплетенной из обработанных особым образом корней местного растения. Даже разъяренная йорис, запутавшись в ней, становилась совершенно беспомощной. И так же беспомощно барахтался сейчас под сетью Сторм.

Спеленутого как младенца его принесли в деревню у подножья горы. Сторма поразило, что здесь не было обычных для норби легких, крытых шкурами шатров. Все дома были построены основательно, из мощных старых бревен, и покрыты высокими плетеными крышами.

Откуда-то появился местный барабанщик, одетый в руба-

ху, украшенную яркими зелеными перьями, с ломаными красными зигзагами на груди. И барабан, в который он негромко постукивал, сопровождая процессию, тоже был красный.

Вдоль дороги горели странные бледно-голубые факелы. Землянина занесли под одну из плетеных крыш и грубо свалили на утоптанный земляной пол.

Помещение было не похоже на жилой дом, скорее на какой-то храм. Сторм попытался оглядеться и разобраться. В центре комнаты, в специально выкопанной яме горел огонь, такой же голубой, как и факелы у дороги. На некотором расстоянии от стен шел ряд высоких деревянных столбов. Между ними были натянуты веревки с подвешенными к ним непонятными высохшими предметами.

И тут его осенило: это же Дом Грома! И на веревках развешаны трофеи — головы и руки врагов! Остин не раз слышал, что так поступают дикие горные Нитра. Но само строение было значительно больше и много древнее, чем любое туземное строение на Арцоре. Землянин лихорадочно ворошил память, выискивая все, что он знал о Нитра и сравнивал с тем, что видел здесь.

Воины осторожно обошли яму с огнем, дали Остину выпить из чаши какой-то настой, похоже, легкий наркотик и приказали лежать спокойно и ждать своего часа.

Скорее всего, это место было вотчиной колдунов — он все время слышал совсем рядом их барабаны. Так же, по древним обычаям, селились и норби равнин: на севере поселка — жилища колдунов, на юге — дом вождя клана.

Остин прикрыл глаза и попробовал установить контакт со своей командой, но наткнулся на гулкую пустоту — ни следа Баку или Сурры. Он даже не понимал, что могло блокировать контакт. Расстояние? Какой-то барьер? Он никак не мог дотянуться ни до орла, ни до кошки.

Это вызывало уже не просто тревогу, а настоящий страх. Если человек готов хвататься за соломинку, он может всерьез испугаться, если и эта соломинка вырывается из рук.

Сторм с трудом перевел дыхание. Он давно считал свою команду как бы частью самого себя, во всем на нее надеялся и полагался, и сейчас, когда никто не ответил на его зов, он почувствовал себя преданным и обманутым. Он так глубоко ушел в эти мысли, что с трудом пришел в себя, когда в полутьме Дома Грома началась какая-то суета. Он повернул голову, насколько позволяла гибкая сеть, и осмотрелся.

Группа туземцев принесла еще одного пленника, и ритм барабана зазвучал вполне понятным торжеством. Через минуту отчаянно бьющийся в сетях пленник был брошен на пол рядом с Остином.

— Остин!

Сторму пришлось хорошенько приглядеться, прежде чем он узнал под этой раскрашенной маской Логана.

— Я здесь, — отозвался он. — А Горгола тоже поймали?

— Не знаю. Я не видел его с тех пор, как отошел от коптера. Прямо передо мной вспыхнул огонь, я бросился вниз и угодил в сеть, натянутую между деревьев. А там уже поджидали эти...

«Как просто, — подумал Сторм. — Просто и очень точно рассчитано. Может, они заловили и Вайдерса, и тоже держат где-то здесь? Но чего ради надо было устраивать на горе эту огненную ловушку? Чтобы ловить тех, кто пытается подняться?

— Да, и еще... — прервал его размышления Логан. — Прежде чем началась вся кутерьма, я успел увидеть эту штуку.

— Какую?

— Спасательную шлюпку, как мне показалось. По ней не скажешь, что она потерпела крушение: лежит себе целехонькая, словно у себя на космодроме... по крайней мере, на первый взгляд.

— Но ты же не успел ее осмотреть?

— Нет, — признался Логан. — Я даже близко не подходил. Кое-что мне там очень не понравилось.

— Что такое?

— Там, прямо вокруг шлюпки, навалено всякое барахло — копья, стрелы, шкуры, цветы. А еще — туша лошади с проломленной головой и перерезанным горлом.

— Похоже на жертвоприношение.

— Может быть. Это потому, что шлюпка спустилась с неба? Они же никогда не видели космических кораблей.

— Возможно. Но тогда непонятно, почему они напали на коптер, который тоже спускался с неба? — возразил землянин. — Раз они никогда не видели космических кораблей, то чем для них один может отличаться от другого?

«Если только, — мелькнуло у него в голове, — они не ч у в с т в у ю т разницу между космическим кораблем и просто воздушным транспортом.»

— А может, они выходили на равнины и видели там коптеры. Тогда они знают, что это просто инопланетная машина, а вот космическая шлюпка — это нечто другое. — Логан, видимо, тоже размышлял об этом.

«А может, — внезапно подумал Сторм, — они смогли договориться с космонавтами из этой шлюпки? Это объясняет и появление излучателя».

Логан за это время успел оглядеться и уверенно сказал:

— Нас притащили в Дом Грома.

— Мне тоже показалось, что это похоже на Нитра, — заметил Остин. — Ты согласен?

Логан, пожалуй, лучше всех знал туземцев Арцора. Он вернее, чем кто-либо другой мог предположить, чего ради их поймали и что их ждет. Несмотря на различия, в обрядах и обычаях всех туземцев на Арцоре было много общего. Вот и в этом далеком племени Логану многое было знакомо.

— Они придерживаются обычаев Нитра, — уверенно сказал он. — Видишь два возвышения: одно на севере — для колдуна, другое на юге — для вождя. И две двери — одна на восток, другая на запад. И посмотри, как проходят здесь охотники. Видишь, они обходят каждую колонну? Это делают, поклоняясь Великим силам. А вот и Барабанщик! Теперь смотри внимательно.

Барабанщик возник возле ямы с огнем в неестественном голубом свете факелов, он негромко, одной рукой, выстукивал что-то на барабане. Свободной рукой он бросил в воздух над огнем что-то легкое и белое, и оно кружилось и парило в теплых потоках, пока не поднялось вверх и не исчезло в темноте над крышей.

— Молитвенные перья, — объяснил Логан. Потом он с уважением оглядел засушенные руки и головы. — А это все военные трофеи и развешаны они по правилам голуборогих.

— Смотри, — требовательно перебил его Сторм. — А так барабанщик Нитра тоже делает?

Колдун теперь подошел к самому огню и опустил свой барабан. Медленным тяжелым взглядом он обвел всех сидящих вокруг туземцев, потом вынул из-под рубахи шнурок с подвешенной на нем довольно длинной трубкой. Она сверкала и переливалась, словно не отражала пламя костра, а светилась собственным огнем.

Барабанщик торжественно и величаво направил ее на все стороны света поочередно, начиная с севера. Потом он направил один конец прямо в яму с огнем. Сверкающий луч вы-

рвался из трубки и в воздухе над костром заплясали какие-то разноцветные искры, переливающиеся подобно крохотным бриллиантам. Внезапно они застыли очертив яркую и четкую картину.

— Пять звезд! — выдохнул Логан.

Картина сменилась новым мельтешением, затем обрисовался треугольник, потом круг, и наконец снова собрались в луч, исчезнувший в пламени костра.

— Нет, Нитра такого не делают! — потрясенно прошептал Логан.

— И другие норби тоже, — мрачно отозвался Сторм. — Хоть я никогда не видел ничего такого, но могу тебе поклясться, что штучка эта инопланетная!

— Снова хиксы? — жестко спросил Логан.

— Не знаю. Но мне кажется, скоро мы с ними познакомимся.

9

Сторм напрягся и попробовал пошевелиться, насколько позволяла сеть. Ночь кончилась, но никто даже не подошел к пленникам. Солнечные лучи просачивались через плетеную крышу, но здесь они были просто теплыми, а не сжигающими, как на равнинах. В этой долине Великая засуха совсем не ощущалась!

— Солнце взошло, а здесь совсем не жарко, — словно про себя сказал Логан. — Наверное, это от озера...

— Но озеро не может так влиять на погоду — возразил Сторм. — У нас на равнинах большая река, а все равно без укрытия днем не выживешь.

— Но что-то здесь все-таки управляет погодой, — упрямо повторил Логан.

Что-то управляет. Только что? Единственным местом на Арцоре, где был создан искусственный климат, обеспечивающий благоденствие растений разных миров, были пещерные сады, обнаруженные Логаном и Стормом полгода назад. И оставлены они были древним народом Запечатавших Пещеры. Значит, и здесь, скорее всего, поработали не хиксы, а какой-то древний народ.

— Запечатавшие Пещеры... — вслух повторил Сторм. — Но ведь здесь не пещера, а открытое место! Как, по твоему, можно создать зону искусственного климата под открытым небом?

— Создали же они ее в пещере, — спокойно ответил Логан. — Да, если здесь что-то осталось от той цивилизации, это бы многое объяснило.

— Например, все эти колдовские штучки?

— Не только. Может и те хитрые воздушные течения, которые закрывают воздушную дорогу в этот район.

— Но норби всегда избегали Запечатанных пещер.

— Это на той стороне Пиков. А здесь все может быть по-другому. Ты мог бы поклясться, что где-то в богом забытом месте не остались и сами Древние? Может быть, даже в этой долине. Ведь легенды говорят, будто они не ушли с Арцора и не вымерли, а затворились в пещерах. И возможно, наступит время, когда они опять выйдут к людям.

Но все-таки самому Сторму не очень в это верилось. То, что какие-то кланы диких Нитра используют остатки древних знаний — это еще можно было допустить. Но чтобы раса космических путешественников веками пряталась в глухом горном углу, командуя горсткой примитивных племен, — в это трудно было поверить. Кто бы ни были создатели Пещеры Садов, — люди или совсем не похожие на людей существа, — что общего могло у них быть с воинами, высушивающими руки и головы побежденных противников?

Похоже, Логана занимали те же мысли.

— Мне не верится, что норби получили такое наследство — сказал он задумчиво.

— Мне тоже кажется, что они еще не доросли. Но вполне может быть, что скоро мы убедимся в обратном.

— Похоже на то, — мрачно согласился Логан. — Мне кажется, что не зря они так старались взять нас живыми. Наверное, нам уготована заметная роль в каком-нибудь ритуальном действе, вроде Праздника Барабана.

Сторм и сам давно пришел к этому заключению. Он не раз пытался хоть что-то сделать с сетью, но только зря потратил силы. Норби давно выработали способ ждать, утешаясь мыслью, что пока человек жив, жива и его надежда.

— Слушай! — Логан задрал голову и весь напрягся, тщетно пытаясь приподняться.

Опять рокот. На этот раз барабан был не один, а сразу много разных, с четкой паузой перед вступлением каждого. Прислушиваясь к чуть заметной разнице звучания, Сторм, пожалуй, мог бы попробовать сосчитать, сколько барабанщиков составляет этот оркестр.

Все утро туземцы поодиночке слонялись взад и вперед по

Дому Грома, но сейчас через южные двери вошла довольно большая группа. Следом за ними вошел высокий жилистый туземец с рогами, выкрашенными красным, и широким ожерельем из мелких полированных костей, а не из зубов йорис, как у знакомых Сторму туземцев. Он решительно взошел на возвышение для вождя.

Сторм, по-прежнему лежа на полу и глядя снизу вверх, внимательно наблюдал эту сцену. Через восточную дверь вошла другая группа туземцев, впереди которой два воина несли Столб Мира. Позади них шли Вождь и Барабанщик. Затем таким же порядком новые группы прошли через западные и южные двери. Теперь Сторм понял, что здесь не собрание кланов, как ему подумалось сначала, а встреча представителей племен, еще недавно враждовавших.

Прибыла пятая, потом шестая делегация. А седьмыми... — Остин чуть не свистнул вслух — седьмыми вошли Кротаг и Укурти.

Барабанщик хозяев занял северное возвышение. Теперь он извлекал из своего барабана воистину громоподобный рокот. Два юноши появились из-за возвышения и пронесли к яме с огнем плоский обрубок дерева, отполированный прикосновениями множества рук за долгие годы, если не века, своей службы. Рядом с ним они положили связку веток священного дерева и снова растворились в густой тени северной стены.

— Сейчас начнутся речи, — прошептал Логан, справедливо полагая, что никто, кроме Остина, его не услышит в этом грохоте. И точно — начались речи, и Остин что угодно готов был отдать, чтобы понять хоть половину этого свиста, щебета и переливчатых трелей.

Местный Вождь и Барабанщик по очереди подошли к чурбаку, стукнули по его вершине взятой из связки священной веткой и разразились речью, время от времени постукивая веткой, словно подчеркивая важные места. Затем их примеру последовали все приехавшие вожди и барабанщики.

Время шло, у Остина давно уже болела голова, во рту пересохло и он лежал, задыхаясь, и словно сквозь сон слышал гудение в центре Дома Грома. Он хотел пить и есть... но прежде всего — пить. Дважды он пытался связаться с Баку или Суррой, но так и не получил ответа. Кошка и орел, испугавшись пожара, могли убежать из долины. «Лучше бы они так и сделали», — подумал он.

Теперь их с Логаном шансы выпутаться из этой истории существенно уменьшились. Он было обрадовался, увидев здесь Кротага и Укурти, поскольку рассчитывал, что те замолвят

за них словечко. Но они и вида не подали, что знакомы с пленниками, значит, дела, заварившиеся здесь, были для них гораздо важнее, чем дружба с колонистами.

Ни Остин, ни Логан понятия не имели, сколько длилась эта конференция. Сторм потерял счет времени и был уже почти без сознания от голода, жажды и удушливого запаха священных веток.

Когда короткий толчок под ребра заставил его очнуться, день уже давно минул, и в ночной темноте ярко светили голубые факелы. Над ним стоял один из тех юношей, что выносили к костру ритуальный ствол для речей. Он поднес к губам Остина какую-то трубку.

Остин жадно схватил ее, и в рот полилась жидкость. Судя по пряному и сладковатому вкусу, вода была щедро приправлена какими-то травами, и Сторм жадно глотал ее, чувствуя, как постепенно проясняется сознание и отступает жажда. Затем трубку отдернули от его губ и, слизывая последние капли, он ощутил, как его тело снова наполняется энергией. Таким же образом напоили и Логана.

Местный Вождь и Барабанщик стояли около костра, с явным нетерпением наблюдая за этой процедурой. Похоже, им не терпелось начать что-то важное.

Легкое постукивание по барабану вызвало стражников — жестких, закаленных в сражениях бойцов, как отметил для себя Остин. Они немного ослабили путы, поставили пленников на ноги и вытолкнули поближе к свету.

Подошел еще один воин. Через плечо у него висели походные пояса землян вместе с оружием и флягами. Похоже, снаряжение будет сопровождать их в этой дороге. И тут Сторм вспомнил то, что видел Логан возле спасательной шлюпки... Жертвоприношение. Не предстоит ли и им, как той несчастной лошади, быть заколотыми во имя каких-то неведомых богов, воплотившихся, по мнению норби, в эту космическую железку?

В деревню их принесли, но сейчас заставили идти самих. Сеть неудобно стягивала затекшее от долгой неподвижности тело, грубо врезалась в руки и стягивала грудь. Остин спотыкался на каждом шагу, едва справляясь со своими одеревенелыми ногами. Тогда двое его стражей встали по бокам, подхватили его под руки и повели.

Далеко позади цепи воинов он заметил женщин. Похоже, предстоящая церемония собрала всех членов племени и всех гостей здесь, в центре деревни, вокруг перенесенного из Дома Грома Столба Мира.

Пленников повели, а скорее потащили по хорошо утоптанной дороге к темному подножию горы, где вчера огонь загнал их в ловушку. За ними, как заметил Сторм, все время оглядывавшийся в поисках Кротага, длинной колонной шли хозяева и гости, освещенные светом факелов.

Они поднялись выше, и к запаху священных веток присоединился запах сожженной травы. Один раз они пересекли прожженную полосу, но Остин не смог определить, была ли она раньше или появилась вчера, во время охоты на них.

Теперь зарокотали барабаны. Не только местный колдун — все собравшиеся здесь колдуны принялись отбивать четкий маршевый ритм. И в такт барабанам гулко и тяжело застучала кровь в висках у Сторма.

Гипноз! Эту опасность Остин понимал. Его собственный народ знал власть ритма и мог накладывать на людей заклинания, веря в которые, люди спокойно могли убить или принять смерть. Так что тут туземцы Арцора не изобрели ничего нового.

Он начал нарочно спотыкаться и то замедлять, то ускорять шаг, сбивая навязчивый ритм. Когда-то его обучали способам избегать подобных ловушек, и к тому времени, как они поднялись к вершине горы, он почти избавился от одури.

И вдруг... Трудно сказать, что это было. Может быть, звук, слишком высокий или слишком низкий для восприятия человека. А может, даже не физическое явление, а какое-то воздействие на уровне подсознания. Но у него возникло четкое ощущение, будто вся эта громада земли и камня, вздохнула и заворочалась, пробуждаясь.

Остин хорошо сознавал, что он столкнулся с чем-то неизвестным не только ему, а вообще ни одному инопланетнику, кроме Вайдерса, который, вероятно, тоже прошел через это.

Барабаны, барабаны... Как ни дергался Остин в жестких руках своих стражей, как ни противился этому воздействию, что-то внутри него отзывалось на эту магию. От сопротивления почти не было толку. Барабаны, шаги...

И снова гора вздохнула и вздрогнула, словно в предвкушении... Чего? Словно это не куча земли и камней, а затаившийся в ожидании зверь... человеку даже вообразить трудно такого зверя.

В воздухе все сильнее пахло гарью. Голова разламывалась от непрерывного грохота барабанов, многократно усиленного горным эхом. Теперь он и впрямь напоминал раскаты грома.

Подъем закончился, и они остановились, немного не дойдя до вершины. Барабаны внезапно смолкли и те, кто несли фа-

келы, начали гасить их, втыкая в землю. Теперь все стояли в полной темноте, освещенные только светом звезд с безоблачного неба.

Затихло эхо барабанного боя, установилась полная тишина. Что ответит на это зверь-гора? Воображение Остина тут же нарисовало ему огромную тварь, затаившуюся и выжидающую, — как это умела Сурра, — с терпением, на какое не способен ни один человек, с терпением дикого охотника.

Ждали норби... ждала гора... ждали пленники.

Снова этот вздох, этот звук, который нельзя услышать, можно только почувствовать каждой клеточкой напряженного тела.

Потом...

Молния! Огромный зигзаг молнии ударил ввысь, осветив склон. За ней другая, третья...

Они кружились и переливались у небольшого пригорка на самой вершине. «У головы зверя, — мелькнуло в голове ослепленного, потрясенного Сторма. — Корона молний над головой затаившегося зверя».

Потом ослепительный луч бичом щелкнул по земле, и на неподвижную толпу потянуло дымом пожарища. Еще удар... Теперь уже Сторм не сомневался, что здесь действуют не природные силы, а разум.

Хиксы... нет, вряд ли. То, что работало здесь, не было похоже ни на излучатель хиксов, ни на какое другое оружие, с которым Сторм сталкивался раньше. Не было это похоже и на деструктор, удар которого он пережил в Пещере Садов.

Все кончилось так же неожиданно, как и началось. Широкими полосами горели на склоне кусты и трава, но дальше огонь не распространялся. И снова зазвучал знакомый маршевый ритм. Сопровождающие подтолкнули Сторма вперед. Однако, на этот раз за пленниками пошли только стражники, Вождь и Барабанщик.

Снова они миновали сожженный коптер. Должно быть, в него еще раз ударила молния, так как спекшийся в бесформенную массу хвост еще светил неостывшим металлом. Был коптер — и нет его.

Горгол, Баку, Сурра... Удалось ли им спастись от молний и сетей туземцев? Остин еще раз попытался позвать, но ответом была глухая тишина, словно что-то блокировало все пути мысленной связи.

— Подходим к спасательной шлюпке, — сказал Логан.

Сторм чуть не задохнулся от тяжелого запаха гнили — здесь разлагались и животные останки, и растительные. Жер-

твы... если это и вправду жертвы. И неужели сейчас к этой гниющей груде добавят его и Логана? Землянин попытался вспомнить пару приемов, которые можно провести даже со связанными руками. «Это оставим на крайний случай», — подумал он.

В отблесках пожара отчетливо виднелся раздувшийся труп лошади, а позади нее на фоне неба проступал силуэт спасательной шлюпки. Как и говорил Логан, шлюпка, похоже, приземлилась благополучно, по крайней мере, следов крушения заметно не было. Но куда же тогда подевались выжившие?

Остин так ожидал схватки у шлюпки, что просто растерялся, когда они прошли мимо. Только Барабанщик вынул откуда-то пару молитвенных перьев и пустил их по ветру в сторону шлюпки. Нет, их ждало что-то другое. И снова в воображении Остина возник притаившийся в засаде зверь — чуткий, настороженный и в какой-то мере разумный.

Новый подъем, на сей раз по такому крутому и каменистому склону, что пленники не могли удержаться на ногах и их почти волоком втащили на веревках. Пару раз Сторму удалось опуститься на колени, чтобы чуть-чуть передохнуть и оглядеться.

По дороге от спасательной шлюпки они пересекли несколько выжженных полос, но гарь была давняя, даже дымного запаха уже не было. Все больше и больше камней выглядывало из травы, вот уже кончились и заросли кустарников, теперь их окружали голые скалы. Потом процессия свернула в какую-то расщелину и Сторм почувствовал под ногами неровные ступени.

Лестница вывела их на широкий уступ, точнее, на небольшое плато. В скале прямо перед ними чернело отверстие. Но оказалось, что они все еще не пришли. Пленников повели дальше, вдоль по уступу, плавно загибающемуся к востоку. Приближалось утро, и Сторм с тревогой подумал, не вышли ли они из зоны искусственного климата. Может так это и задумано — оставить чужаков умирать от солнечного жара на вершине священной горы?

Вход в пещеру давно скрылся из виду, и карниз, по которому они шли, превратился в узкую тропинку между скалой и пропастью. Дорога стала ровной и невольно напомнила Сторму похожую дорогу по ту сторону Пиков, где ему пришлось принять бой с последним на Арцоре хиксом. Это были остатки цивилизации Запечатавших Пещеры.

Дорога кончилась внезапно, словно обрезанная ножом. Прямо перед ними была скала, а в ней — несколько прохо-

дов, закрытых какими-то черными плитами. Барабанщик остановился и выбил какую-то замысловатую дробь, словно приветствуя тех, кто был по ту сторону плит.

Когда эхо барабана затихло, Вождь подозвал воина, который нес пояса с оружием пленников. Он методично переломил лезвия охотничьих ножей, потом так же спокойно разбил парализаторы о камень, доказав этим, что не первый раз имеет дело с инопланетным оружием. Потом он подозвал воинов, отдал какой-то приказ и отступил в сторону.

Воины встали перед черной дверью, уперлись в нее ладонями и нажали. Дверь повернулась, открыв узкий проход. В открывшееся отверстие Вождь бросил пояса и изуродованное оружие пленников, а потом их самих подвели к темной дыре и с такой силой толкнули в спины, что они буквально влетели внутрь и провалились в густую, плотную темноту.

10

Сторм сильно стукнулся о невидимую стенку, и у него на миг перехватило дыхание. Он уже поднялся на колени и пытался раздышаться, когда на него свалился Логан, заставив его снова растянуться на каменном полу. Темнота кругом была непроглядная — похоже, норби уже успели закрыть дверь наверху.

Землянин сразу узнал этот застоявшийся пыльный воздух — точно такой же был в переходах к Пещере Садов. Характерная примета всех Запечатанных Пещер — последнего, что осталось на Арцоре от давно ушедшей неведомой цивилизации.

Немного отдышавшись, он лег на спину и попытался думать спокойно.

— Похоже, еще одна Запечатанная Пещера, — заговорил невидимый в темноте Логан, — и воняет так же противно.

— Похоже.

— Как ты думаешь, есть у нас шанс выбраться отсюда?

Остин подвигал руками и почувствовал, что веревки теперь держат не так крепко.

— Может быть, — коротко ответил он и снова потянул веревки.

— А! — радостно воскликнул Логан, — я, кажется, выпутался. Ты где?

Невидимая рука скользнула по колючему плащу на плечах Остина и занялась веревками.

— Не слишком-то они старались, завязывая эти узлы, — пробормотал Логан, освобождая руки Сторма.

— Мне кажется, это они нарочно, — сказал Сторм, с наслаждением растирая затекшие запястья. — Раньше мы были связаны достаточно надежно. И потом, они бы запросто могли оставить нас в сетях.

Они представления не имели, насколько велика эта пещера и далеко ли их отбросило от двери. Они не знали даже, в каком направлении находится эта дверь. Жуткая темнота и затхлый мертвый воздух напрочь лишали человека чувства направления, и даже, как подозревал Сторм, ясности мышления. Он постоял с минуту, потом двинулся вперед, сильно согнувшись, чтобы не отрывать руку от пола. Другую руку он вытянул перед собой.

— Стой где стоишь, — приказал он Логану.

— Ты что-то придумал?

— Они сбросили сюда наши пояса, разбив только оружие. А у меня там прицеплен фонарик, и его, насколько я видел, не тронули.

Шаг, еще шаг, и все время рука шарит впереди, пальцы обдираются о грубый камень, и наконец натыкаются на гладкую кожу. Землянин присел, старательно ощупал свою находку, убедился, что нашел пояс Логана, и повесил его себе на плечо.

— Твое добро я нашел, — произнес он в темноту, — значит, и мое где-то рядом. И снова шаг... пошарить кругом... еще шаг... казалось, пальцы начинают сами видеть в темноте. Он наткнулся сначала на холодный металл разбитого парализатора и тут же, в нескольких дюймах от него, на свой пояс. Остин торопливо ощупал его, нашел радарный компас, мешочек с таблетками концентрата, аптечку, пустую петлю там, где раньше висел нож, и наконец — гладкую трубочку фонарика. Он тут же нажал кнопку и невольно зажмурился от яркого света.

— Вот это да! — восторженно прошептал Логан.

Они были в довольно большой пещере, у которой стены и потолок были покрыты тусклым черным веществом, точно таким же как переходы в Запечатанных Пещерах. На полу тут и там валялись вещи, которые явно не были оставлены здесь хозяевами пещер. Остин тут же принялся разбирать их. Тут были и его разбитый парализатор, и сломанный нож, такое же изувеченное оружие Логана, и еще чей-то пояс и разбитое оружие. Остин поднял этот пояс, показавшийся ему непривычно тяжелым, и принялся его разглядывать. Такое снаряжение во всех Пиках мог носить только один человек.

— Вайдерс! — воскликнул он и, поднявшись, повел фонариком по кругу. Но не было никаких признаков, что здесь был заключен еще кто-то.

— Может, отсюда есть какой-то выход? — предположил Логан и указал влево, где за выступом стены вполне могло скрываться отверстие. Так оно и оказалось — в стене чернел какой-то проход.

Логан собрал веревки, которыми они были связаны и соорудил что-то вроде страховочного пояса. Оружия у них не было, но если хорошенько подумать... Остин еще раз внимательно осмотрел пояс Вайдерса. Нож и парализатор, конечно, исчезли, но он помнил, что у инопланетника было и другое оружие, которым он так ловко вырубил их в палатке. И возможно, норби не нашли его или не сочли за оружие.

— Тронулись? — Логан уже стоял у входа в тоннель.

Остин нащупал какой-то мешочек на поясе Вайдерса. Он развязал его и вынул шарик в полтора дюйма диаметром с крохотным бугорком на гладкой поверхности. Больше всего это было похоже на обычную осколочную гранату. Он задумчиво уставился на запечатанные двери. Хорошая граната может довольно много. Но смогут ли три таких гранаты открыть запечатанные двери? Или лучше оставить их на будущее и применить с гарантированным успехом?

— Нашел что-нибудь интересное? — полюбопытствовал Логан.

— Может быть, — коротко ответил Остин и в двух словах объяснил, что за горошины он крутит в пальцах.

— А двери они нам не откроют?

Остин пожал плечами.

— Может да, а может, и нет. Мы же не знаем, как среагирует на них эта черная пакость. А если она потечет, как в прошлый раз?

Несколько месяцев назад они укрывались в пещере от врагов, и под действием их оружия такое же черное вещество замуровало пещеру наглухо. Если бы там не оказалось второго выхода, они остались бы там навсегда. Тогда им здорово повезло, но не стоило рассчитывать, что удача улыбнется им и на этот раз.

— Знаешь, давай-ка сначала посмотрим открытый проход, — предложил Логан.

Это было вполне разумно. Раз здесь валялось снаряжение Вайдерса, значит, скорее всего и сам он какое-то время был здесь. И раз он не сидит тут сейчас, то, похоже, ушел именно

по этому проходу. По крайней мере, другого они не нашли. Что бы ни ожидало их на этой подземной дороге, сама мысль, что кто-то перед ними уже прошел по ней, успокаивала.

Они разобрали снаряжение, поделили гранаты и концентраты. Воды у них было немного, только та, что осталась во флягах, но, с другой стороны, и дорога их лежала не под палящим солнцем.

Проход сначала круто поднимался, а потом переходил в пологий скат. Остин отметил, что на нем совсем нет пыли, будто кто-то уже стер ее. Он осторожно шел впереди, держа в одной руке фонарик, а в другой — гранату.

Сторм услышал, как Логан шумно вдохнул воздух, словно вынюхивая опасность.

— Вода, — неожиданно сказал он. — Впереди — вода.

Воображение Остина тут же нарисовало ему картину еще одного райского уголка, спрятанного в сердце горы, вроде Пещеры Садов. Правда, не было мягкого свежего аромата зелени, который встретил их там. Здесь влажный порыв воздуха нес совсем другие запахи, причем, далеко не приятные. Фонарик не раз высвечивал какие-то влажные потеки на стенах тоннеля. Логан потрогал один из них пальцем и тут же с возгласом отвращения принялся вытирать руку о свои туземные доспехи.

— Слизь, — буркнул он, потом поднес палец к носу и добавил: — и воняет гадостно. Похоже, эта дорога ведет прямиком в сточную канаву.

Капли на стенах собирались в ленивые маслянистые ручейки, зловоние все усиливалось. Казалось, изменился сам воздух, превратившись в какой-то липкий и едкий туман.

Пока они не нашли никаких признаков, что кто-то прошел тут перед ними. Но скоро они наткнулись на лужу, в которую, похоже, собирались все грязные ручьи, и тут заметили что кто-то не так давно проложил тропинку по ее краю.

— Совсем недавно, — сказал Логан посмотрев на следы, — здесь кто-то шлепнулся и, конечно, по уши перемазался.

Остин осветил пол фонариком, и они увидели отчетливые отпечатки грязных сапог. Такой след мог оставить только инопланетник. Вайдерс? Или кто-то со спасательной шлюпки тоже угодил в эту ловушку?

— Он шел вниз, — сказал Логан, — и кто бы он не был, судя по следам, он не вернулся.

— А может, у него не было возможности вернуться? Но у нас есть гранаты, и мы можем пройти там, где не прошел он. Или не стоит соваться?

— Пошли, — быстро решил Логан. — С такими крошками, — продолжал он, подбрасывая на ладони гранату, — нас так просто не возьмешь.

Они двинулись дальше, внимательно оглядывая пол и стены, но так и не нашли новых следов того или тех, кто прошел здесь перед ними.

Сырость чувствовалась все сильнее, туман сгущался. Но если наверху эта влага казалась прохладной, то чем ниже они спускались, тем она становилась теплее и, кажется, еще противнее. Запахи были тяжелые, гнилостные и явно животного происхождения. Сторм отфыркивался не хуже Сурры.

Теперь тоннель уже не спускался, а шел ровно. Фонарик выхватил из темноты отверстие под аркой. Куда вел этот ход?

Когда они прошли в него, Сторм переключил фонарик на дальний свет и ему показалось, что он уловил отражение от стены далеко впереди. А прямо перед ними лежало огромное зеркало маслянистой воды, по которой плыли какие-то пятна, отливавшие радугой в свете фонаря.

Дорога, что привела их сюда, подходила прямо к воде и заканчивалась чем-то вроде пристани, явно неспроста здесь построенной. По ее краю через равные промежутки возвышались каменные тумбы, они словно ждали швартовов. Значит, по этой реке или озеру в старые времена кто-то плавал?

Они пошли вдоль пристани. Те же тумбы, та же мерзкая вонючая вода, лениво плещущаяся внизу. Конечно, Пещера Садов тоже была творением чужого разума и они там многого просто не поняли, но она была совсем другой, не такой враждебной. Сторму даже подумалось, что вовсе не создатели Садов спроектировали эти вонючие катакомбы в дебрях Синего района.

— Интересно, какие суда здесь причаливали? — внезапно спросил Логан. — И кто плавал на этих судах? Это место и сравнить нельзя с Пещерой Садов.

— Да, здесь все другое, — сказал Остин и добавил фразу на языке навахо.

— Что? — переспросил Логан.

— Я сказал, что в этом месте пахнет злым колдовством.

— Это точно! — тут же согласился Логан. — Ну, а куда мы пойдем теперь? Что-то эта речка не вызывает у меня желания поплавать.

Они дошли до конца пристани, светя фонариками над водой и пытаясь определить, где другой берег этого водоема. Но хотя справа и мелькали вроде бы какие-то тени, на берег это было не похоже.

Наконец Сторм направил фонарик на ту стену, через арку в которой они сюда попали. Там, между подножьем стены и водой, тянулось что-то вроде узенького пляжа. В стене что-то темнело, возможно, еще один проход, а может, просто тень от какого-то выступа. Это обещало что-то получше вонючей купели, даже если было просто проходом в другую пещеру. Чем больше приглядывался Остин к мутной воде, тем больше убеждался, что в ней может таиться любая дрянь.

Они спрыгнули с пристани и пошли вдоль пляжа. Тут и там на грубом песке валялись какие-то камни. А может, вовсе и не камни? Остин остановился и пнул один из них сапогом. Тот перевернулся и на землянина уставились пустые глазницы черепа. Закрученные рога сразу показали, что несчастный был норби. И, судя по состоянию костей, погиб он уже довольно давно.

— Во имя Семи Громов, что это?! — воскликнул Логан и, схватив Сторма за руку, направил фонарик в другую сторону. Там тоже белели кости.

Но какие кости! Остин даже не мог рассмотреть скелет, потому что его загораживала гигантская голова. Наполовину затянутый песком череп с клыкастыми челюстями — ничего подобного он не видел ни на Арцоре, ни на других планетах.

— Три глаза! — взволнованно воскликнул Логан, и его голос жутко разнесся над спокойным озером. — Смотри, у него три глаза!

Он был прав. Два глаза были сильно сдвинуты к бокам, а посередине, прямо над выступом зубастых челюстей, красовался третий. Три глаза!

На земле когда-то тоже водились чудовища, их кости люди выкапывали и помещали в музеи. Возможно, скелет принадлежал одному из древних чудищ, водившихся на Арцоре задолго до появления разумной жизни.

Но Сторм не был в этом уверен. Что-то в трехглазой твари было чуждо всему миру Арцора.

— Вот, должно быть, было страшилище! — Логан опустился на колени и начал отгребать песок, стараясь прокопаться к зубам. Сторм тем временем внимательно осмотрел череп норби. Потом отломил один рог и поднес его к глазнице чудища, сравнивая состояние костей.

— Зачем это? — удивленно посмотрел на него Логан, прерывая свою работу.

Остин невнятно пробормотал что-то на языке навахо.

— Ты уж будь добр говорить как все люди! — раздраженно буркнул Логан.

— Я просто растерялся, — неохотно сказал Сторм. — Понимаешь, это совершенно невозможно.

— Да в чем дело?

— Вот смотри. Это череп норби, — показал Сторм. — Он сильно крошится от сырости и времени. А это туземец, явно принадлежащий к современной расе Арцора. А теперь сравни его с черепом трехглазого. Они совсем одинаковы, словно попали сюда одновременно. Но этого никак не может быть.

— А почему?

Тут Сторм рассказал ему про древних обитателей Земли и о том, что это чудище могло быть одним из древних обитателей Арцора, вымершим задолго до появления разумной жизни.

— А кости выглядят совсем не такими древними, — это ты хотел сказать? Может быть... А может, и норби — столь же древний вид, и они когда-то жили вместе?

— Может, и так. У каждой планеты своя история. Но тогда норби сохранили бы предания о таких тварях, и мы бы о них слышали.

— Равнинные норби всегда боялись Синего района, но, я думаю, не из-за того, что здесь водились такие твари. Норби — отважные охотники. Справляются же они чуть не голыми руками с гуганской птицей-убийцей и со всеми другими здешними милыми крошками вроде йорис?

— Ну и что из этого?

— Если эти твари были живы еще недавно, ну, скажем, сто или триста лет назад, то какие нибудь из них и до сих пор могут обитать в этих подземельях. А дикие норби об этом знают и специально сбрасывают им жертвы.

— Ты хочешь сказать, что где-то здесь и сейчас бродит такой красавец и поджидает очередных пленников? — спросил Логан, поднимаясь с колен и отряхивая руки. — Не такая уж приятная новость.

— Может, я и ошибаюсь, — заметил Сторм, но про себя решил смотреть в оба. Если такая туша выскочит неожиданно, тут и граната не поможет.

Они тихонько брели по пляжу, освещая фонариком каждое темное пятно и чутко прислушиваясь. Но слышен был только плеск воды и скрип песка под сапогами. Неподалеку от них в стене открылся темный проем. Но не успели они подойти к нему, как Логан снова схватил Сторма за руку и направил фонарик вверх.

— Фифгар! — выкрикнул он, и Остин сразу вспомнил эту

горную птицу, питающуюся ягодами. — Но что он здесь делает?

— Похоже, показывает нам дорогу. — спокойно сказал Остин и перевел фонарик на темное пятно, из которого вылетела птица. Отверстие казалось глубже, чем узкие щели, которые они встречали раньше. Если птица и правду пролетела там, то это может оказаться сквозным тоннелем.

Птица покружилась в полоске света, словно нарочно привлекая внимание, а потом вернулась назад к своему проходу и уселась на краю, печально мяукая.

— Может, это выход? — нетерпеливо решил Логан.

— По-моему, стоит попробовать, — заметил Сторм. А про себя подумал, что проход, похоже, неширокий и вряд ли в нем поместится какая-нибудь трехглазая тварь. Там можно идти, не опасаясь, что кто-то подкрадется сзади, и не шарахаясь от каждого камня впереди. Остин повесил фонарик на шею, и они начали подъем.

11

Теперь они стояли рядом перед самым отверстием. Может, это дорога в какую-то другую пещеру или все-таки, судя по появлению птицы, путь в открытый мир?

Если это был переход, то его, похоже, проделали не древние строители, а сама природа. Здесь не было ни гладких стен, ни знакомого черного вещества. Но это все-таки была дорога, и когда они шагнули в тоннель, птица жалобно закричала и полетела за ними, слово ее притягивал свет фонаря.

Правда, проход шел не вверх, как они надеялись, и временами настолько сужался, что им приходилось протискиваться боком. Но воздух не был ни затхлым ни вонючим, и в нем чувствовалось свежее дуновение.

Логан недовольно фыркнул.

— Что-то ничего хорошего не видно, — заметил он.

Новый порыв ветерка опять принес запах сырости и гнили, похожий на тот, что изрядно надоел им в тоннеле, ведущем к озеру. Но Остин был уверен, что проход нигде не поворачивал, а значит, они не могли возвращаться назад.

Птица так и летела за ними. Теперь ее мяуканье начинало действовать на нервы, словно она по-своему оплакивала глупых людей, так безрассудно бредущих в темноту. Остин

на минуту погасил фонарик, и когда глаза немного привыкли, они увидели, что прежняя непроглядная тьма сменилась серыми сумерками. Проход закончился, они стояли на краю обрыва. Остин осторожно шагнул вперед и посветил вниз. То, что оказалось внизу было так жутко и неправдоподобно, словно приснилось в ночном кошмаре.

Они словно на насесте сидели на выступе скалы над такой огромной пещерой, что целиком увидеть ее можно было разве что с коптера. Здесь тоже была вода — речка, пруды и даже небольшое озеро. Но вся пещера, словно шахматная доска, была разгорожена каменными стенами на правильные клетки. И в каждую клеточку была подведена водная струя. Для чего? Здесь не было никаких плантаций, и на огороды это тоже не было похоже.

— Загоны, — уверенно сказал Логан, уловив в причудливой картине что-то знакомое.

Эти геометрически правильные загородки вполне могли быть загонами, только вот кто их здесь ставил и что за скотину в них содержали? Они долго смотрели вниз, пытаясь уловить хоть признак движения в этих загородках. Растительность была блеклая, возможно, от неяркого сумеречного света: какие-то чахлые кустики, а у воды, похоже, жесткий тростник. Все вокруг не только не очаровывало, как в Пещере Садов, а совершенно отталкивало.

— Тут давным-давно никого нет, — сказал наконец Логан. — Посмотри-ка на эту стенку.

Остин посмотрел, куда указывал Логан. В этом месте стена рухнула, открыв проход на соседний участок. Остин вынул бинокль. Хоть света было и не много, он надеялся увидеть, что лежит за этими печальными загонами. Он осторожно повел взгляд справа налево. Загоны, загоны, вода, заросли камыша; насколько хватал взгляд, везде было то же, что и прямо под ними. Различалось только содержимое загонов: в одних росли почти голые кусты, в других виднелась блеклая зелень, а два или три были совсем пустые.

Приглядевшись, он заметил невдалеке от них какое-то строение, совсем не похожее на загоны. Он показал на него Логану и передал бинокль.

— Похоже, там жили те, кто управлял здешним зверинцем, — согласился с ним Логан. — Сходим, посмотрим?

Что ж, это была вполне разумная идея. Но, глядя на эти квадраты и прямоугольники, Остин не чувствовал ни малейшего желания спускаться вниз и брести через эту малоприятную растительность. Логан и сам чувствовал что-то

омерзительное в этом мире. Но не сидеть же здесь вечно, идти куда-нибудь все равно было нужно.

Остин взял бинокль и еще раз осмотрел одиноко стоящее здание. Пещерные сумерки стирали детали, и он не мог даже приблизительно определить его размеры, словно разглядывал его сквозь воду или туманное стекло. Возможно, дело было и не в свете — в воздухе все отчетливее чувствовалась сырость, начал даже собираться туман.

Они так и не заметили никакого движения в загонах, словно там не было ничего живого, только по реке временами пробегала подозрительная рябь. Остин не надеялся встретить что-то разумное, но животная жизнь здесь вполне могла быть. Кроме того, даже пустой дом мог много рассказать о своих строителях, и даже указать выход отсюда. Вряд ли сами хозяева проникали сюда по пещерному лазу.

— Похоже, туда можно добраться, — произнес Остин и сам удивился, как неуверенно прозвучали эти слова.

Логан рассмеялся.

— Чудная страна, — пояснил он в ответ на удивленный взгляд брата. — Я бы себя куда лучше чувствовал, будь здесь пара-тройка наших ребят. Как-то неприятно сознавать, что в любом загоне может сидеть наш длиннозубый трехглазый приятель и поджидать свой ужин, а мы совсем одни, и даже ножей у нас нет. Вряд ли наши гранаты испортят ему аппетит. Ну ладно, чему быть, того не миновать. Чем дольше ждешь, тем страшнее становится. Пошли?

Не оглядываясь, он шагнул с края обрыва. Остин последовал за ним. Сапоги вязли в гравии и крупнозернистом песке, и это существенно облегчило им спуск. Наконец они очутились в одном из загонов, огороженном стеной футов десять высоты. Здесь не было ни одного пролома, через который они могли бы пройти дальше, а стены были слишком гладкие, чтобы легко на них забраться. Пришлось использовать веревки и устроить что-то вроде импровизированной лестницы. Они потом не стали ее развязывать, и она пригодилась им еще пару раз там, где в стенах не было проломов.

В одном из таких глухих загонов они нашли скелет животного, какого Остин и во сне не чаял увидеть. Голова его была узкая и длинная, с крохотной камерой для мозга, но зато с длинными зубастыми челюстями, на конце которых был посажен длинный и острый рог.

Логан тут же ухватился за него и принялся расшатывать пока не выдрал из крошащейся от времени кости. У него в

руках оказалось довольно острое оружие дюймов десять длинной, опасное, как клык йорис.

— И снова совсем незнакомая тварь, — заметил он.

— Похоже, здесь их кто-то коллекционировал, — отозвался Остин, обходя кругом чудовищный скелет. Он уже понял по какому принципу устроены загоны — чтобы каждый был обеспечен водой. Подобно тому, как в Пещере Садов были собраны ароматические растения разных миров, так и здесь кто-то собрал зоосад то ли зверей, то ли рептилий. Сейчас никто не скажет, был ли это настоящий зоопарк или что-то вроде скотного двора. Сады процветали до сих пор без участия садоводов, но здесь что-то стряслось.

— Этому можно только порадоваться, — заметил Логан, когда Сторм поделился с ним своими мыслями. — Я как-то не представляю себе такую охоту, с которой я уже не вернусь домой. Хотя из этой твари трофей получился бы превосходный, — продолжил он, любовно поглаживая рог. — Спорить готов, — пробормотал он, засовывая его в пустые ножны, — что Кротаг в жизни не видел ничего подобного.

— Опять стены развалены, — сказал Остин, присаживаясь рядом с братом на обломки. — Похоже, хозяева этого места очень спешили его покинуть.

— А звери, предоставленные самим себе, проголодались и решили сами о себе позаботиться?

— Вполне возможно. Но ты только подумай, что это были за твари, раз уж они развалили такие стенки! — он похлопал рукой по камням. — Наверное, что-то похожее на ожившую камнедробилку, очень мощную и к тому же взбесившуюся. Хорошо, что люди не пришли сюда раньше. Думаю, во времена первопоселенцев эти чудища были еще живы.

Они старательно преодолевали один загон за другим, придерживаясь основного направления к дому. Таблетки концентратов не только поддерживали силы, они избавляли от необходимости спать, но Сторм знал, что такое искусственное бодрствование скоро сменяется полным упадком сил. Хорошо бы найти надежное укрытие в этом доме, к которому они так стремятся, вдоволь там отдохнуть и отоспаться. А то действие таблеток может кончиться в самый критический момент, и тогда они останутся совсем беспомощными.

На вершине последней стены они остановились, и Остин осветил фонариком близкое уже здание. Между ними и домом тянулась ровная полоса каких-то столбов. Но если на них и крепилась когда-то изгородь, то от нее давно не осталось и следа. Насколько могли видеть путешественники, ничто не

преграждало им путь к узкой двери в тяжелое двухэтажное здание. Они спустились со стены и подошли к линии столбов, но Остин вдруг остановился и схватил за руку Логана. В нем шевельнулись воспоминания о системах защиты, каких он навидался на дальних мирах. То, что барьер невидим, еще не значит, что его не существует. Если скотина, обитавшая в этих загонах, могла проламывать стены, значит, место это должно быть защищено весьма надежно, например, силовым барьером. Логан выслушал эти соображения и кивнул.

— Вполне возможно, — согласился он. Потом поднял камешек и бросил его между столбами. Тот спокойно пересек открытое пространство и звонко стукнул о стену дома. — Если поле когда-то и было, то теперь, похоже, ничего нет.

Кажется, все было ясно, но когда они двинулись вперед, что-то в Сторме отчаянно запротестовало. Инстинкт, древний и не раз проверенный им на деле инстинкт, тот врожденный дар, который позволил ему стать Учителем зверей, предостерегал его. Он постарался справиться с собой и шагнул в пространство между столбами.

И тут же, зажав уши и согнувшись пополам, покатился по земле, сраженный болью от непереносимого звука или вибрации, или еще чего-то настолько чуждого, что он и названия ему не знал. Весь мир заполнил какой-то жуткий скрежет, на который отзывалась каждая жилочка, каждая клетка его тела. Остин не раз испытывал и физическую боль, и душевные муки, но ничего подобного он и представить себе не мог, по крайней мере, в реальном мире.

Придя в себя, он обнаружил, что лежит мокрый от пота и обессиленный, прижавшись спиной к чему-то твердому. Оглянувшись через плечо, он увидел серую стену и совсем рядом — темный треугольник. Дверь! Значит, он все-таки прорвался к дому! Он попробовал вспомнить, как это произошло, но память молчала.

Ряд столбов... излучатели. Похоже, что-то вроде сонара. А где Логан? Что с ним? Встать на ноги ему не удалось. Первая же попытка вызвала такой приступ головной боли, что он вынужден был сесть и закрыть глаза. Тогда он отдышался, осторожно встал на четвереньки и пополз к двери. Тут, на пороге он и нашел Логана — тот сжимал руками голову и тихо стонал.

— Что это за штука? — спросил Логан, когда они уже лежали рядышком в комнате за дверью.

— Мне кажется, что-то вроде сонара.

— Впечатляюще.

Ультразвуковые хлысты были знакомы погонщикам фравнов, но не пользовались среди них особой любовью. Таким излучателем трудно было управлять, и пользоваться им мог только настоящий мастер. Пользуясь определенным набором волн можно держать стадо в полном подчинении, но ошибись хоть чуть-чуть — и вызовешь панику или повальное безумие и недосчитаешься потом едва не половины стада.

— Сработано хорошо, — продолжал Логан, — но все-таки оно нас не убило.

— Для разных жизненных форм нужна разная настройка, — пояснил Сторм. Кроме того, оно, наверное, и не должно убивать, просто отогнать или парализовать. Но, честно говоря, я не хотел бы пережить еще один такой удар.

Барьер вымотал из них последние силы, и теперь им не помогли бы никакие таблетки. Они спали, глотали пищевой концентрат, запивали водой, набранной в одном из загонов, и снова спали. В конце концов они проснулись с ясными головами и обычной энергией.

Логан лениво вертел в пальцах таблетки концентрата.

— Хорошо бы сжевать что-нибудь посущественнее, — заметил он. — В конце концов, желудок придуман не для того, чтобы переваривать таблетки.

— Хорошо, что у нас есть хоть они, а то мы и сюда бы не добрались.

— Ладно, а дальше-то куда идти?

— Здесь должна быть какая-нибудь дорога, ну... та, по которой ходили сами хозяева. Попробуем ее найти.

Они обошли все здание. Хотя хозяева загонов и спешили, даже бросили на произвол судьбы своих питомцев, зато из комнат они забрали абсолютно все. Нельзя было даже понять, что за создания жили в этих стенах. То, что это здание служило жилищем, было понятно хотя бы потому, что в одной из комнат они нашли нечто напоминающее ванну, а в другой — плиту для приготовления пищи. Но больше во всем доме ничего не осталось. Они поднялись на второй этаж и обнаружили там выход на плоскую крышу. С этой точки они могли хорошо осмотреть окружающее.

Позади здания загонов не было. Вместо них шла ровная, ухоженная дорога, ведущая прямо к широкому проходу в стене пещеры.

— Вот она, главная дорога, — сказал Логан, приглядевшись. Теперь — только вперед.

— Вперед-то вперед, — осторожно заметил Остин, — только вот...

Он указал на столбы окружавшие здание. Чтобы добраться до столь соблазнительной дороги, им предстояло еще раз пересечь ультразвуковой барьер.

У Сторма из головы не шла мысль, что во всем этом таится какая-то опасность. Единственным живым существом, что им встретилось до сих пор, была птица, которая бог весть как залетела в этот мертвый мир. Кости тварей в загонах давно пожелтели и крошились. И все же каждый раз, когда он оглядывался на загоны, что-то в нем сжималось — инстинкт предостерегал.

Похоже, там все же была какая-то опасность, которой они пока не заметили.

— Смотри! — воскликнул вдруг Логан и, взяв его за плечо, развернул лицом к широкому тоннелю. — Вон там, за боковым столбом!

По бокам тоннеля были вырезаны из камня несколько колон, и около одной из них темнела какая-то груда. Остин поднял бинокль. Даже в пещерном полумраке можно было разглядеть, что там лежит человек.

— Вайдерс? — спросил Логан.

— Может быть. — Остину показалось, что скрюченная фигура шевельнулась и попыталась приподняться на руках. Если это действительно Вайдерс, если он недавно пересек акустический барьер, то он мог до сих пор быть в шоке.

— Пошли, — коротко бросил Сторм и начал спускаться с крыши.

— Слушай, давай попробуем прорваться через эту штуку бегом. — предложил Логан.

В этом был свой резон: постараться набрать такую скорость, чтобы пролететь через луч прежде, чем боль свалит с ног. Все равно другого пути у них не было, и никаких методов защиты они придумать не могли. Они тщательно закрепили на себе все снаряжение и ринулись через линию столбов.

Остин почувствовал, как в него ударила звуковая волна, и тут же покатился по земле в полуобморочном состоянии, но уже по другую сторону. Рядом упал Логан, все еще прикрывая руками уши...

На этот раз они довольно быстро пришли в себя. Скоро Остин уже смог подняться на колени и повернуться к Логану. Парень сидел, покачиваясь, но заметив, что брат смотрит на него, попытался улыбнуться и прошептал:

— Ну, вот мы и прорвались.

Они посидели еще немного пока в головах не прояснилось окончательно, а потом повернулись к колонне.

Теперь Остин узнал одежду.

— Вайдерс! Это Вайдерс! — воскликнул он.

Он машинально шагнул вперед, но тут же настороженно замер, глядя на руку человека.

Сквозь кожу плотно сжатого кулака проглядывали кости суставов! Поборов врожденное отвращение к мертвым, Сторм взял мертвеца за плечо и перевернул на спину.

— Нет! Этого не может быть! — В крике Логана звенел животный ужас.

Когда-то это существо было Вайдерсом, в этом Остин был уверен. Но глядя на то, что лежало теперь перед ними, никто не мог с уверенностью сказать, что это вообще когда-то было человеком. Землянин отошел в сторону и принялся сосредоточенно оттирать руки песком, удивляясь, как у него хватило духу прикоснуться к э т о м у.

— Кто?! Кто мог сотворить такое? — прошелестел все еще испуганный шепот Логана.

— Не знаю.

Сторм поднялся на ноги. Инстинкт не обманул его: где-то здесь притаился охотник, расправляющийся со своими жертвами так, как человеку и во сне не приснится. Отсюда следовало уходить и чем быстрее, тем лучше. Он схватил Логана за руку и повернул к тоннелю. Похоже, Вайдерс тоже стремился сюда, когда ч т о - т о сдернуло его вниз. Здесь обитала тварь, не подохшая в свое время в своем загоне, если, конечно, она была когда-то в загоне, а не являлась порождением этого пещерного мира.

Они что есть сил рванулись к выходу, влетели в темную пасть тоннеля и продолжали бежать, пока не оборвалось дыхание и боль в подреберье не согнула их вполовину. Затем они почти упали на пол, тесно прижавшись друг к другу, словно сама их близость могла защитить от таящегося здесь ужаса. Затхлый мертвенный воздух с трудом, царапая горло, просачивался в легкие.

12

— Это... эта дрянь... была на открытом месте, — прошептал Логан, словно успокаивая сам себя.

Так оно и было. Но что могло помешать тому, кто охотился за Вайдерсом, забраться и в этот темный тоннель? Возможно и сейчас он притаился где-то в темноте, совсем рядом с ними.

Рука Сторма, лежавшая на плечах Логана, судорожно сжалась. Нет, так не годится. Если они запаникуют, то наверняка погибнут. Здесь надо сохранять ясную голову.

— У нас есть фонарик и гранаты, — успокаивающе сказал он. — У Вайдерса не было ни света, ни оружия. Это просто чудо, что он забрался так далеко.

Озноб, сотрясавший Логана, кажется, начал проходить.

— Перетрусили, как мыши на на хлебной полке! — шутливо отозвался Логан — так он всегда подбадривал себя в трудных ситуациях. — Но честное слово, в жизни так не дрожал и не бегал.

— Такое зрелище хоть кого заставит мчаться сломя голову, — согласился Сторм. — Я и сам потерял голову. Но сейчас мы, вроде бы, не похожи на крыс в ловушке.

— Ты прав, братец, — с чувством сказал Логан, пожимая руку Сторму. — Мы уже не крысы, скорее, где-то на уровне напуганного фравна. Но я хотел бы достичь стадии разъяренной йорис, прежде чем мы встретимся с этим охотником.

— Да, хорошо бы сейчас превратиться в пару йорис, — согласился Сторм. — Ну, а теперь — вперед, и попробуем обойтись без забегов.

Он нерешительно повертел в пальцах фонарик. Хорошо бы его включить, но вдруг свет привлечет зверя? И все-таки при свете лучше. Если враг нападет в темноте, они даже гранаты не смогут использовать толком.

Бредя очередным тоннелем, Сторм поражался объему работ. Здесь лабиринт был еще обширней и внушительней, чем тот, где таилась Пещера Садов. Он даже предположить не мог, насколько далеко они были сейчас от той дыры, в которую норби заталкивали своих пленников.

Пока они не заметили в тоннеле ничего живого, но шок от ужасной смерти Вайдерса, все еще держал их в напряжении. Остин заметил серое мерцание впереди и выключил фонарик. Похоже, они приближались к другому концу тоннеля.

Прямо перед входом из пола поднимались какие-то острые выступы и такие же тянулись с потолка им навстречу. Где-то высоко над их головами светились три красных овала, бросая кровавые блики на темный камень. А из входного отверстия на них дохнуло знакомым жаром — жаром Великой Засухи Арцора. Пригнувшись, они пробрались между зубцами и замерли, разглядывая опаленный солнцем пустынный ландшафт. Первым, что они заметили в колеблющихся волнах раскаленного воздуха, была линия столбов, точь в точь как

та, что отмечала звуковой барьер перед зданием. Только здесь в линии зияли разрывы, и много столбов было повалено.

Остин повел биноклем вдоль линии, но сияние ясного полдня было столь же обманчиво, как и полумрак пещеры.

— Придется залечь и дождаться вечера, — сказал Логан. Он уже уселся, уютно обхватив руками колени. — В этом пекле и полчаса не выдержишь.

«Далеко ли идут эти столбы? — думал Остин. — А если пойти по ней, найдется ли там для них убежище на завтрашний день? И вправду ли это открытое пространство или какие-то шутки строителей пещер?»

— Ты, наверное, думаешь, что это просто большой загон для тварей, которым нравится такое пекло? — спросил Логан.

— Видишь столбы? По ним наверняка проходил такой же барьер.

— Но теперь-то там все разрушено. — Логан взял бинокль и внимательно осмотрел дорогу. — Что же, нам теперь, возвращаться к Вайдерсу? Или рискнем пойти?

— Я предлагаю попытаться ночью, если, конечно, здесь бывает ночь. Пройдем, сколько сможем, а если не найдем впереди ничего обнадеживающего, вернемся сюда.

— Ну и ладно, — сказал Логан. — А сейчас давай отдыхать.

Надежды было не так уж много. Все зависело от того, было ли это действительно открытое пространство знакомого мира или часть пещеры с управляемым климатом. Остину казалось, что это сияние и этот зной царят здесь с самого начала мира. Тогда напрасно ждать ночи — она никогда не наступит.

Правда, в этом случае они могли вернуться той же дорогой к дыре, через которую их сюда бросили и испытать на дверях мощность инопланетных гранат.

Так, задумавшись, он незаметно уснул и чуть не подскочил от неожиданного крика Логана.

— Смотри!

Вместо почти белого режущего глаза сияния небо теперь горело яркими звездами заката. Землянин понял, что на этот раз он был не прав. Да, ночь здесь все-таки наступила, а значит, у них появилась возможность пройти вперед. Оставалось только дождаться настоящих сумерек.

Они закусили таблетками, напились, нетерпеливо поглядывая на небо. Красное и алое постепенно сменялось на нем пурпуром. Для них это означало свободу. Сторм нетерпеливо бродил среди выступов и пытался понять, что же его трево-

жит. Из пустыни не долетало ни звука, и сколько он не смотрел вперед, он не заметил ни малейшего движения.

Бинокль позволял видеть далеко — камни, стоящие столбы, поваленные столбы, но ничего больше. Растительности не было совсем. Воды тоже не видно. Ни одно известное ему животное просто не выжило бы в таких условиях. И все-таки что-то пугало его на этом открытом пространстве, пугало куда сильнее, чем вонючие переходы и пещеры.

— Это еще что за шутки?

Остин резко обернулся. Логан, проверявший фляги, теперь тоже поднял голову и, прищурив глаза, смотрел в отверстие входа.

— Я не знаю, — сказал Остин. — Но там, похоже, есть что-то живое и совсем чуждое нам.

Они в ужасе бежали от места гибели Вайдерса. Теперь, спокойно анализируя свои ощущения, Остин сообразил, что там их гнал не только физический страх. Было еще что-то тонкое, какое-то воздействие прямо на центральную нервную систему.

— И все-таки мы идем. — Логан словно бросал вызов всему, что могло ждать их на этой открытой равнине. Он сжал челюсти, выпятив подбородок, и Остин, улыбнувшись про себя, вспомнил, что Логан славился на все Низины именно своим упрямством.

— Мы идем, — спокойно сказал Сторм, и тут же почувствовал, что все в нем протестует против такого решения. Какая-то дрожь омерзения, даже не страх, не тревога, просто тошнотворная дрожь пыталась поколебать его решимость. Он прекрасно понимал, что в любом случае они должны идти и встретить то, что их ожидает — если там что-то ожидало, — но на какую-то минуту противная слабость заставила его присесть.

Наконец сумерки сгустились и они рядом, разве что не держась за руки, вышли из тоннеля. Вдруг Логан оглянулся и схватил Сторма за плечо. На какую-то секунду землянину показалось, что он уже столкнулся с источником своего непонятного страха. Но он сразу все понял и чуть не рассмеялся.

Отверстие тоннеля, из которого они вышли, было частью огромной скульптуры, вырезанной прямо в скале. Зубцы, мимо которых они с таким трудом пробирались, оказались настоящими зубами, украшавшими челюсти трехглазого чудища вроде того, чей череп они разглядывали на пляже. Овалы, которые они видели изнутри, оказались сверкающими красными глазами. Жуткое морщинистое рыло было словно живое —

Остин ни секунды не сомневался, что художник работал с натуры.

— Слушай, а может, эти трехглазые и впрямь были такие огромные? — очухавшись, спросил Логан. — Нам здорово повезло, что мы вылезли из его пасти, вместо того, чтоб залезать туда.

— Но, нам, может быть, придется вернуться!

Они повернулись спиной к огромной морде и тронулись в путь. Дорога вдоль столбов оказалась вполне гладкой, хоть Остин так и не распознал, чем она покрыта. Главное, это позволяло им поддерживать хороший темп, пока не наступит полночь и не придет время решать, идти вперед или возвращаться в поджидающую пасть трехглазого.

Ни звука, ни ветерка. Но что-то... Остин остановился и перевел фонарик с дороги на скалу справа. Свет равнодушно скользнул по ней. Голый камень, ничего нет. Но за секунду до того, как туда упал луч света, Остину показалось, точнее он был уверен, что там кто-то прячется и неслышно крадется за ними, укрываясь в тени скалы. Он мог бы поклясться, что слышит осторожное дыхание, легкое цоканье когтей по камню, шорох потревоженного гравия.

— Ничего нет!

Значит, Логан тоже насторожился? Может, и он чувствует, слышит и боится сам себе верить?

— Слева! — крикнул Логан и, схватив Сторма за запястье, направил луч в расщелину скалы. Очень удобное место для засады, но... Голые камни, пустая трещина, ничего...

— Там... там что-то было, — запинаясь, проговорил Логан. — Ведь для кого-то они ставили ультразвуковой барьер?

— Для кого-то ставили, — согласился Сторм. — Только это было давно.

Привидения? Духи? Привидения тех, кто строил эту дорогу, тех, кто высекал морду трехглазого над тоннелем или здесь, на прокаленной солнцем равнине, есть какая-то невидимая жизнь? Та, от которой строители защищались барьером?

Они пошли дальше, держась поближе друг к другу. Сначала они шли медленно, но выступающие камни, зловещие расщелины и трещины словно подгоняли их, и они постепенно ускорили шаг.

Скрежет по камню... или это уже хриплое рычание? Вот оно! Остин был абсолютно уверен, что на сей раз он точно заметил место, откуда донесся звук.

Он покрепче сжал в руке гранату и направил туда луч

фонарика, как направил бы парализатор. Голый камень, пустота!

— Стой! — резко приказал он самому себе.

Раз он так сильно ощущает чье-то присутствие, можно попытаться этим воспользоваться. Предположим, здешние обитатели владеют какими-то зачатками телепатии и могут создавать ощущение своего присутствия там, где их на самом деле нет, и таким образом обманывать своих врагов. Работа Остина с командой зверей сделала его особенно чувствительным к такого рода воздействию. Так почему бы не попробовать установить непосредственный контакт с этим чужаком?

Его дар, то, что связывало его с командой, с Рейном, что помогало чувствовать некоторых других животных, может, сейчас он поможет определить, что это за тварь, собирается ли она нападать или просто играет в прятки? Чувства подсказывали ему, что само это выматывающее нервы напряжение и есть одна из форм нападения.

Очень осторожно, осторожнее даже, чем человек идет в темноте по незнакомому дому, Остин послал телепатический призыв и замер, выжидая. А если оно разумно? Сможет ли он связаться с пусть злобным, пусть очень далеким от человеческого мышления, но все-таки разумом? И сможет ли защитится от него так же надежно, как защищались своим барьером строители пещер?

Что-то коснулось его разума и тут же исчезло, но Остин успел уловить направление и тут же повернулся, вглядываясь в ту сторону, откуда донесся этот сигнал. Или это только его воображение? Никаких доказательств у него не было, и все же он был абсолютно уверен, что вступил в контакт с кем-то или с чем-то связанным со строителями этой дороги так же, как он со своей командой.

Уже почти успокоенный, он послал этому невидимому созданию приказ, словно одному из своих зверей. Но тонкая, хрупкая ниточка контакта оборвалась так же внезапно, как и появилась.

Чем бы ни было это воздействие — реакцией потревоженного стража или своеобразной атакой случайно выжившего создания, — люди с облегчением вздохнули, когда оно прекратилось.

Тени кружились, кривлялись и роились вокруг них. Фонарик мог легко рассеять любую, но на ее место тут же являлись новые. Логан кричал, ругался, швырял в темноту горсти гравия, но ничего не менялось.

Уже начало казаться, что трехглазый монстр из пещеры

невидимо и неслышимо бегает вокруг них, пытаясь добраться до добычи. Наконец Остин всерьез разозлился.

— Стой спокойно! — скомандовал он, и Логан замер с камнем в руке. — Пойдем и посмотрим.

Остин двинулся к ближайшей скале. Все его чувства протестовали против такой глупости. Ведь ясно же что там засело в засаде что-то злобное, хищное, коварное...

Вот слева что-то мелькнуло... еще... теперь правее... Похоже, их окружали... Логан шагнул вперед и сейчас они наконец все увидят... Фонарик опять осветил пустые камни, только давление на мозг усилилось, и Сторм испугался, что сейчас они не выдержат и побегут.

Логан с рычанием выхватил гранату и швырнул ее в темноту. Вспышка взрыва на минуту ослепила их.

А потом... какая-то ответная вспышка в душе и больше ничего. Теперь все вокруг стало спокойно и на самом деле безжизненно.

Оглушенные, они постояли, тяжело переводя дыхание, а потом бросились бежать. Теперь дорога повернула к скале, надо было успеть добраться туда до восхода солнца.

Дорога заметно поднималась и она сделалась совсем гладкой. Сторм посветил под ноги и увидел, что она покрыта знакомым черным веществом. Они поднялись уже довольно высоко над долиной, когда дорога внезапно оборвалась крутым уступом. Прямо перед ними был обрыв, а сбоку — голая необработанная скальная стенка. И сколько они не искали, не было ни дверей в стене, ни пути вниз с обрыва. Это был конец дороги.

— Похоже на посадочную площадку для коптеров, — заметил Логан, когда они немного огляделись. Он сел на черную поверхность и обхватил руками колени.

— Что же теперь? Вернемся? Здесь нас поджарит, как на сковородке.

Остин сомневался, что они успеют вернуться до наступления дневного пекла. Правда, они отошли не так уж далеко, но ночная схватка с привидениями порядком их измотала. И тела и души требовали отдыха, но если они хотели остаться в живых, следовало сразу же пускаться в обратный путь.

Он присел на площадке рядом с Логаном и с удивлением заметил, что свет фонарика отражается от покрытия. Приглядевшись, он увидел кое-что, потрясшее даже его отупевшую от всего пережитого душу: вокруг всей площадки шла странная блестящая полоска. Она начиналась на самом конце дороги и спиралью вилась по площадке до самого центра. Там

она заканчивалась кругом, достаточным, чтобы в нем мог стоять один человек.

После он так и не мог объяснить, что заставило его действовать. Может, само это место оказывало какое-то влияние, но теперь он совершенно точно знал, что надо делать.

Подойдя к началу спирали, он пошел вдоль нее, виток за витком, стремясь к центральной точке. Все его внимание сосредоточилось сейчас на том, чтобы его сапоги не соскользнули с гладкого стеклянистого вещества.

Словно издалека донесся до него требовательный вопрос Логана, но ему было не до того. Весь его мир сузился до этой дорожки, и ее надо было пройти с максимальной концентрацией внимания. Круг в центре был дверью, и если он ошибется, она не откроется.

— Дверь? — шевельнулась в нем разумная мысль. — Почему дверь? И куда она ведет?

Остин отбросил все вопросы. Главное — идти спокойно, осторожно, внимательно, не задевать носками границу, ставить ногу в линию на манер канатоходца.

Только так можно спастись отсюда. Спастись от чего? Об этом сейчас тоже не стоило думать.

Остин уже достиг круга и теперь стоял, повернувшись лицом к дороге. Где-то там, за скалой с мордой трехглазого лежала пещера загонов и последний дом строителей этого места. Теперь он стоял и ждал. «Чего тут ждать?!» — кричал в нем здравый смысл.

Темнота... и с нею — потрясающее чувство освобождения от оков пространства и времени, вечно досаждающих человеку. Потом появился свет и с ним — другая спираль, сияющая, манящая. По ней уже не надо было ступать тяжелыми сапогами, достаточно было пройти ее в душе. Он сконцентрировался и пошел так медленно и точно, как шел по земле. Как только он очутился в центре, его окутал мягкий золотистый свет, и все исчезло.

13

Больше всего это походило на пробуждение после глубокого сна.

До Остина с трудом дошло, что он не стоит больше на скалистом выступе под звездным небом, упираясь сапогами в блестящий круг посреди спирали. Здесь был совсем другой

свет, мягкий, красноватый, словно сам собой рождавшийся в воздухе.

— Логан! — окликнул он и не удивился, не получив ответа. Здесь он был один, он совершил путешествие, которого до него не совершал никто.

Прежде всего следовало успокоиться. Он прошел по чужой дороге и представления не имел, куда она его привела. Теперь надо было разобраться, где же он находится.

Спрыгнув с возвышения, на котором он вдруг оказался, Остин огляделся. Он находился в очень маленькой комнате, у которой три стены сходились под острыми углами. И в стенах не видно было ни окон ни дверей. На какой-то момент он почувствовал себя запертым в тесном ящике, и снова в нем поднялась волна страха. Здесь не было спиральной дороги, по которой он мог бы вернуться, только три стены, возвышение, пол под ногами и потолок над головой. И все это не имело никаких выходов, по крайней мере, на первый взгляд.

Но к счастью, кроме зрения есть и другие органы чувств. Остин подошел к ближайшей стене и тщательно ощупал ее поверхность. Она была гладкой, немного скользкой и почему-то теплой.

Он прошелся по всей стене, пока пальцы не уперлись в угол. Тогда он перешел к следующей. Он дошел почти до середины стены, когда поверхность под его пальцами изменилась, хотя глаза не улавливали никакой перемены. Три небольших углубления, которые никак не заметишь, пока не нащупаешь. Он сразу же вспомнил о пальцевых замках, которые использовали на некоторых планетах. Такой замок реагировал только на определенный рисунок папиллярных линий. Может, и здесь был такой или похожий замок, хотя, честно говоря, он на это не надеялся. Но он на всякий случай вложил пальцы в углубления и подождал, почти не надеясь на результат.

В кончиках пальцев возникло странное покалывание, потом поднялось к запястью, перешло на предплечье... Словно от слабого тока, или что там могло быть такое в этих странных ямках? Остин попытался отдернуть руку и обнаружил, что пальцы словно прилипли к стене. Теперь ему приходилось поддерживать запястье другой рукой, а ощущения становились все неприятнее.

Он сильно потянул запястье, пытаясь прервать опасный контакт. Он чувствовал, что его сила утекает в стену через кончики пальцев так же ясно, как если бы видел ее поток своими глазами.

Затем стена засветилась, задрожала и раскололась от пола до потолка. Полоска, к которой прикасались его пальцы, разошлась, открыв проход фута в три шириной, и он с облегчением выбрался на свободное пространство. Наконец-то он вырвался из клетки!

«Логан!» — тут же вспыхнуло в его сознании. Он оставил мальчика одного на голой скале во время Великой Засухи! Догадается ли он, сможет ли он пройти по спиральной дороге?

Землянин стоял, покачиваясь, прижимая к груди все еще ноющую руку. Кожа на ней была бледной, рука онемела, а попытки пошевелить пальцами вызывали только бессильную дрожь. Она была словно мертвая — тяжелая и холодная. Наконец он оставил ее в покое и осмотрелся кругом.

Если свет в клетке был тусклым и красноватым, то здесь он сменился золотистым сиянием, напомнившим ему Пещеру Садов. Это показалось Остину хорошим предзнаменованием, и он уже смелее шагнул к барьеру. Оказалось, что перила эти ограждали балкон, а внизу под ним был не сад, как он в глубине души надеялся, а нагромождение непонятных механизмов... От машин доносился негромкий гул, чувствовалась легкая вибрация. Эти приборы не просто сохранились в прекрасном состоянии, они работали!

Он так и не заметил никакой обслуги — ни людей, ни роботов — сколько ни смотрел.

— Ушли... и бросили все это здесь? — прошептал он. — Но зачем?

Он пошел вдоль галереи, приглядываясь, где можно спуститься. Зал был овальной формы, а Остин оказался на одном из его концов. Теперь он шел вдоль длинной дуги, придерживаясь за перила и с интересом поглядывал вниз.

Сам землянин специализировался на психобиологии. С древности американские индейцы, его предки, были тесно связаны с природой и черпали в этом свои силы, в то время как другие народы больше полагались на машины и механизмы. Этим и воспользовались его учителя. Врожденные свойства делали его человеком необычным и в том, что касается отношения к машинам. Почти все Мастера Зверей относились к технике так же.

И пока он разглядывал эту набитую машинами комнату, его обычная неприязнь к механизмам выросла в настоящее отвращение. Тех разумных, что устроили Пещеру Садов, он вполне мог понять. Мог, хотя и с гораздо большим трудом, понять содержателей загонов — они тоже занимались живым.

Но это скопище машин ставило между ним и их создателями непроницаемую стену .

Растущая неприязнь не мешала ему внимательно осматривать зал. Остин заметил, что только немногие машины были включены. Он миновал участок, где не работал ни один механизм. И тут он заметил платформу. Она поднималась не больше чем на фут от пола, но на ней располагался экран, почти достававший до балкона, на котором он стоял, и на этом экране переплетались какие-то сложные рельефные линии. Некоторые из них ярко светились. Его внимание сразу привлек странный круг розово-лилового цвета, цвета неба Арцора.

Еще одна линия, золотисто-желтая, шла почти по центру экрана, потом неожиданно разветвлялась, словно дельта реки, и пропадала в запутанном сплетении других. И еще одна, чей рисунок сразу заставил Сторма забыть обо всех остальных.

Это была спираль, и она постепенно разгоралась, пока наконец не засветилась так ярко, что у него заболели глаза. Свет словно сбегал по спирали в центральную точку, и она ярко вспыхивала.

Затем спираль погасла, и он тут же потерял ее из виду. И тут же она вспыхнула снова, причем настолько ярко, что смотреть на нее стало так же невозможно, как на полуденное солнце. Остин отвернулся и пошел к той клетке, с которой он начал этот свой обход.

«Логан!» — вдруг мелькнуло у него в голове. Может, эта сияющая спираль показывает, что Логан тоже решил воспользоваться необычной дорогой? Тогда он может в любую минуту появиться здесь! Землянин быстро подошел к ящику, из которого сам с таким трудом вылез и чуть не стукнулся о стенку.

— Логан! — крикнул он и удивился, как глухо и потерянно прозвучал его голос в этом огромном зале. Остин с размаху ударил по стене здоровой рукой, потом опомнился и принялся осторожно ощупывать ее кончиками пальцев. Вот и знакомые углубления для пальцев. На секунду он заколебался. Если вложить в них пальцы здоровой руки, то вдруг и она онемеет? Тогда он будет совершенно беспомощен. Но надо выручать Логана. Остин уже без колебаний сунул пальцы в углубления и не без внутренней дрожи принялся ждать неприятного покалывания и гадкого ощущения, что из него высасывают все силы.

Но в этот раз оно пришло быстрее, словно первый раз замок плохо действовал, оттого, что им давно не пользовались.

Стена расступилась, и он заглянул внутрь куба. Голые стены и ничего больше. Остин был настолько уверен, что найдет там Логана, что сначала никак не мог поверить в эту пустоту.

— Логан! — крикнул он во всю силу своих легких, но крик опять получился тихим и потерялся в ровном гуле работающих машин. Стена снова закрылась.

А он так надеялся! С трудом подняв правую руку, он приложил ее ко лбу и попробовал сжать пальцы. Ногти послушно царапнули кожу. Он по-настоящему возненавидел эти машины. А ведь сперва ему показалось, что он понял принцип их действия! Спираль на панели была точной копией дороги, по которой он сюда попал. И он был уверен — ее свечение означает, что дорогой этой кто-то сейчас проходит. Значит, он ошибся?

Остин неохотно отошел от закрывшейся стены к платформе. В конце концов он все же нашел лестницу, ведущую с балкона в зал. Он шагал вниз, придерживаясь за перила, и с радостью отметил, что в правой руке восстанавливается чувствительность, хотя она и висела беспомощно.

Теперь, спустившись в зал, он с трудом прокладывал себе путь в лабиринте гудящих машин. К счастью, большинство из них не работало, но все равно раздражали черные матовые кожухи, со всех сторон окружавшие его. Здесь, как и в древних тоннелях не было пыли, и никто бы не сказал, что этот зал никем не посещался целые эпохи. Теперь он был убежден, что все это тоже оставлено расой Запечатавших Пещеры.

Остин был уже совсем рядом с платформой, как вдруг остановился и отступил в тень ближайшей машины. Впереди возник какой-то шум. Он начинался на низкой ноте, почти сливающейся с гулом машин, но постепенно нарастал. И звучал он здесь гораздо естественнее, чем его собственный голос.

На панели в это время ожил и загорелся другой знак, на этот раз ярко синий. Свет разгорался, превращаясь в нестерпимое сияние, и Остин невольно закрыл глаза. А когда он открыл их, на платформе уже стоял человек.

«Логан!» — хотел крикнуть он, но вовремя сдержался. Он уже понял, что человек этот никак не мог быть Логаном. Он был выше его брата и одет не в туземную одежду. Однако, это одеяние было хорошо знакомо Сторму. Это была форма Реабилитационного Центра, и Остин сам носил ее больше года, прежде чем получил разрешение отправиться на Арцор. Через этот Центр проходили почти все ветераны, пострадавшие в боях с хиксами, а землянам, потерявшим в этой войне свою родную планету, там оказывали особое внимание.

Землянин осторожно обошел какой-то высокий прибор. На разбившейся в горах спасательной шлюпке были люди, летевшие именно из Центра. Может, кто-то из них выжил и скитался теперь в этих лабиринтах, как и он сам? Правда, человек на помосте совсем не походил на заблудившегося и растерянного. Напротив, он действовал весьма уверенно и умело. Он внимательно разглядывал линии на панели, отыскивая что-то в их паутине, как техник на дежурстве у знакомой аппаратуры. Теперь он стоял вполоборота к Остину.

Несомненно, это был человек, но почему-то раскрашенный как Барабанщик норби — красные круги вокруг глаз, сложный рисунок на щеках, точь-в-точь как у колдунов Синего района. И на шее у него висел колдовской барабан. Инопланетник, раскрашенный как туземный колдун и в то же время легко разбирающийся в машинах древней цивилизации! Было от чего прийти в изумление.

Чужак осторожно протянул руки вперед и начал двигать ими перед панелью, не касаясь светящихся линий и трубок. Остину показалось, что он просто водит руками над ними, но все его жесты были точны и осмыслены.

И экран ответил! Золотистая линия вдруг вспыхнула ярким светом и протянулась через весь экран. Свет растекался, образуя красивый рисунок мощного дерева. Яркий свет осветил все вокруг помоста, и Остин догадался, что таким образом передается сконцентрированная здесь энергия.

Прокатился странный шум, словно раскаты далекого грома, и Остину тут же вспомнились странные молнии, которые он видел на вершине колдовской горы. И теперь он убедился своими глазами, что молнии эти были рукотворны, и человек — такой маленький и слабый по сравнению с разбуженными им силами, спокойно управлял ими.

Когда он снова открыл глаза, представление закончилось, и на помосте возле погасшего экрана стоял обычный человек в выцветшей форме Центра. Руки незнакомца снова замелькали перед экраном. Золотое дерево медленно гасло, его потухшие ветви тут же терялись в паутине линий.

Незнакомец все еще оставался на помосте. Теперь он неторопливо ходил взад и вперед, вглядываясь в сплетение линий. Время от времени он осторожно касался каких-то трубок, словно пытаясь понять их назначение.

Наконец он подошел к краю платформы и оказался совсем рядом с землянином. Прямо перед ним была теперь другая линия трубок. Человек резко развел руки и сомкнул их, словно собираясь хлопнуть в ладоши. И тут...

От неожиданности Остин даже выскочил из-за тени скрывавшей его машины. Человека не стало. Помост был пуст, совершенно пуст, словно человек растворился в воздухе как бестелесный призрак, с каким Сторм встретился прошлой ночью. Землянин довольно легко прошел по невидимой тропе. В этом было что-то от древней магии, от старых историй, которые рассказывал ему еще его дед. Такое вполне укладывалось у него в голове. Но чтобы такое могла машина...

Он поднялся на платформу и внимательно все осмотрел. Там не было ни скрытых дверей, ни спуска в зал. Светящийся экран вызывал у него не меньшее отвращение, чем машины в зале. Но тело его уже двигалось независимо от него, как и тогда, когда он шел по спиральной дороге. Руки его сами собой поднялись и в точности повторили жест незнакомца.

Снова странное головокружение и краткий миг торжества, быстро сменившиеся приступом страха. Слишком рискованно было искушать судьбу, пользуясь здешними непонятными силами.

Остин открыл глаза и осмотрелся. На этот раз он оказался в тоннеле недалеко от входа, в который проникал свет. И это был не искусственный пещерный свет. Нет... Сюда явно заглядывало солнце его привычного мира.

Впереди раздался непонятный шум, и Остин с привычной ловкостью разведчика скользнул в темноту. Судя по свету, снаружи сейчас было раннее утро. Значит, этот тоннель, скорее всего, выходит в защищенную долину.

Интересно все-таки, как удалось Запечатавшим Пещеры защитить ее от палящего солнца Великой Засухи? Можно создать искусственный климат в пещере или тоннеле, но вот как они сумели сделать это на открытом месте?

Остин полежал немного в темноте, наблюдая за входом. Потом очень осторожно, готовый в любой момент метнуться назад, подобрался к входу и выглянул наружу.

По склону поднимались норби, но не единой колонной, а отдельными группами. Впереди каждой шел Барабанщик, а рядом с ним вождь — несущий Столб Мира. Такое собрание племен и кланов изумило бы любого колониста. Здесь друг за другом шли кланы, чья вражда началась задолго до того, как первые корабли-разведчики нанесли Арцор на карту Федерации. Только волшебство могло собрать их вместе.

Шозонна, Нитра, Варт, Ранаг с далекого юга, даже Гоузакла с побережья, до которого было не меньше тысячи миль. А некоторые тотемы Остин вообще никогда не видел и даже не слышал о них.

Остин насчитал не меньше дюжины разных кланов, и это при том, что со своего места он не мог видеть всей процессии. Судя по всему, здесь собрались представители всех племен этого континента!

Барабанщики занимались своим делом, и удары маленьких барабанов, сливаясь в едином ритме, гулко отдавались в висках. Тощие желтые тела двигались, вторя этому ритму не слишком стройным топотом сапог. Остин видел поднимающиеся по склону струйки дыма и слышал запах горящих растений. Видимо, совсем недавно по этому склону опять хлестнула молния.

Грохот барабанов все нарастал. И вдруг — последний громовый раскат, и тишина. Но даже в этой тишине, казалось, жил еще отзвук немыслимого грохота.

Из тоннеля, чуть ниже того, в котором затаился Остин, вышел человек. Он сразу узнал того, кто распоряжался в машинном зале. Его пальцы тихонько ударяли в тугую кожу барабана. И этот ритм тут же подхватили все колдуны.

14

Инопланетник поднял над головой руки, и волосы его сверкнули на солнце ослепительной рыжиной, словно огонь молнии. Он начал говорить и, к удивлению Остина, не пальцами, а на языке норби. Щебечущие птичьи звуки, которые человеческие голосовые связки просто не могли воспроизвести, свободно срывались с его губ.

На первую же паузу туземцы отозвались громким криком. Столбы мира дружно поднялись в воздух, над процессией закружился вихрь цветных перьев и ленточек.

Остин сурово поджал губы. Лицо его превратилось в бесстрастную маску, на которой жили только внимательные, все замечающие глаза, как всегда в мгновения смертельной опасности. То, что он видел здесь, было ему знакомо. Такое бывало у всех народов и рас. Оратор зачаровывал норби игрой голоса и полностью подчинял их себе. И это «колдовство» действовало, жило! Те неприятности, которые почуяли на далеких равнинах Бред Квад и Келзон, ковались здесь, в Синем районе.

Но неужели игры на барабане и зажигательной речи достаточно, чтобы вызвать серьезные неприятности? Остин начинал злиться на собственную беспомощность. Как он не

старался, он не мог понять в происходящем ничего, кроме общего эмоционального настроя. Это вполне можно было назвать магией; что-то в глубине его души узнавало ее действие и отзывалось на нее. Он понимал, что это воздействие усыпляет разум туземцев и отдает их в полную власть этого инопланетника с лицом, раскрашенным как у норби.

— Злой Колдун, — прошептал Сторм на языке навахо. Когда-то на Земле так называли людей, способных вызвать смерть человека, просто связав определенным образом пучок его волос и закопав их в землю.

Барабаны гудели, и кровь Остина отзывалась на эти звуки. Давным-давно его соплеменники за полгалактики отсюда так же били в барабаны и плясали у костров перед боевым походом.

Судя по количеству собравшихся здесь племен, у них мог быть только один общий враг — колонисты. Широко разбросанные, слабо связанные между собой поместья колонистов были идеальными объектами для успешной партизанской войны. Норби традиционно были воинами и кочевниками. И так немного нужно, чтобы превратить разрозненные племена в превосходную армию, которая выкинет колонистов с Арцора прежде, чем они успеют опомниться. А в этот сезон и сама природа будет на стороне туземцев. У них есть тайные источники, и они смогут спокойно передвигаться в горах, тогда как любые силы Патруля, которые смогут вызвать колонисты, будут неизбежно привязаны к воде.

Сторм провел ладонью по лицу. В ночных кошмарах рождаются призраки, которые потом годами преследуют человека. Он видел войну, которая уничтожила его родную планету, вычеркнула из нашего мира целые звездные системы и народы... Да, возможно, придется в конце концов вызвать Патруль, но тот Арцор, который он узнал и успел полюбить, исчезнет в этой войне навсегда.

Наконец барабанный бой прекратился, и оратор скрылся в темном тоннеле. Норби потихоньку двинулись вниз к деревне. Вооружаться? Обсуждать услышанное? Остин так и не понял, чем все закончилось.

Он достал гранату. Незнакомец еще никуда не ушел, но Остин поджидал его, готовый к бою. Но тот смотрел прямо на него невидящими стеклянными глазами и брел по тоннелю, неуклюже покачиваясь, словно деревянный. Похоже, его чары действовали не только на туземцев, но и на него самого.

Остин попытался разобраться. На этой горе разбилась спасательная шлюпка. И почти одновременно с этим в долине

приняли какие-то странные сигналы. Что ж, на шлюпке должен быть довольно мощный передатчик. Может, он еще действует и сможет передать сигнал колонистам?

Чужак сейчас был явно не в себе, но пробираться к шлюпке днем все равно было слишком рискованно. Сурра, Баку, Горгол... Никого из них не было в деревне, пока там были они с Логаном. Может, они тоже прячутся где-то неподалеку?

Остин снова попробовал позвать свою команду, нащупать ту нить, что связывала его с его животными и превращала союз человека, кошки и орла в такое грозное оружие, о каком на Арцоре и представления не имели.

«Б а к у!» — он бросил этот призыв в воздух, словно невидимое лассо. Но ответа не было.

«С у р р а!» — теперь он не стремился в небо, а скользил по земле, стараясь уловить поступь мягких и пушистых лап. — «С у р р а!»

И тут же с пронзительной радостью ощутил ответный зов.

— Где? — невольно произнес он вслух, прислушиваясь к связующей нити... До него донеслось ощущение темноты и тесноты горного перехода. Да, Сурра была где-то здесь. И, похоже, затаилась, подкарауливая что-то живое, приближающееся к ней. Инопланетного оратора?

Напряжение, с которым Сторм устанавливал ментальный контакт, почти спало. Теперь он держал его в руках, как надежный провод связи. Сурра давно уже стала как бы частью его самого; лишаясь ее, он чувствовал себя калекой, словно внезапно ослепший или оглохший человек. По радости, донесшейся до него, он понял, что кошка не меньше его нуждалась в контакте.

«С е й ч а с м и м о т е б я п р о й д е т ч е л о в е к, — передал он, — Н е т р о г а й е г о, т о л ь к о с л е д и и д е р ж и с в я з ь с о м н о й».

Пока Сурра следила за незнакомцем, он свободно мог прогуляться до шлюпки.

Он спокойно начал спускаться по склону, привычно используя каждое укрытие. Где-то еще стучали барабаны, наверное, в деревне. Под прикрытием кустарника он пополз к шлюпке, ориентируясь по тяжелому запаху разложения жертв, сваленных вокруг нее. Входа в пещеру, куда столкнули их с Логаном, отсюда не было видно, а может, он и вовсе был закрыт. Сторм внимательно осмотрел шлюпку. На первый взгляд люк был плотно задраен. Может, сами космонавты

закрыли его изнутри? Но по крайней мере один из них выбрался наружу — Сторм видел его своими глазами.

Сторм согнул молодое деревце и подвел его вершинку под створку люка. Медленно, с режущим уши скрежетом, люк начал подниматься. По крайней мере одно из опасений Остина не сбылось. Шлюпка открывалась после приземления на Арцоре, так что внутри его вряд ли поджидала компания мертвецов. На военной службе ему приходилось путешествовать и на таких шлюпках, так что внутреннюю планировку он знал. Он протиснулся меж двух рядов противоперегрузочных коек и прошел в нос, туда, где находился пульт управления, передатчик.

Как только он открыл дверь, в рубке зажегся свет, значит, электропроводка была в порядке. Остин забрался в тесное пространство перед передатчиком. Он ткнул пальцем в кнопку и тут же услышал пощелкивание включившегося кома. Он вручную отстукал заранее обдуманное сообщение. Сигнал опустившейся шлюпки уловили несколько полевых лагерей в Низинах. Только потому, что эти лагеря посещались не так уж часто, на них не обратили сразу должного внимания. А теперь, согласно приказу Бреда Квада и Келзона, все приемники должны были ждать сигналов отсюда. Если только сработает передатчик... Он еще дважды отбил сообщение вручную, а потом поставил передатчик на автоматическое повторение. Теперь это будет повторяться, пока работает аппаратура, а Остин не представлял, кто здесь мог бы ее разломать.

Остин, закрыл панель и отправился обследовать другие помещения в слабой надежде найти оружие. Но оружейный отсек был пуст. Кроме кожаных подушек на койках здесь ничего не осталось. Он уже двинулся к люку, собираясь уходить, но тут снова услышал барабанный бой. Он совершенно автоматически нажал кнопку, закрывающую дверь, и только потом сообразил, что это, возможно, спасло ему жизнь. Снаружи донеслись громовые раскаты барабанов, но здесь, под защитой прочного корпуса, они звучали глухо и совсем нестрашно. Шлюпка содрогнулась от удара. Сторм метнулся в рубку и включил обзорный экран. На экране бушевал огонь. Если бы молния, ударившая сейчас в гору, попала прямо в шлюпку, от нее бы ничего не осталось. Корабль шатало и покачивало в волнах пламени. Выдержит ли защита, предназначенная для космоса, такой энергетический натиск? Силы, бушевавшие сейчас вокруг корабля, вполне могли скатить его вниз по склону. Может, незнакомец в горе каким-то образом

уловил работу передатчика и пустил в ход одну из древних машин? Остин был уверен, что сейчас против него действует оружие Запечатавших Пещеры.

Сурра! Остин поудобнее устроился во вздрагивающей от ударов кабине и попробовал связаться с кошкой. Но на этот раз он почувствовал непроницаемый барьер, такой же разделял их в деревне норби. Возможно, бушевавший снаружи огонь отрезал возможность контакта. Но долго раздумывать ему не пришлось: шлюпка вдруг покачнулась и начала крениться. Остин покрепче ухватился за ближайшую койку. Обзорный экран показал ему, что пламя охватило корабль со всех сторон. Но за прочными стенами он был в относительной безопасности.

Он забрался на койку и закрепился противоперегрузочными ремнями. Теперь даже если шлюпка перевернется, они его защитят.

Корабль клюнул носом и, дрожа как в лихорадке, заскользил по склону. Затем раскатился сильный удар, словно корабль врезался в какое-то препятствие, и обзорный экран погас. Остин подумал, что передатчик тоже вряд ли уцелел. Сколько раз он успел передать сообщение, прежде чем окончательно смолкнуть? Пробилась ли передача на Пики? Хотя шлюпка стояла теперь почти вертикально, Остин спокойно лежал на койке. Свет в кабине погас на секунду, затем снова вспыхнул, опять погас и замигал беспрерывно. Шлюпка больше не двигалась. Но насколько устойчиво это положение? Может, достаточно ему встать, и это заставит ее снова скользить вниз?

Освободившись от ремней, землянин осторожно спустил ноги на пол, на всякий случай держась за койку. Шлюпка, хотя и стояла, низко опустив нос, катиться дальше вроде бы не собиралась. Остин прошел в рубку и увидел, что одна переборка сильно погнулась и в рубке царит хаос. Передатчик был разбит вдребезги. Ладно, будем считать, что первый бой враг выиграл. Но это не значит, что он выиграет и всю войну.

Без обзорного экрана Остин был слеп. Погасло наконец пламя или все еще бушует? Он снова вернулся на койку, уткнул голову в руки и, собрав всю энергию, попытался дотянуться до Сурры.

«З д е с ь», — донесся до него краткий ответ кошки.

«Г д е ч е л о в е к?» — спросил он.

«З д е с ь», — повторила она, и Сторм понял, что она глаз не спускает со своей добычи.

«В г о р е ?»

«Да».

«О с т а в а й с я н а м е с т е... и с л е д и», — приказал он.

Если возобновился контакт с барханной кошкой, то может, огонь вокруг корабля уже утих? Но до люка теперь добраться мог бы разве что хороший акробат. Сторм нажал открывающую его кнопку и с ужасом увидел, что люк не слушается. Может, огонь заплавил края, и он теперь навеки запечатан в этой жестянке? Но тут крышка со скрипом сдвинулась. Удушливый дымок сгоревших священных веток защипал глаза и заставил его закашляться. Дым, жар, но пламени больше не было. Сторм вернулся в кабину и отодрал покрывавший койку пеноплен. Часть его он развесил у входа, изолируя раскаленную обшивку шлюпки, часть захватил с собой и с облегчением покинул свое временное убежище.

Земля вокруг была сожжена дочерна, на корпусе шлюпки остались ясные следы огня. Выше по склону еще догорали небольшие кустики.

Остин обмотал ноги до колен оставшимися кусками пластика. Прочная синтетика вполне могла защитить от жара, поднимавшегося от земли. Укутав таким же образом и руки, он прошел в хвост шлюпки, спрыгнул на раскаленную скалу и отправился наверх, к «своему» уступу.

Там, в горе, его ждала Сурра, верные глаза и уши его команды. Она без особого труда выследит чужака, а может, сумеет найти и Логана.

Он сделал все, чтобы предупредить колонистов о грозящей опасности. Если его сообщение принято, у них есть время приготовиться. Ну, а здесь он сам попробует разобраться.

И тут снова раздался негромкий рокот барабана. Землянин замер, как испуганное животное, зубы его оскалились не хуже, чем у Сурры. Длинная тощая фигура появилась на опушке рощицы, случайно уцелевшей в пожаре. Длинный плащ, словно огромное птичье крыло, закутывал незнакомца. Барабанщик. У Сторма не было ни ножа, ни парализатора, только голые руки... Однако, Остин знал, что у чужака тоже не было оружия: по обычаям норби колдунам не полагалось ходить вооруженными, считалось, что их достаточно защищает покровительство высших сил. И ни один норби, даже из вражеского племени, не поднимет руку на колдуна. Расплата за такое обычно бывала скорой и жестокой.

Но если этот колдун полагался сейчас на такую защиту, его ждало сильное разочарование. Остину нужно было только

успеть выхватить у него барабан, прежде чем он успеет поднять тревогу.

Землянин подобрался для прыжка. Напряженный, с обожженной палкой в забинтованных пластиком руках, он ждал удобного момента. Но гром барабана не усиливался, он рокотал так мягко, будто по нему стучали дождевые капли. Колонисты не понимали языка барабанов норби, но Остин все-таки уловил в этом ритме что-то непривычное. Он ожидал, что колдун, заметив его, немедленно поднимет тревогу, а вместо этого барабан звучал чуть ли не приветливо. И Сторм решил не торопиться с прыжком и подпустить противника поближе.

— Укурти! — неожиданно воскликнул он, узнав Барабанщика Шозонна.

Руки колдуна тут же оставили барабан и замелькали в пальцевой речи.

— Где ты был?

Остин рывком сдернул свои бинты, освобождая пальцы для разговора.

— В горе.

Он не собирался темнить с этим Барабанщиком, в колдовской силе которого он убедился на себе.

— Однажды ты уже был в горе.

— Я уже был там, — согласился Остин, — и пойду снова. В этой горе скрывается зло.

— Это так, — неожиданно для Остина подтвердил колдун.

— И тот, кто барабанит для клана Цамле, знает об этом?

— Барабанщик должен знать истину, иначе высшие силы оставят его. В этой горе есть тот, чьему барабану отвечает гром и служит молния.

— Я видел и слышал это, — честно ответил Сторм. — Я видел, как он говорил, и как ему отвечало пламя. И поэтому теперь все воины готовят боевые стрелы и поют о новых трофеях для дома Грома. Это нехорошо.

— Это и вправду нехорошо, — Укурти неожиданно наклонился к Сторму, и его обведенные кругами глаза сделались как у Баку перед броском на добычу. — Я, Укурти, сам видел, как приземлялись звездные корабли и знаю силу тех, кто летает на них. Они тоже могут вызывать громы и молнии. Но их молнии рождены не мощью Арцора.

Он шагнул ближе, из под ног у него поднялось крошечное облачко пепла.

— И до вас приходили к нам по звездной дороге. В чу-

жаках есть сила, но она их собственная. Эти, пришедшие на корабле, снова открыли чужие древние силы. И это обманывает неосторожных и заражает их нелепыми мечтаниями. Я, Укурти, владею своей силой и еще вот этим, — он осторожно постучал по барабану. — И я считаю, что любая дорога, на которой прольется большая кровь — дурная дорога. Почему из-за чужого древнего колдовства мы должны стать врагами тех, кого принимали в своих шатрах, тех, кто делил с нами свою воду и свою пищу?

— Значит, тот, кто владеет молнией, говорит вам, что боевые стрелы надо направить против моего народа?

— Да, он говорит именно это.

— А зачем ему нужно, чтобы пролилась эта кровь?

— Его сила будет возрастать, если мы будем поклоняться ей и приносить кровавые дары.

— Но это ведь не та сила, которой служишь ты.

— Да. Это злая сила. И я прошу тебя, тоже пришедшего со звезд и имеющего собственную силу: пойди к этому чужаку — он из твоего народа — и померяйся с ним силами.

— И твой барабан не поднимет ваше племя на охоту за землянами?

— Нет, мы с тобой под Столбом Мира. И потому я могу облегчить твою ношу, хоть и очень немного.

— Ты знал, что я здесь, и не подождал меня?

— Я знал. Я не могу объяснить тебе, почему. Так подсказали мне мои силы.

— Извини, Барабанщик, я не хотел вмешиваться в твои дела. Я спросил, не подумав.

— Но дальше тебе идти одному.

— Все ли кланы готовы вступить на дорогу, которую указал хозяин молнии? — рискнул спросить Сторм.

— Еще не все, но многие. — Похоже, Барабанщик не расположен был говорить на эту тему.

— И я должен идти один?

— Да.

— Тогда, Барабанщик, пожелай мне удачи, прежде чем мы расстанемся. — Сторм передал знаками просьбу о благословении, с которой обычно обращались к колдуну уходящие в набег воины. И теперь ждал ответа. Решится ли колдун призвать милость своих сил для инопланетника, или вся его помощь заключается только в том, чтобы направить его на борьбу? Разница эта могла иметь огромное значение в будущем, и Сторм терпеливо ждал.

15

Легкий ветерок шевелил золу, разгоняя дым и зловоние пожарища, и тихонько трепал перья, украшавшие плащ барабанщика. Укурти пристально смотрел на свой барабан, словно пытался что-то прочесть на туго натянутой коже. Потом он заговорил, аккомпанируя себе легкими ударами по барабану. И хотя Сторм, конечно, не мог понять его птичьего щебета, но ему показалось, что он улавливает какой-то смысл. Правда, это заклинание могло быть и благословением и проклятьем.

Затем Укурти оставил свой барабан и перешел на понятные для землянина знаки.

— Пусть будет удача с тобой, знающим песни ветра, шепот растений, думы зверей и птиц. Смело иди, ибо ты идешь исполнять свой долг. От тебя зависит, сорвутся ли с наших луков боевые стрелы, пронесется ли над миром огонь, как пронесся он по этой горе.

Это было больше, чем Сторм смел надеяться: не просто ободрение воина, идущего на опасное дело, но пожелание удачи равному, тоже владеющему невидимыми силами, и обещание прибавить к его собственным свою силу. И Остин ответил, как равный, отсалютовав старому колдуну вскинутой ладонью. Потом повернулся и уже спокойно пошел в пасть тоннеля.

Но об осторожности забывать не следовало. Укурти ничего не сказал ему о других туземцах, а между тем на горе еще могли оставаться те воины, что наблюдали сожжение шлюпки.

Никем не замеченный, Остин исчез в тоннеле и у самого входа встретил поджидавшую его Сурру. Кошка передала, что незнакомец очень поспешно отправился куда-то наружу. Может, пошел полюбоваться результатами своей атаки?

У землянина еще оставались гранаты. Но мертвец ему уже ничего не скажет, а, главное, в роли мученика он приобретет еще больший авторитет у туземцев, и это никак не остановит надвигающуюся на равнины войну. «Он нужен мне живым, — подумал Остин. — С помощью Сурры это не так уж сложно сделать. Если только...»

И тут он словно попал в невидимые путы: что-то похожее на акустический барьер, но вызывающий не боль, а полную неподвижность. Беспомощный, словно в сетях норби, поджидал он своего врага.

Но на мозг эта штука, к счастью, не действовала. Далеко ли они успели отойти — человек, поймавший его в эту сеть, и кошка, неслышной тенью скользящая за своей добычей? На всякий случай он послал Сурре приказ возвращаться и остерегаться ловушек.

Возможно, как и ожидал Остин, Укурти был на горе не один. Возможно, их кто-то подслушал, и сейчас сюда спешат норби. Сторм не верил, что старый колдун мог выдать его. Обещания, которые он дал ему перед уходом, нельзя было нарушить, иначе проклятие падет на голову обманщика. Нет, если это и ловушка, то Укурти здесь не при чем.

Сурра и Баку. Надо еще раз попробовать связаться с орлом. Теперь кошка и птица оставались его единственным оружием. С кошкой у него теперь была хорошая связь, а вот птица так и не отозвалась.

И тут у входа в тоннель появился чужак.

Он был выше землянина почти на голову, с белой кожей, просвечивающей сквозь туземную раскраску, рыжеволосый. Чужак остановился, тяжело переводя дыхание. Сторм сразу заметил, что тот обеими руками держит какой-то шарик, плотно прижимая его к груди. Шарик здорово походил на осколочную гранату.

Но тут Мастер зверей увидел его глаза и сразу забыл обо всем остальном. За год, проведенный в Реабилитационном Центре, он не раз заглядывал в такие глаза и до сих пор не мог их забыть.

Такие глаза бывали у землян, воевавших в космосе и неожиданно узнавших о гибели родной планеты. Люди сходили с ума и готовы были броситься с оружием на первого встречного, считая всех виноватыми в своем несчастье, или кончали самоубийством. Такие словно продолжали жить в прошлом, и землянин решился сыграть на этом. Придав своему голосу привычный командный тон, он резко произнес:

— Имя, звание, род войск, планета!

Что-то осмысленное мелькнуло в этих глазах. Чужак беззвучно пошевелил губами, а потом повторил вслух:

— Фарфер Дин, техник третьего класса, ЕУ-семьсот девяносто, космос.

Подумать только, техник третьего класса! Таких всего семьсот на всю армию Федерации. Для такой квалификации мало было только обучения, нужна была еще и генетическая предрасположенность. Неудивительно, что этот человек сумел разобраться в технике народа Запечатавших Пещеры.

Дин подошел ближе и принялся внимательно разглядывать

Остина. Краска на лице не позволяла различить его выражение, но Сторм и так хорошо понимал его.

— Кто ты, — спросил, наконец, он.

— Остин Сторм, Мастер зверей, АМ-двадцать пять, Земля. — по-уставному ответил Остин.

— Мастер зверей, — повторил чужак. — Значит, ты служил в психочастях?

— Да.

— Тогда ты, наверное, и сам понял, что для тебя здесь нет ничего интересного, — Дин покачал головой, словно сожалея об этом. — Здесь сплошная техника, ничего подходящего для детей природы.

«Дети природы» — так шутливо называли техники специалистов по психобиологии. Если Дин имел какое-то предубеждение к ним, то при его разбалансированной психике... Остин постарался не думать об этом. По крайней мере, техник вступил в разговор и, похоже, пока не собирался прибегать к крайним мерам.

— Я не получил никаких приказов относительно тебя, — заявил Дин.

Ну что ж, если он считает, что Сторм все еще на службе — тем лучше. Интересно, как это технику удалось так обездвижить его? Может, парализующая аппаратура скрыта в шаре, который он держит у груди? Хорошо бы, если так. Тогда у Остина были неплохие шансы освободиться. А вот если эта невидимая сеть управляется каким-то механизмом, скрытым в недрах горы...

— Ну, да бог с ним, — пожал плечами Дин. — Мне сейчас не до тебя. Выбирайся сам, как сможешь.

На первый взгляд, он поступал вполне разумно. Даже слишком разумно, по мнению Остина. Настолько разумно, что это выходило за рамки человеческого.

— Ты собираешься уйти и оставить меня здесь беспомощным?

Дин улыбнулся, и это движение стянуло нарисованные на щеках линии в гротескные квадраты и треугольники.

— Обычное поле, — рассмеялся он, — но дитя природы не может с ним справиться! — И тут же добавил совсем другим тоном: — Ты хотел меня обмануть. Я же знаю, что война закончилась. И я знаю, что никто тебя сюда не посылал. Ты приземлился здесь так же, как и я, по собственному желанию. Но я нашел здесь смысл жизни, настоящей жизни. — Он переложил шарик в одну руку и вскинул вторую в каком-то замысловатом жесте. — Здесь есть все, о чем только может

мечтать техник! И все это мое и навсегда! — он снова рассмеялся, и это жуткий смешок совсем не вязался с предыдущими вполне разумными словами.

Сторм понял, что хоть этого человека и выпустили из Центра, он вряд ли получил чистую карту полностью здорового.

— Навсегда! — повторил Дин. — А вы хотите отнять у меня эту планету. И ты тоже! Конечно, овладеть такой силищей... Только сначала попробуйте взять ее! — Пальцы его свободной руки сложились чашечкой, словно он пытался зачерпнуть что-то. — Только первым сюда пришел техник и только техник сумел во всем этом разобраться. И ты не первый, кто пытается встать у меня на дороге, но с тобой проще. Я знаю, как справляться с такими как ты.

Он сжал свой шарик в кулаке, и Сторм почувствовал, как силовое поле сдавило его, не давая даже вздохнуть.

— Понял, дитя природы? Я могу раздавить тебя так же просто, как мелкое насекомое. Только чего ради мне этим заниматься самому? Мои друзья уже идут сюда. Они любят такие развлечения, так что я просто отдам тебя им.

Чужак снова коснулся шарика, и невидимая веревка на горле Сторма ослабла. Потом он что-то крикнул, и Сторм опять удивился, услышав щебечущие звуки языка норби.

Остин всмотрелся в темноту тоннеля за спиной Дина.

«П о р а !» — скомандовал он мысленно.

Желтое гибкое тело взвилось в воздух, и Сурра всем весом обрушилась на плечи Дина. Тот вскрикнул и упал. Управляющий полем шарик вырвался из его руки, но прежде чем Сторм смог схватить его, он перекатился за камень и скользнул вниз с уступа.

«Не убивать!» — скомандовал Сторм, глядя на сцепившихся на полу пещеры человека и кошку. Он не рискнул вмешаться в эту схватку. Все его тело онемело и плохо его слушалось, как раньше рука, которой он открывал пальцевый замок.

Сурра рычала, плевалась и фыркала, но все же ослабила свой захват. Дин завизжал пронзительным высоким голосом, и кошка от неожиданности отступила. На минуту Остин увидел его лицо, даже не лицо, а дьявольскую маску. Он еще раз крикнул и метнулся в тоннель прежде, чем Остин успел его блокировать. Остин бросил вслед за ним свое непослушное тело и даже успел, падая, схватить его за ноги, но Дин отбросил его и исчез в темноте. Только топот сапог слышался еще несколько секунд.

Сурра все еще протирала лапой глаза; видимо, они у нее болели. Сторм сгреб ее за шкирку и притянул к себе. Норби, которых вызвал Дин, были уже где-то рядом. Пора было уходить, и единственный путь отсюда вел внутрь горы, следом за Дином. Остин надеялся, что естественный страх не позволит туземцам забираться далеко в гору.

У входа появилась рогатая черноволосая голова. Норби не испугался темноты тоннеля и, не останавливаясь, с разбегу бросился на Сторма с ножом в руке. Теперь Сторму пришлось вспомнить все приемы боя без оружия, какие входили в подготовку командос. Он отбивал удары и шаг за шагом продвигался в спасительную темноту тоннеля.

Очередной удар скользнул по ребрам и обжег Сторма. Он широко размахнулся и опустил ребро ладони на шею туземца чуть выше ключицы. Норби без единого звука свалился на пол, и Сторм вырвал у него нож.

Что-то коротко свистнуло, и боевая стрела разорвала на плече рубаху. Сторм опустился на четвереньки и осторожно пополз в тоннель, стараясь забраться поглубже. Впереди он слышал грозное завывание идущей по следу Сурры. Теперь в тоннеле был уже не один лучник. Но странная темнота, державшаяся в древних пещерах мешала стрелкам целиться, и это спасало ему жизнь. Все стрелы пролетали над головой, и, как он заметил, ни один лучник не рискнул зайти в тоннель поглубже.

Первый же поворот тоннеля укрыл его от стрел, и в первую очередь он осветил фонариком Сурру. Он еще не успел выяснить, что Дин сделал с кошкой. Глаза ее еще слезились, она фыркала, но зрение, похоже, не пострадало.

Сурра все еще злилась, она рвалась догнать врага и отомстить, и Остин целиком ее в этом поддерживал. Он тоже хотел схватить свихнувшегося техника. Теперь, когда он представлял своего врага, и на поясе у него, наконец-то, оказался нож, он чувствовал себя много увереннее, хотя и понимал, что заточенный кусочек металла может показаться технику, вооруженному всей машинерией древних, просто смешным. Кошка легко и уверенно двинулась вперед. Она явно знала, куда идти. Только далеко она не ушла. Тоннель был довольно ровный, без ответвлений и проемов в стенах, но Сурра внезапно остановилась. Она прошлась по кругу, потом — от стены к стене, тщательно все обнюхала и, видимо, окончательно растерявшись, завыла. Так порой она выла, промахнувшись на охоте.

Остин посветил фонариком на пол, почти уверенный, что

увидит там знакомую спираль. Но здесь не было ни спиральной тропинки, ни светящихся трубок, чтобы открыть одну из этих странных дорог, лежащих в другом измерении. Видимо, здесь была какая-то другая тайна перехода, знакомая Дину и совершенно непонятная его преследователям.

Может, Дин научился управлять этими переходами по своему желанию? Или здесь тоже спрятан какой-нибудь «прибор» переноса? Теперь Остин жалел, что не рассмотрел повнимательнее экран на платформе, с которой попал сюда.

Теперь ему оставалось только бродить по переходам в надежде наткнуться на что-то подобное или повернуть назад, прямо в руки поджидавших норби. А как же попала в гору Сурра? Может, на поверхность ведет еще один тоннель?

Землянин присел на корточки и подозвал к себе кошку. Он положил руки ей на голову и, ласково поглаживая, попросил рассказать, как она попала в переход. Но та сосредоточенность на одной цели, которая делала ее такой ценной в команде, теперь сработала против него. Кошка была целиком поглощена мыслями о враге и стремилась только к одному: догнать его и отомстить. Больше ничего ее сейчас не интересовало, так что расспрашивать о переходе было бессмысленно. Остин, работая со своей командой, давно научился терпению. Он и сейчас не стал принуждать кошку.

Так чего же он добился? Дин был по-прежнему на свободе и бродил где-то в этих норах, используя весь арсенал инопланетных приборов. И Логан... Когда он вспомнил о Логане, в душе вспыхнула боль, жгучая, как луч бластера. Но все-таки небольшая надежда у него еще оставалась. Ведь не зря же тогда вспыхнула спираль на экране. Может, Логан все же воспользовался этой дорогой, только перенесла она его не в машинный зал, а в какое-нибудь другое место, и он не погиб под палящим солнцем Великой Засухи, а бродит где-то в подземных лабиринтах.

И еще оставались где-то Баку и Горгол, но о них он вообще ничего не знал. Сторм заметил, что кошка постепенно успокаивается, и снова попытался задать свой вопрос.

«П о д н я л а с ь н а в е р х»,— ответила она. Ответ был довольно туманный, но так бывало довольно часто. Слишком различно мышление человека и кошки, и им порой нелегко понять друг друга.

«Г д е п о д н я л а с ь», — попытался уточнить Мастер зверей.

На этот раз ответа не было. Сурра вдруг упрямо затрясла

головой, насторожила уши и взъерошилась, словно уловила в затхлом воздухе что-то недоступное человеку.

«Этот незнакомец... он сейчас ушел, но мы еще на него поохотимся, — мысленно пообещал Сторм. — Но для такой охоты нужна команда. Ты не знаешь, где Баку?»

Такой подход оказался верным. В конце концов, они так долго были вместе, что для Сурры их союз стал таким же привычным и необходимым, как и для него самого.

Сурра ничего не ответила, вместо этого она просто пошла вперед так же спокойно и уверенно, как раньше шла за Дином. Человек не смог бы найти и следа той дороги через горный лабиринт, по которой вела его сейчас Сурра. Они проходили из одного тоннеля в другой, пересекали пещеры и узкие расщелины. И все здесь говорило о создателях лабиринта. Несколько раз они натыкались на какие-то приборы, значения которых Сторм не мог определить, а Сурру они вообще не интересовали. Однако кошка не плутала, шла уверенно и, похоже, знала, куда идет.

Дорога шла то вниз, то вверх, что немного озадачивало Сторма, хотя какое-то чутье говорило ему, что они не особенно углубились в гору. Наконец из рукотворного, облицованного черным веществом тоннеля кошка свернула в естественную расщелину, и Сторму пришлось опуститься на четвереньки.

Через узкую щель Остин выполз на свежий воздух и с радостью вдохнул запахи свежей, неопаленной растительности. Прямо пред ним была маленькая долина, в которой Великая Засуха чувствовалась не больше, чем в деревне норби. Остин устало опустился на камни и огляделся вокруг. Теперь ему ничего не мешало спокойно разглядывать необычную для Арцора растительность. Она была не красно-зеленой, не коричнево-зеленой, не желто-зеленой, как большинство здешних растений. Нет, она была чудесного, свежего, чистого зеленого цвета. И он совсем недавно видел где-то такие же листья, как на ближайшем к нему кусте.

Словно крылатая черная молния упала с неба! Баку, покачиваясь и полураспустив крылья, с приветливым клекотом направился к Мастеру зверей. Всем своим видом орел старался показать, как он рад, что все они снова собрались вместе.

Но когда на крики орла ответил из кустов приглушенный шепот, Сторм насторожился, и его рука невольно потянулась к ножу. Таким сигналом норби предупреждали об опасности.

Сторм уже поднялся на ноги, когда ветки кустов закача-

лись, и из них вышел Горгол. Похоже, юный норби был ранен. Припарка из разжеванных листьев была привязана к его левой руке, огромный синяк занимал половину лица, один глаз заплыл. Ожерелье из клыков йорис, которым он так гордился, было порвано и связано в нескольких местах.

— Сторм! — просигналил он и тут же осторожно коснулся руки землянина, словно, не верил своим глазам и хотел убедиться ощупью.

Баку поднялся в воздух, а затем опустился на плечо Остина. Тот радостно принял привычную тяжесть и улыбнулся, когда смертоносный клюв ласково, легонько погладил его щеку.

— Где мы? — Сторм вглядывался в гребень нависающей над долиной горы, но никак не мог сориентироваться.

— В горе, — коротко ответил Горгол. — Мы бежали далеко впереди огня.

— Кто это «мы»?

Горгол обернулся и что-то прошептал. На какой-то момент в Остине вспыхнула надежда, что он найдет здесь и Логана. Но человек, вышедший из тени кружевных листьев был ему незнаком. Лохмотья серой форменной одежды болтались на его изможденном теле, украшенном такими же синяками, как у Горгола. Сложен он был, как обычный человек и голову венчали не рога, а копна русых волос.

— Цолти был прав... Если бы у нас хватило мужества идти вперед, мы бы вышли...

Внезапно он упал на землю, словно у него неожиданно подкосились ноги и его острые плечи затряслись от тяжелых, неудержимых рыданий.

16

— Кто он? — спросил Сторм у Горгола.

— Не знаю, — просигналил тот, — он не владеет пальцевой речью. Мы с ним столкнулись на горе, когда я убегал от огня. Он показал мне дорогу. Настоящий воин: он не боялся молний и готов был сражаться.

Сторм слегка дернул плечом, и Баку послушно перелетел на ближайший камень. Остин присел рядом с незнакомцем и осторожно положил руку ему на плечо.

— Кто ты, друг? — спросил он на принятом в армии га-

лактическом языке. И был не слишком удивлен, услышав в ответ земные слова:

— Найяр... Микки Найяр, разведчик, ТН-пятьсот, наземные войска.

Голос незнакомца уже окреп, он сел, отнял руки от лица и с нескрываемым удивлением уставился на Сторма.

— Остин Сторм, Мастер зверей, — представился землянин. — Ты знаешь, что война давно кончилась?

— Я знаю, — тихо кивнул Найяр. — Но ведь это одна из захваченных планет? И ты здесь с каким-то заданием?

— Это Арцор, пограничный аграрный мир. Правда, в одной дыре тут прятались хиксы, но несколько месяцев назад мы разобрались с ними. Их корабль взорвался при взлете. Других посадочных площадок мы не обнаружили. И я тут не с боевым заданием. Теперь здесь мой новый дом.

— Значит, Дин нарочно солгал нам, — с горькой усмешкой сказал Найяр. — Ты ведь, насколько я вижу, землянин?

Остин кивнул, а потом добавил:

— Теперь уже арцорианец — я получил землю на равнинах.

— И это пограничная планета Конфедерации, а не мир хиксов?

— Точно.

— И давно здесь люди?

— Да уже около двухсот земных лет. После первых кораблей на Арцоре сменилось три поколения поселенцев. А ты прилетел на спасательной шлюпке?

— Да, — с горечью ответил Найяр. — Лафдаль был когда-то пилотом и сумел посадить нас без крушения. Потом мы вышли из нее и сразу попали в руки туземцев. Они нас не убили, хотя, может, это было бы для нас лучше. Они просто связали нас и отвели на склон горы, а потом спихнули в какую-то пещеру. Там, в затопленной пещере мы потеряли Лафдаля. Что-то огромное схватило его, когда он стоял на пирсе; мы даже рассмотреть не успели, что это такое. Потом... — Найяр вздрогнул и потряс головой, словно отгоняя какой-то кошмар, — потом Рустав свернул куда-то не туда и больше мы его не видели. Это было в пещере, разгороженной полуразрушенными стенами. Дин поддерживал нас и торопил идти дальше. Он был очень оживлен и все повторял, что мы наткнулись на что-то великое. Цолти — он до войны был историком — сразу предположил, что это колониальная планета, и настоял, чтобы мы передали сигнал бедствия, прежде чем покинуть шлюпку. Он был уверен, что нам придут на

помощь. Мы не знали, приняты ли наши сигналы, но все-таки не хотели далеко уходить от шлюпки. Но Дин с ним не согласился. Он заявил, будто знает, где мы находимся, что этот мир захвачен хиксами. И что здешние туземцы уже попали под влияние хиксов, потому и встретили нас так враждебно. — Он помолчал немного, поглаживая ладонью лицо. — А остальные двое, Вайдерс и я, просто не знали, что и думать. И Дин и Цолти, они оба были с хорошими мозгами. И оба говорили, что мы нашли остатки какой-то древней цивилизации. Но Дин... Ну, ты же, наверное, знаешь, что мы летели из Реабилитационного Центра? — Найяр искоса взглянул на Сторма.

— Почти все земляне побывали там, — успокаивающе сказал Сторм.

— Верно... Так вот, Дин не хотел возвращаться к тому, чем он был до войны. И его можно понять: в армии он стал важной шишкой и ему это понравилось. Я не знаю, как он сумел провести врачей Центра, но, как только мы приземлились здесь, его как подменили. Прежде замкнутый и угрюмый, он стал оживленным и деятельным. И он, конечно, сумел убедить нас. Он утверждал, что мы здесь оказались как бы разведчиками, и наш долг узнать все что можно об этом месте и использовать это против хиксов. И он клялся, что Цолти неправ, что это не колониальная планета, а мир хиксов. Потом мы обнаружили дорогу, странную дорогу... — Найяр замялся, словно подыскивая слова, чтобы объяснить Остину то, что и сам толком не понимал.

— Ты имеешь в виду вот это? — Сторм нарисовал в воздухе столе спираль.

— Да-да! Так ты тоже видел ее?

— Не только видел, но и прошел по ней.

— Дин сказал тогда, что это выход. Я не знаю, как он узнал об этом. Знания приходили к нему словно прямо из воздуха. Вот только что он сам был озадачен не меньше нас, а через минуту уже все понял и нам объяснил. И всегда он оказывался прав! Но он все-таки не рискнул первым пройти по этой дороге, пошел Цолти. Он прошел виток, еще виток и так до самого центра. И вдруг его не стало!

Вайдерс был немного не в себе. Он все твердил, будто кто-то прячется за камнями и следит за нами. Всю дорогу он швырял камни в любую тень. Так вот, когда Цолти исчез, Вайдерс дико вскрикнул, а потом сам пустился по этой спирали, виток, еще виток, центр... и тоже пропал!

Потом этим же путем ушел Дин. А потом и я — не ос-

таваться же в одиночестве. И я очутился в каком-то треугольном ящике.

— Ты видел большой машинный зал?

— Да. И там был Дин. Он, похоже, окончательно рехнулся: все бегал вокруг машин, оглаживал их и сам себе говорил, что он во всем здесь разберется, что голос у него в голове все ему объяснит и тогда он будет держать в руках весь мир! Такое с ним бывало и раньше, в первые месяцы реабилитации.

Я притаился и решил понаблюдать за ним. А он тем временем нашел какую-то машину, у которой был громадный обруч. Он залез в него и свернулся клубочком, словно собирался там поспать. Потом что-то зашумело, замигал свет... У меня что-то случилось с глазами, и я никак не мог рассмотреть, что там происходит... Тогда я пошел искать Цолти и Вайдерса. Но, похоже, эта странная дорога перенесла их в какое-то другое место. По крайней мере, в машинном зале я их не нашел.

— А где нашел?

— Я, кажется, видел одного из них, но уже позже, когда опять очутился в горе. Но от него остались только кости, и я даже догадаться не мог, кто это! — Найяр прикрыл рукой глаза, и Остин почувствовал, как дрожит его измученное тело. — Я не решился охотиться на то, что так с ним расправилось. Потом, сам не помню как, я попал в эту долину. — Он с благодарностью огляделся вокруг. — Это было просто удивительно — после всех мытарств снова выйти на свежий воздух и увидеть траву. — Он нежно погладил зеленый кустик. — Почти как дома... Ну так вот, здесь есть дорога на вершину, а немного ниже проходит еще одна, и по ней ходят туземцы. Однажды их собралось особенно много, и среди них я увидел Дина. А потом была гроза с громом и молниями, но мне они показались какими-то странными. Вот я и остался здесь, брожу по округе, пытаюсь разведать все ходы и выходы, даже карту начал чертить...

— А ты не пытался встретиться с Дином?

— Может, это покажется тебе странным, но нет, не пытался. Дин очень изменился с тех пор, как мы приземлились здесь. Ну а после того, что я видел в машинном зале, мне вообще не хотелось иметь с ним дела. Он бредил властью над миром. По-моему, это чистое безумие. Вот я и решил держаться от него подальше.

Остин вполне был согласен с ним. Человек, с которым он столкнулся в пасти тоннеля, сам вычеркнул себя из рода человеческого. И, похоже, безвозвратно, если даже тренирован-

ный психотехник не смог хоть отчасти вернуть ему связь с миром.

— Я неплохо умею выслеживать, — со сдержанной гордостью сказал Найяр. — Я не раз вылезал отсюда на разведку, а туземцы даже не подозревали о моем присутствии. Конечно, немногие из них рисковали подниматься так высоко, да и те старались не сходить с дороги. Потом я увидел коптер, и там явно были наши... земляне. Теперь я уже совсем не верил россказням Дина, что это мир хиксов, ну а потом подумал, что, может, наши вышибли их отсюда, пока я бродил по пещерам. Я хотел спуститься и посигналить. Но сразу после посадки коптер загорелся, а через минуту вокруг него бушевал настоящий пожар. Только когда все утихло, я смог пробраться туда, но нашел лишь обгоревший труп и выжженную дотла землю. — Он замолчал и посмотрел на свои дрожащие руки. — Я устал, так устал, что сейчас готов был идти даже к Дину. Я бродил по переходам и все надеялся встретить его. Дважды побывал в машинном зале, но его так и не нашел. Ты, Сторм, и представить себе не можешь величину этого лабиринта. Тут на всех уровнях тоннели и переходы длиной в километры. И такие пещеры, что тебе и во сне не приснятся, и все противные, — он снова вздрогнул, наверное, вспомнил что-то особенно неприятное. — Порой я удивлялся, что не сошел с ума, как Дин. Когда наяву видишь все эти кошмары, немудрено и рехнуться. Но я так ни разу и не видел Дина, пока однажды ночью на горе не вспыхнул новый пожар. И я увидел, как от огня убегает какой-то туземец, а с ним большая кошка и орел. Дин заметил, как они поднимались по склону, и направил свое оружие прямо на них. Я выскочил из укрытия и затащил туземца в тоннель прохода, орел и кошка тоже пошли за нами. Тогда сюда вел прямой ход...

— А сейчас? — быстро спросил Сторм.

— Одна из молний попала в свод тоннеля, и он осыпался. После этого мы уже не могли выходить наружу. К счастью, здесь есть и вода, и фрукты... Орел несколько раз пытался улететь, но это место, похоже, накрыто каким-то невидимым колпаком. Потом кошка куда-то пропала, и мы догадались, что она нашла выход. Тогда и мы стали искать... Ну, вот и вся наша история. Теперь ты знаешь столько же, сколько я сам.

— Да, — кивнул Сторм. Ему очень не понравилось одно место в рассказе Найяра: вся эта компания, один за другим, ушла по спиральной дороге, а в машинный зал попали только Дин и Найяр. Куда же занесло остальных двоих? Может, и

Логан оказался где-то в этом лабиринте? Остин посмотрел на Найяра с новой надеждой.

— Послушай, ты мог бы найти отсюда дорогу в то место, из которого перенесся в машинный зал?

— Не знаю... честное слово, не знаю.

Сторм за его спиной просигналил Горголу.

— Здесь есть путь через горы?

— Можно только смотреть... идти нельзя, — ответил туземец. — Пойди и взгляни сам.

Сторм пошел вверх по склону к тому утесу, из-за которого вывела его Сурра. Затем он вышел на уступ, заканчивающийся какими-то каменными столбами.

— Здесь дыра, — показал Горгол. — Отсюда можно смотреть.

Сторм вскарабкался повыше, выглянул, и у него закружилась голова. Далеко внизу, так что едва можно было дотянуться взглядом, виднелись склоны горы, опаленные настоящей Великой Засухой, о которой он уже успел позабыть в этом благодатном месте. Это было окно в привычный и знакомый мир, но только окно, а не дверь.

Сторм знаками пересказал Горголу все, что он видел в своих скитаниях, и все, что рассказал ему Найяр. Туземец пристально следил за его пальцами, и лицо его выражало растущую решимость.

— Если Укурти говорит, что это злая сила и что плохо ее слушаться, тогда Кротаг и те, кто пришли с ним, послушаются его. У Укурти есть мудрость, и его барабан никогда не обманывал нас. Если сказать людям, что чужак, чей разум помутился, решил использовать вещи, оставленные Запечатавшими Пещеры, чтобы добыть себе власть и величие, то в это могут поверить. И если правда, что он не имеет своей силы, а ворует чужое могущество, тогда все племена отвернутся от него и не будут слушать его барабан.

— Но как показать всем, что мы говорим правду? И успеем ли мы это сделать? — спросил Сторм. — Ведь его барабан уже провозгласил набег на равнины. А сейчас один-единственный набег может вызвать долгую войну между моим и твоим народом. Ты же знаешь, что не все из моего народа доверяют вам, а сейчас они еще и напуганы.

— Это правда, — энергично согласился Горгол. — Если боевые стрелы сорвутся с тетивы, кто сможет вернуть их назад в колчан? Но время у нас есть. Там, снаружи, сейчас Великая Засуха. И наши тайные источники не смогут питать сразу много людей. Те, кто рискнет сейчас идти через Пики, потратят много времени, двигаясь маленькими отрядами от

одного источника к другому. Пусть они выступают хоть завтра, — он трижды сжал и разжал пальцы на обеих руках. — Вот сколько солнц пройдет, прежде чем они выйдут на равнины.

— Может, тебе стоит поговорить с Кротагом? Он тебя послушает?

— Я полноправный воин с боевым шрамом, и у меня есть голос в совете. Он меня выслушает.

— А если мы сможем выбраться на склон горы в долине, пойдешь ли ты говорить с Укурти?

Горгол пристально смотрел на сияние настоящего солнца за спиной Сторма.

— Если Кротаг послушает, то послушает и Кацтуг, чей тотем йорис, а за ними и Данкху из Хото.

— А если они послушают, то все племена Шозонна откажутся участвовать в набеге?

— Может, и так. А если уйдут Шозонна, то, скорее всего, за ними уйдут и северные племена, а может, и те, кто пришли с побережья.

— Тогда армия Дина уменьшится наполовину! — воскликнул Сторм.

Но Горгол покачал головой.

— Если нарушить перемирие, то может вспыхнуть другая война, — резко сказал он. — Дикие люди Синего района верят в здешнее колдовство и будут сражаться, защищая свою веру.

— Но если мы докажем, что Дин не настоящий Барабанщик...

— Тогда — другое дело. Но для этого каждый из нас должен выполнить свое дело. Мне надо вернуться к своему клану, а ты должен найти творящего зло сородича.

— И чтобы сделать это, нам снова придется идти через гору, — добавил Остин.

Потом они держали настоящий военный совет в самом сердце зеленой долины. Остин был переводчиком между Найяром и Горголом, пока те сравнивали, кто из них больше знает о переходах в горе. Найяр объяснил, что может вывести их на склон горы к деревне, если сумеет найти какую-то центральную точку, которую он обнаружил во время своих скитаний. Потом они поели местных фруктов и ягод, и Остин прилег отдохнуть, пристроившись к пушистому боку Сурры. Ее мягкое довольное мурлыканье скоро усыпило его, и впервые с тех пор, как он покинул равнины, ему спалось спокойно.

Когда Горгол разбудил его, уже стемнело. Они довольно легко протиснулись в найденную Суррой щель. Только Баку злился и протестовал: ему не разрешили лететь и заставили идти пешком. Только убедившись, что Сторм и Сурра действительно уходят, и он остается один, орел смирился и полез в дыру, хоть и не мог сдержать недовольного клекота.

Когда наконец они вылезли в нормальный тоннель, Баку немедленно взлетел и устроился на плече Сторма. Сурра шла впереди легким скорым шагом, и людям приходилось поторапливаться, чтобы не отстать. Кошка возвращалась той же дорогой, по которой она привела Сторма, но еще задолго до того места, где так загадочно растворился в воздухе Дин, Найяр схватил Сторма за руку и воскликнул:

— Здесь! — Он возбужденно закрутился на месте, словно отыскивая ему одному ведомые приметы. — Вот она, эта дорога!

Остин подозвал ушедшую вперед Сурру, и маленький отряд свернул в боковой тоннель. Теперь их вел Найяр. Для Остина один мрачный переход был совершенно неотличим от другого, но он знал, что как сам он был обучен общаться с командой животных, так и разведчики специально отбирались и готовились на роль следопытов.

Найяр уверенно переходил из одного тоннеля в другой, пересекал небольшие пещеры, словно шел давно знакомой дорогой. Затем они вышли в довольно просторную пещеру, где в одном углу брезжил слабый свет.

— Выход, похоже, немного засыпало, — сказал Найяр. — Это природная пещера, она выходит прямо на горный склон.

Сторм первым направился к этой возможной двери, когда странный крик Найяра заставил его остановиться и обернуться.

Лицо Найяра казалось совсем бледным в свете фонарика. Странно расширившимися глазами он уставился на Остина и вдруг бросился на него с кулаками. Инерция его тела буквально впечатала Остина в стену. Уклонясь от отчаянных ударов и не желая пока бить сам, он с удивлением услышал, что кричал прямо в лицо ему этот человек:

— Грязный враль! Хиксовский прихвостень! — Он чуть не задыхался от ярости. — Гадина!

Сторм резко ударил его в подвздох, подхватил обмягшее тело, и осторожно опустил его на пол. Потом, словно сраженный внезапной слабостью, он прислонился к стене. Сурра мягко потерлась о его ноги. Остин наклонился и взял у нее из пасти погасший фонарик.

Включив его, он увидел, что Горгол уже оседлал землянина и сомкнул руки на его горле.

— Не убивай его! — приказал Сторм.

Горгол разжал руки. Он оставил землянина и присел рядом с ним, слегка зажав руку, чтобы тот не попытался снова броситься на Сторма.

— За что? — спросил Сторм, потирая слегка ушибленную руку.

— Ты говорил: пограничный мир... хиксов нет... война закончена, — прохрипел, задыхаясь, Найяр, беспомощный в руках Горгола. — А я сейчас услышал их передачу!

Сторм удивленно посмотрел на него. Не то чтобы он сомневался в его словах... Разведчикам довольно часто вживляли крошечные приемники, и они могли улавливать близкое радиоизлучение. Если Найяр поймал радиолуч, значит, так оно и есть. Но Остин знал, что приборы радионаводки были только в Порту и в Гальваде. Хорошо, если это Келзон и представители правительства решились лететь в Синий район. А если нет...

— Я говорил тебе правду, — устало сказал Сторм, — но, похоже, мы опоздали. Может быть, колонисты уже вызвали сюда Патруль.

17

— Это где-то здесь, недалеко, — сказал Найяр, указывая рукой, словно стрелкой компаса, куда-то на юго-запад.

«Б а к у!» — Остин мысленно приказал орлу вылететь из пещеры и подняться повыше. Тот, очень довольный, взмыл в небо и чуть не исчез из глаз, поднявшись прямо к невидимой крыше долины, и тут же начал передавать все, что видел.

В низинке, по-видимому, хорошо защищенной от палящего солнца, расположился отряд. Теперь Сторм решил посоветоваться с Горголом.

— Можем ли мы добраться до них, пока солнце еще не поднялось совсем?

Норби заколебался. И хотя Найяр уверял, судя по силе радиолуча, что до передатчика не больше пяти миль, Сторм скорее готов был поверить норби. Пять миль по этой гористой местности вполне могут превратиться в полдня пути.

— Если чужие придут в Синий район, тогда все племена

вместе выступят против них и все наши планы рухнут, — предупредил Горгол.

— Конечно. Но если ты пойдешь к Норби и все расскажешь, а я и этот человек, который хорошо знает Злого, пойдем к колонистам и предупредим их, то, может, нам и удастся удержать боевые стрелы в колчанах, пока наши вожди не сядут за переговоры.

Горгол выглянул из-за каменных столбов, загораживающих выход из пещеры, и посмотрел на юг.

— Моя дорога будет нетрудной, — просигналил он. — А ты можешь вообще не дойти до своих. Решай!

— Что тут можно сказать? — пояснил он Найяру. — Днем они будут укрываться от солнца, но, как только наступят сумерки, они пойдут вперед. Похоже, у них в долине есть разведчики, их сообщение ты и поймал. И если они вступят в большую долину, то сражения не избежать. Так что Дин добьется своего — развяжет войну.

— И что ты собираешься делать? — спросил Найяр.

— Попробую добраться до них прежде, чем они выступят.

Возможно это было неверное решение. Возможно лучше было остаться здесь и попробовать подстеречь Дина. Но тогда война начнется и без него, просто потому, что колонисты нарушат договор и явятся в Синий район.

— Ты никогда не найдешь их, если не сможешь идти по лучу передатчика, — сказал Найяр, отирая рот тыльной стороной ладони.

— У меня есть Баку и Сурра, — заметил Сторм, но в душе он был согласен с Найяром. Гораздо спокойнее и лучше было бы идти по лучу передатчика. Найяр повесил на шею привязанную на веревку флягу и поднялся.

— Раз надо идти, — сказал он спокойно, — то лучше идти поскорее. — И направился к выходу.

Остин махнул рукой Горголу, туземец выскользнул из пещеры и быстро пошел вниз по склону разыскивать своих. Все еще может быть хорошо, если, конечно, племена еще не знают о вторжении и вообще захотят его слушать.

Было еще раннее утро, зной почти не чувствовался. Остин прикинул высоту солнца и решил, что часа два или два с половиной они вполне могут пройти, прежде чем им придется искать укрытие на день. И тогда у них, если все обойдется, будет еще около часа вечером. Но сейчас лучше было не заглядывать вперед, а думать о том, что лежало перед ними: — о ближайшей расщелине, которую необходимо преодолеть, о скалистом гребне, о том, что солнце становится все злее, но

пока еще можно идти. Сурра, которой было легче бежать, чем людям, давно исчезла из глаз и поддерживала со Стормом только мысленный контакт. Наконец Остин попросил ее подыскать какое-нибудь укрытие, хотя бы полузасохшие на солнце кустики, которые он заметил, глядя из «окна» в горе.

Вдруг Найяр резко повернулся вправо.

— Луч резко усилился, — сказал он. — Или мы уже почти у цели, или это отзыв более близкого передатчика!

Позабыв об осторожности, он свернул в какое-то узкое ущелье и тут же полетел в трещину, подняв целый фонтан пыли и мелких камешков. И тут Сурра сообщила, что она нашла лагерь.

Ущелье вывело их прямо к лагерю, очень похожему на те, что использовали норби в Великую Засуху. Большая груда камней, присыпанная сверху землей, давала людям возможность переждать в прохладной глубине губительный зной. Сурра подкралась к этой куче поближе и вдруг недовольно фыркнула. Сторм торопливо подошел к ней и осторожно поскребся в шкуры фравнов, закрывавшие вход. Полог тут же откинулся и показалась голова Келзона.

— Сторм! — радостно воскликнул он. — Мы знали, что ты где-то неподалеку. Недавно прилетел Баку и мы тебя ждали. Входи, парень, входи. И ты, Логан, тоже... — Тут Офицер Мира разглядел спутника Сторма и удивленно замолчал.

— Это не Логан, — сказал он наконец.

— Нет, — сказал Остин, подталкивая Найяра ко входу. Келзон отступил и дал им пройти. Затем в комнату вошла Сурра и только тогда шагнул сам Остин и задернул за собой полог. Потом постоял немного, пока глаза привыкали к полумраку.

Люди неплохо здесь устроились. Полукруглый вход вел глубже, в небольшую пещеру. Но не успел Сторм как следует оглядеться, как навстречу ему поспешил Бред Квад.

— Где Логан? — коротко спросил он.

Этот вопрос Остин по десять раз на дню задавал сам себе, но теперь, услышав его от отца, виновато потупился. Что мог он сказать Кваду? Разве что рассказать о странной спиральной дороге и добавить, что, по словам Найяра, другие люди, прошедшие по ней, тоже не попали в машинный зал. Так что, возможно, Логан, заброшенный куда-то в другое место, до сих пор бродит где-то в тоннелях и переходах. Но так отвечать у него не было времени.

— Я не знаю, — кратко ответил он.

— Он был с тобой?

— Да, до тех пор, пока...

— Сторм... — вмешался в их разговор Келзон. Он положил руку на плечо Остина, развернув его к себе. — Мы получили твое сообщение по кому.

И тут вся накопившаяся усталость, все его страхи и сомнения прорвались короткой яростной вспышкой.

— Тогда почему вы здесь, черт побери?! Сделайте один только шаг в долину, и война будет неизбежна!

Его затрясло. Он злился на самого себя, на эту колдовскую страну, на хитрости пещерных переходов, которые он так и не смог разгадать... Еще минута, и он зарычал бы не хуже Сурры. Тут же, почувствовав его состояние, кошка метнулась к нему, а Баку тревожно закричал на своем насесте.

Он ощутил, как крепкие руки легли ему на плечи и мягко, но непреклонно заставили его опуститься на пол. Он попытался сбросить их, но тут же понял, что тело ему не повинуется. Возле самых губ у него оказалась чашка с водой. Он жадно пил, пока ее не отобрали.

— Послушай, парень, мы и не собирались соваться вслепую. На вершинах у нас есть разведчики, но они получили категорический приказ не лезть в долину. Но ты-то можешь нам рассказать, что там творится? — спокойно заговорил Квад.

Напоив Остина, он достал кусок ткани, смочил ее какой-то белой жидкостью из своей фляги и теперь осторожно обтирал лицо и шею Сторма. Аромат травяного настоя напомнил спокойные вечера в поместье, и Остин быстро пришел в себя. Вполне спокойно рассказал он то, что ему удалось узнать, а потом вытолкнул вперед Найяра и тот повторил свою историю.

— Ну, что ж, вы правы, — сказал Келзон. — Ключ ко всей этой кутерьме — Дин. Свихнувшийся гениальный техник, дорвавшийся до кладовых Запечатавших Пещеры.

— Новый Бог, который может покончить с Арцором так же верно, как континентальная бомба!

— Вы уже вызвали сюда Патруль?

— Ну-у... неофициально. У меня еще сохранились кое-какие личные контакты, — он поднялся и теперь стоял, уперев руки в бедра. Лицо его горело отнюдь не потому, что в убежище стало слишком жарко. — Может, теперь совет прислушается к моему мнению. Я давно, еще пять лет назад, говорил, что этот район должен патрулироваться.

— Это нарушение договора с норби, — напомнил ему Сторм.

— Какие еще, к черту, договоры! Я лично никогда не нарушал прав норби, что бы там не болтали обо мне на Пиках. Я хочу, и всегда хотел создать смешанные патрули из норби и колонистов. Теперь я займусь этим вплотную. И если вы, налогоплательщики, меня поддержите, то такие отряды будут у нас уже в этом году. Такие разведчики обнаружат любую банду хиксов, как только они здесь объявятся, и справятся с нею прежде, чем те успеют понять, в чем дело.

Ты же сам говорил, что этот колдун Укурти против военных планов Дина и, возможно, сможет сдержать своего вождя. Значит, мы можем реально рассчитывать на поддержку и понимание разумных туземцев. На мой взгляд это не нарушает ничьих прав. А вот тем, кто сидит в мягких креслах в Гальвади, это почему-то непонятно. А теперь уже может быть поздно. Если нам придется вызывать Патруль, чтоб управиться с Дином...

Он не стал продолжать, но всем и без того все было ясно. И норби и колонисты на неопределенное время попадут под жесткий контроль инопланетников, а после этого добрые отношения между колонистами и норби, на которые рассчитывал Келзон, очень долго не возобновятся.

— Сколько у нас времени до того, как вмешаются власти?

— А ты можешь ответить, как долго они смогут удерживаться от набегов?! — рявкнул в ответ Келзон. — Если разведчики доложат, что воины вышли из Синего района, а мы не сможем остановить их...

— Колдовство... — тихо, словно про себя, сказал Сторм. — Вся власть Дина держится на том, что туземцы верят в его колдовскую силу. Мне кажется, что туземцы Синего района сохранили какие-то следы древних знаний. По крайней мере, они знакомы с действием некоторых механизмов. Скажем, в той долине, где их деревня, и еще в одной, маленькой, где я встретил Найяра, поддерживается искусственный климат. Возможно норби понимают, что это действие каких-то механизмов. Возможно они используют и еще какие-то древние приспособления. Мы с Логаном видели, как деревенский Барабанщик проделывал штуки, которых просто не может быть на Арцоре... правда, он сам, похоже, толком не знал, что он делает. А теперь пришел Дин, и он управляется с этими механизмами куда лучше их. Они, конечно, решили, что вернулся настоящий хозяин машин, и с готовностью приняли все, что он предлагал.

— Значит, убрав Дина, мы разом решим все эти задачи? — недоверчиво спросил Келзон.

— Только не убирать, — резко сказал Квад, и Сторм кивнул, соглашаясь. — Если он вдруг исчезнет, это только усилит его «колдовское» влияние. Если он будет убит, то останутся его заветы, вскоре они станут «священными», и тогда войны не избежать. Его можно убрать, но сперва нужно развенчать его, лишить сторонников...

— Не понимаю, как это можно сделать, — раздраженно сказал Келзон.

— Мне очень нравится отношение Укурти ко всему этому, — сказал Квад. — И еще нам на руку неуравновешенность Дина. Мы можем поймать его там, где он считает себя в полной безопасности, и потому не так осторожен.

— В горе! — воскликнул Сторм.

— Ты прав, в горе.

— Но там же настоящий лабиринт! Искать его там, где он лучше нас знает все дороги и к тому же может использовать дороги через другие измерения, о которых мы даже не подозреваем...

Остин хорошо понимал все трудности подобной затеи, но еще лучше он понимал, что это их единственный шанс. Если они смогут захватить Дина в священной горе, куда не рискует проникнуть никто из туземцев, то у них будет достаточно времени, чтобы потом решить, как раскрыть его обман перед туземцами.

— Найяр, — неожиданно обратился к нему Квад. — Ты сумеешь найти этот машинный зал?

— Попытаться можно, но Сторм верно говорит, что гора очень велика, а переходов там полным-полно. Там вполне можно заблудиться.

— Мы не сможем отправиться раньше, чем спадет дневная жара, — оживившись сказал Келзон.

— Мы отправимся, — уточнил Квад, — а ты сиди здесь и управляй своей армией. И постарайся не соваться куда не надо. Ты — представитель власти, и только ты сможешь держать эти горячие головы подальше от долины. Или ты думаешь, что они будут слушать меня? Я для них обычный помещик, простой пастух. Найяр, — снова обратился он к разведчику, — а обратный путь в гору ты сможешь найти?

И Сторм совершенно отчетливо, словно Квад сказал это вслух, понял его мысли. Он только что выбрался из кошмара, в котором оказался сразу, как только их шлюпка села в Си-

нем районе, и сейчас перед ним забрезжила реальная возможность добраться наконец до дома. Правда, он был землянин и, значит, тоже потерял свою родину. Может, это заставит его снова рискнуть?

— Ладно, — сказал Найяр, вытирая вспотевшие руки о свою истрепанную рубаху. — Только я не гарантирую, что мы найдем там Дина.

— Это понятно. Ну ладно, давай приоденем тебя немного перед дорогой.

Келзон уже потрошил сложенные в пещере ящики, выбирая из них стандартное снаряжение разведчика. На пол полетела свежая одежда, потом ножи, парализаторы, набор концентратов...

Почти весь следующий день Остин проспал. После того, как он рассказал все что знал, Квад больше не заговаривал о Логане. Но оба они думали о нем, и даже во сне это продолжало тревожить Остина. Проснулся он, когда уже стемнело. Перед этим ему приснилось, что не он, а Логан идет по спиральной дороге на уступе и исчезает прямо на глазах. Сейчас Сторм и сам не мог объяснить себе, почему он так поступил. Что заставило его очертя голову ступить на спиральную дорогу? Почему он ничего не сказал Логану, не предупредил, чтобы тот мог потом повторить этот путь? Чем увлекла его эта дорога, что он забыл даже о своем брате? И ни на один из этих вопросов он не мог ответить.

Баку решили оставить с Келзоном, чтобы он мог поддерживать связь между лагерем и разведчиками. Баку был откровенно рад этому — он терпеть не мог тоннели, где нельзя летать.

А вот Сурра, поняв, что они собираются охотиться за Дином, пошла с удовольствием.

«С н о в а в п е щ е р ы, — передал ей Сторм, ласково поглаживая взъерошенную шерсть — с н о в а н а о х о т у, н а м в е д ь с т о б о й н е п е р в ы й р а з р и с к о в а т ь».

Кошка мурлыкнула, словно соглашаясь и Сторм понял, что предстоящее задание ей нравится.

«И щ и, и щ и», — передал он кошке, постаравшись как можно яснее представить себе Дина, каким он его видел в последний раз. Теперь он был уверен, что кошка обязательно его разыщет, если его вообще можно найти. Если, конечно, удача или «колдовство» будут на их стороне. Поверх головы

Сурры он взглянул на Найяра, словно тоже отдал ему безмолвный приказ.

— Можешь ты вывести нас в какой-нибудь главный проход?

— Насколько я знаю, какой-то главный проход здесь должен быть, — с сомнением в голосе сказал Найяр. — Попробуем его найти.

Особого оптимизма в его голосе не ощущалось, но и отступать он не собирался.

Они отправились в сердце горы.

Сурра, против обыкновения, не рвалась вперед. Напротив, она явно старалась держаться поближе к Сторму. Он внимательно наблюдал за нею, полагаясь на нее больше, чем на не совсем понятные ему следопытские способности Найяра. И потому понял, почему она остановилась, взволнованно вынюхивая что-то, даже раньше, чем она успела передать ему мысленное сообщение. Квад, не раз наблюдавший, как работает Сурра, тоже покорно остановился, и только Найяр, пройдя по инерции вперед, оглянулся на них с недоумением.

— Что случилось? — начал он, но Сторм резким жестом приказал ему замолчать. Сурра вела себя совсем как в тот раз, когда Дин неожиданно исчез из тоннеля. И землянин понял, что где-то поблизости проходит еще одна странная дорога.

Слегка наклонив голову, кошка осторожно поворачивалась из стороны в сторону, словно прислушиваясь к чему-то, чего не мог уловить грубый человеческий слух. Остин не двигался. Он только перехватил поудобнее фонарик, перевел его на полную мощность и теперь водил лучом по полу и стене справа. Но ничего похожего на спиральную дорожку, которую он надеялся увидеть, здесь не было. Тогда он перевел луч на левую стену, но и она была пуста.

А Сурра все к чему-то прислушивалась. Вдруг она поднялась на задние лапы и оскалилась, словно наконец нашла то, что так долго искала.

Наверху! Не под ногами, как на выступе в пустыне, а над головой! Остин тут же направил туда луч фонарика. Вот она, знакомая спираль. Только как же идти по ней, если она висит над вами?

— Это и есть такая дорога? — тихо спросил Квад.

— Да. Только я никак не... — начал Остин и тут до него дошло. Так же как и в пустыне, что-то постороннее завладело его сознанием, заставило поднять руку и положить палец на наружный край спирали. Только на этот раз он уже знал, что

это значит, и сохранил достаточно воли, чтобы не забыть об остальных.

— Я пойду, — с трудом проговорил он. Принуждение становилось все сильнее и он уже не мог сдержать двинувшиеся по спирали пальцы. — Мне кажется, я должен идти.

Пушистое тело прижалось к его ногам. Сурра! У нее не было рук, значит, одной ей здесь не пройти. Уйти сейчас, значило бросить ее здесь одну. Он бросил фонарик Кваду и свободной рукой прижал к себе напрягшееся тело кошки. Он уже не мог оторвать глаз от рисунка, который отпечатывался в его мозгу так же четко, как в камне над его головой.

Так, держа рисунок перед мысленным взором, прижимая к себе одной рукой пушистую кошачью спину, а другую не отрывая от линий на потолке, Остин и пошел, сужая круги. Потолок был довольно высокий и ему пришлось подняться на цыпочки. Сурра, словно понимая, что происходит, сама покрепче прижалась к нему и не делала никаких попыток высвободиться. Виток, еще виток, все уже и уже, и вот, наконец, центральная точка.

Потом — темнота и знакомое уже ощущение перехода через эту темноту. Бело-желтый луч, что когда-то был Стормом и красный луч, бывший кошкой словно замерли в пустоте.

Наконец Сторм заметил разгоравшийся вокруг свет. Он протянул руку и почувствовал под пальцами холод металла. Оглядевшись, он понял, что вернулся на помост в машинном зале. А Сурра уже вывернулась из его рук и скользнула в проход между машинами. Он успел заметить, как ее морда сморщилась в беззвучном рычании.

18

Остин вытащил из кобуры парализатор. Кошка передавала ему то, чего не отмечали менее острые человеческие чувства. Внизу, похоже, шла охота, но охотником был не враг, а друг. Может, Горгол сумел добиться своего и теперь, несмотря на табу, явился сюда, чтобы сообщить хорошие новости? Или... — землянин невольно сжал рукоять парализатора — или это Логан?

Сурра длинным стелющимся прыжком отскочила в сторону от помоста и затаилась за кожухом ближайшей машины. Землянин тут же присоединился к ней. Несмотря на гул ра-

ботающих машин, землянину теперь слышался еще какой-то звук, стук, похожий на барабаны норби, только металлический. Сурра припала на передние лапы, явно готовясь прыгнуть на что-то, таящееся за углом, и он еле успел схватить ее. Вся шерсть у нее встала дыбом, острые уши плотно прижались к черепу, из горла рвалось угрожающее рычание. Она всерьез разозлилась и даже махнула на Остина лапой, словно собиралась ударить. Штука, к которой она подкрадывалась, была явно искусственной, но кошке она почему-то казалась живой. Очередной призрак? Нет! На этот раз Сторм успел заметить, как что-то быстро промелькнуло у самой земли и скрылось за основанием машины. На этот раз это был не призрак, а что-то вполне реальное.

Он отодвинул кошку в сторону и как раз вовремя: прямо на них метнулось что-то большое и похожее на человека.

— Логан! — крикнул Остин, поймав его чуть не на лету.

Тот, похоже, еще не понял, кто перед ним, и все еще скалился не хуже Сурры.

Но тут глаза его стали осмысленными, он узнал брата. Логан покачнулся и на мгновение всем телом приник к Остину, сдерживая рвущиеся рыдания. Но только на мгновение. Он тут же поднял голову и, глянув за спину Сторма внезапно округлившимися глазами, крикнул:

— Остин! Сзади!

Сурра издала боевой клич и ударила лапой тварь, появившуюся на помосте, и тут же с визгом отлетела, словно отброшенная неведомой силой. Это была серебристая металлическая лента, она приподняла свой острый конец и с почти разумной злобой нацелила его на людей.

— Бей ее, бей! — закричал Логан.

Сторм нажал спусковой крючок парализатора. Что-то вроде световой волны пробежало по телу твари, когда ее коснулся луч, и она замерла.

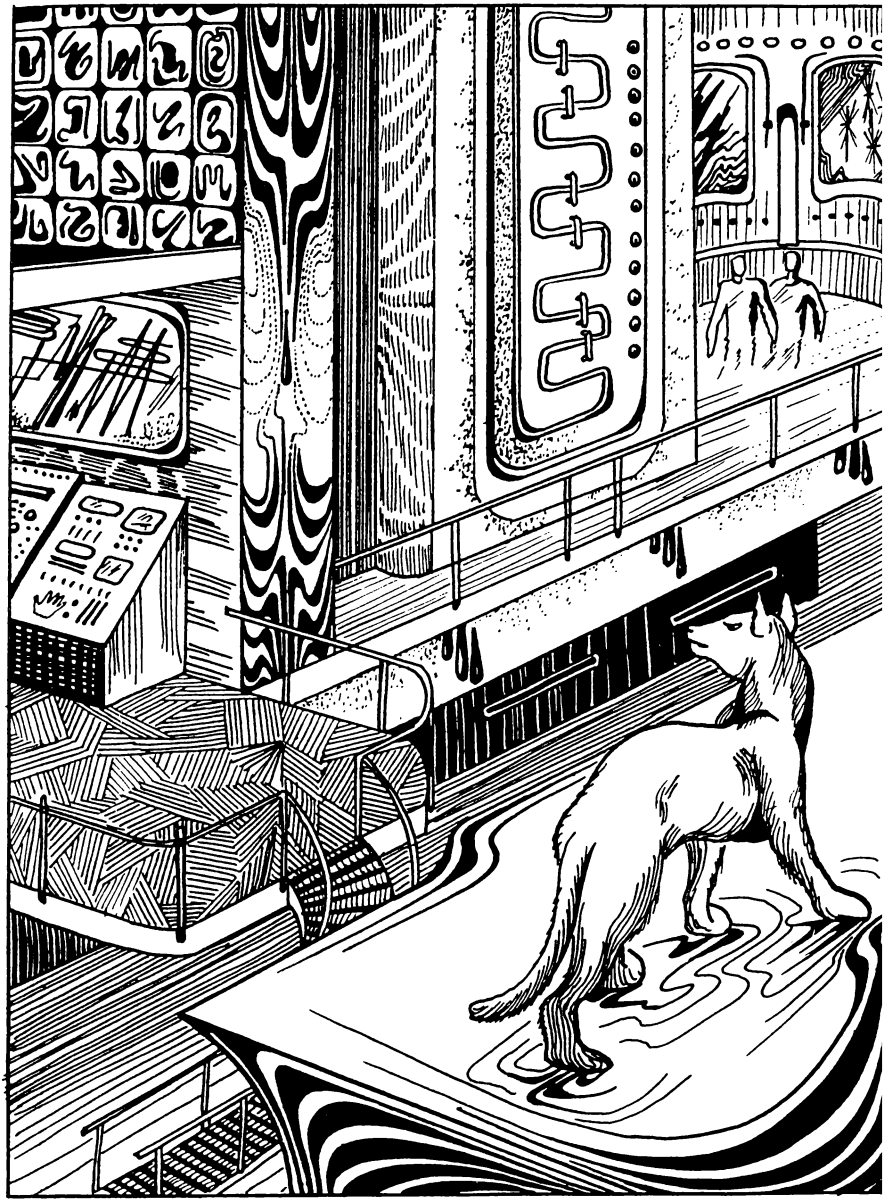
— Ты ее достал! — голос Логана звенел почти истерической радостью.

— А что это такое!

— Живая машина, я их называю ползунами.

Логан отпустил руку Сторма и, шатаясь, подошел к металлической ленте. Тонкая ниточка дыма поднималась от искореженного и теперь окончательно мертвого куска металла. Логан плюнул и со злобой придавил его каблуком.

— Я столько часов провел, выслеживая эту дрянь, — объяснил он Остину. — Их здесь не так уж мало, так что придется быть поосторожнее. — И тут он наконец заметил, что



Остин держит парализатор, — Во имя Семи Солнц, где ты его достал?

— К нам пришло подкрепление. — Только сейчас Остин вспомнил, что Квад и Найяр остались в тоннеле возле спиральной дороги. Последуют ли они за ним, или эта неверная дорожка опять заведет их неведомо куда?

— Слушай! — Он оторвал Логана от дохлой металлической змеи. — Там на уступе, ты прошел следом за мной по спирали?

— Конечно. Ты же просто растворился в воздухе. Ну, я не стал дожидаться, когда меня начнет поджаривать солнце, и проделал то же самое.

— И куда же ты попал?

— В такое место, что я после всех этих дьявольских пещер, с трудом мог поверить, что оно существует на самом деле. Мы тут с тобой лазили в потемках, а совсем недалеко было место с вполне нормальными условиями. Но там я встретил одного чокнутого инопланетянина, который объявил все это своими владениями. Он денечек побеседовал со мной, а потом просто выставил меня! — Похоже, Логан до сих пор переживал это оскорбление. — Этот тип натравил на меня своих заводных змеек и оставил меня с ними в этом зале. Я прикончил одну из них в каком-то загоне, другую зашвырнул в реку, а вот теперь ты прибил еще одну. Но, думаю, что это еще не все...

— Вор!

Это слово, неожиданно прозвучавшее прямо из воздуха у них над головами, заставило их похолодеть.

— Прячься, если тебе еще не надоело, — продолжал тот же голос, — Где бы ты ни был, стоит мне только приказать моим слугам, и тебя пригонят ко мне. Ты еще не набегался?

Сурра ясно показала, что она не чувствует здесь ничего живого. Может, Дин наблюдал за залом с помощью видео?

— Ты зря тратишь время на эти засады. И камень — слишком слабое оружие против того, кто может снести целую гору!

Яркая огненная вспышка разорвала воздух высоко над ними.

Значит, он считает, что его змейку разбили камнем? Похоже, он не знал, что теперь к Логану присоединился Остин! Он не мог их видеть, просто был уверен, что Логан прячется где-то здесь.

— Лучше будь послушным и не заставляй себя ждать. А

то я дам полную волю моим слугам и, поверь, они сумеют ею воспользоваться. Я даю тебе возможность понять, что ты ничего не выиграешь, став мертвым героем. Ну, я считаю до пяти. Образумься и выходи к помосту в центре зала. Раз, два...

Логан показал Остину пальцевыми знаками:

— Я выйду и отвлеку его внимание.

— Ладно. Сурра зайдет слева, а я справа. Мы возьмем его в клещи.

— Три... Четыре...

Логан вышел из укрытия и, понурясь, направился к помосту. Наверху его поджидал Дин.

Остин послал Сурру влево, а сам двинулся вправо, но куда тише, чем Логан. Только бы не появилась змейка!

Дин стоял, небрежно облокотясь на экран, по которому бежали световые полоски. Он явно был доволен собой. И Остин не сомневался, что у него наготове шарик статического поля или еще какое-нибудь оружие чужаков.

— Итак, вору не удалось улизнуть.

— Я уже говорил тебе, что я не вор! — с неподдельным жаром возразил Логан. — Я заблудился здесь и случайно попал в ту комнату, где ты меня нашел.

— Может, ты и не успел еще ничего украсть, но наверняка думал об этом. Я-то хорошо понимаю, что любой человек полжизни бы отдал, лишь бы узнать здешние тайны. Никто даже не представляет, что за силы заключены в этом зале. Туземцы этой планеты назвали меня богом грома, повелителем молний и они правы! Это мой мир. Объединенные силы двадцати миров Конфедерации десять лет сражались с хиксами. Я был одним из техников, которые разбирались с их штабом на Райбо. Мы возились довольно долго, но разгадали все их тайны. Но это детские игрушки по сравнению с тем, что заключено здесь. Только я могу использовать знания, записанные в этих машинах. Они ожидали меня, меня одного, и они не достанутся ничтожным людишкам, глупым невежественным ворам. Это все только мое...

Сторм почувствовал его нарастающее возбуждение и пошел быстрее, ни на минуту не выпуская Сурру из прочного контакта.

— Что же ты не прикажешь своим слугам убить меня или не сожжешь своей прирученной молнией, раз уж ты решил идти по этому пути? — спросил Логан, стараясь занять его внимание разговором. Каким бы Дин ни был сумасшедшим, но он уже так долго был один, что не мог отказать себе в удовольствии поговорить с человеком своего народа.

— Я уже сказал тебе, что много раз мог бы без хлопот покончить с тобой. Но мне этого не хочется. Я просто отправлю тебя туда, где ты не сможешь помешать мне. Я не могу допустить, чтобы посторонние вмешивались в мои планы.

— И в твои планы входит захватить власть сначала на Арцоре, а потом и еще где-нибудь? Аппетит, знаешь ли, приходит во время еды. Так что ты сам сделаешь то, что не удалось хиксам.

— Те, кто создали это место, — спокойно возразил Дин, крутя в пальцах шарик парализующего поля, — имели империю, в которой и миры Конфедерации, и миры хиксов просто затерялись бы. И здесь остались все их знания. Они предвидели свой конец и устроили это хранилище.

И тут Остин выстрелил из парализатора. Луч прошел совсем рядом с головой Дина. Неплохой выстрел, но этого оказалось недостаточно. Возможно, луч и вызвал у него мгновенную слабость, но, к сожалению не обездвижил его полностью. Логан бросился на пошатнувшегося техника, но тут же тяжело грохнулся на пол, совершенно беспомощный в тисках поля.

Теперь техник стоял прямо перед экраном, и Сторм не рискнул стрелять еще раз. Если луч попадет на эти сверхчувствительные элементы, он может вызвать настоящий хаос. Вместо этого он дал сигнал Сурре.

Одним длинным прыжком кошка взлетела на помост и тут же, словно стукнувшись о невидимый барьер, покатилась назад, громко воя от злости и унижения. Теперь Дин стоял спиной к Сторму и тянулся к какому-то рычагу. И тогда Остин пошел сам.

Кошка все еще старалась добраться до совсем, как ей казалось, близкой добычи. Она что есть мочи колотила лапами по невидимому барьеру, и эта ее возня отвлекла внимание Дина. Сторм незаметно прыгнул на помост за его спиной, но повернулся не к своему врагу, а к светящейся панели. Он осторожно провел рукой над блестящими трубками и лампами.

— Если попробуешь уйти этой дорогой, — сказал он резко, как будто щелкнул курком, — я тут же последую за тобой.

Голова Дина дернулась. он дикими глазами уставился на Сторма. Сам Остин хорошо понимал, что он блефует, что игра его очень рискованна, но сейчас ему оставалось только положиться на то, что люди издавна называли удачей, а его собственный народ считал своеобразной магией.

— Ты дурак! Ты же все здесь испортишь!

— Вполне возможно, — согласился с ним Сторм. — Но лучше погибнуть здесь, чем потом, в развязанной тобой войне на равнинах, в которой неизбежно погибнет весь этот мир.

Но даже произнося эти слова, Сторм в глубине души надеялся, что ему не придется идти на крайние меры.

— Убери статическое поле! — приказал Остин. Если бы он мог еще хоть несколько секунд только продержать техника в таком напряжении!

Техник не спешил выполнять приказ. Остин еще раз провел рукой над панелью. Ему показалось, что от ламп начало подниматься тепло. И тут Дин швырнул свой шарик в проход.

— Дурак! Убирайся отсюда, пока не свалил на нас всю гору!

Остин торопливо нажал спуск парализатора. Теперь ничего не мешало ему свалить противника, и все было бы кончено в одну секунду...

Но вдруг позади него раздался какой-то звук, воздух заколебался. Он резко повернул голову. Две фигуры появились на балконе, словно возникли прямо из воздуха. Остин услышал, как закричал Логан, и тут же огненная плеть хлестнула его по груди и плечам, и парализатор выпал из ослабевших пальцев.

Дин бросился бежать, укрываясь за кожухами машин, Сурра рыжей молнией метнулась за ним. Остин стоял, покачиваясь, с трудом удерживаясь на краю помоста. Он увидел, что Сурра внезапно упала и беспомощно забилась на месте. Должно быть, Дин снова включил свое поле.

Он тут же бросился к ней, но его успел перехватить Квад, так что первым на четвереньках добрался до нее Логан. Он склонился над неподвижной кошкой и вдруг молниеносным движением одной только кисти швырнул свой нож. И тут же раздался болезненный вскрик.

Остин воспринимал окружающее словно сквозь сон: нестерпимая боль в обожженной груди терзала его, как разъяренный зверь. Он глянул с помоста и увидел, что Логан и Квад тащат отчаянно отбивающегося Дина. В руках у Логана было странное оружие, и техник посматривал на него с недоумением. Это был острый рог, который Логан выломал из старого черепа в загоне и приспособил вместо ножа.

Как только они подошли к помосту, ожила и засветилась розово-лиловая трубка. Она засветилась первый раз с тех пор, как Сторм впервые увидел этот экран, и он представления не имел, что это должно означать.

Внезапно Дин перестал отбиваться. Теперь в лице его не было ничего безумного. Из яростного животного он мгновенно превратился в умного профессионала, озадаченного какой-то технической проблемой.

— Что это? — требовательно спросил Квад.

Дин нетерпеливо передернул плечами, словно его раздражали посторонние люди с их неуместными вопросами, и тихо ответил:

— Не знаю.

Найяр встал рядом со Стормом и поддержал его под руку. Ему решительно не нравилось это свечение, и Сурра тоже тревожилась. И барханная кошка, и человек, наделенный острым восприятием, чувствовали, что здесь назревает что-то опасное.

— Надо поскорее уходить отсюда, — сказал Сторм и оглянулся на балкон.

Логан, Квад и Найяр уставились на него с безмолвным вопросом, и только Сурра хорошо все понимала и была с ним согласна.

— Что это? — снова спросил Квад, но на этот раз не у техника, а у своего приемного сына.

— Не знаю, — ответил Сторм, — но, думаю, нам надо уходить отсюда, и чем скорее, тем лучше. Он чувствовал нарастающее внутреннее напряжение, как раньше в пустыне, когда за ними охотились призраки. Логан сдался первым.

— Согласен, — коротко сказал он и повернулся к балкону.

— Это твоя работа, — сказал Квад технику, и тут же в руках у него снова забился несчастный безумец.

Найяр ударил коротким прямым тычком, которому обучали командос, и техник бессильно обвис у них в руках. А пульсирующий свет на экране все разгорался, наливаясь теперь зловещим пурпуром. И все больше лампочек вспыхивало и перемигивалось, словно оживая. Начала наливаться светом и желтая ветвистая линия.

Все вместе они поднялись на балкон. Потерявшего сознание Дина тащили Квад и Найяр. Сторм с трудом поднял правую руку, чтобы сделать знак, который отправит их отсюда, и с ужасом обнаружил, что рука почти не слушается. Невыносимая боль зажала ее стальными оковами.

Гул работающих машин, который прежде звучал негромким мягким мурлыканьем, теперь изменился. Он становился все громче и громче, словно включались все новые и новые механизмы.

— Логан, подними руки и подержи их немного над панелью, — с трудом выдохнул Остин, — а потом тихонько хлопни в ладоши.

Руки Логана, почти багровые в этом неприятном свете, сошлись в беззвучном хлопке. И тут же их подхватила и закружила тьма.

Они снова оказались под открытым небом. Остин чувствовал рядом с собой плечо Логана, слышал позади тяжелые шаркающие шаги.

А еще — другие звуки, но на этот раз не нарастающий гул машин, а не менее грозный рокот барабанов.

На этот раз их перенесло на тот уступ, с которого Остин недавно наблюдал выступление Дина. Остин сразу пошел вперед, кошка метнулась за ним. Она, как и человек, хотела поскорее убраться подальше от пещер, сама не понимая почему.

Солнца не было, и Остин, уже спускаясь по склону, увидел, что все небо затянуто черными тучами с багровыми краями. Не будь сейчас Великая Засуха, он бы с уверенностью сказал, что надвигается одна из ужасных гроз сезона дождей.

Логан остановился. Сурра почти ползла, припав к земле и нервно хлеща себя по бокам длинным хвостом.

Здесь были все барабанщики, представители всех племен. Они стояли на склоне неровной линией, повернувшись лицом к горе, и мерно били в барабаны. И тучи клубились все сильнее, словно приманенные этими звуками.

Прямо перед ними стоял старый Укурти. А в нескольких шагах от своих колдунов выстроились правильные шеренги воинов. Кое-где мелькали в их строю воздетые Столбы Мира.

Квад и Найяр с тяжело обвисшим у них на руках, полубесчувственным Дином, чуть сзади — Остин и Логан. Пять инопланетников стояли перед тысячей туземцев.

Может, они явились спасать своего бога грома из рук нечестивцев? Логан, все еще поддерживая одной рукой Сторма, вытянул другую вперед и сделал знак мира.

Но ни один взгляд не упал на них, и ни одна рука не поднялась ни для ответного жеста, ни для удара. Секунды превращались в минуты, и Сторм почувствовал, что ритм барабанов потихоньку овладевает его мозгом. Квад и Найяр, словно под гипнозом, разжали руки и выпустили Дина. Техник шагнул вперед, словно Укурти, стоящий перед ним, притягивал его. Остин невольно рванулся, чтобы остановить его, но обнаружил, что не может сойти с места.

Но и Дин не пошел дальше. Он заговорил, но на этот раз не на языке норби, а на обычном человеческом языке.

— Сейчас, сейчас! — повторял он, пытаясь нащупать на шее шнурок, которого там уже не было.

Руки Укурти замерли в воздухе, хотя остальные колдуны продолжали барабанить. Он начал делать один речевой знак за другим, а Остин и Логан, не сговариваясь, повторяли их вслух.

— Мы, Барабанщики Грома, владеем искусством вызывать его, и гром отвечает нам огнем с неба. Попробуй остановить это своей силой, если сможешь, повелитель фальшивых мòлний!

И прозвучало это не вызовом на колдовской поединок, а скорее, приговором суда.

Темно-багровые тучи расползлись, заполнив все небо, и края их светились. Дин стоял, покачиваясь, все еще шаря пальцами у шеи.

Магия. Да, это была своего рода магия, та, в которую верили и которую умели использовать предки Сторма. Он встрепенулся, оторвался от Логана, стал прямо. Сейчас он уже не замечал боли и готов был кричать от радости.

Наконец стало темно как ночью, и полыхнула настоящая молния. А барабаны все рокотали, призывая бурю. Жуткое голубое сияние окружило скалистую вершину и протянулось вверх ветвистым подсвечником.

Потом... Как раньше Дин язвил эту гору своими искусственными молниями, используя их для устрашения, так теперь в камень ударил настоящий небесный огонь. И гора задрожала в ответ, словно пробудились силы, формировавшие этот мир во времена его юности.

Остин, оглушенный и ослепленный, расставил ноги, чтобы стоять крепче. В воздухе резко запахло озоном. Ближайшие кусты вспыхнули и сгорели дотла.

Черные тучи начали светлеть. Сколько же он провалялся без сознания? Рядом с ним зашевелился и сел Логан. К ним на четвереньках подполз Квад. И только Найяр лежал неподвижно и тихонько стонал.

На склоне никого не было. Только прямо перед ними возвышалась закутанная в плащ фигура старого Барабанщика.

Он поднял голову и внимательно посмотрел на четверых людей, потом торжественно протянул руку и указал на что-то за их спинами. Люди разом оглянулись. Там, где недавно был вход в пещеру, теперь громоздилась тяжелая земляная насыпь и обожженные огнем камни. И вершина горы выглядела странно помятой.

— Все решила Сила, — просигналил Укурти. — Мощь барабанов против того, что оставили здесь Древние. Как она решила, так и будет впредь.

Он повернулся и пошел вниз, в долину, следом за своими собратьями.

Найяр поднялся на ноги и чуть не споткнулся о лежащее перед ним тело.

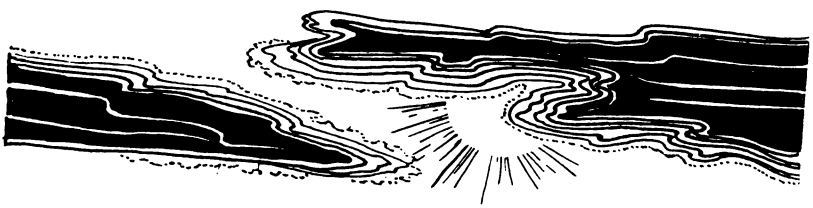
— Дин погиб, — прошептал он. — Похоже, молния ударила прямо в него.

— Именно, — отозвался Квад. — Укурти сказал, что здесь в поединке сошлись две силы. Самозванный бог грома мертв. И нам тоже здесь не место...

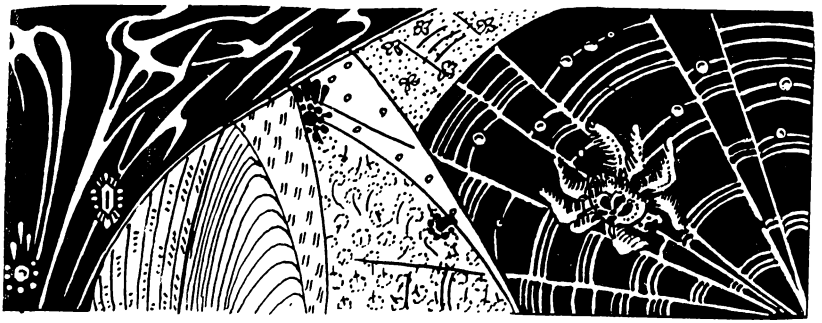
Гора была снова запечатана. «Захотят ли инопланетные власти когда-нибудь снова открыть ее тайны?» — подумал Остин, пока Бред Квад осторожно вел его вниз по склону. Почему-то ему казалось, что как бы ни искушал кое-кого соблазн снова овладеть силой молний, это произойдет не скоро.

«Дотошные люди могут, если захотят, подыскать объяснение тому, что произошло здесь. Ну, скажем, что в чужих машинах из-за неумелого управления начался какой-то паразитный процесс и вызвал эту бурю».

Но сам Остин, как и Укурти, верил, что здесь сошлись в битве две силы. И на этот раз победила сила, более близкая и понятная ему. И эта победа, наверное, принесет в мир много доброго. Например, перемирие между издавна враждовавшими племенами. А может, и исполнение мечты Келзона — создание патрульных отрядов, в которых норби будут на равных с людьми. Главное — больше не было безумного бога грома, замахнувшегося своей огненной плетью на весь Арцор, а может быть, и на всю Вселенную.



Бархатные тени



1

Мои руки были так крепко сжаты, что лавандовые лайковые перчатки, обтягивающие пальцы, прилегли тесно, словно вторая, более плотная кожа. Я едва удерживалась, чтобы не поддаться дурной привычке, за которую меня так часто бранили — от волнения трепать и мять пелерину моего темно-серого дорожного платья из рубчатого шелка.

Стены дамской гостиной отеля вокруг меня, казалось, измерялись милями — иллюзия эта поддерживалась множеством огромных зеркал. Красные бархатные портьеры на высоких окнах, совсем не пропускавшие света, были обшиты золотой бахромой. И были здесь широкие, все в бронзовых гвоздиках, но не слишком удобные кресла и диваны — сплошь золото и пурпур, а еще — пара столов с мраморными столешницами. Все это должно было, как я поняла, намекать на богатство, ожидаемое от заведения первого класса, но мне представлялось вульгарным.

Мой спутник, расположившись в кресле на расстоянии вытянутой руки от меня, держал в руке часы и переводил взгляд с циферблата на дверь и обратно. Его недовольство затянувшимся ожиданием было столь очевидно, что я чувствовала себя виноватой, хотя задержка зависела вовсе не от меня.

Дважды я бросала взгляд в зеркало, висевшее напротив моего теперешнего неуютного сиденья. Отражение должно было бы придать мне уверенности, но в данный момент сознание, что я хорошо одета, причесана по последней моде и никоим образом не уступаю остальным, сидящим здесь и болтающим, чтобы скоротать ожидание, не помогло успокоить частые удары сердца, и во мне начала подыматься паника.

Это приглашение пришло так неожиданно, что я все еще

чувствовала, будто меня занесло сюда одним из тех штормовых ветров, что моряки называют циклонами.

Из моей высокопристойной и размеренной жизни в школе Эшли-Мэнф в это... это...

Я сглотнула, хотя во рту у меня пересохло. Нельзя разом, в один день порвать с мирной, даже монотонной жизнью, не ощутив последствий. Ведь прошло всего лишь сорок восемь часов с тех пор, как мадам Эшли вызвала меня для встречи с человеком, который сейчас в пятый раз бросил взгляд на часы.

Мистер Тадеус Хогл, юрист, пять лет распоряжался небольшим капиталом, который остался после того, как мой отец погиб вместе со своим кораблем при прорыве конфедератской блокады во время последнего мятежа. Когда мистер Хогл явился в Эшли-Мэнф, я было решила, что он сообщит о дальнейшем падении акций или каком-нибудь кризисе, который еще сильнее поставит меня в зависимость от заработка в школе. Мне повезло, что я работала учительницей именно здесь, и я хорошо это знала. Ибо мадам Эшли была неподражаема в обращении с персоналом. Она требовала, чтобы он состоял из леди безупречного социального положения (среди нас были дамы из семейств де Лэнси и Кэрром). Наши ученицы также принадлежали к определенному типу — дочери нуворишей, жаждущие лоска, который открыл бы им путь в высшее общество.

Я получила образование в Брюсселе, где жила с двенадцати до шестнадцати лет, и мои французский и немецкий мадам считала достаточно хорошими, чтобы обучать юных леди, которым по вступлению в возраст предстояло большое турне по Европе. Я была хорошо устроена, неплохо зарабатывала, имела возможность одеваться по последней моде... что я и делала.

Но мистер Хогл явился вовсе не с дурными новостями насчет финансов, напротив, он начал разговор с вопроса, который меня удивил:

— Мисс Пенфолд, говорит ли вам что-нибудь фамилия Соваж?

Она ничего мне не говорила, и когда я так ответила, он продолжал:

— Дело касается вашего отца. В сорок восьмом году, когда в Париже были серьезные волнения, капитан Пенфолд оказал этой семье огромную услугу. Это весьма необычная история. Основатель семейства был человеком благородного происхождения, высланным в Луизиану около ста лет назад. Необхо-

димо рассказать вам все это, чтобы вы лучше поняли подоплеку предложения, с которым я к вам пришел.

Изгнанник отказался от своего родового имени, которому, собственно, и был обязан ссылкой. Он начал торговать с индейцами, и впоследствии принял фамилию «Соваж»*. Со временем он вступил в законный брак с принцессой из Дома Ветра, правящего рода племени кри.

Когда Наполеон Первый объявил амнистию тем представителям старого дворянства, что могли поддержать его собственные претензии, сын этого Соважа был послан во Францию. Он служил при дворе, но после падения Наполеона вернулся в Нью-Орлеан.

Семейство Соваж было одарено необычайно деловыми способностями. В начале пятидесятых их интересы простерлись в Калифорнию, где в их руках сосредоточились шахты, железные дороги и большие земельные участки. Однако, они никогда полностью не разрывали своих связей с Францией, часть их состояния и сейчас инвестирована там.

Когда в Париже началась революция, мадам Соваж и ее дочь оказались в опасности. Случай привел им на помощь вашего отца. Он взял дам под защиту и поддерживал их в самое трудное время.

Вскорости после перенесенного ею испытания мадам умерла. Ее супруг вновь женился... неудачно.

Здесь мистер Хогл сделал паузу, сухо кашлянув, словно был не вполне уверен, как произнести то, что ему следует сказать. Мне было ясно, что он не желает вдаваться в то, что могло скрываться за этим «неудачно». — Последовал развод, вторая мадам Соваж осталась во Франции. Ее муж, его дочь и сын от первой жены вернулись жить в Калифорнию. Совсем недавно, несколько лет спустя после смерти своего отца, мистер Ален Соваж обнаружил, что у него есть во Франции юная сводная сестра. Ее обстоятельства там были плохи, и он решил забрать ее сюда, чтобы обеспечить ей надежный и комфортабельный дом.

Путешествие оказалось трудным для нее, поскольку она не особенно крепка здоровьем. К тому же, она непривычна к обычаям и языку этой страны. Поскольку его дела на Востоке веду я, он посоветовался со мной относительно этой проблемы. Ему нужна леди из хорошей семьи, которая говорит по французски и знакома с жизнью в Европе, но достаточно молодая, чтобы его сестра не чувствовала себя под надзором гувернантки. Предлагается щедрое вознаграждение,

---

* Sauvage (фр.) — дикарь

вкл очающее обеспечение одеждой, поскольку эта леди должна будет сопровождать его сестру в обществе. Случайно я упомянул ваше имя, и он немедленно вспомнил его, связав с вашим отцом, к которому вся его семья относилась с огромным уважением. Ему было бы очень приятно, если бы вы приняли во внимание эту ситуацию. Если вы заинтересованы во встрече с семейством, она будет устроена в их отеле в Нью-Йорке.

Поначалу казалось, что все это словно бы сошло со страниц одного из тех пустопорожних романов, от чтения которых мы в Эшли-Мэнф стремились отучить наших юных леди. Но я не могла себе представить, чтобы чопорный мистер Хогл позволил втянуть себя в какую-нибудь романтическую авантюру.

Я попросила время на размышление, и он кивнул, видимо, соглашаясь, что в данный момент это единственно правильный ответ. В тот же вечер, позднее, я вернулась в кабинет мадам Эшли.

— Вы пришли к какому-то решению? — спросила она с привычным безразличием, которое я давно уже приняла как неотъемлемую часть ее характера.

— Только к тому решению, что я нуждаюсь в совете, мадам.

Тут миссис Эшли чуть улыбнулась, словно бы она, как мистер Хогл, была довольна моим благоразумием.

— Я слышала о семействе Соваж, — медленно произнесла она, — не знала только об этой сводной сестре. Их положение одинаково хорошо как в финансовом, так и в социальном отношении. Старшая сестра сейчас замужем за лордом Элленборо, и живет в Англии. В деловом мире Ален Соваж заслужил репутацию решительного, но честного дельца. Его уважают, и о его предприятиях в Калифорнии говорят, что они процветают. Он не женат, ему за тридцать. Для холостяка у него весьма пристойная репутация.

При этой фразе она постаралась не встречаться со мной взглядом. Некоторые вещи не обсуждают открыто. Глаза респектабельных леди должны быть закрыты на подобные аспекты жизни. Все знали, что они существуют, но не признавались в этом.

— Он благоразумен, — она выбирала слова с осторожностью, — и носит хорошее имя. Разумеется, то, что он вам предлагает, достойно внимания. Вам сейчас двадцать четыре, вы образованны и способны войти в самое лучшее общество. Будь вы сами чуть менее благоразумны, я бы не говорила с вами столь откровенно. Но качества, которые вы выказали,

спокойно и разумно разрешая проблемы некоторых наших девушек, весьма примечательны. Да, я совершенно уверена, что вы подходите для этой роли. — Она чуть поколебалась, а затем заговорила с таким нажимом, словно должна была, почти против своего желания, заставить меня осознать значимость ее слов: — Я не вижу необходимости объяснять вам, что замужество — кроме совершенно исключительных обстоятельств — единственная надежная опора в жизни каждой леди. В Калифорнии особе из хорошей семьи и с безупречными манерами может представиться много прекрасных возможностей. Выбор там неограниченный. Вы войдете в общество с наилучшими рекомендациями, и будете довольно обеспечены. Я выражаюсь прямо, но, думаю, что вы поймете: я поступаю так в ваших же интересах. Вы можете остаться здесь, и продолжать учительствовать, но вам предоставился шанс, который выпадает крайне редко.

Конечно, ее холодная оценка шансов на замужество была типичной для нашего общества. Но я всегда питала антипатию к решениям, диктуемым лишь мотивами «надежного положения». И что же — вдруг я поеду через весь континент только затем, чтобы обнаружить, что ситуация мне не подходит? Или я уже утратила молодость вместе с желанием рискнуть? Эти мысли заставили меня произнести:

— Я, пожалуй, поеду и встречусь с Соважами.

И вот, благодаря этому своему решению, я сидела и ждала в комнате, где было слишком много зеркал, слишком много красного бархата, слишком...

К мистеру Хоглу приблизился лакей. Юрист спрятал часы в карман, предложил мне руку. Мои же руки онемели от того, что я слишком плотно их сжимала. Еще было время повернуться и уйти. Когда я поднялась на ноги, у меня слегка кружилась голова. Все было слишком быстро, словно меня вдруг подхватило мощное течение. Но я сама принимала решение, и теперь предстояло встретиться с Соважами.

Нас проводили наверх, в гостиную личных апартаментов. Еще больше красного бархата, золота, мрамора, множество букетов благоухающих цветов окружало трех человек, ожидавших нас. Трех... нет, четырех: еще одна фигура стояла в полумраке за диваном, на котором полулежала девушка, поддерживаемая целым гнездом подушечек, обтянутых атласом и кружевом, словно сидеть прямо было выше ее сил.

Хотя она и была центральным персонажем в этой группе, но явно не главным — первый же взгляд выделял мужчину, который шагнул от камина навстречу нам. Он был не так вы-

сок ростом, как мистер Хогл, выше меня всего на несколько дюймов. Но было в нем что-то, делавшее его заметным в любой компании. Не то чтобы он был красив лицом — черты его были слишком резкими. Однако держался он с уверенностью, будто часто сталкивался с ситуациями, где требовалось проявлять твердую волю. Память мою больно кольнуло — таким же был и мой отец, абсолютный монарх в своем корабельном царстве. Хотя признать такой же авторитет в этом человеке было мне нелегко по причине, которую я пока не могла определить.

Кожа у него была смуглая, волосы черные. Против обычая, он был чисто выбрит, даже волосы у него были подстрижены чуть короче, чем диктовала восточная мода. Он был в темном костюме, и только отблеск пламени на массивном перстне на его правой руке смягчал общее мрачное впечатление от его облика.

— Мисс Пенфолд, — голос у него был не таким резким, как лицо, скорее, в нем была теплота, но это тоже заставляло меня тревожиться, — мне очень приятно с вами познакомиться.

Ни в голосе его, ни в словах не было ничего фамильярного, способного обидеть, так что, когда он протянул мне руку, я вынуждена была ответить на его рукопожатие. Защищаясь от душевного волнения, названия которому я не знала, я напряглась внутренне, а может быть, и внешне тоже.

Когда он вывел меня вперед, чтобы представить своим спутницам, его прикосновение произвело на меня впечатление, какого я не ведала никогда прежде.

— Миссис Дивз, позвольте представить вам мисс Пенфолд.

Он не объяснил, что связывает его с этой женщиной. Но я могла предположить, что связь эта довольно близкая. Она сидела очень прямо, на коленях у нее лежало замысловатое рукоделье, цвет которого контрастировал с гранатовой краснотой ее платья. Она была на восемь или девять лет старше меня, и явно прилагала все усилия, чтобы подольше сохранить молодость. Ее белокурые волосы были взбиты и уложены в высокую прическу, увенчанную инкрустированным гранатами гребнем и множество таких же сумрачно-красных камней украшали ее пухлые запястья, шею и уши.

— Мисс Пенфолд, — она величественно наклонила голову, как бы с самого начала воздвигая между нами некий барьер.

Будучи хорошо искушена в тонкостях женского мирка, я достаточно легко уловила, что она негодует на меня, но при-

чины пока не понимала. Но хозяин дома уже повернулся от нее к девушке среди подушек.

— Мисс Пенфолд, это моя сестра Викторина.

Его второе представление прозвучало так же резко, как и первое. Столь лаконичная поцедура знакомства несколько озадачивала. То ли такова была его обычная манера поведения, то ли это относилось ко мне одной, чтобы сразу показать, что я не могу быть на равной ноге с его родней и друзьями.

Я спрятала это подозрение на дно сознания, сосредоточившись на девушке, к которой меня пригласили в компаньонки. Масса ее распущенных волос, лишь символически сдерживаемая, сообразно последнему крику моды, «лентами флирта» на концах, была так же темна, как у ее брата. Но кожа ее отличалась белизной слоновой кости, почти не тронутой жизненными красками, кроме губ, полных и увлажненных, словно она постоянно проводила по ним языком.

В ней не было кукольной миловидности jeune fille*. Скорее уж, ей было присуще свойство, которым я в редких вспышках фантазии, изредка отпускаемой мною с привязи, наделяла классических красавиц прошлого, оставшихся в памяти поколений как воплощение опасного и порой фатального очарования.

Однако лицу ее не хватало одухотворенности, веки были устало приопущены, и она производила впечатление существа, почти лишенного внутренней силы, только прекрасную оболочку того, чем она смогла быть.

На ней был розовый пеньюар, более уместный в будуаре, чем в гостиной, а ноги были укутаны шелковой шалью, почти съехавшей с ее колен, словно у нее не доставало сил даже поправить шаль. Она взглянула на меня вяло, безо всякого интереса.

— Enchante, mademoiselle.** — В ее голосе слышался призвук детской шепелявости.

Затем она протянула руку, и четвертая фигура быстро выдвинулась из тени, вложив в пальцы Викторины хрустальный флакончик.

Та понюхала ароматическую соль, и еще глубже погрузилась в свое подушечное гнездо, будто два слова формального приветствия унесли ее последние силы. Брат ее, не обращая на это внимания, предложил мне стул, так что я оказалась

---

* молодой девушки (фр.)

** Очень рада, мадемуазель (фр.)

под взглядами обеих леди: пронзительным, беззастенчиво изучающим — миссис Дивз, и безразличным — девушки.

Та, что вышла из тени, была, несомненно, служанкой, квартеронкой с броской, экзотической красотой, присущей этому смешению рас. Через руку у нее была переброшена вторая шаль, а в руке она сжимала веер, на случай если хозяйка потребует то или другое.

Подали чай, и мы приступили к высокопарной беседе обиняками. Это было так, как если бы мы старались больше узнать о других, чем каждый из нас хотел выдать о себе. Викторина и вовсе не разговаривала.

Она вяло взяла чашку, отпила едва ли два глотка, отказалась, демонстративно передернувшись, взять с предложенной тарелки пирожное или сандвич. Наконец она закрыла глаза. Ни миссис Дивз, ни ее брат, по-видимому, не замечали ее невоспитанности. Если бы она была одной из тех девушек, что прежде находились под моим надзором, я бы сделала ей резкое замечание. Но здесь я была не «леди-инструктором». Хотя, если подобное поведение было в обычае Викторины Соваж, неудивительно, что ее брат захотел пригласить к ней компаньонку.

Мистер Соваж заговорил по-французски, возможно, пытаясь таким образом напомнить своей сестре о ее долге хозяйки. Но он даже не взглянул на нее, когда она не ответила.

Наконец он отставил чашку, к которой, думаю, он прикасался лишь для соблюдения приличий, и перешел к делу.

— Мистер Хогл, — он говорил резко и отрывисто, — дал вам знать о существе моего предложения. — Не ожидая моего ответа, он продолжал, словно прямой разговор мог помочь ему больше, чем вежливые пошлости, принятые в обществе: — Я понимаю, что такая перемена в жизни требует, чтобы вы как следует обдумали свой выбор. К несчастью, я только сегодня получил известие, которое принуждает нас отбыть в Сан-Франциско раньше, чем я предполагал. Поэтому, боюсь, вам придется сделать выбор до пятницы. Да, — он, должно быть, прочел замешательство в моем взгляде, — я знаю, что прошу от вас слишком многого. Однако, все мы поедем в личном вагоне президента железнодорожной компании. Если вы решите присоединиться к нам, мы можем захватить вас на станции Эшли.

— Ален... — Миссис Дивз, сделав последний стежок, сложила свое рукоделие. — Вам бы лучше обсудить это дело с мисс Пенфолд и ее адвокатом приватно. Викторина нуждается в отдыхе, бедное дитя сегодня совершенно обессилено. Боюсь,

что наша вчерашняя поездка была для нее слишком утомительна. Мисс Пенфолд, прошу извинить нас.

Ее тон добавил толщины барьеру, который она воздвигла между нами. Мне недвусмысленно давали понять, что я, если приму предложение, буду служащей, но не подругой.

С помощью служанки Викторина выбралась из своего подушечного гнезда и, тяжело опираясь на руку девушки-квартеронки, удалилась в другую комнату. Как только дверь за ними закрылась, я прямо спросила мистера Соважа:

— Сэр, ваша сестра больна? У меня нет опыта в уходе за инвалидами, так что в подобных обстоятельствах от моих услуг будет мало пользы.

Он нахмурился и посмотрел не на меня, а на дверь, за которой скрылась Викторина.

— Викторина вовсе не больна, — сказал он, явно сдерживая раздражение. — Она претендует на такую роль от раздражения. Я предпочитаю быть с вами откровенным, мисс Пенфолд. Я нашел свою сестру в ситуации, которая мне не понравилась. Она легкомысленно согласилась на помолвку с человеком, неподходящим во всех отношениях. Сейчас она сильно обижена на меня за то, что я принудил ее порвать с этим человеком и увез в другую страну. Но она очень молода, и я надеюсь, что в более естественном окружении она отучится от той нездоровой атмосферы, в которой, к несчастью, выросла. Еще год назад я даже не подозревал о ее существовании. Когда мне стало об этом известно, я с трудом разыскал ее. Там были некоторые неприятности... но нет надобности углубляться в подробности. Суть вот в чем: нужно, чтобы Викторину окружали люди, никак не связанные с ее прежней жизнью и способные пробудить в ней интерес к этой стране. Огаста... миссис Дивз — давняя подруга моей старшей сестры. Мне чрезвычайно повезло встретить ее в Париже, и она любезно согласилась сопровождать нас на Запад. Но в Калифорнии у нее есть собственные интересы. Она будет неподалеку, но не сможет постоянно быть рядом с Викториной. Я знаю о ваших нынешних обязанностях, мисс Пенфолд. Самый краткий путь, чтобы вывести мою сестру с чуждой почвы — поручить ее руководству вроде того, что Эшли-Мэнф дает своим ученицам. Я счастлив, что могу обратится с этим к дочери капитана Пенфолда. Ваш отец спас жизнь моей матери. — Он заговорил с некоторым волнением. — Я верю, что если это поручение примет на себя его дочь, рядом со мной окажется человек, на которого на которого я смогу полностью положиться. Мистер Хогл должен был вам ясно объяснить, что

вы ни в коем случае не будете считаться гувернанткой. Вы будете гостей в нашем доме, сопровождая Викторину в обществе, как если бы вы были, скажем, ее кузиной. Плата будет регулярно переводиться на ваш счет в банке, и вы сможете распоряжаться деньгами по своему усмотрению.

— А как долго это будет продолжаться? — Я была рада, что мой голос звучит деловито, хотя мысли мои путались из-за необходимости слишком быстро принять решение, а также потому, что я заметила странную обеспокоенность моего нанимателя, которой не понимала — слишком она противоречила тому что я слышала о его сильном характере.

— По крайней мере год. — Он удивил меня категоричностью и быстротой ответа. — Возможно, даже больше. По окончании вашей службы я сделаю все, чтобы вы ничего не потеряли, придя к нам на помощь. Вы сможете вернуться на Восток или найти себе подходящее место в Калифорнии. Культурные леди там встречаются не так уж часто.

Однако он выразился относительно моих шансов в обществе не так откровенно, как мадам Эшли. Он являл собой смешение разных качеств — прямота, доходящая порой до резкости, и явная приверженность к условностям в других случаях. Но мне нужно было время, чтобы подумать.

Я встала.

— Будьте уверены, сэр, что я отнесусь к вашему предложению со всей возможной серьезностью, и вы непременно услышите обо мне до пятницы.

Когда я избавилась от стеснявшего меня присутствия Алена Соважа, — а я вынуждена была признаться, что он с самого начала смутил мою заботливо культивируемую ясность ума — ко мне снова вернулся холодный здравый смысл. Конечно же, я не могла в три дня с корнями вырвать все связи моей жизни и уехать на год с совершенно чужими людьми. И я полностью утвердилась в этом решении к тому времени, когда по возвращении снова уединилась с мадам Эшли.

— Вы все обдумали?

— Да. — Я чувствовала неуверенность, но не могла допустить, чтобы кто-то другой знал об этом. — Я не думаю, что смогу наилучшим образом отвечать целям мистера Соважа.

— Почему? — Вопрос был задан так резко, что я изумилась. В нем, как мне показалось, звучало разочарование.

Я объяснила, что скоропалительный отъезд неразумен, что отношения между мисс Соваж и ее братом, к несчастью, таковы, что столь молодая особа, как я, вряд ли может быть

полезна. Старшая и более опытная компаньонка могла бы лучше разрешить семейный разлад. Отвечая так, я заметила на столе распечатанное письмо. Она то и дело посматривала то на меня, то на плотно исписанную страницу.

— Скромность и благоразумие похвальны, — заметила она. — После вашего отъезда, мисс Пенфолд, я получила от мистера Соважа вот это письмо. В нем он сообщает, что, возможно, не сумеет сказать мне все, что хотел бы, в полном объеме, однако настоятельно просит меня быть посредницей. Ситуация и в самом деле странная, и я думаю, что он прав, считая, молодую леди испытанного благоразумия лучшим средством для разрешения проблемы.

Во-первых, позвольте сказать вам, что если бы вы не были опытной путешественницей, сопровождавшей своего отца во многих его плаваниях, пока это не прервала война, я бы согласилась, что малое время для сборов может быть серьезным препятствием. Но Соважи будут путешествовать с исключительным комфортом и роскошью. Эти личные вагоны — настоящие первоклассные отели в миниатюре и на колесах. Вы не узнаете ни усталости, ни трудностей, ожидающих обычного путешественника — ни пересадок, ни беспокойства о билетах и тому подобном, а ваш багаж будет в полной сохранности.

Теперь перейдем к вашему возражению касательно отношений в семье. Никому не приятно быть сторожем при другом человеке. Но в таком случае, как здесь, бдительная компаньонка для мисс Соваж совершенно необходима. Сейчас я должна коснуться некоторых огорчительных фактов, важных для вашего сведения, которые мистер Соваж не решился сам открыть особе противоположного пола.

Викторина, как вам известно, не родная сестра мистера Соважа. Между ними почти двенадцать лет разницы в возрасте и очень мало родственных чувств. Вторая мадам Соваж, — она замешкалась, — была, скажем... легкомысленной. Она не последовала за своим мужем на его родину. Бесспорно известно, что она отдала себя под покровительство другого мужчины, занимавшего заметное место во французском светском обществе, и даже не сообщила своему мужу о рождении Викторины. Спустя несколько лет связь ее с этим покровителем оборвалась, и вскоре после того она исчезла. Викторина меж тем была предоставлена заботам одной родственницы из Вест-Индии, женщины, о которой ходили весьма скандальные слухи. Примерно год назад эта женщина умерла, оставив Викторину без крова, и та воззвала к брату, которого никогда

не видела. К несчастью, еще при жизни своей опекунши она встретилась с одним родственником своей приемной матери, чрезвычайно неподходящим человеком. Этот тип, как установил мистер Соваж, надеялся использовать Викторину, чтобы выжать деньги из Соважей.

Мистер Соваж приехал во Францию, вырвал ее из-под влияния этого негодяя, и из весьма нездоровой атмосферы, в которой она росла. Он надеется, что полная перемена обстановки окажется благотворной, поскольку его сестра еще очень молода.

Однако есть основания полагать, что этот сомнительный молодой человек не откажется так легко от намеченной жертвы. Вот почему мистер Соваж нуждается в компаньонке, которая бы приглядывала за его сестрой. Поручить это даме зрелых лет значило бы погубить его замыслы в самом начале. Он надеется завоевать доверие своей сестры, чтобы она не чувствовала себя узницей в его доме. Благоразумная девушка, близкая по возрасту Викторине, молодая леди, говорящая на ее родном языке, и... хорошо осведомленная об опасности легкомысленных знакомств — вот кто ему нужен. И я с ним полностью согласна. У вас не будет власти над мисс Соваж, скорее, вы должны будете просто подружиться с нею, чтобы ввести ее в новую жизнь.

Она сделала паузу, и я решилась привести свое главное возражение:

— И доносить на нее ее брату!

— Естественно, вам противна такая мысль, — согласилась мадам Эшли, — но это вовсе не то, чего желает мистер Соваж. Ему не нужны доклады о сестре, он только хочет знать, не попытается ли какой-нибудь иностранец тайно встретиться с ней. Ваш главный долг — сделать ее жизнь такой приятной и привлекательной, чтобы Викторина убедилась: брат желает ей добра, готовя ей блестящее и счастливое будущее. Это успокаивает сомнения, вызванные вашей природной совестливостью?

— Итак, вы советуете мне принять это предложение?

— Я верю, что это возможность, какая редко предоставляется. Но решать вам и только вам.

Возможно, все это время я стремилась сказать «да», цепляясь за обычный здравый смысл из-за несвойственной мне робости. Возможно, бродяжья кровь, унаследованная мной от отца взыграла сейчас, когда я ответила, противореча себе:

— Тогда я согласна.

Теперь во мне росло возбуждение, поглотившее все сомне-

ния, хотя было бы гораздо лучше, если бы я позволила благоразумию одержать в этот момент верх.

2

В пятницу мадам сама проводила меня на станцию. Теперь, когда пути назад не было, я дрожала, а ладони мои под перчатками были влажны от пота.

Вагон Соважей, последний в поезде, был выкрашен в темно-зеленый цвет, а сзади у него была платформа обозрения с латунными перилами. Я заметила, что пассажиры из обычных вагонов впереди с любопытством смотрят в мою сторону. Затем подошел мистер Соваж, чтобы помочь мне.

Я попрощалась, сдерживая волнение. Пристальные взгляды пассажиров из других вагонов привели меня в замешательство. Леди, которую во мне муштровали так долго, никогда не должна была обращать на себя внимание. Неприятное ощущение осталось со мною и тогда, когда я вошла в отведенное для меня купе. Оставшись наконец одна, я с интересом огляделась вокруг, понимая, насколько все здесь отличается от обычного железнодорожного вагона.

Мое личное купе состояло из четырех небольших комнат, где имелись диван, раскладывающийся в широкую кровать, маленький стол, прочно прикрепленный к полу, чтобы избежать дорожной тряски, гардероб и уборная за перегородкой ванной. Я освободилась от шляпы и жакета, глянула в зеркало над столом, убедилась, что выгляжу вполне прилично, и двинулась на поиски своих попутчиков.

Как только поезд тронулся, я сразу же ощутила, как неудобно ходить по узкому, устланному ковром коридору. Прошло слишком много лет с тех пор, как я наслаждалась, бегая по неустойчивым палубам на отцовском корабле. Так я миновала пятое купе, много больших размеров, с широким письменным столом. За ним сидел мистер Соваж, разбирая какие-то бумаги.

Далее располагался салон-гостиная с встроенным столом, книжными шкафами и несколькими удобными креслами, у которых сиденье могло поворачиваться, позволяя смотреть в окна на быстро сменяющиеся пейзажи. В одном из кресел спиной к окну сидела миссис Дивз, причем с таким видом, будто она сидела в самой обычной гостиной. Она открыла большую рабочую корзинку и разложила на коленях мотки

шелка, явно выбирая подходящий цвет. Она вежливо приветствовала меня, но не выказала никакого удовольствия от моего общества. Здесь не было и тени Викторины, поэтому я рискнула спросить, где она может быть.

— Бедное дитя считает, что тряска дурно влияет на ее здоровье. Она прилегла. — В голосе миссис Дивз слышалось безразличие, и я предположила, что она, как и мистер Соваж думает, будто его сестра использует болезнь как предлог, чтобы избежать общения с нами.

Несомненно, мой долг, а также простая вежливость требовали пойти проведать мою хозяйку. Действительно, бывают же люди, особо чувствительные к тряске. Когда я возвращалась по коридору, то снова увидела мистера Соважа, глубоко погруженного в бумаги. На мгновение я застыла, не вполне сознавая, что довольно-таки бесцеремонно глазею на своего работодателя. Официальный костюм, в который он был облачен при нашей первой встрече, придавал ему чопорный вид, что в сочетании с резкостью черт его лица, создавало весьма мрачное впечатление. Теперь же он был одет в светлые брюки и свободную коричневую куртку. Его рубашка не была накрахмалена, и мягкий красный шарф, завязанный узлом под воротником, охватывал шею. Это был стиль, какого я прежде никогда не видела, но он заметно смягчал облик мистера Соважа.

— Что-нибудь желаете, мадемуазель? — Служанка Викторины, слегка приоткрыв следующую дверь, разглядывала меня, как мне показалось, со скрытым вызовом.

К своей досаде, я вздрогнула и вспыхнула, как будто меня поймали за чем-то постыдным.

— Как ваша хозяйка? — спросила я по французски. Возможно, мой тон был излишне резок, однако меня раздражала мысль, что девушка какое-то время подглядывала за мной, прежде чем я заговорила.

Я всегда считала преувеличением рассказы о том, как можно с первой же встречи почувствовать неприязнь к человеку. Но сейчас я обнаружила, что меня бросает в дрожь от этой девушки с медово-золотой кожей, с ее изяществом и привлекательностью.

На ней было темно-голубое платье и передник с гофрами (скорее для обозначения ее службы, чем для практических целей), а ее волосы под чепцом с оборками были взбиты и уложены весьма модно.

— Она... — что бы служанка ни собиралась сказать, это оборвал повелительный голос:

— Если это мисс Пенфолд, Амели, пригласи ее войти.

Слова эти, хотя в них и слышался акцент, были произнесены на безупречном английском. Неужели Викторина и вправду нуждается в каких-либо упражнениях в языке ее новой родины?

На лицо Амели набежала тень легкого раздражения, однако она подвинулась, пропуская меня. Когда ее рука отпустила дверную панель, я увидела на ее запястье нечто такое, от чего у меня перехватило дух, и я невольно выбросила руку вперед, чтобы стряхнуть это.

— Смотрите... у вас на запястье!

Ответом мне был смех. Амели подняла руку почти вровень с моими глазами, и я смогла убедиться в своей ошибке. Всю свою жизнь я испытывала ужас перед пауками. Одним из самых страшных моих ночных кошмаров был сон, когда они ползали по мне. Но теперь мне стало ясно, что на запястье горничной сидит не живая тварь, а паук, изготовленный из золота и черной эмали и закрепленный на охватывающем руку браслете.

— Z'araignee*, мисс Пенфолд. Это последний шик — носить таких тварей, не живых, naturellement**, но прекрасные копии. Смотрите — я тоже следую моде. Я ношу la couleuvre***.

Викторина указала на свою шею, где под кружевным воротничком свернулась змея с глазами из драгоценных камней, кусающая собственный хвост. Это было странное и, по-моему, неприятное украшение, совершенно не подходящее для молодой девушки. Я подумала, что мне знаком лукавый блеск в ее глазах. Это было похоже на то, как девочки в Эшли-Мэнф испытывали новую учительницу, стараясь выяснить, много ли свободы она им предоставит. Поняв это, я почти совсем победила свое волнение; с подобным отношением я научилась управляться.

— Это воистину прекрасная работа, мадемуазель... — Нет, прошу вас, не «мадемуазель». Я — Викторина, а мой брат сказал, что вас зовут... Тамарис, — она слегка запнулась, произнося мое имя. — Вот увидите, мы подружимся. Только, если честно, мне трудно выговаривать ваше имя. Оно часто встречается в Америке?

— Нет. Но оно было в обычае в семье моей матери, и давалось многим поколениям дочерей.

— Тамарис, — повторила она. — Теперь я начинаю думать, что это звучит красиво. Идите сюда. — Она, дотянувшись, схватила меня за руку, заставив сесть подле нее на

---

* паук (диал. фр.)

** естественно (фр.)

*** змею (фр.)

диване. — Вы должны посидеть здесь, пока мы будем болтать и учиться быть друзьями.

— Миссис Дивз сказала, что вы не вполне здоровы...

Викторина засмеялась и скорчила гримасу.

— Да, мигрень. Здесь с самого утра была такая суматоха... Но Амели приготовила мне свой особый отвар, потом помассировала мою бедную голову и... вся боль прошла! Я, хочу открыть вам секрет, Тамарис: я провела с дорогой Огастой много чудесных дней, и нахожу ее утомительной. Она уж больно пристально следит за мной. Я уверена, что она испытывает tendresse* к моему брату, и хочет произвести на него впечатление, заботясь о его бедной маленькой сестричке. Она не так умна, как сама себя считает, и я не стану ей подыгрывать. У меня нет никакого желания в один прекрасный день назвать Огасту сестрой.

Она пристально следила за мной, ни на секунду не сводя с меня взгляда. И вдруг снова рассмеялась, на этот раз громче.

— Я не слишком напугала вас своими откровениями, Тамарис? Ах, если бы каждый говорил только правду, скольких трудностей можно было бы избежать! Огаста хочет использовать меня, чтобы поймать Алена, а я... — тут она осеклась.

Бедная Тамарис, вы решили, что язык мой мелет слишком быстро и свободно, как говаривала моя добрая бонна Софи, когда я была маленькой. Давайте лучше поговорим о вас.

Она спрашивала меня прямо, так прямо, что я не в силах была обижаться. Ее вопросы обнаруживали глубокий интерес к моему прошлому, и здесь, возможно, начинался кратчайший путь к доверию, которое должно было установиться между нами, если мы будем жить вместе, как хотел мистер Соваж. Поэтому я рассказала ей о моих странствиях на борту «Королевы Индии», принадлежавшей отцу, о времени, проведенном в школе в Брюсселе, и о моей недавней жизни в Эшли-Мэнф.

Это последнее, казалось, зачаровало Викторину.

— Школа, из которой выпускают молодых леди! Но, Тамарис, можно ли сделать настоящую молодую леди из простой честолюбивой девицы? — Когда она задавала этот вопрос, ее лицо приобрело такое комичное выражение, что я невольно рассмеялась.

— Конечно, но она должна и сама здорово стараться. И уверяю вас, мадам Эшли в этом весьма преуспела.

---

* нежные чувства (фр.)

— А теперь мой дорогой братец решил молодую леди сделать из меня по патентованному образцу. — Добродушная веселость исчезла с ее лица. — Ведь вы для этого со мной, Тамарис?

Я решила, что полная откровенность, к которой она прежде прибегла, будет для меня лучшим выходом.

— Нет, я с вами потому, что он считает, будто вам нужна будет подруга, когда вы займете надлежащее место в обществе. Существует множество различий между обычаями в Европе и здесь, в этой стране.

— Об этом мне уже говорили, — произнесла она с каким-то особым выражением.

Кругом в беспорядке валялись мелкие безделушки, кружевной носовой платок, флакончик, маленькое ручное зеркальце, веер. Она взяла зеркало. Стекло было оправлено в серебро, а на обратной стороне был изображен купидон среди роз. Теперь она изучала свое отражение, словно бы не ради самолюбования, но внимательно, будто искала что-то важное.

— Мне говорили, — она резко сменила тему, — что в этой стране браки заключаются не по воле семьи, и каждый может вступить в брак с кем пожелает.

— Но семья этого каждого все же заинтересована в его будущем и счастье, — парировала я, гадая, не услышу ли я сейчас историю того самого неугодного поклонника, против которого я должна служить своего рода бастионом. — Любящие родственники, стараются удержать девушек от ошибок, за которые тем, возможно, пришлось бы дорого заплатить.

— Как корректно вы отвечаете! — Викторина зевнула. — Этот отвар Амели... от него меня клонит в сон. Тамарис, извините меня...

Меня довольно грубо выставляли за дверь. Но терпенье и внешняя невозмутимость — это азы моей профессии.

Выйдя в коридор, я увидела, как в дверях столовой мелькнула голубая юбка Амели. Та, должно быть, направлялась на кухню. Неожиданно я тоже почувствовала усталость, и меня непреодолимо потянуло прилечь.

Там я сменила платье на свободный халат и свернулась на диване, укрывшись индийской шалью моей матери. Уже давно она принадлежала к самым дорогим для меня вещам. Не похожая ни на китайские, ни на английские шали, какие носят сейчас, она была изготовлена из множества узких полос красивой пряжи, соединенных в одно гармоничное целое. Я любовно огладила ее руками, позволяя воспоминаниям течь сквозь мое сознание.

Но тут мои блуждающие по шали пальцы нащупали бугорок, которого я не помнила. Я села и внимательно осмотрела рубец. Там оказался крошечный мешочек, едва ли толще шпагата. Если бы я его не нащупала, он бы еще долго оставался незамеченным. С величайшей осторожностью действуя ножницами, я высвободила его.

Я не нашла в нем никаких отверстий, но он был чем-то заполнен. В конце концов я зацепила ножницами какой-то крохотный стежок на одном конце. Затем я зажала разрыв, пока не отыскала на столике лист бумаги, на который и вытряхнула содержимое мешочка.

Оттуда высыпался желтый порошок мельче любого песка. И вместе с ним — три очень маленьких предмета. Один белый, как слоновая кость — зуб какого-то мелкого животного. Другие два — какие-то семена.

Как я не давила и не трясла мешочек, все его содержимое могло заполнить не больше половины чайной ложки. От него исходил слабый тошнотворно-сладкий запах. Я понюхала еще раз, а затем откинулась на спинку дивана, мотая головой и безудержно чихая. Что-то здесь было такое... злое... или это было только мое воображение?

Я быстро свернула вместе бумажку и мешочек, отнесла пакет в уборную и выбросила его. Вернувшись, я снова принялась дюйм за дюймом осматривать свою шаль. Я была уверена что мешочек здесь спрятали совсем недавно — ведь шаль была моей постоянной спутницей.

Я вздрогнула. Кто зашил его в рубчик и с какой целью? Такая маленькая вещь, и однако...

Спросить? Но кого?

Я встряхнула шаль, не в силах избавиться от странного ощущения, будто ее кто-то испачкал. Как будто на моих глазах ее грубо проволокли по грязной канаве. Однако я решила не углубляться в мысли о моей находке, не поддаваться тревожным и странным фантазиям.

Но я все-таки то и дело вспоминала об этом, вспомнила и тогда, когда вся наша компания вечером собралась в элегантной столовой вагона. Мое настроение несколько улучшилось в ярко освещенной комнате. То и дело окна ловили отблески света из домов фермеров, поскольку плотные парчовые занавески не опустили с наступлением темноты.

Викторина сидела за столом напротив меня. Усталое выражение исчезло с ее лица, растворилось в живости, которой я прежде в ней не видела. Казалось, она внимательно слушает рассказ мистера Соважа о достопримечательностях Запада.

У него оказались в запасе разные волнующие истории, выдававшие такое же воодушевление, как и у его сестры, его смуглое лицо утратило холодное выражение, превращавшее его в маску. Я предположила, что чем ближе мы будем к избранным им местам, тем больше он будет расслабляться, освобождаясь от наносного городского лоска.

Пока он говорил, я почти закрыла глаза, и вернулась сквозь годы в другое время, к другому столу. Именно так мой отец открывал для меня двери в мир знаний. Но это было так давно...

Во всяком случае, я на какое-то время забыла про шаль. Но когда в конце вечера, вернувшись в купе, обнаружила ее поверх своей разобранной постели, я снова ощутила неприятный, почти болезненный укол, а потому села и снова обследовала все края. На этот раз я ничего не нашла.

На протяжении нескольких последующих дней Викторина не жаловалась на здоровье, но, по-видимому, разделяла мое удовольствие от созерцания — иногда со смотровой платформы, иногда из окон салона — разворачивающихся перед нами ландшафтов. По ее просьбе мы всегда говорили по-английски. Она настаивала, чтобы я поправляла те ее выражения, которые звучали странно или непонятно. Вдобавок она велела Амели принести множество модных журналов, очевидно, вывезенных из Франции, и мы втроем (ибо миссис Дивз проявила такой же энтузиазм, как и остальные) выбирали себе фасоны. Именно миссис Дивз убедила нас, что Сан-Франциско — не какая-нибудь провинциальная дыра, но город, с магазинами, способными соперничать с парижскими, да и содержатся иные из них выходцами из Парижа.

Значительная часть города — французы по своим симпатиям и по крови. Иммигранты, порой из благородных фамилий, были среди первых золотоискателей. Она со смехом рассказывала, что сегодня не составляет секрета — когда золотые сны рассеялись, среди докеров на верфях оказались и графы, а иные особы голубых кровей торговали вразнос апельсинами и сигаретами. Там существует французская газета и театр. А что до магазинов — есть, например «Вилль де Пари», названный в честь корабля, роскошный груз с которого был продан с аукциона в 1850 году. Есть также магазин шелковых тканей братьев Беллок, шляпный магазин мадам Олив. Нет француженки, уверяла она Викторину, которая чувствовала бы себя в Сан-Франциско изгнанницей.

Викторина слушала, глаза ее сияли. Было ясно, что такие

рассказы быстро примирят ее с новым домом. Но в ту же самую ночь мое благодушие было вдребезги разбито.

Наш вагон, отцепленный от поезда, довезшего нас до своей конечной станции, был оставлен на запасном пути ожидать другой состав, который должен везти нас остаток пути. Мистер Соваж предупредил нас, — а миссис Дивз повторила это предупреждение строгим начальственным тоном, — что нам следует пораньше уйти в свои купе и тщательно занавесить окна. Здесь могут оказаться любопытные, что попытаются заглянуть внутрь.

Я была занята дневником в письмах, который обещала писать для мадам Эшли, и только успела окунуть перо в чернильницу на дорожном бюро, когда меня встревожил звук, словно бы кто-то тростью скребся снаружи в мое стекло. Это повторилось еще раз, уже с явным нетерпением. Памятуя предупреждение, я не собиралась выглядывать, чтобы не увидеть за стеклом какого-нибудь пьяницу.

Царапанье послышалось в третий раз, а потом — тихий мелодичный свист. Теперь я отложила пюпитр и прислушалась. Я знала этот мотив. Только сегодня утром Викторина развлекала нас, насвистывая разные птичьи трели, которым, по ее словам, ее научили во Франции.

Этот человек... предупреждение мадам Эшли... письмо Алена Соважа... может, брошенный поклонник, преследующий девушку, стоит там, в ночи, стараясь таким образом привлечь ее внимание? Он, вероятно, ошибся окном. Следовало отыскать какую-нибудь подходящую точку, откуда можно было бы незаметно посмотреть, кто там.

Лампы в коридоре были притушены. В полумраке я пробежала через столовую к тяжелой двери в другом ее конце. Она была не заперта, и я приоткрыла ее так, чтобы можно было выбраться на маленькую обзорную площадку. Отсюда я могла смотреть вдоль вагона.

Я была права! Тень перед занавешенным окном. Но фигура удалялась, причем, в сторону купе Викторины. Оттуда неожиданно ярко блеснул свет — отодвинулась занавеска.

Придерживая юбки, я поспешила отнюдь не церемониальным шагом назад, через весь вагон, к двери хозяина, в которую немедленно и постучала. Мистер Соваж откликнулся сразу, как будто ожидал такого сигнала. За несколько мгновений, понадобившихся мне, чтобы достигнуть его двери, я решила отредактировать свое первое подозрение. В конце концов, я не была уверена, что Викторина привечала этого ночного посетителя.

— Мисс Пенфолд! В чем дело?

— Кто-то шумел под моим окном, сэр. Я подумала, что это какой-то бродяга...

Я не успела закончить фразу. Он повернулся, схватил со стола пистолет и ринулся мимо меня на обзорную площадку. Я услышала его оклик, а затем раздался грохот выстрела.

— Мисс Пенфолд!

— Тамарис!

Дверь миссис Дивз была распахнута. Когда она сделала шажок-другой в коридор, я увидела за ней Викторину. Итак, я правильно поступила, удержав первоначальное подозрение при себе. Викторина просто не могла отодвинуть занавеску, чтобы приветствовать того, кто скрывался в тени.

Тогда кто же был этот наглец? Вор, пытающийся проверить, есть ли кто-нибудь в купе? Но для вора он действовал слишком неосторожно.

— Что это значит? — Миссис Дивз плотнее запахнула пеньюар на своей полной груди.

Ее волосы, освобожденные от своего обычного замысловатого убранства, волнами падали на пышные плечи, отливая металлическим, почти искусственным блеском.

— Там кто-то бродил возле вагона. Я вышла на площадку посмотреть, а он приблизился к окну Викторины...

— Вор! — Викторина казалась, скорее, возбужденной, чем испуганной — Но что он надеялся найти? Все мои драгоценности в банке. Что он мог выглядывать... этот бродяга?

— Возможно, все что подвернется. Что-нибудь, за что можно выручить деньги на выпивку. — Миссис Дивз плотнее запахнулась в свой пеньюар, голос ее источал презрение. Было очевидно, что она находит приключение просто неприличным. — Но как неосторожно с его стороны было встревожить вас, мисс Пенфолд. Без сомнения, он был пьян. Он пытался разбить ваше окно?

Она буквально впилась в меня взглядом, и теперь в ее расширенных глазах и в голосе обозначился намек на возбуждение. Или мысль обо мне, как о приманке для разбойника, доставляла ей удовольствие? Нетрудно было сделать такое предположение касательно миссис Дивз, ибо с тех пор, как мне было навязано ее близкое общество, она успела совершенно ясно дать мне понять, что не одобряет ни меня, ни причины, по которой я здесь нахожусь, хотя и маскировала это так хорошо, что только тот, кто хорошо искушен в тонкостях женского общения, мог бы это обнаружить.

Я же теперь была уверена, что человек, которого я видела, вовсе не вор.

— Я не знаю, чего он хотел, — спокойно ответила я. — Я пошла предупредить мистера Соважа.

— Ах, вот как, — миссис Дивз дернулась. — Если бы не вы, нас всех могли бы задушить прямо в постелях!

Ее тон, полный иронии, наводил на вполне определенную мысль, что я действовала в каких-то собственных целях, несомненно, неприглядных.

Викторина, оттолкнув ее, прижалась к одному из окон салона, загораживаясь руками от тусклого света ламп, чтобы лучше видеть, что происходит снаружи.

— Но был еще выстрел... вы не слышали выстрела?

— Мистер Соваж взял с собой пистолет.

— Пистолет! Тогда он, наверное, убил бандита! Мой брат — хороший стрелок. Я слышала, как о нем это говорили. Да... фонари... люди несут фонари! Они бегут...

— Викторина! — миссис Дивз устремилась вперед и положила руку на плечо девушки, чтобы оттащить ее от стекла. — Дорогая моя, если мы можем выглядывать наружу, еще более очевидно, что они могут заглянуть внутрь. Никто из нас не одет подобающим образом, чтобы встретиться с посторонними, и мы не должны являть собой неприличное зрелище для вульгарных зевак!

И тут я обратила внимание, что одна дама из нашей компании отсутствует.

— А где Амели?

Викторина оглянулась кругом. Возмущенная гримаса, бывшая ее ответом на предупреждение миссис Дивз, исчезла.

— Амели! — повторила она, словно призывая свою горничную. Подобрав полы пеньюара, она побежала по коридору. — Но Амели... она должна быть в моем купе. Возможно этот... этот вор ранил ее! Ma pauvre* Амели!

Значит... кто-то был в купе Викторины и ответил на стук в окно. Может, этот тип пришел, чтобы встретиться с Амели? По контрасту с незамысловатой простотой своей одежды девушка была замечательно красива. Она вполне могла привлечь взгляды кого-нибудь из персонала поезда; возможно, она не отвергла его...

Викторина распахнула дверь купе и вновь громко крикнула:

— Амели!

---

* моя бедная (фр.)

Внутри мы увидели девушку. Она лежала на диване, руки ее закрывали лицо, плечи тряслись. Маленький кружевной чепчик выехал из наколки на узле ее волос, а сами волосы спутанными прядями свисали вокруг ее спрятанного в ладони лица.

Викторина тихо вскрикнула и села рядом с ней, обхватив трясущиеся плечи горничной.

— Амели... ma pauvre petite*... что с тобой? Что стряслось?

Поток французских слов, хлынувший в ответ на вопрос Викторины, был мне почти не понятен.

Очевидно, от испуга служанка перешла на диалект. Но Викторина, похоже, его понимала и отвечала короткими ласковыми словами, стараясь успокоить девушку. Она взглянула на нас поверх плеча Амели.

— Это действительно ужасно. Ma pauvre Амели так испугалась. Она выглянула посмотреть, что за странный шум за окном, а там было лицо! Причем такое ужасное, что она почти лишилась чувств. Она даже не могла позвать на помощь, так она испугалась. — Викторина вздрогнула. — Потом лицо неожиданно исчезло. Она услышала крики... выстрел... это было ужасно... Послушай, ma petite, — теперь она говорила мягче, и целила явно дальше, чем просто успокоить Амели... Возможно, она намеренно нагнетала эмоции, чтобы мы наверняка оценили весь ужас происшедшего. — Ты теперь в полной безопасности, и мы все тоже. Мой брат, служащие в поезде, конечно же, не допустят, чтобы тебя коснулось зло. Спасибо вам, Тамарис, — обратилась она непосредственно ко мне. — Если бы не вы, неизвестно, что могло бы случиться.

Немного погодя — Викторина тем временем продолжала утешать обезумевшую, как нам казалось, девушку — вернулся мистер Соваж. Чужак бесследно исчез, а выстрел был в воздух. Однако заметив, как окаменело его лицо, когда он нам об этом сказал, я предположила, что он предпочел бы иметь на прицеле эту мишень.

— С этого момента, — сухо объявил он, — здесь будет охрана. Осталось недолго ждать, скоро наш вагон прицепят к поезду западного направления.

Вернувшись в свое купе, я была не в силах снова заняться письмом. Очевидные противоречия между тем, что видели мои глаза, и рассказом Амели, стоило мне извлечь их из памяти, выстраивались в ряд. Во-первых, услышанный мною шум, конечно, не мог быть произведен грабителем, пытающимся разбить

---

* моя бедная малышка (фр.)

окно. Нет, это был стук с явной целью — привлечь внимание. То же относилось и к свисту. Затем, когда я выглянула и увидела, как приподымается занавеска на окне Викторины, никакое лицо к стеклу не прижималось — тень была достаточно далеко от вагона.

Но это все были мелочи, годные только чтобы разбудить подозрение, и не было никаких реальных доказательств. Я не могла использовать их и опровергнуть рассказ служанки. Амели лгала, и мне следовало приглядывать за ней...

Неожиданное дребезжание, потом толчок — мы снова готовились в путь. Я устало разделась и легла в постель, чувствуя облегчение от того, что мы наконец уезжаем с запасных путей. Если Амели замышляла любовное приключение, то оно провалилось, и делу конец.

3

Утро принесло солнечный свет и новые сомнения. Теперь, когда мы были далеко от запасного пути и ночного визитера, я не должна была позволять своему воображению облекать тень пугающей плотью.

Мистер Соваж стал проводить больше времени с нами в салоне, показывая нам места, представлявшие наибольший интерес. А миссис Дивз — наисплошные улыбки и ласковые речи — претендовала, как могла, на все его внимание. С него почти полностью слетел тот слой лака, который придавал ему неприступный вид, он все меньше и меньше казался представителем того фешенебельного мира, который миссис Дивз явно считала своим. Хотя и она, по-видимому, приветствовала эту перемену в нем.

Теперь я лучше могла разглядеть в нем то, чем я всегда восхищалась в моем отце и в других морских офицерах, которых знала в детстве — компетентность и чувство долга. Его манеры никогда не были слишком резки, однако его чуть небрежная одежда, сердечная нота, сквозившая в его речах, его энтузиазм заставляли меня думать, что в Нью-Йорке он был стиснут в ненавистных ему узких рамках, теперь же становился таким человеком, каким был на самом деле.

Каюсь, моей первой реакцией была зависть. Как легко мужчине порвать с условностями! Моему же полу в такой свободе отказано. Я оглядывалась на самые тяжкие для меня месяцы, когда я от свободы отцовского корабля была перене-

сена в тюрьму (как мне тогда казалось) школы на берегу. Я хорошо усвоила свой урок, возможно, даже слишком хорошо, ибо, сделавшись из ученицы учительницей, вдруг обнаружила, что моя новая роль требует еще более строгой дисциплины.

Когда я видела, как мистер Соваж покидает поезд на станциях, чтобы посетить телеграф (очевидно, ему необходимо было поддерживать связь со своими предприятиями как на востоке, так и на западе), я впервые за многие годы захотела хоть немного побольше свободы.

Несколько раз во время таких остановок он предлагал нам тоже покинуть вагон и прогуляться по платформам из шершавых досок. Миссис Дивз явно отрицательно относилась к таким визитам на станции, где бродили нищенки-индеанки, мальчишки продавали сидящих в клетках койотов, а мужчины в красных или синих пропотевших рубахах, широкополых шляпах с высокими тульями и с огромными, устрашающего вида шпорами на сапогах стояли и глазели на нас. Челюсти их непрерывно двигались, пережевывая табак.

Но Викторина стремилась выйти всякий раз, когда бы ни предлагал ее брат. Она без умолку болтала по французски, откровенно и чуть грубовато комментируя то, что мы видели, и держала брата под руку с таким дружелюбием, словно уже прониклась к нему глубокой привязанностью.

Хотя кругом было много безобразного и неприятного, в самой стране виделось величие. И в этих грубых людях была та же энергия, что и в моряках. Они решили силой своих рук и воли покорить суровый и неприступный край. Только, думала я, это не та страна, которую любая женщина может полюбить с такой же безрассудной страстью.

Наши шелка и оборки, кружева и бахрома были здесь неуместны настолько же, как эти красные рубахи, шпоры и шейные платки были бы нелепы в Нью-Йорке. Следовало учиться выдерживать такие взгляды: ведь мы здесь — редкие птицы. И я уже начинала понимать, что эти взгляды — комплименты, а вовсе не грубое оскорбление.

Другие пассажиры на остановках тоже выходили поразмяться, и со временем мы стали узнавать их в лицо. Так я заметила среди них одного мужчину, который постоянно занимал такую позицию, чтобы держать в поле зрения всю нашу компанию, пока мы находились вне вагона.

Незнакомец носил широкополую шляпу, затенявшую его лицо, а также пышную черную бороду. Поэтому то, что находилось между тенью от полей и этой растительностью, было

скрыто с таким же успехом, как если бы он был в маске. Но я решила, что он молод. Он казался стройным, несмотря на широкий пыльник, который многие носили для защиты от паровозной сажи и копоти. На остановках он расстегивал пыльник и накидывал его как плащ, под ним же был виден дорожный костюм городского жителя.

Мне уже становилось неприятно это постоянное наблюдение, как вдруг оно прекратилось. Когда он перестал появляться, я решила со странным чувством облегчения, которого не смогла бы объяснить, что он, вероятно, сошел с поезда. Я решила, что не стоит строить догадки и держать под подозрением всех и каждого.

— Что вы думаете об этой стране, мисс Пенфолд? — вопрос мистера Соважа отвлек меня от столь благоразумного умозаключения.

Поодаль, вдоль дороги петлял ручей. Бегущая вода так манила прохладной свежестью, что на мгновение мне захотелось оказаться возле нее. Между тем, мой работодатель сидел в кресле рядом со мной, повернувшись так, чтобы делить свое внимание между мною и внешним миром.

Я торопливо искала слова.

— Она, конечно, очень красива. Но я не думаю, что ее легко усмирить. Я вот подумала, как холодна эта вода...

Он улыбнулся.

— Да, ручей в полдневный жар. Вода во многих местах страны дороже золота, потому что золото — богатство, но не жизнь.

— Однако, в сорок девятом люди считали по-другому, — заметила я. — Разве мало их лишились здесь жизни в погоне за богатством?

— Слишком много. Золотая лихорадка опасна. Но это в прошлом; теперь мы строим, укореняемся. Железные дороги связывают нас с Востоком, мы открываем земли для посевов и пастбищ... — он заговорил с нарастающим жаром, а затем начал рассказывать о жизни в Калифорнии.

Мой отец никогда не считал меня безмозглым существом только из-за того, что я родилась девочкой. До двенадцати лет, когда меня послали на берег в школу, я, рожденная на борту корабля, черпала знания из превосходной библиотеки, которую отец возил с собой, и на все свои вопросы получала ответы, конечно, с учетом моего возраста. И никогда мне не приходилось слышать более интересных бесед, чем в те годы. Большинство мужчин, которых я встречала в обществе, вело с дамами пустые поверхностные разговоры. Опуститься глуб-

же и выказать понимание или хотя бы интерес к важным событиям, было бы почти неприличным. Энтузиазм к учебе, поощряемый во мне отцом, считался причудой, почти пороком. И в это мгновение я осознала, насколько же я была отрезана от того, чего хотела. Я была жаждущим странником, случайно набредшим в пустыне на ручей, вроде того, что бежал перед нами.

Мистер Соваж, воодушевленный моими вопросами, ожидал от меня моих суждений, и воспринимал их как нечто совершенно естественное. Я начала с упоминания о тех вещах, на которые обращал мое внимание отец. Поскольку он указывал мне то, что я должна увидеть, я посетила многие необычные места в тех странах, куда доставляла грузы «Королева Индии». То, что я унаследовала его способность легко усваивать языки, доставляло ему особенное удовольствие.

— Итак, вы побывали в Кантоне и на Сандвичевых островах? — Мистер Соваж был по-настоящему заинтересован. — И что вы думаете о той части Китая, которую видели?

Он спрашивал без снисходительности, поэтому я откровенно рассказывала обо всем, что повидала. Думаю, он был поражен, когда услышал, что я была приглашена на два дня в женские покои одного из богатейших купцов, и наблюдала ту часть местной жизни, которая была скрыта от путешественников-мужчин.

— У вас было много преимуществ, — заметил он.

— Главное из них, сэр, то, что у меня был отец, который воспитал во мне пытливый ум.

Возможно, мой ответ прозвучал резковато, поскольку он заметил:

— Вы произнесли это с таким нажимом, мисс Пенфолд, будто полагаете, что поведение вашего отца шло вразрез с обычаем.

— Судя по тому, сэр, что я узнала с тех пор, как лишилась его общества, очень похоже, что так. Он поощрял во мне желание расширять кругозор и предоставлял мне для этого все возможности. Поскольку такие преимущества в образовании обычно принадлежат сыновьям, а не дочерям, теперь я думаю, что мой отец очень сильно отступил от обычая.

В своем ответе я ступила на грань правил приличия. Не потому ли начали сходиться его темные брови? Он вполне мог подумать, что я в какой-то мере задеваю его собственные убеждения.

— Ален! Я не знаю, ждать ли вас... — Миссис Дивз выплыла на нас из коридора. — Глупо с моей стороны отнимать

ваше время, когда у вас столько забот, но у меня все бумаги здесь... — она лично озаботилась расстегнуть захваченный с собой портфель.

— Я, как всегда, к вашим услугам, Огаста. — Он встал и потянулся к портфелю.

Я поняла, что меня выставляют, и мне было немного больно, что это сделано так грубо. Не то, чтобы я могла требовать от него больше внимания, чем предписывала обычная вежливость... Миссис Дивз вообще ничем не выказала, что заметила мое присутствие, и лишь небрежно кивнула, когда я проходила мимо нее.

В купе меня все еще дожидалось мое письмо к мадам Эшли, но я была не в настроении вести дневник. Вместо этого я стала смотреть в окно на местность, которая казалась мне теперь совершенно отталкивающей. И я все еще старалась разобраться в своих чувствах, когда в мою дверь постучали. Прежде чем я успела ответить, вошла миссис Дивз.

— Мисс Пенфолд! — Она произнесла мое имя тем же самым тоном, которым я недавно отчитывала нерадивых учениц. Но я решила не обнаруживать своего негодования.

— Миссис Дивз? — вопросительно произнесла я. — Я могу что-то сделать для вас?

— Вы можете сделать кое-что для себя, мисс Пенфолд! — Она уселась без приглашения.

Возможно, она рассчитывала на мой ответ, но я молча выжидала, вынуждая ее продолжать. Это великолепный прием против тех эмоций, которые она разыгрывала.

— Я исхожу, конечно, — тут она принялась крутить одно из многочисленных колец на своих пухлых пальцах, — из того факта, что молодые леди из хорошего общества не пытаются привлечь внимание джентльменов.

«Как бы не так, — ядовито подумала я. — Большая часть их времени посвящена маневрам исключительно в этом направлении, разумеется, незаметным».

— Мистер Соваж... Ален, — она прибегла к его личному имени, как будто хотела подчеркнуть, что это ее исключительная привилегия, — очень добр. Хотя он постоянно занят делами, он слишком хорошо воспитан, чтобы высказывать нетерпение...

Я продолжала смотреть на нее с тем же озадаченным видом полного непонимания. Возможно, моя реакция сбивала ее, заставляя делать паузы. Затем она снова начала:

— Вы так молоды, мисс Пенфолд, и ваши обстоятельства были таковы, что вы могли обычную вежливость принять за

что-то иное. Мистер Соваж счел ваш недавний разговор немного... скажем, странным для леди, избранной быть компаньонкой для его сестры. Поскольку это дело деликатное, он обратился ко мне, чтобы я переговорила с вами.

— Ну конечно, — кротко согласилась я. — И очень мило с вашей стороны, миссис Дивз, что вы согласились. Хотя я все еще не могу понять, в чем, собственно, мой проступок, поскольку наш недавний разговор с мистером Соважем был начат им самим. Я думаю, он хотел побольше узнать о моем прошлом. Полагаю, это вполне естественно при данных обстоятельствах.

Она вспыхнула. Думаю, она считала, что меня можно легко запугать... И я была уверена, ее неприязнь ко мне растет с каждым словом. Но то, что я сказала, вполне могло быть правдой, и она это знала. Заставив таким образом ее замолчать, я сама перешла в наступление — если считать нашу беседу поединком.

— Уверяю вас, я не имела желания никого оскорблять. И я уверена, что теперь, когда мистер Соваж удовлетворил естественное любопытство относительно моего прошлого, он не будет испытывать нужды в дальнейших разговорах. Вы можете сообщить ему, что я поняла то, что он желал передать через вас, и впредь буду с ним осторожнее.

Я была уверена, что она никогда раньше не сталкивалась с подобной тактикой. По ее понятиям, я должна была повести себя нагло, однако она не могла обнаружить в моих словах никакой зацепки, чтобы обвинить меня в этом. Бормоча нечто неразборчивое, она вышла так же резко, как и ворвалась ко мне.

Теперь предстояло кое-что обдумать. В будущем мне следовало держать себя очень осторожно, не давая этой женщине ни малейшего повода для нападок. Если я верно оценила мистера Соважа, то маловероятно, что это он послал ко мне миссис Дивз. Он из тех, кто предпочитает действовать прямо.

Однако он мог бросить какое-нибудь случайное замечание, отчего миссис Дивз уверилась, что может заявиться ко мне. Возможно, я и вправду увлеклась его свободным обращением и перешла предписанные границы. Наперед надо было следить за своей речью и держаться строго и корректно, когда дело касается «Алена» миссис Дивз. Это почему-то принесло мне чувство потери, даже боли. Как будто я, пробудившись от долгой скуки, увидела проблеск света, но мне запретили смотреть на него впредь.

Поэтому, услышав гонг к обеду, я не испытала особого

удовольствия. Беседой за столом правила миссис Дивз. Ее цель была мне совершенно ясна. Ее речь блистала именами, которые прямо указывали на ее место в высших кругах Сан-Франциско, она говорила о ближайшем «сезоне» и роли, которую назначено было играть Викторине. При этом она всячески намекала, что исключает меня из этого очаровательного замкнутого круга. Что ж, если миссис Дивз добьется цели, на которую намекала Викторина, и станет хозяйкой дома Соважей, то срок моей службы, скорее всего, окажется гораздо короче, чем было предусмотрено вначале.

Когда миссис Дивз наконец заявила, что мы возвращаемся в салон, Викторина зевнула, заметив, что от движения поезда ее клонит в сон и она нас покидает. Я сказала, что мне нужно написать письмо и быстро удалилась, к заметному, кстати, облегчению миссис Дивз.

Едва лишь я переоделась в халат и стала расчесывать волосы на ночь, как в мою комнату без стука вошла Викторина.

— Тамарис, что вам сегодня сказала эта старая курица? Она буквально пылала яростью, когда проходила мимо моего купе. Это из-за того, что мой брат сегодня разговаривал с вами? — Без приглашения она забралась на мой диван. — Ба! Да вы, похоже, собираетесь помалкивать? — Последнее слово Викторина произнесла так, будто оно означало какой-то порок. — Но я не дура, я догадываюсь, в чем дело. Она собирается стать мадам Соваж, в душе она уже слышит, как ее так называют. Она так боится, что ее желание не сбудется, что в каждой женщине видит соперницу. Но верьте мне, Тамарис, она никогда не получит того, чего хочет. Во-первых, потому, что она дура, а я, хоть и недолгое время знаю своего брата, но много слышала о нем; он не из тех, кто умиляется от дамской глупости. К тому же, ее поползновения слишком грубы. Рано или поздно она непременно выдаст свои желания, и мой брат почувствует к ней отвращение. Она ему не пара!

В глазах Викторины не было и тени насмешки, они сверкали от волнения, и оно же делало ее голос глубже, ниже, чем он звучал обычно. Ясно было, что девушкой владеет сильное чувство к брату. И миссис Дивз может потерпеть поражение прежде, чем поймет, какого нажила себе врага.

Викторина рассмеялась.

— Я немного пугаю вас, Тамарис, когда так говорю? Вы думаете, что я строю какие-то темные козни, чтобы уберечь своего дорогого братца от Огасты? Что я, возможно, даже ведьма? — Она сделала гротескную гримасу. — Отлично! Тогда я подумаю о том, чтобы стать ведьмой и наложить на Ога-

сту проклятие, сильное проклятие. Я сделаю ее кожу пятнистой, чтобы все отвернулись от нее с отвращением, или... Вам не страшно сейчас, Тамарис... хоть немного?

Я рассмеялась.

— Конечно. Разве вы не видите, что я в ужасе от ваших черных планов?

Она посмотрела на меня странным изучающим взглядом, безо всякой ответной насмешки. — Не смейтесь над тем, чего не понимаете, Тамарис. Есть вещи... — она резко осеклась. — Но они принадлежат иному времени, иному месту... не вашему уютному маленькому миру. Заканчивайте свое письмо, Тамарис, и спокойно спите.

Так же молча и быстро, как вошла, она исчезла. Мое минутное веселье тут же развеялось. Я внимательно огляделась, пытаясь понять, что встревожило меня секунду или две назад. Но это чувство было только вспышкой, и если даже это было предупреждение, я не обладала достаточной мудростью, чтобы к нему прислушаться.

На следующее утро мистер Соваж получил телеграмму и в Сакраменто сошел с поезда, чтобы отправиться в Вирджиния-Сити, где на одном из рудников, контролируемых его компанией, возникли какие-то проблемы. Он сказал, что один из его людей будет ожидать нас в Окленде. Затем этот джентльмен проводит нас в наши апартаменты в отель «Лик-Хауз».

Паром был окутан плотным туманом. «Такой туман, — подумала я, — мог бы отлично послужить устрашающей декорацией для какой-нибудь мрачной сцены, разворачивающейся в трущобах Лондона». Поэтому мы остались в каюте парома, кутаясь в непромокаемые плащи, чтобы хоть как-то защититься от пронизывающей сырости. Викторина презрительно фыркнула.

— Я нахожу это место просто отвратительным. Где же сияющие небеса, где прекрасная страна, о которой так много рассказывал мой брат?

Грэм Кантрелл, молодой человек, обязанный сопровождать нас, стоял так близко к сестре своего хозяина, насколько позволяли приличия. Было ясно, что с первой же встречи он не видит никого, кроме нее. Даже теперешняя сердитая гримаска Викторины, отметила я для себя с легкой грустью, нисколько

не умалила её хрупкой красоты. Он тотчас поспешил сказать, что такие туманы не всегда затягивают бухту и не представляют угрозы городу, куда лениво плюхал наш паром.

Но я-то знала море. И для меня такой туман всегда таил угрозу. Глядеть в окна нашей каюты, наглухо занавешенные плотной туманной пеленой, было страшновато... И я слышала печальный звук предупредительных колоколов, но эта пелена была так плотна, что даже эти звуки казались придушенными.

На стенах сырость оседала каплями. В каюте стоял тяжелый запах — застарелая грязь, сильный дух человеческих тел, зловоние машинного масла, доносимое из машинного отделения.

Неожиданно я ощутила, что больше не могу выносить этого заключения. Хоть я и считала себя искушенной путешественницей, желудок у меня всегда был слабый. Мне нужно было сделать только один-два шага наружу, чтобы найти более чистый воздух, пусть, даже и пропитанный туманом. Так я и сделала, втянув в легкие благословенную сырость.

Были и другие пассажиры, очевидно разделявшие мое желание выйти на воздух. Большинство из них виделись просто неверными тенями, но налево от двери нашей каюты, очень близко друг к другу стояли двое, и до меня то и дело долетал звук голосов.

Тот, что выше, должно быть, мужчина. Другая фигура, закутанная в точно такой же, как у меня, плащ — явно женщина. Затем мимо прошел кто-то из команды, держа в руке фонарь, и отблеск от него ясно осветил обоих. Это была Амели, оставленная при нашем багаже.

Однако свет не выхватил лица ее спутника. Но сам факт, что их поза предполагала некоторую степень интимности, пробудила мои прежние подозрения. Был ли это другой мужчина, случайно привлеченный ее хорошеньким личиком? Я так мало знала о ней — возможно, она была весьма свободна в своих поступках вдали от взгляда хозяйки. Но не было сомнений, что между ними существовала некая сильная привязанность, и Викторина будет скорее защищать, чем обвинять ее на основании столь шатких подозрений, как мои.

Я решила проследить за Амели и удостовериться, что ее поведение не таково, чтобы впутать ее юную хозяйку в какую-нибудь неприятную историю. Беспокойство грызло меня, покуда мы причаливали и черепашьим шагом ползли до «Лик-Хауза».

— C'est magnifique!* Посмотрите, даже в тумане видны огни магазинов. Что за наслаждение бродить по ним... давайте отправимся поскорее!

Викторина отвернулась от окна отеля, опустив тяжелую портьеру, которую поднимала, чтобы взглянуть на Монтгомери-Стрит, полную жизни даже в такой ненастный вечер. Девушка так и кипела воодушевлением.

— Не ночью же, моя дорогая. — Миссис Дивз была исполнена благоразумного неодобрения. — Леди не появляются на улицах без подобающего сопровождения...

— Но я же вижу! — возразила Викторина. — Вот они — там... и там... — она указала пальцем на окно.

— Это н е л е д и, — приговор миссис Дивз был окончательным и обжалованию не подлежал.

Викторина с хмурым видом отпустила бархатные красные занавеси, отгораживающие нас от огней и шума уличной жизни. Я уже заметно устала от красного бархата. В отелях, казалось, обожали его, как примету респектабельности и роскоши. А «Лик-Хауз», к тому же, был явно из новых.

Его интерьер, заполненный деревянной резьбой, бархатом, его мраморные полы создавали впечатление безвкусного показного богатства. То же относилось к еде, которая была сервирована в наших номерах — шесть блюд, начиная от устриц и кончая всеми возможными лакомствами, не зависящими от сезона, заставили меня подумать, что в мире слишком много пищи.

Шампанское, очевидно, тоже было правилом, как нечто само собой разумеющееся, вроде воды со льдом в других краях. Его, к моему удивлению, безо всяких вопросов подали и нам с Викториной. Я лишь пригубила свой бокал. Однако миссис Дивз и Викторина не последовали моему примеру.

— Ваш брат, моя дорогая, — миссис Дивз водрузила свою неизменную сумку с рукоделием себе на колени, но не стала открывать ее, — держит здесь, в городе, собственный выезд. И нет причин, почему бы нам не воспользоваться им завтра, чтобы посетить некоторые магазины. Кроме того, может быть, вы захотите освежить ваш гардероб... — при этом она бросила хитрый взгляд в мою сторону. Если она и думала припугнуть меня предполагаемой бедностью моего гардероба, то просчиталась. Я была твердо уверена, что благодаря стараниям одной из наставниц мадам Эшли, всегда выгляжу одетой в соответствии с модой.

---

* Это великолепно! (фр.)

Однако, стоило оглядеться в дамской гостиной, куда нас препроводили без лишних церемоний после нашего прибытия. Мне уже стало ясно — моды Востока резко отличались от мод блистательного Запада. Такого богатства нарядов — зачастую из двух контрастных цветов на одном платье, с бахромой, ожерельями, цветочными гирляндами и кружевами — я никогда раньше не видывала.

Здесь было принято, как сообщила нам миссис Дивз в одном из своих наставительных монологов касательно обычаев светского общества, не содержать городских домов (хотя здесь было несколько, размерами и убранством схожих с дворцами, в таком районе, как Ноб-Хилл), а по большей части держать за собой апартаменты в крупных отелях, избавляясь таким образом от забот о доме. Обычай этот возник в давние дни золотой лихорадки, когда большинство приезжих составляли одинокие мужчины, селившиеся в меблированных комнатах. Многие джентльмены объединялись, и составляли наполовину личные пансионы под началом компетентных и даже весьма одаренных поварих-домоправительниц. Это привело к тому, что джентльмены, привыкшие к такому положению дел, уже обзаведясь семьями и домами, сохраняли за собой свои «номера» и посещали их по вечерам, чтобы встретиться с друзьями, поговорить о делах и заключить конфиденциальные сделки.

На протяжении всего обеда миссис Дивз продолжала говорить, заливая нас таким непрерывным потоком сведений, что я удивлялась, как она находит время отдавать должное еде. Но я внимательно слушала, понимая, что сейчас оказалась в мире, совершенно отличном от всего того, что я знала.

— Да! — Викторина плюхнулась на одну из плюшевых кушеток. — Мы должны увидеть все магазины! Только я забыла... у нас же нет денег. Как же мы сможем покупать?

Миссис Дивз рассмеялась. Ее лицо покраснело. Она очень плотно пообедала, хотя была, должно быть, туго затянута — на ее лифе не было ни единой складки. Пока она ела, голос ее становился громче, слова менее разборчивы, смех звучал все чаще и чаще.

— Не стоит беспокоиться. Кредит Алена очень хорошо обеспечен. Носить с собой деньги утомительно. Видите ли, тут не принимают банкноты, как на Востоке. Здесь вы должны платить только золотом или серебром.

Меня это встревожило. Значит, мои накопления, тщательно упрятанные в кошельке во внутреннем кармане юбки, необходимо обменять. Нужно ли для этого отправиться в банк

или можно обратиться к мистеру Кантреллу? Мне бы не хотелось оказаться без наличных денег. Не то, чтобы я ожидала чего-то от завтрашней поездки по магазинам, но всякое может случиться...

Миссис Дивз встала. Заметив, как побагровело ее лицо, я подумала, что она, похоже, начинает жалеть о сочетании обильной еды, шампанского и тугой шнуровки. Она сбивчиво извинилась и прошла в свою комнату.

Викторина зевнула.

— Меня тоже клонит в сон. — Но утром, — она улыбнулась, как маленький ребенок, которому пообещали сладкое, — мы обследуем этот город. Я так люблю магазины! — Ее полные губы (иногда они со своей постоянной влажностью придавали ее девичьему лицу выражение, которое я находила странным, но не могла объяснить) сложились в улыбку восхищения. — А во сне мы помечтаем о том, что увидим завтра.

Войдя в свою комнату, я обнаружила, что меня там ждут. Мою батистовую ночную сорочку раскладывала служанка, которой я прежде не видела. Это была негритянка средних лет (хотя трудно судить о возрасте представителей другой расы) с простодушным лицом и пышным телом под темно-голубым хлопчатым платьем. На ее переднике не было пышных оборок как у Амели, — обычный передник служанки, а ее чепец целиком скрывал волосы, кроме пряди на лбу.

Она сделала книксен.

— Я Хетти, мисс. Делаю для леди то, что они пожелают...

Опустив глаза, она ожидала приказаний. Что-то в ее манерах и терпеливой покорности заставляло меня чувствовать себя неудобно. Это напоминало мне о предвоенных временах, когда мой отец, ненавидевший рабство и все с ним связанное, — он считал, что оно унижает обоих: и хозяина, и раба — принимал участие в каких-то тайных делах. «Королева Индии» несколько раз перевозила темнокожих пассажиров, не числившихся в официальных списках, из портов между Нью-Орлеаном и Чарльстоном.

4

Я поспешила заверить Хетти, что не нуждаюсь в ее услугах, однако не преминула поблагодарить ее. Когда она удалилась неслышной походкой, я расстегнула корсаж, и моя память обратилась сквозь годы к вещам, которые мы с отцом никогда не обсуждали.

Тогда была одна женщина, очень странная особа, окруженная атмосферой власти, хотя носила она простое платье старшей служанки. Она дважды обедала с нами на борту «Королевы Индии» в порту Нью-Орлеана, а после отец отсылал меня в мою каюту, и разговаривал с нею наедине. Она представлялась как миссис Смит. Имя это вовсе ей не подходило, а ее спокойные манеры резко контрастировали с необычностью ее глаз — один был голубой, другой карий. Кожа ее была оливковой, волосы темными, она была красива, обращения мягкого.

Впоследствии отец предостерегал меня, чтобы я не упоминала об ее визитах, и я всегда была уверена, что она имела какое-то отношение к беглым рабам. За исключением этих двух раз, я больше никогда не видела ее, но сейчас в моей памяти она встала так ясно, как если бы была той служанкой, которую я встретила у себя в комнате.

Взявшись за головную щетку, я уверенно отогнала этот необычайно четкий образ. Мой туалетный столик не был так заставлен, как у Викторины (он, кстати, повергал меня в величайшее смущение). У меня не было ни флакончиков духов со стеклянными пробками в виде бабочки, ни чего-либо другого из того прелестного беспорядка, который так легко возникал у нее сам по себе. Мое имущество было обусловлено школьными требованиями элементарной опрятности, поэтому я и заметила, что мои вещи двигали.

Одной из первых вещей, что я распаковала, была редкостная шкатулка — последний подарок отца. Изготовлена она была где-то на Дальнем Востоке из редкого дерева, местами инкрустированного перламутром. В ней я хранила реликвии нашей семьи: миниатюрный портрет матери, подаренный мне отцом — один из тех, что он рисовал по моему настоянию, несколько старых писем, брачное свидетельство матери, письма к ней от моей давно умершей бабушки. Все это не имело никакой ценности ни для кого, кроме меня.

Шкатулку трогали. Я отложила щетки и склонилась над замком. Он был секретный, во всяком случае, я так считала. Он был скрыт в резьбе, и его следовало подцепить ногтем, чтобы открыть.

Мне достаточно было одного взгляда, чтобы понять: порядок, в котором были уложены мои сокровища, нарушен. Кто-то открывал шкатулку и рылся в ней. Во мне вспыхнул гнев. Можно было предположить, что вор искал футляр с драгоценностями, но тот был заперт в моем сундучке. Возможно, что вор до этого не додумался.

Но кто? Хетти? Я не имела права выносить столь быстрый осуждающий приговор. Репутация этого отеля такова, что здесь, конечно, не нанимают служащих, в которых не уверены. И у меня нет доказательств: ничего ведь не пропало. Но я бы не хотела, чтобы это повторилось.

Продолжая готовиться ко сну, я подумала, не устроить ли мне какую-нибудь ловушку, спрятавшись до рассвета, скажем, в большом платяном шкафу. Это заставило меня улыбнуться, несмотря на гнев и тревогу.

А если не Хетти, и не какая-то другая служанка, тогда кто? Амели? Несмотря на мои старания сохранить беспристрастность, я начинала верить, что это она. На мой взгляд, она была хитра и лжива. Но я не могла понять, зачем ей понадобилось рыться в моих вещах.

Я поднесла шкатулку поближе к лампе, чтобы посмотреть, нет ли на ней следов взлома. Когда я их нашла, почти уткнувшись лицом в царапину, я уловила тошнотворный сладкий запах. Знакомый запах. Да, так же пахло содержимое мешочка, зашитого в мою шаль.

Это исключало всех здешних служанок, но прямо указывало на Амели.

Надо было серьезно поговорить с Викториной. У меня слабые основания для подозрений, но, собранные вместе, они, может быть, заставят ее прислушаться ко мне. Запахнувшись в халат, я вернулась в гостиную.

Комната была темна и освещалась лишь слабыми отблесками уличных огней внизу. На мой стук из спальни Викторины не последовало никакого ответа. Конечно же, она не могла так быстро уснуть! Я снова постучала, уже сильнее, и дверь распахнулась, как бы приглашая меня войти.

Среди тени выступала массивная кровать под претенциозным балдахином. При мягком свете ночника была видна Викторина, недвижно лежащая поверх постели. Правда, платье она сняла, но на ней оставался еще ворох нижних юбок, а ее тонкая сорочка нескромно сползла с плеча, обнажая грудь больше, чем это допускали приличия.

Из волос ее даже не были вынуты шпильки, хотя некоторые пряди падали свободно. Она выглядела спящей, но так странно было это беспамятство — так мне показалось, — что я схватила ночник и, приблизившись, подняла над ней.

Сомнительно, чтобы такой глубокий сон был нормальным. Я дотронулась до ее плеча. Тело ее было холодным, хотя над верхней губой виднелось несколько маленьких капелек пота. Она слабо застонала и повернула голову.

Я поспешила зажечь большую лампу, и набросила на нее одеяло. Вспоминая вечер, я не могла вспомнить, много ли она выпила вина. Но где Амели, и почему она оставила свою хозяйку в таком состоянии?

Обходя постель, чтобы дернуть за шнур звонка, я натолкнулась на маленький столик. На пол с него скатился стакан, и на толстый ковер пролились остатки какой-то жидкости. Но упало и что-то еще. Я остановилась и подняла веер. Его пластины были очень толстыми, делая его гораздо тяжелее обычного. И тут одна из пластин сдвинулась в сторону, открывая небольшое углубление. В нем был порошок, и я, коснувшись его кончиком пальца, поднесла его к носу. Снова этот тошнотворный запах!

Я содрогнулась от того, что представилось моему воображению. Конечно же, Викторину не могли одурманить наркотиком против ее воли, а подобную улику — оставить открытой, чтобы ее мог обнаружить первый, кто войдет.

Я решительно позвонила. Поскольку Амели не было здесь, я понятия не имела, где ее искать. Но Хетти или другая служанка, которая придет на мой вызов, смогут найти горничную.

Я нервно ходила вперед-назад по комнате, и машинально вертела веер в руках. Затем, сообразив, что я делаю, я вернула пластинку на место и, едва раздался стук в дверь, положила веер на стол.

На мой вызов вошла Хетти.

— Ты не знаешь, где горничная мисс Соваж? Ее хозяйка заболела.

— Не знаю, мисс, — она покачала своей головой в чепце из стороны в сторону. — Может, я могу сделать что для леди? Тут есть дохтур Бич, прямо под холмом живет. Хотя время еще раннее, чтобы джентельмены вернулись...

Говоря так со мной, она подошла к постели и нагнулась взглянуть на Викторину, но с каким-то жадным любопытством, а отнюдь не с сочувствием. Затем я убедилась, что Хетти смотрит столь пристально не на лицо девушки, а на отталкивающее ожерелье, которое Викторина так любила, что носила почти постоянно — змею из золота и эмали.

Что же это? Наркотик, или она выпила слишком много вина? В любом случае звать незнакомого врача не хотелось. Но я могла обратиться к миссис Дивз. Едва я открыла рот, чтобы отдать Хетти распоряжение, как кто-то отбросил меня, протолкнувшись между нами обеими, словно для защиты своей госпожи — Амели, сжимая в руках небольшой котелок,

смотрела на меня с яростью, позу ее можно было счесть оскорбительной.

— Зачем вы здесь? — резко спросила она по-французски.

— Моя госпожа... для чего вы тревожите ее?

Но я не дала себя запугать.

— Она больна. Это не нормальный сон.

— Ну, конечно, она приняла один из своих порошков. Ее бедная головка так болела! Я пошла приготовить ей отвар. Я знаю, как надо лечить ее. А теперь вы разбудите ее, и боль вернется...

Амели теснила нас от кровати, продолжая держать перед собой котелок, словно он был оружием, которое она могла использовать для защиты Викторины.

Я услышала приглушенный вскрик Хетти. Женщина отшатнулась, не сводя глаз с запястья девушки, ее глаза расширились. Она уставилась на отвратительный браслет — паука, которому Амели выказывала такое же предпочтение среди украшений, как ее госпожа — змеиному ожерелью. С нечленораздельным криком Хетти выбежала из комнаты.

Амели улыбнулась и что-то произнесла на своем диалекте. Но улыбка ее мгновенно исчезла, когда она снова взглянула на меня.

— Я говорю правду. Моя госпожа спит. Скоро она проснется и захочет своего отвара. Тогда ее голове полегчает, и все с ней будет хорошо.

Я была уверена, что в ее взгляде сейчас читалась не столь забота о хозяйке, сколь холодная и расчетливая неприязнь ко мне. Однако ее объяснение звучало вполне резонно, и я была вынуждена согласиться с ним. Хотя оставалось еще несколько дней до того, как мистер Соваж присоединится к нам, я решила сообщить ему об этой сцене сразу, как только смогу.

Амели, держась почти нагло, проследовала за мной до двери, и захлопнула ее сразу, как только я вышла, так поднимают цепной мост замка перед неприятелем. Я продолжала гадать, вино так подействовало на Викторину или что-нибудь еще, но мне не хватало ни знаний, ни возможностей проверить подозрение.

Утром, когда я проснулась, воспоминания тут же вернулись. Одеваясь, я смотрела в высокое зеркало гардероба, но не замечала собственного изображения — передо мной как наяву маячил веер с потайным отделением. Как глупо, что я не захватила его с собой, когда уходила из комнаты Викто-

рины! Сейчас я припоминала, что на крышечке этого отделения были инициалы, но я что-то не могла вспомнить, чтобы это были V или S.

В комнате было холодно. Но миссис Дивз и мистер Соваж предупреждали, что весна в Сан-Франциско не означает тепло и благоухание. Здешние дамы долго носят меха, которые в других местах давно бывают сброшены. Поэтому я выбрала тяжелое платье из фиолетового шелка и шерсти, украшенное по юбке и корсажу бантами из темно-пурпурного бархата, и перед тем, как пройти в гостиную, накинула мамину шаль — ее сочные цвета, так же, как и ее тепло, подбодряли меня.

Викторина уже караулила у окна. Туман утром рассеялся, но день был серый, облачный. Она, однако, пребывала в радужном настроении, ее веселость подчеркивалась яркой голубизной платья.

— Магазины!.. Они уже открыты! Вас не тянет к ним, Тамарис? Смотрите... — Она указала на козетку, где лежали маленькая шляпка из бархата сапфирового цвета с перьями и свободный серый жакет с бантами и шиншилловым воротником. — Я уже готова. — Она закружилась так, что ленты на ее платье взметнулись в воздух — сущее дитя, предвкушающее обещанное лакомство.

Но миссис Дивз не разделяла ее энтузиазма. Во время завтрака наша менторша не появилась, и Викторина нервничала, поглядывая на дверь ее спальни, но та оставалась закрытой.

Я задала вопрос, который напрашивался сам собой:

— Как сегодня утром ваша голова?

— Моя голова? — повторила Викторина с легким недоумением. — О, вы имеете в виду мигрень? Она совсем прошла. Амели знает, как мне помочь. Думаю, — тут она прелестно смутилась, — что я выпила слишком много шампанского. Когда я пришла к себе в комнату — пуф! — Она поднесла пальцы к вискам. — Вот здесь была такая боль, а комната... она все кружилась и кружилась. Поэтому Амели быстро уложила меня и дала мне один из моих порошков прежде, чем я успела вполне раздеться. Она сказала, что вы сильно беспокоились обо мне, Тамарис.

— Да, — коротко ответила я. Ее объяснение было логичным, но у меня почему-то еще оставались сомнения.

— Обещаю вам, что такого никогда больше не случится. Я стану более воздержанной. Я буду, как вы, говорить «поп» и «поп» избытку вина, и тогда не буду страдать. Но сегодня утром — спасибо Амели — я совсем здорова. Бедная Огаста...

— она снова взглянула на дверь. — Как вы думаете, у нее тоже болит голова? Может быть, стоит предложить ей лекарство Амели...

Возможно, именно мысль о посещении магазинов возродила миссис Дивз к жизни. Когда она вскорости появилась из своей спальни, она выглядела как обычно, и не было заметно, что она провела беспокойную ночь. К тому же, она была в превосходном настроении и улыбалась в ответ на нетерпение Викторины. Когда мистер Кантрелл прислал свою карточку, сообщая, что экипаж ждет, она так же быстро, как и девушка, натянула свои перчатки, заглянув для порядка в зеркало, чтобы убедиться, что шляпка правильно пришпилена над ее исключительно пышным шиньоном.

Викторина достала из кошелька на поясе маленькую табличку слоновой кости и взглянула на записи, которые мы сделали.

— Вышитые чулки, — пробормотала она по-французски. — Темно-желтые с фиалками или бледно-зеленые... Тамарис, не было ли у нас речи о бледно-зеленых с вышитыми ягодами земляники? У меня слабая память, а Огаста вчера вечером рассказала так много...

Я рассмеялась.

— Была еще речь о розовых с ежевикой из шелка-сырца. Я думаю, это выглядит слегка пугающе.

Викторина сделала гримаску.

— Я тоже не считаю ежевику последним криком моды. Но пудра-саше «Цветы Калифорнии» — вот что я обязательно должна купить. О, Тамарис, нет ничего более волнующего!

Я должна признаться, что посещение знаменитых магазинов Сан-Франциско привлекло и меня. Но когда мистер Кантрелл провел нас по сырому холоду улицы в карету, моя уверенность в этом поубавилась. Я не могла определить, была ли эта сырость следствием ночного тумана, или предвещала надвигающийся дождь, но так или иначе она нагоняла тоску.

К счастью, наше ландо было закрытым. Экипаж был элегантно сработан, и если он принадлежал к выезду мистера Соважа, следовало заметить, что он умел выбирать. Едва мы уселись, Викторина наклонилась вперед, изучая роскошный интерьер, затянутый желтым атласом, удивленно восклицая при каждом новом открытии. Хотя мистер Соваж после замужества старшей сестры жил на положении холостяка, ландо свидетельствовало, что он разбирается в женских нуждах. В разных маленьких кармашках, которые обнаружила и продемонстрировала нам Викторина, отыскались и ларчик с чере-

паховым гребнем, и флакон с нюхательной солью, и зеркало, и коробка со шпильками, и подушечка с булавками.

— Мы прекрасно экипированы для любого случая, — заметила я.

— Совершенно обычно, хотя и недурно подобрано, — холодно парировала миссис Дивз.

Викторина рассмеялась.

— Какой умница мой брат. Хотя, возможно, и не он заботился обо всем, вообще-то это обязанность кого-нибудь из слуг. Ну, Огаста, куда вы нас повезете?

— Сначала, думаю, в «Китайский Базар». Вы там найдете много необычного, дорогая моя.

Мы пробирались через дорожное движение, не менее плотное, чем на деловых улицах Нью-Йорка. Помимо конных экипажей здесь в качестве общественного транспорта была еще канатная дорога, которая приводилась в движение паровыми машинами на концах линии. Викторина, восхищенная ею, пожелала прокатиться на ней, но наша предводительница была так шокирована таким отступлением от дамских обычаев, что даже сумела подавить порыв мисс Соваж.

Мы остановились возле одной из стоянок на тротуаре, предназначенных для того, чтобы пассажирам удобнее было спускаться из карет, лишь тогда она вновь улыбнулась. Лакей-негр помог нам выйти, и мы почти сразу же оказались перед весьма необычным магазином. Через весь фасад над входом было протянуто огромное полотнище, на котором танцевал огненный дракон, высунув из пасти длинный багровый язык. Из открытой двери доносился тяжелый запах курений. Оттуда же слышалось чириканье птиц — с потолка свешивались причудливые клетки с канарейками.

Китаец в синей одежде купца проводил нас внутрь, и я совершенно потерялась, рассматривая редкие и необычные вещи. Однако Викторина не ушла оттуда с пустыми руками. На ее запястье появился браслет из прохладного нефрита. А за нами в красной бумаге — знак доброго предзнаменования — несли белую, оттенка слоновой кости, шелковую шаль, украшенную ветками цветущей сливы — вышивка была на тон или два темнее основы.

Из «Базара» мы направились в «Виль де Пари», где глаза радовали бархат, французская парча, воздушный газ ананасного цвета с Сандвичевых островов. Потом последовал «Уэйклесс», где Викторина смогла удовлетворить свой каприз относительно саше «Цветы Калифорнии», а также флакона духов, чересчур резких на мой вкус. У Сэмюэла мы осмотре-

ли кружева, а затем перед самым полуднем зашли в небольшой магазин, принадлежавший мадам Фанни Перье. Хотя она торговала только мелкими безделушками, кружевами и тесьмой, ее магазин был прекрасно оборудован для отдыха клиентов, утомившихся в других магазинах.

Красный турецкий ковер составлял яркий контраст серому дню. На стенах было укреплено множество светильников, они искусно перемежались зеркалами в позолоченных рамах, отражавшими и увеличивающими комнату.

Мы уселись вокруг столика на стулья с позолоченными ножками. Сама мадам Перье принесла на элегантном золотом подносе белые чашки с шоколадом и тарелочки, на которых лежали тонкие ломтики пирожных, тающие во рту.

Она свободно заговорила с миссис Дивз, с которой, видимо, была в приятельских отношениях, а затем продемонстрировала нам, как бы не для продажи, но просто желая показать, новейшие забавные безделушки из тех, что имелись у нее в запасе.

Викторине очень понравился хрустальный флакон с укрепленной на нем шпилькой, — его можно было, как показала мадам, ловко приколоть в прическу, чтобы обеспечить свежесть вставленным туда живым цветам, — и она поспешила присоединить его к другим своим утренним покупкам.

Пока мадам показывала ей, как правильно с ним обращаться, я обратила внимание на женщину, которая стояла в дверях, ведущих в задние комнаты, откуда мадам Перье приносила шоколад. Незнакомка была высокого роста, в зеркалах и при свете ламп она была мне полностью видна. Годы сразу же отхлынули назад. Это о ней я думала только сегодня ночью. Передо мной была та самая «миссис Смит», знакомая моего отца.

Рядом я услышала вздох и взглянула на миссис Дивз. Румянец ее исчез. Она закрыла глаза, как будто ей вдруг стало дурно. Я машинально протянула ей руку, и она, словно не зная, кто предлагает ей помощь, или не обеспокоенная этим, схватила мое запястье и до боли стиснула.

— Нет! — услышала я ее отчаянный шепот.

Неужели Огасту Дивз так поразило появление миссис Смит? Я быстро перевела взгляд с ее искаженного лица на дверной проем. Женщина все еще стояла там и смотрела. Но к своему удивлению, я обнаружила, что глаза ее устремлены на меня, а не на мою взволнованную спутницу, и у меня появилось странное ощущение, словно она рассматривает меня не как человека, а скорее, как проблему, которую ей необхо-

димо разрешить. Затем губы ее сложились в легкую усмешку, и она отступила назад, в тень, исчезнув так неожиданно, как если бы и вправду была персонажем какого-нибудь кошмара.

Я моргнула, прежде чем заговорила.

— Миссис Дивз, вам плохо? Я могу вам помочь?

Ее лицо было почти меловой белизны, она часто дышала.

— Да, да... — даже голос ее превратился в сиплое бормотание. — Уйдем... давайте уйдем.

Мадам Перье, выражая всяческое сочувствие, поспешила проводить нас. И только когда мы снова были в экипаже, миссис Дивз, заметно напрягая силы, попыталась овладеть собой.

— Огаста, в чем дело? Вы больны? — Викторина проявила куда больше участия к приятельнице своего брата, чем выказывала раньше.

— Эта... эта женщина! Это была Мэмми Плезант... нет! — миссис Дивз выпрямилась и отчасти вернула себе обычную самоуверенность. — Не спрашивайте меня больше. Только молите бога, чтобы вам никогда не узнать этой ужасной, злобной женщины!

Я не хотела выспрашивать ее, чего нельзя сказать о Викторине. Хотя голос ее звучал мягко, и в нем по-прежнему звучала сочувственная нота, похоже было, что она получает некое наслаждение, продолжая допрос наперекор явному нежеланию миссис Дивз. Однако когда мы оставили позади место, где она так неожиданно испугалась, — а я была уверена, что причиной бегства Огасты Дивз был именно страх, — наша дама обрела свое прежнее спокойствие, и отказалась удовлетворить любопытство Викторины. К тому времени, когда мы вернулись в отель, она вновь была во всеоружии.

Однако я была уверена — она сильно переживает, что выдала себя. Стоило нам войти в номер, как она оставила нас, заторопившись к себе в комнату. Викторина же хотела непременно продолжить расследование.

— Кто такая эта Мэмми Плезант, что так расстроила Огасту? Вы кого-нибудь видели в магазине, Тамарис? Я — совсем никого.

— В дверях задней комнаты стояла какая-то женщина — вот и все.

— Всего лишь женщина? Но какая женщина может заставить трястись руки Огасты, а ее лицо так побелеть? Огаста напугана, Тамарис, по-настоящему напугана.

— Я не знаю ничего, кроме того, что мы видели женщину, — осторожно ответила я. Я не сомневалась, что это была миссис Смит: внешность у нее была такова, что тот, кто од-

нажды ее видел, не легко бы забыл. Но я не желала рассказывать Викторине то малое, что было мне известно. А причины, по которой миссис Дивз обнаружила свой страх, мое воображение не могло постигнуть.

Послышался стук в дверь, и Викторина, которая была ближе, открыла. Вернулась она с запечатанным письмом.

— Послание для Огасты. Как вы думаете, не от Мэмми ли Плезант? — Она взвесила конверт на ладони, словно таким образом могла угадать его содержимое.

— Это не наше дело. — Я мобилизовала весь свой маленький авторитет, если таковой у меня имелся. Но это действительно было не наше дело, и мне не понравилось столь явное любопытство Викторины.

— Ах, но ведь здесь тайна, а тайны так возбуждают. Как жаль, что мы не можем прочесть его. — Викторина еще раз подбросила конверт на ладони.

Она бросила на меня такой озорной взгляд, что я в тот момент почти испугалась, как бы она в самом деле не вскрыла его. Но оказалось, что даже ее любопытство не простиралось так далеко. Она подошла к двери миссис Дивз, постучала и крикнула:

— Для вас письмо, Огаста! Нужен ответ, посыльный ждет.

Последовала пауза, такая долгая, что я поначалу решила, будто миссис Дивз не собирается отвечать. Затем дверь приоткрылась, но ровно настолько, чтобы Викторина могла просунуть конверт внутрь. Спустя несколько секунд миссис Дивз широко распахнула дверь и выплыла наружу, ничем не напоминая запуганную, затравленную женщину, недавно покинувшую нас.

— Дорогой Джеймс! Я могла бы догадаться, что Джеймс Найт непременно сделает что-нибудь такое. — Она захлебывалась словами. — Тереза здесь! Джеймс, узнав о моем возвращении, немедленно разыскал ее. О, Тереза вновь будет со мной!

Отстранив Викторину, она бросилась открывать входную дверь. За ней ожидал человек в ливрее грума.

— Пожалуйста, скажите своему хозяину, что Тереза, конечно, должна прийти ко мне. Так скоро, как только возможно... Нет, дайте мне написать записку!

Оставив дверь открытой, она подсуетилась к столу у окна, схватила листок бумаги, быстро что-то нацарапала и затолкала написанное в конверт, который вложила в руку груму. Когда дверь закрылась, она потерла руки.

— В конце концов, все всегда складывается к лучшему... — Я поняла, что она думает вслух. Затем, словно вспомнив о нас, она торопливо добавила: — Здесь остановился один мой старый друг. Он случайно увидел мое имя в книге регистрации, и оказал мне огромную услугу. До моего отъезда два года назад, у меня была горничная, которой я полностью доверяла. К несчастью, я собиралась надолго за границу, и она не могла меня сопровождать, поскольку ее мать была больна, и она не хотела ее оставлять. Но мистер Найт случайно встретил ее неделю назад, и она справлялась обо мне. Ее мать умерла, и она бы очень хотела вернуться ко мне на службу. О, Тереза должна вернуться ко мне... с нею я буду чувствовать себя в безопасности!

Думаю, она сообразила, что высказалась слишком откровенно, потому что смутилась и поспешила добавить:

— Тереза — единственная, кому я могу полностью доверять. — Это прозвучало еще менее убедительно, и она переменила тему. — Мистер Найт попросил меня отобедать с ним. Поскольку он очень помог привести в порядок состояние моего покойного мужа, я обязана с ним повидаться. Поэтому я не смогу провести с вами нынешний вечер.

Она убралась обратно к себе в комнату. Едва лишь за ней закрылась дверь, Викторина хихикнула.

— Вот и хорошо! Думаю, мы обойдемся и без вас, дорогая Огаста. — Она снова подошла к своему излюбленному месту у окна. — Тамарис, туман опять наползает. В витринах магазинов зажгли свет, а ведь еще день. В этом городе всегда такие туманы?

Она была права, в чем я убедилась, присоединившись к ней. Газовые лампы витрин вступили в безнадежное сражение с уплотнявшимся туманом.

— Сегодня ночью должно быть полнолуние, — Викторина вертела позолоченную кисть на шторе. — Но разве увидишь луну в этих сырых краях?

Она не дожидалась ответа, вместо этого она схватила меня за руку, увлекая меня обратно в уютное тепло комнаты.

— Давайте все здесь распакуем, — она указала на свертки и коробки, принесенные из экипажа. — Я хочу еще раз взглянуть на свои сокровища.

Вокруг разлеталась смятая бумага, когда мы освобождали из упаковок надушенные перчатки с вышивкой, зонтик, отрезы шелка — их Викторина любовно погладила.

— У Амели талант к шитью. Она может взять это — и вон тот газ, и эти белые розы, сложить вместе и получится такое платье, что даже сердце моего угрюмого братца может дрогнуть, когда он увидит меня в нем!

— У мистера Соважа сердце вовсе не жестокое! — Только ли по обязанности у меня вырвался этот протест? — Ведь всем этим, Викторина, обеспечил вас он.

Она взглянула на меня, слегка наклонив голову: ее блестящие глаза расширились, полные губы тронула улыбка.

— Да, Ален очень щедр. — В ее ответе слышалась слабая тень насмешки. — Я должна быть искренне благодарна за его щедрость. Если я об этом забуду, тогда ваш долг, Тамарис, напомнить мне. А когда он вернется, я отблагодарю его, как подобает доброй сестре. Вы увидите!

Я подумала, что лучше не углубляться в эту тему, а то она снова попытается проверить, как далеко простирается над ней моя власть. Я с весьма чувствительным огорчением подумала, что она еще не готова признать родственных связей с моим работодателем, как он того желал. Возможно, это превышает или превысит мои силы. Для подобной задачи следовало бы выбрать компаньонку постарше и поумнее.

Ее улыбка стала шире.

— Бедная Тамарис, вас так легко огорчить. Я хорошо знаю, что Ален желает мне счастья... в пределах своего собственного понимания. У меня был хороший день. Мне понравился Сан-Франциско, несмотря на туман. Это не Париж, но и в нем есть свои достоинства. Посмотрите... сейчас я окружена некоторыми из них!

Затем явилась Амели, и принялась спорить или, точнее, разыгрывать некое театральное представление со своей хозяйкой по поводу той или иной покупки. Видя, что они обе увлеклись, я ушла к себе в комнату, но на душе у меня было неспокойно.

5

Разумеется, утром меня искушало желание тоже что-нибудь купить. Приступ благоразумия сменился угнетающим чувством неудовлетворенности. Цены здесь были высоки, и в этой поездке по магазинам я могла бы легко потратить на пустяки больше, чем получала в Эшли-Мэнф за три месяца. А этого я себе позволить не могла.

Но все это еще мало значило в сравнении с поведением самой Викторины. Я была обязана как-то повлиять на нее, или я не та наставница, в которой нуждается мистер Соваж. Если обнаружится, что это так, то мне придется откровенно сознаться в своей неудаче и как можно быстрее исчезнуть. Правда, большую часть времени, несмотря на вспышки своего темперамента, Викторина была достаточно послушна.

Хотя мое беспокойство было мало обосновано, оно все еще не отпускало меня. Я решила ждать и наблюдать, а по возвращении мистера Соважа переговорить с ним и поделиться сомнениями относительно моей пригодности к обязанностям, которые он мне поручил.

Когда я вернулась, убрав пальто и шляпу в гардероб, мой взгляд упал на бювар. Там было мое письмо-дневник к мадам Эшли. Чего бы я не отдала сейчас, чтобы войти к ней в кабинет и попросить совета. Это было... Я даже не смогла бы четко сформировать свои смутные желания, но должна была всеми силами бороться против бесплодных мечтаний. Мое письмо... Оно не удовлетворяло меня. Хотя в нем было сказано много, однако слишком мало говорилось о том, что озадачивало и огорчало меня. Я решила немедленно дописать его и отправить.

Когда я открыла бювар, я снова поняла, что мое личное имущество опять потревожили. Страницы письма были перепутаны. Адресная книжка в коричневом переплете, перламутровая ручка, тонкие листы индийской бумаги, подходящей для таких длинных писем, конверты, маленькая хрустальная чернильница с печаткой на крышке, воск, личная печать моего отца — все было на месте. И все же я была уверена, что это изучали, возможно, даже читали письмо!

Я схватила его и торопливо просмотрела страницы. Нет, я не доверила своих подозрений бумаге. Я писала только о стране и о путешествии по ней — день за днем. Здесь не было ничего, чего бы не мог прочитать хоть весь мир. Но при мысли о том, что это могло быть прочитано украдкой, меня охватила ярость — та же самая ярость, что я ощутила, когда узнала, что кто-то трогал мои семейные реликвии.

Я позвонила Хетти. В конце концов, она может сказать мне, кто входил в эту комнату сегодня утром.

Но на звонок явилась не Хетти. Эта служанка, тоже цветная, была много моложе, более самоуверенна, пожалуй, даже развязна, и смело глядела на меня. Я почувствовала, хотя и не смогла бы это доказать, что она вполне годится на роль шпионки.

— Я вам нужна, мисс?

На грани бесстыдства были не только ее манеры, но и миловидное лицо, и гибкое, хорошо сложенное тело, которое не могло скрыть даже грубое платье служанки. «Она мулатка, — решила я, — и может легко увернуться от любого неуклюжего вопроса, который я в состоянии задать».

— Где Хетти?

— Хетти ушла, — она лукаво взглянула на меня, как если бы ожидала какого-то другого вопроса, возможно, о столе. Я решила, что лучше не спрашивать ничего такого.

— Как твое имя?

— Сабмит*, мисс.

От неожиданности я едва не рассмеялась. Кроткое старинное пуританское имя для этой девушки было фантастической нелепостью.

— Прекрасно, Сабмит. Будь добра, расстегни мне платье.

В действительности я не хотела, чтобы она ко мне прикасалась, но нужно же было придумать предлог, чтобы оправдать свой вызов. Думаю, она изрядно забавлялась, пока проворно расстегивала крючки и помогала снять мою тяжелую юбку со складками.

Она была превосходна в своей роли — быстрая, чистоплотная, хорошо знающая обязанности горничной. Когда она подошла к гардеробу, чтобы повесить мое платье, то неодобрительно прищелкнула языком и покачала головой.

— Уж эта мне Хетти, никогда ведь не возьмет утюг и не подгладит, что там висит. Давайте-ка я все это поглажу, мисс. Чем дольше оставляешь висеть смятую одежду, тем тяжелее потом с ней управляться.

Я кивнула в знак согласия. И чем больше Сабмит двигалась вокруг, комментируя то одно, то другое, но теперь уже почтительным тоном, тем больше казалась истинной горничной. Мое воображение несколько улеглось.

Пока она трудилась, я закончила свое письмо, и запечатала его. Сабмит, забрав мои платья, ушла. И едва лишь она вышла, раздался стук в дверь, и вошла мисс Дивз.

Волосы ее были распущены по плечам, в руке она держала гребень. Она принялась ходить взад-вперед, игнорируя мое предложение сесть.

— Если бы Тереза была здесь! — Она держала гребень перед собой, глядя на него так, словно забыла, как им пользуются. — Она так умна. Амели, конечно очень хороша, но

---

* Submit (англ.) — покорность

ее первый долг служить Викторине, и только Тереза знает, что именно нужно мне. И еще... — Теперь она остановилась, глядя на меня, явно смущенная — Я... против собственного желания я должна заговорить о том, о чем не хотела бы упоминать. Но мой долг принуждает меня предупредить вас.

Ее самоуверенность снова слетела с нее. Она снова принялась расхаживать, ее полурасстегнутый халат распахивался, изрядно обнажая пышную фигуру. Она заговорила полузаконченными фразами, тяжело дыша, словно на бегу или подгоняемая временем.

— Эта Мэмми Плезант... Она... Она — дьявол! Что она делала... нет, я не могу вам сказать. Я могу только предупредить вас. Не вступайте с ней ни в какие отношения ради вашего же будущего и спокойствия вашего духа.

— Но почему я должна вступать, как вы выражаетесь, в какие-то отношения с этой женщиной?

Она снова остановилась прямо передо мной, изучая мое лицо, словно была не совсем уверена, стоит ли сказать. Но когда она заговорила, в ее тоне опять слышалось нечто от ее прежнего холодного превосходства.

— Именно. У нее нет причин искать подходов к вам. Но она жаждет власти. И в ее интересах будет наложить руку на любого из домочадцев Соважей. Я думаю, она попытается добраться и до Викторины. Я, конечно, предупрежу Алена. Но до его возвращения ваш долг — проследить, чтобы она не встретилась с его сестрой. Милое дитя так импульсивно, что ее может привлечь необычное...

— Эта Мэмми Плезант предсказывает судьбу? — логически предположила я. — Это ее способ добиваться власти?

— И это... и другие пути. Для вида она разыгрывает из себя служанку, причем превосходную. Но есть те, кто знает ее мужа. — Огаста Дивз сцепила руки. Я понимала, что она разрывается между необходимостью предупредить и страхом, принуждающим ее молчать.

Я знала, что она боится женщины с разноцветными глазами. Возвратясь мысленно ко встрече в магазине, я вздрогнула. Ведь миссис Смит явно смотрела на меня. Но мой отец не считал ее злодейкой, и если могла женщина, с которой он вел дела, превратиться в Мэмми Плезант, внушающую миссис Дивз столь сильный страх, то что с того?

— Конечно, я приложу все усилия, чтобы удержать Викторину от подобных встреч, — согласилась я.

Она кивнула.

— Хорошо, что вам вскоре предстоит уехать на Ранчо дель Соль, очень далеко от города. И...

— Мадам, здесь кто-то пришел повидать вас. — Вошла Амели. При звуке ее голоса миссис Дивз вздрогнула, как от удара, но вышла к гостю, и через мгновение я услышала ее голос, полный душевного привета:

— Тереза! Как хорошо снова увидеть тебя! О, Тереза, мне так тебя не хватало... — Затем — стук закрываемой двери, и за ним — молчание.

Я решила не принимать близко к сердцу ее предупреждение. Те, кто прорицает, предсказывая будущее или те, кто (как верят глупцы) могут вызывать духов, способны добиться сильного влияния на простаков, но мне было слишком трудно поверить, чтобы миссис Дивз могла пойматься на это. Она произвела на меня впечатление особы, добивающейся желаемого хладнокровными интригами, не поддающейся порывам чувств. Однако, она была явно потрясена и напугана.

Я не представляла, каким образом Викторину можно привлечь всякой там сверхъестественной чепухой; за время нашего недолгого знакомства она ни разу не обращала внимания на такие вещи. И теперь, под моей охраной, я была уверена, она не падет жертвой соблазна подобного рода.

Как бы я хотела, чтобы мистер Соваж был здесь! Он даже не упомянул, что в Сан-Франциско можно встретиться с такой разновидностью безумия, а я так нуждалась в его авторитете и знаниях, чтобы с этим бороться. Я знала, что во всех городах случаются преступления и прочие ужасы, обычно скрытые от того класса людей, в котором я сейчас вращалась. Хотя отец оберегал меня от жизненной грязи в портах побережья, он никогда не путал, как это обычно бывает, невежества с невинностью. Осторожно и деликатно, как только мог, он открывал мне некоторые аспекты жизни, в которых люди, в равной мере унижая и унижаясь, применяют подлые, низкие средства, чтобы обеспечить свое существование. В городах есть улицы, по которым женщина не осмелится даже пройти, если она еще не погрязла во зле. И порок таится не только в грязи. Его можно найти под прекрасной внешней оболочкой в самых счастливых и респектабельных домах.

Такие вещи понимают, но не обсуждают. И пока будет сохраняться эта оболочка пристойности, общество будет сохранять status quo. Возможно, в будущем, когда придет время большей открытости, искренность и правда смогут противостоять злу. Но не сейчас.

Я была в состоянии понять, что Викторина, наследующая

часть столь значительного состояния, как то, что принадлежало Соважам, будет сочтена превосходной добычей теми, кто рассчитывает нажиться неправедными средствами. Однако при порядках, существующих в кругах, к которым она принадлежит, эти темные личности не осмелятся нападать открыто.

Мои мысли снова вернулись к Амели, а еще — к темной фигуре на затянутой туманом палубе и к прошлой ночи, когда я нашла Викторину лежащей в наркотическом сне. Принять на себя исключительную ответственность я не была готова. Вот вернется мистер Соваж — он сможет решить, что следует делать. Предупреждение миссис Дивз, возможно, возымеет для него больше вёса, чем перечень необъяснимых случайностей, который могу представить я.

Они — старые друзья, возможно, даже больше, чем друзья. При такой ставке, как безопасность его сестры, она будет с ним более открыта. Кроме того, она права — чем скорее мы сменим этот скованный туманом город на сельский дом, тем лучше.

Когда я через некоторое время вошла в гостиную, там было пусто. Викторина с трофеями своего набега на магазины исчезла в своей спальне. Ее дверь была слегка приоткрыта, оттуда слышалось беспрерывное журчание диалекта, которого я не понимала. Я подошла к окну.

Туман сгущался. Вздрогнув, я плотнее запахнулась в шаль и подумала, что следует позвонить лакею, чтобы разжег огонь в камине. Вид огня бодрит так же, как и тепло. Когда я двинулась к сонетке, то увидела белую бумажную полоску на ковре возле двери, так как если бы бумажку просунули из холла.

Это был конверт и на нем стояло мое имя, выведенное уверенным почерком. Содержал он единственный листок, который я и поднесла к ближайшей лампе.

«Дочери капитана Джесса Пенфолда. Будучи многим обязанной вашему отцу, я беру в руки перо, чтобы предостеречь его дочь. То, что вы видите, может быть не тем, чем кажется. Смотрите внимательно и будьте осторожны. Если будете в будущем нуждаться в друге, как в прошлом нуждалась я — и обрела его, пошлите известие миссис Плезант, 92, Вашингтон-Стрит».

Миссис Плезант — Мэмми Плезант! Я смяла письмо в шарик, радуясь, что рядом никого нет. На одной чаше весов лежала пáмять, на другой — предупреждение миссис Дивз. Если правда, — а я была в этом убеждена, — что миссис Смит и

миссис Плезант одно и то же лицо, то я склоняюсь в ее пользу. Как сильно я нуждаюсь в руководстве! Если бы я сейчас могла с кем-то посоветоваться... Не с миссис Дивз — я шарахалась от мысли обсуждать это с ней.

Позволить ей узнать, что в прошлом я встречалась с женщиной, которую она назвала «дьяволом» значило дать ей в руки оружие против меня. Я должна знать больше... но к кому я могу обратиться? Мой пол, возраст, положение здесь таковы, что невиннейшая фигура речи может вызвать призрак скандала. А досужие языки облекут призрак плотью. Я не ус лужу ни мистеру Соважу, ни себе, возбуждая сплетни.

Стук в дверь заставил мое сердце забиться быстрее. Я почти верила, что это сама загадочная Мэмми Плезант. Однако когда я открыла, передо мной был один из лакеев, держащий поднос, на котором лежала визитная карточка с запиской. А на ней я с явным облегчением прочла фамилию «Кантрелл».

Хотя сама я ничего не знала об этом молодом человеке, мистер Соваж ценил его достаточно высоко, чтобы выбрать нашим спутником на время своего отсутствия. И у меня была достаточно веская причина увидеться с ним сейчас, чтобы попросить его обменять мой небольшой запас банкнот на деньги, имеющие хождение здесь.

— Просите мистера Кантрелла войти.

Поскольку записка была адресована в равной степени Викторине и мне, я сочла, что могу позволить себе свободу такого приглашения.

Следовало бы позвать Викторину, но мне нужно было несколько минут побыть с гостем наедине. Осмелюсь ли я задать ему некоторые вопросы, смущающие мой мозг, после того, как попрошу помочь мне с наличными? Сначала следовало выяснить, достаточно ли он благоразумен.

Достав кошелек, я позвала Викторину. Амели ответила, что ее хозяйка одевается, но она передаст ей записку.

Ждать пришлось недолго. Интерес мистера Кантрелла к Викторине был заметен с их первой встречи; возможно, он решил, что приглашение исходит от нее. Если даже и так, он был джентльменом в достаточной мере, чтобы не выказать удивления, увидев меня одну. Я сразу приступила к делу, процитировав предупреждение миссис Дивз, что ни один здешний торговец не принимает банкноты. Он согласился с этим и предложил свой собственный кошелек, чтобы поменять те деньги, что были у него с собой, а остальное обещал принести из банка. Но мои с трудом сберегаемые накопления бы-

ли столь малы, что он мог бы перекрыть их, выложив на стол маленькие золотые и тяжелые серебряные монеты. Поблагодарив его, я решила добиться, наконец, хоть какого-то ответа на терзавшие меня вопросы.

— Мистер Кантрелл, есть один вопрос, задать который я имею важные причины. В сущности, я хотела бы спросить об этом мистера Соважа, ибо это может иметь для него большое значение.

Я собрала все свое мужество, в то время как он взирал на меня с той степенью удивления, на какую был способен. И тут я нырнула с головой.

— Не могли бы вы предоставить мне какую-либо информацию о женщине, именуемой миссис или Мэмми Плезант?

Удивление его переросло в потрясение. Лицо приняло странное отсутствующее выражение, что могло быть вызвано как отвращением, так и страхом.

— Смею ли я спросить, где вы слышали об этой особе, мисс Пенфолд?

— Я имею основания полагать, что мы видели ее сегодня, и что она интересовалась нами.

Ненавязчиво намекнув, что здесь может быть замешана Викторина, я подобрала верный ключ. Он кивнул.

— Да, это возможно. Отлично, мисс Пенфолд, но запомните, то, что я скажу — в основном, слухи. Этот город — настоящий кладезь странных историй, и по улицам его ходят люди с весьма необычным прошлым. Миссис Плезант — весьма респектабельная домоправительница мистера Милтона Лентина. Вдобавок она владеет и управляет меблированными комнатами, которые сдает некоторым высокопоставленным джентльменам. Она питает огромный интерес и выказывает большую симпатию представителям негритянской расы. До отмены рабства она была известна тем, что использовала некоторые положения калифорнийских законов, чтобы освободить рабов, завезенных на юг против их воли. Она делала значительные вклады в дело Федерации на протяжении войны, а затем обеспечивала работой освобожденных рабов в различных заведениях — в прачечной, на извозном, при сауне и так далее. Она организовала неофициальное агентство по найму, поставляющее вышколенную прислугу не только для отелей, но и для частных домов.

— Все это звучит, как если бы она была во всех отношениях уважаемой особой. Однако ваше поведение наводит на мысль, что это не вся правда, — заметила я.

— Дальнейшее — только слухи. Полагают, что она вы-

знает тайны, порочащие тех людей, которых она хочет держать под контролем. Так она может оказывать давление, в конечном счете добиваясь собственных целей. Но, повторяю, я лишь передаю слухи. Правда... это только то, что можно доказать. Однако, я не пожелал бы какой-нибудь леди моего круга знакомства с миссис Плезант.

— Благодарю вас. Ваша откровенность может оказаться очень полезной.

— Есть еще одно... — Сейчас он, казалось, был смущен, словно собирался повторить такое, что я могла счесть нелепицей. — Про нее также говорят, будто она — «королева вуду». Это, насколько мне известно, высшая жрица в некоем языческом культе...

Вуду! Тогда это действительно связано с гаданием. Разве Мари Лаво, Королева Вуду Нью-Орлеана, не прославилась предсказаниями в той же мере, что и проклятиями? Она была, как я слышала, женщиной большого ума, которая, призвав себе на службу невежество и суеверия, извлекала немалую выгоду из своей власти над потусторонними силами.

— Но все это, конечно, чепуха, — быстро добавил он. — И...

Что еще собирался он сказать, я так и не узнала. Вошла Викторина с листком бумаги в руках.

— Тамарис!.. — сразу начала она, затем, заметив мистера Кантрелла, она приветствовала его улыбкой и адресовалась к нему с одной из тех вспышек детской веселости, из-за которых порой выглядела моложе своих лет.

— Месье, то что вы отважились прийти в такой промозглый вечер, просто ради того, чтобы принести нам добрые вести — подвиг истинной доброты. Ведь на улице уже почти ночь.

Она изящно, но чуть преувеличенно вздрогнула. Мистер Кантрелл был уже совершенно растерян.

— Амели сварит нам шоколад, какого, я уверена, вы не найдете в этой туманной стране. Вы просто должны выпить с нами чашечку. Это ничтожно малая награда за столь добрые вести! Только подумайте, Тамарис, завтра мы будем избавлены от сырости и мрака! Мы едем в загородный дом моего брата. Мистер Кантрелл сопровождает нас, что с его стороны большое одолжение. Ну, может ли что-либо быть приятнее?

Викторина была весела и совершенно очаровательна, какой могла быть, когда хотела. Она проводила нашего гостя к креслу, приказала Амели поторапливаться. Однако, — я все больше и больше убеждалась, как мало ее знаю, — у меня

сложилось впечатление, что все признаки удовольствия были показными, и она вовсе не так счастлива, как хочет нас уверить.

Я не заметила, чтобы мистер Кантрелл нашел шоколад столь удачным, как обещала Викторина. Но поскольку именно она наливала ему чашку, он мужественно тянул приторное питье, пока к нам не присоединилась миссис Дивз.

Она являла собой великолепную картину в бархатном платье глубокого гранатового оттенка с изобилием бахромы и бисерных вышивок. При всей моей неприязни я не могла отрицать, что она в равной мере красива и эффектна. За ней, неся ее бархатный плащ, подбитый мехом, следовала высокая худая женщина несколько сурового вида.

Викторина округлила глаза от восторга... пожалуй, издевательского.

— Tres chic, chere* Огаста. Но до того, как вы покинете нас, вы должны услышать хорошие новости. Мой брат наконец прислал письмо. Он хочет, чтобы мы завтра уехали на Ранчо дель Соль. Мистер Кантрелл будет сопровождать нас.

Миссис Дивз явно не сочла новость приятной.

— Но мне нужно задержаться в городе хотя бы на день... это связано с деловыми вопросами, — запротестовала она.

— Мы понимаем, Огаста, но так хочет Ален. Он много раз повторял, что вы не должны тратить все свое время на меня и мои дела, когда мы сюда приедем. Он не ждет от вас такой жертвы.

Викторина скромно опустила ресницы, но было совершенно ясно, что она наблюдает за миссис Дивз. Я уже усвоила, что она наслаждается этим тайным поединком.

— Мы будем в полной безопасности с мистером Кантреллом.

Миссис Дивз бросила суровый взгляд на молодого человека, поднявшегося при ее появлении и теперь стоявшего с чашкой шоколада в руках.

— Не понимаю, почему Ален не сообщил нам прямо... — начала старшая из женщин, но Викторина прервала ее:

— Ах, но он так и сделал, Огаста. Он послал телеграмму, а мистер Кантрелл доставил ее. Она адресована мне и Тамарис, значит, нас двоих она и касается. Вас он не упомянул, потому что знал, что у вас есть свои дела, которыми вам нужно заняться.

---

* Как шикарно, милая (фр.)

При всей моей нелюбви к миссис Дивз, я не могла не восхититься, как быстро она приспособилась к ситуации. Возможно, она еще не осознала враждебности, крывшейся за вежливостью Викторины. Но она справилась с собой так быстро, что я подумала: на такое способен только тот, кому не привыкать к превратностям фортуны.

Однако она оставила за собой последнее слово, потребовав, чтобы мистер Кантрелл сопровождал ее хотя бы до дамской гостиной внизу, и у него не было предлога отказаться. Тереза накинула плащ ей на плечи, подала ей веер и вечернюю шаль. Затем, не обращая на нас внимания, горничная прошествовала обратно в комнату своей хозяйки и захлопнула дверь в тот момент, когда входная дверь грохнула за миссис Дивз и мистером Кантреллом.

Викторина разразилась каскадом смеха.

— Как она разозлилась, наша Огаста! Вы заметили, она изо всех сил старалась это скрыть? Она хотела поехать с нами, как будто она уже напялила кольцо Алена на один из своих толстых пальцев. Но она его никогда не наденет... никогда!

Она снова засмеялась, но на сей раз по-иному: не беззаботным смехом юной девушки, низвергающей авторитеты, скорее уж в этом смехе слышалась злоба. Затем она резко сменила тему.

— А что вы думаете, Тамарис, об этом чопорном мистере Кантрелле? Никогда не поверю, чтобы он хотя бы пробовал шоколад прежде. Но он был слишком вежлив, чтобы морщиться. Я считаю, он очень похож на большого медведя, ходящего на задних лапах. Когда мой брат говорит: «Ап! Сделай это, сделай то!» — он подчиняется. — Голос ее вдруг упал. Потом она вернулась к своему детскому тону. — Тамарис, не делайте такого лица. — Она так изобразила оскорбленную чопорность, что я против воли улыбнулась. — Вы думаете, что я говорю невозможные вещи, которые для jeune fille, для одной из ваших «законченных» юных леди, просто недопустимы. Но я — это я, Викторина. Я не могу быть обструганной и отшлифованной, не могу позволить двигать себя туда-сюда, не могу быть образцовой юной леди. Я могу быть только собой. — Такой серьезной интонации я прежде у нее не слышала. — Я д о л ж н а быть собой!

Она поставила чашку с такой силой, что фарфор резко клацнул о серебряный поднос. Затем она подошла к окну.

— Полнолуние... сегодня должно быть полнолуние. Но я

ничего не могу увидеть сквозь этот удушающий туман! Думаю, я никогда не полюблю этот город.

Ее напряженный тон меня озадачил.

— Завтра вы его покинете, — напомнила я.

Викторина являла собой загадку, усложнявшуюся с каждым часом нашего знакомства. Временами она напоминала мне девочек, которых я учила, хотя она была свободна от глупости, свойственной большинству из них. Но порой она превращалась в совершенно другую личность, которая ставила меня в затруднительное положение.

Однако, ее радовала мысль, что здешнее общество мобильно и не воздвигает слишком высокие барьеры. Здешним критерием были те, кто прибыл сюда в сороковые-пятидесятые годы — «отцы-основатели»... если они преуспели. Недостаток женщин в этот период послужил причиной некоторых странных мезальянсов, которые были бы невозможны на Востоке. Здесь были женщины, носившие слишком много бриллиантов, ездившие в слишком роскошных экипажах, и у которых были низменные — чтобы не выразиться сильнее — периоды в жизни.

Богатство, которое они выставляли напоказ, зачастую оказывалось эфемерным. Шахта — источник богатства — могла иссякнуть, да и другие случайности съедали имущество иного миллионера за месяцы или недели. Итак, здесь было общество, где наличие — и сохранение — денег служило эталоном.

Викторина пришла из другого круга, из общества (даже если бы оно могло считаться не вполне респектабельным по американским стандартам), бывшего столь же старым, сколь и упадочным. Она была иной, но здесь это не имело особого значения, и она могла уверенно идти вперед, но могла по незнанию новой обстановки и попасть в беду. Моей обязанностью было следить, чтобы ничего такого не случилось, хотя я чувствовала, что мне самой не помешало бы выправить направление по компасу.

— Прикажите подавать обед, Тамарис, — она отошла от окна. — Этот туман... он прямо давит на стекла. Амели! — На ее зов явилась горничная. — Зажги, пожалуйста, лампы, все лампы. Я не люблю туман.

Я проследила, чтобы нам не подавали шампанского. То, что это вино Викторина считала неотъемлемой частью каждой трапезы, значения не имело. Она улыбнулась, когда мы сели за стол.

— Без шампанского? Но, Тамарис, в Сан-Франциско все его пьют. Однако... — она слегка коснулась моей руки кон-

чиками пальцев, — сегодня вечером я буду хорошей. А вы, Тамарис, в своей школе всегда были такой строгой и суровой? Расскажите мне о школе, и как вы раньше жили на корабле.

Викторина делала такие забавные комментарии и выказывала такое дружелюбие, что я поняла: вдалеке от миссис Дивз мы, скорее всего, подружимся. И я загнала все свои тревоги на дно сознания, надеясь, что они вызваны моей мнительностью.

Моя собеседница рано ушла спать, и я вернулась в собственную комнату, взяв с собой несколько журналов, поскольку спать мне не хотелось. «Викторина права, — подумала я, глянув в окно. — Туман давит на стекла, словно какое-то чудовище, рвущееся внутрь». Это кошмарное сравнение заставило меня вздрогнуть, и я опустила портьеру.

6

Этот плотный туман, похоже, глушил звуки. В моей спальне тишину нарушало только тиканье часов. И тишина эта — тяжелая, давящая, удушающая разгоняла мои мысли по темным углам.

Я мечтала о сне, который не приходил, читая слова, которых не понимала. Постепенно я осознала, что прислушиваюсь, хотя и не знала к чему. Наконец, я отложила журналы и встала, несколько озадаченная. Я слышала о втором зрении, и в эту ночь я чувствовала, будто стою на обрыве над темным глубоким омутом, куда некая невидимая, необъяснимая и грозная сила стремится меня столкнуть.

Пока я приводила нервы в порядок и обуздывала свое воображение, раздался звук — глуше, чем ровное тиканье часов, — в гостиной осторожно прикрыли дверь.

Моя собственная дверь оставалась слегка приоткрытой, иначе я бы этого не услышала. Теперь я еще приоткрыла ее, так, чтобы можно было разглядеть небольшую часть гостиной. У двери в холл, держась за ручку, стояла фигура в длинном плаще-дождевике. Это не могла быть Тереза — та много выше; а миссис Дивз, я была уверена, еще не вернулась.

Плащ слегка распахнулся и в глаза мне бросился ярко-желтый цвет. Это был цвет одного из платьев Викторины, которое миссис Дивз осудила, как слишком вызывающее. Викторина надела его и тайно готовилась уйти!

Едва я двинулась, чтобы задержать ее, как она высколь-

знула в дверь холла походкой, какую нельзя было определить иначе, чем крадущуюся. Одетая только в халат поверх ночной рубашки, я не стала преследовать ее в общем коридоре, да и могла ли я быть уверена, что это действительно Викторина?

Я заглянула в ее спальню. Ночник горел, и с сердца у меня спал камень, когда я увидела, что постель занята. Правда, спящая девушка лежала, отвернувшись от меня. Но невозможно было ошибиться, глядя на темные волосы, выбившиеся из-под кружевного ночного чепчика. Тогда кто же это был?..

Амели! Амели в одном из платьев своей хозяйки, вероятно, отправилась на некое свидание сомнительного свойства. Наконец я смогу получить необходимое доказательство, чтобы устранить ее дурное влияние из жизни Викторины.

Я решила подождать возвращения служанки, чтобы уличить ее. Я слышала, как вернулась миссис Дивз, но не пыталась поговорить с ней. Если я не смогу самостоятельно влиять на Викторину, значит, я не оправдала оказанное мне доверие, и мистеру Соважу придется подыскать кого-нибудь поопытнее.

По мере того, как тянулась ночь, мои мысли становились все мрачнее. Под тихий бой часов я обнаружила прореху в своем плане. Амели могла сюда и не вернуться. Она жила не с нами, а в комнатах, что были предназначены для горничных и слуг постояльцев. Она могла зайти сюда только за платьем, полагая незаметно подсунуть его обратно утром, когда будет проветривать наши вещи... и тогда у меня не будет никаких доказательств.

Я мерила шагами промозглую комнату, борясь со сном. Когда стрелки часов показали час тридцать, я поняла, что проиграла. Взамен я пообещала себе проследить завтра за возвращением платья. Вернувшись в постель, я попыталась снова все обдумать, но туман сна, такой же плотный, как пелена за окном, поглотил меня.

Разбудил меня резкий стук. Это заставило меня мгновенно осознать, где я, и что между портьерами пробивается яркий дневной свет. Спотыкаясь, я устремилась к двери.

— Тамарис? Вы заболели? — Викторина смотрела на меня, казалось с неподдельным участием. — Уже так поздно. Мы боялись, как бы с вами не случилось чего дурного...

Поздно? Я окончательно проснулась. Конечно, мы же собирались этим утром ехать за город! Но прежде мне никогда не случалось просыпать. И если Викторина уже настолько го-

това, что ее платья уложены, ее багаж уже упакован, я пропустила шанс увидеть желтое платье.

— Мистер Кантрелл будет здесь меньше, чем через час. — Миссис Дивз, выглядевшая такой же заспанной, как и я, воздвиглась рядом с Викториной. — Вы, мисс Пенфолд, разумеется, понимаете, что не мешало бы поторопиться?

— Фи... что значит время? — перебила ее Викторина. — Не торопитесь, Тамарис. Пока вы одеваетесь, я велю подать ваши любимые булочки и кофе. И не беспокойтесь о багаже — Амели со всем управится и присмотрит. Мы все равно не сможем разместить в карете наши сундуки, их повезут следом. Но мистер Кантрелл обещает, что они от нас не отстанут.

Она закрыла дверь прежде, чем я успела отвергнуть помощь Амели. И я вынуждена была признать, что если буду укладываться сама, то изрядно задержу наш отъезд. И почему я не собралась ночью, пока несла свою бесполезную вахту? Или я утратила свой здравый смысл, которым всегда гордилась? А гордыня, как известно, смертный грех.

Амели принесла поднос с завтраком и тут же принялась хлопотать, быстро и умело укладывая мои сундучок и сумку. Она предлагала причесать меня или помочь одеться, но я отказалась. Когда я, покончив с булочками, застегнула последний крючок на платье, она уже так продвинулась, как я и помыслить не могла, прервавшись лишь однажды: она посоветовала мне выбрать из двух моих жакетов тот, что потеплее, поскольку день промозглый.

На сей раз нас дожидалась не пролетка, а скорее, пятиоконное ландо, более приспособленное для дальнего путешествия. Викторина выбрала место справа на заднем сиденье, я села слева, а мистер Кантрелл — напротив нас, спиной к вознице. Нигде не было и следа тумана. Экипаж двинулся по переполненным улицам, при необходимости пропуская конки и подводы. Позади тащился более громоздкий и менее элегантный экипаж, он вез наш багаж под охраной Амели.

Утро было приятное, хотя и холодное. Поэтому мы были рады белому пушистому пледу на коленях, и бархатным подушкам на полу под нашими башмаками. Мистер Кантрелл называл нам местные достопримечательности, мимо которых мы проезжали. Сначала Викторина прислушивалась к нему, затем ее веки начали слипаться, будто ночью она отдыхала не больше моего. Но я сохраняла достаточно бдительности, чтобы оказывать ему внимание.

Иногда мы останавливались на почтовых станциях, чтобы

сменить лошадей. Каждая подстава, объяснил мистер Кантрелл, была из собственных конюшен мистера Соважа и охранялась грумом, который получал за эту службу специальную плату. Поэтому мы ехали ровно и быстро, насколько позволяла дорога. И хотя Сан-Франциско пытался вчера задушить нас туманом, я обнаружила, что местность вокруг Ранчо дель Соль, напротив, пылала под солнцем.

Хотя имя скромного ранчо, издавна стоявшего здесь, и было сохранено, нынешняя постройка была совсем иной. Я видела некоторые древние и прекрасные замки Европы, видела поместья, выросшие в прошлом веке вдоль реки Гудзон, а также впечатляющие особняки, которые сейчас строят в Нью-Йорке. Но эта разухабистая смесь разных стилей — сплошь показуха и роскошь — была такова, что у меня просто нет слов описать ее.

В первое утро под этим кровом, когда мы брели через множество комнат, домоправительница миссис Лэндрон выказывала явную гордость тем, что она нам показывала. Я уже знала, что «ранчо» было построено не мистером Соважем. Точнее, оно было плодом высокопарной фантазии некоего Харвери Пикеринга, богатого старателя, который явно приказал архитектору воплотить в жизнь бредовые детали какого-то кошмарного сна.

Когда лихорадка унесла мистера Пикеринга из его сорока комнат, воспоследовало печальное открытие. К ярости наследников все его имущество оказалось заключенным в доме и земельном участке, на них он истратил все свое состояние. Поскольку компания, где мистер Соваж держал контрольный пакет, имела закладные на это имущество, оно легко перешло в руки нового владельца.

Мы ходили за нашим гидом, громко расхваливали все окружающее, в надлежащее время издавали возгласы удивления и восхищения. Но удушающая роскошь, громоздящаяся на роскошь, вскоре порождала неодолимое желание удрать подальше от этих мраморных или полированных полов, целых миль бархатных драпировок и стен, обитых шелком или расписанных фресками.

Здесь была Помпейская комната и Китайская комната, где (за исключением нескольких сокровищ китайского искусства, расставленных слишком близко друг к другу, чтобы можно было оценить их чистую красоту) была чересчур сильна идея «китайщины». На такое способен только тот, кто никогда не бывал в этой благословенной стране.

Бело-золотая гостиная, украшенная не одной, а сразу дву-

мя люстрами из горного хрусталя, была уставлена шкафами розового дерева, выложенными розовым же бархатом и набитыми такой мешаниной драгоценных безделушек, что понадобились бы недели, чтобы только рассмотреть их все.

Стены другой комнаты были расписаны фресками, изображавшими террасы и руины. Это была гостиная, предназначенная для завтрака и выходившая на застекленную веранду, где, как поведала нам миссис Лэндрон с надлежащим благоговением, паровое отопление поддерживало постоянную субтропическую жару. Она предложила нам прогуляться по оранжерее диковинных растений и питомнику птиц, столь же прекрасных, как цветы, если бы они вдруг оторвались от стеблей и обрели крылья.

Здесь было много диковин, слишком много. Я была повергнута в шок. Даже Викторина почти перестала осматриваться. Наконец, когда нам продемонстрировали слишком, скажем так, мужскую библиотеку, она сказала:

— Это, конечно, великолепно, мадам. У нас просто нет слов. И мой брат должен быть доволен, что здесь все так хорошо обиходится.

Миссис Лендрон излучала гордость.

— Мистер Соваж всегда бывает доволен.

— А как же иначе? — улыбнулась Викторина. — Но здесь так много всего!

— Ранчо дель Соль — прекрасная резиденция для джентльмена, — самодовольно отвечала миссис Лендрон.

Я подумала, что она, наверное, смотрит на всю эту роскошь несколько собственнически ибо, будучи ее главным стражем, стала как бы отчасти и владелицей.

Однако для меня это было беспорядочно построенное имение, скорее, серия безвкусных выставок, чем дом. Здесь было так много раритетов, что их количество разрушало красоту, которой они могли бы радовать глаз, если б их было поменьше и они были лучше размещены.

Когда мы стояли в главном зале примерно в два этажа высотой, увенчанном куполом из золотистого стекла, долженствующим создавать эффект солнечного света, Викторина потыкала пальцем в плащ мраморной богини или нимфы, высоко вздымающей канделябр, освещающий нижние ступени огромной лестницы.

— Я так ужасно устала, — произнесла она тоном, который обычно предшествовал у нее периодам вялости. Я еще не знала точно, были ли они следствием настоящего физического утомления или просто проявлением скуки. — Я думаю, что...

Ее прервало появление лакея с подносом, на котором лежало две карточки. Посетители...

Викторина подняла верхнюю карточку.

— Миссис Артур Билл, — прочла она, — затем глянула на вторую. — Мистер Генри Билл. Кто эти люди?

Тон у нее был раздраженным, и я бросила ей предостерегающий взгляд. Если бы она прислушивалась к болтовне миссис Дивз, она бы помнила, что Биллы — наши ближайшие соседи (если можно так выразиться, когда два поместья разделяют мили). Нам следовало быть вежливыми, пусть даже этот визит был сейчас не совсем уместен.

— Они — наши соседи. Помните, что говорила миссис Дивз?

Перед миссис Лэндрон я не могла открыться относительно своих обязанностей, и согласилась с ее ролью здешней хозяйки. Я еще не видела Викторину в кругу равных ей и надеялась, что ни капризы, ни некоторая небрежность не помешают ей войти в местное общество.

— Конечно-конечно. Будьте любезны, проводите их в белую комнату с фресками. Как мило и предупредительно с их стороны приехать поприветствовать нас. Идемте, Тамарис, не будем заставлять ждать наших первых гостей.

Я вздохнула с облегчением. Утренние визиты не бывают долгими. И, возможно, она тоже сознает необходимость с самого начала произвести хорошее впечатление. Мы вошли в белую комнату с фресками через несколько секунд после того, как туда проводили гостей. Миссис Билл шагала впереди, сопровождаемая самой миссис Лэндрон, и обменивалась с нею мнениями о погоде.

Она была женщиной средних лет, но из тех, кто знает, как использовать каждое ухищрение, чтобы сохранить в неприкосновенности красоту, кстати, и впрямь поразительную.

Ее искусно уложенные волосы были светло-каштанового цвета, считавшегося в нынешнем сезоне самым красивым, хотя кожу отличал матовый тон, обычно присущий темноволосым. В левом углу ее рта располагалась простая красивая мушка, привлекавшая внимание к сочным, призывно сложенным губам.

Она была одной из тех редких женщин, что, отнюдь не теряя своего достоинства и манер, постоянно окружены аурой физического очарования, которого нашему полу не полагается замечать или даже признавать, будто оно существует. Я знала всего нескольких женщин, обладающих таким внешним шар-

мом, но в миссис Билл он был заметнее и, по-моему, даже слегка отталкивал.

— Мисс Соваж? — Она переводила взгляд с одной из нас на другую, пытаясь определить хозяйку дома.

Викторина не ответила. Один взгляд в ее сторону вывел меня из равновесия. Она была очень бледна — неужели она и вправду устала? Она стояла у кресла, ухватившись за его спинку, словно нуждалась в опоре. Я видела, что ее пальцы так вцепились в резное дерево, что суставы побелели. Я шагнула к ней, опасаясь, что она упадет, но тут она заговорила.

— Ну, конечно, вы ведь не знаете. — Она засмеялась, но мне было ясно, что смех этот вымучен. — Я — Викторина Соваж, а это — моя подруга мисс Тамарис Пенфолд. — Она полыхнула улыбкой в мою сторону, но такой беглой, будто вовсе меня не видела.

— Мисс Соваж, мисс Пенфолд, — миссис Билл подтвердила, что поняла. — Могу ли я представить вам своего пасынка Генри?

Она нажала на слово «пасынок» имея на то веские причины: женщине, которая хочет сохранить претензии на юность, не следует признавать этого здоровенного молодого человека родным сыном.

А он был здоровенный, с широкими плечами и толстой шеей, с красным пухлым лицом и такими светлыми волосами, что его брови и ресницы казались почти белыми. Он явно не относился к типу людей, наносящих утренние визиты и сопровождающих дам в разукрашенные гостиные. Я легче могла представить его где-нибудь в поле, на сенокосе, с закатанными рукавами рубахи, обнажающими крупные мускулистые руки.

Этот отпрыск семейства Биллов был медвежеват и неуклюж. Как он отличался от мистера Соважа! Дорожный костюм не слишком изменял моего работодателя, напротив, и в одежде жителя Запада он обладал той же властностью и достоинством. В Генри Билле ничего такого не было.

Он произнес все надлежащие словеса, держась корректно, даже, пожалуй, чопорно. Удостоив меня лишь одного беглого взгляда, он уже не отрывал глаз от Викторины. И в том, как он смотрел на нее, было нечто не слишком приятное. Однако, судя по реакции мистера Кантрелла и юного Билла, Викторина обещала стать звездой открывающегося сезона.

Биллы не задержались, пробыв ровно столько, сколько требовали правила приличия, пожелав нам приятного пребывания в здешних краях со всеми подобающими изъявлениями

вежливости, обещая дальнейшие встречи, когда мы устроимся. Но я заметила, что все эти неопределенные приглашения исходили не от миссис Билл; неоднократно намекал на будущие свидания только ее пасынок.

После их ухода Викторина поднесла руку ко лбу.

— Боюсь, Тамарис, у меня начинается одна из моих мигреней. — Отбросив пышную челку, она прижала пальцы к вискам. Вид у нее был больной. — Боль все сильнее. Я должна лечь, и Амели сделает мне отвар. Нет, — она отмахнулась от меня, — здесь вы ничего не сможете сделать. Со мной всегда так. Боль приходит и уходит. Я знаю, что нужно сделать, чтобы помочь.

Тем не менее я проводила ее в спальню и вызвала звонком Амели. Горничная, явившись так быстро, будто ожидала этого вызова, склонилась над своей хозяйкой, успокаивая ее на диалекте. После заверения Викторины, что теперь с ней все будет хорóшо, я вернулась к себе.

Комната Викторины была сплошь розовый атлас и хрустальные канделябры — настоящий будуар сказочной принцессы. Но в собственных апартаментах — спальня, небольшой кабинет, ванная — я чувствовала себя неуютно. Я предпочла бы что нибудь попроще и посвободнее, вроде моей комнаты в Эшли-Мэнф. Стены были затянуты белым шелком, а поверху — пущен рисованный бордюр из лиловой глицинии. Перед белым камином лежал меховой ковер, вся мебель была позолочена и обита розовато-лиловым бархатом. Для меня это выглядело сплошной показухой. Никакого домашнего уюта.

Я нашла здесь только одну вещь, которая меня порадовала, возможно, потому, что она была не новой и богата только красотой, приходящей с годами. Можно было лишь гадать, как она умудрилась здесь оказаться.

Это был рабочий столик с крышкой из папье-маше, в том стиле, что был в моде во времена детства моей матери, украшенный восточным орнаментом, где золотом и перламутром были изображены длиннохвостые птицы и экзотические цветы. Едва успев приехать сюда, я несколько раз приподнимала его крышку, с удовольствием изучая множество отделений, снабженных оригинальными приспособлениями, перебирала маленькие резные катушки для шелковых ниток, коробочки для иголок и другие, вероятно, предназначенные для хранения бисера и булавок.

Теперь, пресытившись позолотой и бархатом, я подошла к столику и снова подняла крышку. Но... внутри было что-то новое, и оно лежало почти под моей рукой. Я хорошо знала,

что воск иногда используют, чтобы очень тонкая нить не спутывалась, но мне никогда не приходилось видеть такой швейной принадлежности.

Медленно и неохотно я достала этот маленький предмет из его отделения. Размером он был едва ли больше моего мизинца, и, конечно, не из чистого воска, какой применяют в рукоделии. Это могла быть миниатюрная свеча с бахромой фитиля на конце. Ей очень грубо были приданы формы человеческой фигуры. Кукла кончалась катышком головы, руки-ноги изображались линиями, сама же она была тускло грязно желтого цвета. И я была совершенно уверена, что не видела ее раньше. На ощупь она была жирная, маслянистая, и я торопливо захлопнула над ней крышку. Моя невинная радость от столика была испорчена. Каждый раз, когда я буду смотреть на него, я невольно вспомню мерзкую маленькую куклу. Я поспешила тщательно вымыть руки.

Двумя днями позже дом, который до того был холодным музеем всего, что можно купить за деньги, вдруг ожил. И я почасту заглядывала в зеркало над моим туалетным столиком, слишком роскошным, чтобы изо дня в день им пользоваться. Все потому, что вернулся хозяин. А в личности Алена Соважа все отрицало чопорную формальность, смягчало показушную пышность, распространяло вокруг его напористую уверенность в себе.

Мои ранние годы — я родилась на корабле, в гавани Сандвичевых Островов — прошли в мужском мире. Поскольку моя мать умерла через два дня после того, как дала мне жизнь, отец, наняв няню Лаллу, оставил меня при себе, к ужасу всех американок на Островах. И после той части жизни, которую я считала лучшей, попав в рафинированно женский мир школы для молодых леди, я начала понимать, насколько свободны мужчины. Мой ускоренный отъезд из Брюсселя — надвигающаяся война угрожала морским путям — был так неожидан и резок, что, возможно, сломал что-то во мне, и в таком шоковом состоянии я стала достаточно послушной, чтобы принять иные стандарты, весьма ограничивающие женщин в обществе, по чьим законам я теперь жила. Молодые дамы должны были держаться в стороне от живого мира, дабы не погубить драгоценного цветка (невежества, конечно, а не невинности).

Я погребла глубоко на дне души свое истинное «я», учась приспосабливаться, ибо это было необходимо в моем нынеш-

нем положении. И я мыслила достаточно трезво, чтобы понять, что смерть моего отца и гибель его корабля сделали это положение весьма ненадежным. Если бы мадам Эшли не взяла меня наставницей, я бы и вовсе пропала.

Теперь мистер Соваж вновь приоткрыл для меня окошко в настоящий мир действия. Он был единственным мужчиной с необыкновенно сильным характером, вошедшим в мой личный узкий мирок, со времени гибели моего отца. Я твердила себе, что смятение чувств, испытываемое мною, когда он входит в комнату или заговаривает со мной, не имеет под собой никакой реальной основы. И, однако, в его присутствии весь мир для меня менялся. Я жестоко пристуняла свои чувства, так же, как раньше скрывала скорбь или утрату, и взывала к здравому смыслу, который должен был дать мне спокойствие, необходимое в моем положении.

И эта борьба убеждала меня, что, возможно, наилучшим решением было бы бежать, оставить это поместье, где все было слишком расточительным, слишком чрезмерным, как превышающие всякую меру массы цветов, приносимых каждое утро, тяжелый бархат и позолота, мрамор и прочая мишура.

Еще одной причиной для беспокойства была горничная Фентон, хлопотавшая сейчас в комнате позади меня. Я больше не была свободна даже в собственной комнате. Неожиданно этим утром я возжаждала свободы, хоть бы самую малость. Викторина имела привычку вставать поздно. Я поднялась не по-светски рано, так что, наконец, у меня был час в моем собственном распоряжении.

Я воткнула в прическу последнюю шпильку. Фентон предложила щипцы для завивки, но уложенные на лбу мелкие кудельки и запах паленых волос были не по мне.

Складки моего полонеза* поддерживала жесткая нижняя юбка, но само платье не было таким неудобным, как нынешняя модная одежда. Я накинула шаль и решилась на раннюю прогулку по саду.

Я уже достаточно хорошо изучила топографию этого огромного лабиринта, чтобы найти боковую дверь и погрузиться в свежесть утра, где изящные кружева свежесплетенной паутины еще были натянуты между розовых кустов. Ранчо дель Соль? Это название заставило меня улыбнуться. Такое название для такого особняка звучало насмешкой. Несомненно, его строитель не имел чувства юмора — он сохранил старое имя

---

* polonias (фр.) — платье в польском стиле

скромного дома, снесенного им, чтобы воплотить свое представление о дворце. Хотела бы я увидеть то ранчо. Калифорния должна была иметь какую-то историю до прихода золотоискателей. Сохранились ли где-нибудь ее следы?

— Вы находите этот вид забавным, Тамарис?

От испуга у меня пресеклось дыхание. Я обернулась. Мистер Соваж стоял совсем рядом. Я удивилась, как он сумел подойти так тихо. Голова его была непокрыта и в свете раннего утра его жесткие черные волосы, казалось, отливали синевой. На шее у него вновь был небрежно завязанный платок, а на ногах — не сапоги для верховой езды, как я ожидала, а мягкая обувь, похожая на ту, что я видела у индейских нищих во время нашей поездки по стране. Правда, эта не только закрывала ступню, но доходила до икр, шнуровалась ремешками, и носы у нее были острые, слегка загнутые. Он был такой по-настоящему живой.

Возможно, я слишком внимательно разглядывала его обувь, поэтому он не стал ждать, пока я отвечу на его вопрос, а притопнул ногой, чтобы лучше ее показать.

— Соваж и одевается как дикарь*. Это обувь апачей, она куда удобнее в долгих поездках, чем наша. А теперь, Тамарис, скажите мне, что вы нашли такого забавного в этом розовом саду, что стоите здесь и улыбаетесь.

Возможно, то, что он назвал меня просто по имени, чего прежде никогда не случалось, придало мне храбрости ответить откровенно.

— Извините, сэр, но меня позабавило, что это роскошное поместье называется «ранчо». Им, насколько я понимаю, обозначается нечто в более грубом духе.

Он засмеялся.

— Один из наших анахронизмов, Тамарис. Да, «Ранчо дель Соль» — не слишком подходит для всего этого. К несчастью, ранчо издавна значится на местной карте, так что показалось разумнее сохранить это название. Скажите, что вы о нем думаете?

Его внимательный взгляд смутил меня. Как я могла сказать здешнему хозяину, насколько оскорбляет мой вкус эта ошеломляющая роскошь, бездушность этих комнат и залов? Я колебалась. Конечно, я могла отделаться теми фразами, что я бормотала в ответ миссис Лендрон во время нашего «большого турне». Но я знала, что не смогу солгать этому человеку даже в малом.

---

* sauvage (фр.) дикарь.

— Он очень большой...

Я заметила, что улыбка блеснула в глазах Алена прежде, чем показаться на его твердо очерченных губах.

— Честность — лучшая политика, Тамарис. Вижу, вы хорошо это усвоили. Да, он очень велик, полон сокровищ, и обладает всеми возможными удобствами, изобретенными человечеством ко времени его постройки. Но поделюсь с вами тайной — я бы с радостью сменял его на тот дом, что некогда стоял здесь и был почти на сто лет старше.

— Хотела бы я увидеть его... Старый дом, простой, прочный, часть страны... — Откуда я все это знала?

— Здесь сохранились несколько старых построек, еще не стертых с лица земли из-за причуд богатеев. Как нибудь мы съездим и посмотрим.

Странная слабость поднялась во мне. У меня было огромное желание положить пальцы на его руку, как при нашей первой встрече, когда он подводил меня к своей сестре. Другая же часть моей души яростно боролась с этим желанием. Я должна была победить эти странные, неопределенные мысли, остаться корректной мисс Пенфолд, которую он знал ранее.

— Боюсь, что я задерживаю вас, сэр, вы ведь собирались ехать верхом? — Я уже овладела своим голосом.

— Точнее, уже приехал. Вы должно быть, думаете, что встали рано, но в этих краях иные дни начинаются с рассвета. Который, — он глянул на утреннее небо, — остался позади несколько часов назад. Теперь я собираюсь завтракать. А вы?

Его рука осторожно сжала мою у локтя, и потянула за собой.

7

— Но эта дорога ведет не к дому...

— Вы еще обнаружите, что завтракать можно не только в одном месте. К примеру, Викторина и Огаста предпочитают завтракать в постели. Хотя при случае могут, позевывая, явиться к столу. Но они теряют кое-что из маленьких радостей жизни.

Я знала, что нарушаю все правила приличия, установленные мною для себя самой, — хотя очень мало что имела возразить по существу, — позволяя увлекать себя по тропинке, обрамленной розовыми кустами под арку, прорезанную в

плотной зеленой изгороди, где в миниатюрной чаще стояла маленькая восьмиугольная беседка.

Внутри был стол, покрытый скатертью в красно-белую клетку, как на крестьянской кухне. Тарелки и чашки — не от Хэвисленда, но коричневые и неправильной формы, явно сделанные вручную. Рядом стоял другой столик, поменьше, уставленный кушаньями.

— Но вы ждете гостя... — У меня перехватило дыхание, и на меня накатило двойственное чувство: ощущение свободы и другое, диктуемое здравым смыслом, а также той добродетелью, что вбивали в меня всю последнюю половину жизни — благоразумием.

— Гостью... вас, Тамарис. Решив, что вы, похоже, склонны рано вставать и гулять по росе, я подумал, что мне, возможно, повезет и я вас перехвачу... что я и сделал!

Он засмеялся.

Я подумала, что для него это просто забавное приключение — не больше, чем пикник на природе. Если бы только и со мной было так. В этот момент я жаждала юной безответственности, которую ощутила было, отважившись пойти в розовый сад.

Но мне слишком долго внушали сознание, что мир судит человека не по внутренним, а по внешним проявлениям. Слуги, накрывавшие на стол, каждый, кто мог видеть нашу встречу, обязательно распустят языки. Воображение позволит таким свидетелям изукрасить свое повествование несуществующими «фактами». Такой невинной с виду встречи вполне довольно, чтобы похоронить мою репутацию. Я бешено цеплялась за свой здравый смысл и выучку.

В мире, где жила Огаста Дивз, репутация была первейшей заботой. Лично ей хватило бы и намека, что я, возможно, имела свидание или тайную встречу со своим нанимателем, чтобы предать меня аутодафе. Благоразумие должно победить, и не только ради меня, но и ради Викторины.

— Приятная мысль, сэр, и любезная тоже... — Я гадала, звучит ли для него мой голос так же фальшиво, как для меня самой. — Но вы должны понять, что я не могу отдать должного вашей щедрости и доброте. Как я могу играть роль компаньонки вашей сестры, если сама стану подавать повод к сплетням? И, будьте уверены... — возможно напряжение и злость сделали мою речь лихорадочной, злость не на него (джентльмены не способны видеть ловушки, которые в современном обществе осторожно обходит одинокая женщина), а на само общество, запрещавшее подобное обращение, — что

эта ситуация непременно вызовет сплетни. Мужчины, мистер Соваж, свободны делать многое, им прощаются прихоти и капризы, им дозволено радовать себя небольшими нарушениями приличий. Женщинам — нет.

— Не думал я, что дочь капитана Пенфолда будет столь жеманной. — Его лицо окаменело, превратилось в маску.

— Именно то, что я — дочь капитана Пенфолда, обязывает меня придерживаться собственных правил поведения, так же, как он выполнял свой долг. У женщин есть своя дисциплина, пусть даже пустячная, которой они должны подчиняться. Вы не можете говорить «Этого делать нельзя» другим, если сами не готовы этому подчиниться. С тех пор, как вы пожелали, чтобы я сопровождала вашу сестру в обществе, я должна прилагать еще больше усердия для соблюдения приличий. Я слишком молода для роли, которую вы мне поручили, и потому обязана быть вдвойне осторожной. Я не могу сделать ничего, пусть даже, невинного и приятного само по себе, что могло бы вызвать сплетни. Вы поставили передо мной определенную цель, и я не смогла бы исполнять свой долг, если бы пренебрегла им ради собственного удовольствия.

Он прислонился к дереву и смерил меня взглядом, который я не смогла бы объяснить. Словно бы я — так я чувствовала — была страшным зверем, которого он обязан классифицировать. Затем он пожал плечами.

— Отлично, мисс Пенфолд. Суровый долг — прежде всего. И я больше не буду просить вас делать что нибудь... такое, что поставит под удар ваше положение в обществе.

Он поклонился, резко повернулся и двинулся к беседке. Та же самая холодная формальность, что и при нашей первой встрече. Но это правильно. Я должна была испытать удовлетворение, но вместо этого меня томило чувство заброшенности, которого я не понимала... или не хотела себе слишком четко объяснить.

Я пошла обратно по тропинке, уверенная, что была права, однако сознание выполненного долга не согревало меня. Напротив, я чувствовала безнадежное одиночество, и к тому времени, как я достигла дома, уже боролась со слезами. Поэтому я заторопилась к себе в комнаты. Конечно, я должна была показаться ему жеманницей. Но что мужчины понимают в сплетнях, откуда им знать, как ужасны те могут быть? Я знала, что я поступила правильно, но я была отчаянно несчастна. Гораздо больше, чем заслуживал этот случай, старалась я внушить себе.

К счастью, Фентон ушла и я смогла поплакать вволю. Хо-

тя я не из тех, кто часто точит слезу. В моем положении слезы — роскошь, которую не следует позволять себе ни слишком часто, ни слишком долго. Что, если Викторина явится без предупреждения и поинтересуется, почему я плачу?

Я уже полностью овладела собой, когда в дверь постучали, и к моему удивлению, появились Фентон и лакей с подносом, который он поставил на маленький столик, поспешно прибранный горничной. На серебряном подносе стояла чашка, не хрустальная, а действительно вырезанная изо льда, и по ее ободу шла широкая гирлянда розовых бутонов цвета слоновой кости. Внутри была земляника, усыпанная тонко наструганным льдом, сохранявшим ее холодной. Рядом — компотница от Беллика, белая и хрупкая как роза, в форме раковины, поддерживаемой морскими коньками. Она содержала горку сахарной пудры. Еще там был бокал темно-зеленого с белым стекла. В него лакей налил немного шампанского.

— Фентон, что это? — Я надеялась, что не выгляжу заплаканной.

Широкое лицо Фентон расплылось в улыбке.

— Хозяин, мисс, случайно встретил меня и спросил, как вам понравился завтрак. Я осмелилась ответить, что вы, насколько я знаю, еще не завтракали. И он приказал подать вам то, что подавали прошлым летом дамам в Саратоге. Вы ведь с Востока, он и подумал, что вам, может, понравится... Знаете, мисс, землянику можно макать и в сахар и в шампанское.

Это что, издевательство? Но я чувствовала какой-то странный жар. Или это предложение заключить мир, благородный жест? Я предпочитала верить, что это означает установление меж нами новых добрых отношений.

— Какая необычная мысль! И как мило со стороны мистера Соважа. Благодарю вас, Харлетт.

Я окунула землянику в сахар и раздавила во рту кисло-сладкую ягоду. Я даже попробовала окрестить одну земляничинку в шампанском.

Но днем мое счастливое настроение вновь упало. Я напомнила Викторине, что мы должны отдать Биллам визит. В течение прошлых двух дней она измышляла против этого один предлог за другим, в основном — что она недостаточно хорошо себя чувствует. Но она не могла вечно пренебрегать своими светскими обязанностями, поэтому, надув губы, покорилась.

— Эти дурацкие визитки... — раскрыв зонтик, она неприязненно взглянула на шкатулку у себя на коленях. — Какая бессмыслица! Одна от меня, другая от Алена, хотя он вовсе не с нами. Почему?

— Потому, — отвечала я терпеливо, хотя прекрасно сознавала, что она может вспылить, — что он хозяин дома и это сейчас его резиденция.

— Резиденция! Какая чушь! Тамарис, вы всегда все знаете, что надеть, что делать? Для меня это все —- скучная игра, которая никогда не кончается. А если бы какая-нибудь женщина когда-нибудь разбила все эти мелочные правила, говорила бы, что ей нравится, делала бы, что хочет... что бы тогда случилось?

Я вспомнила, что утром испытала мучительный соблазн поступить так.

— Так бывало. — Возможно, мой голос прозвучал резко из-за этого воспоминания. Я добавила предостерегающе: — Но затем обстоятельства оказывались не слишком приятны для той, что отказалась играть по правилам.

— И что случалось? Ей всего лишь не нужно было больше делать визиты с карточками?

— Ее больше не приглашали в общество, причем, отнюдь не глупое и не скучное. У юных джентльменов есть матери и сестры, которые придерживаются правил и удерживают их.

— Мачехи, — уточнила она, хихикнув. — У этого медведя, ну, Генри Билла... и я не считаю его таким уж юным. Он слишком большой, слишком толстый. — Взмахнув свободной рукой, она отобразила несовершенство Генри Билла. — Во всяком случае, он не в моем вкусе.

— Возможно. Но вы встретите других, которые вам больше понравятся.

Викторина вздохнула.

— Надеюсь, так и будет, но этот день я считаю потраченным зря.

«Она была совершенно права», — уныло думала я, когда мы возвращались из Фейрлаунз, всего лишь оставив визитки у дверей.

— Значит, эта самая мачеха больна, — заметила Викторина. — Мы едем, глотая пыль, по жаре, чтобы только положить визитки на поднос. Я-то уверена, что вовсе она не больна, просто она умнее нас. Ей захотелось слегка вздремнуть, вот она и говорит: «Ах, у меня болит голова. Не принимайте никого, у кого хватит дурости явиться с визитом.

Скажите, что я нездорова». Что ж, она получила наши визитки, и нам нет нужды ехать еще раз.

Однако день этот, отвратительный и зря потраченный по мнению Викторины, еще не кончился. Когда наш экипаж подъезжал к дому, мы увидели перед главным входом ранчо дорожную карету, из которой мистер Соваж выгружал миссис Дивз.

У Викторины вырвался гневный шепоток:

— Снова она! Сегодня ночью возьму две свечи и..., — она прервалась на полуслове, затем продолжила: — Смотрите, она ведет себя с ним, как змея, гипнотизирующая маленького и беспомощного кролика...

Сравнение было страшноватое. Известно, что крупные рептилии добывают себе пищу именно таким гадким способом. Однако Викторина говорила с уверенностью свидетеля подобной мерзости.

— Тамарис... я клянусь вам, она никогда не будет здесь хозяйкой! — Она перешла на французский, что теперь бывало крайне редко, и я уже знала, что это выдавало у нее либо ярость, либо горе.

Тем не менее, когда мы выходили из экипажа, она уже цвела улыбкой. Она легко побежала вперед и обменялась с миссис Дивз, по дамскому обычаю, поцелуем в щечку. Похоже было, что она заждалась свою дражайшую Огасту, как она назвала визитершу.

Ясно было, что мистер Соваж так же рад приезду новой посетительницы, как изображала его сестра. И мы вошли в главный зал дружной компанией, а о чем думал каждый из нас — не имело значения.

Когда вечером, после обеда, мы собрались в Белой комнате с фресками, я позволила себе небольшую вспышку фантазии.

Огаста Дивз играла на фортепиано, а Викторина пела какие-то милые французские песенки. Но что бы случилось, если мы неожиданно подпали под чары, которые заставили бы нас выдать сокровенные мысли, таившиеся за вежливыми пассажами беседы?

На следующее утро я проснулась с чувством утраты. Сон мой истаял так быстро, что я не смогла его удержать, только знала, что во сне этом я была счастлива. И, поразившись, я поняла причину. Сегодня был день моего рождения, хотя никто из ныне здравствующих, кроме мадам Эшли, не мог бы

этого вспомнить. Она всегда в этот день устраивала для меня чаепитие. А когда был жив отец, меня ждала коробка маленьких подарков и дорогое письмо.

Теперь об этом некому позаботиться. Но — нельзя жалеть себя! В качестве покаяния я позволила Фентон исполнить обязанности горничной леди так, как она их понимала. Хорошее решение, и, как обнаружилось, в конце концов не слишком для меня мучительное.

К моему облегчению, она не предлагала больше щипцов для завивки, уложив мои темно-каштановые волосы с такой сноровкой, какой я, наверное, никогда не достигну. В присутствии миссис Дивз я хотела выглядеть как можно лучше — чисто женское оружие, к которому мы все время от времени прибегаем.

Фентон подала мне серебристо-серое платье, отделанное фиолетовым сутажем, и от этого душа моя почему-то вновь воспряла.

— Хозяин велел передать вам, мисс, что семейный завтрак сегодня будет в Зеленой комнате.

Фентон привела в порядок широкий бант из фиолетового бархата, удерживающего, согласно моде, сзади складки на платье.

Согретая мыслью, что могу предстать миру в наилучшем виде, я спустилась по лестнице. Опять земляника во льду? Мне не хотелось думать об этом. Но меня ожидал другой сюрприз.

Там сидела Викторина, а мистер Соваж встал, чтобы несколько церемонно подвести меня к стулу, возле которого на столе был не только букет чайных роз, но и несколько пакетов в оберточной бумаге, перевязанных цветными лентами.

— Вы кажитесь такой изумленной, Тамарис! — Викторина засмеялась. — Неужели вы думали, что мы забудем о вашем празднике?

— Но... как вы узнали! — Я села, слегка взволнованная.

— Ален знает все. Как ты узнал, Ален?

— Есть очень мало вещей, каких я не знаю о капитане Пенфолде и его семье, ведь мы очень многим ему обязаны. А уж день рождения узнать куда как легко.

Его сестра кивнула.

— А теперь, Тамарис, вы должны открыть ваши подарки, и угадать, что от Алена, а что от меня.

Руки мои слегка дрожали. Это было так неожиданно. Мой отец всегда отмечал этот день и теперь он словно был рядом

со мной и разделял мое волнение. Такой специфический оттенок моей радости был чем-то совершенно неожиданным.

В первом свертке оказалось роскошное издание стихов Элизабет Браунинг. Взяв его в руки, я выразила благодарность мистеру Соважу. Викторина захлопала в ладоши.

— Угадала с первого раза.

— Конечно. — Он улыбнулся мне. — Разве ты не понимаешь, Викторина, что порядочная молодая леди может принять от джентльмена только хорошую книгу или, возможно, коробку конфет. Все соблюдают приличия.

В голосе его не было ни тени вызова, но счастье мое слегка померкло. Что это, насмешка?

Я быстро взяла второй сверток, в котором нашла резной ларчик из сандалового дерева. Я узнала его — Викторина купила его в «Китайском базаре». Внутри, на хлопковой подкладке, лежало хрустальное сердце, крепящееся к бархатной ленте. Я была очарована прелестной безделушкой и, по настоятельному требованию Викторины, поспешила надеть ее на шею, восхищаясь тому, как она подходит к кружеву моей новой шемизетки.

Следующий сверток содержал предсказанные мистером Соважем конфеты. Но они были не в обычной коробке, а в филигранной, восьмиугольной, украшенной эмалевой бабочкой на крышке — такой натуральной, что, казалось, она вот вот улетит. Сами сладости были прикрыты засахаренными лепестками роз и фиалок, способными прельстить даже герцогиню.

Я почти стерла язык в благодарностях. Не только потому, что подарки были так милы, но, в основном, из-за того, что они вообще были. Мистер Соваж быстро сказал, что пора переходить к еде, поскольку с развлечениями, как он выразился, покончено. И тут же начал какой-то забавный рассказ, думаю, чтобы помочь мне скрыть мои чувства.

Еще он говорил о том, что следует устроить бал на ранчо — это лучший способ представить Викторину обществу — в назначенный день в доме будет множество гостей.

Викторина, в высшей степени возбужденная, обрушила на него бурю вопросов.

— И мы должны сшить новые платья! — решительно заявила она. — Видите, Тамарис, как я была права, что купила этот атлас! Амели сошьет мне такое платье!..

Ее брат снисходительно рассмеялся.

— Ты ведь уже тогда его себе представляла, cherie? Ко-

нечно, у тебя будет наряд, подобающий случаю, и у мисс Пенфолд тоже.

— Но она ничего себе не купила! — прервала его Викторина. — Она только смотрела, но ничего не покупала.

— Это легко поправить, — заметил он. — Я предусмотрел это. Из города уже едут сюда самые искусные модистки от мадам Рашель с прекрасным набором тканей. Вы обе должны выбрать все необходимое, чтобы род Соважей мог высоко держать голову.

— Ален... — Улыбка Викторины угасла, в голосе ее прозвучали сейчас серьезные ноты. — Почему мы носим такое варварское имя? Ведь на самом деле ты герцог с древними и прославленными титулами, так почему же ты предпочитаешь зваться просто мистером Соважем? Я бы...

Его снисходительного взгляда как не бывало.

— Я не герцог, и у меня нет другого имени! — резко ответил он. — Потому что я не француз, но американец. Мы отказались от родового имени и титула давным-давно... и оба они пусты и бесполезны.

Викторина нахмурилась, но не стала с ним спорить. Вскоре после этого он встал, но задержался возле моего стула, чтобы сказать:

— Мисс Пенфолд, своим разговором о покупках Викторина напомнила мне, что я проявил забывчивость в отношении вашего гонорара. Если вы присоединитесь ко мне в библиотеке в... — он взглянул на часы, — в половине одиннадцатого, мы сможем обсудить этот вопрос. Сейчас же я задержался и заставляю Уилсона ждать.

Когда дверь за ним закрылась, Викторина сказала:

— Хотела бы я, чтобы мой брат не придерживался этих странных воззрений. Это правда, Тамарис, во Франции он был бы герцогом. Мадам Варенн много раз говорила мне об этом, когда я жила у нее. То же самое было и с нашим отцом. Он разозлился на маму, когда она однажды воспользовалась своим настоящим титулом, хотя та имела полное право так поступить.

— Но если ваш брат американец, он не может пользоваться никакими титулами, кроме тех, что допускает общая вежливость, — заметила я.

— Но ему этого вовсе не нужно! Изгнание его семьи давно закончилось. Он мог бы жить во Франции. Там я была бы по меньшей мере графиней, а не просто мадемуазель Соваж. Ненавижу это грубое имя и все, что оно значит!

Это была одна из ее кратковременных вспышек ярости, и

я пожалела, что завтрак моего дня рождения кончается на такой ноте. Но я хорошо знала, что лучше не пытаться ее успокаивать. Все пойдет по заведенному образцу — она вернется к себе в комнату, и там Амели станет баловать и задабривать ее, пока снова не приведет в хорошее настроение.

Я собрала свои подарки. Нежный аромат роз успокоил меня, и я решительно принудила себя вспомнить лишь то, за что была благодарна.

Когда наступило назначенное мне время, в библиотеке еще никого не было. Книги всегда влекли меня, и я медленно пошла вдоль стеллажей, читая названия, тисненые золотом на богатых кожаных переплетах. Многие авторы были представлены полными собраниями сочинений, и я догадалась, что большая часть библиотеки, как и остальное имущество дома, приобретены прежним владельцем напоказ. Здесь были книги Теккерея, Диккенса, тома с описаниями путешествий и тому подобное. Но я с удовольствием обнаружила романы Джейн Остин и произведения сестер Бронте, которые недавно произвели настоящую бурю.

Сравнивая положение Джейн Эйр в качестве гувернантки со своим собственным, я невольно улыбнулась. Как бы то ни было, здесь нет безумной жены, ночами бродящей по залам мистера Соважа. «Такая мелодрама, — самодовольно подумала я, — встречается только в книгах. Никакой безумной жены... только миссис Дивз...»

Неожиданно я прижала ладони к щекам. Здесь не было зеркала, но я чувствовала такой жар, словно я покраснела. Сравнение своей участи с Джейн Эйр, даже в шутку, означало, что я серьезно интересуюсь мистером Соважем. Я отшатнулась от этой мысли, отказавшись от честной оценки своих переживаний. Я должна была взять себя в руки, пока он не пришел.

Медленно пройдя между шкафами, я оказалась перед большим столом, заваленным бумагами. В самом его центре лежало нечто столь странное на вид, что я приблизилась, чтобы рассмотреть лучше.

Это был маленький мешочек из темной ткани, к нему привязаны черные перья. Сработано это было грубо, словно руками малого ребенка. Но я инстинктивно знала, что это не игрушка. Я подумала, что хоть я и не склонна к фантазиям и всегда стараюсь обуздать свое воображение, но здесь таится нечто очень странное... очень мрачное и пугающее. Оно приковывало внимание, словно живой хищник, рычащий с неприкрытой угрозой.

— Что это, Тамарис?

Снова мистер Соваж удивил меня своим беззвучным появлением. Поскольку я вздрогнула, он в оправдание добавил:

— Я напугал вас? Извините. Но что так привлекло ваше внимание?

— Вот. — Я указала на мешочек. — Это... это выглядит странно, и что-то в нем мне совсем не нравится.

Он обогнул стол и нагнулся. Затем со сдавленным возгласом отпрянул назад, к камину, не отрывая взгляда от мешочка. Пошарив позади себя, он схватил каминные щипцы и только с ними в руке вновь приблизился к столу.

— Вы не трогали его?

Его реакция, столь неожиданная для такого человека, встревожила меня. Я быстро ответила, что не трогала.

— Хорошо! Потому что никто не знает...

Но что именно никто не знает, он не объяснил. Вместо этого он взял мешочек щипцами и затолкал его в камин, затем опустился на колени на пол и забросал мешочек дровами. И только когда тот вспыхнул, мистер Соваж поднялся на ноги.

— Что... что это было? — я решилась, наконец, спросить, пока он стоял, глядя на огонь.

— Это... да, Тамарис, пожалуй, мне следует довериться вам, поскольку это добралось и сюда. Как вам известно, обстоятельства жизни моей сестры в ранние годы были не совсем обычны. Вы уже слышали, что она была брошена своей матерью, — последнее он произнес так, будто обнаружил, что оно трудно выговаривается, — на попечение родственницы. Эта женщина была рождена и воспитана в Вест-Индии, где процветают дичайшие суеверия. К несчастью, многие дети белой расы там отданы заботам туземных нянек и впитывают почти с рождения веру в такую мерзость, как вуду...

— Вуду?!

— Вы слышали о нем? — Внимание Алена переключилось с пламени на меня.

— До войны мы с отцом бывали в Новом Орлеане. Там мы слышали всякие истории об этом.

— Да, верно... — Он кивнул. — Этот культ завезен в Луизиану беженцами от восстания рабов на островах почти столетие назад. Вуду нелегко уничтожить, Тамарис. Он поистине порочен и смертельно опасен. Те, кто практикуют вуду, уверяют, будто достигают своих целей с помощью магии, на самом же деле они пользуются наркотиками и тайными снадобьями, которыми подчиняют себе остальных. То, что я

только что сжег — это «гри-гри», один из способов навести проклятие на жертву. И мне известно, что от простого прикосновения к нему можно смертельно заболеть. И присутствие э т о г о здесь означает... — Он тронул кочергой полыхающие дрова, и вдруг оттуда вырвался клуб желтого дыма со странным запахом. — Назад! — воскликнул он.

Он двигался так быстро, что не успела я опомниться, как он схватил меня за плечо, потащил за собой к ближайшему окну и распахнул его, впустив свежий холодный ветер.

— Значит, — снова начал он, — я стал мишенью этой дешевой магии. Я непременно должен узнать, как это здесь оказалось.

— Но зачем... кто может желать вам зла?

Я все еще переживала его прикосновения, переживала слишком сильно, чтобы совладать с этим.

8

Его смуглое лицо казалось сейчас жестким и мрачным, словно на его месте сейчас оказался один из его предков — воинов из племени кри. Я отшатнулась. Этот его новый облик даже испугал меня. Вся сила, которую, как я чувствовала, он удерживал в себе, была на грани яростного взрыва.

— Когда моя сестра была под так называемой «опекой» этой особы, она была преступно вовлечена в знакомство с неким Кристофом Д'Лисом. Он — племянник мадам по боковой линии, его прислали во Францию, чтобы он получил образование. Он, как и многие представители смешанных рас, очень красив, привлекателен и достаточно ловок, чтобы увлечь юную и впечатлительную девушку. Мадам поощряла это знакомство, и когда я нашел Викторину, она считала себя помолвленной с этим типом. Будучи сам смешанной крови, я знаю, какая это тяжкая ноша для человека, и не стал бы считать это преградой. Но вскоре я обнаружил, что он не только незаконнорожденный и полукровка, но, вдобавок, погряз в занятиях вуду. Парень, похоже, был жрецом этого культа! А после я узнал, уже когда вырвал Викторину из этого гнездилища порока, что он угрожал не только вернуть свою «невесту», но и навлечь кару на всех, кто их разлучил. Я надеялся, что, доставив ее сюда и окружив теми, кому могу доверять, я сумею защитить ее. Но обнаружить здесь э т о!.. Теперь я должен отыскать брешь в нашей защите и провести следствие.

Прежде, чем я успела подумать, у меня вырвалось имя:

— Амели!

— Что «Амели»?

Что я могла ответить на такой прямой вопрос? Рассказать о нескольких странных случаях? Но Викторина так привязана к своей горничной, что если брат вмешается между ними, это снова оттолкнет ее от него. И все же я сообщила то, что видела, добавив, впрочем, что всему этому может найтись и другое объяснение. Он слушал, жесткое и мрачное выражение не уходило с его лица, однако он кивнул.

— Если Викторина так доверяет Амели, ничего нельзя сделать без веских доказательств, вы правы. К тому же, и Амели кажется столь преданной своей хозяйке... Но кто знает... может, что-то заставляет ее делать то, что Викторина попросит, даже ко вреду для моей сестры? Вы совершенно правы, что рассказали мне это. За Амели тоже стоит последить. А в этом доме, вдали от города... да, сейчас мы не будем ничего ни говорить, ни делать.

Хотя он не брал с меня никаких обещаний, одно я дала добровольно.

— Я никому ничего не расскажу об этом... — я указала на камин.

Отвратительный тяжелый запах развеялся. Ален закрыл окно, вернулся к очагу и сгреб пепел кочергой. Затем он взял лист бумаги со стола, каминной щеткой смел на него пепел, свернул бумагу в пакет и запечатал воском.

— Ничего из этого не должно оставаться в доме.

Я была, мягко говоря, удивлена. Его поступок, думала я, не свойствен человеку, имеющему дело с вульгарным суеверием, скорее уж тому, кто верит, что столкнулся с чем-то по-настоящему опасным и могущественным.

Возможно, он угадал мои мысли, ибо спросил:

— Вы считаете меня суеверным дураком, Тамарис? Но я видел... да, я видел более чем странные вещи, которые никак не поддавались рациональному объяснению. «Гри-гри» — это сконцентрированное зло, проклятие... так ли уж трудно поверить, в конце концов, что оно способно причинить вред?

Море, где я провела свое детство, хранило свои легенды. Я слышала много странных историй. И никто не может отрицать, что порой в ее жизни случаются вещи, не имеющие никаких логических объяснений.

— Нет, — медленно ответила я, — думаю, что вы правы. Стать мишенью ненависти и злых намерений — значит, жить под тенью. В мире есть многое, чего мы не в силах понять.

Я не считаю, что вы ошиблись, желая, чтобы даже пепел этой мерзости оказался подальше отсюда.

Он положил пакет на стол.

— Так и будет... вскоре. Но... — Отбросив мрачные мысли, он живо сказал: — Вы ведь пришли сюда по другому поводу.

И он быстро объяснил, что плату я буду получать частью наличными, частью же она будет переводиться на мой счет в банке. Он говорил со мною так, словно я разбиралась в делах не меньше его, и я восприняла это как комплимент.

Щедрость его условий соответствовала образу жизни, которую мне предстояло вести. Я уже осознала, что мой гардероб нуждается в обильных дополнениях. И он снова твердо повторил, что я должна заказать, что пожелаю, из высланных нам материй, и добавил, что на ранчо есть две постоянные швеи, ждущие заказов.

— Девушки будут только рады, — он засмеялся, его воинственный настрой полностью исчез. — С тех пор, как моя сестра вышла замуж, они заняты исключительно тем, что ставят метки на белье, и от этого тоскуют. Подумайте и выберите все что нужно. Если понадобится что-то еще, пошлем в город. Я хочу, чтобы Викторина оставалась здесь. — Он взглянул на пакет. — Если Д'Лису достанет наглости и упорства преследовать нас, его легко будет выследить здесь, в моем имении.

Я искренне поблагодарила его за доброту и щедрость, хотя это укрепляло барьер, обязанный, как я понимала, оставаться между нами. Казалось, мистера Соважа смутили мои слова, и он принялся перебирать бумаги на столе, словно намекая, что я свободна. Несколько мгновений тесной связи меж нами, вызванные «гри-гри», теперь явно отошли в прошлое.

Викторина, миссис Дивз, Амели и две служанки были в швейной. Фентон, очевидно, исключенная до моего прихода из этого очаровательного круга, проводила меня туда. Они были полностью поглощены созерцанием модных изданий, изображавших чрезвычайно изысканно одетых женщин.

— Идите, взгляните сюда, Тамарис! — Викторина походила на ребенка, окруженного грудой новых игрушек. — Все это, — она указала на рисунки, — от Мэзон-Родригеса, не меньше. Кроме этих, от сестер Кертье, от Минеора и... — ее тон сделался почтительным, — от Ворта. Мадам Рашель прислала их нам с мадемуазель Армтедж.

— Видите ли, леди, — мисс Армтедж поклонилась мне, — вы можете быть уверены, что таких моделей в Сан-Фран-

циско еще не видели, поскольку эти издания прибыли только что. Могу вас заверить, что они исключительны.

— Тамарис, что вы думаете об этом? — Викторина показала мне одну из картинок. — Смотрите — газ поверх атласа... отделано розами... Разве не то, что нужно?

Разумеется, материи, выбранные ею должны были превосходно подойти. Изображенный наряд был явно предназначен для юной девушки, чей эфирный облик подчеркивался бы пышной тонкой юбкой на тюлевой основе. Подобранную спереди драпировку и пуфы турнюра хорошо будет подобрать белыми шелковыми розами по выбору Викторины, каждая из которых будет сверкать хрустальными росинками, укрепленными на лепестках или листьях.

— А теперь выбирайте вы, Тамарис!

Я уловила враждебный блеск в косом взгляде миссис Дивз. Однако она не стала возражать, когда я стала перебирать картинки, которые, в отличие от эфирного выбора Викторины, предлагали платья, предназначенные для дам с более консервативными взглядами.

У моей матери было несколько украшений, не имевших большой ценности, но хранимых за изысканную красоту. И среди них я неизменно предпочитала гарнитур, который мой отец купил ей в Генуе во время медового месяца. Он был из мраморной мозаики в итальянском стиле и состоял из броши, серег, ожерелья, и парных браслетов красного золота с мозаичными вставками — черный мраморный фон, на котором были выложены белым и зеленым словно бы живые белые фиалки среди листьев. Поскольку именно этот убор должен был украшать мое вечернее платье, мне следовало учитывать это при выборе.

Я должна была, конечно, выбрать фасон и модель богаче, чем я когда либо носила, поскольку к этому обязывало положение, однако я не хотела привлекать к себе излишнее внимание.

Но большинство этих французских моделей не привлекало меня. И, откладывая рисунок за рисунком, я начинала уже думать, что мне придется скопировать одно из моих «восточных» платьев. Но тут мне попался рисунок, который я принялась внимательно изучать.

Поскольку я прошла уже больше полдороги к тому, чтобы стать старой девой — я только что отметила свой двадцать пятый день рождения — эта модель мне подходила больше.

Я представляла его себе из серебристого шелка с черными

кружевами и, возможно, фиалками. Но при упоминании о выбранных мной материях Викторина скорчила гримаску.

— Но они же для старых дам, Тамарис. Вы ведь молодая!

Я улыбнулась.

— Недостаточно молодая для газа, Викторина.

— Совершенно верно. — изъявила торжественное одобрение миссис Дивз. Это немедленно заставило меня предположить, что я, конечно, излишне консервативна и буду выглядеть старомодно. Но сейчас я уже не могла изменить выбор, и только сказала, что должна посмотреть ткани.

— Огаста гораздо старше вас, а она собирается надеть золотой атлас, украшенный райскими птицами! — заявила Викторина.

Я заметила, что миссис Дивз чуть нахмурилась. Разница в нашем возрасте, столь откровенно подчеркнутая, не могла быть ей приятна.

Возможно, я и сама, оказавшись на ее месте, получила бы мало удовольствия от таких речей. Однако, у меня не было желания затмевать ее.

Глядя на Амели, отвечавшую на возбужденные расспросы своей хозяйки, как лучше будет расположить букет роз — так или эдак, трудно было представить, что изящная юная служанка может иметь отношение к омерзительному предмету, который нашли мы с Аленом. А Викторина — с тех пор, как она распростилась со своим мрачным нежеланием уезжать, — выказывала ли она когда-либо сожаление или недовольство?

Она, должно быть, забыла Д'Лиса, возбужденная новой обстановкой и новыми людьми. Возможно, она с облегчением освободилась от этого полукровки, довольствуясь ролью балованной сестры одного из богатейших людей Побережья? Но как ни трудно мне было заставить себя поверить, будто что-то может ей угрожать, я не должна была забывать о такой возможности.

Мисс Армтедж наблюдала за распаковкой тканей. Хотя сама она была дурно сложенной коротышкой, однако являла собой пример, как можно скрыть такие недостатки превосходным вкусом в одежде. Она ловко двигалась, драпируя сверкающие отрезы на стульях и столах, указывая на достоинства каждого. Пока Викторина выбирала ткани на костюм для верховой езды, дневные и прогулочные платья, более изысканные наряды для приемов, а мисс Армтедж делала беглые краткие заметки в отделанной слоновой костью записной книжке, я сделала собственный выбор. Атлас, не серебристо-серый, как я предполагала поначалу, а того цвета, что называют «жем-

чужным», то есть не чисто белый, подобающий лишь очень юным, а с легким серебряным оттенком. Черные кружева, о которых я думала, будут превосходно на нем смотреться. Тем временем Фентон достала из огромной коробки с шелковыми и бархатными цветами, вступив при этом в состязание с Терезой (которую она, я уверена, недолюбливала), букетики белых бархатных фиалок.

Затем я выбрала кое-что еще — бисквитную тафту на платье для приемов, зелено-белый ситец в стиле «Долли Варден». Тем временем Фентон, войдя в азарт, вытаскивала кружева и прочие штучки-дрючки, которые, как она уверяла, освежат мои старые платья.

Швейная, снабженная двумя машинками последней модели (хотя девушки лучше шили на руках), гудела как улей. Были разосланы приглашения на бал, и ответы лились рекой. Знаменитые французские рестораторы из Сан-Франциско прислали мэтра, надзиравшего за обустройством на кухне и в столовой, где на время ужина должен был расположиться буфет.

Бедная миссис Лэндрон крутилась, словно под ее развевающимися юбками были вместо ног колеса, проверяя то, распоряжаясь насчет этого, готовя комнаты для гостей, которые останутся на уикэнд.

Викторина, отдав распоряжения насчет своего платья и видя, как они начали исполняться, все больше раздражалась из-за долгих примерок. Несколько раз ее укладывали в постель мигрени, и для ухода за ней призывалась Амели. В подобных случаях обе они ясно давали мне понять, что моя помощь нежелательна.

Меня начинали слегка беспокоить эти мигрени, поскольку я знала, что Викторина принимает исключительно снадобья, приготовленные Амели, а они неизменно вызывают глубокий сон. Пробуждалась же она снова здоровой телом и духом. Однако я решила при первой же возможности посоветовать мистеру Соважу вызвать собственного врача. Правда, в эти дни я видела своего работодателя только за обедами по вечерам, и в присутствии остальных говорить об этом не могла.

В эти дни соседи нанесли нам новые «утренние визиты», дважды приезжал Генри Билл. Но миссис Билл мы больше не видели, хотя она и приняла приглашение на бал. Генри упомянул о возвращении своей сестры из фешенебельной школы на полуострове, но я заметила, что он совсем не говорил о мачехе.

Было совершенно очевидно, что он очарован Викториной,

хотя она — столь же очевидно — не поощряла его. Думаю, миссис Дивз благоволила ему: когда он приезжал, она становилась сама любезность.

Наши бальные наряды были закончены и висели в платяных шкафах. К огромному удовольствию Викторины брат подарил ей традиционное жемчужное ожерелье юной леди, впервые вступающей в свет. К нам начали прибывать гости, и я обнаружила, что люди они весьма разные.

Большинство мужчин были связаны деловыми интересами с мистером Соважем, их имена имели солидный вес в деловых кругах. Некоторые из них принадлежали к французской колонии города. Все их дамы были одеты в соответствии с нынешней модой, как я и ожидала. Но я заметила некоторую разницу в манерах, свидетельствующую о размытости этого общества. Хотя матери должны были приложить усилия, дабы войти в этот мир элиты, дочери хорошо в нем освоились. Здесь были две признанных красавицы сезона в сопровождении родителей, но ни одна, с моей точки зрения, не могла сравниться с Викториной.

Из-за переизбытка гостей в главном доме были заняты два коттеджа, где разместились холостяки. А дам было столько, что мне стоило большого труда хотя бы запомнить имена.

Хотя истинной хозяйкой была Викторина, миссис Дивз, под предлогом помощи ей, совалась везде, елико возможно. Если девушка и замечала это вторжение, она воздерживалась от комментариев.

Я была горда ее манерами, ибо она держалась как нельзя лучше и была совершенно очаровательна. Находясь в центре внимания, она демонстрировала лучшие стороны своей натуры.

Обед в вечер бала был сервирован в малом салоне и продлился недолго. Думаю, что дамы удовольствовались бы, перекусив у себя в комнатах, пока доводили до совершенства свои туалеты. Вместо этого нам пришлось одеться пораньше.

Фентон причесала меня, слегка взбив волосы, чего в обычные дни я не любила, и очень искусно разместила в прическе украшенный цветами гребень.

Я знала, что у меня очень мало шансов рассчитывать на что-то большее, чем вежливое беглое внимание, но благодаря Фентон я никогда не выглядела привлекательнее, чем в ту ночь. Гарнитур моей матери смотрелся прекрасно, я поняла это, когда надела серьги, приколола брошь на корсаж (что был декольтирован не так низко, как настаивала Викторина),

присовокупила ожерелье и застегнула браслеты поверх своих длинных перчаток.

Букеты были доставлены каждой даме заранее с комплиментами от мистера Соважа. Мой был составлен из чайных роз и сопровождался короткой запиской, выражающей сожаление, что это не белые фиалки. Благоухающие цветы были в хрустальном держателе, прихваченном цепочкой с кольцом, которое можно было надеть на палец. Мой веер резной слоновой кости из Китая был подарком отца.

— Мисс... — Фентон уселась на пятки (она стояла на коленях, поправляя мой короткий шлейф), — вы выглядите просто прелестно! — Ее простое лицо сияло.

— Благодаря твоим трудам, Фентон. — Я подобрала юбку и сделала глубокий реверанс. — Вся честь принадлежит тебе.

— О, мисс! — Я была удивлена чувством, прозвучавшим в ее голосе. Когда ее прислали ко мне, я отнеслась к ней, как к помехе той малой независимости, на которую, как мне казалось, имею право. Возможно, я чувствовала неловкость оттого, что прежде у меня никогда не было личной горничной. А она порой поглядывала так неодобрительно, будто эта ситуация устраивала ее не больше, чем меня. Но с недавних пор мы стали ближе. И я уверена — она была горда, одевая меня, за что я и воздавала ей должное.

Мои юбки прошелестели по ковру, когда я вошла в комнату Викторины. Там я увидела ту, что, должно быть, вышла прямо из сказки — принцессу, какой мечтают стать все маленькие девочки. Волосы ее падали свободно, оплетенные двойной нитью жемчуга. Ее прекрасные плечи выступали из волн газа, окружавших ее атласный корсаж, словно из пронизанного солнцем летнего облака, туго облегающего юное тело. Нам часто случается читать о неземной красоте, но мы редко видим ее воочию, как я видела в тот вечер.

— Тамарис... но это платье вам замечательно идет, — она закругляла перламутровый держатель с белоснежными розами.

— Викторина! Я никогда не видела никого прекраснее вас! — сказала я от всего сердца.

Она подхватила свои пышные юбки и медленно повернулась, глядя в зеркало через плечо.

— Что до меня, то я думаю, что Амели сработала как нельзя лучше. Ты слышишь, Амели, tres bon!

Амели, держа сверкающий веер, глядела на Викторину со странным выражением, которого я не могла понять. Уж не зависть ли?

Тень моего прежнего недоверия и неприязни подступила снова. Но сейчас было не время об этом думать, ничто нынче вечером не должно омрачать счастья Викторины.

Миссис Дивз была так великолепна, как я и ожидала. Ее золотые юбки украшенные райскими птичками с золотыми клювами и маленькими рубиновыми глазками, роскошью своей подобали, самое малое, герцогине. Однако мне было неприятно видеть маленьких птичек, убитых, чтобы сделать из них украшения на платье. Расточительность, родственная той, что была в обстановке этого дома, против нее все во мне восставало. Золото на золоте, красный бархат, вещи, которые по отдельности могли бы быть прекрасны, но на роскошной выставке отвращали сильнее, чем ласкали зрение.

Моим кавалером за обедом был майор Беркли из Президо, весьма импозантный в своем мундире и церемонно вежливый. Он принадлежал к холостякам и его разговор, который он завел явно ради соблюдения приличий, касался местных достопримечательностей.

Однако он несколько оживился, когда я упомянула замечание мистера Соважа о некоторых старых калифорнийских домах, которые еще не были снесены. Он сказал, что квартировал здесь до войны, и с большим воодушевлением описал загон для скота на таком ранчо. Моим соседом слева был весьма пожилой человек, который, когда мы обменялись формальными приветствиями, отпустил мне парочку цветистых комплиментов, но потом гораздо больше интересовался содержимым своих тарелок и бокала.

Даже сам дом сегодня изменился. Теперь в большом зале под центральным куполом располагался круг из пуфов, крытых алым бархатом. Он замыкал кольцом пирамиду из красных и белых камелий, окаймленных красными же и белыми розами, их благоухание почти ошеломляло. На балконе второго этажа расположился оркестр, наигрывавший тихую музыку для променада, повсюду были расставлены диваны и кресла.

Два больших салона, где на стенах аппликации из непрозрачного хрусталя с мифологическим рисунком перемежались зеркалами во весь рост, превратились в один огромный бальный зал после того, как убрали разделявшие их панели. У входа в него стоял мистер Соваж с Викториной по правую руку и со мной (наперекор всем моим попыткам уклониться) по левую.

Миссис Дивз не попала в это маленькое общество избранных, хотя, не сомневаюсь, сильно на это рассчитывала. Вме-

сто этого она очутилась среди прочих гостей, где, с принужденной улыбкой, понизив голос, с лихорадочной живостью болтала со своим соседом по столу.

От того, что оказалась выставленной напоказ, я чувствовала себя так неуютно, что мне казалось невероятно трудным запоминать имена и лица, когда начали прибывать гости и каждой даме преподносилась у дверей программа танцев.

Мистер Соваж уже отпустил нас, когда я улучила момент, чтобы глянуть на свою собственную программу. Поскольку наш долг хозяев при встрече гостей был уже выполнен, я приняла приглашение майора, который, хоть и не блистал грацией, достаточно уверенно чувствовал себя в лансье, исполняемом вторым, большим, оркестром.

Если мистер Соваж и проигнорировал желание миссис Дивз разыграть роль хозяйки, он со скрупулезной вежливостью пригласил ее на второй танец, открыв бал с Викториной и передав ее затем кавалеру помоложе. А на третий танец, на вальс, он пригласил меня. В такой толпе, когда люди постоянно перемещались, направляясь то пройтись по крытой веранде, то посидеть в центральном зале, трудно было держать Викторину в поле зрения, особенно потому, что все прочие светские дебютантки также были в белых платьях. Я пыталась разглядеть ее, когда мой партнер резко спросил:

— Вы кого-то высматриваете, Тамарис? У вас здесь какой-то знакомый, с которым вы хотите встретиться? — Тон его был резок, без тени шутливости.

— Нет, сэр. Но вам хорошо известно, что я здесь по несколько иной причине, чем остальные гости. Я присматриваю за Викториной.

— Долг превыше всего. — Голос его стал мягче. — Не думаю, что сегодня вам следует исполнять свой долг столь ревностно. Думайте не о мисс Пенфолд, образцовой леди-наставнице, идеальной компаньонке в доме, но, скорее о Тамарис, что сама достаточно молода, и, конечно, достаточно красива, чтобы наслаждаться балом.

Только он ужасно ошибся.

Обед был сервирован в полночь, и мой кавалер по последнему вальсу, любезный молодой человек, чье имя в тот день я так и не сумела запомнить, проявил себя большим знатоком по части выбора из представленных в изобилии миндальных бисквитов, бланманже причудливых форм, тортов с ликером (которого, на мой взгляд, могло быть и поменьше), вишен в коньяке, разнообразных желе и тому подобных соблазнительных блюд. После того, как он церемонно усадил меня на пуф

в холле дожидаться его возвращения с шампанским, я улучила свободную минуту, чтобы поискать Викторину.

И я увидела ее — не рядом, а на балконе, где она стояла, опираясь на серебряные перила, и беседовала с мужчиной. Отблеск газового света упал на его лицо, и я вздрогнула. Его черты были мужской версией лица Амели! «Нет, — подумала я, — мне, должно быть, мерещится...»

Прежде, чем я успела встать, вернулся мой кавалер, а у меня не было веской причины, чтобы сбежать. Тем временем молодой человек оставил Викторину и теперь она сидела, словно бы ожидая той самой услуги, которая только что была оказана мне. Кто же был этот мужчина?

Я не чувствовала подлинного вкуса лакомств на тарелке, невпопад отвечала на реплики своего спутника. Надеюсь, это была не откровенная грубость, во всяком случае, он не выказывал никаких признаков скуки. Но я уже не могла больше ждать.

Поблагодарив его по возможности любезно, я объяснила, что должна повидать Викторину. Извинение было жалкое, но он воспринял его вежливо. И, возможно, с облегчением, поскольку в качестве соседки за ужином я была явно не на высоте.

Поднявшись на балкон, я увидела, что Викторина снова уходит. Сейчас она, накинув на плечи кремовую китайскую шаль, спешила к боковому коридору, что сворачивал к задней части дома. Я обязана была удержать ее от любой глупости. Подобрав свой слишком тяжелый шлейф и придерживая юбки, я последовала за ней.

Хотя парадные залы дома были переполнены, здесь царили тишина и пустота. К счастью, Викторина не оглядывалась, а расслышать погоню она не могла. Миновав нижний холл, она вышла в сад, но не в ту его часть, где волшебный блеск висячих фонарей освещал статуи и дорожки.

Юбки мои зацепились за куст, и я вынуждена была на мгновение остановиться. Из-за этой задержки, как ни коротка она была, я и потеряла Викторину. Однако она не успела бы уйти далеко, к тому же, в этих густых зарослях проход был только один. Я спешила, дрожа, подхватив юбки повыше и прижимая их к себе как можно плотнее. У Викторины была шаль, а мои обнаженные плечи студил ночной ветер.

Развилка на дорожке — куда пойти? Сад так велик, а тропинку можно потерять, ибо они пересекаются и разветвляются. Возможно, я так и не найду Викторину. Тропинка справа от меня вела в освещенную часть сада... Тут я уловила запах

табака; кто-то из мужской половины гостей вышел наружу воздать долг привычке, не одобряемой большинством дам.

— Мисс Пенфолд!

Я обернулась и увидела Генри Билла.

— Могу ли я вам чем-либо помочь?

Даже тусклый свет фонарей выдавал мое волнение. Мне следовало быть очень осторожной, чтобы не навлечь на Викторину какого-нибудь нескромного подозрения.

Это означало — я должна навлечь нескромные подозрения на себя. Я нечувствительно выдавила улыбку.

— Ваше появление удивило меня, мистер Билл. — Для моего собственного слуха мой тон не передавал истинного смущения. Но, возможно, я недооценивала свои способности по части притворства, ибо сейчас он усмехался, и усмешка эта, адресованная мне, была отвратительна, поскольку было слишком ясно — он думал, что я спешу на некое свидание.

— Прошу прощения, милая леди, — поклон, который он отвесил, являл скрытое оскорбление, и краска ярости бросилась мне на щеки. И я не могла пренебречь ею, как рассчитывала. — Одной вам, должно быть, здесь очень одиноко. Могу я разделить ваше уединение? Луна сегодня достаточно яркая для прогулок и...

Я должна была найти Викторину! Но я не знала, как отвязаться от нежеланного спутника. Был только один действенный способ — подтвердить все его подозрения. Так я и поступила.

— Вы очень любезны, мистер Билл. Но так случилось, что у меня уже есть провожатый, который может подойти в любой момент...

И снова эта мерзкая усмешка!

— Ну конечно, милая леди. Он выиграл — я проиграл. Я не буду третьим лишним. Но могу я спросить: не видели ли вы Викторину? Следующий танец за мной, а я нигде не могу ее найти...

— Она, возможно, уже вернулась, сэр. Вам лучше поискать ее в доме. — Мой ответ был окрашен нетерпением.

Он усмехнулся еще шире и снова отвесил поклон.

— Естественно. Примите мои извинения.

Я проследила, чтобы он ушел, до того как удалиться самой, подозревая, что он может задержаться, имея целью подсмотреть, с кем я встречусь. Только убедившись, что он исчез из поля зрения, я свернула на левую дорожку.

Гравий белел в лунном свете, из дома до меня доносились приглушенные звуки музыки. Но мне почему-то казалось,

будто я отрезана от знакомого безопасного мира. Я продрогла, переволновалась и, что хуже всего, была уверена, что не исполнила свой долг. Если бы я лучше смотрела за Викториной, то смогла бы предупредить эту полуночную вылазку.

Я остановилась, чтобы прислушаться, и до меня донеслись голоса. Они шептались так тихо, что я могла разобрать только несколько слов, да и то на диалекте, на котором Викторина обычно беседовала с Амели. И, напрягая слух, я сумела уловить лишь три слова: «Канун Святого Иоанна».

9

Поскольку я не была католичкой, даты праздников святых ничего для меня не значили, но я теперь могла пробираться на звук голосов. Впереди, там где дорожка поворачивала, живая изгородь все еще укрывала собеседников. Пока я соображала, стоит ли двигаться открыто, я услышала хруст гравия под тяжелыми шагами. Они удалялись. Отбросив всякую осторожность, я кинулась за поворот.

Передо мной открылась лужайка с небольшим прудом, куда, нежно журча сбегала вода фонтана. Тут же стояла садовая скамейка из кованого железа. На ней сидела, а точнее, лежала Викторина.

Ее шаль соскользнула на землю, голова откинулась, глаза были закрыты. Я подбежала к ней, улавливая сквозь розовое масло, которым она обычно душилась, какой-то странный запах, неопределенный, но отталкивающий.

— Викторина! — Я схватила ее за руки, лихорадочно горячие. Она открыла глаза и уставилась на меня, как на постороннюю. Потом принялась водить кончиком языка по губам, словно только что отведала чего-то такого, что бы хотела попробовать вновь. Затем ее взгляд перестал блуждать, и я почувствовала, как напряжение покидает ее: руки ее расслабились, голова запрокинулась еще сильнее. Глаза ее снова закрылись, и вдруг гримаса боли исказила лицо.

— Викторина! Вам плохо?!

— Oui, — ответила она очень тихим, слабым голосом, — очень больна, Тамарис. Пожалуйста, не оставляйте меня. — Она схватила меня за руки, стиснув запястья с конвульсивной грубой силой.

— Позвольте мне сходить за помощью...

— Non! Останьтесь, пожалуйста, останьтесь. Я так triste...

страдаю... у меня кружится голова... все болит, все плывет... Останьтесь со мной, не покидайте меня! — Викторина продолжала сжимать мои запястья с силой, какой я бы никогда не заподозрила в хрупкой девушке. Она словно цеплялась за якорь спасения.

Я вынуждена была остаться. Но я была обеспокоена. Разумеется, эти приступы — не просто предлог избегать нежелательных ситуаций. Викторина нуждалась в гораздо большем, чем забота преданной, но невежественной горничной.

— Викторина? Тамарис?

Ни разу в жизни я не испытывала такой радости — на лужайку вышел Ален. Судорожная хватка Викторины ослабла. Я едва успела подхватить ее, чтобы она не соскользнула на землю.

Вдвоем мы доставили ее в дом. Ален нес ее, а я отводила кусты, чтобы не цеплялись за платье и шлейф. Когда мы принесли ее в спальню, Амели уже была там, словно знала, что она может понадобиться. Пока она хлопотала, укладывала хозяйку в постель, разрешив мне оказать лишь минимальную помощь, Ален дожидался в гостиной. А я так мало могла объяснить ему...

— Она больна, — Амели стрельнула враждебным взглядом через постель. — Всегда одно и то же — головные боли, когда она слишком разволнуется. Сейчас она спит, а когда проснется, все будет в порядке, уверяю вас!

Я подумала, что сейчас Викторина, наверное, просто спит. Но то, что такие приступы взывают к лечению — самоочевидно. Однако, когда я вышла к Алену, то подумала, что обсуждать это в комнатах Викторины не стоит. Амели может держать ухо востро не только ради своей хозяйки, но и по каким-нибудь собственным причинам.

— Что случилось? — я уловила нетерпение в голосе Алена. — Что вы обе делали в саду, Тамарис?

Я сделала предостерегающий жест в сторону двери и спокойно ответила:

— У Викторины началась мигрень. Она подумала, что прогулка на свежем воздухе поможет.

Выражение его лица слегка изменилось. Он успел заметить и понять мое предупреждение, ибо сказал:

— Хорошо, что вы нашли ее. Мы должны дать ей отдохнуть.

Он открыл дверь в холл, пропустил меня вперед, а затем плотно захлопнул ее за нами. Он ничего не говорил, пока мы не достигли моей комнаты. Потом, не оставляя мне пути к отступлению, Ален открыл дверь и сделал мне знак войти.

Я опасалась, что Фентон дожидается меня. Но комната была пуста и освещалась только одной притушенной лампой.

— А теперь выкладывайте правду. Что случилось?

Я принялась описывать молодого человека, с которым видела Викторину на балконе, и лицо Алена окаменело.

— Значит, я ошибся, — прервал он меня, словно бы размышляя вслух. — Значит, он все-таки осмелился прийти сюда! И, если возможно... Но, скажите, как вы-то попали в сад?

Я изложила свою историю как можно короче, но не опустила встречи с Генри Биллом. Ален кивнул.

— Да, я тоже его встретил. Я увидел вас с террасы и последовал за вами. Хорошо, что я это сделал.

О чем же он тогда подумал? Будто я столь ненадежный страж, что могу направиться на тайное рандеву после всех моих рассуждений о долге? Но ни презрение Алена, ни возможные подозрения не брались сейчас в расчет. Имела значение только Викторина.

— Вы смогли бы узнать этого молодого человека?

— Да. Без всякого сомнения.

— Отлично. Я хочу, чтобы вы пошли со мной. Если вы увидите его, покажите мне. Мне его описывали, но лично с ним я никогда не встречался. А всем прочим скажем, что Викторина плохо себя чувствует и ей нужен отдых.

Когда мы вернулись в холл, то сразу столкнулись с миссис Дивз.

— Ален! Где вы были! Судья Стивенс с супругой уже собрались уезжать.

Полностью игнорируя меня, она по-хозяйски подхватила его под руку и потянула за собой. Я могла понять его затруднение. Но теперь мне приходилось охотиться за таинственным собеседником Викторины в одиночку.

Это было нелегко. Все гости непрестанно ходили туда-сюда, не ограничиваясь при этом одним залом. Как можно в таких условиях найти кого-то? Я все же попыталась, но быстро обнаружила, что приходится то и дело останавливаться и обмениваться любезностями с гостями. Ален сделал фатальную ошибку, выставив меня в начале бала принимать представления и тем придав мне, отчасти, статус хозяйки.

Достигнув застекленной веранды, я увидела кружок дам, образующих свиту пожилой величавой особы, в которой я опознала грозную миссис Уильям Гвин, почти два десятилетия возглавляющую местное общество. Черный бархат и жемчуга весьма приличествовали ее роли, и, судя по почтению окружающих, она еще пребывала в зените своей власти.

С краю этого маленького кружка, который я попыталась было обойти, я увидела даму, не столь занятую обхаживанием своей предводительницы, как прочие. Миссис Билл, разодетая в лиловую парчу и усыпанная бриллиантами, оглядывалась, словно искала кого-то. Затем ее глаза встретились с моими.

Она грациозно отделилась от общества и отрезала мне путь к бегству в оранжерею.

— Мисс Пенфолд! — Она столь громко произнесла мое имя, что я была вынуждена оказать ей внимание. — Я еще не имела случая поговорить с мисс Соваж...

Я была удивлена, поскольку совсем недавно она всячески давала понять, что вовсе не желает продолжать знакомство. Но сейчас она держалась столь уверенно, что я не могла вывернуться, не прибегая к открытой грубости.

— Викторина плохо себя чувствует, миссис Билл. Она только что удалилась к себе. Мигрень, знаете ли...

На мгновение мне показалось, что она готова оспорить мое утверждение. Затем какая-то новая мысль, похоже, сдержала этот порыв, и она произнесла совершенно иным тоном:

— Какая жалость. Она такая красавица. Сегодня вечером я слышала множество комплиментов в ее адрес. Надеюсь, ее недуг не очень серьезен?

— Вовсе нет, — отвечала я со всей уверенностью, на какую только была способна. — Она подвержена таким приступам, когда устанет или переволнуется. Сегодня ей хватило и того и другого.

— Да, важный вечер для каждой девушки — ее официальное вступление в свет, — отсутствующим тоном произнесла миссис Билл. Вы ведь уже давно знакомы с мисс Соваж, не правда ли, мисс Пенфолд?

Я почувствовала, что она спрашивает неспроста, и забеспокоилась. Но чистая правда в таком случае — неплохая защита.

— Только с ее приезда в Нью-Йорк. — Я вовсе не лгала.

— Так вы не знали ее во Франции... когда она была младше?

— Нет, миссис Билл.

— Странно, что она не приехала к своему брату раньше.

Моя сдержанность, похоже, вынуждала ее открываться все больше и больше. В ее голосе звучала требовательная нота. Конечно, история прошлого Викторины уже должна была стать общим достоянием. Слухи и сплетни на этот счет тоже сыграли роль. И то, что Ален Соваж уезжал на призыв дотоле никому не известной сестры, просто обязаны были знать все «старые семейства».

— Я ничего об этом не знаю, миссис Билл, — твердо ответила я.

Хотя тщательные ухищрения помогали ей сохранить видимость юности, однако сегодня она казалась несколько увядшей, возможно, из-за яркого света. Взгляд ее стал тяжелым.

— Конечно, вы обязаны так говорить! — вспыхнула она. — Должно быть, ей стоило большого труда восстановить треснувшую лакировку светских манер. — Объяснюсь откровенно я, как мать, хочу узнать побольше о молодой леди, к которой мой сын пытает довольно сильный интерес.

Ее объяснение было столь очевидно фальшивым, что она, должно быть, осознала это, еще не кончив говорить. Я не верила, что она испытывает к Генри какие-либо материнские чувства. Она даже не пыталась объяснять дальше, только уставилась на меня каким-то диким взглядом. Я удивилась, потому что прочла в ее взгляде отчаяние, превосходившее все мои представления. Словно... словно она обнаружила в Викторине некую опасность.

Она отвернулась, вертя в руках отделанный кружевами веер. Хотя она и недурно владела лицом, стиснутые руки ее выдавали. Я услышала треск пластин слоновой кости. Она как-то странно взглянула на сломанный веер, слабо вскрикнула и бросилась прочь.

Я вышла на веранду. Там тоже были люди, хотя толпа и начинала редеть, поскольку подавали ранний завтрак. Некоторые гости вызывали свои экипажи. Но нигде я не увидела того молодого человека.

Позже в главном зале я встретилась с Аленом, провожавшим гостей. Он вопросительно взглянул на меня и я молча ответила, покачав головой. Миссис Дивз наконец добилась места рядом с ним и была по-королевски самоуверенна. Я выскользнула прочь, не пытаясь заговорить с ним.

Солнце уже вставало, когда я обрела покой у себя в комнате. Я успела нанести визит Викторине, и нашла ее спящей, с Амели на страже. В гостиной дожидалась другая служанка, присланная Аленом на всякий случай, а точнее, как я предположила, для уверенности, что никто не нарушит покой Викторины.

Фентон, помогавшая мне снять платье, выказала редкую предупредительность и не болтала. С тех пор, как я последовала в сад за Викториной, миновала тягостная, длинная, хлопотливая ночь, и я была рада, что она, наконец, кончилась. Я проспала почти весь день, но сон не освежил меня и, поздно проснувшись, я сохранила воспоминание о беспокойных снах, и

голова у меня болела. Но позже, выпив чаю, я немного пришла в себя.

Придя к Викторине, я нашла там миссис Дивз, сидевшую в кресле у самой постели. Девушка полулежала на подушках и, хотя она выглядела еще слабой, лихорадочный румянец сошел с ее щек. Она улыбнулась мне.

— Наконец-то, Тамарис! — Она достала маленькие часики из кружевного кармашка на внутренней стороне полога, сверилась с ними, и нахмурилась с шутливой укоризной. — Вы все спали и спали. Амели дважды ходила к вам, но Фентон прогоняла ее прочь. Вы что, принимали какие-то порошки?

— Нет. Это просто усталость после долгой ночи, полной волнений. Но как вы себя чувствуете, Викторина?

Она зажала уши ладонями.

— Я не хочу больше слышать этого вопроса! Я чувствую себя гораздо лучше, но никто в это не верит. Теперь Ален говорит, что в понедельник мы поедем в город, и там мне придется показаться врачу, чтобы доказать, что я всего лишь немного утомилась. В комнатах было так жарко, что я вышла в сад, потом пошла слишком быстро и продрогла... и поэтому у меня разболелась голова. И для всех этих ахов и охов нет ни малейшего повода! Я говорила Алену, но он не слушал. Он сделал суровое лицо и сказал, что я непременно должна показаться доктору. Ну и прекрасно, так я и сделаю. Вот тогда Ален усвоит, как глупы его сомнения, и мы больше никогда о них не услышим. Со мной всегда бывало так, даже в раннем детстве. Амели знает, что надо сделать, чтобы я снова почувствовала себя лучше. А обращаться к врачу — глупость.

Но я была уверена, что в саду она с кем-то встречалась. Если Кристоф Д'Лис преследует ее, если именно его я видела с ней на балконе, вполне можно предположить, что она обещала встретиться с ним. Эти слова, что я уловила — канун Святого Иоанна... Следовало найти святцы и посмотреть, какое это число.

Но сейчас я приняла — для вида — объяснения Викторины, и вежливо поприветствовала миссис Дивз, выразив надежду, что ей понравился бал.

— Просто чарующая ночь. Да вы и сами должны знать, мисс Пенфолд. Сад прекрасен в лунном свете, особенно для интимных бесед и прогулок, не так ли? — В ее словах слышалась плохо скрытая злоба.

Я вздрогнула, на мгновение решив, что она была свиде-

тельницей тайного свидания Викторины. Однако ее злоба явно была направлена на меня.

— Мистер Билл очень любезен, — продолжала она, эдак лениво мурлыча. — Только, возможно, мне следует предупредить вас, мисс Пенфолд, что относительной свободой в обществе пользуются только замужние дамы, а незамужняя, даже и в зрелых летах, встретит много суровых глаз, готовых отметить малейший промах в ее поведении.

— Это хорошо известно, миссис Дивз. — Если она ожидала каких-либо протестов от оскорбленной невинности, то она промахнулась. Я заметила в лице Викторины слегка злорадное удовольствие, смешанное с удивлением. Наверное, она гадала, что я делала в саду.

— Мистер Билл? — повторила Викторина. — Тамарис, возможно ли, что галантный Генри проявил прошлой ночью внимание к вам? Ах, какое разочарование! Я ведь думала, что он ездит сюда ухаживать за мной! — Она насмешливо вздохнула. — Итак, вы увлекли в сад мистера Билла, или он увлек вас? Фи, Тамарис, вы всегда так много говорите о поведении, подобающем леди. Неужели на вас так сильно повлияла луна?

Ее тон был легок, пусть даже в нем и содержалось немного яду, но отнюдь не злоба, как у миссис Дивз.

— Я была в саду, потому что увидела, как вы покинули дом, и испугалась — правильно, как оказалось — что вам станет плохо. Разыскивая вас, я столкнулась с мистером Биллом. Вот и вся история про мои прогулки при луне.

Викторина рассмеялась.

— Если он курил одну из этих tres horreurs* сигар, которые он обожает, то я довольна, что он не нашел меня. Ненавижу этот запах. Мне от него худо, даже хуже, чем от моих мигреней. Pauvre** Тамарис...

Она состроила такую рожицу, что я не могла не подхватить ее смех.

— О, все было не так уж страшно. Мы были на воздухе, и он уже докурил сигару, прежде чем встретился со мной. Мы говорили всего минуту или две. Он искал вас, ведь вы обещали ему танец.

— Так он и сказал, — заметила миссис Дивз.

Я гадала, что произошло между нею и Генри Биллом. Если он намекнул, что я направлялась на свидание, ее бы это только

---

* ужасных (фр.)

** бедная (фр.)

порадовало. Однако Генри Биллу следовало бы заодно намекнуть что здесь замешан другой мужчина, а не он сам.

В любом случае, сейчас эта сплетня не имела значения, поскольку Ален Соваж знал правду. И если миссис Дивз захочет опорочить меня перед ним, она не преуспеет.

Остаток дня я провела с Викториной. Миссис Дивз лишила нас своего общества вскоре после моего прибытия, оповестив, что должна присоединиться к Алену, который собирался править сам каретой четверней (последняя новинка в здешних краях), чтобы провезти избранных гостей по поместью. Когда за ней закрылась дверь, Викторина села прямо и с силой произнесла:

— Настоящая d'chat!* Разве вы не слышали по ее голосу, что она прямо пышет торжеством! Она уже воображает себя хозяйкой, приказывающей всем... включая меня! До тех пор, пока не спихнет меня замуж за чьего-нибудь дуболома-сынка с жирным загривком и грубыми лапами! Говорю вам: она не получит Алена, не получит! — Ее изящные руки сжались в кулаки, и она ударила ими по покрывалу, накинутому на ее колени.

— Я думаю, ваш брат сам должен решать вопрос относительно своей женитьбы, и не сомневаюсь, что он сделает это разумно, — отвечала я по возможности спокойным тоном.

Однако триумф, которого прошлой ночью добилась миссис Дивз, помешав Алену в поисках незнакомца, не выходил у меня из головы, как и то, что она разыгрывала роль хозяйки, провожая гостей. Но Викторина была в сильном возбуждении, и я поспешила успокоить ее, напомнив, что он не предлагал миссис Дивз принимать гостей, а предназначил эту роль Викторине. Именно ее он усадил во главе стола прошлой ночью, и ей же предоставил открыть бал.

— Да, вы правы, — согласилась она. — Но когда дело касается женщин, мужчина становится совершенно слепым и не видит даже самых явных ловушек. Я не люблю Огасту, а она решила непременно стать женой Алена. — Она сунула руку под подушки и вытащила, крепко зажав в кулачке, какой-то предмет. Я уловила блеск золота, но не разглядела, что она держит, поскольку она прижала руку к груди, стиснув то, что прятала, между телом и ладонью.

Веки ее опустились. Сперва я подумала, что это от утомления, но затем поняла, что она глубоко задумалась. В это

* кошка (фр.)

мгновение она отдалилась от меня. Амели вышла вперед и сделала мне знак. Я обнаружила, что покорно, без слов поднимаюсь из кресла, чтобы оставить Викторину и ее самозванную охранницу одних. Сейчас я хотела бы увидеть Алена и увериться в его присутствии, что сгущающиеся тени — лишь плод моего воображения. Но Ален был с гостями, и мне пришлось ждать в одиночестве.

Викторина спустилась к обеду, оживленная и очаровательная. Возможно, ей пришлось пересилить себя из опасения, что, если ее не будет, миссис Дивз и дальше будет разыгрывать здешнюю хозяйку. Но если даже и так, следов усилий не было видно.

Поскольку это был воскресный вечер, мы предавались пристойным развлечениям. Несколько часов мы провели в Белой комнате с фресками, где две девушки из Брайтона пели и музицировали, а джентльмены периодически выходили, наверное, покурить и обсудить вопросы политики или бизнеса, считавшиеся слишком сложными для женского разумения.

Ален этим вечером не совершал тайных вылазок в сад, он оставался сидеть между Викториной и миссис Дивз. Я держалась в стороне от общества, довольствуясь возможностью просто посидеть и отдохнуть.

Когда на следующий день мы ехали в Сан-Франциско (точнее, через два дня, потому что Ален хотел оградить Викторину от переутомления и растянул наше путешествие вдвое), миссис Дивз все еще разделяла наше общество. Викторина много чего бубнила на этот счет, я лишь надеялась, что ни Амели, ни Фентон, сидевшие с нами в карете, не расслышат ее. Она выражала надежду, что дорогую Огасту в легком экипаже Алена будет всю дорогу тошнить, и это, конечно, несколько охладит ее брата. Однако, если быстрая езда и вызвала у миссис Дивз подобные ощущения, она не выказала никаких признаков дурноты.

В эти часы у меня было время глубоко и серьезно поразмыслить о себе самой. Чувство долга не позволяло мне покинуть Викторину, ведь она была действительно больна. Но какой-то внутренний инстинкт предупреждал, что я лишусь душевного спокойствия, если останусь. Я нашла в себе силы взглянуть правде в лицо. Ален Соваж (я уже больше не думала о нем как о «мистере Соваже») стал для меня — безо всякой моей на то воли — центром всего, он слишком сильно занимал мои мысли. Стоило ему войти в мою комнату, чтобы я потом весь день ощущала его волнующее присутствие.

Романтическая любовь, как ее описывают авторы чувствительных романов... Я долго испытывала серьезные сомнения, что такое чувство вообще существует, считая его писательским вымыслом, и никогда бы не поверила, что буду подмечать малейшее движение единственного мужчины, ловить каждое его слово, удерживать себя, но страстно желать малейшего предлога побыть с ним.

Это открытие смутило меня. Меня даже страшило то, что таилось на дне моей собственной души. Спасение было в отчужденности, в стремлении избегать всего, что могло поколебать маску, которой я так старательно прикрываюсь. Ведь если я буду настолько глупа, что уступлю этому новому чувству, я уже никогда не буду хозяйкой себе.

Впервые за долгое время я нуждалась в совете женщины старше и мудрее себя, кому я могла бы рассказать все без утайки и спросить, что мне делать с этим? Может быть, мне следовало покинуть это семейство, пока я не увязла слишком глубоко и оставалась еще надежда вернуть покой для сердца и ума.

Однако мне не к кому было обратиться. Из всех, с кем прежде сталкивала меня жизнь, близок мне был только отец. И даже если бы он был здесь, существовало нечто, чем я не могла бы поделиться даже с ним. Следовало полагаться только на себя, и ошибка могла стать роковой.

Осознав это, я испугалась. Я чувствовала себя так, будто меня все быстрее и быстрее несет к чему-то мрачному и опасному, а у меня нет ни сил, ни желания бороться.

Ален поместил нас в том же отеле, где мы останавливались раньше. Викторина, казалось, пребывала в добром здравии: она была полна сил, без устали сновала по квартире, бросаясь от окна к окну, чтобы посмотреть, что делается внизу. Довольно странно, что она ни разу не предложила поездить по магазинам, хотя мы выезжали в город каждый день. Обычно мы посещали Вудвард-Гарденз, где могли полюбоваться знаменитыми черными лебедями на озере и цветочными лужайками вокруг оранжерей.

Викторина предпочитала наблюдать эти красоты, оставаясь в экипаже. И, когда я предлагала посетить картинную галерею, а миссис Дивз — театр, ответом Викторины неизменно было «позже». Поскольку она не была больна, я полагала, что она чего-то ждет... или, может быть, кого-то? Возможно, она боялась оказаться в отсутствии, когда появится этот кто-то.

Доверенный врач Алена уехал на побережье, и мы должны были ждать его возвращения, в то время как сам Ален был завален множеством дел. В те дни я узнала о лихорадочной

спекуляции акциями рудников, причем занимались этим не только мужчины, но и женщины тоже. Я наслушалась удивительных историй о судомойках, которые вчера еще стояли у своих корыт, а на следующий день могли накупить бриллиантов, чтобы унизать свои опухшие красные пальцы.

Я гадала, втянуты ли компании Соважа в эту авантюру. Но когда миссис Дивз однажды спросила о таком помещении капитала, Ален довольно резко отозвался о подобной куплепродаже. Его интересы занимали не только рудники — в эти дни я узнала о его власти над целой «империей», включающая в себя скотоводческие ранчо, лесоразработки, шахты, пакетботы и торговые корабли, пересекающие Тихий океан.

На третий день нашего бесцельного сидения в городе он вернулся поздним утром, принеся с собой, как всегда, свежий ветер, ожививший наше тепличное, расслабляющее бытие.

— Берите ваши шляпки, леди, ваши мантильи, жакеты, все, что вам потребно. Мы едем с визитом.

Он был так оживлен и напорист, что я сразу встала, заинтригованная и тем, и другим. Но Викторина, раскинувшись на диване, томно спросила:

— Куда мы едем?

Голос ее прозвучал капризно, словно она сразу хотела сказать «нет», но не решалась.

— На «Рани». Корабль только что встал на якорь и привез сокровища, которые вас удивят. А теперь поторопитесь, экипаж ждет.

Возможно, именно магическое слово «сокровища» разогнало тучи, набежавшие на чело Викторины. Я сама была немало возбуждена, пришпиливая шляпку, и на меня нахлынули воспоминания... слишком сильные. Прошло много времени с тех пор, как я в последний раз ступала на палубу корабля, вдыхала его особую атмосферу, которая, сочетая в себе множество запахов, для меня неизменно означала счастье.

10

Пока мы ехали, Викторина задавала множество вопросов. Но я сидела молча, мысленно предвкушая предстоящее. Эта часть города отличалась от той, что я уже видела, ибо мы сейчас углубились в дебри Варварского Берега с его дурной славой.

Шум и крики достигали наших ушей даже сквозь закрытые окна кареты. Здесь, как я слышала, бродили банды хулиганов, а полицейские (специально отбираемые за силу и отвагу, вооруженные как ножами, так и пистолетами) осмеливались появляться только по двое и по трое. Этот район города славился по многим морям. В грязных ночлежках и безымянных пьяных притонах вербовщики занимались своим ремеслом, подбавляя наркотики в выпивку подгулявших матросов, обирали их до нитки, и затем отправляли их, бессильных и зачастую смертельно больных, пополнять команды стоящих на якоре кораблей.

Мой отец никогда не действовал через вербовщиков. Он рассказывал, что дважды в этой гавани ему вместе со своей командой приходилось драться, чтобы вышвырнуть их с палубы. А от его историй о портовых кварталах Сан-Франциско меня дрожь пробирала.

Но когда мы наконец ступили на палубу «Рани», я огляделась кругом с почти болезненным чувством. «Рани» была одним из тех прекрасных клиперов, что ныне, увы, быстро вытесняются пароходами.

Нет больше прекраснейших кораблей из всех, что когда-либо плавали, воплощенной мечты моряков, бесстрашно бороздивших на них воды, где никогда прежде не видели американского флага. «Рани» принадлежала к вымирающему племени, и за это я любила ее.

Нас встретили капитан и его первый помощник. Когда нас проводили вниз, Викторина посетовала, что с трудом удерживается на ногах, но я обнаружила, что не утратила морской походки и не нуждаюсь в чужой руке для поддержки.

Капитан Мэксфилд принял нас по-королевски. Нам были поданы коробки с засахаренным имбирем и другими чужеземными сластями. Хотя для меня они не были ни чужеземными, ни экзотическими. Я разглядывала разные диковины из далеких стран, вроде тех, что собирал когда-то мой отец: свитки китайских картин, устрашающую маску, рот которой был усажен зубами акулы, малайский нож, на чьем лезвии оставил следы морской воздух.

Я поклевывала имбирь и переводила взгляд с одной стены на другую, покуда мои грезы не прервал первый помощник.

— Извините, мисс Пенфолд, но, как поглядишь на вас, можно подумать, что вы уже бывали здесь раньше.

— Бывала. — Заметив его удивленный взгляд, я объяснила. — Нет, я не имела в виду ваш корабль. Но моим отцом

был капитан Джесс Пенфолд, и я плавала вместе с ним много лет. В сущности, я и родилась на борту корабля.

— С ума сойти! — Я подумала, что в своей модной упаковке выгляжу весьма далекой от спартанской морской жизни. — Капитан Пенфолд? О, я слышал о нем в Кантоне. Он был в большой дружбе с купцом Хо. Там о нем до сих пор вспоминают.

— Я так рада! — Человек должен оставаться в памяти тех, с кем он был связан при жизни. И то, что его все еще вспоминают с уважением, наполнило меня гордостью и счастьем.

— И еще я слышал, что он разбил пять пиратских джонок в Японском море, — продолжал мистер Уиккер. — Но это уж сказка!

Я улыбнулась.

— Одна из тех, что рождаются при пересказе. Я, видите ли, была там. Всего-то было две джонки, и у одной, должно быть, пьяный рулевой, так неустойчиво она шла. Но когда они атаковали, это было страшно.

— Две или пять — какая разница? Нужно быть настоящим мужчиной, чтобы сделать такое. С этими восточными пиратами я не пожелал бы встретиться, разве что с парой пушек, готовых к бою, и с пистолетом в каждой руке. Большая потеря, мисс Пенфолд, что эти дьяволы с конфедератских рейдеров загубили такого человека и его команду, — прямодушно закончил он.

И снова я была тронута, польщена и горда мыслью, что о моем отце так вспоминают.

— Итак, леди, — капитан, до того беседовавший с Аленом, встал. — Мистер Соваж считает, что вам будет интересно взглянуть на сливки нашего груза до того, как их запрут в банковских сейфах.

Он подошел к небольшому сейфу, прочно привинченному к полу, и вынул оттуда металлический ящик. Из него капитан достал несколько ящичков поменьше, обернутых индийским хлопком-сырцом, и тут нам открылись сказочные сокровища.

В одном ящичке были жемчуга, матово мерцавшие на тусклом сырце. Второй ящичек содержал камни с Цейлона — рубины и сапфиры, а третий — нефрит. Не тот нефрит, что обычно экспортируется на Запад, но полупрозрачный «императорский» нефрит, который так строго охраняется в пределах Китая, что большинство уроженцев Запада даже не подозревают о его существовании. Этот нефрит являл собой не просто камни, как в других контейнерах, но был обработан и покрыт резьбой. Здесь была бабочка, две превосходных серьги, браслет,

на котором были вырезаны крошечные сложные сценки — все это вполне могло принадлежать придворной даме.

— Этот нефрит... Как он вам достался? — вырвалось у меня.

Капитан Мэксфилд усмехнулся.

— Честным путем, мисс Пенфолд, хотя вы, возможно удивитесь, когда узнаете, каким. Дело в том, что нам повезло в Проливах. Пираты пытались сыграть с нами одну из своих дьявольских штучек — пустили по воде шлюпку с закрепленным торчком веслом, а на него привязали обрывок рубахи — вроде как сигнал бедствия. Однако один из наших, что ходил на корабле, несколько лет назад едва не вляпался в такую ловушку. Поэтому мы сделали вид, будто заглотили приманку, а сами захватили их дау*, когда она подвалила к нашему борту. Это, — он постучал по крышке ящика обветренной смуглой рукой, — мы нашли в каюте капитана. Неизвестно, ни где он захватил это, ни когда. В любом случае, законных владельцев нет: они, скорее всего, давно мертвы. Поэтому эти сокровища — наша законная добыча.

— Так и есть. После аукциона или продажи — это уж как вы решите, — живо сказал Ален, — вырученная сумма будет разделена между командой. Я дам вам расписку за ящик и отправлю его прямо в банк. Сам Таккер должен оценить его. Он может предложить вам выкупить их; мой совет — соглашайтесь. Его ювелирный магазин — лучший в городе.

— Мы оставляем все это на вас, мистер Соваж. В любом случае вы получите долю судовладельца.

— В этом случае — нет. — Ален покачал головой. — Я не могу претендовать на добытое в бою. Вы рисковали своими жизнями, а не я.

Капитан достал перо, бумагу и чернила, Ален написал расписку. Поверх его склоненного плеча я взглянула на миссис Дивз и Викторину. Первая хмурилась, но глаза Викторины были устремлены только на драгоценности. На ее лице был написан своего рода голод — словно она видела пищу, лежавшую вне пределов ее досягаемости.

На меня драгоценности тоже произвели впечатление, особенно нефрит. Но затем я содрогнулась, представив, каким путем они попали в руки пирата из Проливов. Я была уверена — всякий, кто наденет их, зная их историю, никогда не сможет чувствовать себя чистым.

— Ален, — спросила Викторина, когда мы снова оказались в карете. — Эти прекрасные вещи... Кто их купит?

---

* Одномачтовое судно, распространенное от Средиземного моря до Индии.

— Возможно, Таккер. Его «Бриллиантовый Дворец» может себе это позволить. И в любом случае капитан Мэксфилд может довериться ему как честному оценщику. Что ж, теперь вы повидали то, что можно назвать «сокровищами Индии».

— «Сокровищами Индии»... — мечтательно повторила она.

— Но большая часть выручки пойдет на ветер! — В голосе Миссис Дивз звучало раздражение. — Эти люди были вполне готовы отдать вам долю судовладельца, Ален. А теперь она уйдет в карманы простых матросов и будет растрачена в подобных местах! — Она взмахнула затянутой в перчатку рукой в сторону улиц Варварского Берега.

— Не простых матросов. Очень даже не простых, если они оказались способны сделать то, что сделали. Нет, судовладелец получает доход от обычных торговых рейсов. Эта же находка стала следствием того, что они рисковали своими жизнями. И они так же вправе извлечь выгоду из своих усилий, как и все прочие люди. Этот нефрит... он, должно быть, составлял гордость какой-нибудь принцессы или императорской наложницы. Каким ветром занесло его в сундук пирата в Проливах?

— Таким, о котором я бы не решилась говорить подробно, — высказала я вслух свои прежние мысли.

— Совершенно верно, — согласился Ален.

Мы не сразу вернулись в отель, сначала Ален свозил нас в знаменитый французский ресторан «Пудель». Там нам подали яства, каких я не видела и не пробовала с тех пор, как покинула Брюссель на борту «Королевы Индии». Когда мы уже вставали из-за стола, я мельком заметила у колонны смуглого человека, смотревшего на нас.

Был ли это тот самый молодой человек, с которым я видела Викторину на балконе? Или он мне уже мерещился в любом мужчине сходного роста и цвета кожи? Взгляд мой был столь мимолетен, что я не была уверена.

Когда Ален уже усаживал нас в экипаж, подбежал официант. Он прошел мимо мистера Соважа и протянул Виктории сложеный носовой платок.

— Мадемуазель уронила вот это...

Викторина пробормотала слова благодарности, скомкала платок и сунула его за кружевную манжету платья. Вполне незначительный инцидент и явно невинный... но он отложился в моей памяти.

Когда мы вернулись в «Лик-Хауз», Алену поднесли телеграмму, содержание которой заставило его нахмуриться. Он сжал губы, и все резкие линии его лица обозначились сильнее.

— Дурные новости? — быстро спросила миссис Дивз. Она

явно готовилась выразить сочувствие, но я не могла представить, чтобы Ален Соваж захотел этого, какие бы удары не нанесла ему жизнь.

— Снова нелады на «Лошадиной подкове». Думаю, что я напрасно послал разбираться Паркинсона: он просто не умеет как следует работать с людьми. Пришло время сменить его там, но это означает новую поездку в Вирджиния-Сити. Я должен ехать как можно скорее.

— Итак, — заметила Викторина после его отъезда, — он не отослал нас обратно в деревню. Здесь есть что сделать, что повидать...

— Но вы же ничего не хотели делать! — Я была более встревожена переменой обстоятельств, чем осмеливалась высказать. Снова вся ответственность была на мне, и если Викторина только и дожидалась, чтобы Ален уехал... что я могла сделать?

— Это потому, что Ален все время говорил о docteur и что я не должна переутомляться, пока ему не покажусь. Теперь здесь больше нет Алена, никто не качает головой и не говорит, что мне следует вести себя осторожно. Я не больна, я ему так и говорила — и всем вам тоже, — но он никогда не слушал. И тогда, и раньше у меня была простая мигрень и немного кружилась голова. Теперь я не чувствую ничего подобного, и мы будем делать, что захотим, но уже без мрачной мины Алена. — Углы ее рта опустились, словно она передразнивала брата.

Однако она не собиралась начинать незамедлительно, за что я была благодарна, Напротив, она удалилась в спальню, сказав, что сейчас должна отдохнуть.

Мы уже получили визитки от тех, кто побывал на балу, но были избавлены от тягот обязательных визитов болезнью Викторины и еще тем, что мы приехали в город исключительно чтобы повидаться с врачом.

Я подумала, что миссис Дивз будет тяготиться нашей изоляцией и отсутствием Алена. Теперь она могла возобновить связи с прежними друзьями, и мне придется одной опекать Викторину.

До сих пор девушка была достаточно свободна, но беспокойная живость, которую она снова выказала утром, бродя от окна к окну, меня обескуражила.

Миссис Дивз удалилась с грудой записок, на которые она, по ее словам, должна была ответить незамедлительно.

На меня тоже подействовало беспокойство Викторины, и я не могла усидеть ни с книгой, ни с шитьем. Викторина с самого начала нашего знакомства ясно показала, что ее един-

ственное чтение составляют модные журналы. Если она и открывала книгу, то лишь из любопытства: чтобы посмотреть что такого привлекательного находят в ней другие.

Хотя у нее были ловкие пальцы и она умела делать разные забавные пустячки вроде чепчиков, жабо и тому подобного из обрезков кружев, лент и искусственных цветов, но и на этом не могла сосредоточиться надолго. Она отбрасывала рукоделие незаконченным, потеряв к нему всякий интерес, предоставляя Амели делать последние стежки.

Сейчас же она хлопнула в ладоши, как делала всегда, призывая горничную — жест, который, по-моему, неприятно напоминал обычаи рабства. Правда, ни госпожа, ни служанка, похоже, не считали его оскорбительным.

— Амели! Принеси мне карты! — приказала она таким резким тоном, какого я никогда не слышала у нее в обращении с горничной.

Амели же, вопреки своему обычаю мгновенно подчиняться, двинулась не сразу. Я видела, как шевельнулись ее губы, будто она хотела что-то сказать. Потом она вопросительно глянула в мою сторону.

— Ты что, не слышала? — Нетерпение Викторины росло. Похоже, она отвергала некий немой протест служанки. Ее пальцы метнулись к горлу, отчасти приоткрыв под кружевом сорочки змеиное ожерелье. — Принеси сейчас же карты!

Амели вышла с явной неохотой, а Викторина выбрала один из маленьких столиков и быстро освободила его от вазы с розами, серебряного подноса с визитками и полупустой коробки конфет. В довершение она сдернула пурпурную плюшевую скатерть, обнажив полированную столешницу.

Пинком отшвырнув скомканную скатерть, она двумя толчками подвинула столик к своему креслу. Вернулась Амели с ч[illegible]ым ларчиком в руках, но не сразу передала его хозяйке. Напротив, она стояла у стола, прижимая свою ношу к груди, словно бы не желая уступать. Пристальный взгляд Викторины встретился со взглядом служанки. Медленно, очень медленно Амели поставила ларец. При этом стал ясно виден ее отвратительный браслет с пауком. Я гадала, зачем она носит это украшение, столь искусное, что я вздрагивала всякий раз, как его замечала.

— Ты можешь идти! — в голосе Викторины был лед.

Амели медленно удалилась. Если она задерживалась, надеясь, что настроение хозяйки изменится и та снова ее позовет, то она просчиталась.

Викторина не обращала на меня внимания. Она вела себя так, словно была в комнатке одна, двигалась быстро, как буд-

то повторяла действия, многократно проделанные раньше. Она коснулась крышки ларчика, та откинулась, и Викторина извлекла колоду карт.

Это была не обычная колода вроде тех, какими играют в вист. В белых, прекрасно ухоженных руках Викторины они выглядели так, как если бы она зачерпнула из канавы пригоршню грязи. Насколько я могла разглядеть, их с обеих сторон покрывала именно застарелая грязь. Такими мерзкими картами могли бы играть на Варварском Берегу, но Викторине они явно не внушали отвращения.

Она трижды перетасовала карты перед тем, как разложить их на столе лицом вверх на какой-то запутанный манер, не принятый ни в одном известном мне пасьянсе. Некоторые карты укладывались крест-накрест. И пользовалась она не всей колодой, а только частью ее. Для нее это явно было серьезно, сосредоточенность ее достигла такой силы, какой она никогда раньше не выказывала.

Последние несколько карт легли рубашкой вверх. Эти она собрала одну за другой, рассмотрела и раскидала направо и налево. Я была так удивлена, что привстала, чтобы посмотреть через ее плечо.

На этих картах не было обычных мастей. Сердца, бриллианты, дубинки и шпаги* — ничего подобного. На них были нанесены совсем другие рисунки, но они были настолько покрыты грязью, что их трудно было рассмотреть, только на одной виднелась рука, сжимающая кинжал, а на другой — черная змея, обвившая жезл.

Викторина перевернула последнюю карту и присоединила ее к одной из кучек, потом нахмурилась и что-то забормотала на диалекте, которого я не понимала. С жестом то ли нетерпения, то ли ярости сгребла карты в кучку и швырнула их обратно в ларец.

Прежде, чем я успела о чем-то спросить, она отпихнула столик с такой силой, что он едва не упал, и встала. Только теперь она вспомнила, что не одна в комнате, и повернулась ко мне.

— Я очень устала, и пойду отдохнуть.

Ее отрывистый тон мало напоминал обычную растянутую речь и вид ее вовсе не свидетельствовал об усталости. Напротив, глаза блестели, тело напряглось. Однако она так плотно захлопнула за собой дверь, что я растерялась.

Когда появилась миссис Дивз, дабы объявить, что сегодня

---

* В русских картах соответственно: черви, бубны, трефы и пики.

мы обедаем с ее подругой, из комнаты Викторины вышла Амели, сказав, что у ее хозяйки мигрень, и она не желает ничего, кроме чашки шоколада.

— Но она же чувствовала себя гораздо лучше! — миссис Дивз была явно раздосадована. — Ну, хорошо, я пошлю записку Эндрюсам...

— Вам нет нужды отказываться от приглашения. — Мне вовсе не улыбалось провести вечер наедине с миссис Дивз, раздраженной тем, что ее лишили развлечений. — Я, конечно же, останусь здесь. И мне вполне хватит пары сэндвичей и чашки кофе. Мистер Соваж оставил пакет с новыми книгами — они пришли утром по почте, — и я прекрасно проведу с ними время. Если Викторине что-нибудь понадобится, я буду рядом.

Она было заколебалась, но жажда удовольствий победила. Я вздохнула с облегчением, когда она уехала. Еще раньше я отпустила Фентон на весь вечер к ее сестре, и в гостиной воцарилась полная тишина.

В пакете с книгами я нашла трехтомный английский роман с весьма интригующим названием «Лунный камень». Имя автора — Уилки Коллинз — было мне смутно знакомо, но сама книга была для меня внове. Я уселась, взяв в руки первый том, и приготовилась спокойно провести вечер. Если за мной и наблюдали из спальни Викторины (что вполне могло быть), я этого не заметила.

Амели пришла за подносом, на котором мне приносили ужин. Но я остановила ее, спросив о самочувствии Викторины. Амели сказала, что госпоже лучше, что она попросила супу и бисквитов, но больше ничего. Она так торопилась уйти, что я не стала ее задерживать.

Книга оказалась захватывающей, даже слишком, решила я, когда читаешь весь вечер в одиночестве. Теперь я чувствовала безотчетный страх и печаль, как будто мне передались тревоги персонажей. Поэтому я отбросила книгу и отправилась спать.

Примерно через час, все еще не в состоянии успокоиться, я накинула халат, надела домашние туфли и решила пойти бросить взгляд на Викторину. Остановившись в дверях ее комнаты, я увидела ее в постели. Она спала, все было в порядке, я могла вернуться. Но я никак не могла уснуть. Воспоминание о мерзких картах врывалось в мой мозг, едва лишь я закрывала глаза. Почему я не попросила Викторину объяснить, что они значат? Если она часто брала в руки эти отвратительные карты, то и вправду могла от этого заболеть! Сама древняя черная Смерть могла налипнуть на них.

Кажется, я задремала, потому что неожиданно я снова

оказалась в каюте «Рани». Но добродушный капитан, Ален, миссис Дивз — все они исчезли. Я была наедине с Викториной, и с ее лица на меня смотрело то, что делало ее совершенно другим человеком — зло.

Ее пальцы ловко двигались, раскладывая эти ужасные карты, но не для пасьянса, а для игры на двоих. На столе между нами высилась груда драгоценностей, с которых медленно стекали струйки крови. Мой ужас перед прикосновением к этим картам, которые она принуждала меня взять, был так велик, что я проснулась, обнаружив, что сижу в постели с беспокойно колотящимся сердцем.

Я задержалась только для того, чтобы набросить халат: я должна была пойти к Викторине и убедиться, что она — не та демоническая тварь, какая привиделась мне в моем фантастическом сне; так сильно повлиял на меня этот кошмар.

И эта потребность развеять иллюзию не оставляла меня, пока я не пересекла темную гостиную и не приоткрыла дверь Викторины. Девушка лежала спокойно и мирно спала. Какая глупость — так впечатляться нелепым сном!

Однако я все же приблизилась к ее постели. Спящая повернулась к ночнику, и теперь я могла видеть ясно ее лицо.

Это была не Викторина!

В постели лежала Амели, одетая в ночную рубашку и чепец своей хозяйки. Если бы она не повернулась, иллюзия в тусклом свете была бы полной. Только случайность... спасибо тревожному сну!

Я схватила спящую девушку за плечи. Мой страх сменился яростью. Что за интрига здесь сплелась?

— Просыпайся! — Я встряхнула Амели со всей силой. — Что ты здесь делаешь? Просыпайся!

Я рывком подняла ее с подушек. Но ее голова бессильно свесилась на плечо, а веки даже не дрогнули. Я слышала ее дыхание, тяжелое и прерывистое. Я снова встряхнула ее, предположив, что она пьяна.

Но где Викторина? И почему на Амели ее ночной чепец и кружевное белье? К чему эта подмена?

Служанка мертвым грузом лежала у меня на руках без малейших признаков сознания. Я опустила ее на подушки. Что делать? Куда ушла Викторина и зачем? Я боролась с паникой, пытаясь рассуждать спокойно. Была Амели участницей заговора или, каким-то образом, его жертвой? Ее беспомощное состояние вновь пробудило мои страхи.

Решив, что следует все толком осмотреть, прежде чем звать на помощь, я зажгла вторую лампу, и, держа ее в руке,

прошла через комнату к гардеробу. Распахнув его, я отчасти получила ответ на свой вопрос.

Без сомнения, здесь рылись в спешке. Мантилья лежала на полу, платья были в полном беспорядке, а два саквояжа, стоявшие раньше в глубине, исчезли. Беглого взгляда на столик у трюмо хватило, чтобы понять — пропал ларец с драгоценностями Викторины и некоторые ее косметические принадлежности.

Я могла дать этому лишь одно объяснение — побег. Но почему она бросила Амели в таком состоянии? Я-то считала, что узы, связывающие ее с Викториной, таковы, что она тоже должна была бежать.

Когда я подняла лампу повыше, что-то заставило меня обратить внимание на полуобгоревший клочок бумаги. Я подобрала его и с уцелевшего обрывка просыпался желтоватый порошок. На смятом обрывке было написано несколько слов. Я разгладила его и прочла по-французски: «достаточно для...»

Я осторожно положила бумажку на стол. Достаточно для чего... для кого? Был ли здесь завернут наркотик для Амели? Я быстро стряхнула несколько крупинок порошка, налипших на мои пальцы, обратно на бумагу, и аккуратно свернула ее: следовало узнать, что это за порошок.

Затем я вернулась к постели, но только для того, чтобы столкнуться с новой напастью. За те несколько минут, что я была занята поисками, с девушкой произошла перемена. Она, казалось, боролась за каждый вдох, и промежутки между глотками воздуха увеличивались. Когда я коснулась ее лба, он был холоден как лед. Амели нуждалась в срочной помощи!

Поставив лампу, я дернула сонетку, вызывая ночного портье. Пока я стояла, ожидая ответа на свой неистовый призыв, в замке гостиной послышался скрежет ключа, и дверь распахнулась, пропуская миссис Дивз.

Увидев меня в дверях спальни Викторины, она застыла на месте.

— В чем дело?

11

Признаться, что не сумела выполнить свой долг, всегда нелегко, а сделать это перед миссис Дивз, которая, как мне было отлично известно, меня недолюбливает, было особенно трудно. Но сейчас речь шла, возможно, о жизни Амели и, конечно, о безопасности Викторины.

Я начала вкратце излагать, но, прежде, чем я успела кончить, она буквально оттолкнула меня, решив, что лучше посмотреть самой.

Я было последовала за ней, но тут раздался стук в дверь, и я впустила коридорного, пришедшего на мой вызов.

— Вызовите врача, и как можно скорее!

— Здесь есть доктор Бич, мэм. Этажом ниже, он живет здесь. Если он у себя...

— Вызовите его. Если его нет, найдите кого-нибудь еще... только быстрее!

— Да, мэм. — Он поспешно удалился.

Пухлые пальцы вцепились в мою руку.

— Что вы делаете? — требовательно вопросила миссис Дивз.

— Вызываю врача для Амели. Я уверена, что ее жизнь в опасности.

— Вы что, спятили?! — взвизгнула она. — Не понимаете, что такой скандал может отразиться на репутации Алена? Эта негодяйка набралась наркотиков. Оставьте ее в покое, и она поправится. Но если вы примешаете сюда посторонних, пойдут сплетни...

Я оттолкнула ее руку.

— Вы хоть посмотрели на нее? Я мало знаю о наркотиках, но уверена: она в смертельной опасности. Ей необходима помощь, причем как можно скорее.

Отстранив миссис Дивз, я вернулась к постели. Дыхание Амели стало еще тяжелее даже для моего неискушенного слуха. Мне никогда прежде не приходилось сталкиваться ни с одной серьезной болезнью, но сейчас я была уверена, что Амели в опасности. Миссис Дивз встала против меня с другой стороны постели.

— Вы — законченная дура, и Ален никогда не простит вам! Вы бы сперва подумали, где может быть Викторина, а уж в последнюю очередь беспокоились бы об этой мерзавке. Я собираюсь телеграфировать Алену...

— Ради бога!

Если она думала напугать меня — не важно. Ален нужен здесь. Только ему по силам остановить Д'Лиса. Чего бы я только не отдала, лишь бы он сейчас оказался здесь!

— Будьте уверены, я сообщу ему в с е, — продолжала она, не обращая внимания, что Амели борется за каждый глоток воздуха, злорадно сверля меня глазами. Но в этот момент меня не волновало, что она ему сообщит, главное — чтобы он приехал.

— Кто-то заболел?

Мы одновременно взглянули на дверь. Там стоял плотный

мужчина в парчовом халате, его взъерошенные волосы вздыбились, как петушиный гребень.

— Я — доктор Бич. Ну, леди, в чем дело?

Миссис Дивз быстро отошла от постели, словно отстраняясь от малейшего участия в происходящем.

— Я иду посылать телеграмму. — Она обращалась ко мне, а не к нему. Высоко подняв голову, она прошла мимо него, не произнеся не слова.

Доктор наблюдал ее маневр с некоторым удивлением, затем повернулся ко мне.

— А теперь, юная леди, скажите, в чем же дело?

Я объяснила, пока он быстро осматривал Амели.

— Да, она отравлена наркотиком, — согласился он. — Нужен горячий кофе, как можно больше. Нужно поднять ее, заставить ходить, даже если придется тащить ее волоком — лишь бы она двигалась. Я не знаю этот наркотик, но симптомы позволяют предположить какое-то снотворное, причем в лошадиной дозе.

— Я приготовлю кофе, мисс Тамарис!

Вздрогнув, я оглянулась. Вернулась Фентон, и никого на свете я бы не была так рада видеть. При взгляде не ее угловатую нескладную фигуру у меня сразу полегчало на душе. Я знала, что мы не дождемся ни малейшей помощи от миссис Дивз, но Фентон могла оказаться надежной опорой до приезда Алена.

Хотя Амели была в опасности, я не могла позволить себе забыть о Викторине. Куда она сбежала, с кем? Возможно, с каждым мгновением, что мы тратили на борьбу за жизнь Амели, ее безрассудная юная хозяйка все дальше удаляется от нас. Однако я не знала, что еще можно предпринять. Возможно, когда Амели придет в себя, она сообщит нам какие-то полезные сведения.

Мы боролись за нее несколько последующих часов, силой вливая черный кофе ей в горло. После первой же чашки ее жестоко вырвало, но доктор сказал, что это обнадеживает.

— Пусть извергнет хоть часть отравы, — объяснил он.

Фентон очень помогла нам, а вот миссис Дивз мы так и не увидели. Нам пришлось тяжело потрудиться, поскольку двое из нас постоянно водили Амели по комнате. Она стонала и вяло отбивалась. Однако, я сомневалась, что она сознает свое положение. Время от времени она открывала глаза, но нас, судя по всему, не узнавала. Или притворялась, имея на это свои причины?

Наконец доктор Бич заключил, что кризис миновал, и мы уложили ее в постель. Я рухнула в кресло, неожиданно осознав, что меня трясет — сказывались усталость и нервная реакция. Когда я уселась, ко мне подошел доктор, держа веер с тайником в пластине. Он принюхивался к выемке.

— Вы знаете, что здесь было? — спросил он.

— Здесь нет ничего, принадлежащего мисс Тамарис! — Фентон мгновенно оказалась рядом со мной. — Вам лучше спросить мисс Викторину. Это ее комната, а эта девушка — ее горничная.

— Не надо, Фентон, — прервала я ее, хотя ее заступничество согревало мне сердце. — Что это, доктор?

— Нечто такое, чего я не знаю. — Он уставился на меня так, словно силился прочесть мои мысли. — Я видел, а точнее, нюхал, это раньше, но когда и где... — Он пожал плечами.

Вдруг он резко повернулся к постели. Приподняв лампу и поднеся ее к Амели, он принялся пристально ее изучать. Ее ночной чепец свалился, и роскошные черные волосы волнами рассыпались по подушкам. Обычный темно кремовый цвет ее кожи стал теперь желтоватым и черты лица заострились, словно она болела уже много дней. Поставив лампу, доктор Бич снова обернулся ко мне.

— Эта девушка из Нью-Орлеана?

Я удивилась: какая разница, откуда родом Амели?

— Нет, из Франции. Или из Вест-Индии... я не знаю точно.

— Да, она очень похожа на les sirenes.

Я никогда прежде не слышала этого выражения. Он, должно быть, заметил мой удивленный взгляд. И хотя он не покраснел, но отвел глаза, словно бы смутившись.

— Это просто термин. Используется для описания молодых цветных женщин определенного типа. — Он снова взял веер. — Я хотел бы взять это с собой.

— Вы не скажете мне, что подозреваете?

— Я сам не уверен. — Доктор Бич покачал головой. — Просто догадки, и ничего такого, что можно обсуждать с молодой леди. Когда мистер Соваж вернется, я бы хотел сразу же повидать его.

— Разумеется.

— А пока, — заговорил он авторитетным тоном медика, — я пришлю одну из гостиничных служанок посидеть с этой девушкой. Вам же, юная леди, лучше всего тоже пойти прилечь. Вот... — Он извлек из своего саквояжа пакетик и передал его Фентон. — Проследите, чтобы она приняла это в стакане горячего молока. Затем пусть никто ее не тревожит, пока она не проснется сама.

Я вовсе не собиралась выполнять его указания, хотя и не заявляла об этом впрямую. Только что насмотревшись на действие снотворного, я с содроганием решила, что никогда в жизни не стану его принимать. Конечно, утро вечера мудренее, но не в этом случае. Мы спасли Амели, но что с Викториной?

Я не оправдала доверия... горькая правда. Однако оставалась слабая надежда, что я сумею поправить ситуацию. Если я сумею обнаружить какой-то след до приезда Алена, у меня будет чем ему помочь.

В моей комнате дожидалась Фентон. Нужно было уговорить ее помочь мне — сама я была слишком измучена и выбита из колеи.

— Фентон, мы должны найти мисс Викторину!

Она кивнула, не возразив ни словом... чего я от нее почти ожидала.

— Я знаю, мисс, вас это сильно беспокоит. Но где мы будем искать?

Меня сердечно тронуло немедленное предложение помощи, прозвучавшее в этом «мы».

— Кто-то должен был видеть, как она покидала гостиницу.

— Если вы начнете задавать вопросы, мисс Тамарис, помощи не будет, только сплетни. Приличнее будет сохранить это в тайне, когда она снова вернется домой. В этом городе любят сплетни, а если уж грязь налипнет, отмыть ее будет тяжко.

Фентон, конечно, была права. Но я была уверена, что Викторина не в меньшей опасности, чем Амели, и надо спешить.

— Здесь есть люди, которых я немного знаю... — продолжала Фентон нерешительно, словно не вполне была уверена, какое подобрать следующее слово.

— Ты хочешь сказать — слуги? Они не расскажут мне, но могут рассказать тебе?

— Да, мисс, отсюда, похоже, и надо начинать.

— Тогда попробуй, Фентон! Если сумеешь разыскать хоть самый слабый след...

— Я сделаю, что смогу, мисс Тамарис.

Она вышла, а я прошла в ванную и умылась холодной водой, надеясь, что это поможет мне мыслить яснее. Затем я поспешила к своему гардеробу и осмотрела его содержимое.

Я выбрала очень простое платье из альпака, которое Фентон настолько презирала, что предлагала выбросить. Вместо этого я взяла его с собой, собираясь носить на взморье, куда Ален собирался нас отвезти. Оно было тускло-синего цвета, отделанное только черной тесьмой, с укороченной «прогулочной юбкой» — то, что в Эшли-Мэнф мы называли «одежда для дождливых дней».

Если мне придется идти на поиски Викторины, я должна быть как можно незаметнее. В таком платье, завернувшись в плащ, полностью подобрав волосы под самую старую шляпу я, возможно, не буду бросаться в глаза.

Но куда идти и как, я не знала. Ни одна дама из общества не выходит одна на улицу. Если у нее нет иного спутника, она берет с собой служанку. Но были причины, по которым я не могла взять с собой Фентон. Я вынула кошелек, достала оттуда несколько золотых и серебряных монет, завязала их в носовой платок и спрятала во внутренний карман платья. Затем я обулась в самые прочные свои башмаки, хотя даже они предназначались для поездок в экипаже, а не для ходьбы пешком.

Полностью одетая, за исключением шляпы и плаща, я вернулась в комнату Викторины. В полумраке виднелась женская фигура, склонившаяся над спящей девушкой. Я увидела руку, скользнувшую под подушку, словно в поисках чего-то.

— Что вы делаете? — спросила я.

Женщина в испуге оглянулась, и я узнала Сабмит. И когда она посмотрела на меня, я удивилась выражению ее лица. Если когда-либо из человеческих глаз на меня взирал откровенный страх, то именно в это мгновение. Рука, выпорхнувшая из-под подушки, сжалась в кулак, словно обхватив некий предмет. Мне показалось, что я уловила блеск золота.

— Что это у тебя?

Твердо шагнув к ней, я схватила ее запястье. Она попыталась вырваться, затем замерла. Ее лицо по-прежнему оставалось маской ужаса.

— Что там у тебя? — повторила я, притягивая ее руку под свет лампы.

— Вот, смотрите! — буквально выплюнув эти слова, она разжала пальцы.

Браслет с пауком упал на постель. На нежно-розовом покрывале он выглядел еще отвратительнее.

— Z'araignee! — сейчас Сабмит и вправду плюнула — пятно слюны расплылось рядом с мерзким украшением.

— Ты украла его! — Но почему она хотела стянуть вещь, вызывавшую у нее столь явное отвращение?

— Я взяла его потому что это — зло. И она злая, хотя и не так сильно, как...

Вдруг поток ее слов иссяк, словно ей зажали рот. Сабмит была парализована страхом, и я, судя по выражению ее лица, сейчас мало чего могла от нее добиться.

Я подошла к туалетному столику Викторины и нашла там носовой платок. Через него я взяла браслет, чтобы не дотрагиваться до него пальцами, потому что любое прикосновение к нему было мне противно. Для чего предназначался этот ужасный предмет, оставалось для меня загадкой. То, что Амели носила его, усиливало мою неприязнь к этой девушке. Не-

ужели виной тому было слишком сильное предубеждение против насекомых?

Наша борьба за жизнь Амели научила меня жалости. Амели, какова бы она ни была — порождение рабства, оставившего за собой тяжкое наследие. Как смею я судить кого-то строже, чем себя?

Я сжала гадкий браслет в руке, стараясь сообразить, что с ним делать. Но я так устала, что не могла принять быстрого решения.

— Что вы с ним сделаете? Оно плохое... Очень плохое...

— Что ты собиралась с ним делать? — ответила я вопросом на вопрос.

— Отнести его к... — Она снова осеклась, но, понимая, что должна что-то ответить, продолжила: — Я бы отнесла его туда, где от него больше не было бы вреда. Тогда она, — Сабмит указала на Амели, — тоже не смогла бы причинить вред!

— Сабмит... — Может, это шанс разузнать что-либо о Викторине? В этом отеле большинство слуг были негры, что они скажут Фентон? Сабмит была явно потрясена, в таком состоянии духа, она, возможно, будет откровеннее. — Ты знаешь, что мисс Соваж пропала?

Она ответила быстрым кивком.

— Ты не знаешь, кто-нибудь видел, как она вечером покидала гостиницу? Поможешь мне узнать, была она с кем-то или одна, и... — куда она пошла?

Всякое выражение мгновенно исчезло с ее лица. Ко мне повернулась одна из тех пустых масок, какие другая раса использует, когда отказывается от любого общения. Я наблюдала это у китайцев, и у полинезийцев на Островах. И я уже знала, что эту маску так просто не пробить.

— Что вы с ним сделаете? — проигнорировав мой вопрос, она задала свой, указывая на браслет.

— Не знаю. Наверное, сохраню, покуда Амели о нем не спросит.

— Он навлечет на вас несчастье, большое несчастье! Такая леди, как вы, не должна держать у себя ничего... такого. Отдайте его мне, и я сделаю лучше — вот увидите! А если оставите его себе, с вами непременно случится несчастье.

В этом пророчестве она ошиблась, чему я позднее получила доказательство.

Тогда же я положила браслет во внутренний карман, в то время как Сабмит исподтишка косилась на меня. Она явно верила, что, пренебрегая ее добрым советом, я навлекала на себя беду.

Уверенная, что сейчас ничего от нее не добьюсь, я верну-

лась к себе в комнату. Не в силах спокойно ждать Фентон, я расхаживала из угла в угол. Любая просьба о помощи могла вызвать огласку, даже скандал, и погубить Викторину.

Такое решение может исходить только от Алена. Когда он сможет приехать... и приедет ли? Может, и мне следовало послать телеграмму — не с оправданиями, а для того чтобы объяснить ему серьезность положения. Однако, я смела полагать, что миссис Дивз уже обрисовала картину в самых мрачных красках, какие только возможны.

Легкий стук в дверь побудил меня спешно впустить Фентон.

— Что ты узнала?

— Довольно странная история, мисс Тамарис. Кое-кто видел, как она уходила отсюда. Но не мисс Викторина... они говорят, что это была Амели.

— Но это невозможно! — Тут меня осенила неожиданная догадка. — Викторина в одежде Амели?

Это предполагало заговор, спланированный заранее. Неужели Викторина отравила свою служанку, с которой, казалось, была в самых добрых отношениях, переоделась в платье своей жертвы и в таком виде скрылась? Это имело бы смысл, если бы не белая кожа Викторины. Нет, это было невозможно.

— Те, кто ее видел, говорят, что это была Амели, — повторила Фентон. — Она вышла через служебный выход и села в фиакр.

— Когда?

— Насколько я могла понять, чуть позже девяти.

Значит, она ушла за несколько часов до того, как я обнаружила Амели. А сейчас почти что утро. Викторина тем временем могла покинуть город в поезде, карете, даже на корабле!

— Они уверены, что это была Амели? — повторила я.

— Не понимаю, как можно перепутать с ней Викторину, даже если та была в платье Амели.

Фентон кашлянула.

— Ты знаешь что-то еще?

— Мисс Тамарис, есть способы подтемнить кожу. Если женщина хочет изменить свою внешность, это сделать совсем нетрудно.

Но это значило, что Викторина готовила бегство уже давно. Голова у меня так закружилась, что я вынуждена была ухватиться за спинку ближайшего кресла. Передо мной встали две Викторины: одна — легкомысленная девушка с переменчивым настроением, другая — коварная и незнакомая. Какая же из них настоящая?

От этого зависело многое. Если Викторина поступила так

по чужому наущению, она, возможно, уже раскаивается в своих опрометчивых действиях. И теперь ей должно быть страшно. Однако если она спланировала это сама, тогда никто из нас не разгадал ее характера. Даже Ален обманулся. Викторина может быть где угодно, но не хотелось бы преследовать ее, как беглую преступницу.

— Вы можете осмотреть ее комнату, мисс Тамарис...

Фентон дала хороший совет. Я не могла больше сидеть без дела. Ждать... но чего? Только возвращения Алена, когда мне придется признаться, что я не оправдала его доверия.

Хотя мне было противно перетряхивать чужое нижнее белье и рыться в чьих-то личных вещах, я обязана была это сделать. И я пошла вместе с Фентон, обнаружив по пути, что Сабмит исчезла. Амели была оставлена без присмотра, что шло прямо в разрез с приказами, полученными горничной.

Но я была даже рада этому, потому что не могла бы искать, если бы она наблюдала за мной. Фентон прошла в ванную, а я сперва направилась к небольшому письменному столу.

Викторина, как было мне хорошо известно, никаких писем не писала: за все недели, что мы провели вместе, я никогда не видела ее за этим занятием. И сейчас я не нашла адресной книжки. В ящике не было ни бумаги, ни конвертов, зато в маленькой корзинке для бумаг лежал скомканный лист и записка, небрежно разорванная на четыре части. Я выложила обе находки на стол и сперва разгладила смятый лист.

От него исходил отчетливый запах духов Викторины. Значит, какое-то время она носила его при себе. Это оказался довольно грубо выполненный рисунок — сердце, заштрихованное черным. Из самой его середины торчало нечто, смахивающее на меч с раздвоенной рукояткой. Из точки соприкосновения меча с сердцем разлетались красные штрихи, неприятнейшим образом намекающие на кровь, бьющую из смертельной раны. Наконец, из острого конца черного сердца к рукоятке меча, высунув раздвоенный язык с угрозой или вызовом, извивалась золотая змея.

При всей грубости исполнения, в рисунке была мрачная сила, словно он был изготовлен с темными целями. Под рисунком шла краткая подпись по-французски: «Сегодня в девять».

Я отложила рисунок в сторону, и стала складывать вместе разорванные клочки. Почерк на них был настолько оригинальный, что у меня возникло чувство, будто я уже видела его прежде, но не могла вспомнить, когда и где. Здесь тоже была единственная короткая фраза, но по-английски: «Удовлетворитесь, потому что больше не будет».

— Мисс Тамарис... — Фентон вышла из ванной, держа в руках бутылочку. — Я была права, — торжествующе заявила она. — Это краска для кожи...

Выходит, Викторина и вправду спланировала все это. И скомканный рисунок...

В моей памяти встала мысленная картина: официант в «Пуделе», падающий ей носовой платок. Как быстро она смяла его и сунула за манжету! В ресторане... тот молодой человек, которого я видела — неужели он нарисовал эту страшноватую картинку и переслал ее Викторине прямо на глазах ее брата? Значит это был, тот самый Кристоф Д'Лис, что балуется вуду? А рисунок — знак принуждения этого злобного культа? Теперь события связывались в единую цепь, хотя это были, конечно, одни предположения.

Когда Амели поправится, ее следует осторожно расспросить. А до тех пор ее следовало охранять. Если ей умышленно дали огромную дозу наркотика, она все еще может быть в опасности. Но это выглядело уже слишком мелодраматично. Я не могла поверить, что Викторина способна на хладнокровное убийство. Она, должно быть, не рассчитала дозу какого-то зелья, которое волей или неволей проглотила Амели. Не следовало придумывать лишних ужасов.

Когда Фентон ставила передо мной бутылочку, широкий рукав ее платья задел небольшую стопку записок, и они посыпались на пол. Все они были с пожеланиями быстрого выздоровления. Вчера их принесла миссис Дивз, настаивавшая, чтобы Викторина ответила на каждую.

Среди них был кремово-белый листок, который привлек мое внимание. Я положила его рядом с обрывками, вынутыми из корзинки, и принялась сравнивать их между собой. Для меня не осталось сомнения, что обе записки написаны одной рукой.

Пожелания были выражены в совершенно формальных выражениях, а подписана она была... миссис Билл!

— Что такое, мисс? — Фентон собирала остальные записки. — Вы что-то нашли?

— Ничего, что я могла бы понять, — призналась я.

Потом я велела Фентон принести большой конверт с моего собственного стола. В него я вложила записку от миссис Билл и обрывки из корзины для бумаг. Я уже почти запечатала его, когда увидела полуобгорелый клочок из камина, о котором совершенно забыла. Порошок следовало отдать доктору Бичу, но сейчас было слишком поздно. Я вложила его в тот же конверт, и написала на нем имя Алена.

Рисунок я сохранила, потому что хотела уличить Амели,

когда она проснется. Голова у меня жестоко болела, я отчаянно устала. Однако в то же время во мне билась какая-то лихорадочная энергия.

Теперь следовало встретиться с миссис Дивз и узнать, получила ли она ответ на свою телеграмму. Долго ли нам придется ждать Алена? У меня и понятия не было о расстояниях. И где-то будет Викторина, когда он приедет? Надо было делать хоть что-то!

— Мисс Тамарис, — Фентон отвлекла мое внимание от мрачных мыслей. — Послушайте... почему бы вам теперь не отдохнуть? Если все равно нет никакого следа к мисс Викторине...

Я покачала головой, хорошо сознавая свою тупость и растерянность.

— След должен быть, Фентон, должен! Или я не знаю, что может случиться. У нее, — я кивнула на Амели, — может быть ключ ко всему. Ее нельзя оставлять одну. Прошу тебя, Фентон, пожалуйста, присмотри за ней, и позови меня в ту же минуту, как она очнется!

Она согласилась с видимой неохотой. Но когда я добавила, что она — единственная, кому я могу это доверить, Фентон смягчилась. Почему она принимала так близко к сердцу мои дела, я не знала, но чувствовала за это глубокую признательность.

Вернувшись к себе в комнату, я положила конверт для Алена на видное место на столе. При этом я услышала шорох, встревоживший меня. В комнату без стука проскользнула Сабмит. Ее тускло-коричневое платье горничной было полускрыто шалью, она надела старомодный чепец, надвинув его так, что он почти закрывал ее лицо.

— Что ты здесь делаешь?

После сцены в комнате Викторины я склонна была относиться к этой девушке с некоторой опаской, уверенная, что она знает нечто, чем не хочет поделиться. Теперь же, к моему удивлению и глубочайшей неловкости, она приложила палец к губам, призывая к молчанию, выпростала из-под шали руку, сжимающую конверт и протянула его мне.

Викторина! Таким образом она, должно быть, пытается связаться со мной! Единственно с этой мыслью я быстро схватила послание и разорвала конверт. Однако письмо оказалось совсем от другой женщины.

«Если вам нужна помощь в поисках вашей пропажи, не исключено, что нижеподписавшаяся сумеет ее оказать. Ступайте с Сабмит, поскольку наша встреча должна быть приватной, и она послужит вам проводником».

Этот напыщенный слог сам по себе был странным. Однако подпись удивила меня еще больше: «Мэри Элен Смит».

12

Загадочная «Мэмми Плезант», на которую миссис Дивз навесила ярлык «дьявол», против кого предостерегал меня мистер Кантрелл, но которую уважал мой отец. Уже второй раз она предлагала мне помощь, и теперь я положила на весы собственные воспоминания против вспышки миссис Дивз и двусмысленных слов мистера Кантрелла. Я предпочла поверить воспоминаниям.

— Куда мы пойдем? — спросила я служанку.

— В ее дом — на Вашингтон-стрит, — Сабмит спрятала руки под шалью.

Вот так я сделала свой выбор... возможно, глупый и поспешный. Но мне это казалось тем самым шансом, о котором я молила с тех самых пор, как обнаружила исчезновение Виктории.

Я положила записку на стол, рядом с конвертом, адресованным Алену, и схватила шляпу и плащ.

Хотя на улице не было удушающего тумана, легкая морось заставила меня плотнее закутаться в плащ. Мы вышли из отеля через служебный выход, по задним коридорам. Там нас уже ждал наемный экипаж, и я вскарабкалась в его затхлое нутро, пропахшее лошадиным потом и застарелым табачным дымом. Хотя Сабмит не давала кучеру никаких указаний, экипаж двинулся сразу же, как только мы уселись.

Я забилась на сиденье по возможности дальше от окна. Плохая погода — хорошее укрытие: на улице и на тротуарах почти никого не было. Однако у меня было странное чувство, будто за мной следят. Сабмит, казалось, разделяла мои чувства: она скорчилась в своем углу. Я страстно желала расспросить о цели нашей поездки, о женщине, приславшей мне письмо, но какой-то инстинкт говорил мне, что девушка не ответит.

Поскольку я не знала города, у меня и понятия не было, куда мы едем. Подъемы, сменявшиеся крутыми спусками, были заметно тяжелы для лошадки, тащившей наш экипаж. К моему облегчению, кучер не пользовался хлыстом. Вместо этого он терпеливо позволял тащиться как придется, так что о скорости говорить не приходилось.

Я с трудом обуздывала свое нетерпение. Я была уверена,

что скорее дошла бы пешком, если бы только знала дорогу. Поэтому я заставляла себя думать не о потерянном времени, а о том, что могу, наконец, попросить о помощи.

Но как Мэмми Плезант сумеет помочь, я не догадывалась. Я уже начинала думать, что поступила весьма опрометчиво и готова была приказать вернуться в отель, когда мы остановились перед трехэтажным зданием, несколько более претенциозным, чем окружающие его. Я бросила взгляд на табличку под фонарем — «Вашингтон-стрит».

Я потянулась было за носовым платком, куда увязала свои деньги, прикидывая, сколько заплатить кучеру, но Сабмит замотала головой.

— Нас привез ее человек; не надо платить.

Движения на улице почти не было, а тротуар был пуст. Сабмит легонько коснулась моей руки, указывая на дверь, которая сразу же открылась, как будто за нами наблюдали.

Меня встретил запах табака, тепло и богато обставленная гостиная сразу за прихожей. Но я успела бросить лишь беглый взгляд на всю эту роскошь, перед тем как девушка, открывшая дверь, поманила меня за собой. Сабмит осталась позади.

Привратница была белой, и на ней был изукрашенный оборками и кружевами пеньюар, каким и Викторина не побрезговала бы. Ее светло-каштановые волосы были завиты в длинные локоны, свободно падающие на плечи. Если бы я встретила ее в каком-нибудь другом месте, то приняла бы за балованную дочку респектабельных родителей.

Она ничего не говорила, только жестом пригласила меня следовать за ней вверх по лестнице, а затем — пройти по устланному ковром коридору, двигаясь так быстро, словно мы должны были избегать свидетелей. Дойдя по коридору до последней двери, она дважды постучала и остановилась, чтобы пропустить меня вперед.

Дверь открыла та самая женщина, которую я видела в модной лавке.

— Миссис Смит? — рискнула я спросить.

Она улыбнулась, и улыбка ее была теплой.

— Когда-то я была миссис Смит, миссис Джеймс Смит. Теперь, годы спустя, я стала миссис Плезант. Но поскольку вы знали меня под моим прежним именем, я решила подписаться им. Входите, мисс Пенфолд.

Комната, куда она меня пригласила, имела весьма элегантный вид. Я удивленно оглядывалась, поскольку никак не могла определить природу этого заведения.

Стены покрывали полосатые обои «устричного» и розового

цветов. У черного мраморного камина стояли два кресла из резного розового дерева, обитые гвоздично-пурпурным бархатом. Между ними располагался столик с подносом, на котором стоял серебряный прибор. Темно-серые бархатные портьеры полностью закрывали окна, а свет в комнате исходил от почти прикрученного газового рожка и двух ламп.

Хозяйка была женщиной неординарной, насколько я помнила ее. Сразу ощущался какой-то личный магнетизм. Одета она была в платье с пышной юбкой, старомодного покроя, но из роскошного шелка цвета сливы, с изысканным белым кружевным воротником и такими же манжетами. Они очень шли к черному батистовому чепцу в форме сердечка. Агатовые серьги и кулон усугубляли мрачный тон ее одежды, но в общем создавалось впечатление элегантности и, возможно, большего вкуса, чем у модных платьев новейшего фасона.

Она стянула с меня плащ, взяла за руку и подвела поближе к огню. От ее шелестящих юбок исходил аромат роз.

— Вы помните меня.

Это было утверждение, не вопрос.

— Да, вы приходили на «Королеву Индии» побеседовать с моим отцом.

— Капитан Пенфолд сильно рисковал, помогая моему народу. Я осталась перед ним в долгу, который до сих пор не имела случая отдать. Возможно, я сумею расплатиться, услужив сейчас его дочери.

— Ваше письмо... вы говорили, что можете сообщить мне что-то о пропаже...

Я примостилась на самом краешке предложенного мне кресла, пытаясь прочесть хоть какой-то ответ на ее приятном спокойном лице.

Она сдвинула салфетку с приборов на подносе. Затем налила в маленькую рюмку для ликера что-то из флакона, оправленного в серебро.

— Выпейте это, дорогая. Это настойка дикого клевера моего собственного приготовления. Вам нужно укрепить как тело, так и душу. — Голос ее успокаивал, внушал доверие.

Однако, что я вообще знала об этой женщине? Давняя встреча, вспышка миссис Дивз, предостережения мистера Кантрелла... И все же, глядя на нее, я не сомневалась, что она желает мне добра.

Я проглотила питье. Вкус был странный, но не противный. Тепло камина прогнало дрожь, которая, должно быть, била меня с тех пор, как я нашла бесчувственную Амели.

Затем хозяйка налила мне чашку кофе, сняла крышку с

тарелки с яичницей-болтуньей и беконом. Я начала есть, сначала потому, что она меня принуждала, а затем потому, что еда была очень вкусной, а я сильно проголодалась. И все это время она почти ничего не говорила, только улыбалась своей снисходительной улыбкой.

Я встречала многих женщин, имевших какие-то претензии на власть и авторитет, но никогда прежде не видела столь уверенной. Создавалось впечатление, что если она пожелает, ничто не сможет противостоять ее воле.

— Вы ищете Викторину Соваж, — сказала она, когда я отказалась от добавки и немного расслабилась. — Это мы сейчас и обсудим.

Моя недоверчивость еще не полностью испарилась в этой спокойной комнате и под влиянием хозяйки. Я прямо спросила:

— Откуда вы знаете, что Викторина исчезла?

Улыбка миссис Плезант не исчезла, напротив, стала еще шире.

— Детка, везде есть глаза и уши. И языки, разносящие все новости. А также... но об этом мы поговорим позже. Сами видите: мне было несложно выяснить, что именно вы хотите узнать. Если мисс Соваж все еще в городе, мне об этом сообщат. Если она уехала, выяснят, на чем и куда. Однако на такие розыски требуется время. Это огромный город, и в нем много мест, где могут скрываться люди, не желающие, чтобы их обнаружили. Под этой крышей бывают гости с высоким положением, члены городского управления. Капитан Лейз из сыскной полиции, например...

— Нет! — прервала я ее. — Никакой полиции, пока так не решит мистер Соваж. Скандал, открытое расследование...

Она наклонила голову с королевским достоинством.

— Это понятно. Когда вернется мистер Соваж, он волен принимать те решения, которые сочтет наилучшими. Но до того, как он вернется, может пройти много времени.

Все тревоги вновь нахлынули на меня.

— Я знаю! Если бы мы только могли поскорее найти ее... я чувствую, что мы обязаны... ради ее же безопасности!

— Время может иметь большое значение, — согласилась она. — Я потороплю своих людей. Поскольку те, у кого есть передо мною обязательства, работают во многих местах в городе, они многое видят и слышат. Только скажи им, что мы ищем определенную девушку, и они ее выследят.

— Она... она, вероятно, изменила свою внешность. Моя служанка нашла бутылочку с краской для кожи. Викторина должна сейчас выглядеть, как ее горничная Амели, а та — квартеронка.

— И она бежала с мужчиной.

— Откуда вы знаете? Ваши люди уже нашли ее? — Я привскочила со стула.

— Нет. Но в подобных случаях за всеми загадками всегда скрывается мужчина. Возможно, вас предупреждали, что такое может случиться? Ведь есть мужчина, против которого предостерегали мисс Соваж? Возможно, ей запретили с ним видеться? Расскажите мне все, что знаете.

Предала ли я доверие Алена, рассказав ей все? Но какое это имеет значение, если всего несколько слов помогут найти Викторину? Поэтому я поведала все, что слышала о Кристофе Д'Лисе.

— Вуду, — повторила миссис Плезант. — Причем с тех островов, где его влияние очень сильно.

— Вот еще... я нашла это в комнате Викторины нынешним утром. — Я достала скомканный лист бумаги со странным рисунком. Она взяла его и выражение ее лица резко изменилось. Улыбка исчезла, губы сжались, веки опустились. Когда она перевела взгляд с бумаги на меня, ее разноцветные глаза смотрели холодно и испытующе.

— Эзили Кур-Нуар, — сказала она.

— Что это значит?

Внимательный взгляд снова устремился на бумагу.

— Лучше вам никогда не знать этого, детка. Но если это так... нет! — Она встала. — Такого в моем городе не случится!

Столь собственническое утверждение, вероятно, было бессознательным, но весьма показательным. Ее королевская повадка исходит из сознания власти, неожиданно осенило меня. И на чем бы не основывалась эта власть, миссис Плезант была уверена в своих силах.

— Это часть верований вуду? — поинтересовалась я.

— Да, так называемого вуду. Сейчас вы останетесь здесь, а я отдам необходимые распоряжения. — Но она продолжала стоять, глядя на бумагу. — Оно поднимается... — Она снова прервалась, затем продолжала прежним ласковым тоном: — Я вернусь, как только смогу. Никто не должен знать, что вы здесь. Это не такой дом, в котором стоит показываться леди вашего круга. Вы меня понимаете? Ради сохранения вашего доброго имени вас не должен видеть никто из моих гостей.

Я поняла, что предупреждение ее вполне серьезно.

— Но я не могу оставаться здесь...

— Можете и должны, пока не сумеете уйти незаметно. Разве я не сказала, что у меня долг перед вашим отцом? Я не втяну его дочь ни в какие дела, способные замарать имя Пенфолд. Сплетни дешевы, как говаривали в старину. Здесь всегда ходит множество дурацких слухов, и в большинстве

своем — грязных. Мы же сделаем все возможное, чтобы найти мисс Соваж, хотя сдается мне, что она, осмелилась ступить на темный путь.

Мисс Плезант не вернула мне рисунок. Все еще держа его в руке, она вышла. Мгновением позже я услышала отчетливый скрип ключа, запирающего дверь. Сделала ли она это, чтобы меня не потревожил никто из ее пресловутых «гостей» или для уверенности, что я не пренебрегу ее предупреждением? Правда, в этот момент я бы просто не могла никуда убежать: ноги мои отяжелели не меньше, чем веки, и вялость, порожденная утомлением и нервным перенапряжением, погрузила меня в полный видений сон.

Проснулась я не в кресле у камина, а на диване, укрытая пальто. Я была еще сонной, но не настолько, чтобы не заметить миссис Плезант. Она снова сидела за чайным столиком, откинув голову на спинку кресла. Она пристально разглядывала некий маленький предмет, который держала щипцами.

Щипцы... Так Ален держал «гри-гри» перед тем, как сжечь! Ален! Я села со сдавленным восклицанием, и хозяйка повернулась, чтобы взглянуть на меня.

Затем, словно бы не желая, чтобы я видела то, что она держит, она сунула щипцы в самую середину огня. И снова я вспомнила Алена. Где он? Вдруг он вернулся, и узнал, что я пропала? Нужно было как можно скорее вернуться в отель.

— Викторина... вы что-нибудь узнали о ней?

— Совсем немного. Она не с тем мужчиной, о котором вы говорили. Однако он здесь, в городе, и за ним следят. — В голосе миссис Плезант звучала решимость. — Я уверена, что он ее где-то прячет. Значит, мы должны найти ее прежде, чем он поймет, что его присутствие обнаружено.

— Вы сможете это сделать?

— Со временем — да. — Она сказала это с такой уверенностью, что я ей поверила.

— Время... давно ли я здесь? Ален... мистер Соваж... он вернулся?

Она улыбнулась, и ее магия вновь сработала: я смягчилась, успокоилась.

— Сейчас пять часов. И мистер Соваж еще не вернулся. Сабмит сообщила, что телеграмма в Вирджиния-Сити его не застала — он уже уехал на другой рудник, еще дальше на север. Но за ним послали.

— Я должна вернуться в отель, — я отбросила шаль, укутывающую мои колени. Голова у меня кружилась, хоть я в этом и не признавалась.

— Не надо беспокоиться. Я уже послала записку миссис Дивз. Она знает, что вы не только в безопасности, но и пытаетесь отыскать Викторину.

Миссис Дивз... которая называла эту спокойную, улыбчивую женщину дьяволом. Если Огаста Дивз подумает, что я в сговоре с Мэмми Плезант, какую историю преподнесет она Алену? Я встала, глядя на свои плащ и шляпу.

— Вот вы и расстроились. Но почему? Вам нечего бояться Огасты Дивз. Теперь она понимает, что должна помогать вам, а не мешать.

— Но она говорила так, словно ненавидит вас! — Я была так удивлена, что брякнула это, не подумав.

Мягкая улыбка миссис Плезант ничуть не изменилась.

— У нее нет причин ненавидеть меня, детка. Я бы сама сказала ей об этом, но она мне не поверит просто потому, что страх порождает страх. Иногда люди совершают глупые поступки, и кое-кто узнает об их глупости. Отсюда — страх огласки. Надо сказать, я знаю много тайн и хорошо умею их хранить. У миссис Дивз нет причин бояться меня, есть лишь причины помогать вам и мисс Соваж. И она сделает все, что сможет, лишь бы нам помочь. А что до вашего ухода отсюда... это пока невозможно. Мои гости приезжают, и вы должны оставаться невидимой. Позже мы изыщем для вас возможность незаметно уйти. К тому же, лучше, чтобы вы оставались здесь, пока мы не узнаем, где находится мисс Соваж. Возможно, к тому времени она лучше разберется в характере Д'Лиса, и будет только благодарна за то, что ее нашли. Если он не зайдет слишком далеко...

— Вы имеете в виду такие действия, после которых она в ы н у ж д е н а будет выйти за него замуж?

— И это... и кое-что другое. — Миссис Плезант не стала уточнять вторую часть своего замечания.

Итак, мне пришлось удовольствоваться тем, что она вышла и вскоре снова вернулась, опять неся поднос с едой. Это было превосходно приготовленное мясо, соблазнительное даже при отсутствии аппетита. Однако мое заточение начинало меня раздражать. Я даже принялась подслушивать под дверью, когда миссис Плезант снова ушла. Слышался смех, приглушенные голоса. Какая-то женщина томным голосом спела сентиментальную балладу, и наградой ей был взрыв аплодисментов. Дверь снова была заперта, но теперь миссис Плезант прямо сказала об этом, заявив, что не хочет, чтобы кто-нибудь ворвался ко мне.

Мысли о совершенной мною глупости мешались с беспо-

койством о судьбе Викторины. Я вздрагивала, рисуя себе, что будет, когда вернется Ален. Ведь моя роль в этой странной истории могла вызвать лишь осуждение.

Миссис Плезант являла собой загадку, которую я не могла разгадать. Она пригласила меня в дом, где, по ее собственному признанию, меня никто не должен был видеть, однако помощь она предлагала, вне всякого сомнения, честно. Ее рассуждения о миссис Дивз... не сквозил ли в них намек на шантаж? И вдобавок еще вуду...

Амели была отравлена почти до смерти. Не стала ли Викторина второй жертвой, покорной рабой чужой воли? Я слышала о странных наркотиках, порождающих галлюцинации... Возможно, эти дьявольские снадобья и родились из культа вуду? Я уже почти потеряла терпение, когда вернулась мисс Плезант.

— Вы что-нибудь узнали? — спросила я, прежде чем она успела закрыть дверь.

— Мне только намекнули, но теперь мы можем действовать. Если она действительно там, где я думаю, мы сумеем вывести ее оттуда. Однако, слух дошел до меня через третьих лиц и вполне может оказаться ложным. Но мне сказали, что она верит, будто надежно укрылась, пока Д'Лис не придет за ней, и что она полностью предана ему. Я не знаю, как убедить ее уйти оттуда. Разве что силой, но это может привлечь нежелательное внимание. Все, что я могу, это представить дело так, чтобы все были уверены, будто она уходит по собственному желанию. Вы понимаете?

— Где она? — Эта речь, полная полунамеков и умолчаний, раздражала меня. Я хотела просто правды.

Думаю, она взвесила преимущества откровенности перед сдержанностью, прежде чем ответила. Возможно, из-за того, что я была дочерью своего отца, она сказала:

— Мне сообщили, она в «Красном Петухе». Это гостиница... французская гостиница.

Хотя ударение, сделанное ей на слове «французская» ни о чем не говорило мне (в этом я совершенно не была искушена), я догадалась, что имелось в виду.

— Но тогда... она... — Меня охватил такой ужас, что я не могла связно говорить.

— Нет, она там только скрывается, клянусь вам.

— И вы вполне уверены, что она там?

— Я уверена настолько, насколько можно быть уверенной, не увидев ее лично. По возвращении Д'Лиса мои люди потеряли его след, и мне неизвестно, когда он собирается забрать ее. Так же, как неизвестно, когда он вообще вернется.

— Тогда мы должны пойти за ней. Она знает меня... и, конечно, послушает. Она не может быть окончательно потеряна для добра, она ведь так молода!

— Если она не послушает, — миссис Плезант говорила столь обдуманно, что это придавало ее словам еще больший вес, — вы должны будете принять все меры, чтобы заставить ее пойти с вами. Если мы сумеем доставить ее сюда, Д'Лис не сможет нас побеспокоить.

— Но мы должны отвезти ее обратно в отель!

— Сделать это до возвращения мистера Соважа было бы непростительной глупостью. Если вы не сможете убедить ее, как вы сможете держать ее узницей в собственной комнате, не привлекая лишнего внимания?

Ее логика была безупречной, Но я, похоже, ступила на тропинку, уводящую все дальше и дальше в трясину. Однако я согласилась с ее предложением, хоть и неохотно.

— Вы не можете пойти со мной в таком виде. Вы должны стать похожей на посетительницу подобных мест. Нет... — Она прочла отвращение в моем взгляде. — Не на о б и т а т е л ь н и ц у. Но обычно служанки в таких домах — негритянки или полукровки. Большинство из них поступает туда через мое агентство по найму прислуги. Поэтому сегодня я могу просто привести служанку познакомить ее с местом, а она может захотеть или не захотеть туда наняться. Это откроет нам двери дома. Если мисс Соваж там, тогда вы обязаны убедить ее уйти с нами. Если она откажется — есть другой способ...

Миссис Плезант прошла через комнату к высокому шкафу прекрасной китайской работы, чьи двойные дверцы были инкрустированы перламутром. Достав из кармана связку ключей, она отперла замок. Внутри были два ряда выдвижных ящиков. Из одного она вынула бумажный пакет.

Так же аккуратно закрыв и заперев шкаф, она выложила пакет на стол, поближе к свету лампы. С минуту она внимательно изучала его, потом кивнула, словно отвечая собственным мыслям.

— Не трогайте это, — предупредила она. — Я вернусь очень скоро.

Миссис Плезант вышла столь быстро и бесшумно, что, казалось, растаяла, как персонаж какой-нибудь фантастической истории. Вскоре она вернулась, держа в руке носовой платок. Расстелив его на столе, она высыпала на него содержимое пакета — шафраново-желтый порошок, затем связала уголки льняного квадратика так, что получился узелок.

— Если она откажется вас слушать, у вас будет это. Будь-

те готовы быстро развязать его... вот так... — Она подцепила платок пальцем, показывая, как развязывается узел. — Потом бросьте порошок ей в лицо!

— Что-о? Что он с ней сделает?

— Если она под влиянием Д'Лиса, как мы подозреваем, она придет в себя, вдохнув порошка. На очень краткое время она превратится словно бы в сомнамбулу. Вы возьмете ее за руку, и она пойдет за вами послушно, как малый ребенок...

— Но что это такое? — Мне претила сама мысль пользоваться столь жутким оружием, даже если от этого зависело будущее Викторины.

— Это измельченная трава, точнее, смесь трав. Действие ее продолжается недолго, и она безвредна, клянусь вам.

Что-то в ее голосе убедило меня. Только сам способ был очень странным, и я надеялась, что мне не придется к нему прибегнуть. Миссис Плезант обернула второй носовой платок поверх первого и быстро сказала:

— Вы должны затемнить себе кожу, а я принесу вам чепец, чтобы довершить ваш маскарад. Распустите волосы, чтобы их можно было туго заплести и убрать под чепец.

Как ни противно мне было, я знала, что это необходимо. Расстегнув корсаж, я позволила ей протереть мое лицо и шею ваткой, смоченной в темной жидкости. Я взглянула в зеркало, пока она туго-натуго заплетала мне волосы, и убедилась, насколько темная кожа изменила мой облик. Я и вправду могла сойти за мулатку.

Приготовленный ею чепец так же скрывал лицо, как и тот, что носила Сабмит. Но из-под него к тому же выбивались жесткие черные кудряшки, и, когда эти кудряшки были уложены на моей нынешней коричневой коже, волосы мои стали соответствовать обличию.

Мой плащ уступил место более поношенному и потрепанному. А вот мое платье сойдет, решила она. Затем в дверь осторожно постучали, и она окинула меня последним изучающим взглядом.

— Экипаж ждет, пора ехать. О, вы забыли! — С этим раздраженным восклицанием она схватила узелок с порошком и сунула мне. — Держите его в рукаве так, чтобы легко можно было достать. Ваш отец был человеком огромного мужества и решимости. Внешне вы на него не похожи, но если вы унаследовали черты его характера, то уповайте на них.

Мы спустились по черной лестнице, прошли через кухню, полную восхитительных запахов, где моя спутница задержалась, чтобы проверить содержимое нескольких кастрюль и пе-

рекинуться парой слов по этому поводу с поваром. Я же отступила в тень, и толстяк-повар не обратил на меня никакого внимания.

— С этим делом, — заметила миссис Плезант, когда захлопнула заднюю дверь, и теперь лишь слабый отблеск одинокого фонаря озарял нам дорогу к высокому дощатому забору, — нужно покончить как можно скорее. Чистая удача, что мистер Лэнтин с семьей уехали из города. Если бы они были сейчас здесь, я обязана была бы оставаться в их доме... а они должны скоро вернуться.

Она толкнула доску изгороди, отодвинувшуюся, словно дверь, и я, подхватив юбки, пролезла вслед за ней. С той стороны, на улице, нас ждал экипаж. Он мог быть тем же самым, что доставил меня сюда, но точно я этого не знала. Миссис Плезант не давала кучеру никаких указаний, но он тронул, словно точно знал, куда надо ехать. Мелкая утренняя морось прекратилась, но в воздухе висела тяжелая сырость. В свете редких уличных фонарей в канавах поблескивала вода. Движение на улицах сейчас было более оживленным, и нашей колымаге приходилось вертеться и вилять.

Впереди я увидела отблеск огненно-красного света, и не на уровне земли, а в воздухе. Обогнавший нас экипаж остановился, двое мужчин вышли из него, громко смеясь, и распахнули дверь под этим сигнальным маяком. Теперь я видела, что фонарь сделан в виде багряно-красного петуха. Это, без сомнения, была вывеска.

Но мы не остановились у парадной двери. Напротив, наш экипаж проплюхал до угла квартала и свернул налево, в другую темную аллею, где кучер, наконец, остановился. Миссис Плезант вышла.

— Подбери юбки, девушка! — приказала она мне, словно я и вправду была служанкой. — Нет смысла идти на встречу с мадам Сели с грязным хвостом!

Это было необходимое предупреждение. Мостовая здесь, которую я могла лишь смутно различить, была покрыта смердящей грязью. Я ступала со всей возможной осторожностью, пока не добралась до забора, где моя спутница открыла калитку. Потом мы оказались в маленьком захламленном дворике без выхода. К счастью, задняя его стена сильно прогнила, мы протиснулись в дыру и оказались на вымощенном кирпичом дворе, более пригодном для ходьбы, чем только что покинутая аллея.

— Успокойтесь и держитесь чуть позади меня, — шепотом предупредила миссис Плезант.

Я едва не пропустила дверь в стене дома. К ней со двора вела единственная каменная ступенька. Миссис Плезант уверенно ступила на нее и постучала в дверь несколькими короткими ударами.

Дверь приоткрылась, и мы вошли в тесный коридор, освещенный только свечой, которую держала открывшая нам женщина. Я ее почти не разглядела, заметив лишь, что она была негритянка и носила чепец и передник горничной. Не уловила я и слов, которые прошептала ей миссис Плезант. Женщина повернулась и проводила нас к лестнице, куда выбивалось немного света.

Из передней части дома доносились звуки фисгармонии, смех и болтовня. В воздухе носились запахи крепких духов, винного перегара и пряные испарения сожженных благовоний.

13

За лестницей открывался второй холл, обитый плотной красной тканью и неярко освещенный газовыми фонарями в виде позолоченных купидонов, вздымающих факелы. Горничная двинулась дальше к передней части дома, отделенной от нас широкой лестницей, из-за стен которой доносилось множество громких голосов.

Она открыла дверь какой-то комнаты и сделала нам знак войти. Так я очутилась в обстановке, какой мое неискушенное воображение не могло даже представить. Здесь поверх красного ковра были набросаны пушистые золотисто-желтые покрывала. Свет проникал сквозь янтарные и топазовые абажуры ламп. Нигде не было ни признака окон — настолько пурпурные бархатные портьеры с золотой бахромой отрезали комнату от внешнего мира. Потолок был расписан фресками, на которых обнаженные золотые богини разбрасывали розы. Но главным образом меня потрясли стены: зеркала тянулись от пола до потолка, дверь, через которую мы вошли, тоже украшало зеркало. Все они были оправлены в золото, а между ними располагались четыре картины, где без всякой сдержанности во вкусах были изображены обнаженные женщины в полный рост. Каждая картина явно была призвана отображать свой тип красоты — одна брюнетка, другая блондинка, третья шатенка, а последняя — рыжая.

Кровать была очень широка, а ее резное изголовье почти достигало потолка. На изголовье этом резвились купидоны с охапками золоченых роз. Наволочки и простыни, видневшиеся из-под приоткинутого красного бархатного покрывала, были из золотого атласа.

Мраморный камин был снабжен золоченым экраном. Даже каминная решетка была покрыта позолотой и так надраена, будто и в самом деле была отлита из драгоценного металла.

Кругом стояло несколько стульев, все в позолоте, с обтянутыми пурпурным бархатом сидениями и спинками. Здешняя атмосфера была пропитана тяжелым запахом духов, от которого меня даже слегка замутило. Мне захотелось броситься к одному из занавешенных окон, отбросить прочь этот тяжелый бархат и, распахнув створки, впустить ночной воздух. Нигде не было даже следа Викторины.

— Ее здесь нет, — я взглянула на дверь, так искусно скрытую зеркалом, что я почувствовала себя в ловушке.

— Она здесь... но не в этой комнате. Успокойтесь и предоставьте все мне.

Миссис Плезант спокойно, будто у себя в гостиной, расположилась на стуле. Холодное достоинство, с которым она держалась, и элегантность ее одежды посрамляли эту безвкусную спальню. Я отвела взгляд от стен и от постели, уставившись прямо в камин. Как могла Викторина добровольно прийти в такое вот место? Что на нее нашло?

Зеркальная дверь распахнулась с такой силой, будто женщина, открывшая ее, была не слишком дружелюбно настроена. Небольшого роста, одетая в платье такое же красное, как ковер. И этот ее наряд был так изукрашен разными финтифлюшками, бисером и золотой мишурой, что она переливалась при каждом движении.

Ее светло-каштановые волосы были зачесаны в высокую и чрезвычайно замысловатую прическу. Это сооружение украшали бриллиантовые звездочки, закрепленные на почти невидимой сетке и сверкавшие, стоило ей чуть повернуть голову. Браслеты, унизанные теми же каменьями, обхватывали ее пухлые запястья, а в декольте, вырезанном непозволительно низко, красовалось ожерелье.

— Что тебе еще нужно?

Глаза ее, когда она остановилась перед миссис Плезант, сверкнули тем же жестким блеском, что и бриллианты. Говорила она хриплым голосом, с резким акцентом.

— Перемолвиться с тобой, Сели. — Женщина злобно фыркнула.

— Се время для работать, не для болтать. Приходи с утра, как всегда.

— Когда ты, Сели, еще глубже увязнешь в неприятностях, чем сейчас?

От вопроса миссис Плезант женщина вздрогнула. Она уже готова была возразить, но затем глаза ее сузились, накрашенные губы сжались. Минутой позже она спросила, гораздо тише:

— Что ты имель в виду? Какой непрятность? Моя... в непрятность?

— Точно известно, что сейчас ты скрываешь под этой крышей молодую леди из хорошей семьи, разлученную с родными и близкими. Одно слово об этом капитану Лейзу — и, под давлением справедливой ярости столь влиятельного семейства...

— Ты ошибайсь! Нету у меня как ты сказаль, нету!

— Возможно, тебя обманули какой-то лживой историей. Только это, может, и спасет тебя, когда вмешается капитан Лейз... если ты сумеешь его убедить. Но ты же знаешь его, Сели, и знаешь, что в данном случае он будет вынужден исполнить свой долг. Стоит ли рисковать?

— Лейз! Ха! — Сели расхохоталась. — Какой мне до него дело? Ты знаешь, кто ходить сюда? Лейз только заглянуть в моя гостиная — и бежать прочь, как щенок, поджав хвостик!

Мисс Плезант улыбнулась.

— Полно, полно, Сели. — Она словно журила капризного ребенка. — Ты знаешь капитана так же хорошо, как и я. Уверяю тебя: в данном случае давление будет таким, что никто из твоих важных клиентов не посмеет и пальцем шевельнуть в твою защиту.

Сели изучала лицо собеседницы, выражавшее сейчас еще большую благожелательность, словно пытаясь определить, сколько правды содержит эта угроза.

— Ты это знать? — самоуверенность исчезла из ее голоса.

— Разве я была бы здесь в такой час, если бы не была уверена? Мы, Сели, знакомы очень давно. Поэтому я и пришла предупредить тебя. Не знаю, какую сказку тебе сплели, но правда в точности такова, как я сказала. Если станет известно, что она у тебя, скандал перевернет весь город вверх дном. Мы пришли за ней. Как только она уйдет с нами, все будет забыто.

— Он сказаль... что она его жена... — Сели прикусила свою полную нижнюю губу и сжала руки. — Он будет очень злить...

— Другие обозлятся еще больше, те, у кого есть власть заставить тебя почувствовать свою злость. Оставь ее здесь, и ты лишишься дома, Сели, и, возможно, кончишь свои дни в тюрьме. Ты хорошо знаешь — в этом городе достаточно людей, которым желания заменяют закон.

— Она тоже это говориль... что она его жена.

— Несомненно, он заставил ее так сказать. Я привела с собой одну особу, она хорошо ее знает, и, возможно, убедит пойти с нами.

Миссис Плезант указала на меня. Сели впервые взглянула в мою сторону.

— Она не смочь... она только служанка...

— Да, служанка. Но такая, что знает достаточно, чтобы заставить твою гостью вспомнить, кто она и что она. Дай им поговорить наедине, а потом мы уйдем, и тебе нечего будет бояться.

— Кроме него! А он плохой человек... очень плохой человек.

— У него тоже будут неприятности, это я тебе обещаю. Капитан Лейз не любит тех, кто ловит рыбку в мутной воде, а ему все сообщат.

— Ах, у тебя на все иметь ответ! — бросила Сели.

— Кроме того, тебе ведь уже заплатили золотом за услугу, Сели. Лучше верни его и будь уверена в надежном будущем. Я бы посоветовала тебе не жадничать в данном случае.

Как бы ни зла была эта женщина, она почему-то не стала перечить моей спутнице. Резко повернувшись к потайной двери, она сказала:

— Ладно. Так и бывать. Эй ты... за мной!

Она обращалась ко мне. Мы пошли назад по освещенному купидонами коридору, продолжавшему последний пролет лестницы.

— Вверх и за первая дверь. — Она поспешила прочь, ее тяжелые юбки шелестели по ковру.

Я двинулась вверх, чувствуя, что не готова выполнить ожидающую меня задачу. Однако когда оказываешься перед неприятным или опасным долгом, лучше всего действовать без проволочек.

При свете единственного газового рожка можно было разглядеть дверь. Я повернула ручку, почти уверенная, что та окажется запертой. Но она распахнулась, и я вошла.

— Кристоф! — Имя было произнесено нежным, мурлыкающим голосом. Викторина сидела в постели, одетая толь-

ко в прозрачный пеньюар, придававший ей такой же развратный и бесстыжий вид, что и у дамочек на тех мерзких картинах внизу. Когда она увидела меня, ее глаза расширились.

— Ты кто? Что ты здесь делаешь?

Я уже забыла о своем маскараде. Пришлось стянуть чепец и накладные кудряшки.

— Я — Тамарис, Викторина. Я пришла...

Она уставилась на меня, затем напряглась, ее рот жутко задергался. Это была не та Викторина, которую я знала. Только времени понять, что это за незнакомка, она мне не дала, крикнув:

— Убирайся! Слышишь меня — убирайся! Ты мне не нужна! Где Кристоф, что вы с ним сделали? Если ты не уйдешь, я буду кричать, кричать! А потом, когда тебя здесь найдут, ты пожалеешь об этом, ты, драная кошка, которую мой братец приставил шпионить за мной!

Она расхохоталась так дико, что я невольно подумала о наркотиках. Если Амели одурманили почти до смерти, то, возможно, и Викторине дали что-то, помутившее ее рассудок. Я была в таком ужасе, что в этот момент даже не нашлась с ответом. Потом я поняла, что должна прибегнуть к оружию, врученному мне миссис Плезант, иначе никак не смогу увести Викторину из этого ужасного места. Носовой платок был у меня в руке. Но чтобы воспользоваться им, мне следовало подойти поближе к обезумевшей девушке.

— Викторина... — я пыталась придать своему голосу спокойствие. — Уверяю, я не хочу вам вреда. Мы так беспокоились — ведь вы оставили нас без единого слова...

— Врешь, Тамарис! — Она снова рассмеялась. — Все, о чем ты беспокоишься — как бы Ален не вышвырнул тебя за то, что ты провалила его планы. Он ненавидит Кристофа, он поклялся, что мы никогда не будем вместе. Но Ален — не Le bon Dieu* — Снова взрыв этого дикого хохота. — Есть многое, что он не властен подчинить себе, при всей своей силе и деньгах. Теперь я останусь с Кристофом. И когда о н а узнает, что должна мне, она будет платить — больше и больше. Ален тоже даст нам денег — вот увидишь. Кристоф не из тех, кого Ален может убрать с дороги... он многое знает. Ален будет платить, все больше и больше, и больше...

В ее голосе явно обозначилась истерика. Я же держала себя в руках, зная, что должна сделать.

---

* Господь Бог (фр.)

Затем Викторина принялась повторять слова, мне непонятные, стягивая свой пеньюар с плеч, пока не обнажилась до пояса. Сунув руку под подушку, она выхватила оттуда свое змеиное ожерелье и застегнула его на шее так, чтобы злобная змеиная головка свисала между ее грудями.

Ее манипуляции с ожерельем дали мне шанс, в котором я нуждалась. Быстро приблизившись, я опорожнила содержимое узелка ей в лицо. Желтый порошок упал на ее щеки и подбородок, плотно налипая на кожу. Викторина издала испуганный крик, прервавшийся кашлем, когда она вдохнула или проглотила часть порошка. Пока она кашляла, руки ее упали на колени. Теперь она смотрела прямо перед собой блуждающим взглядом.

— Викторина! — ласково позвала я, накидывая на нее халат. Если она и услышала, то не ответила. — Викторина! — я старалась пробудить в ней хоть искру сознания. — Ты должна одеться, нам нужно быстро уходить.

Она медленно встала.

— Должна... одеться... — повторила она как говорящая кукла.

Все так же глядя перед собой, не видя даже одежды, которую брала ощупью, она оделась. Я постаралась по возможности быстро застегнуть крючки и пуговицы. В эти мгновения я могла думать только о том, чтобы она была сейчас покорна.

Я все еще зашнуровывала ее корсаж, когда дверь приоткрылась. Заслышав слабый скрип, я в ужасе оглянулась. Если б это оказался Д'Лисс, я бы пропала, но там стояла миссис Плезант.

Она осмотрела Викторину и кивнула, подняв с кресла плащ с капюшоном. У меня не было времени привести в порядок волосы Викторины, падавшие ей на плечи. Но в плаще с опущенным капюшоном, ничего не было заметно.

— Мы должны быстро уходить. — предупредила миссис Плезант. — Действия этих трав хватит ненадолго. Если она очнется здесь, в этом доме, у нас могут быть неприятности.

Я и не нуждалась в понуканиях. Вместе мы свели Викторину вниз. Она шла, словно сомнамбула. Проходя по дому мы никого не встретили; возможно, об этом позаботилась Сели. Нашу подопечную следовало провести через двор и пропихнуть через дыру в стене. Миссис Плезант действовала энергично и быстро. Я гадала, в каких-таких странных подводных течениях этого города приходилось ей плавать. В двойствен-

ности ее характера я уже убедилась. Но ее сегодняшняя помощь не имела цены.

Экипаж все еще ждал в переулке. Втроем на сиденье было тесно, поскольку мы усадили Викторину между собой. Я надеялась, что мы управимся с ней, когда действие порошка кончится.

Я не знала, который теперь час. Магазины кругом были закрыты, большинство домов, мимо которых мы проезжали, имели таинственный, скрытный вид. И если что-то пряталось за их окнами, это не была обычная жизнь.

Первоначально я предполагала ослушаться миссис Плезант, и вернуться с Викториной в отель. Теперь я точно знала, что не сделаю этого. Однако я цеплялась за слабую надежду, что миссис Плезант смягчится и согласится со мной.

— Не знаю, как мы сможем вернуть ее в отель...

— Но мы везем ее не туда. детка. Некоторое время ей лучше побыть на Вашингтон-Стрит. Никто не узнает, что она там. А как только мистер Соваж вернется в город, он будет извещен и приедет за ней. Он сможет представить всем правдоподобную историю относительно ее отсутствия и возвращения.

В том, что Ален на это способен, я не сомневалась. Мне следовало бы вздохнуть с облегчением от такого разумного совета, но я никак не могла забыть, что не выполнила своего долга и не оправдала доверия Алена. То, что нам пришлось идти в такое место, чтобы найти Викторину...

То, что Сели говорила об ее браке с Кристофом, могло быть всего лишь предлогом, под которым он добился содействия от этой женщины. Однако возможно, что девушка уверена, будто прошла через какой-то обряд венчания. Если так, Ален знает, как с этим разобраться. Но если хотя бы слух об этом ночном приключении достигнет круга, где вращается Викторина — она погибла.

Поэтому, снова вступив во владения миссис Плезант, облегчения я не чувствовала, лишь мучилась тревогой и дурными предчувствиями.

Мы не вернулись в гостиную, а быстро поднялись через два пролета лестницы на третий этаж. Здесь наша хозяйка ввела нас в спальню, не блиставшую роскошью, но достаточно удобную, чтобы предположить, что она содержит свою прислугу — если это была комната прислуги — очень хорошо.

Я подталкивала Викторину перед собой. Но как только

миссис Плезант захлопнула дверь, этот звук подействовал на мою подопечную, как звон будильника. Она рванулась в моих руках и повернулась ко мне. В свете лампы, которую держала миссис Плезант, ее лицо исказилось от ярости, а скрюченные пальцы попытались вцепиться мне в глаза.

— Пусти меня! — Ее голос поднялся до визга.

Миссис Плезант быстро приблизилась к ней сзади. Пока мы боролись, мне не хватило сил, чтобы уберечься от болезненной царапины на щеке, но тут наша хозяйка схватила Викторину за локти и крепко стиснула их. Викторина продолжала вырываться, но миссис Плезант сумела зажать рот девушки ладонью, превратив ее вопли в невнятное бормотание.

— Вон оттуда... — Миссис Плезант мотнула головой. — Бутылочка на полке. Налейте несколько капель на носовой платок и прижмите ей к носу... быстро!

Викторина отбивалась так жестоко, что волокла за собой миссис Плезант взад-вперед по полу. Я поспешила исполнить приказ. Но когда я вернулась с бутылочкой и платком в руках, Викторина прекратила борьбу. Ее глаза, видные из-под руки миссис Плезант, утратили убийственный блеск, столь пугавший меня.

— Ей сейчас лучше. Викторина, я не хочу пользоваться этим, я хочу только помочь вам. Если мы вас отпустим, вы будете вести себя тихо и слушаться нас... ну, пожалуйста...

Девушка кивнула и миссис Плезант отпустила ее. Но, хотя она больше не визжала и даже не пыталась снова броситься на меня, в ее лице оставалось нечто такое, что сильно пугало меня. Сейчас она разглядывала нас с такой снисходительностью, какую человек, облеченный абсолютной властью, может испытывать к рабам, с которыми может поступить как ему угодно и в любое время.

Она молча переводила взгляд с меня на миссис Плезант. Рука ее потянулась к горлу и легла на змеиное ожерелье, то ли для того, чтобы защитить его от посторонних взглядов, то ли затем, чтобы прикоснуться к талисману, придающему смелости.

Затем Викторина резким голосом повторила фразу, прозвучавшую для меня полной тарабарщиной. Но миссис Плезант, казалось, это не слишком позабавило. Я осознала, что присутствую при поединке характеров в непонятной мне сфере. В такой, где Викторина полностью доверяла себе и где ожидала только победы. Снова и сно-

ва эти странные звуки слетали с ее губ в каденции ритуального песнопения.

Миссис Плезант указала на руку Викторины, лежавшую на змеином ожерелье. Затем ответила негромкой фразой, однако ее веские слова заглушили пение Викторины. Девушка смолкла. Она вздрогнула, жестом защиты подняв обе руки к своему змеиному ожерелью. Вид у нее стал как у затравленного животного, взгляд больше не был прикован к противнице, а метался по сторонам, словно она оказалась в ловушке и отчаянно искала выхода.

Миссис Плезант отступила к двери. Прежде чем взяться за ручку, она достала из кармана нечто, показавшееся мне обычным куском мела. К моему удивлению она остановилась, чтобы нарисовать на тускло-коричневом ковре серию фигурок, столь примитивных, что их мог бы изобразить и малый ребенок. Затем, не взглянув на меня, она молча вышла, захлопнув за собой дверь.

Викторина споткнулась о кровать, и скорее рухнула на нее, чем села. Руки она поднесла к лицу и закрыла ими глаза. Думая, что она плачет, я подошла к ней.

Значение этой перемены, равно как и последних действий миссис Плезант, оставалось для меня тайной. Но если бы Викторина обратилась сейчас ко мне, возможно, эта ужасная ночь дала бы наконец какой-то хороший итог.

Я осторожно протянула руку и коснулась ее плеча. Она вздрогнула и опустила руки, чтобы взглянуть на меня. Со своей затемненной кожей она была так непохожа на знакомую мне Викторину, что мне казалось, будто я смотрю в лицо неизвестной женщины. К тому же и в выражении его появились едва уловимая, но неприятная перемена.

— Тамарис... Тамарис, которая всегда права, всегда корректна, всегда леди! — Ее голос был очень тих. — Тамарис! — Она указала на меня пальцем, но как-то странно, будто показывала на меня кому-то невидимому, находившемуся сейчас вместе с нами в комнате.

Конечно, это была всего лишь мрачная фантазия, однако я невольно оглянулась кругом.

— Ты глубоко увязла, Тамарис. Поэтому черный петух прокричит для тебя, а белый петух умрет. Хотя, возможно, этого ты уже не увидишь. И Он Сам, — ее рука снова легла на зловещее ожерелье, пальцы поглаживали эмалевые чешуйки, — выйдет из могилы, чтобы...

— Викторина! — прервала я ее жуткие причитания. — Что за чепуху вы говорите?

Она улыбнулась, и впервые в жизни я поняла, насколько улыбка может быть ужаснее оскала.

— Ты ведь не понимаешь, правда? Но она, — ее палец указал на дверь, — понимает. Она думает, будто знает очень много! Но перед знаниями Кристофа ее знания — ничто! — Последнее слово она страстно выкрикнула.

Фантазии... моя голова была буквально переполнена дикими фантазиями, порожденными событиями этой ужасной ночи. Итак, это вуду — вера в темных духов таинственного африканского континента, завезенная в Новый Свет рабами, что использовали всякую возможность отомстить своим угнетателям. И главную опасность для Викторины составляло именно вуду. Неужели она добровольно или под чужим влиянием стала стала настолько привержена этой злобной вере, что отвернулась от собственной крови и расы, так же переменившись душой, как она затемнила кожу, чтобы принадлежать другому народу. Я невольно отшатнулась на шаг, и снова она улыбнулась на тот же мерзкий манер.

— Начинаешь чувствовать, а, Тамарис? Ты уже ощутила силу Великого. Не сделать ли мне тебя «ездовой лошадью», чтобы Лоа мог войти в твое тело и носить его, как ты носишь платье, и пользоваться тобой, как если бы ты была обрывком одежды? А когда Великий оставит тебя, тебе придется увидеть, что ты делала и с кем... Думаешь, тогда мой брат позволит тебе больше, чем прикоснуться к подошвам его грязных сапог? Ты таращилась на него во все глаза, ты думала, будто никто не знает твоей дурацкой маленькой тайны... что ты влюблена в него. Но после Лоа ты станешь грязью в канаве! Великий любит развлекаться так с теми, кто считает себя «хорошими». — Слово это она произнесла так, словно оно было непристойным.

Затем она придвинулась ближе и начала говорить с некоторой долей своей прежней живости. Но что она говорила! Она произносила грязные слова, непонятные мне, потом злобно улыбалась или смеялась, объясняя их значения. Я заткнула уши, но не могла остановить потока ее слов, усмешек, хохота...

Это... это была не Викторина. Старые сказки об одержимых злыми духами, возможно, были правдивы. Юная девушка не могла знать мерзости, подобной той, что она сейчас изрыгала, раскачиваясь взад и вперед, сжимая руками змеиное ожерелье.

Впоследствии я так и не могла вспомнить, долго ли это продолжалось. Наконец дверь открылась и вернулась миссис

Плезант. Увидев ее, Викторина смолкла. Я заплакала от нервного перенапряжения и страха перед тварью, что, как мне казалось, вселилась в тело Викторины.

Миссис Плезант принесла поднос с графином рубинового богемского стекла и двумя стаканчиками. Она поставила его на комод.

— Я получила сообщение. К несчастью, мистера Соважа еще не нашли. — Говоря это, она наливала из графина в стаканчики. — Его усердно ищут те, кто имеет причины питать ко мне благодарность. На одном из его предприятий возникли затруднения, устроенные кем-то, кто хотел удалить его на время города. Как только его найдут, его сразу доставят сюда.

Взяв ближайший стакан, она подала его мне.

— Выпейте. Это восстановит ваши силы.

Я была так измучена, так отупела душевно, что подчинилась беспрекословно. Я снова отпила того снадобья, что она называла настойкой из клевера.

— А теперь — спать. Нет, — она поймала мой тревожный взгляд, обращенный на Викторину, — вам нет нужды беспокоиться. Здесь она будет в полной безопасности.

Я чувствовала себя так, словно не спала несколько дней. Я доковыляла до кровати, на которую указала мне миссис Плезант, и рухнула на нее, даже не раздеваясь. Прежде, чем мои веки окончательно сомкнулись, я увидела, что Викторина встает, а миссис Плезант хватает ее за руку. Мрачная и злобная усмешка вернулась на лицо Викторины. Девушка подняла свободную руку, широко растопырив пальцы. Через них она плюнула в меня, словно наводя проклятье, причем с такой ненавистью, какую я не считала себя способной вызвать в ком-либо.

Возможно, отчасти эта злая воля преследовала меня и во сне, ибо сны мои были таковы, что я пробуждалась, задыхаясь от ужаса, хотя и не могла вспомнить, что же напугало меня. И каждый раз, когда я так просыпалась, я лишь смутно узнавала комнату, где лежала, словно сон был более реален. Потом я снова погружалась в сон, несмотря на слабые попытки бороться с ним, чтобы снова встретиться с кошмаром.

Когда я пробудилась в третий раз, уже наступил день. Кто-то тряс меня за плечо, на меня смотрело знакомое лицо, хотя, все еще в дурмане сна, я никак не могла вспомнить, чье.

— Мисс! Мисс! — В голосе звучала такая настойчивость, что я полностью и окончательно пробудилась.

— Сабмит?

— Мисс... послушайте. — Она упала на колени перед кроватью и зашептала мне прямо в ухо. — У нас неприятность, большая неприятность. Она говорит, вы должны помочь...

Я резко села. Во сне кто-то укутал меня одеялом. На мне оставалось собственное белье, однако платье с меня сняли.

— В чем дело?

— Вы должны помочь, мисс. Проснитесь... слушайте!

— Я проснулась и слушаю. — Я огляделась. Викторины в комнате не было.

— Где...?

— Ради бога... сейчас нет времени говорить. Слушайте... она велела... оденьте!

Сабмит подняла с пола узелок, встряхнула его и продемонстрировала фланелевую ночную рубашку, предназначенную для женщины, носившей одежду на несколько размеров больше моего.

— Но сначала... — Она бросила это фантастическое одеяние на постель и повернулась к столику, где дожидались губка, полотенце и таз. — Позвольте мне умыть вас. Скорее, мисс — у нас совсем нет времени.

14

Действовала она быстро и ловко. Я увидела, как вода окрасилась коричневым, когда она смыла краску с моей кожи. Когда все было сделано, она надела на меня ночной чепец, завязала его потуже, и натянула через голову рубашку. До этого я не задавала вопросов, захваченная настойчивостью ее действий, но теперь спросила:

— Ты должна сказать мне, зачем...

— Здесь мужчина, он ищет девушку. Мы покажем ему девушку, которая больная лежит в постели. Он увидит, что это не та девушка, что он ищет — и уйдет.

Кристоф Д'Лис? Но как он выследил нас, и почему миссис Плезант впустила его в дом? Неужели Сели проболталась сразу же после нашего ухода? А что до роли, которая мне предложена... я была уверена, что не сумею ее сыграть. Но у меня уже не было времени возражать, да если бы я и воспротивилась, решения здесь принимала не Сабмит.

Она опорожнила таз с окрашенной водой в помойное ведро, затем убрала полотенце и губку в умывальную тумбочку и заперла ее.

— Она велела передать вам, что молодая леди надежно спрятана. А если он увидит больную девушку, то решит, что те, кто ему наболтали, ошиблись. Он не станет крутиться здесь и выслеживать. Вы больны, мисс. Запомните это... взаправду больны.

Когда я снова улеглась, широкие складки ночной рубашки окутали мое тело, и мне вдруг захотелось стащить через голову это одеяние. Однако лучшее, что я могла сделать — это отвернуться от двери и надеяться, что сумею разыграть немудреную роль прикованной к постели страдалицы. Комната была не слишком ярко освещена, а единственное окно — довольно далеко.

— Полежите. — Сабмит задержалась возле меня, чтобы повторить свистящим шепотом: — Вы взаправду больны!

Я не нуждалась в напоминании. Я и впрямь была больна: от нервного страха мое похолодевшее тело сотрясала дрожь.

Слух мой обострился, возможно, из-за того, что я стремилась уловить малейший шорох. Сейчас я слышала глухие шаги в коридоре, зная, что они направляются к моей двери. Она распахнулась, и я так напряглась, что мои мускулы заныли от боли. А я должна была оставаться безразличной, не сознающей, что происходит.

— Смотрите, масса, — голос Сабмит, смиренный, каким я никогда его не слышала раньше, звучал отголоском дней рабства, когда она была вещью, а не личностью, — вот эта девушка. Она из тех, кто развлекает джентльменов, но она сейчас шибко больна. Вы сами можете видеть, масса...

Мои глаза оставались закрыты. Шаги приблизились к постели. Затем меня схватили за подбородок и повернули голову. Я так испугалась, что невольно открыла глаза и взглянула в лицо, которое никогда не забуду. Однако впоследствии у меня появились более веские причины, чтобы оно навечно врезалось в мою память.

Это был тот молодой человек, которого я видела на балконе с Викториной. Он был красив, черты его отличались почти женственной тонкостью. Однако узкая линия усов и небольшой, но волевой подбородок явно указывали на его пол. Его брови под необычным углом поднимались над глазами, а они были самым странным в его внешности. Они были непохожи на любые другие человеческие глаза, когда-либо виден-

ные мною. Их цвет приближался к янтарно-желтому, а зрачки были ненормально большими и черными.

Растущий страх помог мне сыграть мою роль удачнее, чем если бы я действовала сознательно. Я слабо застонала и закрыла глаза под этим пронизывающим взглядом, уставленным на меня так, будто он хотел изучить не только мои черты, но даже мысли.

Он убрал руку, и я позволила своей голове упасть на подушку.

— Видите, масса — здесь нет никого вроде той девушки, о которой вы спрашивали. Миссис Плезант, она ведь так запросто не пустила бы вас взглянуть, кабы мы врали. — Сабмит быстро отбросила свое смирение, из чего я вывела: она уверена, что наше испытание близится к концу.

— Я еще поговорю в должное время с твоей хозяйкой. — У него был слабый акцент.

Наконец он ушел. Я услышала, как закрывается дверь, потом — звук шагов, удаляющихся по коридору. Тогда я села в постели. Чем скорее мы с Викториной покинем этот дом, тем лучше. Конечно, Алена уже нашли, и он на пути к нам. С его возвращением кошмар кончится. Я не сомневалась, что Ален Соваж сумеет справится с Кристофом Д'Лисом. Сабмит не возвращалась, и я, чтобы не терять попусту времени, оделась и привела в порядок волосы. Но когда я ткнулась в дверь, то обнаружила, что она заперта. Сделала ли это Сабмит для того, чтобы сюда никто не проник? Но даже если она поступила так ради моей безопасности, я все равно вознегодовала. Надо было уходить! Я подозревала, что Кристоф Д'Лис не из тех, кто легко отступается. А насколько далеко простирается желание миссис Плезант укрывать нас — это уже другой вопрос. Я принялась размышлять, что кроется за ее заботой о нас. Она уверяла, что связана долгом перед моим отцом, и в это я могла поверить. Но Викторине-то она ничего не должна. И... если бы только Ален был здесь!

Но мое желание не в силах было его вернуть. А до его приезда ответственность за Викторину полностью лежала на мне, и я не могла переложить свою ношу на плечи миссис Плезант. Поэтому сейчас моей первейшей обязанностью было найти Викторину, и надеяться, что она стала разумнее.

Не было времени простирать руки, взывая к небесам на дурацкий манер героинь сентиментальных романов. Наступил момент собрать все мое мужество и силу, чтобы мыслить ясно.

Простое дело — одевание утомило меня, и я поняла, что сильно проголодалась. Только теперь я заметила на комоде поднос с несколькими накрытыми блюдами.

То, что я обнаружила, приподняв крышки, являло собой странную смесь, словно бы собранную из остатков после банкета. Там были крабы, фаршированные мясом под острым соусом и гарниром из рубленных крутых яиц. Холодные бобы с какой-то другой пикантной приправой и рядом — ломтик ветчины. А еще — пирожное с орехами. Необычный подбор, но все было превосходно приготовлено, так что я съела завтрак до последней крошки. К стакану с вином я не прикоснулась. Возможно, мою недавнюю сонливость вызвала «настойка из клевера», сейчас же я не хотела ничем притуплять свой мозг.

Так подкрепившись, я стала думать, как бы вырваться из комнаты. Сабмит не возвращалась, и нигде не было заметно ни звонка ни кнопки. В том, чтобы молотить в запертую дверь или звать из окна, я не видела смысла.

Любопытство толкнуло меня повнимательнее изучить комнату. К окну приближаться я избегала. Оно, правда, было занавешено, но ткань была тонкой. Нельзя, чтобы кто-нибудь внизу мог увидеть, как «больная» ходит. Я как раз прилагала очередное усилие, чтобы не проходить мимо окна, когда случай послал мне новое открытие.

Хотя, отправляясь в эту экспедицию, я обулась в самые прочные башмаки, они все же не были предназначены для таких тяжелых испытаний, что выпали им в последние часы. Когда я поворачивалась, оторвавшаяся набойка зацепилась за ковер. Пошатнувшись, я схватилась за стену, и панель подалась под моей рукой!

В испуге я отшатнулась. Но от нового толчка отверстие стало еще больше. Приглядевшись, я поняла, что передо мной низенькая узкая дверь.

Несколько осторожных опытов дали мне понять, что дверь открывается так легко, значит, не стоит предполагать, будто я наткнулась на какой-то забытый ход. И возраст дома был не таков, чтобы предположить наличие в нем древних и ужасных потайных ходов. Поскольку на той стороне не было ни задвижек, ни замков, я решила, что могу рискнуть пройти по нему хотя бы немного. Но мои юбки оказались слишком пышными, чтобы протиснуться в такой узкий коридор.

Окончательно осмелев, я ликвидировала помеху, скинув верхнюю юбку своего платья и запахнувшись ради приличия

в плащ. Вооружившись свечой, я устремилась внутрь. Да, коридор был узок, и я правильно поступила, что избавилась от части одежды.

Поначалу, насколько я могла судить, ход шел параллельно коридору. Затем я ступила на ступеньку лестницы, где от мерцающей свечи было мало толку. Дальше я двинулась с удвоенной осторожностью, предваряя ощупью каждый шаг.

Так я спустилась на второй этаж, надеясь найти там выход. Отзвук голосов насторожил меня. Прикрывая свечу ладонью, я осторожно вгляделась во мрак перед собой. Там я увидела отблеск света и подкралась к щели, что была на уровне глаз. Хотя поле моего зрения было ограничено, я обнаружила, что заглядываю в ту самую гостиную, где была при первом посещении этого дома.

Прямо передо мной были кресла и камин. Я видела их так ясно, что убедилась — щель была сделана специально.

Щель давала возможность не только видеть, но и слышать. И тут я окаменела от изумления. Миссис Плезант сидела в кресле, в котором я ее уже видела, элегантная и радушная — знатная дама, принимающая утренний визит. Она излучала симпатию.

Напротив нее, в другом кресле сидела женщина, явно далекая от спокойствия души и тела.

Миссис Билл!

Хотя на ней было настолько простое платье, что в нем могла бы выйти на улицу работница, и шляпка в том старомодном стиле, что предпочитала миссис Плезант, плотная вуаль ее сейчас была откинута, открывая измученное лицо, по которому сейчас безошибочно определялся ее возраст. Это лицо, прежде выхоленное с таким старанием и искусством, было теперь опустошенным и постаревшим. Вид у нее был такой, будто она только что вышла из спальни после тяжкой болезни.

— Говорю вам, это не может так продолжаться! — голос ее был хриплым, словно она несколько часов непрерывно плакала. Да и глаза у нее были красные, а веки опухшие и воспаленные. — Она... она... такая...

— Какая есть, — спокойно сказала миссис Плезант.

— Она такая, какой ее сделала я, хотели вы сказать? — Миссис Билл конвульсивно сжала руки. — Клянусь вам, у меня не было выбора! Во всем виновата эта проклятая лотерея. Я была в таком отчаянии. Джеми умер так неожиданно, и мне не к кому было обратиться. Мистер Соваж ясно дал

понять, что не желает иметь со мной ничего общего — а это было еще до того, как он узнал о Джеми. Потом все начали болтать про чудесные шансы на золотых рудниках Америки, лотерею акций, только те, кто желали получить их, должны были приехать сюда, чтобы сделать заявку. Говорили, сам император попытал счастья... Брат Джеми дал мне денег для покупки акций. Я верила, что он желает мне добра. Только много позже я поняла: все родственники Джеми боялись, что я стану требовать нечто и для Викторины, и это вызовет скандал. Джеми на смертном одре просил их позаботиться обо мне, но я никогда им об этом не напоминала. Они думали, что если я останусь во Франции, я смогу... я не знала... Bon Dieu, как могла я знать, что власть имущие предназначают эти проклятые акции для особых целей — избавиться от тех, кто может вызвать проблемы. В старые времена у французских королей было право «lettres de cachet» — те, кто был в фаворе, получали чистый ордер и могли, вписав в него имя своего врага, заточить его без суда в тюрьму на всю жизнь. Семья Джеми использовала эти акции с той же самой целью — выслать меня за море умирать от голода или гнить в канаве. Их вполне устраивало и то и другое. А я от большого ума поверила, что мне повезло. — Она глухо засмеялась. — Я оставила Викторину своей кузине — немыслимо было подвергать маленького ребенка опасностям такого путешествия. Я должна была составить себе здесь состояние и затем вернуться за ней, и тогда все у нас снова будет хорошо. Я мечтала как дура... я и была дурой. Господи, как я мечтала! Но когда я приехала сюда, наступило отрезвление. Лотерея оказалась блефом, ничего здесь не было. Чтобы не умереть с голоду, мне пришлось... Нет, я не могу произнести! В Европе я была дамой с положением, с именем, а кем я стала здесь? Вся моя родня подобрала бы юбки, лишь бы случайно не коснуться меня. Я знала, что должна забыть о Викторине — она была, в конце концов, в безопасности, — забыть, кем я была раньше... Вы нашли меня в этом проклятом доме, дали мне надежду и новую жизнь. Я больше не была «Фифи», я снова обрела положение и безопасность... почти. Но я не могла вернуться домой — было слишком поздно. Я тайно пересылала деньги и время от времени получала известия: Викторине хорошо, она счастлива. Затем о ней прослышали Соважи. Что я могла сделать? Только ждать того дня, когда жизнь моя рухнет и я снова скачусь в грязь. Я увидела ее... и она узнала меня, узнала с ненавистью. Я прочла это в ее лице, ее глазах. Она пи-

сала мне эти записочки, каждая — как нож в мое сердце. Она... она стала чем-то таким... я не нахожу слов, чтобы сказать, какая она сейчас. Только когда я гляжу в ее лицо, под этой ангельской маской я вижу зло, мерзкого дьявола, что вселился в нее. И жду, чтобы хоть что-нибудь... не знаю что... спасло меня от гибели.

Пальцы миссис Билл тряслись. Как раньше она сломала свой веер, так теперь рвала в клочки носовой платок, не замечая, что делает. Я была слишком ошеломлена сказанным, чтобы размышлять, я могла только слушать.

— Джеймс... он так добр ко мне. Он гордится мной — мной, побывавшей в том притоне, где вы меня нашли, откуда вырвали и дали мне новую надежду. В молодости все романтики. Говорят, что готовы «умереть за любовь» и тому подобную чепуху. Но я... я и вправду скорее умру, чем допущу, чтобы Джеймс узнал правду о моем прошлом, все, чем я была и что делала! Если она будет и дальше подстерегать меня и преследовать своими вымогательствами, клянусь, так я и сделаю. Я отдала ей все, что могла. Отдать ей свои драгоценности или продать их, чтобы добыть денег — значит, вызвать подозрения у Джеймса. Он подмечает такие вещи лучше, чем большинство мужчин. Ему доставляет удовольствие видеть, что я надеваю его подарки. Генри меня терпеть не может. Я знала это с самого начала. Он следит за мной, стремится раскопать какие-нибудь компрометирующие меня сведения, чтобы сообщить отцу. Я была так осторожна, так осмотрительна. Вы и представить не можете, как взвешивала я каждое слово, каждый жест, чтобы убедить Джеймса в несостоятельности возможных сплетен. Так продолжалось годами и вот теперь это! Я больше не могу терпеть! Если она хочет моей смерти, она ее добьется. Я на пределе сил, я, которая столько вынесла...

Истерические ноты, свойственные прежде ее голосу, исчезли. Теперь в нем слышалась решимость женщины, сделавшей свой выбор. То же читалось на ее лице. Уверена — миссис Билл сделала бы то, о чем говорила. Она предпочла бы смерть такой невыносимой жизни.

Миссис Плезант нагнулась, взяла ее трясущиеся руки в свои, сжала их и заглянула прямо в глаза собеседницы.

— Вы не сделаете ничего такого... понимаете, ничего! У вас больше ничего не будут вымогать. У меня есть верные люди, и они устранят угрозу, которой вы так страшитесь. Я это обещаю. Вы вернетесь домой; там вы скажете, что больны. Лиззи принесет вам от меня снадобье, которое успокоит ваши

нервы и вернет спокойный сон. Я была вашим другом раньше, останусь им и сейчас. Прошлое сгинуло и забыто. Никто не станет ворошить пепел и вызывать призраки. Возвращайтесь домой, ложитесь спать и ничего не бойтесь. Я обещаю вам свою защиту.

Она говорила медленно и спокойно, как с испуганным ребенком. Казалось, новые силы и мужество переливались от нее к женщине, чьи руки она сжимала.

Миссис Билл подняла голову. Дикого, затравленного взгляда как не бывало. Она закивала, соглашаясь. Ее утешительница помогла ей подняться на ноги и ласково накинула мантилью ей на плечи. Затем миссис Плезант проводила гостью, а я продолжила свою экспедицию.

Оказалось, что из этого коридора нет другого выхода — через несколько шагов он кончался тупиком. Я вернулась в свою комнату, размышляя об услышанном. Многое в исповеди миссис Билл осталось мне непонятным, однако, она признала Викторину своей дочерью! Трудно было поверить, что эта женщина сумела полностью отрезать себя от прошлого — сейчас она казалась настоящей американкой. По английски она говорила без малейшего акцента.

Теперь прояснилось значение записки, найденной мной в комнате Викторины. Дочь вымогала деньги у матери, а записка означала, что миссис Билл сделала последнюю выплату.

Того, что я узнала о Викторине на протяжении последних нескольких часов, было достаточно, чтобы полностью подорвать во мне веру в свою способность судить о человеческом характере. Я могла только предполагать, что девушка настолько подпала под влияние Д'Лиса, что он вконец развратил ее, чистую и невинную, какой она мне представлялась.

Если мы сумеем освободить ее от Д'Лиса, увезти ее, возможно, со временем ее природа победит, и она снова сможет стать хорошей девушкой. Но устранить Д'Лиса может только Ален. Он давно должен был явиться! Я так страстно жаждала его увидеть, что принялась молиться, расхаживая по комнате. Так я не молилась никогда в жизни... разве что о спасении моего отца, но тогда мои молитвы не были услышаны.

Отец мой не был святошей или религиозным, по общепринятым стандартам, человеком. Он рано порвал с узкими рамками веры, в которой возрос. Его широкая начитанность и путешествия развили в нем сомнения во многих условностях,

поддерживаемых церковными догматами. Однако он никогда не отрекался ни от веры в бога, ни от мнения, что она служит в этом мире источником добра, ведущего битву со злом. Нам стоит только оглядеться вокруг себя, чтобы ощутить эту смертельную борьбу.

Честность, храбрость и сострадание — вот добродетели, по которым он судил окружающих. В этих же правилах он воспитал меня. Я посещала церковь в годы, проведенные в Эшли-Мэнф, и обнаружила в тех, кто предан установленной догме, как многое, достойное восхищения, так и узость взглядов, душевную черствость, для меня совершенно невыносимые. Я жила собственной внутренней жизнью, и не по правилам общепринятого благочестия, а скорее, по учению отца. Каждая ситуация нуждается в моральной оценке, и я старалась думать так, как мог бы думать он.

Много раз я обманывалась. Наверное, я буду обманываться всю жизнь. Это крест, который всем нам приходится нести.

Но в Викторине я чувствовала зло, с которым никогда не встречалась. Много попутешествовав в юности, я была гораздо лучше осведомлена о некоторых сторонах жизни, чем большинство молодых леди. Я знала, что деградация, открытый разврат и преступления Варварского Берега свойственны и многим другим городам. Еще я знала, что во многих роскошных домах, среди утонченных и внешне порядочных людей также процветают жестокость и похоть, укрытые покровом приличий, который не должно приподымать.

Когда моральные барьеры падали, и люди давали волю своим низменным страстям, свершались чудовищные преступления. Не знаю, в какое гнусное болото вляпалась Викторина, но это был не тот мир, который я знала. И его влияние ложилось теперь на нее, как грязный черный налет на ее белую кожу.

У Алена есть сила воли; отвага, решимость и, как я надеялась, чувство глубокого сострадания, необходимые, чтобы вырвать сестру из трясины. Если мы сможем удержать ее подальше от Д'Лиса до возвращения Алена...

Доверие миссис Билл к миссис Плезант было беспредельно, ведь она очень помогла несчастной в прошлом. Я должна была надеяться, что хозяйка дома станет теперь и нашим добрым ангелом. В одном я была уверена — она сможет подчинить Викторину, а я — нет.

Я снова облачилась в юбку, скинутую, когда я проникала в коридор. Мои часы остались в отеле, а в комнате часов не

было. Хотя снаружи был день, я не знала в точности, сколько сейчас времени. Оставаться здесь, не зная, ни что происходит с Викториной, ни когда вернется Ален, было выше моих сил.

Когда я подошла к двери, решив молотить в нее, пока мне не откроют, та распахнулась сама и передо мной предстала миссис Плезант.

— Что Викторина? — сразу спросила я.

— Спит. Пойдемте, посмотрим. — Она проводила меня через холл в комнату, неотличимую от той, что занимала я.

Голова Викторины — кожа на ее лице все еще была зачернена — мирно покоилась на подушке. Викторина была в такой же ночной рубашке, что принесла мне Сабмит. В комнате не было гардероба, и вообще ни малейшего признака другой одежды. Миссис Плезант, выпроводив меня из комнаты, заперла дверь, и нацепила ключ на кольцо, висевшее на ее поясе.

— Она в безопасности. Вы прекрасно сыграли свою роль. Д'Лис ушел. Конечно, он и без того не сумел бы ее найти, но, если бы вы его не провели, те, кто служат ему, продолжали бы следить за нами снаружи.

— Я не думала, что он сможет выследить нас здесь.

Хмурая складка чуть обозначилась между ее четко очерченными бровями.

— Да. Это и меня беспокоит. Однако, для вас у меня есть хорошие новости. Мистера Соважа разыскали и он возвращается. Если дела пойдут хорошо, он довольно скоро будет здесь...

— Какие еще дела могут помешать приезду Алена... мистера Соважа?

— Все так зыбко в этом мире, детка. Мы мало знаем о Д'Лисе. В основном меня заботит, как он сумел нас выследить. И он не один — мои люди сообщают, что у него есть наемники, хотя сколько их, я пока не знаю.

Я вздрогнула. Возможно, Алену не следует приходить к нам сюда — во всяком случае, одному. Я была уверена, что он управился бы с Д'Лисом, если бы уроженец Вест-Индии был один. Но что, если он столкнется с целой шайкой?

— Ален... его нужно предупредить! Если они будут следить за домом, Д'Лис сможет узнать его при встрече, а он знает Д'Лиса только по описанию.

Миссис Плезант кивнула, соглашаясь.

— Одну трудность вы уже поняли. Но мои люди бдительны, им известно, чего можно ожидать, когда они доставят сюда мистера Соважа. Однако есть еще один вопрос, который бы я хотела обсудить с вами до того, как вы встретитесь с ним.

Она проводила меня вниз, в гостиную, где усадила в то самое кресло, что прежде занимала миссис Билл. Я мельком подумала: «Похоже, что подошла моя очередь исповедаться и положиться на ее милосердие».

Но она, не прерывая молчания, принялась ворошить дрова в камине. Несмотря на разгоревшееся пламя, в комнате стояла промозглая сырость, обычная, впрочем, для этого города. Весна здесь не была ни солнечной, ни теплой. Оставив огонь пылать в полную силу, хозяйка повернулась и оглядела меня с головы до ног.

— В вас нет ничего от этой кукольной красоты, что нынче в моде.

Начав так, она полностью овладела моим вниманием.

— Но вы уже научились подчеркивать достоинства юности, — продолжала она рассудительным тоном. В этот момент я могла бы, закрыв глаза, представить, что я снова у мадам Эшли. — Это не лучший мир для девушки, не имеющей за спиной ни богатства, ни родных. Вам нужен муж и положение в обществе. Я говорю об этом прямо и даю тот же совет, что дала бы родной дочери, окажись она на вашем месте. Мистер Соваж не только не женат, но и не выказывал до сих пор никакой склонности к браку. Однако, никогда прежде он не выказывал и ничего большего, чем общепринятая вежливость, по отношению к какой-либо одной молодой леди. Его привычки повергали в отчаяние большинство местных свах. Поэтому, когда он выделил вас на первом балу, который дал впервые за многие годы, это послужило темой для разных предположений среди тех, кто имел виды... Вы гадаете, откуда я все это знаю? Здесь сам ветер рождает сплетни. С той ночи ваше имя, детка, на многих устах. После такого демонстративного жеста легко поверить, что он питает к вам интерес. У вас есть прекрасный шанс удержать этот интерес настолько, чтобы он превратился в постоянную симпатию. Хотя вам может понадобится некая неявная помощь, поскольку вы уже навлекли на себя злую волю.

Я остолбенела. На моем лице, должно быть, легко читалось потрясение от ее дерзости, поэтому она смолкла, но не перестала улыбаться.

А еще я сильно встревожилась. Хотя однажды я уже

предупреждала Алена, что злые языки не преминут отметить любое мое отступление от правил приличия, но я не предполагала, что мы станем темой для сплетен из-за бала. Возможно даже, злобных сплетен, как намекала миссис Плезант.

— Я не верю, — продолжала она на тот же деловой манер, — что вы питаете такое уж сильное отвращение к более близким и теплым отношениям с вышеупомянутым джентльменом.

15

— На моем месте особых надежд не питают.

Я пыталась укрыться за надменностью, надеясь, что это исключит все дальнейшие комментарии. И я все не смела сознаться самой себе в том, что она говорит правду. Я решила, что не позволю таким мыслям завлечь меня в унизительный самообман.

Улыбка миссис Плезант стала еще шире. Состязаться с ней я не могла и хорошо знала это. Мои претензии на внешнее спокойствие были такой же ложью, как и мои слова. Мне было так стыдно! Она, должно быть, видела меня насквозь. Это правда, я думала об Алене гораздо больше, чем о любом другом человеке. Но я неизменно старалась подавлять такие мысли. И то, что моя невозможная мечта должна была обсуждаться подобным образом, ранило мою гордость. И вот что было хуже всего: раз посторонние заметили мою слабость, значит, я сама каким-то промахом, подала повод к сплетням. Я чувствовала, как румянец горит на моих щеках, а стыд поднимает волю на борьбу за гордость.

Может, она хочет дать мне совет, как заарканить Алена? Сама мысль о таком низком поступке столь возмутила меня, что мне даже стало дурно. Разве будет честная женщина радоваться, добившись победы такими средствами? Не то, чтобы я верила, будто интерес Алена ко мне был так значителен, как она утверждала. Но к моему решению не слушать ее, если она будет продолжать в том же духе, это не имело отношения.

— Это привычка, детка, — она словно читала мои смятенные мысли, но пренебрегала моим отвращением. — Как я уже помогала другим достичь желаемого в подобных делах, так могу сделать то же и для вас, но по более важной причине. Нет, не давайте мне ответа, который вертится сейчас у

вас на языке. Подумайте, прежде, чем скажете. Мистер Соваж будет благодарен вам за старания помочь его сестре. И вы легко можете стать для него незаменимой.

Я яростно замотала головой.

— Не хочу, чтобы это было так!

Она даже бровью не повела. Ласково улыбаясь, словно перед раздражительным ребенком, она встала.

— Останьтесь и подумайте, дорогая, хорошенько подумайте. Сабмит принесет вам чаю. Возможно, позднее у меня будут для вас новости получше.

С тем она меня и оставила. Конечно, мне было о чем подумать, но эти мысли отнюдь не успокаивали.

Сабмит принесла мне еду... и кое что еще: письмо, которое она извлекла из кармана передника, когда поставила поднос. После ее ухода, я осторожно, помня о смотровом глазке в стене, вскрыла конверт.

Подойдя к камину так, чтобы полностью загородить собой письмо со стороны стены, я опустилась на колени, словно желая погреть руки.

Послание было без обращения.

«Предупреждаю — не доверяйте М. Если вы это сделаете, то не только сами попадете в рабство, но, возможно, вовлечете в него и других. Она хочет подчинить всех нас. В этом городе есть много людей, чья неосторожность дала ей власть над ними. Есть и другие, кто верит, будто обязаны выказать ей благодарность, но они, однажды согласившись принять ее помощь, вскоре оказываются запутаны в ее интриги. Она давно хочет получить власть над А. С. Если вы позволите ей втянуть его в какие-то ее планы или сговоритесь с ней, он станет одной из ее марионеток. В конце она всегда требует свою плату — и это может обернуться рабством, в котором она с немалым наслаждением держит людей белой расы — тех, кого она всю жизнь считала своими врагами. Если вы питаете благодарность или какое-то другое чувство к А. С., не позволяйте ему вступать с ней ни в какую сделку. Спасите его от этой роковой ошибки».

Подпись, как и обращение, отсутствовала. Миссис Дивз, конечно, предприняла эти предосторожности, чтобы защитить себя. Но я вспомнила ее реакцию при встрече в магазине. Она сама должна принадлежать к тем, кто попался в такую же ловушку, против которой она предостерегала меня.

Возможно, я расценила бы все это как вспышку ревнивой женщины, желающей, чтобы я исчезла из ее жизни, если бы

не предшествующая беседа. Мне тоже предлагали помощь. Несомненно, Ален Соваж принадлежал к самым значительным людям в Сан-Франциско. У меня были весьма смутные представления о его состоянии, но я была уверена, что оно имеет впечатляющие размеры.

Итак, если миссис Плезант движут мотивы, приписанные ей письмом миссис Дивз — прибавить Алена к перечню людей, обязанных ей благодарностью, — это могло оказаться сильным ударом. И если он придет сюда за Викториной под защитой ее людей, тогда она сможет диктовать условия. Однако... если предположить, что он будет предупрежден заранее... Я глубоко верила в способность Алена овладеть любой ситуацией. В таком случае он сможет расстроить планы миссис Плезант. У меня было не так уж много материала для размышлений: только письмо миссис Дивз и предложение, сделанное миссис Плезант, но при моем нынешнем возбуждении это предостережение казалось достаточно грозным.

Скомкав письмо, я швырнула его в огонь. Я знала, как выйти из дома, однако я понятия не имела, как добраться до отеля. Мои деньги все еще оставались со мной. Возможно, мне удастся нанять какой-нибудь экипаж. Если я смогу связаться с Аленом до того, как он придет за Викториной...

Во всей этой печальной истории меня угнетала еще и собственная вина. Все началось из-за моей невнимательности, поэтому именно мне следовало довести дело до конца. Тогда я смогла бы примириться с тем, то Викторина впредь обойдется без моего надзора и помощи. Чем скорее Ален возьмет ее под свою непосредственную опеку, тем лучше.

Мое доверие к миссис Плезант поколебалось. Она уже сделала больше, чем я могла ожидать от нее. Но какова будет окончательная цена за ее услугу? Если кто-то должен платить, пусть это буду я, но не Ален.

Очень давно я не получала совета, которому могла бы довериться, и вынуждена была полагаться исключительно на себя. Я смутно сознавала, что это опасно, но другого пути не было — я вынуждена была делать то, что считала наилучшим, надеясь, что это не полная глупость.

Сейчас я должна была играть пассивную роль, поскольку не могла избавиться от мысли, что нахожусь под тайным наблюдением. Я села, сняла крышки с тарелок и как следует поела. Закончив, я подошла к окну, слегка приподняла три слоя занавесок, открыв обзор на небольшой кусочек улицы.

Снова начинался дождь, снова висел туман. Какой еще маскировки можно пожелать? Пора было уходить, пока мужество не оставило меня. Заперта ли дверь? Я не припоминала ничего похожего на лязганье ключа.

Под моей рукой ручка повернулась. Я быстро направилась к черной лестнице, прислушиваясь к гомону внизу. Но, когда я достигла своей прежней спальни, нижний коридор был пуст. Я быстро накинула плащ, который надевала прошлой ночью и закрывающий лицо чепец, чуть промедлив, чтобы отцепить фальшивую челку. Я предпочла бы собственные плащ и шляпу, но не знала, где они.

Одевшись, я осторожно приоткрыла дверь коридора и прислушалась. Сюда гомон доносился лишь отзвуком. Достигнув комнаты Викторины, я обнаружила, что дверь по-прежнему заперта. Я была уверена, что миссис Плезант позаботится, чтобы девушка не сбежала снова — она стоила слишком дорого, если моя хозяйка и вправду желала заключить сделку. Ступенька за ступенькой спускалась я по черной лестнице, постоянно останавливаясь, чтобы прислушаться, каждое мгновенье ожидая увидеть Сабмит или миссис Плезант. Что я буду делать на нижнем этаже, если в кухне кто-то окажется, я пока не знала.

Наверное, тогда придется пройти через парадную дверь. Раздался шум. Я замерла, вцепившись в перила обеими руками, и стояла так, пока внизу не прошел официант в белой куртке и с нагруженным подносом. Он не взглянул вверх... пока я была в безопасности. Если обед сейчас в разгаре, возможно, парадная лестница даже предпочтительнее. Я вернулась в коридор второго этажа и бросилась так быстро, как только могла, в обратном направлении, а затем снова начала осторожно спускаться. Голоса звучали приглушенно, возможно, из-за закрытой двери. Наконец я оказалась в нижнем холле. Из большой гостиной лился яркий свет. Пока я бежала к парадной двери, я слышала высокий женский смех и низкий рокот мужских голосов. Никто меня не окликнул. Дверь была не заперта, и я выскочила наружу.

На меня обрушился дождь, порыв ветра заставил задохнуться. В отчаянии я оглядела улицу. Конечно, нигде не было ни следа какого-либо экипажа. Не оставалось ничего, кроме как идти пешком и постараться найти открытый магазин, где я могла бы найти мужчину или мальчика, способного нанять для меня транспорт. Пока я тащилась по тротуару, моя беспомощность начала страшить меня. Я не знала, где здесь можно найти помощь.

Хотя из-за дождя зажгли уличные фонари, они были слишком удалены друг от друга и слишком тусклы. Я достигла маленького круга света вокруг ближайшего фонаря, когда из мрака за моей спиной меня схватили за локти и быстро завели их назад, несмотря на мое отчаянное сопротивление. Потрясение было так велико, что мне даже не пришло в голову закричать.

Рядом со мной возник человек, словно волей какой-то черной магии выросший прямо из-под мостовой. Тот, невидимый, что напал сзади, так крепко держал меня, что я не могла шевельнуться. Второй, сорвав чепец, грубо повернул мое лицо к свету.

— Это она!

Я не видела лицо того, кто прошипел это: он был в широкополой шляпе из тех, что носят на ранчо, и в плаще, ворот которого закрывал его шею и нижнюю часть лица. Но голос его я узнала! Д'Лис! От страха меня даже затошнило.

На пустынной улице раздалось клацанье копыт. Рядом остановился фиакр и меня втолкнули в еще более грубые руки, чем те, что держали меня прежде. Действовали они ловко, и резонно было предположить, что этим людям такое не впервой. Меня так туго спеленали моим собственным плащом, что я не могла даже двинуть руками. А когда я попыталась закричать, на мою голову и плечи натянули плотный мешок. Он почти не пропускал воздуха, и так вонял, что я испугалась, как бы не задохнуться.

Выходит, Д'Лис поджидал меня. Но чего он хотел? Пока мы ехали, я не могла мыслить связно, могла только терпеть и надеяться, что скоро смогу вздохнуть посвободнее.

Наверное, я потеряла сознание, потому что опомнилась уже не в экипаже. Меня несли. Я слышала грохот музыки и громкий смех. Вскоре меня бросили на что-то мягкое... это могла быть только постель.

— Что ты сделаль?

Голос был женский, я уже слышала его раньше, хотя в нынешнем своем полубессознательном состоянии я была слишком потрясена, чтобы вспомнить, когда и где.

Затем вонючий мешок стащили с моей головы. Я жадно и глубоко вдохнула. Женщина, что склонилась посмотреть на меня, была... Сели!

— Зачем ты привьез ее сьюда? Что ты хотишь?

Ее акцент становился все резче с каждым словом. Она повернулась к собеседнику. Это был Д'Лис. Он не снял шляпы, но ворот опустил.

— Я делаю то, что хочу.— Он добавил слово на незнакомом мне языке, по всей вероятности, грязное, потому что лицо Сели под толстым слоем пудры закаменело.

Д'Лис расхохотался, явно преисполненный самодовольства.

— Мечтаешь о том, чтобы воткнуть в меня свой ножичек, да, Сели? Это у тебя на уме, cherie? Хотя нет, ты бы никогда не осмелилась даже захотеть такого. Это невозможно, верно, голубушка?

Легко и грациозно приблизившись к ней, он ухватил ее за запястье своими гибкими смуглыми пальцами. Если она и была в ярости, то теперь это чувство смыла боль. Она пыталась вырваться, но молча.

— Ты ошиблась, правда, Сели? — Он продолжал улыбаться, глядя на нее желтыми глазами, в которых не было ни следа человеческих чувств. — Или нет?

Наконец он вынудил ее заплакать, она рухнула на колени, но даже в этой унизительной позе ее рука оставалась в мучительном захвате.

Oui, oui!* — со слезами выговорила она.

— И ты больше такого не сделаешь, да, Сели?

Он выпустил ее так неожиданно, что она упала ничком. Я видела, как четко отпечатались следы его пальцев на ее руке. Она стонала, но, он не дал ей времени позаботиться о синяках. Напротив, он нагнулся, схватил ее за плечи и вздернул за ноги.

— Будешь внимательно слушать, Сели, и делать то, что я прикажу. Иначе... — Его улыбка не предвещала ничего хорошего.

— Oui, oui, — всхлипывала она в его руках.

Д'Лис отпустил ее и отступил на шаг.

— Вот видишь, cherie, все очень просто. Я никогда и ничего не делаю сгоряча, и человек я очень мирный. Я люблю, чтобы все делалось полюбовно и спокойно. Мы снова станем друзьями, Сели, и ты будешь всячески помогать мне просто по дружбе. Совершенно необходимо, чтобы Викторина вернулась ко мне — ведь она моя дражайшая супруга. Но она нужна мне и по другой причине. Этот Соваж, как мне говорили, здесь большой человек, настолько большой, что его лучше не трогать. Но те, кто так говорят, еще не знают Кристофа Д'Лиса, не знают, на что он способен. Правда, Сели? — Голос его, ни разу не возвысившийся, звучал мягким мурлыканьем тропического хищника.

---

* Да, да! (фр.)

Сейчас я разделяла ужас, который внушал этот мягкий, почти ласковый голос. Сели не могла отвести от него глаз, ее рот слегка приоткрылся. У нее был такой же блуждающий взгляд, как у Викторины, когда та попала под влияние порошка миссис Плезант.

— Bon... Они не знают Кристофа, но они его узнают. Властью Дамбаллы, я — уста Барона Самеди, Князя Смерти... о эти белые узнают! — В его голосе звучала смертоносная сила — Bon... К делу. Каждый мечтает о будущем, но теперь дело должно претворить мечту в плоть. Ступай и найди мне такого посланца, которому можно доверять, из тех, кто не подчиняется этой желтой суке Плезант. Иди.

Сели вышла, двигаясь, как лунатик. Я сжалась, ибо его желтые глаза теперь смотрели на меня, а улыбка стала шире.

— Мисс Пенфолд... — Он заметил мое удивление. — Конечно же, я знаю вас — компаньонку, точнее, тюремщицу моей дорогой Викторины, приставленную следить, чтобы она не вернулась ко мне, своему законному хозяину. Я вам очень благодарен, мисс Пенфолд, что сегодня ночью вы устремились прямо в наши руки. Теперь с вашей помощью я могу заключить сделку. Вы должны встать. — Нагнувшись надо мной, он размотал плащ, которым меня спеленали. — Идите к столу...

Он указал на столик с позолоченными ножками, на котором стояла ваза, два стакана и бутылка. Взмахом руки он сбросил все это на пол — вино из бутылки вылилось на ковер. Из кармана он извлек сложенный лист бумаги, разгладил его и приготовил черный грифель.

— Садитесь сюда. — Он подвинул кресло к столу, где лежали бумага и грифель.

— Зачем? — я пыталась бороться с магнетической силой его голоса.

— Зачем? — повторил Д'Лис. — Во-первых, потому, что я вам это велел. Во-вторых, ваши действия, может быть — только может быть — спасут вам жизнь. Садитесь и пишите то, что я вам продиктую.

Я видела, как жестоко он укротил Сели, и знала, что в данный момент я беспомощна. Наилучший образ действий для меня — изобразить полную покорность. И, говоря по совести, притворство было недалеко от правды. Итак, я подошла и села, как он приказывал.

— А теперь пишите...

Он стоял по другую сторону стола, вперив в меня свои желтые глаза. Душевная борьба во мне усилилась. Неза-

висимо от того, подчинюсь я ему или нет, у меня было мало надежды, что я дождусь от него чего-нибудь хорошего.

«Месье Алену Соважу. Сейчас я в руках того, кто жаждет воссоединиться со своей законной женой, Викториной Д'Лис. Я останусь здесь, пока Викторина не будет вольна вернуться к мужу. Мне сказали, что время для столь желанного воссоединения ограничено, и если дело не сладится, последствия будут для меня ужасны. Вам пришлют указание, как произвести обмен».

Грифель скользил в моих пальцах, поэтому почерк получился размашистым и грубым. Но я написала каждое продиктованное слово. Я считала невозможным, чтобы Ален Соваж согласился с какими-то ни было «указаниями». Возможно, мне стоило надеяться только на людей миссис Плезант.

По иронии судьбы мне оставалось возлагать свою последнюю надежду на ту самую особу, которой я имела все основания не доверять. И она могла потребовать очень высокую плату. Но я могла загадывать только на один ход вперед, и надеяться...

— Он не согласится, — сказала я так безразлично, как только сумела.

— Нет? Тогда для вас это кончится очень печально, мисс Пенфолд. А теперь, чтобы заставить его лучше понять...

В свете лампы сверкнуло лезвие ножа. Я так и не поняла, откуда он извлек этот клинок. Прежде, чем я угадала его намерение, он сдернул сетку, стягивавшую мои волосы, длинные пряди упали на плечи и шею.

Д'Лис срезал одну прядь и обмотал письмо, воспользовавшись ею вместо шнурка.

— Теперь я на время оставлю вас, мисс Пенфолд. Если хотите, молитесь своему белокожему богу, только вряд ли он вам ответит. Но в любом случае вам будет полезно посидеть здесь. Если месье Соваж желает вам добра, он скажет «да». Если он будет упрямиться, вас ждет весьма печальный конец.

Он вышел в зеркальную дверь. Когда она захлопнулась, я явственно услышала клацанье ключа. Конечно, я была пленницей. Сейчас во мне рос такой ужас, что если бы я утратила контроль над собой, я бы завизжала и начала бы биться о зеркальные стены, молотила бы по стеклу, разбивая его вдребезги.

Мне пришлось выдержать одно из жесточайших сражений в жизни: принудить себя спокойно сидеть в кресле и пытаться размышлять без паники и страха.

Пока я беспомощно озиралась, эти кошмарные нарисованные женщины на стенах, казалось, издевательски хихикали. Некогда отец вооружил меня «дерринджером»* и заставил практиковаться, пока я не стала отличным стрелком. Он также приучил меня к мысли, что, возможно, настанет день, когда мне придется защищать себя физически.

Но пистолет остался на борту «Королевы Индии», а воспоминания не могут служить оружием. Следовало найти что-нибудь, чем бы я могла воспользоваться здесь и сейчас.

Моя рука скользнула в карман. Там все еще лежал узелок с деньгами. Может быть, поможет взятка... Но кого подкупать? Если у меня найдут эту жалкую сумму, ее, скорее всего, просто отберут. Еще был браслет с пауком. Я вспомнила, как реагировала на него Сабмит. Предположим, я покажу его какой-нибудь служанке...

Миссис Плезант говорила, что служащие здесь негритянки порой обращающиеся к ней. Если повидаться с кем-нибудь из них и передать послание на волю... Я сомневалась, что это мне поможет, но...

Тем временем я изучала комнату. Вульгарность обстановки делала явным ее предназначение — удовлетворять прихоти тех, кто имел достаточно денег, чтобы посещать Сели. Она похвалялась перед миссис Плезант, что здесь бывают не последние люди в городе. Могу ли я обратиться к подобным лицам? Может, стыд вынудит их прийти мне на помощь? Но как? Если я начну кричать, мои вопли никого здесь не удивят, даже если пробьются сквозь стены комнаты.

В зеркалах я слишком ясно видела весьма потрепанную особу — взлохмаченные волосы, лицо, перемазанное от соприкосновения с вонючим мешком, мятое, грязное платье с оторванными оборками. Вряд ли я могла вызвать доверие.

И эти отражения множились и множились — две, три, десять «я». Если бы только я могла собрать все эти отражения и поставить плечом к плечу... Тут я поняла, что совсем близка к истерике.

Мое внимание постоянно отвлекали эти ужасные картины с непристойными фигурами, их злобные хитрые глаза неотрывно следили за мной. Я старалась не глядеть на них, пока искала оружие. Камин... позолоченная кочерга!

---

* «Дерринджер» — двуствольный пистолет

Опасаясь, что за ной могут наблюдать сквозь какую-нибудь смотровую щель, я встала, но пошатнулась так, что едва не упала. Воля моя была сильна, чего нельзя было сказать о теле. Я схватилась за спинку кресла. Пол подо мной ходил ходуном, как палуба в шторм.

Затем слабость прошла, но оставила осадок, свидетельствующий, что приступ может повториться. Медленно, словно ступая по трясине, я приблизилась к камину. Жара в запертой комнате была почти удушающей, но огонь уже потух, и угли подернулись пеплом. Я осторожно вытянула из стойки кочергу и прижала ее к себе так, чтобы ее скрыли складки юбки. Потом я вернулась к креслу и села.

Не знаю, сколько времени я просидела. Так, наверное, ждут приговора — с натянутыми до предела нервами и обостренными чувствами. Но время шло, а такое состояние не могло длиться долго. Против воли я начала успокаиваться, терять бдительность.

Я сидела лицом к потайной двери, так что никто не мог войти незамеченным. И я старалась не думать о том, что творится сейчас где-то еще, полностью сосредоточившись на собственном положении.

Ожидание тянулось бесконечно. Слыша тиканье часов, я периодически поглядывала на полку, где они стояли. Часы здесь тоже соответствовали обстановке — циферблат поддерживал пухлый, мордастый купидон. Время близилось к полуночи.

Неужели обо мне просто забыли? Но тут звяканье ключа заглушило тиканье часов. Чтобы изобразить полную беспомощность и беззащитность, я жалко понурилась. Дверь распахнулась, и вошел Кристоф Д'Лис, шатаясь, с трудом сохраняя равновесие. На этот раз он был без шляпы и плаща, в элегантном костюме и белоснежной рубашке. В руке он держал бутылку шампанского. Лицо его пылало, веки почти закрывали желтые глаза, губы его казались очень красными и влажными, и он непрерывно водил по ним языком, словно слизывал с них что-то необычайно приятное на вкус.

Хотя он поначалу и показался мне полупьяным, его движения навели меня на мысль, что он полностью владеет своим телом. Не глядя на меня, он поставил бутылку. Я крепче ухватилась за кочергу. Ни разу в жизни я никого не ударила, но теперь приходилось решительно защищать себя. Я встала, надеясь, что произвожу впечатление существа, трясущегося от страха, и попятилась.

— Белое... белое мясо. — Это он произнес по-английски.

Затем Д'Лис перешел на диалект, которым пользовалась Викторина и Амели. Я догадалась, о чем он говорит, и меня затошнило. Но нельзя было поддаваться слабости. — Нежное белое мясо... еда... — Он обращался не ко мне, даже когда снова возвращался к английскому языку. — В былые дни... дни огня, ножей и крови, когда мой народ восставал... Они бежали... хозяева, хозяйки... аж визжали, они пытались скрыться... Папа Рикардо... часто он рассказывал мне, как это было, и молодел с каждым словом. Белое мясо... оно было нашим!

Д'Лис пребывал в каком-то собственном мире. Голова его раскачивалась вперед и назад, язык прятался, высовывался и скользил по нижней губе. Так мог бы сновать змеиный язык, да и сам он раскачивался как змея!

16

Я продолжала пятиться от двери. Он смотрел на меня... но видел ли он меня вообще? Его бессвязная речь перебивалась какими-то странными звуками, слова сменялись шипением. Медленно, шаг за шагом, он наступал на меня. Я понимала, что больше одного шанса мне не представится, что я обязана как следует использовать этот шанс. Теперь все зависело от моей способности выбрать момент для удара.

— Сейчас у меня будет пир белого мяса... Кто против? Оно уже принадлежит Дамбалис, и кто еще, кроме Его Глашатая, имеет право его съесть.

Он пригнулся, словно огромный кот, и я едва не обманулась, ибо это движение было таким замедленным, что я снова сочла его пьяным. Пальцы его впились в ворот моего платья, и рванули его со страшной силой, раздирая мою одежду, словно она была сделана из тончайшей бумаги. В то же мгновение я взмахнула кочергой и, собрав все силы, обрушила ее на голову Д'Лиса.

Некоторое время я не могла двинуться, просто стояла, пытаясь отдышаться, и глядела на то, что теперь лежало у моих ног. Д'Лис не издал ни звука. Но тот, другой звук — тупой удара... забуду ли я его когда-нибудь? Его взметнувшиеся руки, скрюченные пальцы, цеплявшиеся за бархатное покрывало постели, и как оно потом съехало и укрыло его тело.

Его тело! Я вздрогнула, с отвращением отбросила кочергу,

и вытерла руки о юбку. Мне казалось, что мои ладони всегда будут помнить ощущение позолоченного металла. Д'Лис не шевелился и не стонал. Я не могла дотронуться до него, чтобы проверить, остались ли в нем признаки жизни. Я чувствовала, но не позволяла себе осознать — я убила этого человека, испытывая гораздо меньше жалости, чем если бы передо мной было бешеное животное. Для меня он был куда хуже, чем животное.

Кое-как я доковыляла до туалетного столика и нашла среди груды всяких безделушек булавки, чтобы заколоть прореху на платье. Ноги у меня подгибались, меня жестоко трясло, и я не была уверена, что у меня хватит физических сил выползти из комнаты. Не то, чтобы я недооценивала опасностей этого дома, но все-таки следовало поскорее выбраться из него.

Шатаясь, я вернулась к кровати — колыхало меня, как былинку, — взяла свой плащ и накинула на себя. Затем повернулась к двери, но так и не дошла до нее.

Зеркальная панель отъехала в сторону. В открывшемся проеме стояла Сели, а за ней — чудовищная карикатура на женщину, достойное порождение этого кошмара. Хотя она была одета в крикливый наряд — какой-то шарж на последнюю моду, она больше походила на мужчину, прибегшего к некоему гротескному маскараду, если бы не чудовищные груди, выпирающие из выреза ярко-зеленого атласного платья.

Сели была маленького роста, но эта великанша рядом с ней низводила ее до пропорций ребенка. В этой женщине было более шести футов, а телосложение было подстать росту. Лицо ее под тщательно уложенными ярко-рыжими волосами лоснилось, покрытый прожилками нос краснотой мог поспорить с волосами, а широкий рот и выпученные глаза создавали впечатление лягушачьей маски.

Вокруг нее витал запах крепких духов и еще более крепких спиртных напитков. Я вспомнила о кочерге, но та лежала в другом конце комнаты, там, куда я зашвырнула ее.

— Чегой-то? — В противоречие великанским формам голос женщины был тонким и писклявым. Она ткнула Сели в плечо унизанным кольцами пальцем.

Но Сели во все глаза смотрела на лежащего. Метнувшись к телу, она остановилась, чтобы приподнять покрывало. Д'Лис лежал лицом к ней, под головой на ковре расплывалось темное пятно.

— Он мертв! — взвизгнула она.

— Точно? — в писклявом голосе звучало только любопытство, а не страх, не удивление, словно бы подобные сцены были в ее мире обыденным явлением. Затем она повернулась ко мне.

— Как ты его замочила, девка?

Сели, пятясь от Д'Лиса, наступила на кочергу и с визгом подхватила юбки. Великанша тяжелой походкой выступила вперед, подняла металлический прут и помахала им.

— Отличная зубочисточка, Сели. Тебе, девка, надобно быть поосторожнее. Похоже, будут тебе крупные неприятности.

— Non! — Сели отскочила к стене, чтобы быть как можно дальше от распростертого тела. — Non, не будут! Этот дом, он есть мой! Я его не отдам, это все, что я в этот мир имель! Я и знать не желаль, что здесь било! Это она делала гадось, то не моя виновата! — К ней возвращалась храбрость. — Никто не узнать.

— Он здесь, и он мертвый, Сели. Как ты его сплавишь?

Сели стояла, прикусив зубами согнутый палец. Ясно было, что она отчаянно пытается что-то придумать. — Никто не дольжен знать, — повторила она. — Его дольжны найти на улице... далеко отсюда... убитый грабитель. И все. Такое слючалось почасту.

— И как это он уберется отсюда, Сел? Бедолага ведь не может просто встать и уйти, а?

— Его унесут. Джаспер и... — Она повернулась к великанше. — И ты, Бесси. Ты может перенестить его одной рукой!

— Лады, Сел. Если по правде, это интересное предложение. И что я с этого буду иметь?

— Полно всего. Я тебья знаю, — мрачно ответствовала Сели. — Получишь ее! — Она указала на меня. — Я хочу, чтобы ее заткнуль рот, чтобы она никогда не рассказаль тем, кто может сделать мне неприятность! Делай с ней, что хочешь. Она считает себя леди... так будет в твой дом новой приманкой и поучится новой работа!

Я пришла в такой ужас, слушая, как они обсуждают, будто я была предметом купли-продажи, что не могла ни возразить, ни пошевелиться. Великанша швырнула кочергу на пол и одним шагом оказалась рядом со мной. Ее жирная лапа клещами — не вырваться, — схватила меня за подбородок и повернула к свету. Она принялась изучать мое лицо, дыша в него перегаром.

— Не шибко-то она смазлива, не из тех, что нравятся моим парням. Но ежели она еще целая — лады, тогда я поначалу смогу брать за нее маленько подороже. Так я беру ее... и что еще, Сел?

— Выручку за недель, — быстро отвечала та. — Ты же знай, сколько здесь набегает, Бесси.

— Еще бы, Сел. Но мы с тобой, уж будь любезна, сойдемся на двух неделях. И сверим счета, когда я приду получать.

Сели не возражала, кивнув в знак согласия. И тут у меня наконец прорезался голос.

— Вы не посмеете! Миссис Плезант... мои друзья...

Бесси заржала.

— Девка, у тебя осталась только одна подруга — я! — Она ткнула кулаком между могучими грудями — Будешь примерной маленькой девочкой, не будешь доставлять неприятности — тогда все будет отлично и по-дружески. Ты спроси любую из моих девок. Бесси к ним со всей душой, ежели они не вредничают. Конечно, если будешь продолжать выкидывать штучки вроде этой, — она махнула в сторону трупа, — тут уж я взаправду разозлюсь. А ежели я на кого взаправду разозлюсь... тебе, девка, лучше среди таких не бывать. Я с ними разбираться умею... Так что будь уверена, помешать ты мне сейчас не сможешь.

Она стащила с меня плащ — я могла противостоять ее огромной силе не больше младенца — и скрутила мне руки за спиной, связав их чулком, который бросила ей Сели.

— Теперь, — Бесси покосилась на тело, — займемся бедным джентльменом, который тут малость перепил. Я просто снесу его вниз и посажу в свой экипаж, чтобы он спокойненько добрался куда собирался. Не путай сюда Джаспера, Сел. Чем меньше народу знает, тем лучше. Сегодня меня привез Болванчик, а то, что он знает и не знает, не имеет значения, с тех пор как у него нет языка, чтобы болтать.

Бесси без особого труда вытащила обмякшее тело за дверь, и я догадалась, что быстрота ее действий объясняется привычкой к таким ситуациям. Когда она ушла, я решила попытать удачи, обратившись к Сели.

— Вы же знаете, что миссис Плезант — моя подруга. С какой стати я стану болтать? Я убила его. Неужели вы думаете, что мне не терпится в тюрьму?

Она в этот момент была занята тем, что складывала покрывало, выказывая тщательность заботливой домохозяйки. Но когда она повернулась ко мне, ее лицо окаменело от ненависти.

— Ты! Если Мэмми Плезант узнай, что здесь слючилось, я никогда буду не знать покой. Он быль единственный, кто мог противить ей, и вот как он кончиль! Она дьявол, дьявол! Она знает все и может так проклясть твоя жизнь, что и хотель бы умереть, только будешь продолжаль жить. Я навидалась, что она делать с теми, кто пошель поперек ей! И думаешь, я стану рисковать?

— А если я скажу ей, что вы держали меня здесь против собственной воли? Я же видела, как он мучил вас, принуждал делать то, что он хотел...

— Мучаль меня? — Неожиданно она злобно хлестнула меня по лицу. — Что ты несьешь. Он быль любовник, каких

тебе никогда не иметь! Он хотель меня, Сели! Такие мужьчины не любят вашей сестры. Они хотять нас, нас, дающих их телам наслаждение польной мерой. Я даже не знала, что значит настоящий мужьчина, пока не заполучила его в своя постель, а ты убила его! Я тебе это не забуду. Бесси, она так с тобой обойдется, что ты тоже никак не забудешь... до конца жизни!

Я попалась в ловушку, из которой не было выхода. Ужас от того, что предстояло мне, был так велик, что мое мужество окончательно истаяло. Она, должно быть, прочла это на моем лице, и расхохоталась.

— Ай, Бесси тебя вышколит... а она не имей такой прекрасный дом, как этот, она не принимает таких превосходный джентьлменов, что ходят сьюда. Non, ее завьедение на Берегу, возможно, ты не знаешь, что это значит. Слушай, ты...

Ее слова хлестали меня тяжелее ударов: она без околичностей разъясняла, что за притон содержит Бесси, и какие обязанности я буду вынуждена там выполнять. Поэтому под конец я лишь величайшим усилием удерживалась от плача, цепляясь за последние остатки самоуважения. Нельзя было допустить, чтобы эта женщина слышала от меня мольбы о милосердии.

Бесси скоро вернулась... даже слишком скоро. Она снова накинула на меня плащ, запахнув его так, чтобы скрыть мои связанные руки.

— Ну, как, девка, пойдешь тихо-мирно, как тебе велела леди Сел? Или я должна успокоить тебя вот этим? — Она поднесла к моим глазам огромный кулачище.

Покорностью я могла выиграть призрачный шанс, проявляя непокорство не получила бы вовсе никакого.

— Я пойду тихо, — принуждена была ответить я.

Пасть Бесси скривилась в ухмылке.

— Гляди-ка, она становится хорошей девочкой, Сел. У нас не будет с ней никаких трудностей, верняк, не будет.

Она наехала на меня своей массивной грудью, лапа ее тяжко легла на мое плечо, одновременно и волоча за собой, и держа в плену. Так мы спустились в нижний холл, куда из других комнат доносились музыка и шум голосов. Я приготовилась закричать. Конечно, даже в таком доме может найтись кто-нибудь, кто придет мне на помощь, когда узнает правду. Бесси, однако, словно прочла мои мысли. Ее лапа скользнула с моего плеча на горло и так его сжала, что я чуть не упала.

— Я ведь из тебя, девка, дух вышибу, не так это уж трудно, — предостерегающе прошептала она. Я не сомневалась, что она успеет исполнить свою угрозу прежде, чем подоспеет помощь.

Мы вышли на улицу, в ночь. Дождь перестал, но тучи

все еще застилали небо. Огненно-красный свет вывески отбрасывал кровавый отблеск на ожидающий нас закрытый экипаж.

— Туда, девка — Бесси легко подняла меня и втолкнула внутрь. Когда она сама уселась рядом со мной, рессоры звучно заскрипели. — По пути сделаем остановку, выкинем его — В свете фонаря я увидела, что Бесси показала пальцем на багажную часть кареты. — Болванчик его сплавит.

Под покровом плаща я лихорадочно сражалась с чулком стягивающим мои руки. Но Бесси умела вязать узлы не хуже иного матроса. Я только ободрала кожу в этой борьбе.

Всякой надежде на побег придет конец, когда я окажусь в притоне, столь детально описанном мне Сели. Но должна же оставаться хоть какая-то надежда...

Сдаться, смириться с тем, что впереди меня не ожидает ничего, кроме грязи, я никак не могла. Я была готова уловить малейший шанс, предоставленный судьбой. Хотя, пока мы двигались неторопливой рысцой, я не могла уловить ни малейшей возможности.

Мы остановились, и Бесси, едва не задавив меня, просунулась вперед, к окну, чтобы посмотреть, что творится снаружи. В такой позе она оставалась несколько минут, затем вернулась на прежнее место и кивнула.

— Порядок. Болванчик его вывалил. Мы сделали свое дело, девка.

Ее прервал резкий крик за каретой, точнее вой, повергающий в дрожь. Бесси сглотнула и засопела.

— Этот Болванчик! Я же велела ему поостеречься! Однако, у него должно хватить мозгов, чтобы сделать ноги.

Теперь экипаж тащился шагом, чего никогда не бывало на городских улицах.

Мы снова услышали этот крик, но уже в отдалении. Бесси вытащила носовой платок и промакнула лицо, стирая пудру и румяна, толстым слоем покрывавшие ее грубую кожу.

— Смылся. Никому Болванчика не поймать, когда он дает деру, — заметила она. — Тоже соображает. Он даст здорового кругаля и вернется назад. Они заплутают, если погонятся. Но этот крик... никогда прежде не слыхала ничего подобного... а ты, девка?

Она так двинула мне локтем под ребро, что, вероятно, оставила синяк.

— Нет! — выдохнула я. — Похоже, будто зверь какой завыл. Мерзкий звук...

Экипаж пошел еще медленнее. Я увидела огни — мимо проезжали другие кареты. Если бы у меня были сво-

бодны руки, я смогла бы распахнуть дверь. Но кричать не стоило: Бесси мигом заставила бы меня замолчать, и ей ничего не стоило сплести правдоподобную историю для тех, кто вздумает поинтересоваться, в чем дело. Мы миновали несколько поворотов, и шум кругом превратился в почти ровный рокот. Кругом горели фонари. Должно быть, мы уже пересекли границу Варварского Берега. Кто здесь мне поможет?

Экипаж остановился, Бесси вывалилась наружу и тяжело двинулась по мостовой. И только потому, что она отвернулась, чтобы перемолвиться с кучером, фортуна улыбнулась мне в тот момент, когда она говорила: «Неплохо сработано, Болванчик».

В отдалении я случайно увидела двух мужчин. Они были одеты как моряки, на одном из них была офицерская фуражка. Он цепко держал за руку своего молодого спутника и говорил достаточно громко, чтобы я могла услышать:

— Не будь ты таким распроклятым дураком, парень. Здесь кишмя кишат вербовщики. Немедленно возвращайся на корабль. Или очнешься в чужом трюме с пустыми карманами...

Это был мистер Уиккер, помощник капитана корабля Алена, тот, кто знал моего отца! А Бесси не успеет заткнуть мне рот или оглушить. Я высунулась из дверей кареты на свет и закричала что есть силы:

— Помогите! Мистер Уиккер, помогите!

Он обернулся. Узнал ли он меня? Вероятно, в моем нынешнем растерзанном виде мог бы и не узнать. Но после минутного удивления, я увидела, как его глаза расширились... только было уже слишком поздно.

Я еще увидела летящий на меня кулак Бесси, но не смогла увернуться. Голова моя словно раскололась от боли — и больше не было ничего.

И снова меня терзали тьма и боль, но я была опять в сознании. Меня мутило, даже вырвало от одной попытки шевельнуться, и это отозвалось тупым ударом в затылке. Долгое время я не знала где я, и кто я... сознавала только боль и тошноту.

Постепенно я стала различать чуть больше. С одной стороны было несколько светлее. Туда и тянулся мой взгляд, ища хоть какого-то бегства из ужасающей смердящей тьмы.

Еще хуже, чем вонь от моей собственной рвоты, были такие запахи, какие мне прежде никогда не приходилось обонять. Я постаралась повернуться, и обнаружила, что мои запястья все еще скручены, что лежу я на груде вонючих тряпок.

Итак, я упустила тот единственный слабый шанс. Это бы-

ла первая моя мысль, когда мозг кое-как заработал. Мое физическое унижение было так глубоко, что будущее уже не имело для меня особого значения. Я услышала слабый блеющий звук, монотонно повторяющийся, и поняла, что это мои собственные стоны, которых я не могла сдерживать. Я дошла до того, что превратилась в бессловесное страдающее животное, не имеющее ни воли, ни решимости бороться. Если бы кто-нибудь пришел в этот миг убить меня, я бы без возражений приняла последний удар.

Не знаю, долго ли продолжался этот период тьмы и боли, не знаю и того, какие силы были вызваны к жизни этой ночью и ранним утром. А если бы и знала, то при моем тогдашнем состоянии нимало бы не обеспокоилась.

Несколько раз я, должно быть, теряла сознание. Последний раз, когда я открыла глаза, свет стал бледно-серым, и обозначилось окно, прикрытое тощей грязной занавеской. Повернуть голову было так мучительно больно, что я не стала и пытаться. С другой стороны передо мной были только темные доски — грязная стена, по которой ползали насекомые.

Моя груда тряпок располагалась примерно в середине помещения. Напротив была дверь, и — больше ничего.

Но снаружи, за окном, двигался смутный силуэт. Стекло было покрыто таким толстым слоем пыли, что на нем можно было рисовать. Звук... Я слушала тупо и безразлично. Звук стал громче... треск, потом звон стекла, падающего на пол. Мгновением позже чья-то рука отбросила ветхую ткань занавески, больше похожую на паутину. Кто-то взбирался внутрь.

Я безучастно наблюдала. Казалось, все это не имеет никакого отношения ко мне, моей боли и унижению. Когда окно открылось, стало светлее, и человек, проникший в комнату, выпрямился во весь рост.

Я услышала резкое восклицание, которое вырвалось у него, когда он упал на колени рядом со мной. Теперь я могла рассмотреть его лицо, хотя перед глазами у меня все расплывалось, когда я пыталась сосредоточить взгляд. Я... я его знала. У него было имя... только я никак не могла его вспомнить. И это последнее поражение —- то, что я никак не могла его вспомнить, — исторгло из моих глаз слезы, обильно покатившиеся по покрытому синяками лицу.

— Тамарис! Господи боже, что они сделали с тобой! Тамарис!..

При его прикосновении я застонала от боли. Он нагнулся и разрезал узлы на моих запястьях. Но руки не ощущали ничего — они лежали одеревеневшие, безжизненные.

— Ради бога... — прошептала я. — Ради бога... голова... так болит...

— Прости. — Он больше не пытался до меня дотронуться. Вместо этого он подошел к окну и свистнул. Потом он высунулся наружу, и я услышала голоса.

Затем он вернулся ко мне, встал на колени, взял мои онемевшие руки и стал растирать их так, что мучительная боль восстанавливаемого кровообращения вызвала у меня крик. Но его пальцы мгновенно прижались к моим губам, он пригнулся ближе и зашептал:

— Моя храбрая девочка, ты должна немного помочь мне, чтобы и я мог помочь тебе. Мы не можем выбраться отсюда, кроме как через окно. Уиккер побежал, чтобы привести свою команду. Когда он вернется, ты должна быть достаточно сильна, достаточно отважна, чтобы двигаться...

Я слышала его слова, но для меня они звучали бессмысленным шумом. Он делал мне больно — вот все, что я понимала. Если бы он ушел, если бы позволил мне соскользнуть обратно во тьму, куда не достигает боль! Но он не уходил, а его голос, его прикосновения удерживали меня в сознании.

— Ален! — Вот как его звали. Я вспомнила его имя!

— Да, Ален. Успокойся, отдыхай, береги свои силы, чтобы мы были готовы, когда вернется Уиккер. За полицией мы тоже послали. Ты спасена... спасена...

Я увидела поверх его головы, как дверь комнаты начала открываться, и попыталась закричать, чтобы предупредить его.

— Успокойся... отдыхай... — Он улыбался мне. Улыбался! А за ним...

Огромная фигура Бесси... я теперь вспомнила. И ее присные. Она сжимала кочергу. Нет... это я сжимала кочергу. И в наказание за это была ввергнута в ад. Но зачем тогда здесь оказался Ален? Теперь Бесси стояла прямо за ним, готовая ударить...

Неожиданно я обрела голос.

— Ален... сзади!

Он повернулся, не успев встать на ноги. Как он ни силен, разве может он противостоять такой великанше? Теперь я разглядела, что в руке у нее был молоток. Своим визгливым голосом она завопила:

— Вяжите его, парни, когда я его вырублю. Мы возьмем хорошую цену за этого парнишку!

Но «вырубить» Алена оказалось не так просто. Он увернулся, и я увидела, у него в руке револьвер. Бесси попятилась, ее люди метнулись за ней. Затем они разделили силы:

Бесси подалась направо, остальные — налево. Ален не смог бы бороться на два фронта одновременно.

Мои собственные несчастья оставили меня тупой и сломленной, но угроза ему вернула мне силы. Я сползла со своего грязного ложа и бросилась на Бесси. Мои скрюченные пальцы вцепились в складки ее платья где-то на уровне колен.

Ее рука опустилась, но молоток не пробил череп ни мне, ни Алену, а ударился об пол. Бесси, потеряв равновесие, отшатнулась назад. Послышался тяжкий удар: из-за своего неудачного падения она налетела на собственных сообщников.

Ален был уже на ногах и поднимал меня. В голове моей билась такая боль, что я боялась лишиться сознания. А еще — мучительное головокружение, словно стены притона плясали вокруг меня в тошнотворном танце.

По возможности прикрывая меня своим телом, Ален отступал к окну, направив револьвер на дверь. Хотя мы слышали за ней возню, мерзавцы не решались снова нападать.

— Мы должны выбраться наружу, — сказал он. — Там легче скрыться, а люди Уиккера должны быть совсем близко.

— Взять их, парни! — раздался визг Бесси.

Ален выстрелил. Грохот был оглушительный. В ответ прозвучал стон, а затем — топот отступления.

Он подвел меня к окну, но сама я себе помочь ничем не могла. Я ощутила тупую ярость из-за собственной никчемности, и эта ярость придала мне силы. Но мне сейчас нужнее была бы не сила воли, а сила мускулов.

— Я не могу вылезти...

— Держись. — Он еще крепче обхватил меня свободной рукой. — Можешь сесть на подоконник и съехать наружу?

Как просто... конечно, могу, так и сделаю. Я скорее плюхнулась, чем села на подоконник. Ален приподнял меня, и я сумела развернуться и спустить наружу ноги. Пока он следил за дверью, я съехала наружу, оставив его одного.

Внизу был переулок, еще более грязный, чем комната. Падение на склизкую мостовую почти оглушило меня. Я из последних сил боролась со слабостью, заставляя себя оставаться в сознании. Моя слабость могла погубить Алена.

Я встала на колени. Затем, цепляясь за сырую, омерзительно грязную стену, кое-как поднялась на ноги, хотя отодвинуться от этой подпорки не осмеливалась.

— Ален... — я хотела крикнуть ему, что со мной все в порядке, что он должен последовать за мной. Но все что у меня получилось — это сиплое карканье.

Я поползла вдоль стены к окну. Возможно, если он увидит меня, то выберется. Но почему его все еще нет? Не было слышно ни крика, ни новых выстрелов. Однако у тех ведь наверняка есть ножи...

— Ален!

Я ничего не видела, кроме окна, и когда меня окружили, это было настоящее потрясение. Люди Уиккера? Единственный взгляд сказал мне — нет. Они были странно схожи, все трое — невысокие и тощие, темнокожие, с бесшумными движениями. Лица их были лишены выражения, жили на них только глаза, и они тупо сверлили меня. Ясно было — этих людей прислали, чтобы схватить меня.

17

Когда я наконец выдавила слабый крик «Ален!», средний из троих, приблизившись ко мне, что-то бросил мне в лицо.

Я задыхалась, кашляла, отхаркивалась, стараясь вдохнуть воздух сквозь порошок, забивший мне рот и нос. И вот такую, беспомощную, заходящуюся кашлем, они меня схватили и повели по переулку. У меня больше не было своей воли. Я покорно позволила им затолкать меня в повозку, запряженную двумя мулами. Двое неизвестных забросали меня мешками. Затем повозка тронулась, а я была пленницей без плоти, без мускулов, и даже голос предал меня.

Повозка громыхала дальше, и я слышала кругом гомон Берега. Затем эти звуки стали стихать, и я поняла, что мы выехали из этой части города. Кто были эти трое? Люди Д'Лиса? Но Д'Лис мертв. Так вот почему они меня уволокли... чтобы отомстить! Но как они узнали, где меня искать?

Я слишком многое видела, слишком много вынесла. Та отвага, что вернулась было ко мне с появлением Алена, окончательно испарилась. И что могло случиться с Аленом?

Я была уверена, что Бесси могла вызвать подкрепление и, скорее всего, так и сделала. А затем она, возможно, осуществила свою угрозу — оглушила его, чтобы продать на какой-нибудь корабль. А оттуда ему уже не вырваться. И все из-за меня.

Мысли мои двигались так же тяжело, как и скрипучая повозка. Но то ли свежий воздух что-то во мне оживил, то ли искра, зажженная во мне Аленом, еще не совсем угасла: мозг прояснялся, хотя тело оставалось неподвижным. И я начала

безмолвную борьбу с тем, что держало меня в плену. Поскольку похитили меня, несомненно, с какой-то черной целью, в конце этой поездки мне следовало ожидать самого худшего.

Ален как-то нашел меня у Бесси. Но я не могла надеяться, что подобное чудо повторится. Оставалось только молиться, чтобы он сам сумел спастись.

Мы проезжали по очень тихим улицам. Нашей целью, наверное, было потаенное убежище Д'Лиса, Наконец повозка, громыхнув, остановилась. Голова у меня все еще болела, но сейчас боль была уже не такой сильной.

Мешки, наваленные на меня, откинули прочь. Меня схватили за плечи, и двое мужчин с силой, неожиданной для их тщедушных тел, стащили меня на землю. День уже клонился к вечеру. Мы находились во дворе, огороженном глухим забором с единственными воротами, которые запирал третий человек. С двух сторон были какие-то постройки, с третьей — открытые стойла, где переступали и фыркали лошади. Оставив меня стоять, уверенные, что я не способна действовать по собственной воле, мои похитители выпрягли мулов и отвели их в стойла.

Окна жилой части дома прятались за глухими деревянными ставнями, а двери, за исключением ближайшей, были не только заперты, но и заколочены досками крест-накрест. Там, где прежде были цветочные грядки, была навалена грязь, повсюду валялся свежий навоз. Хотя с первого взгляда это место могло показаться заброшенным, им явно пользовались.

Мои похитители вернулись. Один из них схватил меня за руку и потащил за собой. Я была как кукла в его руках, хотя изо всех сил пыталась сбросить путы, наложенные на меня проклятым порошком.

Мы вошли в огромную кухню с очагом, на растопку которого, должно быть, уходило порядочно дров. Над огнем висел котелок на цепи, крохотный в этой пещере. Из него валил пар. Рядом, держа наготове длинную ложку, стояла женщина. Когда ко мне повернулось ее морщинистое лицо, она показалась мне самой Смертью (если Смерть может быть одного со мною пола), занятой гротескной пародией на хозяйственные труды. Хотя ее физиономию избороздили складки морщин, а руки были сущими когтистыми лапами, она была одета в ярчайшие цвета. Блестящая оранжевая блуза сочеталась с широкой красной юбкой. Голова была туго обвязана синим шарфом, из-под которого выбивался единственный клок седого пуха.

Она погрузила ложку в котелок, зачерпнула и понесла ко

рту, капая на юбку и блузу. Удерживая ложку у губ, она принялась так яростно дуть, что большая часть жидкости разлетелась вокруг. Затем, высунув бледный язык, вылакала, как кошка, то, что осталось.

Очевидно, вкус ее не удовлетворил, ибо она повернулась к столу, сгребла щепоть какого-то снадобья и бросила его в котелок. Потом, кинув ложку на стол, заковыляла нам навстречу.

Хотя сейчас ее плечи были так скрючены, что ей приходилось задирать голову, чтобы посмотреть на нас, когда-то она явно была рослой женщиной. И ясно было, что хозяйка здесь она, что мужчины ждут, когда она заговорит.

Я не сумела понять ничего из ее слов. Это был резкий, гортанный язык, причем некоторые слова произносились с какой-то шипящей интонацией. Но, должно быть, она приказала им удалиться, поскольку все трое ушли.

Теперь она пристально уставилась на меня. Ее тощую шею охватывало ожерелье из маленьких полированных косточек, а среди них свисал огромный шип, похожий на зуб чудовища. Кожа у нее была очень черная, но с сероватым налетом, словно присыпанная пеплом, что усиливало впечатление сверхъестественной дряхлости. Она подняла скрюченный палец и поманила меня.

— Иди! — каркнула она по-французски.

Меня потащили вперед, как собаку на поводке. Мы перешли из кухни в меньшую комнату, где у стены стоял единственный ящик. Она указала на него и приказала:

— Садись!

И снова то, что держало мое тело в плену, заставило меня подчиниться. Она заковыляла обратно на кухню, не обеспокоившись о моей охране. Несомненно, она была уверена, что я остаюсь беспомощной пленницей.

Мужчины вернулись. Она поставила перед ними миски с похлебкой, выложила хлеб грубого помола. Насытившись, они не ушли из дома, а отправились в другое крыло, туда, где окна были закрыты ставнями.

Время тянулось медленно. Но я начинала чувствовать, что мое жуткое оцепенение начинает понемногу ослабевать. Огромным напряжением воли я заставила себя двинуть пальцем руки. Палец, а потом и вся рука на дюйм поднялась с колен, где до того беспомощно лежала.

Воодушевленная этой маленькой победой, я попыталась заставить двигаться ноги, обутые в то, что осталось от моих башмаков. Если я смогу встать, ходить, то я сумею вырваться.

Я не верила, что у старухи достанет физических сил удержать меня.

Только прежде, чем я успела по-настоящему овладеть телом, она вернулась. Один из мужчин нес за ней большую корзину. Отпустив его движением головы — а он так заторопился, будто радовался, что может уйти, — карга принялась распаковывать корзину. Там были тыквенные бутылки, заткнутые пробками, сверток белой ткани — она не стала его разворачивать, и миска, которую она поставила на пол, с болезненным кряхтением опустившись на колени.

В миску она ссыпала содержимое нескольких маленьких пакетиков, смешав его затем с тщательностью опытной кухарки, воспользовавшись вместо ложки белой лопаткой. Каждый из опустошаемых пакетов был увешан перьями и кусочками желтой кости.

Закончив, она на удивление быстро поднялась и подошла ко мне, сделав знак встать. Моя свобода была все еще слишком ограниченной, чтобы я могла противиться ей. В дверях снова послышался шум, и вошли двое мужчин, неся жестяную ванну, в которой плескалась вода. Она указала им место на полу рядом с миской. Они поставили ванну и ретировались так же быстро, как их сотоварищ. Теперь карга дернула за мое рваное платье.

— Снимай... все снимай, — приказала она.

Не снизойдя даже проследить, как это выполняется, она вернулась к миске, остановилась, чтобы поднять тыквенную бутыль, вытащила пробку и понюхала содержимое.

Мои пальцы нащупывали крючки на разорванном платье. Несмотря на пробудившуюся во мне волю, я еще не могла противостоять ее приказам.

Медленно, неловко, постепенно я освобождалась от одежды, ненавидя себя за то, что делала, и не в силах прекратить. Тем временем она опорожнила в ванную содержимое нескольких бутылок. Запах, поднявшийся после смешения этих жидкостей, был тошнотворно сладким.

Я освободилась от последнего лоскута, оставшись в таком виде, в каком меня не видали ничьи глаза с тех пор, как я стала взрослой. Естественно, я вся горела от стыда.

Старуха взяла лопатку с длинной ручкой, и энергично помешала воду, над которой от этого поднялось пахучее облако. Не рассеиваясь, оно зависло прямо над ванной, словно туман.

— Иди... — она снова поманила пальцем.

Я безвольно шагнула: чары — только так я могла назвать их — все еще держались.

— Туда...

Я ступила в ванну. Вода была теплая, маслянистая, от нее у меня по коже побежали мурашки. Другой жест заставил меня сесть, и она приблизилась, держа в руках белую материю. Ею она принялась меня мыть, промывая даже волосы, а я терпела это, хотя ее прикосновения, так же как и вода, вызывали у меня приступы тошноты.

Когда она, очевидно, удовлетворилась своими трудами, то оставила меня сидеть в воде, запах которой так пропитал мою кожу и волосы, что я боялась вовеки от него не избавиться. В такой концентрации он создавал столь ярко выраженное ощущение зла, что я чувствовала себя замаранной и осквернённой.

Карга вернулась из комнаты с зажженной лучиной, которую сунула в миску и стала раздувать. Сильно запахло ладаном. Когда он разгорелся до нужной степени, она приказала мне выйти из ванны и подвела к миске, поставив прямо над ней. Миска стояла у меня между ногами, вьющийся желтый дым окутал мое тело. Как и вода, он заставлял меня чувствовать себя нечистой.

Она не пыталась вытереть меня; возможно, предполагалось, что это сделает дым. Оставив меня в этом облаке, она встряхнула сверток, который прежде достала из корзины. Это был какой-то наряд, очень широкий и свободный, расшитый там и сям пучками черных и белых перьев. Спереди был нанесен грубый черный узор.

Дым уже рассеивался, но она не трогала меня, пока в миске не остался только пепел. Время от времени она так осматривала меня, будто я была кастрюлей на плите. Когда исчезла последняя струйка дыма, она подняла миску с пола, удерживая ее черной тряпкой. В теплый пепел карга погрузила метелку, связанную из черных перьев, размешав его с каким-то порошком. Им она разрисовала мои груди, нанося на них и под ними непонятные мне символы, пока не кончился пепел. Моя кожа, все еще влажная, удерживала эти знаки.

Завершив работу, она отступила на шаг-другой, дабы обозреть дело рук своих. То что она увидела, должно быть удовлетворило ее, потому что она отложила миску и метелку и подняла белое платье. С легкостью, выдававшей привычку к подобным действиям, она накинула его на меня через голову. Оно было таким свободным, что ей не составило труда просунуть мои безвольные руки

в широкие рукава. С тихим ворчанием она снова отошла и обозрела меня сверху донизу. Затем хлопнула в ладоши и громко крикнула.

Сразу же, как если бы они дожидались зова, вернулись те же двое и вынесли ванну, пока она укладывала корзину. Оба старались обойти меня подальше, опасаясь даже взглянуть в мою сторону, словно теперь я внушала им страх и благоговение.

Когда они ушли, старуха стала рыться в груде моей сброшенной одежды. Подняв ее, она изучила каждый ее дюйм, нашла мои деньги, вытащила и узелок, в который я увязала браслет, но не развязала его. Издав довольное восклицание, она спрятала кошелек за вырез блузы.

Но она снова замерла, когда узелок упал на пол и развязался, так что браслет с пауком оказался на виду. Увидев его, старуха отшатнулась, открыв рот так, что обнажились беззубые десны.

Она не двинулась, чтобы поднять его. Напротив, она удалилась на кухню и вернулась с той же длинной ложкой, которой пользовалась раньше. Опустившись на колени, она направила все свои усилия, чтобы подцепить браслет ложкой.

Завладев браслетом, но не прикасаясь к нему, она поднесла его к глазам. Затем она положила его вместе с ложкой на ящик и подошла ко мне. Подтянув край рукава, чтобы защитить свою ладонь, она подняла мою правую руку, обнажила ее и обнюхала кожу. Я слышала ее свистящее дыхание. Выпустив руку, она проделала то же самое с левой.

— Ты носишь z'araignee...

Она, казалось, не ожидала ответа. Стояла, дергая нижней губой. Затем, бормоча что-то про себя, вернулась к ящику и взялась за ручку ложки.

— Z'araignee, — повторила она.

Сняв со своей шеи ожерелье из костей, она яростно потрясла его над браслетом. Ее бормотание приобрело ритмичность пения. Откуда-то из недр своего одеяния она извлекла ремешок, который продернула сквозь браслет, превратив его таким образом в большой, неудобный кулон.

Вернувшись ко мне, она распахнула на мне платье, чтобы надеть ремешок мне на шею, и поместив браслет между грудями, потом снова запахнула. Потом мне вновь приказали сесть на ящик. Голова у меня все еще кружилась от испарений ладана. Теперь, выйдя из комнаты, она притворила за собой дверь, но, как мне показалось, не заперла.

Только я была не одна. Я смотрела — и не могла убежать — на ужасы, которые выползали из всех углов, усаживались

передо мной, тянули руки, что не были руками, издавали звуки, каких не было ни в одном языке.

Я подумала, что лишилась рассудка, или скоро лишусь. Но нечто глубоко во мне повторяло снова и снова, что все это лишь иллюзии, порожденные гнусным дымом.

Вокруг меня кривлялись твари, подобные демонам из старинной Библии с рисунками Доре, обретали новую жизнь позабытые страхи детства. Я закрыла глаза, но они проникали и сквозь завесу моих век. К тому же... когда я не решалась смотреть, они, конечно, подползали ближе. Значит, надо было следить, чтобы быть уверенной...

Я не могла даже плакать. От напряжения и от страха мое тело превратилось в сплошной сгусток боли, а платье на мне, должно быть, слепили изо льда — так мне было холодно. Не знаю, как мне удавалось сохранять хоть крупицу здравого смысла. Но я прибегла к единственному оружию, которое знала — к воспоминаниям о своей жизни с отцом. Вместо того, чтобы смотреть на призраков, я старалась представить его стоящим на вахте в самый яростный шторм. Но в этот раз плечом к плечу с ним встал другой. Из глубин памяти пришел ко мне Ален Соваж, который был одной породы с отцом.

И я, наследница крови Джесса Пенфолда, взращенная им с младенчества, как я могла не бороться? Я заставила себя сконцентрировать все свое внимание на одном из демонов, порожденных страхом и дурманом. Затем я приказала себе увидеть сквозь его бесформенное тело стену комнаты, вспомнить, кто я есть, и что меня нельзя сломить примитивными фокусами дьяволопоклонников. Не знаю, возможно, у меня была какая-то врожденная способность к сопротивлению подобным наркотикам. С тех пор мне приходилось слышать, что реакции скептиков нельзя сравнить с реакциями истинно верующих, ожидающих увидеть и почувствовать явления потустороннего мира.

Я не сломалась, как они, конечно, ожидали. Напротив, я все больше и больше овладевала собой. Я смогла поднять руки, хотя они так тряслись, что я не могла ими пользоваться. Однако ноги мои оставались безжизненными.

Они пришли за мной, когда стемнело. Мужчина, оставшийся в дверях, держал в каждой руке по свече. Карга сменила свои яркие одежды. Теперь она была облачена в свободную черную робу, перехваченную в поясе синим кушаком. Тюрбан на ней, однако, остался прежним. Мужчина, сопровождавший ее, был практически обнажен, лишь в одной синей набедренной повязке.

Они подхватили меня под руки, подняли и повели. Человек со свечами шел впереди. Так мы вошли в очень большую комнату. Здесь было светло от факелов, закрепленных в железных кольцах на стенах. Под ними стояло множество народу, женщины в белых или голубых одеяниях, мужчины — только в штанах. Среди них попадались люди с кожей столь же белой, как и у меня. Центр комнаты был пуст, а на полу был нарисован тот самый символ, что я видела на скомканном клочке бумаги в комнате Викторины — черное сердце с мечом, обвитым желтой змеей. С одной стороны от него стояла большая бочка, сверху туго обтянутая кожей. На этом примитивном барабане, сжимая две длинные кости, предназначенные служить палочками, сидел третий из тех, кто привез меня сюда. Рядом с ним стоял еще один; он держал цепь, с которой свисали колокольчики. По другую сторону стояла женщина с огромной тыквой.

За рисунком на полу помещался длинный стол, крытый черным, к нему было пришпилено множество таких же пучков перьев, как на моем платье, и костей. На этом импровизированном алтаре лежали два петуха, один белый, другой черный, их ноги были безжалостно связаны. Несчастные птицы были живы и яростно кукарекали.

Мои стражи провели меня мимо сердца, стараясь не ступить случайно на рисунок. Миновав алтарь, мы подошли к одному из столбов, подпиравших потолок этой огромной комнаты. Мои тюремщики привязали меня к его подножию, словно были не так уж уверены, что мое отупение продолжается.

На полу за алтарем, возможно не видимая тем, кто находился на другом конце зала, стояла большая корзина, которая раскачивалась туда-сюда, будто внутри было что-то заточено.

Наш приход послужил сигналом к началу действа. Человек, сидящий на барабане начал мягко отбивать странный ритм, временами усиливаемый звоном бубенчиков и треском тыквы, которую трясла женщина.

Затем последовало песнопение, сначала тихое, потом в полный голос.

Карга приблизилась к алтарю, воздела руки — морщинистая кожа обтягивала кости — и завопила, словно призывая кого-то... или что-то...

Из тени в том углу комнаты, где не было факелов, вышла еще группа людей. Двое высоких, голых по пояс мужчин вели третьего. Он шел спотыкаясь, голова его свесилась на грудь.

Его гибкое тело было обнажено, если не считать клочка алой материи вокруг бедер, а его лодыжки и запястья охватывали золотые цепочки с колокольчиками. Голова была перевязана, но я успела бросить взгляд на бледное лицо, когда они проходили мимо.

Кристоф Д'Лис! Выходит, он не умер!

Спутники подвели его к алтарю, подняли и положили его наверх, бьющиеся петухи оказались у его ног и головы. Тем временем бой барабана все убыстрялся, и ритм его сотрясал мое тело, побуждая меня к какому-то действию, смысла которого я не понимала.

У карги вырвался визгливый вопль, эхом подхваченный остальными.

L'appe vine, le Grand Zombi.

L'appe vine, pour le gris-gris!*

Из тени диким прыжком вылетела фигура, перемахнула через алтарь и мужчину на нем и приземлилась точно в центре символа на полу. Ее белоснежное тело было почти полностью обнажено, волосы ниспадали на плечи. Эта Викторина не имела ничего общего с той девушкой, что я когда-то знала.

Вокруг ее талии был пояс из маленьких костей, клацающих при каждом движении, а на шее сверкало змеиное ожерелье. Она начала танцевать, тяжело переставляя ноги, но так извиваясь и раскачиваясь всем телом, что непристойный смысл пантомимы стал мне совершенно ясен, хотя прежде я ничего такого не видела. Старуха кинулась открывать корзину.

Вернулась она с такой змеей, какой я себе прежде и представить не могла. Рептилия кольцами обвила ее плечи, и старуха пошатывалась под ее тяжестью. Медленно она приблизилась к Викторине, остановившись на самом краю символа.

Викторина обернулась, простирая руки. Змея подняла голову, потянулась с плеч старухи, стремясь навстречу девушке. Затем она словно перелетела к ней по воздуху.

Приняв змею в объятия, Викторина подняла ее так, чтобы змеиная голова была на уровне ее лица. Раздвоенный язык коснулся ее щек. У зрителей вырвался крик:

— Ах... ях... Эзили Кур-Нуар!

Змея повернула голову, будто что-то шептала Викторине на ухо. Я увидела, как та засмеялась и кивнула. Прижав змею покрепче, она развернула ее во всю длину. То, что для старухи было

---

* Приди на зов, Великий Зомби,
Приди на зов, именем гри-гри! (фр.)

тяжкой ношей, для Викторины казалось легчайшим шнурком. Держа змею за голову, она размахивала ею, как кнутом, хлеща остальных. Они раскачивались из стороны в сторону, имитируя движения змеи. Трижды она хлестнула в разные стороны, затем обвила змею вокруг талии. Голова змеи оказалась на ее плече.

После этого она стремительным прыжком достигла алтаря, ослабив хватку змеи, позволила ее быстрому языку облизать лицо и грудь Д'Лиса. Наконец змея соскользнула с нее на пол, чтобы снова свернуться в корзине. Голова ее раскачивалась в такт с барабаном. Викторина завертелась и схватила черного петуха...

Я до сих пор не позволяю себе вспоминать, что она делала, я запрещаю себе это. В те мгновения она не могла быть человеком, скорее — одержимой дьяволом. Но теперь я допускаю, что воплощенное зло может войти в этот мир, хотя большинство людей считают это суеверием. Я это видела своими глазами.

На теле Д'Лиса была кровь, но не его. Кровь была и на ее губах и руках...

Она обернулась к собравшимся.

— Ах-х-х-х-х! — возопила она. — Среди нас — Эзили Кур-Нуар. Она — мам'бо!

— Мам'бо!! — завыли остальные.

Они смыкались все плотнее, глаза их стекленели. Они были возбуждены, словно от вина. То тут то там женщины сбрасывали с себя платья.

— Здесь лежит наш хун'ган! — Викторина указала на Д'Лиса. — Он не мертв, он одержим Бароном Самеди из Могилы. — Ах-х-х... пусть он встанет, встанет, встанет! — вопила она все громче и громче. — Что принесем мы Барону Самеди, чтобы наш хун'ган мог жить, мог дышать, чувствовать биение сердца, снова стать мужчиной... Что мы принесем?

— Ах-х-х-х... — стонали остальные.

— Мы принесем белую козу без рогов. Нежное мясо, чтобы рвать, чтобы пожирать. Ах-х-х... белую козу без рогов принесем мы!

Новый прыжок перенес ее ко мне. В это время кто-то за столбом разрезал путы на моих руках. В воздухе блеснула сталь — Викторина теперь сжимала нож. Я не сумела уклониться от ее молниеносного удара. Но удар этот не был предназначен для убийства. Однако мое располосованное платье упало на пол.

— Вот белая коза без рогов! — закричала она. — Пусть она отдаст свою кровь для питья, свою плоть для еды, и наш хун'ган встанет вновь.

Она кивнула, словно ожидая, будто я шагну вперед и под-

ставлю горло под нож. Я не двинулась. Ее лицо исказилось в дьявольской гримасе.

— Иди! — она снова кивнула на алтарь. Возможно, меня спас инстинкт, приказывающий всем нам бороться со смертью, возможно, моя победа над недавними галлюцинациями. Хотя понуждение толкало меня вперед, у меня достало силы и воли стоять неподвижно.

Удары барабана, перезвон колокольцев, дребезжание тыквы создавали адский шум. Но во мне было нечто, продолжавшее бороться.

— Иди!

Мне нужно было какое-нибудь оружие, но ничего не было под рукой. Что, если она потеряет терпение и пустит в ход нож? Я подняла руки в бесполезной попытке защитить грудь.

Так я коснулась висящего на шее браслета. Что, если им... Я стянула ремешок через голову и крепко сжала его. Жалкий кистень, но это все, что у меня есть.

— Иди!! — в третий раз выкрикнула Викторина. На губах ее выступила пена, глаза были безумны.

Я не двигалась. Однако эта банда могла бы мгновенно смести меня. За спиной Викторины я увидела, как старуха подбирается ближе. Она провизжала на ухо девушке какие-то советы. Я не понимала, почему они меня не схватят. Каждое мгновение я ожидала, что меня просто скрутят, потащат на алтарь и там заколют. Однако сейчас голова у меня была гораздо яснее, чем за многие часы прежде, словно страх выжег последние остатки отравы в моем мозгу. Пот струился со лба на щеки Викторины. Ее тело раскачивалось из стороны в сторону, хотя ноги не двигались. Она была... змеей! Даже ее язык, мелькая, прятался и высовывался, и голова, казалось, сплющивается, и глаза смотрели змеиным взглядом.

Она воздела руки над головой, затем уронила их. Мгновенно настала тишина. Барабанный бой, колокольчики, дребезжание, пение стихли. Тишина была такой, что я слышала, как трещат фитили факелов.

— Ты придешь! — Она уже не вопила. — По воле Эзили Кур-Нуар — ты придешь. Именем Лоа, чья сила во мне — она хочет тебя...

Раскачиваясь, она приближалась ко мне. У меня был единственный, почти безнадежный шанс. Нож в ее руке был наготове, его безжалостное лезвие отражало огонь факелов.

Викторина снова запела, хотя на сей раз другие к ней не присоединились. Молчали и барабан, и колокольчики и тыква. Я все еще не понимала, почему они силой не принудят меня поко-

риться их воле. Похоже, они должны были дождаться, чтобы я взошла на алтарь своими ногами. А я твердо решила, что они этого не дождутся.

Я слегка раскачала браслет-кистень... если бы она только подошла поближе... Нужно было следить за каждым ее движением. В этот момент я не сознавала ничего, кроме того, что из глаз этой женщины смотрит на меня зло, столь же древнее, как сам Люцифер, павший с небес. Шаг... другой...

Взметнулся нож. Собиралась ли она рассечь мою плоть так же, как мое платье, я так и не узнала. Я взмахнула браслетом. Обруч ударил ее под локоть. Она закричала и отшатнулась. И тогда я увидела... нет, я до сих пор не уверена...

Возможно, крепления, державшие паука, ослабли. Это единственное разумное объяснение. Я никогда не позволю себе поверить, что...

Омерзительная черная тварь вцепилась в белую плоть Викторины. Она снова издала отвратительный вопль, бросила нож и попыталась другой рукой сбить паука. Затем она побежала к алтарю, на бегу все еще пытаясь оторвать насекомое. Я с трудом могла поверить — оно вгрызалось в ее тело!

Карга тоже завизжала и схватила нож. Она повернулась ко мне, пуская слюну, глаза ее закатились так, что видны были одни белки. Сейчас, казалось мне, у нее достанет сил добраться до меня и убить.

Она до меня так и не добралась. Раздался выстрел, и старуха рухнула на пол. Из темного конца зала выбежали люди. У меня закружилась голова, и я съехала по столбу на пол.

Я увидела Викторину. Черное пятно исчезло с ее руки. Она повалилась на Д'Лиса, который слабо шевелился. Вместе они отползли на другую сторону стола и скатились за него. И это было предпоследнее из того, что я помню.

Последним были обхватившие меня руки, что-то мягкое, обернувшееся вокруг моего тела. Меня уносили, кто-то снова и снова повторял мое имя...

18

Я открыла глаза при слабом свете ночника. Разве я болела? Трудно было вспомнить. Ужасные сны... Викторина... кошмары, которая способна породить только болезнь...

Кто-то склонился надо мной. Усилием воли я отождествила имя и лицо.

— Фентон?

— Мисс Тамарис... вы узнали меня! — Голос ее звучал так, будто она плакала.

— Я была... больна? «Это не воспоминания, а всего лишь лихорадочный бред», — молилась я.

— Вы спали около двух дней. Вам было плохо, и никто не знает, чем вас травили...

Я приподнялась на подушках.

— Значит, эти сны... это было на самом деле! — Что-то во мне сломалось, и я заплакала, как никогда не плакала раньше, даже когда узнала о смерти отца.

— Мисс, о-о, мисс Тамарис, успокойтесь. Все уже хорошо, вас спасли... — Фентон села на край постели, взяла меня за руки, убаюкивая, как младенца. — Типун мне на язык, нельзя было говорить вам и заставлять вспоминать. Все хорошо, вы уже спасены.

В ответ я крепко сжала ее руки, цепляясь за них, как за якорь, и пробормотала:

— Слезы не помогают...

Однако я продолжала беззвучно плакать. Потом я впала в какое-то тупое оцепенение. Фентон принесла мне чашку бульона, затем булочки с маслом и медом, горячего молока. Я снова уснула, без сновидений.

Когда я пробудилась во второй раз, комнату освещало солнце. И я узнала номер отеля, покинутый мной. Когда? Казалось, миновали недели с тех пор, как я ночевала в этой постели, и все мои воспоминания были до странности отчужденными, словно принадлежали другому человеку.

Я села, и в тот же миг в комнату вошла Фентон. Увидев меня, она отложила свежее белье, которое принесла, и подошла ко мне.

— Мисс Тамарис... как вы?

— Хочу есть...

Ее простодушное лицо озарилось улыбкой.

— Дайте мне только пару минут.

Она выскочила, затем вернулась с тазом теплой воды, душистым мылом и полотенцами, и принялась меня мыть, словно мне было пять лет, а не в пять раз больше. Когда она коснулась моей щеки, я вздрогнула.

— Ох, этот синяк. Я постараюсь не делать вам больно...

Снова укол памяти. Этим ударом Бесси оборвала мой призыв о помощи.

— Принеси мне зеркало.

— Но, мисс, он быстро сойдет и...

— Пожалуйста, Фентон. Дай мне посмотреть.

Надув губы, она принесла ручное зеркальце. Несмотря на боль, я оказалась слабо подготовлена к тому, что увидела. Вся кожа от подбородка до лба являла собой сплошной разноцветный синяк. Я выглядела отвратительно, и поэтому быстро выронила зеркало.

— Придется носить вуаль, — я выдавила смешок, потрясенная более, чем хотела показать.

Но отражение словно отбросило меня из «сейчас и здесь» в недавнее прошлое. Безобразие, невольной участницей которого я была, оставило на мне свою печать, и я не могла убежать от воспоминаний.

Я воздержалась от вопросов, напротив, улеглась обратно на подушки, а когда Фентон ушла, вновь вызвала из памяти эти мрачные картины. Я спаслась... иначе я не была бы здесь. Но от чего я спаслась? Всего лишь от смерти.

Я не спаслась от унижения души и тела. Чувство замаранности осталось со мной. Я уже не та Тамарис Пенфолд, которой была всегда.

И Ален... что случилось с Аленом? Об этом я больше всего хотела спросить Фентон, но боялась ее ответа. Однако, следовало смотреть правде в лицо, какова бы та не была. Поэтому, когда Фентон вернулась с подносом, я собрала остатки мужества.

Я проголодалась, и меня манило то, что она предлагала. Из-за голода я сперва не обратила внимания на небольшую чашу на краю подноса. Затем она приковала к себе мой взгляд.

Она была так невелика, что вполне могла бы уместиться у меня в горсти. Белая, с рельефным рисунком цветущих веток. Я видела такие прежде — сокровища знатных домов за полмира отсюда.

— Нефрит «баранье сало»... — пробормотала я.

Это чудо искусства было творением какого-то китайского художника. Теперь в чаше стояли белые фиалки, их зеленые листья составляли лучшую раму для этой хрупкой красоты. Слезы выступили у меня на глазах, к горлу подкатили рыдания.

— Фентон!

Когда она подошла, я не могла совладать с дрожью в руках.

— В чем дело, мисс?

Я принудила себя говорить естественным тоном.

— Фиалки... чаша...

Она улыбнулась.

— Это хозяин прислал. Велел передать вам.

— Пожалуйста, Фентон, убери ее прочь!

Она с тревогой уставилась на меня. Пусть себе думает,

что я повредилась умом, что угодно — только пусть уберет это с глаз моих!

— Ну пожалуйста! — Меня больше не волновало, что подумает Фентон, я только хотела, чтобы чаша поскорее исчезла.

— Конечно, мисс. — Она вынесла чашу.

Аппетит мой пропал. Я раскрошила булочку, потыкала вилкой нежнейшего цыпленка, отпила глоток кофе. Пища теперь не имела вкуса, и глотать ее было больно.

— Фентон, я должна встать.

— Но мисс, доктор сказал... вы же почти ничего не съели.

— Я поняла, что совсем не голодна. И я должна встать... сейчас!

К несчастью, обнаружилось, что я все еще нуждаюсь в ее помощи. Я была очень слаба, и ей пришлось натягивать на меня чулки, обувать, помогать одеться.

— Будь добра, Фентон, темно-зеленое платье.

— Но вы не можете выйти, мисс! Вот ваш халат...

Я решительно замотала головой.

— Нет, пожалуйста, платье.

Качая головой, она принесла его, застегнула корсаж, оправила юбку. Я старалась обдумать все, что нужно сделать, и как. Деньги отобрала у меня старуха. Как они были сейчас нужны! Что у меня было еще?

— Фентон, дай мою шкатулку с драгоценностями.

Мне нужна была пачка восточных банкнот, которая у меня оставалась. Я пересчитала их. Но я понятия не имела, сколько стоит билет на трансконтинентальный поезд. Хватит ли? А если нет, то у кого я могу взять в долг?

У меня в городе было пять знакомств, но к двум из них я не могла прибегнуть. Оставалось три, причем последнее было и ближайшим. Сжимая банкноты, я посмотрела на крутившуюся вокруг меня Фентон.

— Миссис Дивз сейчас здесь?

— Да, если не уехала с хозяином. Они так часто уезжают и приезжают...

— Попроси ее прийти сюда.

Фентон неохотно вышла. Но миссис Дивз объявилась со скоростью, предполагавшей немалый интерес к моим делам, просто ошеломляющий интерес. Она пристально разглядывала меня, но мне это было безразлично.

— Я так рада, что вы чувствуете себя лучше...

Я прервала ее жестом, отметающим необходимость в обмене любезностями. Для меня важна была только моя цель.

— Я должна попросить у вас денег в долг. — Возможно,

это прозвучало довольно грубо, но чувствовалось — время работает против меня. — У меня остались только эти банкноты, других средств под рукой у меня нет. И я боюсь, что этого недостаточно, чтобы оплатить проезд на восток.

Она была поражена и явно захвачена врасплох, как будто эти слова были последним, что она ожидала от меня услышать. Но они доставили ей удовольствие — мое присутствие всегда было ей ненавистно.

— Вы собираетесь вернуться на восток... когда? — Теперь она выражалась так же прямо, как и я.

— Как можно скорее. Я, конечно, поеду поездом — весь вопрос в плате за проезд и пропитание.

— Вы обсуждали это с Аленом? — Она буквально сверлила меня взглядом.

— Здесь нечего обсуждать. Причин для моего пребывания здесь более не существует. И я не нахожу свой визит в Сан-Франциско столь приятным, чтобы его захотелось продлить. Что до мистера Соважа, то я оставлю ему письмо. Думаю, вы согласитесь, что это наилучший выход?

Она облизнула губы.

— Вы ничего не спрашиваете... касательно Викторины...

— То, что случилось, я постараюсь забыть, и чем скорее, тем лучше. Что до Викторины... полагаю, ее брат примет меры, чтобы ограничить ее действия.

Миссис Дивз покачала головой.

— Она уехала... со своим мужем... Эта тварь действительно ее муж. Ален посадил их вчера на борт «Тангуса», их доставят в Вест-Индию. Он не захотел, чтобы их осудили по закону — вышел бы слишком большой скандал. И оказалось, что Викторина вовсе не его сестра, не Соваж. Ему сообщил это кто-то, знающий обстоятельства ее рождения. Она — дочь любовника его мачехи. Узнав об этом, он счел, что у него нет причин держать ее вдали от избранного ею мужа.

Миссис Билл или миссис Плезант? Кто из них рассказал Алену правду? И если это миссис Билл, то почему Ален не узнал ее... хотя его знакомство с мачехой было мимолетным, а позднее эта женщина искусно маскировалась...

Теперь я, наверное, уже никогда и ничего толком не узнаю, но это не моя печаль.

— Сам мистер Соваж не пострадал?

Я задала единственный вопрос, который мог дать мне хоть немного душевного покоя. Однако голос мой был холоден и ровен, словно наши отношения никогда не были ближе, чем между работодателем и служащей. А может, это и вправду

было так? Женщина, не имеющая опыта, в подобных вопросах так легко поддается самообману.

— Он получил несколько ссадин и легкую рану в руку. Ничего серьезного.

— Какая удача. Но вы окажете мне честь, выполнив мою просьбу? — Я не могла больше говорить с ней об Алене.

— Разумеется. Если вы решили уехать, Тереза может сегодня вечером проводить вас через бухту. Поезд на восток уходит завтра утром. Я дам вам денег.

— В долг. На востоке у меня есть накопления, из которых я вскоре расплачусь с вами.

Я хорошо поняла, что крылось за предложением Терезы в качестве спутницы — миссис Дивз хотела доподлинно увериться в моем отъезде. Она могла не опасаться. Я ожидала, что она немедленно уйдет, но она замешкалась в дверях, с любопытством разглядывая меня.

— Вы уверены, что хотите этого... так вот сразу уехать?

К этому моменту я так устала, что с трудом выносила ее присутствие. Но я все еще владела собой.

— Абсолютно уверена. Я благодарю вас за помощь. Теперь, если вы не возражаете, я должна отдохнуть, чтобы сегодня вечером уехать.

— Конечно.

Но даже держась за дверную ручку, она все еще смотрела на меня с жадным любопытством, будто не могла поверить, что скоро я навсегда исчезну из ее жизни. Возможно, она и хотела сказать еще что-то, но сочла за лучшее промолчать.

Меня тревожила собственная слабость. Однако следовало собрать все силы, потому что мне предстояло сделать две вещи, прежде, чем смогу отдохнуть. И я к ним приступила, как только вернулась Фентон.

— Фентон, я уезжаю сегодня вечером. Поскольку я не в состоянии нести много багажа, уложи, пожалуйста в саквояж мои туалетные принадлежности, чистое белье, и те вещи, которые будут мне необходимы во время недельного путешествия в поезде. Затем, будь добра, упакуй остальные мои вещи и проследи, чтобы их переслали по адресу, который я тебе оставлю. Но не укладывай платья, сшитые здесь...

Теперь она уставилась на меня прежним упрямым взглядом, запомнившимся мне с первых дней нашего знакомства. Но ее раздражение не могло меня остановить.

— Прежде, чем начнешь, пожалуйста, принеси бювар. И — это самое главное, Фентон, — ты ни в коем случае не

должна никому говорить о моих намерениях. Можешь ты поклясться мне в этом?

Я не сводила с нее пристального взгляда, принуждая поклясться. Несомненно, ей можно было доверять: дав однажды такое обещание, она бы его непременно сдержала.

Ее крупное темное лицо вспыхнуло, и она молитвенно сжала руки:

— Пожалуйста, мисс Тамарис... пожалуйста, и не просите меня! Хозяин...

Я вздохнула.

— Хорошо, Фентон. Я скажу тебе, почему я так поступаю, и ты можешь ответить, если спросят. Со мной случилось нечто, столь глубоко изменившее мою жизнь, что я сама себя больше не узнаю. Я должна уехать отсюда, где все напоминает мне об этом. Я знаю, что так будет лучше для всех. Ты понимаешь?

Она смотрела на меня так же внимательно, как и миссис Дивз. Лицо ее по-прежнему было несчастным, но она кивнула, словно против воли.

— Мистер Соваж не станет тебя обвинять. Я напишу письмо, которое ты ему передашь после моего отъезда. Там я объясню ему все, что чувствую, и почему должна уехать домой.

— Раз вы так говорите, мисс Тамарис... но... можно я поеду с вами? Вы недостаточно здоровы, чтобы путешествовать в одиночку. Посмотрите на себя — вы так слабы, что даже через комнату не сможете перейти!

— Я чувствую себя много лучше, чем выгляжу, Фентон. И как только уеду отсюда, почувствую себя еще лучше.

Но, положив бювар на колено, открыв чернильницу и приготовив бумагу и перо, я обнаружила, что не могу подобрать нужных слов. Я не могла доверить бумаге свои сокровенные чувства, даже если единственный человек, который прочтет письмо, сразу же его уничтожит. Наконец я начала без обращения, хотя сердце мое говорило «Ален», на что я не имела права.

«Вы поймете мои чувства. Я должна оставить арену событий, причинивших мне такую боль. И, уезжая, я не могу придумать лучшего способа попрощаться, чем этот, ибо обнаружила, что не в силах видеться ни с кем из тех, кто был свидетелем моего унижения. Жалость и презрение в равной мере невыносимы. Если я уеду, возможно, со временем я сумею забыть».

Вышло сухо, но других слов я найти не могла. Я положила листок в конверт и запечатала его. Затем я позволила себе расслабиться, ибо действительно нуждалась в отдыхе.

Хотя глаза мои были закрыты, я слышала тихие шаги Фентон, исполнявшей мои указания. Потом я, должно быть, за-

дремала. Меня разбудило прикосновение Фентон к моему плечу. Передо мной на столе была накрыта основательная трапеза.

— Прежде вы не поели, — сказала она так, будто ожидала моего отказа, — но теперь это необходимо, мисс Тамарис. Иначе у вас не хватит сил добраться до поезда.

Пока я ела, она заговорила снова:

— Миссис Дивз... она говорит, что Тереза проводит вас через бухту. Почему не я?

— Потому что я поручила тебе, Фентон, две очень важных задачи — передать письмо и позаботиться о моем багаже.

— О, мисс Тамарис, я хочу поехать с вами... насовсем. Вы не сможете позаботиться о себе, я же знаю!

Я покачала головой.

— Фентон, на востоке я не вела такой образ жизни, при котором нуждаешься в услугах горничной. Ты была очень добра ко мне, и я глубоко признательна за все, что ты для меня сделала. У меня есть для тебя маленький подарок. Он достался мне от моего отца.

Я достала одну из памятных вещей, хранившихся в шкатулке — резной крест из слоновой кости, обвитый виноградной лозой.

— О, мисс... — На глазах ее были слезы.

Я вложила крест ей в руку и спросила чуть поспешнее, чем хотела:

— Не можешь ли ты найти мне вуаль?

Она убрала крест в карман передника и подняла со стола мою дорожную шляпу с приколотой плотной вуалью, способной полностью скрыть мое лицо. Она также создавала почти траурное впечатление — но разве я не в трауре по самой себе, по прежней, какой я никогда не буду снова?

Мой свободный плащ тоже был черного цвета, а под ним у пояса висел кошелек с одолженными у миссис Дивз деньгами. Был тот час, когда в залах почти никого нельзя было встретить, поскольку постояльцы отеля переодевались к обеду. Фентон, подняв мой саквояж, ревниво держалась за него, пока Тереза, уже в чепце и шали, дожидалась у двери номера. Мы вышли черным ходом и спустились по служебной лестнице на улицу, где нас уже ждал экипаж.

Я сжала руку Фентон, когда она подсаживала меня внутрь, но у меня не достало сил сказать ей «до свидания». Ее доброта была мне опорой в трудное время. Однако в это мгновение я ни за что бы не захотела снова увидеть ее лицо, ибо она тоже была одной из тех, кто знал.

С палубы парома я увидела золотую дорожку, которую заходящее солнце проложило через бухту. Город, бывший для меня воплощением страшного тумана и обиталищем злобных теней, представал золотым моему прощальному взгляду. Но это была всего лишь иллюзия.

Тереза позвала меня в каюту, но я хотела остаться на вольном воздухе — ветер и море успокаивали мои нервы, они обещали, что я снова стану сама себе хозяйкой. Я попросила служанку оставить меня на одной из палубных скамеек, и она удалилась, а я повернулась спиной к лживым огням города. Прошлое должно оставаться позади.

Некоторые тайны я еще не смогла разрешить, но в жизни так часто бывает. Возможно, пройдут годы, прежде чем я разгадаю, как Ален сумел встретиться с мистером Уиккером и проникнуть в вонючую нору Бесси. И как он потом проследил меня до тайного храма злобной секты. Или наша вторая встреча произошла по чистой случайности, когда он преследовал Викторину? И еще: как она смогла сбежать от миссис Плезант и воссоединиться с Д'Лисом?

Все это меня больше не касалось. Миссис Билл, миссис Плезант, Викторина — каждая из них играла в свои собственные игры. И я почему-то была уверена, что миссис Плезант пыталась заодно наложить руку и на меня. Что, если бы я согласилась с ее беспардонным предложением? Я никогда больше не была бы свободна — ни от нее, ни от угрызений совести. Я не написала ей ни слова на прощание, возможно, опасаясь, что она сумеет как-то исхитриться и помешать моему бегству.

Поднявшийся ветер трепал мою вуаль, но она была приколота слишком прочно, чтобы он мог ее приподнять. Викторина сейчас тоже была в море, плыла к тем островам, где жесточайшее рабство взрастило дьявольский культ. Некогда она и вправду была чистой и невинной, как казалась. Но только ли под влиянием Д'Лиса стала она жрицей темной секты? Или зло было заложено в ней с рождения, нуждаясь лишь в легком толчке, чтобы пробудиться?

А Д'Лис, выходит, выжил, и я — не убийца. Однако я отлично сознавала, что если бы я столкнулась с ним, я бы снова прибегла к любому оружию, какое бы оказалось под рукой.

Значит, и во мне тоже была жестокость. Я вздрогнула. Как мало мы знаем о себе, пока судьба не испытает нас. Кто я теперь?

Я смутно ощутила, что к скамейке, на которой я скрючилась, кто-то подошел. Я отвернулась, хотя знала, что мое избитое лицо не видно сквозь вуаль. Мне не хотелось оставлять

скамью, омываемую последними лучами солнца, жалко было уходить от чистого дыхания моря.

— Тамарис...

Я до крови прикусила губу, отказываясь верить, что слышу свое имя, произнесенное этим голосом.

— Тамарис! Не отворачивайтесь от меня.

Между нами был один лишь шаг, и его рука сжала мое запястье с такой силой, что я не могла бы вырваться без борьбы.

— Пустите меня! Ради всего святого, дайте мне уйти!

— Не раньше, чем мы поговорим. Думаете, от меня так легко сбежать?

Я по-прежнему отворачивалась от него. Он стоял прямо передо мною, закрывая собой заходящее солнце.

— Кто вам сказал, где я? Фентон?

— Фентон сохранила вам верность. Я не получил бы письма до вашего отъезда. — Сейчас ярость в его голосе улеглась, но ему приходилось так себя сдерживать, что я чувствовала это напряжение. — А за то, что я знаю, спасибо Амели!

— Амели? — Ему удалось отвлечь меня от моих невеселых мыслей. — Ей-то что за дело до меня?

— Вы спасли ей жизнь, когда эта чертова кошка бросила ее умирать. Да, у Амели тоже своя роль в вашей истории. А теперь вам придется выслушать меня!

Он сел рядом — без приглашения. Я поняла, что если попробую сбежать, он удержит меня силой. Я все еще смотрела в сторону, но уши заткнуть не могла.

— Вы обязаны Амели... Мы обязаны ей очень многим, Тамарис. Она благодарна вам не только за спасение от смерти, но и за то, что вы забрали этот браслет с пауком...

— Но...

— Эта мерзкая штука была символом власти Викторины над ней. Та внушила бедной суеверной девушке, что тварь на браслете оживет и закусает ее, если она не будет выполнять каждый каприз Викторины, а если она потеряет или сломает браслет, ее ждет немедленная мучительная смерть. Но когда вы забрали браслет, Амели твердо уверовала, что вы приняли на себя его проклятье. И в конце концов вы вернули его Викторине, которая его положила. Амели, таким образом, жила в рабстве, в более черном и изощренном рабстве души и мозга, чем любое рабство тела.

— Но Амели, казалось, была так предана Викторине... — возразила я.

— Это было единственным спасением для нее, как часто

твердила ей Викторина. Либо полное подчинение, либо дьявольская месть.

Как ошиблась я, приписывая Амели злые помыслы, в то время как роли в этой истории были прямо противоположны!

— Это Амели, — продолжал Ален, — сообщила нам об убежищах Д'Лиса и рассказала о заброшенном ранчо, которое он превратил в свой храм. Хотя он ехал с нами с Востока в том же поезде, держа связь с Викториной через Амели, своих людей он выслал вперед. Это были островитяне, фанатики вуду, верившие, что Д'Лис — воплощение одного из их проклятых богов, Барона Самеди, повелителя смерти. Видите-ли, Викторина и Д'Лис действовали по плану; они не готовили никакого побега, — Ален жестко усмехнулся. — Согласно этому плану она разыгрывала роль «jeune fille», причем достаточно удачно, чтобы обмануть нас всех. Я был был убежден, что она — невинная девушка, которой вскружил голову ловкий негодяй. До тех самых пор, пока я не увидел ее в храме, я не верил в то, что рассказала мне Амели после моего возвращения в Сан-Франциско. Нет, Викторина вовсе не собиралась бежать с бедным поклонником. Она задумала игру покрупнее... со мной!

— Но как...

— Действуя методами вуду, в силу которых они твердо верили. Вы видели один из них — «гри-гри», который Викторина заставила Амели подложить мне на стол.

— Но вы ведь не их единоверец. Как же они надеялись повлиять на вас?

— Они истово верили в свои силы, Тамарис. И, странное дело, абсолютная вера как в добро, так и в зло может привести к странным последствиям. Они начали работать со мной традиционными методами «гри-гри», направив, как они полагали, свою силу на меня. Скажите, Тамарис, вы не находили ничего подобного среди собственных вещей? Амели ушла от ответа, но я уверен — ей было в чем признаться.

— Был маленький мешочек, спрятанный в шов моей шали, но я его уничтожила. И, возможно, восковая фигурка. — Я рассказала о грубой фигурке, найденной мной в рабочем столе.

— Да. Это их рук дело. Позднее они прибегли бы к наркотикам.

Меня затрясло от нахлынувших воспоминаний.

— Тамарис! — Его руки обхватили меня, но я принялась яростно отбиваться. Его прикосновение было для меня непереносимо. — Тамарис! В чем дело?

— Отпустите меня, умоляю вас! Не надо!

— Конечно... — Он тут же отпустил меня, а когда снова

заговорил, голос его был сух и деловит, будто мы обсуждали какие-то деловые вопросы. — Позднее они прибегли бы к наркотикам. Они планировали сломать мою волю, вероятно, лишить власти над телом и рассудком — тогда Викторина могла бы взять под контроль семейные дела. Если верить Амели, в их распоряжении были такие дьявольские зелья, какие могут заставить человека выполнить любой приказ, пока он под действием отравы. Привыкнув к ней, жертва начинает умолять о новых, все больших дозах, пока не будет полностью порабощена. К счастью, деловые интересы требовали моего отсутствия после вашего приезда. Они были еще не готовы действовать, и вдобавок, не были защищены от контратаки.

Да, сразу по прибытии в Сан-Франциско они обнаружили соперницу, особу, находившуюся в столь выгодном положении и располагавшую такими силами, что ситуация для них сделалась небезопасной. Они были вынуждены защищаться еще до того, как нанесли первый удар.

— Вы имеете в виду миссис Плезант? Выходит, это правда, что она практикует вуду? — Его история отвлекла меня от собственных страданий, и я больше думала о том, что он скажет, чем о случившемся со мной, прежде чем осознала, что происходит.

19

— Да, Мэмми Плезант. Но вы говорите так, словно знаете ее...

Я уловила некую испытующую ноту в этом утверждении, в остальном прозвучавшем, скорее, как вопрос.

— Знала, но давно, еще до войны. Мой отец был аболиционистом, он ненавидел рабство. «Королева Индии» иногда тайно перевозила беглых рабов. Она звалась тогда миссис Смит и помогала переправлять таких беглецов. В первый же мой день в Сан-Франциско она увидела меня и прислала письмо, предлагая обратиться к ней, если я окажусь в беде.

Он кивнул.

— Да. Теперь я знаю, что ей и ее людям было известно о Д'Лисе и его планах. Поэтому ей необходимо было связаться с вами, чтобы обеспечить наблюдение за Викториной. Мэмми Плезант — женщина сильная, именующая себя «Королевой вуду». И в таком качестве она не собиралась отказываться от влияния на Д'Лиса. В верованиях вуду, как мне говорили, вся

власть принадлежит королеве, а любой жрец ей подчинен — так почему бы не Д'Лис? Но с Викториной, как с соперницей — это другое дело.

Ален словно складывал китайскую головоломку, кусочек к кусочку. При всех ее разговорах о долге перед моим отцом (что вполне могло быть искренним, и я не сомневаюсь, что она бывала абсолютно честной, когда это не противоречило ее целям), миссис Плезант имела основательные причины желать подчинить себе Викторину. И если бы я послушала ее, я тоже стала бы одной из пешек в ее игре.

— Преследуя Д'Лиса, мы ворвались в «Петух» сразу после того, как вас оттуда увезли. Сели рассказала всю правду, когда капитан Лейз слегка на нее надавил. Он мог стереть ее в порошок, и она это прекрасно знала. Но люди Д'Лиса, должно быть, скрывавшиеся поблизости, нашли его на улице оглушенного, почти мертвого. К тому же они добрались до Викторины и освободили ее, когда миссис Плезант вызвали к Лэнтинам.

— Я думала, что убила его... Д'Лиса, — тускло сказала я. Прежний ужас вновь окутал меня, словно окровавленный плащ.

— Я бы сам это сделал, если бы мог до него дотянуться! — Мрачность Алена заставляла в это поверить. — К несчастью, на Берегу было два притона. Мы разделились. Лейз и его люди направились в главный, а я был на пути к другому, когда встретил Уиккера и он рассказал мне о том, что видел. Они вместе с Ковенсом пытались освободить вас, но были избиты громилами Бесси. Фактически только мое появление с двумя полицейскими Лейза предотвратило убийство. Уиккер побежал за своей командой, а я отыскал окно. Потом... после того, как я спустил вас на улицу, парни Бесси всем скопом напали на меня. Когда я отбился от них, вы исчезли.

— Они поджидали... Люди Д'Лиса... И чем-то одурманили меня...

— Эти проклятые наркотики! Еще раньше они так же захватили одного из наших людей. Однако Амели рассказала нам о ранчо, хотя точно не знала, где оно находится. Мы потратили на поиски больше половины дня и едва не опоздали. Когда мы вошли и увидели... — он крепко сжал мою руку.

— Вы отослали их... Викторину и Д'Лиса.

Черты его индейских предков вновь проступили на его лице, и я уже знала, что под этой маской скрывается ярость, которой не позволяет выплеснуться лишь величайшее усилие воли.

— Они уехали. Хотел бы я заставить их страдать за все, что они сделали и собирались сделать. Но для суда у нас было мало доказательств, намерения же не есть действия. Если бы мы по-

старались их добыть, они могли бы погубить и невинных людей. Думаете, я бы допустил, чтобы вы, Тамарис, давали перед любопытствующей толпой показания о том, что с вами делали?

Представив нарисованную им картину, я содрогнулась и телом, и душой. Ален, должно быть, уловил мое движение, как ни слабо оно было, потому что осторожно положил руку на мои судорожно стиснутые ладони.

— Нет, нельзя было позволить, чтобы они в своем падении увлекли за собой и других. Когда я увидел Викторину, она была словно одержимая дьяволом. Я почти поверил в старые сказки о демонах, принимающих обличья прекрасных женщин.

— Но она больше не сможет причинить вам вреда? — осмелилась я поинтересоваться.

— Нет, благодаря двум отважным женщинам.

— Миссис Билл? — предположила я.

— Откуда вы узнали о ней? — быстро спросил Ален.

— Совершенно случайно. И я никогда не повторю того, что слышала.

— Она будет благодарна вам за молчание. За ошибки юности она заплатила страданиями, многократно превышающими их. Когда она вышла замуж за моего отца, она была очень молода и, как я впоследствии узнал, сделала это не по своей воле. Брак был заключен по желанию семьи, как это часто бывает во Франции, хотя она любила другого. Она ненавидела эту страну и, насколько я могу припомнить, боялась моего отца. Он не принадлежал к людям мягкосердечным и был слишком поглощен своими деловыми проектами. К тому же, он ее осуждал за легкомыслие, и пытался перекроить ее по образу моей матери, представлявшей собой совсем иной тип женщины. Результат оказался плачевным, как и следовало ожидать. Но как много обвинений было возведено на нее по ошибке, я узнал лишь когда миссис Билл пришла ко мне, чтобы предоставить мне право пресечь любые притязания Викторины. Она обладает огромным мужеством: ведь она была уверена, что я буду к ней так же безжалостен, как отец, и ей придется снова пострадать за свое прошлое.

Я могла только порадоваться за несчастную женщину, виденную мной у миссис Плезант. И еще больше — за то, что Ален оказался таким, каким есть.

Итак, теперь история была рассказана полностью. Но зачем он последовал за мной? Только чтобы рассказать ее? Точно так же он мог бы изложить все и в письме.

Раздался свисток парома — мы причаливали. Пришло время

попрощаться, причем с твердостью, исключающей любые дальнейшие отношения между нами. Я встала, плотнее закутавшись в плащ. Солнце уже село, дул холодный ветер, сравнимый с ознобом, охватившим мое сердце. Неужели я больше никогда не согреюсь? Печаль со временем минет, но есть нечто, с трудом забываемое как рассудком, так и чувствами.

— Меня ждет Тереза. Вы были очень добры...

Я старалась подобрать формальные слова — слова, которые со всей скучной правильностью убедили бы его в моем отчуждении, — чтобы доказать ему: он ничего мне не должен.

— Куда вы собираетесь ехать? — Он встал между мной и выходом, словно часовой в узилище.

— Обратно на Восток.

— В Эшли-Мэнф?

— Возможно.

Ален покачал головой.

— Думаю, нет. Вы не сможете больше служить образцом леди-наставницы, Тамарис.

Удар был так внезапен, так жесток, что я не сразу смогла поверить, что слышу это от него. А поверив, застонала как смертельно раненое животное.

— Что с вами? — Он снова схватил меня за руку и крепко сжал. Затем оглянулся на толпящихся вокруг нас пассажиров, спешащих на пристань. — Нам нельзя здесь оставаться. Слишком много народу... идем!

У меня не было сил противостоять ему, и он потащил меня за собой, прежде чем я успела возразить. В мгновение ока я оказалась в экипаже, и уже оттуда увидела, как Ален разговаривает на пристани с Терезой. Она повернулась и поднялась на палубу парома раньше, чем я успела ее окликнуть, оставив нас с Аленом одних. Он перекинул мой саквояж кучеру, а сам уселся рядом со мной.

— Вы должны позволить мне уехать! Я не могу остаться...

Тупая головная боль усилилась, я снова ощутила головокружение.

— Успокойтесь. Я отвезу вас к друзьям, которые будут вам очень рады. Еще до отхода парома из Сан-Франциско я послал им телеграмму.

Его прикосновение, его голос были так нежны, хотя лишь минуту назад он бросил мне в лицо напоминание о моем бесчестии, лишившим меня права учить юных девушек. Я была измучена, почти больна. И была еще менее способна возражать ему, чем бороться с наркотиками вуду.

— Вам понравятся Коллмеры. Они старомодны. Пересекли

континент в пятьдесят четвертом. Он составил небольшое состояние на золотых приисках и построил «Коллмер Хауз», небольшой и тихий семейный отель.

Я не отвечала, сохраняя всю оставшуюся энергию для поединка характеров, который, чувствовала я, нам еще предстоит. Он больше ничего не сказал, даже не смотрел на меня. Лицо его было неподвижным и суровым — «индейское» лицо. Наконец, экипаж остановился перед трехэтажным зданием, и Ален помог мне выйти.

В дверях нас приветствовали сами Коллмеры — седовласая, пожилая и значительно более благородная чета, чем многие из тех, кого я видела в позолоченном блеске города по ту строну бухты. Когда они заговорили, я узнала выговор Новой Англии.

Миссис Коллмер сразу проводила меня в небольшой номер из двух комнат — гостиной и спальни.

Я огляделась и вздохнула с облегчением. Здесь не было ни красного бархата, ни мрамора, ни позолоты. Кремово-белые занавеси, мебель, обитая старомодным ситцем спокойных тонов. Я словно шагнула из кошмара в прохладу, чистоту, тишину и покой.

Хозяйка сказала, что обед будет подан в номер, за что я была ей искренне благодарна. Едва она ушла, и я отколола плотную вуаль, освободилась от шляпы и плаща, то сразу подошла к зеркалу на стене и встала против него, изучая свое отражение. Так я заставляла свои мысли вновь обратиться к прошлому, чтобы укрепиться в решимости немедленно оставить это прошлое позади.

Услышав, как открывается дверь, я быстро обернулась. За мной стоял Ален, и я сознательно повернулась так, чтобы безжалостный свет падал на мое избитое, обескровленное лицо. Да, синяки сойдут, но останутся иные, скрытые отметины, которые я буду чувствовать, сколько бы не прошло времени.

— Теперь у нас есть время поговорить наедине. — Он сразу перешел к делу, причем с прямотой, которую я могла только приветствовать. — Я должен знать, Тамарис, причину этой глупости... Почему вам загорелось уехать, и почему вы так со мной обошлись. О, у Фентон острый глаз, и она рассказала мне о вашей реакции на это.

Он извлек из кармана белую нефритовую чашу. Он держал ее в горсти, словно оберегая сокровище, каким она, собственно и была.

— Зачем вы заставляете меня, — спросила я, — прибегать к словам, которые не следует слышать джентльмену?

— Сейчас не время для вежливых околичностей. Мне нужна правда! Я уже давно усвоил, что право существовать имеют только те отношения, которые опираются на правду. И от вас, Тамарис, я теперь требую правды. Я знаю, что вы не могли смотреть на эту вещь, но она так сильно потрясла вас, что вы сразу же кинулись в этот безумный побег, хотя с трудом держитесь на ногах. Вы должны объяснить мне, в чем тут дело.

Я заставила себя смотреть ему прямо в лицо, хотя встреча с его взглядом страшила меня, как пытка.

— Вы прислали мне подарок, который можно сделать только... — я отчаянно искала правильное слово, — чистой...

У него на скулах выступили багровые пятна. Во взгляде была такая безжалостность, словно на меня смотрела сама смерть.

— Значит, Д'Лис... он заставил вас... — Похоже Ален испытывал ту же трудность в подборе слов, что и я.

— Нет! Но он... все они сделали меня соучастницей своего зла. Они заставили меня почувствовать себя нечистой. Я уже никогда не стану прежней, я всегда буду помнить... Вы уже это поняли — зачем же заставлять меня говорить? Это жестоко! Совсем недавно вы сами попрекнули меня тем, что я не могу вернуться в Эшли-Мэнф, что порядочные люди больше не захотят общаться со мной...

— Попрекнул?! — Он мгновенно оказался рядом со мной. — Девочка, ты с ума сошла! Тебе нечего стыдиться. Такой отвагой мог бы гордиться любой мужчина! Я сказал, что две отважные женщины освободили меня от сетей, которые плела Викторина. Одна была Миссис Билл, а вторая это ты, Тамарис!

Я не могла вырваться, он держал меня как в тисках. Его губы сначала нежно коснулись моей избитой щеки, а потом пылко и требовательно прижались к моим губам. И воля, что поддерживала меня, растворилась... исчезла...

Пол ушел у меня из-под ног.

— Тамарис! — Голос Алена стал хриплым от страха. Потом я вдруг очутилась на кушетке — это он меня туда перенес.

— Я так устала... — Но секундой позже, я нашла в себе силы спросить: — Ты понимаешь, что ты сказал?

— Я никогда не скажу тебе ничего, кроме правды, Тамарис.

Он сказал это так, будто приносил клятву. И снова, как в мимолетные мгновения после моего первого пробуждения я ощутила, что все тяготы жизни спали с меня, что мне легко и свободно. Легкость, свобода и счастье!.. Счастье рекой хлы-

нуло в меня, разом заполнив пустоту, о которой я раньше и не подозревала.

Мы поженились на следующий день, Коллмеры согласились быть свидетелями. Я не вернулась в Сан-Франциско, но мирно жила в «Коллмер-Хауз», пока Ален уезжал и приезжал, завершая свои дела. Теперь он воплощал давно вынашиваемый план — перенести в ближайшие годы штаб-квартиру своего бизнеса на Восток.

Меня посетила Фентон, с ней была Амели, которой Ален обещал поддержку. У девушки не было желания возвращаться на свои родные острова или во Францию. Поскольку она была искусной портнихой, Ален вскоре помог ей открыть собственное дело.

Но возвращаться в город, столь переполненный страшными воспоминаниями, он мне твердо запретил. Я больше никогда не слышала ни о миссис Плезант, ни о ее таинственной «власти». Возможно, она отнесла меня в графу убытков в своем гроссбухе, а возможно, она была абсолютно искренна в своем желании помочь мне. Я никогда этого не узнаю, да и не хочу узнавать.

В конце месяца мы снова были в поезде, он шел на сей раз на Восток. Там Ален нашел для нас дом — спокойный и мирный уголок в окрестностях Гудзона. Здесь нет ни красного бархата, ни позолоты, ни мрамора. Большинство светских знакомых Алена нашли бы его удручающе старомодным. А мне он нравится.

Теперь я жду у окна возвращения Алена... и счастья. Возможно, наша любовь не всегда будет такой же, первоначальный безумный восторг усмирится, перейдет в устойчивую привязанность. Но Ален останется всегда. А большего мне и не надо.

Историческая справка о «Мэмми» Плезант

Мэри Элен Плезант принадлежала к тем людям, чья жизнь была переполнена такими невероятными событиями, каких не позволяет себе выдумать ни один романист. Рожденная в рабстве от матери-квартеронки, кстати, известной жрицы вуду, она еще в раннем возрасте поставила себе целью не только освободиться от рабской зависимости, но и приобрести власть над расой рабовладельцев.

В детстве она была продана и послана на Север. Ее расовую

принадлежность скрыли, чтобы она могла получить хорошее образование. После смерти хозяина ее рабское положение осталось неизвестным тем, кто стали ее опекунами. Она уехала в Новую Англию и поступила к одной из тех неустрашимых женщин, кто, как и многие другие жены китобоев, самостоятельно вели бизнес во время долгих отлучек мужей-моряков.

Как в доме, так и в магазине Мэри Элен оказывала неоценимую помощь и заслужила доброжелательную привязанность дочери своей хозяйки — жены капитана. После смерти хозяйки она перешла в дом ее дочери, где была принята не как служанка, а как лучшая подруга. Тогда же она начала активную деятельность в «Подземной железной дороге»* аболиционистского движения. Достигнув в этой организации высокого положения, она познакомилась с Джеймсом Смитом, плантатором из нынешней Западной Виргинии, и вышла за него замуж. Ненавидя рабство, Смит освободил собственных рабов и активно способствовал бегству чужих. По смерти Смита Мэри Элен употребила почти все состояние, которое он ей оставил, на продолжение его дела. В это же время она вступила в тайный брак с Джоном Плезантом, надсмотрщиком-октороном, которому ее бывший муж абсолютно доверял. Но этот брак продлился недолго, и вскоре Джон Плезант уехал в Калифорнию. Это были времена Золотой Лихорадки.

Мэри Элен осталась одна. Переодеваясь и перевоплощаясь, она разъезжала по всему Югу, побуждала рабов к бегству, и помогала им в этом. Будучи отличной кухаркой, и искусно скрывая свою смешанную кровь, она переходила от одного богатого работодателя к другому. В Нью-Орлеане, ища новых способов держать в страхе тех, с кем она ведет дела (чтобы можно было не опасаться предательства), она обратилась к вуду, научившись техническим приемам у великой «королевы» Мари Лаво.

Однако возникли подозрения, и Мэри Элен пришлось спешно бежать из Нью-Орлеана на корабле, идущем в Калифорнию вокруг мыса Горн. В этом плавании корабль принял много пассажиров из Чили, среди которых был Томас Белл. Использовав свой талант распознавать тех, кого она может использовать, Мэри Эллен сделала Томаса Белла своим любовником, и ко времени прибытия в Сан-Франциско он полностью был под ее влиянием.

Своими кулинарными талантами Мэри Элен зарабатывала пятьсот долларов в месяц, управляя одной из тех знаменитых гостиниц, что первоначально были предназначены для бездом-

* «Подземная железная дорога» — система явок, предназначенная для отправки беглых рабов в Северные штаты.

ных, но богатых и удачливых золотоискателей. Беллу она не только предоставила средства для спекуляции, но и направляла его действия, сделавшись его «немым партнером» к их значительной взаимной выгоде.

Для негров в Калифорнии она стала не только «Королевой вуду», обладающей неограниченной властью, но и истинной благодетельницей. Используя лазейки в местных законах, она препятствовала насильственному возвращению беглых рабов на юг, а свободных устраивала на работу. В кратчайшее время она приобрела прачечную, салун, извоз, где штат был укомплектован из тех, кто имел веские причины испытывать к ней благодарность.

Узнав о восстании Джона Брауна на Востоке, Мэри Элен вернулась туда с десятью тысячами долларов на поддержку его дела. Она прибыла слишком поздно и не успела помочь Брауну. Ее деятельность на протяжении следующего года (или около того) до сих пор скрыта покровом глубокой тайны. Рассказывают, что Мэри Элен, переодетая мужчиной, путешествовала по Югу, пытаясь разжечь мятеж среди рабов.

Если такие попытки и были, они ни к чему не привели, и она вернулась в Калифорнию.

Во время Гражданской войны она оказывала большую материальную поддержку делу Федерации. Тайно, исподволь она начала плести собственную паутину власти, которая со временем оплела даже дворец губернатора.

В домах, пользующихся дурной славой, она осторожно вербовала недавно поступивших девиц, которые, по ее мнению, обладали внешностью и манерами порядочных девушек. Им — принадлежащим к белой расе — она давала образование, обучала их светским манерам. Некоторые из них вступали в устроенные ею «выгодные» браки, другие становились любовницами влиятельных людей. Одновременно она принимала недавно освобожденных рабов, и через свое же агентство по найму прислуги помещала их в отели, рестораны и частные дома в качестве своих глаз и ушей.

Ее состояние росло. Белл сделался чрезвычайно уважаемой фигурой в бизнесе, хотя мало кто знал, что за ним стоит одна из самых замечательных женщин своего поколения.

Внешне Мэри Элен оставалась первоклассной прислугой, домоправительницей миллионера. Одевалась она в старомодном стиле, никак не выказывая ни своей силы, ни богатства.

Если для достижения своих целей она прибегала к взяткам и шантажу, то это делалось тайно и так ловко, что не оставалось никаких улик.

Многие, знавшие ее доброту и благодеяния, почитали ее почти как святую. Но шепотом о ней передавались самые мрачные слухи.

Наконец она вложила большую часть своего состояния в постройку знаменитого «таинственного дома» со множеством секретных ходов, ошеломляющей роскошью и заграничной обстановкой. Он стал домом Томаса Белла, и там же он умер неожиданной и подозрительной смертью.

Хотя Мэри Элен имела там квартиру, она, по-видимому, никогда ее не занимала. Жена Белла, одна из протеже Мэри Элен, была единственной хозяйкой под этим кровом.

Никому не известно, что стало с огромным богатством Мэри Элен. После того, как она, добиваясь своих целей привычным путем шантажа, совершила одну роковую ошибку, ее власть в обществе Сан-Франциско пошла на убыль. Времена менялись, общество стремилось забыть о грязных пятнах на своем прошлом.

Умерла она в бедности, но так и осталась загадкой, ибо запутанные интриги, стоявшие за всеми ее поступками, так никогда и не прояснились, даже не вышли из разряда гипотез. Но в шестидесятые, семидесятые и восьмидесятые года прошлого века она правила большей частью Сан-Франциско, сама пребывая в тени.

СОДЕРЖАНИЕ

Мастер зверей
перевод с англ. Т. Завьяловой 5

Бог грома
перевод с англ. Т. Завьяловой 177

Бархатные тени
перевод с англ. Н. Резановой 325

Андре Нортон

МАСТЕР ЗВЕРЕЙ

Ответственный за выпуск С. Ульянов
Художественный редактор Е. Лиманова
Технический редактор М. Александров
Корректор Г. Шиханов

Подписано к печати 4.06.93. Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Бумага типографская. Гарнитура тип. «Таймс». Офсетная печать.
Усл. печ. л. 28,56. Уч.-изд. л. 36,4.
Тираж 50000 экз. Зак. N 3046. «С» — 009.
НПП «Параллель», 603106 г. Н. Новгород
ул. Васюнина, 1/1.
Фирма «Фрегат», 603003 г. Н. Новгород,
ул. Культуры, 15.
Издательство «Филин» 300026 , г. Тула, Волнянского, 2
(ЛР N 040628 от 14.05.1993 г.)
Отпечатано с готовых диапозитивов НПП «Параллель»
на арендном предприятии «Курск»,
305007 г. Курск, ул. Энгельса, 109.